

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Вторая Международная
научно-практическая конференция**

18–20 мая 2011 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2011**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:
В.М. Крылов (председатель), *С.В. Ефимов*, *В.И. Кобякова*,
С.В. Успенская, *Ю.В. Утянский*

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Материалы Второй Международной
научно-практической конференции

В двух частях

Часть 2

© ВИМАИВиВС, 2011
© Коллектив авторов, 2011

ISBN 978-5-903501-13-7

Л.К. Маковская, П.В. Горегляд, Н.В. Ломакин
(Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ РУССКОЙ АРМИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Выбор темы исследования был определен возможностью более объективно рассмотреть этот период в истории оружейной техники. Общеизвестно, что во второй четверти XIX в. происходит интенсивное развитие ручного огнестрельного оружия. Это бесспорное обстоятельство отмечено всей оружейведческой и специальной военной литературой. Но сам процесс совершенствования оружия дан несколько односторонне и неполно. Отсутствуют сведения о деятельности русских оружейников, военных специалистов в разработке новых образцов ударного, нарезного, казнозарядного оружия. По сути, не представлена и работа «Комитета, высочайше утвержденного (учрежденного) для решительного заключения о лучшем устройении штуцеров и ружей 8 октября 1830 г.»¹ (далее – Комитет. – *Прим. авт.*), не отражено проведение всех испытаний, а главное – отсутствует заключение о пригодности предложенных опытных образцов.

По неизвестной причине В.Г. Федоров в работе «Вооружение русской армии за XIX столетие», без какого-либо комментария, отмечает деятельность Комитета только с 1839 по 1844 гг. и приводит список конструкторов и изобретателей, в основном, иностранных, опытные модели которых испытывались и рассматривались в Комитете². В.Е. Маркевич повторяет изложенное В.Г. Федоровым³.

По-видимому, оба автора и не считали нужным раскрывать эту сторону деятельности, поскольку отсталая Россия все равно вынуждена была заимствовать для перевооружения своей армии французскую ударную систему. На наш взгляд, такое заключение

не только не справедливо по отношению к отечественным оружейникам, но и не соответствует действительности.

В современных исследованиях период перевооружения ударным оружием отражен значительно шире: в статьях Валентина Владимировича Мавродина⁴ отмечено участие русских оружейников в этом процессе, названы и имена конструкторов, чья роль, по мнению автора, была значительной, в частности, К.И. Поппе, Э. Коллета, Эртелу (Гертелу), генерал-майора Рамзая.

В работах Игоря Пинка, главным образом в его диссертации⁵, процесс перевооружения рассматривается с точки зрения влияния иностранных образцов на разработку отечественных моделей. Им достаточно подробно приводятся конструкции наиболее значимых иностранных систем: Робера, Шаруа, Вителока, Э. Коллета. Правда, иногда их описание делается по сохранившимся образцам, которые могут нести и в большинстве случаев содержат изменения, появившиеся в результате испытаний. Но что очень важно, И. Пинк категорически опровергает устоявшуюся точку зрения о консерватизме военного ведомства в царствование Императора Николая I и отдает должное русским оружейникам, стремившимся использовать передовые зарубежные достижения в области стрелкового оружия.

Однако оба автора рассматривали ход испытаний фрагментарно, без учета существовавших специально выработанных программ изучения опытных образцов.

В процесс перевооружения русской армии ударным оружием были вовлечены лучшие отечественные конструкторы, мастера, военные специалисты, которые, помимо испытания и усовершенствования иностранных образцов, разрабатывали собственные модели. Появление ударного замка давало возможность перейти к дальнейшему усовершенствованию нарезного оружия, в частности штуцеров, к повышению их дальности и меткости, а также к конструированию систем оружия, заряжающегося с казенной части. Но в первую очередь решалась судьба самого ударного замка – следовало выбрать механизм, который был бы надежен и удобен в эксплуатации, одновременно прост в устройстве, а следовательно, в изготовлении, недорого обошелся бы казне, так как России предстояло применить ударный замок не только к новым образцам оружия, но и переделать более 350 тысяч кремневых ружей в ударные. Решение этой задачи потребовало огромного напряжения

интеллекта, физических и финансовых затрат, а подчас мужества и принципиальности участников процесса.

Недооценка роли отечественных оружейников в рассматриваемый период привела к ряду ошибок в определении сохранившихся оружейных памятников. Так, созданные в 1833 г. старшим смотрителем работ на Сестрорецком оружейном заводе К.И. Поппе несколько образцов нарезного казнозарядного оружия с ударным замком были определены известным историком оружия Л. Тарасюком как конструкции Н. Лебница⁶.

По-видимому, даже такому высококвалифицированному специалисту, как Тарасюк, не приходило в голову, что столь оригинальную конструкцию мог создать русский оружейник. Эту же версию изложил в своей работе Валентин Владимирович Мавродин⁷. На самом деле Лебниц предложил свою конструкцию казнозарядного карабина русскому правительству только в 1838 г. 24 октября этого же года генерал-фельдцейхмейстер лично предписал Комитету рассмотреть карабин и дать свое заключение. 26 октября на заседании Комитета выяснилось, что конструкция, подобная карабину Лебница, «давно известна». Такое оружие ранее изготавливалось на Сестрорецком оружейном заводе, но для введения на вооружение оно не годилось. 26 ноября 1838 г. председатель Комитета генерал-адъютант Храповицкий доносил Его Императорскому Высочеству генерал-фельдцейхмейстеру: «Во исполнении повеления Вашего Императорского Высочества от 24 минувшего октября за № 888, Комитет, рассмотрев улучшенный Лебницем карабин, – находит, что подобного сему устройства карабины давно уже известны и по отзыву члена генерал-майора Рамзая таковые приготавливались на Сестрорецком оружейном заводе для Его Императорского Величества и Вашего Высочества. Но для введения в употребление в войска оказались по многосложности механизма и по затруднительной разборке для солдата – совершенно неудобными, в чем Комитет и ныне согласился»⁸.

Полагаем, что в настоящее время мы можем с полным основанием утверждать, что оружие, изготовленное в 1833 г. К.И. Поппе – штуцер, карабин и винтовка его конструкции – выполнено как подарочный вариант.

Но вернемся к более ранним образцам опытного оружия, которое рассматривалось в Комитете. Летом 1833 г. бывший оружейный мастер Варшавского арсенала Бертран предложил русскому

правительству пехотное ружье с ударным замком своей конструкции (рис. 1).

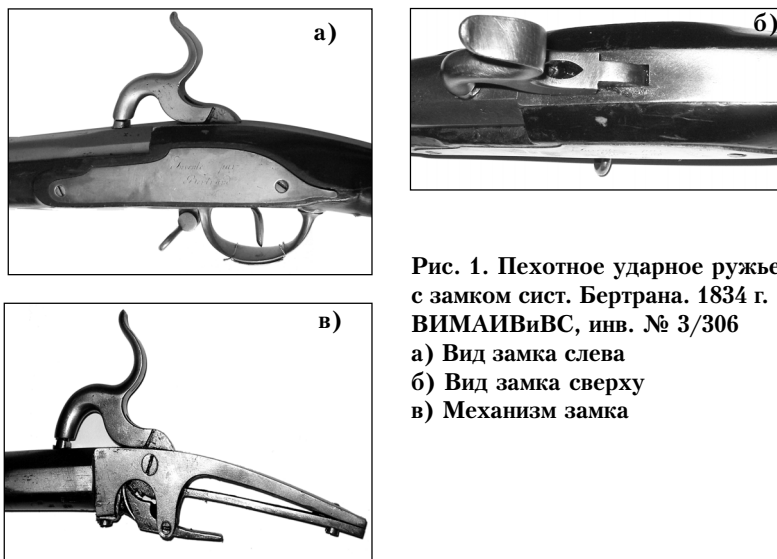

Рис. 1. Пехотное ударное ружье с замком сист. Бертрана. 1834 г.

ВИМАИВиВС, инв. № 3/306

а) Вид замка слева

б) Вид замка сверху

в) Механизм замка

По распоряжению генерал-фельдцейхмейстера, оно было сразу же направлено на испытание в лейб-гвардии Финский батальон. Проводивший испытания полковник Рамзай высоко оценил качество ружья, отметив, что оно обладает большей дальностью и меткостью, чем все ранее находившиеся у него на испытании образцы. 15 января 1834 г. ружье Бертрана было представлено на рассмотрение в Комитет, который, после тщательного изучения его конструкции, дал отрицательное заключение – конструкция замка не нова и не имеет преимуществ перед уже существующими замками. Более того, замок, расположенный на хвостовике казенного винта, усложняет необходимую регулярную промывку ствола. Его детали, не отличаясь конструктивно от деталей существующих замков, имеют гораздо большие размеры, а, следовательно, на их изготовление потребуется больше металла и времени. И последнее – курок, врезанный в хвостовик казенного винта, образует два отверстия, через которые неизбежно будет проникать влага, что приведет к порче замка. Решение Комитета было единогласное: данное ружье «не заслуживает одобрения и введения на вооружение в войсках»⁹.

В апреле 1834 г. в ответ на предложение военного министра вновь рассмотреть в Комитете ружье Бертрана, ссылаясь на отзыв о нем полковника Рамзая, генерал-адъютант Храповицкий написал, что заключение Комитета остается неизменным, а что касается отзыва полковника Рамзая, то он «относиться может только к доброте ствола, который был отделан им [Бертраном. – *Прим. авт.*] со всей тщательностью искусного мастера, каков г. Бертран»¹⁰.

В коллекции ВИМАИВиВС хранится ружье оружейного мастера Бертрана (инв. № 3/306). По существу, это обычное пехотное ружье обр. 1828 г., к которому приделан ударный замок. Оно тщательно отделано и, судя по всему, изготовлено в собственной мастерской Бертрана. На ложе ружья справа и слева имеются металлические пластинки с надписями на одной: «Invente par Bertrand», на другой: «ASt-Peterbourg».

В документах упоминается еще об одной модели мастера Бертрана с механизмом для насаживания колпачков. Что это была за конструкция, судить трудно, поскольку она не рассматривалась в Комитете, а само ружье мастер оставил у себя. Известно только, что этот образец предполагалось испытать вместе с ружьем системы Шаруа¹¹, сведения о таких испытаниях пока не обнаружены.

С 1833 г. в России испытывалась одна из интереснейших моделей ручного огнестрельного оружия второй четверти XIX в. – ударное казнозарядное ружье системы *a la Robert*. В отечественных документах и литературе оно получило название ружье Робера или Роберта. Эта система известна специалистам. Она упоминается в той или иной степени подробности в основной отечественной и зарубежной оружейведческой литературе¹².

В данном случае нас интересует отношение русских военных к системе Робера. В начале октября 1833 г. французский механик Велле предложил русскому правительству усовершенствованное им ударное казнозарядное ружье системы Робера. И почти сразу же, 9 октября, была объявлена высочайшая воля Императора Николая I о предоставлении рабочего помещения Велле в С.-Петербургском арсенале и выделении на Волковом поле места для проведения опытных стрельб, для чего повелевалось привлечь лучших стрелков из лейб-гвардии Егерского и Финского полков. Кроме того, была высочайше учреждена специальная Комиссия под председательством генерал-адъютанта Храповицкого, на которую возлагалось детальное изучение конструкции, организация испытания

и составление окончательного заключения по поводу пригодности ружей системы Робера для введения на вооружение в войсках. Комиссия, в первую очередь, распределила обязанности между своими членами, поставив конкретные задачи каждому из них. Полковник Аммосов должен был тщательно изучить устройство ружья, прочность его механизма, а также надежность всех частей оружия. Полковнику Философову поручалось дать заключение по поводу новых патронов. Полковнику Рамзаю предстояло испытать ружья на предмет удобства заряжания, «силу и верность полета пули». И, наконец, флигель-адъютанту ротмистру князю Долгорукову следовало выяснить возможность применения карабинов и пистолетов с механизмом Робера в кавалерии¹³.

Уже к 22 ноября все члены Комиссии представили подробный материал о боевых и эксплуатационных качествах ружей Робера. Н.А. Аммосов прежде всего отметил, что запирающий механизм, от которого зависят удобство заряжания, безопасность выстрела и дальность полета пули, требует величайшей точности обработки. На оружейных заводах при современном оборудовании достичь ее невозможно. Придется прибегнуть к ручному труду, а это потребует лишнего времени и повысит стоимость изделия. Николай Алексеевич затронул и ряд недостатков в самой конструкции ружья: деталь («стальной язык»), прижимающая патронную иглу, выходит наружу и быстро окисляется; вызывает сомнение в надежности рычаг, поднимающий и опускающий запирающий механизм. В морозную погоду он вполне может примерзнуть к стволу, а в дождливую из-за разбухшей ложи с ним трудно будет справиться. Серьезные нарекания вызвал ударно-спусковой механизм. Самым слабым его звеном, по мнению Аммосова, является боевая пружина. Будучи мощной, требующей крепкой закалки, она при каждом выстреле нагревается, а затем охлаждается и потому «априори прочна быть не может». Второй недостаток заключается в том, что при натягивании боевой пружины для производства выстрела вся система испытывает большое давление. Были замечены недочеты в конструкции штыка и ложи, которые могли негативно сказаться при эксплуатации ружья. И все же Николай Алексеевич Аммосов выносит следующее заключение: «главное устройство ружья а la Robert доставляет величайшие выгоды» – скорость заряжания, следовательно, большая скорострельность, отмена шомпола, ослаблявшего ложу и портившего канал ствола, возможность

непрерывно вести прицельную стрельбу, так как пламя и дым при воспламенении пороха уже не угрожают солдату – «суть такие неоцененные достоинства, перед которыми вышеозначенные недостатки или несовершенства почти ничтожны и которые в общем объеме доставляют ружью a la Robert неоспоримое первенство над всеми до ныне известными»¹⁴.

Полковник Рамзай представил подробный отчет об испытании 8 ружей Робера, усовершенствованных механиком Велле. Всего было сделано 4800 боевых выстрелов. Опыты показали высокую скорострельность ружей (50 выстрелов в течение 10 минут непрерывной стрельбы), меткость и убийную силу пули. Однако они выявили ряд весьма важных недостатков – ненадежность боевых пружин, которую отмечал еще Аммосов, четыре из них сломались, а пятая до такой степени ослабла, что не годилась для стрельбы; у 5 ружей из-за накопившейся в механизме пороховой влаги и нагара отказали спуски. Вместе с тем, общее заключение о ружье Робера, сделанное Э.А. Рамзаем, было положительным. Недостатки, которые требуют безусловного исправления, не могут заслонить основные достоинства ружей Робера, считал Эдуард Андреевич, как то: скорость и удобство заряжания во всяком положении, в том числе и на бегу, «непрерывное без остановочное действие», верность и сила выстрела, в чем они не уступают даже штуцерам (напомним, что ружья Робера были гладкоствольные). Ружье, заряжающееся с казенной части, избавляет солдата от ошибки положить в ствол двойной заряд и сохраняет патрон при разряжении. А истечение пороховых газов вниз, а не в лицо стреляющего, «придает этому ружью важное преимущество». Полковник Рамзай считал, что ружье Робера следует подвергнуть серьезным длительным испытаниям. Для чего нужно изготовить 1000 ружей и отправить их в войска¹⁵.

О применении механизма a la Robert в кавалерии Комиссии было сообщено флигель-адъютантом князем Долгоруковым. Несмотря на то что испытанию подверглись только пистолеты (Велле не смог предоставить карабины), оно прошло настолько успешно, что не вызвало никакого сомнения в необходимости введения нового оружия. Кавалеристы очень быстро освоились с заряданием пистолета на коне и могли стрелять из него на всех аллюрах, одновременно управляя лошадью. Что почти исключено при существующем кавалерийском оружии. Если опыты с легкими карабинами

будут столь удачными, докладывал князь Долгоруков, то можно со всей определенностью сказать: «...введение оружия а la Robert в кавалерии несомненно сопряжено будет с величайшую пользою...»¹⁶.

22 ноября 1833 г. Комиссия, основываясь на информации, сохранившейся в докладах, пришла к выводу, что для дальнейшего исследования ружей Робера нужно иметь соответствующий материал. Полковнику Аммосову поручалось изготовить на Сестрорецком оружейном заводе два ружья, одно переделанное в березовой ложе, а другое новое – оба с механизмом Робера. Ему же предлагалось попытаться устранить недостатки, указанные полковником Рамзаем¹⁷. Одновременно Комиссия запросила Генеральный штаб, имеются ли в иностранных журналах публикации с описанием ружья а la Robert. Генеральный штаб, просмотрев все поступившие к нему за два года военные журналы, нашел лишь краткую заметку об изобретении Робера в № 150 «Journal de S. Petersburg»¹⁸.

А между тем, с января 1834 г. Комиссию засыпают письмами и из Штаба Гвардейского корпуса, и из Штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера, предлагая скорее дать заключение о ружьях Робера и деятельности механика Велле. Дело в том, что Велле потребовал от правительства окончательного решения относительно своих ружей. Он хотел предложить усовершенствованную им систему Робера другому государству, а также он считал, что правительство России должно ему выплатить от одной до пяти тысяч рублей¹⁹.

Матвей Евграфович Храповицкий добросовестно отвечал корреспондентам, подробно описывал, как обстоят дела с исследованием ружей и что еще нужно сделать для того, чтобы вынести решительное заключение. В письме начальнику Штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера от 15 февраля 1834 г. генерал-адъютант Храповицкий, ссылаясь на прежние журналы Комиссии, где изложен весь процесс изучения ружей Робера, убедительно просит адресата сообщить Его Императорскому Высочеству о том, что во Франции ружья Робера испытываются с июня 1833 г. и до сих пор не принято еще решение о введении их на вооружение. В России же ввиду многочисленной армии «общая перемена ружей... требует величайшей осторожности». М.Е. Храповицкий полагал, что лучшим испытанием для нового оружия будет боевая обстановка. Поэтому он предложил изготовить несколько тысяч ружей

Робера и снабдить ими батальоны Кавказского пехотного корпуса. Именно в бою, по мнению М.Е. Храповицкого, в полной мере выявятся положительные и отрицательные качества ружей²⁰.

Генерал от инфантерии Матвей Евграфович Храповицкий хорошо знал, о чем писал: герой Отечественной войны 1812 г., он не единожды участвовал в боевых операциях.

С февраля 1834 г. на Сестрорецком оружейном заводе начали изготавливать опытные ружья Робера, новые и переделочные. Из доклада Н.А. Аммосова выяснилось, что переделка ружей занятие трудоемкое и дорогое. По его подсчетам, гораздо выгоднее делать новые ружья по системе Робера²¹.

К концу марта полковник Философов предоставил информацию о патроне для ружья. Как известно, это был обычный патрон, отличающийся от существующего величиной, он был меньше, и в конце его, противоположном помещению пули, находилась латунная трубочка (огненная игла), наполненная ударным составом²².

27 мая председатель Комиссии генерал-адъютант Храповицкий отправил донесение генерал-фельдцейхмейстеру, в котором изложил все известные ему сведения о ружье a la Robert и предложения Комиссии по поводу дальнейших опытов. Несколько позже, по видимому по требованию адресата, было отправлено ружье²³.

11 июня Великий Князь Михаил Павлович обратился с личным посланием к М.Е. Храповицкому. Он оповестил председателя Комиссии, что Император согласен на продолжение испытания ружей Робера «в большом виде». К письму была приложена «Записка Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера о ружье a la Robert». Этот документ, с нашей точки зрения, очень важен, он достаточно полно характеризует человека, стоявшего в главе вооружения России в данный исторический период. Обычно исследователи отмечают роль Императора Николая I и его влияние на развитие оружейной техники во второй четверти XIX столетия. Не отрицая этого, все же напомним, что именно генерал-фельдцейхмейстер осуществлял непосредственное руководство всем экспериментальным процессом при выборе новых образцов оружия. Его Императорскому Высочеству принадлежит и идея создания особого института, специально занимающегося изучением и усовершенствованием ручного огнестрельного оружия – Комитета по улучшению штуцеров и ружей, который ему подчинялся.

«Записка» составлена человеком, умеющим вникать в суть проблемы и хорошо разбирающимся в вопросах вооружения. Из доклада Комиссии генерал-фельдцейхмейстер выделил два основных момента: «преимущество ружья a la Robert, перед всеми до ныне изобретениями» и недостатки его механизма. К первым автор «Записки» отнес зарядание с казенной части, а отсюда «скорость и верность действия»; отпала необходимость пользования шомполом, что увеличивает срок службы ружья, а «сие обстоятельство в отношении к издержкам, употребляемым правительством для заготовления оружия, весьма важно», – отмечает Михаил Павлович.

Что же касается недостатков, то их Его Императорское Высочество тоже добросовестно перечислил все: затруднение в точном изготовлении захлестки (механизма, запирающего камору), быстрое окисление иглового язычка и латунной накладки, трудность управления механизмом в разбухшей ложе, «что впрочем ожидать нельзя, если ложевые деревья будут употребляться в должной степени сухости», – комментирует Великий Князь и далее продолжает – выходящие из строя от жара боевые пружины, неудобная насадка штыка, слабость ложи из-за глубокого вертикального прореза и множества скрепляющих ее винтов и, наконец, высокая цена ружья a la Robert. Генерал-фельдцейхмейстер справедливо отмечает, что сама Комиссия, указавшая на недостатки, считает их легко устранимыми, во всяком случае большинство из них, и предлагает провести испытания над несколькими тысячами ружей Робера. Что же касается применения механизма a la Robert в кавалерии, именно Комиссия в своем заключении написала, что введение его для этого рода войск «представляет выгоды неоцененные». И далее автор «Записки» делает вывод: «Следовательно, введение сего оружия в войсках есть предмет, требующий полного внимания и особенного попечения правительства. Издержки и пожертвования, нужные для опытов и усовершенствований сего ружья, не должны быть почитаемы бесполезными расходами». Для окончательного решения вопроса о ружьях a la Robert генерал-фельдцейхмейстер предлагает программу, требующую неукоснительного исполнения:

- 1) Как можно скорее, «без потери времени» представить данные о количестве ружей, предназначенных для «больших испытаний».
- 2) Заключить контракт с механиком Велле и потребовать от него список машин и инструментов, необходимых для производства

ружей Робера, Артиллерийскому департаменту составить смету на новое оборудование.

3) С учетом стоимости оборудования, решить, какие именно ружья выгоднее изготовить для больших испытаний, новые или переделанные.

4) Привлечь Велле на Сестрорецкий оружейный завод для руководства процессом изготовления ружей, а также обязать его устранить в ружьях все недостатки, указанные Комиссией.

В этой же «Записке» Михаил Павлович пишет, что механик Велле заслуживает вознаграждения за сообщенное им усовершенствование ружья Робера. По высочайшему повелению ему было выдано 25 тысяч рублей²⁴.

В октябре 1835 г. генерал-фельдцейхмейстер потребовал от начальников оружейных заводов генерал-лейтенанта Штадена и полковника Аммосова срочно дать свои предложения по поводу простых и дешевых, «выгодных для казны», способов устранения недостатков в ружье *a la Robert*. Речь шла как о приготовлении новых ружей, карабинов и пистолетов, так и о переделке старых. Артиллерийский департамент тоже должен был высказать свою точку зрения по этому вопросу. 24 октября департамент представил выдержки из докладной записки генерал-лейтенанта Штадена с предложением некоторых изменений в конструкции ружья Робера и экспериментальное ружье, сделанное на Тульском оружейном заводе. Суть этих перемен заключалась в следующем: был значительно облегчен рычаг и упразднены латунные накладки, которые усложняли и удорожали работу; для того чтобы оградить боевую пружину от сильного нагревания, было расширено отверстие, через которое происходило истечение пороховых газов; увеличили и длину пружины, крепление ее отнесли несколько дальше от изгиба (колена), в таком состоянии она меньше подвергалась ломке, тем более, если ее не подвергали «крепкой закалке», которая в данном случае вредна. Был еще ряд мелких замечаний относительно винтов, скрепляющих ствол с ложей. Комиссия в принципе одобрила предложения Е.Е. Штадена и посчитала нужным испытать его ружье 300 боевыми выстрелами²⁵.

1 апреля 1836 г. Комиссия, учрежденная в 1833 г. специально для рассмотрения ружей *a la Robert*, была соединена с Комитетом. 20 апреля 1836 г. из лейб-гвардии Егерского полка в Комитет были возвращены 12 ружей Робера, проходивших там испытания.

Результаты опытов не сохранились, но судя по всему, они не были положительными. Это косвенно подтверждается запиской генерал-лейтенанта Храповицкого накануне его отъезда в 4-месячный отпуск. Матвей Евграфович категорически возражает против принятия на вооружение пехоты ружей Робера, ссылаясь на их высокую цену как при производстве новых ружей, так и при переделке существующих кремневых. В то же время, он всячески поддерживает идею принятия на вооружение кавалерии пистолетов и карабинов этой системы²⁶.

15 октября 1836 г. Комитет принимает решение подвергнуть испытанию оружие, сделанное на Тульском оружейном заводе по системе Робера: три пехотных ружья, одно драгунское ружье, один карабин и один пистолет. Для опытов требовалось изготовить 1000 боевых патронов с регламентированным количеством пороха для каждого типа оружия²⁷.

В течение 1835–1836 гг. шли бесконечные опыты над изготовлением качественных боевых патронов к оружию *a la Robert*, но достигнуть положительных результатов так и не удалось. Не помогли и специальное оборудование, переданное Велле, и его странное объяснение. Патроны не выдерживали перевозки, ударные трубочки от тряски меняли свое положение, порох из патронов высыпался.

В июле 1837 г. по инициативе Комитета были проведены сравнительные испытания ружей Робера с оружием конструкции Вителока и Малерба. Председатель Комитета придавал большое значение этим испытаниям, он рекомендовал даже на каждую единицу оружия завести отдельный журнал. Его интересовали, главным образом, «верность полета пуль» и преимущества в эксплуатации ружей каждой системы²⁸. Это были последние испытания ружей Робера. Жесткое заключение генералов Рамзая и Моллера, руководивших испытаниями, по сути, полностью отвергало возможность введения их на вооружение. Главная причина отрицательного заключения состояла в плохом качестве патронов. Часто происходящие осечки при стрельбе были вызваны неоднородным составом запальных трубочек и непрочным положением их в патронах. При перевозке они меняли свое положение, а учитывая, что их ударный состав мог самовоспламениться, патроны совершенно были не приспособлены и даже опасны для ношения их в солдатских сумках²⁹.

7 февраля 1838 г. Император Николай I, «сообразуясь с решением Комитета и соглашаясь с мнением Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера», отменил предполагаемые опыты в большом виде оружия *a la Robert*³⁰.

Так закончилась первая попытка внедрения в военное вооружение России ударных казнозарядных ружей под унитарный патрон, длившаяся без малого почти 4 года. Эта попытка важна не только с точки зрения демонстрации системы *a la Robert* – она, конечно, опередила свое время, и ее влияние на дальнейшее усовершенствование ручного огнестрельного оружия бесспорно, несомненно и тот интерес, который проявило к ней военное ведомство.

Желание ввести на вооружение армии такую совершенную систему было и у Комиссии, специально учрежденной для рассмотрения системы *a la Robert*, и у генерал-фельдцейхмейстера. Уже после ряда неудачных испытаний и обнаруженных существенных недостатков в ружье Робера, которые не удалось устранить, Комитет в записке к генерал-фельдцейхмейстеру в марте 1836 г. отметил 10 пунктов, свидетельствующих о безусловном превосходстве ружей Робера перед всеми существующими:

- 1) Удобство заряжания.
- 2) «Скорострельность, которая всякому войску, ежели оно сохраняет должное в бою хладнокровие, доставит неоспоримое превосходство над неприятелем, действующим обыкновенными ружьями».
- 3) Большая дальность стрельбы.
- 4) Сила и верность полета пули.
- 5) Удобство прочистки ружья от нагара во время выстрела.
- 6) Исключение ошибок солдата от двойного заряжания.
- 7) Сохранение патрона при разряжании.
- 8) Отпала необходимость в шомполе, ослаблявшем ложу и портившем канал ствола.
- 9) Почти не чувствительна отдача ружья.
- 10) При стрельбе пламя и дым не ослепляют стрелка и он спокойно может прицеливаться³¹.

Но главный вопрос был не в том, что конструкция оружия *a la Robert* была не безупречна. Она постоянно совершенствовалась механиком Велле, мастерами оружейных заводов, военными специалистами. Непреодолимым препятствием для введения на воо-

ружение этой системы оказалось создание надежного и безопасного унитарного патрона.

Тем не менее, история испытания системы *a la Robert* является еще одним бесспорным доказательством стремления России вооружить армию самым передовым оружием, и в этом плане военное ведомство предпринимало ряд существенных и затратных мер³².

В коллекции ВИМАИВиВС хранятся три ружья системы Робера. Одно из них (инв. № 06/460) изготовлено в Париже в середине 1833 г. (?). Скорее всего, оно привезено механиком Велле в числе нескольких ружей для демонстрации их правительству России. Его конструкция соответствует чертежу ружья *a la Robert*, опубликованному в журнале «*Polotechnisches Journal eine Leitschrift Band LIV. Stuttgart*» 1834 г. (рис. 2).

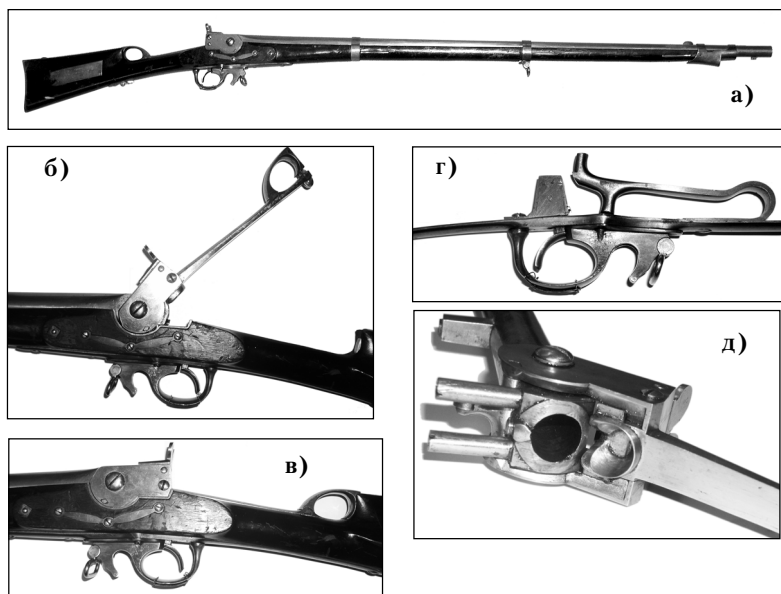

Рис. 2. Пехотное ударное казнозарядное ружье сист. Робера-Велле. 1837 г. ВИМАИВиВС, инв. № 5/1
а) Общий вид
б) Вид замка слева, система запирания открыта

в) Вид замка слева, система запирания закрыта
г) Ударно-спусковой механизм после неполной разборки
д) Внутренний вид каморы

Ствол круглый, обычного пехотного ружья, канал ствола гладкий, в казенной части заканчивается зарядной камерой. Камера внешне четырехгранная, внутри круглая, предназначена под унитарный патрон. На камере находятся два цилиндрических винта для крепления ствола и камеры в ложе; они же служат также дополнительным креплением ударно-спускового механизма. На казенной части ствола имеется цилиндрический прилив с винтовой нарезкой внутри, который тоже предназначен для жесткого крепления спускового механизма и спусковой скобы. Запирающий механизм состоит из двух щечек, клина (захлестки) и рычага с кольцом для опускания и поднимания клина. Щечки с соосными винтами крепятся к камере. В свою очередь, к щечкам крепится запирающий механизм, на верхней грани которого находятся прицельные приспособления – две овальные стойки с прорезью между ними.

Ударно-спусковой механизм смонтирован на усиленном стальном основании. Состоит из мощной боевой пружины с ударным молотком и зубчиком под шептало, шептала, V-образной спусковой пружины и спускового крючка. К ударному механизму относится колесико (рулетка), закрепленное на клине между щечками в нижней их части и служащее для взведения боевой пружины при помощи рычага; для фиксации рычага имеется на основании длинный зуб.

Ложа ореховая, внутри у шейки выложена медными пластинками, приклад с выемкой.

Прибор железный. На патроннике выбито в овале: «Fusil Robert BREVETE PARIS.96». На всех деталях, вплоть до мелких винтов, выбита цифра «12».

Калибр – 16,2 мм; длина ствола – 1025 мм; общая длина – 1300 мм. Ружье, вероятно, находилось на Сестрорецком оружейном заводе в качестве образца, в 1839 г. было передано в Комитет, а оттуда – в Штаб генерал-фельдцейхмейстера³³. Время поступления в музей не установлено, впервые заинвентаризовано как музейный предмет в 1935 г.

Два других ружья системы Робера-Велле – отечественного производства. Оба изготовлены на Сестрорецком оружейном заводе в 1834 г. и в 1837 г. Принципиально конструкция ружей аналогична предыдущему образцу, но имеет некоторые отличия. Так, драгунское ударное казнозарядное ружье, сделанное в 1834 г. на Сестрорецком заводе (инв. № 3/338), отличается, во-первых, в размере:

калибр его – 15,8 мм, длина ствола – 938 мм, общая длина – 1334 мм. Во-вторых, в оформлении оно подобно существующим тогда в русской армии образцам: мушка латунная, прикреплена к стволу, ложа со щекой, а не с выемкой, прибор латунный. Но главное изменение произошло в конструкции ударно-спускового механизма: упрочнено крепление боевой пружины и удлинено ее ударное плечо; упрощен спусковой механизм – вместо V-образной спусковой пружины, представляющей одно целое со спусковым крючком, оставлен только спусковой крючок с вертикальным шепталом и пластинчатая пружина. На ружье имеются следующие надписи и клейма: на зарядной камере (патроннике) сверху «С.Т.Р.ШК»₁₈₃₄ и выбит двуглавый орел. На рычаге – «1834» и стрела, в наконечнике которой буква «Р» – клеймо старшего смотрителя работ Сестрорецкого оружейного завода К.И. Поппе. То же изображено на частях прибора. На прицельных щитках – гравированный двуглавый орел, в лапах у него с одной стороны пучок стрел, с другой – лавровый венок. Судя по тщательной отделке и гравировке на прицельных приспособлениях ружья, можно предположить, что оно готовилось для представления высокому начальству. Время поступления его в музей неизвестно, впервые заинвентаризовано как музейный предмет в 1935 г.

Третье ружье в коллекции – пехотное ударное казнозарядное ружье системы Робера-Велле (инв. № 5/1). Оно изготовлено в первой половине 1837 г. на Сестрорецком оружейном заводе и имеет некоторые своеобразные элементы в конструкции. На нижней образующей ствола, на расстоянии 123,6 мм от казенного среза находится четырехгранный прилив с винтовой нарезкой внутри, служащий для дополнительного укрепления ударно-спускового механизма и спусковой скобы. В спусковом механизме вернулись к V-образной пружине, она вместе с шепталом закрыта железным колпачком. Ложа ореховая, покрыта черным лаком, внутри нее закреплена ось, страхующая боевую пружину от выпадения. В приборе появились накладки, по три с каждой стороны, скрепляющие медные полосы внутри ложи. На ружье имеются те же надписи и клейма, как и у предыдущего драгунского. Только год обозначен другой – «1837». Это ружье, вместе с двумя упомянутыми выше, было отправлено в 1839 г. в штаб генерал-фельдцейхмейстера³⁴, затем оно попало в коллекцию курсов «Выстрел»; откуда в 1939 г. и поступило в музей.

В 30-е гг. XIX столетия перед артиллерийским ведомством стал целый ряд проблем – создание дешевого и надежного ударного замка, разработка нарезного оружия, в частности, усовершенствование штуцеров, а также организация благоприятных условий для хранения запаса оружия в арсеналах.

Особое внимание потребовало вооружение стрелковых батальонов: штуцера обр. 1828 г. и обр. 1833 г. уже себя не оправдывали. Начался интенсивный поиск лучшей конструкции. При этом рассматривалось количество нарезов, их форма и глубина на влияние дальности и точности стрельбы, а также оснащение штуцеров более совершенным замком.

Среди экспериментальных штуцеров, которые довольно долгое время обсуждались в Комитете на предмет введения их на вооружение стрелковых батальонов, был штуцер польского мастера Эгидия (Эгидея) Коллета. Он одно время служил в Варшавском арсенале, а к 1834 г. имел уже в Новогеоргиевске свою мастерскую («Фабрику»), где изготовил 256 штуцеров с ударным замком. Один из них был представлен Императору Николаю I³⁵. В сентябре того же года штуцер Коллета поступил на испытание полковнику Рамзаю. Флигель-адъютант полковник Рамзай высоко оценил достоинство нового оружия, его конструкцию, отделку, приспособление охотничьего ножа вместо штыка, простоту и удобство ударного замка, заметив, что он без труда может быть освоен солдатами. Что же касается боевых качеств штуцера – дальности стрельбы, кучности боя, убойной силы пули, то Э.А. Рамзай считал, что данный штуцер «достиг возможного совершенства подобного рода оружия»³⁶. Единственное замечание, которое было высказано Эдуардом Андреевичем, относилось к креплению шомпола. Он предложил вместо трубки, закрепленной в штыковых ножнах, откуда его неудобно будет вытаскивать во время боя, сделать две обоймицы, а во время стрельбы вынимать и подвешивать шомпол на пуговице мундира. Заключение полковника Рамзая, вместе с материалами испытаний, было направлено в Комитет, который на заседании 23 марта 1835 г. согласился с выводами Эдуарда Андреевича. Правда, члены Комитета предложили свой вариант хранения шомпола – носить его в самом стволе, приделав к нижнему концу деревянный цилиндр, обтянутый сукном³⁷.

Между тем, 12 декабря 1835 г. Э.А. Рамзай отправляет записку губернатору и командующему войсками в Финляндии генерал-

адъютанту князю Меншикову, в которой просит поддержать его прошение о введении на вооружение лейб-гвардии Финского и Гренадерского стрелковых батальонов штуцер конструкции Коллета. Мотивируя свою просьбу, он писал: «...имею случай сам испытывать изобретенное в последнее время различного рода огнестрельное оружие, удостоверился, что штуцер изделия Коллета, испытанный мной по Высочайшему повелению в прошлую зиму, прочностью конструкции и особенно верностью для цельной стрельбы превосходит все до ныне мне известные»³⁸. Человек принципиальный и предельно честный, озабоченный, как он пишет: «единственным желанием» иметь отличное вооружение, Рамзай в этом же документе указывает не только на недостатки штуцера обр. 1828 г., принятого на вооружение для лейб-гвардии Финского батальона, но и добросовестно перечисляет все недочеты штуцера своей конструкции, введенного на вооружение в 1833 г. для всех стрелковых батальонов, и заключает, что они уступают штуцеру Коллета «во всех отношениях»³⁹.

Для более тщательной проверки боевых и эксплуатационных качеств штуцера системы Коллета, предназначенного для стрелковых батальонов, на Сестрорецком оружейном заводе под наблюдением генерал-майора Бибикова, исполняющего волю Императора, изготавливалось несколько образцов оружия с приспособлением к ним механизма Шаруа (Шарруа) для надевания колпачков.

Ружье французского изобретателя Шаруа (Шарруа) с механизмом для надевания колпачков на брандтрубку ударного замка было представлено Николаю I иностранным механиком Вернером в 1833 г. Почти тотчас оно по высочайшему повелению было направлено на испытание к полковнику Рамзаю. Эдуард Андреевич в принципе одобрил ружье, но отметил два недостатка: во-первых, колпачки иногда сминались, а во-вторых, пружина, их подающая на брандтрубку, быстро ослабевала. По его мнению, она вообще не могла «быть долговечной»⁴⁰. Полковника Рамзая заслушали на заседании Комитета 30 ноября 1833 г. Члены Комитета пришли к заключению, что дальнейшие испытания должны проводиться с уменьшенным зарядом⁴¹.

На Сестрорецком заводе переделали солдатское ружье, в котором заменили кремневый курок на ударный, припаяли колтыш с брандтрубкой и поместили пружину с колпачками, точно такую же, как на привозном ружье. Прибор и шомпол оставили старого

кремневого ружья. Это ружье испытывалось в лейб-гвардии Егерском полку капитаном Врангелем при личном участии генерал-адъютанта Храповицкого. Испытания прошли успешно, солдаты свободно обращались с новым механизмом, который обеспечивал большую скорострельность⁴². Комитет принял решение провести опыты в большом виде, то есть войсковые испытания. М.Е. Храповицкий предложил изготовить ружья с механизмом Шаруа на Сестрорецком оружейном заводе на одну роту под наблюдением механика Вернера. Присутствие Вернера на заводе, пояснил Матвей Евграфович, во-первых, исключит его претензии на некачественное изготовление оружия при испытаниях, а во-вторых, оружейные мастера под его присмотром обретут навыки, которые пригодятся им в случае принятия на вооружение механизма Шаруа⁴³.

Ко времени исполнения заказа на производство штуцеров Коллета с механизмом Шаруа на Сестрорецком оружейном заводе уже был достаточный опыт изготовления этого механизма. К июню 1837 г. завод сделал 120 штуцеров с механизмом Шаруа № 3, который состоял из кронштейна с подвижно закрепленной на нем коробкой, внутри которой находилась капсюльница с пружиной-подавателем⁴⁴. Несколько ранее, в мае 1837 г., по предписанию инспектора оружейных заводов в Сестрорецке были сделаны образцовые варианты этой модели и отправлены на Тульский и Ижевский оружейные заводы.

В декабре 1837 г. Тульский завод представил три штуцера Коллета с механизмом Шаруа. Цена каждого из них составила 77 руб. 62 коп., а с металлами, то есть с учетом стоимости материалов, – 83 руб. 54 коп. 19 сентября 1838 г. такие же штуцеры были получены из Ижевского завода. Цена штуцера Ижевского производства была ниже – 59 руб. 78 коп., с металлами – 63 руб. 16 коп.⁴⁵ Высокая стоимость оружия, а главное, появление ударных замков системы подполковника Вителока и барона Гертелу, конструкция которых больше устраивала оружейных специалистов, привели вначале к приостановке, а затем и прекращению испытаний механизма Шаруа⁴⁶.

Примечательно, что когда в 1837 г. вновь было прислано ружье системы Шаруа вместе с заключением комиссии, рассматривавшей его во Франции, Комитету было предложено еще раз обсудить его конструкцию. Генерал-адъютант Храповицкий категорически отказался от повторного обсуждения конструкции, мотивируя свой

отказ тем, что он уже однажды давал свое заключение о ружье Шаруа и свое мнение менять не собирается. Председателя Комитета раздражало настойчивое навязывание иностранным государством России оружия далеко не совершенной конструкции. Недаром в рапорте исполняющему должность генерал-фельдцейхмейстера генералу от артиллерии Левенштерну, сообщая о своем решении, Матвей Евграфович с сарказмом заметил: «...если ружье Шаруа по французским журналам представляет столь значительные преимущества, то нельзя не удивиться отчего оно не принято по сие время в Отечестве изобретателя»⁴⁷. Можно было бы и не комментировать поступок М.Е. Храповицкого, и все же хотим обратить внимание, что его принципиальность и, в данном случае, смелость – он отказался выполнить приказание не только своего непосредственного начальника, но и военного министра – не может не вызвать глубокое уважение.

Поскольку в январе 1838 г. производство механизма системы Шаруа было приостановлено, все штуцера, изготовленные на оружейных заводах, были переданы в С.-Петербургский арсенал, где хранились в качестве годного оружия⁴⁸.

Между тем, Эгидий Коллет продолжал усовершенствовать штуцер своей конструкции. В октябре 1840 г. он представил штуцер с замком барона Гертелу, приложив к нему записку с подробным описанием его. В документе Коллет именуется чиновником 10 класса и владельцем собственной фабрики. Он обстоятельно перечисляет все преимущества представленного оружия, напоминает, что 256 его штуцеров находятся на испытании в 1-м пехотном корпусе, и отдельно останавливается на тех изменениях, которые он внес в замок Гертелу. Чтобы уберечь шестеренку, служащую для надвигания пластинок, от сырости, изобретатель накрыл ее крышкой и ввел винт, регулирующий подачу этой пластинки. По словам Коллета, его нововведения в конструкции замка дали возможность при одной и той же длине ударной пластинки произвести большее количество выстрелов⁴⁹.

Комитет неоднократно рассматривал штуцер Коллета с замком Гертелу. Так, на заседании 9 ноября 1840 г. Коллету было указано на ряд недостатков в предложенной им конструкции замка, – в частности, винт, закрепляющий механизм в ложе, препятствует движению ударной пластины. В феврале 1841 г., по распоряжению генерал-фельдцейхмейстера, в Комитете рассматривались

штуцер Коллета и представленные им же для сравнения ганноверский и английский штуцера с подробным описанием, в котором Коллет всячески превозносил достоинства своего оружия и преувеличивал недостатки предложенных для сравнения штуцеров⁵⁰. Комитет очень основательно отверг все критические замечания относительно английского штуцера и частично согласился с мнением Коллета в отношении ганноверского ружья. А что касается конструкции штуцера самого Коллета, то его преимущества, указанные изобретателем, не всегда соответствуют действительности, отмечалось в журнале Комитета. Представленный им замок системы Гертелу нуждается в серьезных изменениях⁵¹. 22 марта того же года Комитет вновь обсуждает штуцер Коллета с замком Коптиптур. На этот раз заключение его было категорично: «...не смотря на весьма хорошую отделку всех прочих частей штуцера... приспособление к оному Коптиптура исполнено так неудачно, что оружие это не заслуживает даже сравнительного с прочими штуцерами этой системы испытания...»⁵². Однако в мае 1841 г. Комитет получил предписание о проведении еще одного испытания штуцера Коллета с штуцерами других систем. К этому времени широкое признание уже получили штуцера системы барона Гертелу. Даже Э.А. Рамзай вынужден был согласиться с тем, что штуцера Гертелу обладают рядом преимуществ перед штуцерами Коллета.

В 1849 г. Эгидий Коллет подал прошение о принятии его на русскую службу. Предполагалось, что он будет определен в С.-Петербургский арсенал. Член артиллерийского отделения Военно-научного Комитета генерал-майор Коссинский высоко оценил его квалификацию: «...опытный мастер, способный для руководства по всем работам, которые могли бы случиться...»⁵³.

В коллекции ВИМАИВиВС имеются два штуцера конструкции Коллета. Один с системой Шаруа, а другой с системой Коптиптур. Оба штуцера одной конструкции и отличаются только механизмом подачи капсюля или ударной ленты (рис. 3).

Представляем их описание. Штуцер с механизмом Шаруа (инв. № 3/390) сделан на Сестрорецком оружейном заводе в 1836 г. Ствол у него восьмигранный, в дульной части круглый. Канал ствола нарезной, с 7-ю полукруглыми нарезами. На верхней грани ствола присажены целик с тремя планками и мушка с характерной для Коллета формой домика. Площадка целика заканчивается фигурной стрелкой. Замок капсюльный. Курок без выреза, закреплен на

Рис. 3. Штуцер пехотный ударный конструкции Коллета с механизмом подачи капсюлей сист. Шаруа. 1836 г.

ВИМАИВиВС, инв. № 3/390

а) Вид замка справа

б) Механизм подачи капсюлей сист. Шаруа

в) Детали механизма подачи капсюлей сист. Шаруа (сверху вниз): пружина подачи капсюлей, дно, кронштейн

замочной доске слева. Подстержник сделан из одного куска металла вместе с казенным винтом, в него присажена брандтрубка. Справа на замочной доске находится механизм для подачи капсюлей системы Шаруа. Он состоит из кронштейна, на котором закреплены капсюльница улиткообразной формы с подающей пружиной и возвращающей ее в исходное положение. Замочная доска и капсюльница вороненые. Ложа ореховая с длинным цевьем, прикладом со щекой особой «коллетовской» формы и хранилищем для оружейной принадлежности. Прибор: наконечник устья цевья, затильник приклада и спусковая скоба с передним коротким и задним длинным кольцом – латунный. На оружии имеются надписи и клейма: на стволе на верхней грани в казенной части выбит двуглавый орел, год «1836» и стрела, в наконечнике которой изображена буква «Р» – клеймо старшего смотрителя работ Сестрорецкого оружейного завода К.И. Поппе, на левой грани – «Т», на правой – цифра «45»; на хвостовике – «1836», на замочной доске: «СТРИК»₁₈₃₆. На кронштейне – «1836» и клеймо Поппе, на капсюльнице «45». На всех частях прибора повторяются год «1836» и клеймо

Поппе. На шейке приклада щиток с гравированным вензелем Императора Николая I: «Н I».

Калибр – 17,8 мм, длина ствола – 742 мм, общая длина – 1138 мм. Штуцер, вероятно, входил в партию оружия, предназначенного для испытания в войсках, поступил в музей с курсов «Выстрел» в 1939 г.

Второй штуцер, изготовленный в 1839 г. тоже на Сестрорецком заводе, с замком системы Коптиптур (рис. 4).

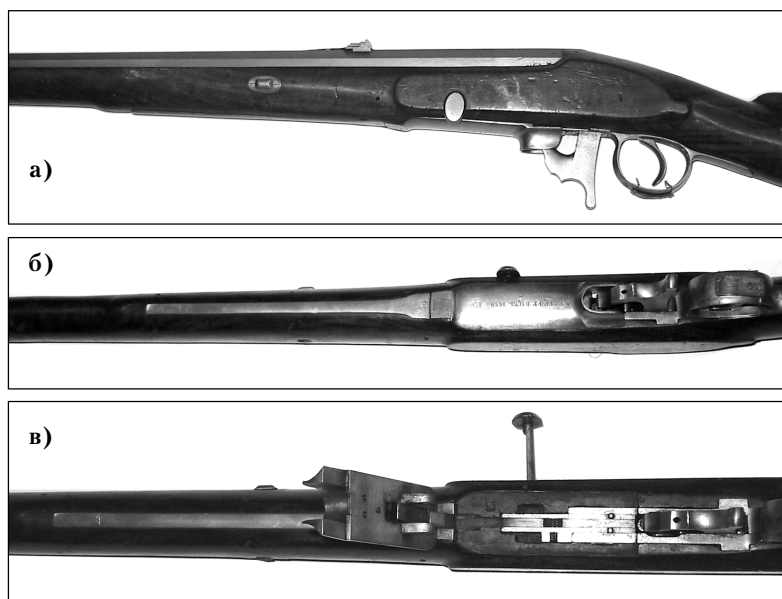

Рис. 4. Штуцер пехотный ударный конструкции Коллета с замком сист. Коптиптур. 1839 г. ВИМАИВиВС, инв. № 3/149

- а) Вид замка слева
- б) Вид замка снизу
- в) Вид замка снизу, крышка открыта

Он отличается от предыдущего замком и клеймами (инв. № 3/149). Замок расположен внизу ложи, впереди спусковой скобы, состоит из курка и латунной коробки, в которой помещена ударная лента и движущая ее шестеренка, они закрыты крышкой, имеющей на внутренней поверхности продольные выступы, служащие для прижатия ленты к шестеренке. Замок закреплен в ложе крупным винтом,

который пересекает пространство, где находится ударная пластина, оставляя для нее очень короткое рабочее поле. Совпадают с описанным выше штуцером и основные клейма, отличия следующие: вместо года «1836», стоит год «1839»; на крышке замка нестандартная надпись: «СЕСТРОРЪСК. 1839» и на прикладе нанесен в двухлинейном круге штамп «С.Т.Р.Ц.К. 1839».

Калибр – 17 мм; длина ствола – 752 мм; общая длина – 1142 мм. Изготовление этого оружия, по-видимому, связано с одной из первых попыток Коллета приспособить Коптиптур к штуцеру своей конструкции. Время поступления штуцера в музей не установлено, впервые инвентаризован как музейный предмет в 1935 г.

Следует упомянуть еще об одном ударном замке, который заинтересовал отечественных специалистов.

В октябре 1836 г. подполковник шведской армии Вителок предложил русскому правительству ружье с ударным замком своей конструкции и записку, где извещал, что его изобретение признано лучшим при сравнительных испытаниях вначале с норвежским ружьем и ружьем Робера, а затем с ганноверскими и французскими ружьями. Вителок даже высказал мысль, что Швеция намеревается ввести ружья его конструкции на вооружение армии⁵⁴ (рис. 5).

21 сентября 1836 г. Комитет уже рассматривал ружье Вителока и признал механизм замка «чрезвычайно удобным». В данном случае речь шла именно о замке, а не о ружье в целом. Крайне необходим был ударный замок, прежде всего для переделки кремневых ружей. Комитет предлагал для проверки всех качеств замка провести испытания в одном из гвардейских полков.

Сестрорецкий и Тульский оружейные заводы получили распоряжение изготовить по три экземпляра ружья, строго придерживаясь только конструкции замка, во всем остальном они должны быть «сходные с ныне существующими». Генерал-адъютант Храповицкий выразил озабоченность, не будет ли припайка железного соска, в который крепится боевая пружина, оказывать негативное влияние на качество стволов. Кстати сказать, мастера Сестрорецкого завода согласились с его мнением⁵⁵. Матвей Евграфович предложил, чтобы избежать брака стволов, процент которого и так был высок на оружейных заводах, перенести крепление соска со ствола в ложу, а колпачки заменить железными цилиндрами с деревянными поддонами. По его словам, он в течение 2-х лет испытывал эти

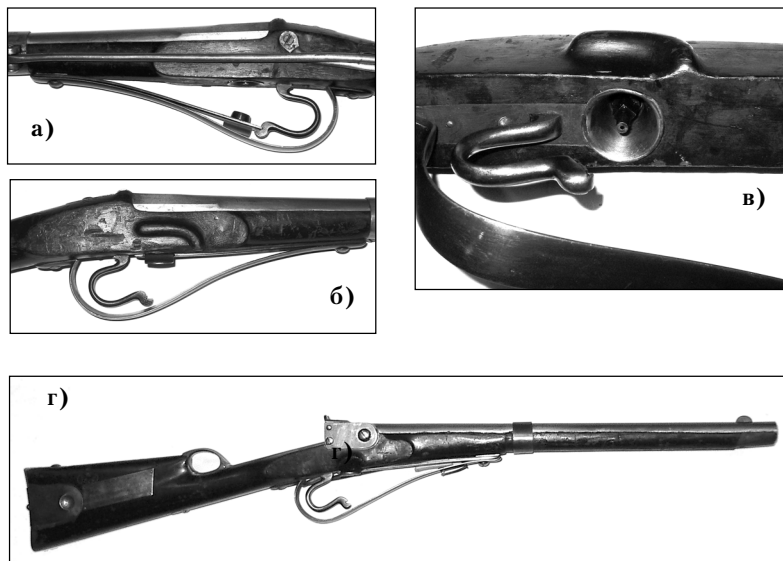

Рис. 5. Кавалерийский ударный карабин с замком сист. Вителока. 1837 г. ВИМАИВиВС, инв. № 3/349

а) Вид замка слева, боевая пружина взведена

б) Вид замка слева, боевая пружина спущена

в) Чашка с брандтрубкой

г) Кавалерийский ударный казнозарядный штуцер с замком сист. Вителока. 1837 г. ВИМАИВиВС, инв. № 3/372

цилиндрики, присланные ему английским изобретателем Мантоном, и ни разу не было ни одной осечки, к тому же цилиндрики безопасны при перевозке⁵⁶.

Однако Николай I остановился на ружье Вителока и отправил его обратно в Комитет для усовершенствования. Ружье конструкции генерала Храповицкого под № 2 оставил себе⁵⁷. Занимался конструкцией замка Вителока и генерал Бонтан. Он пытался приспособить его к казнозарядному ружью, тоже перенеся крепление сошки в ложу. Но конструкция его ружья была столь сложной, что она сразу же была отвергнута Комитетом⁵⁸.

Это была не единственная попытка приспособить замок Вителока к казнозарядному оружию. С замком его конструкции на Тульском оружейном заводе в 1837 г. был изготовлен опытный казнозарядный кавалерийский штуцер⁵⁹. В течение 1836 г. Комитет

несколько раз заседал по поводу замка Вителока. В ноябре этот замок рассматривался на предмет приспособления его к пистолетам⁶⁰. Меньше чем через месяц, 17 декабря, Комитет вновь обсуждал конструкцию замка и подтвердил данное ранее положительное заключение, особо отметив простоту переделки кремневых ружей в ударные с замком Вителока. На этом заседании мнения членов Комитета разделились. Некоторые, в частности генерал Бибииков, считали, что солдатам будет трудно насаживать колпачки. Большинство же, среди них были генерал Философов и Бонтан, полагали, что солдаты легко справятся с этим. Чтобы проверить обе версии, члены Комитета решили воспользоваться зданием Артиллерийского департамента, где они заседали, и провести короткое предварительное испытание ружья. опыты проводились в помещении гауптвахты. Стоявший в карауле унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка, впервые видевший ружье с подобным механизмом, без труда надевал колпачки и уверенно вел стрельбу. Для проверки прочности насаживания колпачков с ружьем проделали ряд манипуляций – бросали из рук в руки, на пол и т.п. – колпачки остались на месте⁶¹. 14 января 1837 г. Комитет принял решение поручить испытание оружия системы Вителока генерал-майору Моллеру в лейб-гвардии Егерского полку 1000 боевыми выстрелами⁶².

Однако в марте стало известно, что одновременно с оружием Вителока будут испытываться ружья Робера и Малерба. Комитет придавал большое значение предстоящим испытаниям. В С.-Петербургском арсенале изготавливались заказанные им специальные мишени. Кроме того, для фиксации выстрелов нужно было сделать 200 штук колтышек, с нанесением на них букв «В», «М» и «Р». В лаборатории готовились 600 ударных колпачков для ружей, 500 – для карабинов и пистолетов и 750 боевых патронов⁶³. Испытания должны были проходить под руководством генералов Моллера и Рамзая в разных погодных условиях, чтобы определить влияние атмосферы на механизм и колпачки. В связи с загруженностью генералов к испытаниям смогли приступить только в июле. Ограниченность во времени не позволила проверить меткость и пробивную способность пуль. Главное внимание было обращено на способ воспламенения, удобство заряжания и умение солдата владеть оружием. 28 июля 1838 г. генералы Моллер и Рамзай отправили в Комитет рапорт, в котором подробно изложили результаты испытаний, с приложением журналов опытов, и свои выводы по

оружию каждого изобретателя. Оружие Вителока было признано лучшим по простоте устройства и по тому, как быстро его усвоили солдаты. Но на этих же испытаниях были проведены внеплановые опыты над двумя ружьями системы Гертелу в присутствии генерал-адъютанта Храповицкого. Механизм замка, отмеченный ранее Комитетом как самый удачный из всех известных ему, еще раз продемонстрировал свое преимущество⁶⁴.

4 декабря образцовое ружье Вителока и оружие, сделанное с его замком на Тульском и Сестрорецком оружейных заводах – по три ружья и по три карабина на каждом – было отправлено в Штаб генерал-фельдцейхмейстера⁶⁵.

В ВИМАИВиВС хранится небольшое собрание оружия с замком Вителока – два пехотных ружья, три кавалерийских карабина и два опытных экземпляра оружия. Два пехотных ружья обр. 1828 г. сделаны на Сестрорецком оружейном заводе в 1836 г. (инв. № 3/325 и 3/328). У ружья (инв. № 3/325) – обычный замок конструкции Вителока, расположен внизу ложи. Его основные детали: длинная плоская мощная боевая пружина с ударным молоточком на нижнем конце, верхний конец ее крепится в соске, приваренном к стволу; подстержник, привинченный к стволу с брандтрубкой в круглой латунной чаше, и характерной формы подпружиненный пусковой крючок с пазом для боевой пружины. Снизу механизм закрыт стальной спусковой скобой. У пехотного ружья (инв. № 3/326) имеется лишь одно отличие в замке; у спускового крючка для его усиления сделана перемычка.

Три кавалерийских карабина обр. 1833 г. имеют замок Вителока неизменной конструкции. Два изготовлены на Сестрорецком оружейном заводе в 1836 г. (инв. № 3/327) и в 1837 г. (инв. № 3/349) и третий – в том же 1837 г. на Тульском оружейном заводе (инв. № 3/328).

Предположительно, все пять единиц оружия проходили испытания в лейб-гвардии Егерском полку в июле 1837 г.

Чрезвычайный интерес представляет опытное оружие. Пехотное ружье обр. 1828 г. с замком Вителока, усовершенствованным генерал-адъютантом Храповицким (инв. № 3/342). Изменение коснулось лишь крепления боевой пружины: в данном замке боевая пружина и спусковая скоба крепятся в ложе, а не в соске, посредством железной планки, укрепленной в ложе двумя винтами, и усиленным нижним ложевым кольцом. Считаем, что это то ружье,

которое заказал М.Е. Храповицкий Сестрорецкому оружейному заводу взамен оставленного Николаем I у себя. Поскольку Матвей Евграфович в дальнейшем отказался от своей конструкции, таких ружей могло быть изготовлено только два.

Второй экземпляр – кавалерийский ударный казнозарядный штуцер с замком Вителока, изготовленный в 1837 г. на Тульском оружейном заводе (инв. № 3/372), о нем упоминалось выше. Ствол его круглый, канал ствола нарезной с 4-мя широкими нарезами, ширина их – 5,3 мм, глубина – 0,5 мм, в казенной части заканчивается четырехгранной камерой, внутри круглой под патрон, запирается клином, который опускается и поднимается при помощи рычага. Латунная полукруглая мушка находится в дульной части, прицельная планка размещена на каморе. Ложа березовая со щекой и помещением для оружейной принадлежности, закрытым латунной крышкой. Прибор и пагон подобен кавалерийскому карабину обр. 1833 г. Вероятно, штуцер изначально задумывался как опытный вариант – ствол у него круглый, а не граненый, характерный для штуцеров того времени. Нарезов в канале ствола всего четыре, в отличие от штуцеров, состоявших на вооружении, в которых их было значительно больше (7, 8, 12 и даже 24). Нестандартные размеры штуцера: калибр – 16,8 мм; длина ствола – 482 мм; общая длина – 870 мм – не соответствуют утвержденным для строевого оружия.

Наличие этого штуцера свидетельствует об очередной попытке ввести на вооружение кавалерии оружие более совершенной конструкции.

Механизм ударного замка, в соревновании с которым проиграл замок Вителока и многие предыдущие, был ударный, так называемый пластинчатый замок системы барона Гертелу (Эртелу, в ранних документах Гертелупа) (рис. 6). Конструкция его заключалась в следующем. Монтировался он внизу ложи у спусковой скобы и состоял из курка и лентообразной пластины с ударным составом. Курок действовал на затравку, расположенную внизу ствола, снизу вверх. Пластина помещалась прямо в ложе, движение ее происходило при взведении курка, который вначале своими резцами отсекал кусочек ленты, а затем ударял по нему для воспламенения заряда. Позже изобретатель усовершенствовал замок, поместив ударную пластинку в паз латунной коробки, там же внизу находились зубчатое колесико и подающая пружина. Вначале Гертелу

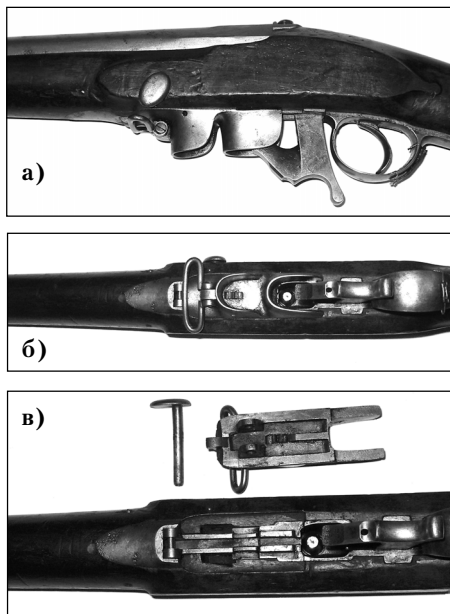

Рис. 6. Пехотное ударное ружье с замком сист. Гертелу. [1839 г.] Усовершенствованный вариант. ВИМАИВиВС, инв. № 9/324
а) Вид замка слева
б) Вид замка снизу
в) Вид замка снизу, крышка снята

считал, что механизм, расположенный внизу ложи, будет защищен от проникновения в него влаги. Однако это не спасало механизм, и изобретателю пришлось прикрыть его, переместив на внутреннюю сторону крышки прижимающую ленту пружину. Для упрощения механизма подача ленты в данном варианте осуществлялась вращением зубчатого колесика пальцами. Постоянные претензии на непрочность деталей замка побудили изобретателя использовать для их изготовления другой, более прочный металл. В 1839 г. Гертелу привез в Россию замок, детали которого были сделаны из особого сплава чугуна. Предполагалось, что в России они будут отливаться из стали, что также значительно упростило бы их обработку.

Конструкция замка барона Гертелу многие годы занимала отечественных оружейников. И это не удивительно, механизм замка, который освобождал солдат от надевания колпачков на стержень, имел среди определенной группы военных и, судя по всему, у Императора, безусловное преимущество.

История происхождения этого замка такова. Барон Гертелу, англичанин французского происхождения, по профессии врач, прославился изобретением специальных инструментов для

извлечения камней в мочевом пузыре. Натура далеко не ординарная, ищущая, он, вдохновленный повсеместным признанием своего изобретения, «излечившего людей от тяжкого недуга», решил применить свои способности в другом, важном для общества деле. «Привычка к многолетним особенного рода занятиям и беспрепятственное влечение к изысканиям и усовершенствованиям ставили мне необходимость заняться каким-нибудь другим предметом», – писал Гертелу в «Записке о солдатском ружье»⁶⁶.

Этим предметом для него оказалось солдатское ружье. Ученый и исследователь, он очень серьезно отнесся к решению проблемы. После долгих лет изучения ручного огнестрельного оружия в европейских государствах, знакомства с различными образцами ружей, в том числе с экспериментальными, пользуясь советами «опытных офицеров», Гертелу создал к 1835 г. конструкцию ружья с оригинальным замком, назвав ее «Kortpietier». Возможно, в России еще долгое время не узнали бы об этом изобретении, если бы не встреча в ноябре 1835 г. барона Гертелу с генерал-майором графом Сент-Альдегондом, на которого и ружье и сам конструктор произвели очень благоприятное впечатление. Генерал-майор писал в своей докладной записке военному министру: «Барон Гертелу человек одаренный замечательными способностями к искусствам механическим... Ружье (его), по моему мнению, превосходит все до сих пор мною виденные ружья, я полагаю даже, что оно с успехом может быть принято в войске»⁶⁷.

25 декабря 1835 г. Комитет получил личное приказание генерал-фельдцейхмейстера рассмотреть на совместном заседании с Артиллерийским комитетом материалы («Записку о солдатском ружье» барона Гертелу и собственные соображения генерала по поводу изобретения), поданные генерал-майором Альдегондом. Поскольку ни самого ружья, ни даже чертежа представлено не было, оба Комитета отказались давать свое заключение. В марте 1836 г. в Комитет было передано ружье Гертелупа (Гертелу), доставленное генеральным консулом в Гамбурге надворным советником Бахерахтом. Оно должно было рассматриваться так же на совместном заседании. Здесь не обошлось и без курьеза. 9 апреля 1836 г. при обсуждении ружья члены обоих Комитетов, несмотря на то что над ними довлело мнение графа Альдегонда, дали отрицательное заключение о его конструкции: «По разборке оно с первого же взгляда представляет совершенную невозможность ввести в упот-

ребление в войска», – констатировалось в журнале заседания⁶⁸.

Свиты Его Императорского Величества генерал-майор граф Альдегонд, слывший знатоком военного дела, был человеком почитаемым и влиятельным, узнав о резком заключении Комитетов относительно ружья Гертелу, он прибыл на заседание Комитетов и после внимательного осмотра ружья объявил, что «оно совершенно несходно с ружьем Гертелупа и... он граф Сент Альдегонд, никак не решился бы представить оное за образец совершенства Российскому правительству»⁶⁹. В июне 1836 г. Комитет получил «для исследования и общего соображения» изданную бароном Гертелу книгу о ружье Koptipteur. 30 апреля 1837 г. Комитету было передано секретное предписание военного министра о рассмотрении ружья его системы⁷⁰. В июне того же года Император изъявил желание лично присутствовать при испытаниях оружия Гертелу. Испытывались штуцера, привезенные из Англии. Опыты прошли настолько удачно, что не вызвали никакого сомнения в превосходстве системы Гертелу над другими ударными замками. Но это была, скорее, демонстрация оружия, а не серьезное испытание его⁷¹. Между тем, уже 1 июня 1837 г. было объявлено первое высочайшее повеление об испытании оружия Гертелу «в большом виде» для окончательного решения вопроса, может ли оно быть принято на вооружение всей армии⁷². И только 15 августа 1838 г. Комитет получает на рассмотрение все материалы, содержащие подробное описание способов изготовления ружей системы Гертелу, а через три дня само ружье и ящик с инструментами⁷³. 1 сентября все это было направлено генерал-майору Бонтану, под наблюдением которого предполагалось изготавливать ружья на Сестрорецком оружейном заводе для войсковых испытаний. Он очень ответственно отнесся к поручению. Некоторые образцы деталей оружия и лекала были заказаны в Артиллерийской технической школе, где, по его мнению, работали мастера более высокой квалификации⁷⁴. В сентябре 1838 г. Николай I, не дожидаясь результатов испытаний, вновь повелевает «для удостоверения неизменной доброты ружей, устроенных по системе барона Гертелу, и решения вопроса могут ли они быть приняты во всеобщее употребление в армии...» изготовить для больших испытаний ружей пехотных на одну роту – 165, карабинов на один эскадрон – 110 и штуцеров для одного стрелкового батальона – 150⁷⁵.

Осенью 1838 г. прошли первые серьезные испытания штуцеров с

замками Гертелу и ударными лентами механика Шперлинга. Они выявили существенные недостатки в конструкции замка. В рапорте генерала Рамзая, проводившего испытания, отмечено два из них. Первый: резцы курка, предназначенные для отрезания пластины, быстро тупились, их приходилось часто натачивать, от чего они вообще выходили из строя, ямки, образовавшиеся на молоточке, исправить было невозможно. Второй дефект замка заключался в том, что действие пороховых газов пагубно сказывалось на всем механизме, узкие затравки заполнялись расплавленным металлом и с трудом прочищались, ударные пластинки сгорали, не воспламеняя заряд; к тому же было замечено, что силы некоторых боевых пружин рассчитаны неверно. Э.А. Рамзай видел главную причину сбоя механизма в отделке деталей замка, которая требует особой тщательности и «математической точности». Вывод его был неутешительный: испытания показали «несовершенство замков Гертелу для солдатского ружья»⁷⁶. Генерал Бонтан не согласился с мнением полковника Рамзая, ссылаясь на испытания, проведенные летом 1837 г. в присутствии Императора. Комитет встал на сторону Э.А. Рамзая, отметив, что в новых ружьях, привезенных бароном Гертелу и прошедших предварительные испытания, оказались те же недостатки. На этом же заседании (7 декабря 1839 г.) члены Комитета высказались за продолжение испытаний ружей с замками Гертелу, но в свою очередь, предложили сравнить их с замками генерала Бибикова, который значительно упростил замок Гертелу и сделал возможным приспособить его для переделки солдатских кремневых ружей в ударные⁷⁷. Замок Гертелу был сложен в производстве и цена его была в пять раз выше цены существующих на тот момент ружей. Для проверки достоинств каждого замка было предложено изготовить по 25 ружей барона Гертелу и генерал-лейтенанта Бибикова, первые под наблюдением генерал-майора Бонтана, а вторые – генерал-лейтенанта Штадена, и отправить их на испытание. В декабре 1839 г. Э.А. Рамзай уже докладывал результаты опытов, они были неутешительными. Замок генерала Бибикова оказался непригодным к употреблению⁷⁸.

В течение второй половины 1838–1839 гг. на Сестрорецком и Тульском оружейных заводах спешно готовится оружие всех типов с замком Гертелу. В это же время появляются новые модели ударных замков. В феврале 1840 г. Комитет, анализируя данные сравнительных испытаний оружия системы Гертелу с ружьями

конструкции подполковника Житинского, Консоля, Брюнеля и оружейного мастера Вишневого, признает систему Гертелу лучшей и в то же время вынужден отметить вновь, что она не свободна от серьезных недостатков. В марте 1840 г. Император, который явно предпочитал замок системы Гертелу другим моделям ударного замка, отмел все опасения Комитета относительно конструкции замка Гертелу и составил программу дальнейших действий, которая практически сводилась к продолжению испытаний ружей Коптиптур и более тщательному их изготовлению. Насколько Николай I уверовал в превосходство замка Гертелу, свидетельствуют следующие факты: во-первых, его секретное предписание от 1 мая 1837 г., запрещающее Комитету рассматривать другие системы до окончания испытаний оружия Гертелу⁷⁹, и, во-вторых, обещание вознаградить специалиста, которому удастся ликвидировать все недостатки Коптиптура и сделать его годным к употреблению в войсках⁸⁰.

Усовершенствованием замка Гертелу занимались многие – генералы Храповицкий, Бибииков, Бонтан, Берхман, упомянутый выше чиновник 10 класса Э. Коллет, оружейные мастера.

В апреле 1840 г. было принято решение об испытании ружей Гертелу в боевой обстановке. В мае Сестрорецкий оружейный завод получил приказание срочно изготовить 500 ружей системы Гертелу, предназначенных для отправки в Кавказский пехотный корпус⁸¹. В начале 1841 г. они прибыли в Ставрополь. Испытания на Кавказе вряд ли оказались удачными. Из 500 ружей только 100 было направлено в крепость Грозную, остальные 400 ружей Гертелу так и не были востребованы⁸².

В фондах ВИМАИВиВС хранятся несколько образцов оружия с замками барона Гертелу. Среди них ружья с первым вариантом замка (под латунной крышкой и с автоматической подачей ударной ленты) и усовершенствованным – под стальной крышкой и с ручной подачей ленты. Все они производства Сестрорецкого и Тульского оружейных заводов, с 1837 по 1840 гг. Все оружие поступило в музей во второй половине 1880-х гг.

К началу 1840-х гг. обстановка изменилась. Многие европейские страны уже приняли на вооружение оружие с ударным замком. Россия должна была срочно решить вопрос перевооружения. Император еще в марте 1840 г. в послании к военному министру писал:

«...с переменою в первостепенных Европейских государствах кремневых ружей, введение и у нас ударной системы представляется безотлагательной необходимостью...»⁸³.

Начало 1840-х гг. можно охарактеризовать как период напряженного поиска ударного замка, пригодного для вооружения всей армии. Известно, что он закончился принятием французской ударной системы. Так ли безупречно было решение о принятии ее и было ли оно единственно правильным решением – вопрос, требующий дальнейшего исследования.

¹ Комитет был учрежден 4 октября 1830 г. 8 октября его председатель генерал-адъютант Храповицкий получил послание, подписанное Его Императорским Высочеством генерал-фельдцейхмейстером, в котором были изложены основные функции Комитета. «Комитет, который обязан войти в ближайшее и подробнейшее рассмотрение удобства в употреблении и прочности всех частей в штуцерах и ружьях, как Высочайше утвержденных образцов, так и изготовленных с предположительными изменениями и улучшениями...» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 692. Л. 2).

После организационного заседания 18 октября прекратил свою деятельность, в связи с отъездом его членов из С.-Петербурга, до сентября 1832 г. (Там же. Л. 12–15, 18). С 1833 г. в переписке именуется «Комитет, Высочайше утвержденный об улучшении (об улучшении, для улучшения), о лучшем устройении штуцеров и ружей». До начала 1837 г. в исходящих бумагах используются бланки с первоначальным названием. (Там же. Д. 697. Л. 3. Д. 709 Л. 45.) Окончательное название «Комитет, Высочайше утвержденный, об улучшении штуцеров и ружей» закрепляется с 1837 г. Ликвидирован 14 марта 1860 г. с передачей всех обязанностей Оружейной комиссии Временного артиллерийского комитета (Там же. Д. 588. Л. 1, 2). Председатели: генерал-адъютант, генерал от инфантерии Храповицкий Матвей Евграфович с 4 октября 1830 г. – 12 апреля 1846 г. (Там же. Д. 692. Л. 1, 104). Генерал-лейтенант Бибииков-2-й Илья Гаврилович – 16 апреля 1846 г. – 4 февраля 1850 г. (Там же. Л. 105, 215, 216.) Генерал-лейтенант Моллер – 1-й Александр Федорович – 11 февраля 1850 г. – октябрь 1854 г. (Там же. Л. 215.) Генерал-лейтенант Безак Александр Павлович – октябрь 1854 г. – 31 мая 1855 г. (Там же Д. 333. Л. 3. Д. 356. Л. 1.) Генерал-адъютант герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий – 31 мая 1855 г. и до конца деятельности Комитета. (Там же. Д. 588. Л. 4.)

² Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 54.

³ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до середины XX века. СПб., М., 1995. С. 155.

⁴ Мавродин В.В. Первое ударное капсюльное ружье в России // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л., 1972. С. 187–193; Мавродин В.В. Испытание стрелкового оружия в лейб-гвардии Финском стрелковом батальоне и в Финляндском полку во второй четверти XIX века // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1977. С. 119–128.

- ⁵ Пинк И.Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России (1830–1918) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тула, 2007. Рукопись.
- ⁶ Маковская Л.К., Горегляд П.В., Ломакин Н.В. Новые факты в истории перевооружения русской армии ударным оружием. // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Выпуск IX. СПб., 2010. С. 142–150; Тарасюк Л.И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Л., 1971. С. 190.
- ⁷ Мавродин В.В., Мавродин Вал.В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1981. С. 17.
- ⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Комитет об улучшении штуцеров и ружей. Оп. 42. Д. 37 Л. 2–4. Д. 40. Л. 1–2.
- ⁹ Там же. Д. 11. Л. 36 об.–37, 65–66.
- ¹⁰ Там же. Л. 80–81, 70–70 об.
- ¹¹ Там же. Л. 69, 74, 75.
- ¹² Маркевич В.Е. отнесся к конструкции ружья Робера отрицательно. По его мнению, она была хуже бывших до того времени кремневых казнозарядных ружей. В противоположность ружью Робера он ставит ударное казнозарядное ружье Демондиона 1831 г. Правда, при этом описание ружья и патрона, а также чертежи приводит ружья и патрона системы Робера. Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 146–147.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 8 Л. 1 об.–2.
- ¹⁴ Там же. Л. 12–14 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 29–31.
- ¹⁶ Там же. Л. 32–33.
- ¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 25–25 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 38.
- ¹⁹ Там же. Л. 39–39 об., 44–44 об.
- ²⁰ Там же. Л. 45–45 об.
- ²¹ Цена пехотного русского ружья, сделанного на Сестрорецком оружейном заводе по новой системе с латунным прибором и штыком, на 2 апреля 1834 г. составляла без металлов – 39 руб. 27 коп. с металлами – 43 руб. 39 коп. А цена переделанного ружья с сохранением по возможности некоторых приборных частей и мушки по образцу российских ружей была без стоимости металлов – 35 руб. 56 с долями коп., а с металлами – 37 руб. 71 с долями коп. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 8 Л. 17–18 об., 21–22). Разница, как справедливо заметил Аммосов, небольшая, если еще учесть, что сохраняется вполне боеспособная единица оружия – старое ружье.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 8. Л. 23–29.
- ²³ Там же. Д. 6. Л. 105.
- ²⁴ Там же. Л. 110–111, 115.
- ²⁵ Там же. Л. 116–116 об., 134–137, 171–172.
- ²⁶ Там же. Л. 162, 184–184 об.
- ²⁷ Там же. Д. 7. Л. 139–139 об., 147–148.
- ²⁸ Там же. Д. 6. Л. 219–219 об.
- ²⁹ Там же. Д. 709. Л. 75–75 об., 155.
- ³⁰ Там же. Д. 6. Л. 231–231 об.
- ³¹ Там же. Д. 8. Л. 55–58.
- ³² В 1837–1838 гг. производились опыты в лейб-гвардии Конном полку над

ударным казнозарядным карабином системы Лефоше. Испытания выявили ряд важных недостатков в конструкции, а главное, трудность обращения с карабином всадника. Попытка усовершенствовать систему ротмистра флигель-адъютанта Лужина, проводившего испытания (описание и чертеж были представлены им на рассмотрение Комитета), не дала положительных результатов. Заключение Комитета было безоговорочно: «...таковая система Лефоше не удобна для введения в наших войсках». (Там же. Д. 722. Л. 1–36.)

³³ Там же. Ф. 3. Оп. 5/1. Д. 121. Л. 38. С. 81.

³⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 6. Л. 237–238, 240.

³⁵ Там же. Д. 105. Л. 2.

³⁶ Там же. Д. 700. Л. 2 об.

³⁷ Там же. Л. 10–11.

³⁸ Там же. Ф. 3. Артиллерийский департамент. Оп. 5/1. Д. 130. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 11. Л. 24.

⁴¹ Там же. Л. 34 об.–35.

⁴² Там же. Л. 36, 79–82.

⁴³ Там же. Л.110–110 об.

⁴⁴ Там же. Д. 724. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 59. Л. 23.

⁴⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 112. Л. 1–3.

⁴⁷ Там же. Д. 722. Л. 5–5 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 59. Л. 1–2, 26–29 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 92. Л. 1–5.

⁵⁰ Там же. Д. 105. Л. 1–9.

⁵¹ Там же. Л. 15–25 об.

⁵² Там же. Д. 92. Л. 20–21.

⁵³ Там же. Ф. 5. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Оп. 4. Д. 414. Л. 6–6 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 705. Л. 5–6.

⁵⁵ Там же. Л. 7–8, 18–18 об.

⁵⁶ Там же. Л. 24–26.

⁵⁷ Там же. Л. 28–28 об.

⁵⁸ Там же. Л. 58–61, 66–67.

⁵⁹ ВИМАИВиВС. Отдел отечественного стрелкового оружия. Инв. № 3/372.

⁶⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 709. Л. 1.

⁶¹ Там же. Л. 16–22 об.

⁶² Там же. Л. 34–34 об.

⁶³ Там же. Л. 54–54 об., 60–66 об.

⁶⁴ Там же. Л. 75–79 об.

⁶⁵ Там же. Л. 79–79 об.

⁶⁶ Ф. 3. Оп. 5/1. Д. 129. Л. 35.

⁶⁷ Там же. Л. 70–70 об.

⁶⁸ Там же. Л. 27 об.–28.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 714. Л. 12.

⁷¹ Там же. Д. 724. Л. 33–33 об.

⁷² Там же. Д. 714. Л. 10–11.

⁷³ Там же. Д. 13. Л. 1, 4.

⁷⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 45. Л. 6, 12, 14.

⁷⁵ Там же. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 13. Л. 33–34.

⁷⁷ Там же. Л. 46, 47, 49–50, 54–57 об.

⁷⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 53. Л. 2–2 об.

⁷⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 714. Л. 1. Д. 722. Л. 5.

⁸⁰ Там же. Д. 92. Л. 27.

⁸¹ Там же. Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 102. Л. 353–353 об.

⁸² Там же. Л. 429.

⁸³ Там же. Л. 7.

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

ШТУРМЫ КРЕПОСТЕЙ: ОПЫТ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ БАРОККО

В европейском военном деле XVII – начала XVIII вв. осады крепостей были типичным видом боевых действий, и Северная война не исключение. Осады тянулись неделями и месяцами и, как правило, заканчивались сдачей крепости. Нечасто взятие крепости достигалось штурмом, но именно эта боевая операция является яркой чертой петровской эпохи. Настоящая работа посвящена штурмам с участием русской армии в период Северной войны и тому, как эта практика соотносилась с теорией, описанной в трактатах европейских военных авторов того времени.

Эпоха барокко оставила немало сочинений по военной и инженерной науке – подобные источники раскрывают господствовавшие тогда теоретические взгляды или дискуссионные точки зрения; их изучение помогает рассматривать военные «акции» петровской эпохи и оценивать их эффективность, следуя принципам историзма. Большинство трактатов XVII в. состояло из рекомендаций по начертанию планов и возведению укреплений (например, опубликованные при Петре труды Римплера, Штурма, Кегорна и Блонделя); редкие из них касались атаки и обороны крепостей, еще реже в этих сочинениях освещается организация осадных работ. Ценным источником знаний о ведении осад стали книги «цесарского» инженера Эрнста Фридриха Боргсдорфа, который находился на русской службе с 1695 по 1700 г. К началу Северной войны при его участии русские войска постигали науку осад и строительства крепостей на южных рубежах (взятие Азова, укрепление Таганрога и проч.). Этот опыт в 1697 г. был оформлен в книгу, которая до публикации 1709 г., вероятно, распространялась в списках и являлась основным практическим пособием по взятию

крепостей тогда, когда русская армия осаждала их очень активно (1700–1710 гг.).

Несмотря на то, что свою славу строителя и победителя крепостей величайший инженер и фортификатор французский маршал Вобан заработал уже в последней четверти XVII в., его книги были опубликованы на языке оригинала только в 30-х гг. XVIII в., а до тех пор приписываемые Вобану идеи ходили в рукописных копиях либо публиковались другими авторами. Например, «Фортификация Вобана» была известна в Москве в 1694 г., судя по упоминанию в записках Патрика Гордона¹. Первый перевод вобановского текста на русский язык был опубликован лишь в 1724 г.² «Книга о атаке и обороне крепостей»³ Вобана была переведена на русский в 1736 г. и опубликована в 1744 г. В ней описана идеальная осада с точки зрения инженеров рубежа XVII–XVIII вв.

Для истории представляет интерес, что и как делали рядовые солдаты и их начальники во время типичной осады начала XVIII в., какие задачи ставились и какие тактические приемы использовались при их выполнении. Эти подробности относятся к сфере воинской традиции или рутины, поэтому они часто опускаются в профессиональных наставлениях и лишь мельком упоминаются в реляциях и источниках личного происхождения.

Типичный подход к осадам в русской армии охарактеризован историком инженерного искусства Ф.А. Ласковским: «Русские, в продолжение всей Северной войны, постоянно держались своего способа атаки, а именно: по достижении места расположения батарей, они тотчас строили пушечные и мортирные батареи, и первыми разрушали, сколько могли, крепостные стены, а вторыми – обращали внутренность крепости в одну общую развалину; если же при этом осажденный не соглашался на сдачу, то, с помощью лестниц, делали приступ»⁴. К штурму прибегали, когда у осаждающего не было возможности склонить осажденного к сдаче. Под Мариенбургом и Нотебургом в 1702 г. на штурм решились, поскольку островное расположение этих крепостей не позволяло вести регулярную осаду, обстрел не дал результата, а длительное блокирование не входило в планы командования. Атака Дерпта в 1704 г. изначально задумывалась как операция по захвату позиции у контрэскарпа и уже в ходе ночного боя переросла в общий штурм. Лишь под Нарвой в том же 1704 г. тщательно подготовленный штурм стал завершающим этапом планомерной осады, когда комендант

отказался сдаться даже после пробития брешей. По тому же сценарию развивались события под Выборгом в 1710 г., но там осажденный сдался, не дожидаясь штурма. В целом ряде случаев к штурму прибегали, когда у осаждающего не было времени для длительной регулярной осады, а также осадной артиллерии для эффективного разрушения стен и разорения города (Батурин в 1708 г., Переволочная и Сечь в 1709 г., Эльбинг в 1710 г., Браилов и Новосергиевский в 1711 г.).

Под штурмом (приступом) понималось открытое нападение на укрепление; на него шли либо через брешь (пролом в стене), либо преодолевая неповрежденные валы. При такой атаке потери неизбежны, но их можно было минимизировать четким согласованием действий, эффективной артиллерийской поддержкой. Кроме того, важно сократить расстояние, которое солдатам предстояло пройти без прикрытия под огнем обороняющихся. Когда атака велась с суши, апроши (осадные траншеи) подводили к самому рву; тогда штурмующие войска выходили из траншей и без прикрытия преодолевали небольшой участок открытого пространства, как, например, при штурме Нарвы. Поскольку крепости, как правило, располагались на берегах рек или озер, строители особенно укрепляли сухопутную линию обороны, а водная преграда была естественным препятствием. Однако риск потерь не останавливал командовавших осадами русских военачальников. На штурм Мариенбурга, Нотебурга и Сечи русские войска пошли на плотках и лодках. Понтонный мост, например, использовали для переброски части войск в ходе приступа к Дерпту, аналогичным образом – по наплавным мостам – предполагалось атаковать при штурме Выборга. Окруженные водой крепости можно было штурмовать зимой по льду, и такой вариант рассматривался по отношению к Нотебургу, Митаве и Выборгу, но эти планы реализованы не были⁵.

В Артикуле воинском, в главе 14 о штурмах и приступах, упоминается ситуация, «когда приступать по порядку до них [до полка или роты. – *Прим. авт.*] дойдет»⁶. То есть подразделения направлялись на осадные работы и в прикрытия траншей по очереди и, если к моменту штурма наступала очередь следующего подразделения заступать в траншеи, то оно и назначалось к приступу. Такой подход описан британским офицером Хамфри Бландом на основе опыта войны за Испанское наследство; он считался оптимальным, по сравнению с бытовавшим ранее назначением по принципу старшинства полков⁷.

Штурмовые партии могли формироваться из добровольцев; в русской традиции они назывались «охотники», то есть идущие на опасное задание «своею охотою». Известно о сборе желающих перед штурмом Нотебурга, когда за 5 дней до него было велено «збирать охотников к приступу, которых нарочитое число записалось»⁸. Поскольку штурм Нотебурга силами одних охотников не удался, то на стены посылали подкрепления уже из командированных, то есть назначенных частей. На приступ Выборга впереди также шли охотники⁹. Больше свидетельств о вызове охотников не встречается – либо он не практиковался широко, либо был обычным делом.

При подготовке к штурму делалось расписание штурмовых колонн; они составлялись из отрядов гренадеров, мушкетеров и солдат с инструментами; каждому из отрядов отводилась очередь в атаке и ставилась задача¹⁰. Под Нарвой обязанность «определить и расписать к тому приступу изо всех полков ратных людей» была возложена на командующего генерал-фельдмаршала Огильви¹¹. Содержание приказа Огильви о составе колонн можно узнать из записок Б.И. Куракина. Одна колонна составлялась из двух «атак», по 1000 человек каждая, и резерва; в одной «атаке» было два полковника и под командой каждого из них войска шли на приступ в следующем порядке: «Наперед порутчик – гренадеров 25; за ним порутчик – мушкетеров 25; капитан – 35 гренадеров; капитан – 30 человек с топорами; порутчик – 25 мушкетеров; порутчик – 25 мушкетеров с топорами», затем полуполковник со 150 и сам полковник со 170 мушкетерами. Резерв под командованием генерала – начальника колонны – состоял из отрядов майоров (по 100 мушкетеров каждый) и необходимого количества гренадеров¹². Похожие распоряжения были сделаны при формировании штурмовой колонны во время атаки на Коперберг – форштат (укрепленное предместье) Риги 30 мая 1710 г.: «Наперед ходил сержант с 10 гренадеров, а по нем порутчик с 30 фузейники, которые фузеи на спинах, а в руках топоры имели; те тотчас скакали к палисадам, что бы отсеци я и оборонены были от порутчика с 40 гранадерами; возле тех ходил порутчик с 30 человек по левой руке, в которых десять с топорами вооружены были, что бы покушали лом учинить; к тому же делу определен был на левой руке порутчик с 30 человек, а во оборонение тем в след шел капитан с 60 человек; после тех ходил сам бригадир барон Штоф с полуполковником и 50 гранадеров и 250 фузейников; по них приведены три полевые

пушки, и полковник Пфенигбир ходил с 500 человек для работы, которые все имели оружие свое и фашины, якож и все солдаты носили фашины даже до полисады»¹³.

Схожие расписания были предложены под Выборгом адмиралу Ф.М. Апраксину генералами Р. Брюсом и В. Беркгольцом: войска должны были идти на приступ двумя колоннами, одна от другой на расстоянии 30–50 сажений, в одной колонне шли впереди 12 гренадеров с ефрейтором и сержантом, за ними – два отряда стрельцов; в первом – 1 пятидесятник, 1 десятник, 40 стрельцов (несли 20 четырехсаженных досок), во втором – 1 сотник, 2 пятидесятника, 150 стрельцов (несли 25 лестниц и 50 вил к ним). Далее – отряд из 150 солдат с поручиком, сержантом, капралом (несли 25 лестниц, 50 вил, 6 топоров). После них – 25 солдат с топорами, поручик, сержант и капрал. Последними шли самые большие отряды во главе с полковниками¹⁴. Перед штурмом Выборга было составлено «Ведение каковым образом распредить на штурм по одному мосту, в прочие тому ж», в котором колонны строились по тому же принципу наращивания силы атаки¹⁵.

Лестницы были неотъемлемым атрибутом штурма. В трактате «Побеждающая крепость» Боргсдорф писал о неудобстве длинных лестниц, необходимых для преодоления высоких крепостных стен: они должны быть крепкими, толстыми, а такие громоздкие сооружения невозможно принести быстро и скрытно. К тому же, подниматься по таким лестницам страшно: «У тех которые на них полезут, заимывается дух, и находит обморок что по часту долой спадывают, и друг друга за собою сбивают, и шею сламывают»¹⁶. Из источников можно узнать, что из себя представляли штурмовые лестницы русской армии. В декабре 1701 г., в рамках подготовки к кампании следующего года (в ходе которой будут взяты Мариенбург и Нотебург), Я.В. Брюс докладывал царю, что лестниц «зделано с небольшим сто, длиною по двадцати аршин, иные и гораздо короче, для того что сперва, государь, такова лесу долгова вскоре не нашли; а зделаны они шириною слишком в аршин, и мочно дву человеку сряду идти по тех лестницах, и приделаны ко всякой по два колесца, чтобы скорей по стене их вкатить. И на такой великой длине, государь, не возможно их было зделать лехко, чтоб малыми людьми несть возможно, для того что болно гибки будут»¹⁷. Впрочем, в тот год эти лестницы не помогли русским войскам. Под Нарвой лестницы были шириной 2 аршина, а длиной 8 сажен¹⁸

(то есть шириной 1,42 м и длиной 17 м). Под Выборгом идущие на штурм, помимо лестниц, несли двухсаженные вилы, чтобы прислонять лестницы к стенам, и четырехсаженные доски. Лестницу несли четыре человека, доску – два, а каждый мушкетер нес на штурм фашину «длиною в добрую сажень»¹⁹.

Для выполнения вспомогательных, но опасных заданий во время штурма в петровской армии назначали провинившихся солдат. По данным Н. Устрялова, под Нарвой нести и приставлять штурмовые лестницы было приказано солдатам, «бывшим в бегах»²⁰. Когда готовился штурм Выборгской крепости, Петр приказал командующему осадным корпусом адмиралу Ф.М. Апраксину для наведения мостов во время приступа использовать «астраханцев и каторжных невольников», которым за выполнение задачи можно обещать «невольникам ослабу, а астраханцам жалованье»²¹. Апраксин собирался использовать для наведения мостов и при лестницах также донских казаков. Вскоре Петр приказал во главе «воров» послать на приступ командиров астраханских стрелецких полков, а также выбранных пятидесятников, десятников и казацких атаманов, причем они должны были идти впереди и выдерживать первые залпы осажденных и возможные подрывы мин²². «Ворами», то есть преступниками, считались участники Астраханского стрелецкого восстания и Булавинского бунта на Дону²³.

Европейские авторы подчеркивают необходимость материального стимула для успешного производства осадных работ и выполнения опасных заданий. Поэтому в европейских армиях (и в турецкой) существовала практика материального вознаграждения, сумма которого объявлялась заранее. Идущий на штурм русский воин мог рассчитывать получить награду, но мы не знаем, назначали ли вознаграждение при наборе охотников. Упоминания о денежном поощрении относятся к штурму Азова²⁴ в 1695 г. и захвату «языков» под Нарвой²⁵ в 1704 г. Известны также примеры вознаграждения за совершенный подвиг. После взятия Нотебурга «афицеры и рядовые, каждой по достоинству своих трудов, были награждены деревнями и золотыми манетами»²⁶. Находившиеся под Нарвой в 1704 г. артиллеристы должны были получить денежную выплату за участие во взятии города²⁷. Войскам Б.П. Шереметева, в 1706 г. штурмовавшим Астрахань и подавлявшим там стрелецкое восстание, вознаграждение полагалось «из воровских животов», то есть за счет поверженного противника²⁸. Участникам штурма

Эльбинга полагалась денежная выплата из средств, собранных с городских жителей²⁹. Жалованье за службу при взятии Выборга для гвардейских солдат втрое превышало таковое для армейских полков³⁰. Казакам, штурмовавшим мятежную крепость Новосергиевскую, в качестве награды полагались не только деньги, но и дорогие ткани и меха³¹.

Выбранные тем или иным способом и распределенные по колоннам войска готовились к предстоящему бою. За два дня до штурма Нотебурга офицерам были указаны места атаки, по штурмовым отрядам распределены лестницы и лодки³². Под Нарвой, в день перед штурмом, «приступные лестницы в шанцы скрытно отнесены»³³, а ночью в траншеи вошли штурмовые колонны «к приступу и на выручку определенные», а «поутру и прочая пехота, выступя из обозу, стала не подалеку от шанцев»³⁴. Под Выборгом «в 6 день – [июня. – *Прим. авт.*] был генеральный консилиум, на котором положено, что оную крепость доставать штурмом, к чему были два плавные моста через пролив к самому брешу приготовлены и солдаты к тому с разных полков (которым было идти на штурм) уже ближние апроши в 7-м и 8-м числе были командированы. А в 9 день дан был к тем командированным указ, чтоб штурмовать обождали»³⁵.

В последние часы перед приступом солдаты и офицеры готовились к бою в том числе и духовно. Князь Б.И. Куракин в чине майора Семеновского полка участвовал в штурме Нарвы, а «пред тем приступом исповедывался и причастился Святых Таин, в которой заповеди от отца духовного долженствовал бы всегда памятовать и исполнять»³⁶. (Очевидно, Куракин хорошо помнил «великий и страшливый случай», когда он оказался под неприятельским огнем в траншеях под Ниеншанцем.) В канун штурма молились об удаче и в тылу. Это следует из записок датского посланника Юста Юля: «18-го [июня]. Ввиду того что штурм Выборга назначен на завтра, царь на сегодня объявил пост. Воздержание соблюдалось строго, никто ничего не ел, в церквах и дома день и ночь непрерывно молились, взывая к Богу и прося Его благословения на победу»³⁷.

О поведении солдат в ожидании штурма Нарвы можно судить по приведенной в журнале барона Гизена «Реляции некоего непарциального иностранного министра»: «Которых русских командовали [на приступ. – *Прим. авт.*], те засвидетельствовали только зависть един перед другим радости и веселия, поспешности и охоты, будто бы они шли на мир [очевидно, пир. – *Прим. авт.*], или на свадьбу; что по

истинне удивило нетокмо самых русских, но и иностранных, наипаче шведов полоненников, при апрошах бывших; и вместо того, чтоб русских в то время ободрять; то слышны были жалобы от многих офицеров и солдат, для чего их оставили в их постах»³⁸. Петр осознал важность боевого духа своих солдат и в инструкции к штурму Выборга писал: «Пред оным же штурмом вначале Господа Бога молить подобает всем о помощи... понеже все дела человеческие от сердца происходят, того ради солдатские сердца Давидом реченым веселием увеселить»³⁹.

Штурм следовало поддерживать артиллерией, и Вобан в «Книге об атаке и обороне крепостей» советовал направлять на место сделанного пролома огонь всех близлежащих батарей, чтобы расстрелять защитников бреши и уменьшить потери штурмующих войск⁴⁰. Помимо пушек, для «очищения» валов от защитников использовались мортиры разных размеров. На рубеже веков для обстрела укреплений с близкого расстояния применялись малые мортиры, переносимые двумя бомбардирами (так называемые Кегорновы мортиры). Вобан признавал, что из них можно «великое множество гранат бросать», но считал, что эффект от этих орудий невелик, а их обслуживание требует слишком много людей и материалов. Вместо малых мортир своего голландского соперника в инженерном искусстве Кегорна, Вобан отдавал предпочтение большим мортирам, бросавшим бомбы и камни⁴¹. Боргсдорф писал, что во время боя «надобно жестоко на башни стрелять. А особливо камнями, каркасами, и ручными гранатами, что б осажденные менши из крепости стреляли б»⁴².

Источники сохранили свидетельства тщательной подготовки и эффективного применения артиллерии во время штурмов. Например, на контрэскарпе перед фасом нарвского бастиона Виктория была установлена батарея на четыре орудия для подавления сопротивления на стенах, в траншее введены «ко отстреливанию учрежденные ратные люди» (то есть стрелки, которые вели огонь по стенам во время штурма)⁴³. Характерным для штурмов Нарвы и Дерпта было массированное использование «ручных мортирок» – оружия для метания ручных гранат, стоявшего на вооружении гренадер драгунских полков. Даже шведы подчеркивали их эффективность⁴⁴. В 1710 г. при подготовке штурма Выборга Петр написал подробную инструкцию, где раскрыл роль ручных мортирок, «которым, как по ночам мешать делать [то есть восстанавливать

разрушенные укрепления крепости. – *Прим. авт.*], а наипаче во время штурма людей сбивать со стен»⁴⁵. При штурме на крепость должен был обрушиться шквал огня, причем обстреливать из пушек и мортир предполагалось не только пункты атаки, но бастионы и башню, с которых защитники могли вести огонь⁴⁶.

Выбор времени суток для начала приступа определялся соображениями, которые можно встретить у Боргсдорфа и Бланда. Днем штурмовать крепость считалось выгоднее, так как при свете дня солдатам виден героизм храбрейших, да и трусам сложнее отлынивать, а поддерживающая артиллерия с большей точностью бьет по обороне города и по краю бреши. Самый важный довод был таков: «Если ночь настанет до того, как город будет полностью подчинен, великие неудобства постигнут и ваши войска и бедных обывателей [то есть под покровом ночи в захваченном городе войска потеряют порядок и предадутся грабежам. – *Прим. авт.*]; чтобы избежать этого, атака обычно производится до полудня»⁴⁷. В русской армии такого подхода придерживались не всегда: штурм Мариенбурга начался «в ночи, часа за 3 до света»⁴⁸, штурм Нотебурга – «о полчетверта часа рано»⁴⁹. Штурмовать Нарву ночью предлагал А.Д. Меншиков (ночного штурма ожидали и ее защитники), однако генерал-фельдмаршал-лейтенант Г.В. Огильви предложил начать штурм днем, и Петр согласился: русские штурмовые колонны пошли на приступ Нарвы около 14 часов 9 августа 1704 г.⁵⁰ Штурм Выборга сначала планировался адмиралом Апраксиным «за час до свету»⁵¹, однако позже Петр написал в своей инструкции: «И конечно оному [штурму. – *Прим. авт.*] ... надлежит быть в день, а не ночью (в чем уже довольно отведено, что ночные штурмы никогда не удаются ради многих причин, которые здесь выписывать оставляю)»⁵². Поэтому штурм Выборга был назначен на 10 часов утра⁵³.

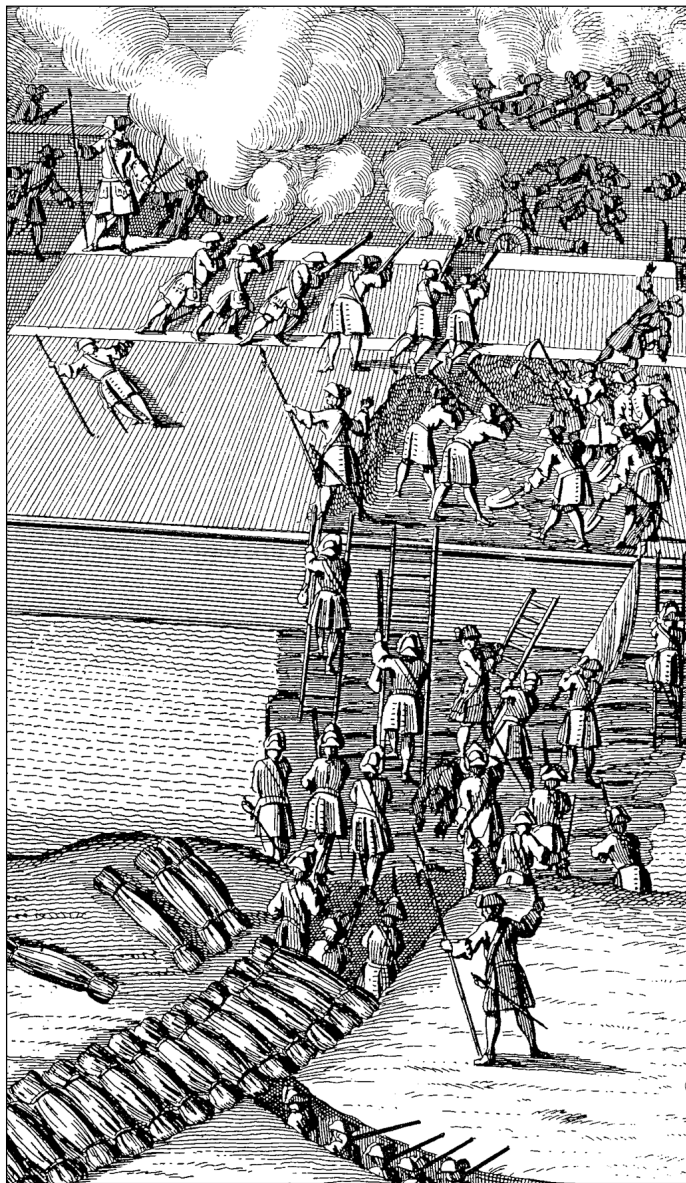
Сигнал к штурму Вобан рекомендовал подавать поднятием над траншеей знамени. В русской армии сигнал было принято давать залпом трех или пяти мортир (Мариенбург, Нотебург, Нарва, Выборг)⁵⁴.

В своей «Побеждающей крепости» Боргсдорф красочно описывал, как тяжело и опасно идти на штурм: «И то будет не слышанной и долгопротяжной и опасной бой неприятелю, понеже принужден будет все открытым телом приступати, осажденные же ожидают его всегда покрыти[ы]е с последним ему миропомазанием»⁵⁵. Вобан рекомендовал при штурме отправлять солдат на брешь

небольшими группами, и им не следует вступать в бой с защитниками бреша (если те сделают вылазку), но бежать назад под прикрытие своей артиллерии. Во всех случаях Вобан предпочитал обстрел, чтобы минимизировать потери. Только если осажденные твердо удерживали брешь, оставалось «атаковать тот брешь штурмом великими детащентами раза два или три», то есть вести массированный штурм, повторяя атаки при неудаче и не считаясь с потерями⁵⁶. Вобан пропагандировал методы осады и штурма, требовавшие больше труда, времени и мастерства, а не прямые атаки, сопровождавшиеся большими потерями. Такой осторожный подход не разделяли военачальники Франции и ее противники в войнах конца XVII – начала XVIII вв.⁵⁷ Ожесточенность штурмов могла усугубляться неверными распоряжениями командиров и инженеров, неэффективной артиллерийской поддержкой.

У Боргсдорфа приведены правила эффективного штурма⁵⁸. Например, чтобы разделить силы осажденных, следовало атаковать сразу в нескольких местах. Эта тактика одновременной атаки с нескольких направлений успешно применялась русской армией при штурмах Нарвы, Батурина и Эльбинга.

По Вобану, штурмующим в первую очередь надо взойти на стены крепости и построить там ложемент, то есть закрепиться на этом рубеже. Таким образом, неизбежная кровопролитная фаза штурма завершится при первой возможности и снова перейдет в инженерную атаку⁵⁹. Опубликованная бароном Гизеном «Реляция иностранного очевидца» рассказывает о постановке и выполнении этой задачи русскими войсками под Нарвой: «Инженеры Гейсон, Бриль и иные командованы были, чтобы ретраншироваться в бастионах нового города, как скоро оным овладеют. Только марциальная храбрость русских солдат, и Минервы разумное вождение офицеров их, которые в самой ярости имели столько разторопности, чтоб волочи за собою сквозь новой город лестницы для приставления оных, как они и учинили к старому городу понудили их помянутые ретрашементы забыть. Таковым неслыханным благородным сердцем пошли они далее нежели чаяли, то есть до середины города, в которой вошли от части лестницами, и от части в разломанные ворота. И тако далее и в замок вошли»⁶⁰. Тот же документ сообщает о стремительности русской атаки: «Издали видно было, что шведы на рампартах зело мешкались, и против русских не успевали стрелять»⁶¹. В «Реляции...» подчеркивается мужество и

Штурм крепости, фрагмент гравюры.
Fleming, Н. Der vollkommene teutsche Soldat. Leipzig, 1726

самоотверженность, проявленные русскими солдатами при штурме Нарвы: «В сей атаке шли люди не закрытые в полной день, волокли, приставляли лестницы под усом неприятельским, и шли на приступ не боясь мушкатер и гранат, бомб, ниже пушечного ломострелия, и подкопного рванья; но что сего смелее, что гнали они неприятеля шпагами в тыл чрез два города даже до замка, который также взяли в час времени с малым потеряннем»⁶². Штурм Нарвы – редкий случай взятия крупной крепости скоротечным приступом. Быстрота и результативность нарвской атаки впечатляли тем более, что сравнить их можно лишь с многочасовыми приступами на Нотебург и Дерпт (где пройти через брешь с бою победителям все же не удалось).

В ходе Северной войны русская армия захватила не менее 28 различных крепостей. Из них 10 были атакованы. В Мариенбурге, Нотебурге и Дерпте коменданты сдались до того, как русские смогли ворваться в город. Штурмы Новосергиевского и Браилова протекали по одинаковой схеме – с боем был захвачен внешний периметр и неприятель вступил в переговоры о сдаче, засев в цитадели. Достигли своей прямой цели – ввести войска с боем внутрь крепостной ограды – штурмы Нарвы, Батурина, Переволочной, Сечи и Эльбинга.

¹ Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к Т. 1. С. 122.

² Камбрэ де. Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана. СПб., 1724.

³ Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана, маршала Франции и генерала директора над фортификациями королевства Французского, переведена чрез Ивана Ремезова, поручика Шляхетного Кадетского Корпуса. СПб., 1744.

⁴ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Т. 2. С. 331.

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 4; Там же. С. 265; Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. СПб., 1894. С. 91.

⁶ Военной Устав с Артикулом Военным. СПб., 1748. С. 120.

⁷ Bland H. A Treatise of Military Discipline; in which is laid down and explained the duty of the officer and soldier thro' the several branches of service. London, 1727. P. 277.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 103; см. также Военно-походный журнал Б.П. Шереметева // Материалы военно-ученого архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 122.

- ⁹ Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 84.
- ¹⁰ Bland. P. 277.
- ¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 175.
- ¹² Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700–1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 297.
- ¹³ Гизен. Журнал Государя Петра I // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Т. 8. СПб., 1788. С. 273–274.
- ¹⁴ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 92–97.
- ¹⁵ Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 84–85.
- ¹⁶ Боргсдорф Ф.Э. Побеждающая крепость. М., 1708. С. 38.
- ¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 877.
- ¹⁸ Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700–1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 297.
- ¹⁹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 96–97.
- ²⁰ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 312.
- ²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 10 (январь – декабрь 1710 г.). С. 155.
- ²² Там же. С. 175.
- ²³ Там же. С. 611.
- ²⁴ Ласковский Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 353.
- ²⁵ Гизен. Журнал Государя Петра I. С 1695 по 1709 // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Т. 3. СПб., 1787. С. 417.
- ²⁶ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 223–229.
- ²⁷ Архив генерал-фельдфеихмейстера Я.В. Брюса. СПб., Щелково, 2006. Т. 3. С. 62.
- ²⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. С. 222.
- ²⁹ Там же. Т. 10. С. 60, 154, 518, 297.
- ³⁰ Гизен. Журнал Государя Петра I // Собрание разных записок и сочинений. Т. 8. СПб., 1788. С. 267.
- ³¹ Сборник ИРИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 195; Мышлаевский А.З. Война с Турцией 1711 года. Прутская операция. Материалы, извлеченные из архивов. СПб., 1898. С. 72, 92.
- ³² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 103.
- ³³ Там же. Т. 3. С. 175.
- ³⁴ Там же. С. 176.
- ³⁵ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С.120.
- ³⁶ Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 267.
- ³⁷ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 180.
- ³⁸ Гизен. Журнал Государя Петра I. С 1695 по 1709. С. 453.
- ³⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 129.
- ⁴⁰ Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей. С. 84, 94.
- ⁴¹ Там же. С. 69.

- ⁴² Боргсдорф Э.Ф. Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати. М., 1709. С. 27.
- ⁴³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 175–176.
- ⁴⁴ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 2. P. 14.
- ⁴⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 127–129; Ласковский Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 178–180. Подробнее о боевом применении ручных мортирок см.: Мегорский Б.В. Русская артиллерия в осадах Северной войны. Теория и практика боевого применения // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2010. С. 99–101.
- ⁴⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 175.
- ⁴⁷ Bland H. A Treatise of Military Discipline; in which is laid down and explained the duty of the officer and soldier thro' the several branches of service. London, 1727. P. 280. См. также: Боргсдорф Э.Ф. Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати. М., 1709. С. 35–36.
- ⁴⁸ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-ученого архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 112.
- ⁴⁹ Книга марсова или воинских дел от войск его царского величества российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски его королевского величества свейского. С первого санктпетербургского 1713 года издания вторым тиснением напечатанная. СПб., 1766. С. 6.
- ⁵⁰ Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704. Таллин, 1966. С. 255; Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 2. P. 20.
- ⁵¹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 97.
- ⁵² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 129.
- ⁵³ Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 85.
- ⁵⁴ См.: Мегорский Б.В. Русская артиллерия в осадах Северной войны. С. 97–98.
- ⁵⁵ Боргсдорф Э.Ф. Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовым и к счастливому въезду в Москву. Его царскому величеству покорнейше поднесено от Эриста Фридериха барона, фон Боргсдорфа, цесарского величества Римского, настояще учрежденнаго начального инженера. М., 1708. С. 53.
- ⁵⁶ Вобан С. Указ. соч. С. 83–84, 94.
- ⁵⁷ Lynn J. Giant of the Grand Siecle. The French Army, 1610–1715. New York, 1998. P. 576–577.
- ⁵⁸ Боргсдорф Э.Ф. Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати. М., 1709. С. 36–37.
- ⁵⁹ Вобан С. Указ. соч. С. 94.
- ⁶⁰ Гизен. Журнал Государя Петра I. С 1695 по 1709. С. 455.
- ⁶¹ Там же. С. 454.
- ⁶² Там же. С. 457–458.

Л.Г. Минасян, Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

ПОДАРОК ДАТСКОГО КОРОЛЯ В СОБРАНИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО МУЗЕЯ

Памятники артиллерийского искусства и воинской славы в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), формировавшемся на протяжении более трех столетий, свидетельствуют не только о самих орудиях, но и доносят информацию о личностях и процессах, происходивших в мировой политике.

Это с полным правом можно сказать о двух уникальных пушках конца XIV в. – образчиках древнейших конструкций артиллерии Западной Европы, сваренных из отдельных железных сочленений. В коллекции образцов артиллерийских орудий они являются самыми ранними и дают возможность ознакомиться не только с состоянием артиллерийского искусства того времени, но и с конструкцией первых огнестрельных орудий.

Судьба этих памятников интересна, а порой драматична. Найденные в 1852 г. на дне Балтийского моря у берегов Дании, они были преподнесены в дар Николаю I датским королем Фредериком VII, большим любителем и знатоком старины, знавшим цену археологическим находкам. Вероятно, этот подарок русскому императору означал признательность Фредерика VII за роль России в ключевых моментах датской истории середины XIX в.

В период Прусско-датской войны 1848–1850 гг., когда Пруссия без объявления войны захватила приэльбские герцогства Голштинию и Шлезвиг и развернула наступление в Ютландии, ее воинственный напор был остановлен появлением русского флота под Копенгагеном. Поводом к заключению Мальмесского перемирия с Данией послужило заявление Николая I прусскому королю Фридриху Вильгельму IV о том, что по международным договорам герцогства принадлежат датскому королевству, и всякое вмешатель-

ство Пруссии будет расцениваться Россией как *casus belli*, то есть формальный повод для объявления войны¹. С января 1852 г. в Дании был установлен новый закон о престолонаследии, согласованный с пятью европейскими державами, которые, в интересах европейского мира, обязались сохранить неприкосновенность датской монархии. По закону, закрепленному Лондонским трактатом 1852 г., император Николай I отказывался от прав на Голштинию. (Карлу-Петру-Ульриху, представителю Голштейн-Готторпской линии, предназначался шведский престол. Но в 1742 г. он был объявлен наследником русского престола как племянник императрицы Елизаветы Петровны и внук Петра Великого. В 1761 г. он взошел на престол под именем Петра III. Таким образом, главой Голштейн-Готторпской линии и претендентом на датский престол являлся русский император².)

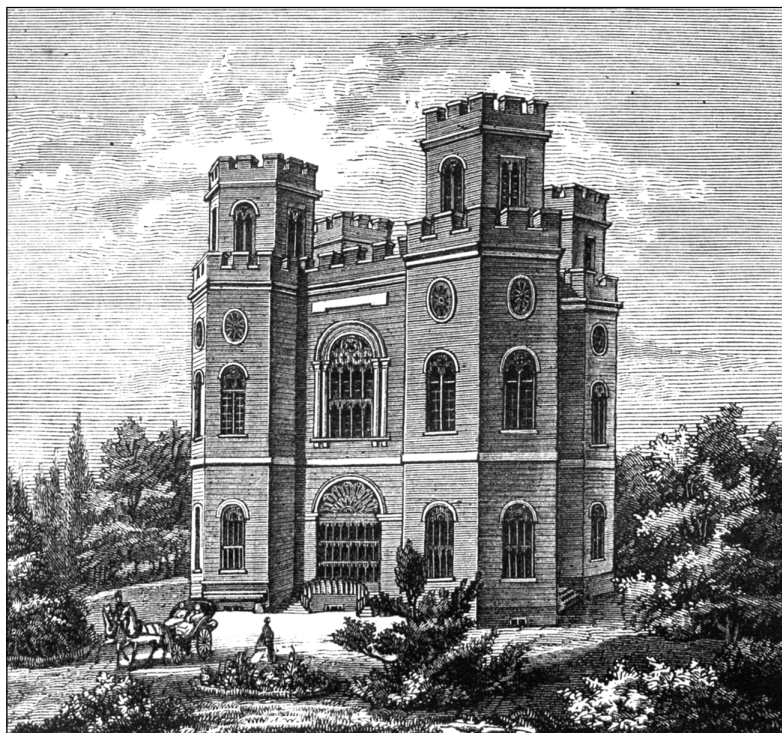

Рис. 1. Царскосельский арсенал. Фото с гравюры

Принц Гессенский также отрекся от прав на датскую корону. Приемником угасавшей с Фредериком VII линии был объявлен Христиан Глюксбургский³.

В 1852 г. подарок датского короля поступил в Царскосельский арсенал – одно из богатейших собраний Европы, снискавшее заслуженную славу среди ценителей и коллекционеров оружия во всем мире⁴. До середины 70-х гг. XIX в. два старинных орудия располагались по обе стороны главного подъезда арсенала (рис. 1).

Библиотекарь Николая I Ф.А. Жиль, опытный собиратель и тонкий знаток старинного оружия, заведовавший Царскосельским арсеналом около четверти века⁵, в каталоге «Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору» писал, что эти древние пушки свидетельствуют о младенческом состоянии артиллерийского искусства и в начале XV в. могли быть использованы для обстрела Зундского пролива⁶ (ныне пролив Эресунн, находящийся между Скандинавским полуостровом и островом Зеландия, соединяющий Балтийское море с проливом Каттегат).

Давая описание этих орудий, Жиль свидетельствовал, что каждая пушка состоит из длинного дула, выкованного из листового железа и связанного, для большей крепости, огромными железными кольцами. В верхней части ствола находится коробка для пороха, запираемая втулкой. Ствол и коробка перед выстрелом соединялись посредством железного стремени или скобы и укреплялись с помощью железных клиньев. Дуло пушек было вставлено в выдолбленное дубовое бревно, представляющее собой нечто вроде лафета. Длина первой пушки с лафетом $14 \frac{1}{3}$ фута, диаметр дула 4 дюйма; второй – 10 футов с диаметром ствола 3 дюйма⁷.

В 1876 г., по ходатайству товарища генерал-фельдцейхмейстера А.А. Баранцова, последовало высочайшее разрешение на передачу в Артиллерийский музей одного орудия из подарка датского короля⁸ в обмен на немецкое рыцарское вооружение XVI в.⁹

Изначально орудие было учтено в музее по так называемой «шнуровой» книге под № 1968 как «древнее железное орудие XV в. с каморою и кладкою для заряжания с казенной части. Найдено в 1852 г. на морском дне близь берегов Дании»¹⁰.

Когда заведующий Артиллерийским музеем Н.Е. Бранденбург для улучшения систематизации музейных предметов ввел новые учетные документы, получившие наименование «красные книги»,

то древнее орудие зарегистрировали под № 1303, с указанием старого номера по шнуровой книге. Николай Ефимович, изучив этот памятник, сделал запись: «Пищаль железная, представляющая собою один из древнейших образцов конструкции артиллерии Западной Европы конца XIV – начала XV вв. Орудие выковано из листового железа и скреплено в нескольких местах железными кольцами; заряжается с казенной части при помощи выемной каморы, в которую помещается заряд; камора закрепляется в своем помещении при помощи особой скобы и клиньев. Лафет заменяет плоскосрезанная дубовая колода, в которую вдолблено тело орудия. Длина его без колоды 88,5 дюймов, с колодою – 119 дюймов, длина канала – 71 дюйм, калибр – 4 дюйма. Общий вес 14,5 пудов. Вес каморы 1 пуд 9 фунтов; длина – 14,8 дюймов». Памятник был поднят со дна моря близ берегов Дании в 1852 г. и подарен императору Николаю I датским королем Фредериком VII»¹¹.

В систематическом каталоге музейных коллекций, изданном впервые в 1877 г., Бранденбург, помещая описание этой пищали, свидетельствовал, что первые артиллерийские орудия Западной Европы были более или менее одинаковыми и состояли из железных полос, соединенных толстыми кольцами, и прикреплялись к деревянной колоде железными полосками. Заряжались с казенной части посредством выемной каморы. По всей вероятности, такого же устройства были первые «арматы», вывезенные при княжении Дмитрия Донского¹².

Это раритетное орудие было представлено на торжествах в честь 500-летия русской артиллерии, проходивших 8 ноября 1889 г. в здании Кронверка Петропавловской крепости. Оно располагалось в прекрасно оформленном вестибюле центрального входа в Кронверк, одном из грандиозных вестибюлей Петербурга, у бюста Дмитрия Донского, как самый древний образец железных пушек примитивной конструкции иностранного производства, подобный тем, которые завозились на Русь в конце XIV в.¹³

В своей работе «500-летие Русской артиллерии» Н.Е. Бранденбург высказал предположение, что первые артиллерийские орудия появились в Древней Руси благодаря Ганзейскому союзу, торговавшему с Великим Новгородом водным путем. «Такой груз, как орудия и порох, едва ли мог составлять частную инициативу, правдоподобнее считать, что инициатива происходила со стороны Великого княжества Московского, по поручению которого выступал Великий Новгород»¹⁴.

С этой точкой зрения Бранденбурга соглашался и исследователь военной старины Н. Бочаров. В своей статье «Москва – колыбель русской артиллерии» он писал, что москвичи получили первые сведения о пушках и их применении от новгородцев, так как Великий Новгород в конце XIV в. поддерживал обширные торговые отношения с Ганзейским союзом, осуществлявшим посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой¹⁵.

К торжествам по случаю 500-летия русской артиллерии во «Всемирной иллюстрации», в статье Д.П. Струкова «Коллекции Артиллерийского музея», был помещен в числе самых уникальных памятников музея и выразительный рисунок этой пушки, исполненный с натуры художником П. Борелем¹⁶ (рис. 2).

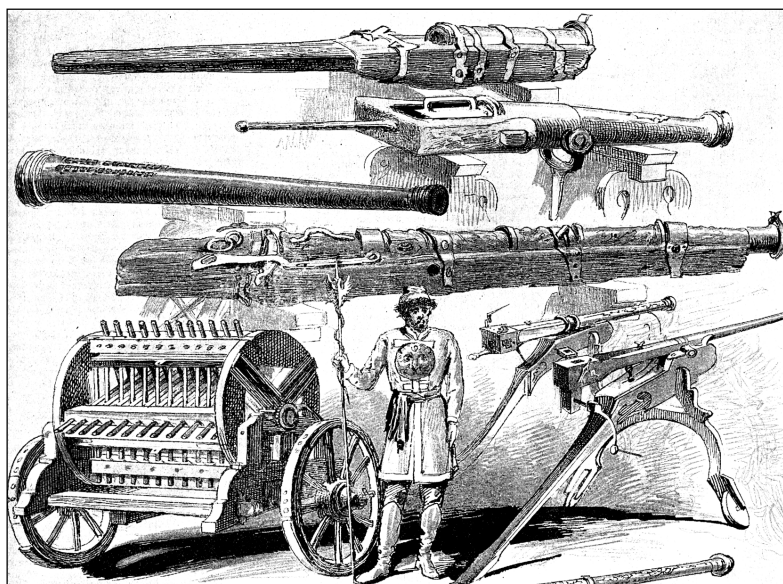

Рис. 2. Пищаль железная казнозарядная конца XIV в. (четвертая сверху). Фото с рисунка П. Бореля

При устройстве русского отдела международной выставки в Париже в 1900 г., среди 133 реликвий Артиллерийского музея, была представлена и казнозарядная железная пушка, подаренная датским королем и вызвавшая большой интерес у военных историков Франции.

В декабре 1903 г., к 200-летию юбилею Артиллерийского музея, Обществом ревнителей военных знаний (ОРВЗ) был издан «Краткий систематический указатель главнейших предметов, хранящихся в Артиллерийском историческом музее»¹⁷. В указателе, среди достопамятных орудий, отражающих историю артиллерии, была представлена и пушка, заряжающаяся с казенной части, как образец иностранных орудий, доставлявшихся на Русь в конце XIV в.¹⁸

При посещении Царскосельского арсенала в 1907 г. Д.П. Струков обратил внимание на древнее артиллерийское орудие, расположенное в наружном дворике. В инвентарных описях Арсенала это орудие значилось под № 13/22 как «пушка длиною 4 аршина 5,5 вершков с деревянным лафетом. Отверстие дула 2 $\frac{1}{4}$ вершка. Оценочная стоимость 150 руб.».

В докладной записке в Царскосельское дворцовое управление от 27 июля 1907 г. Струков, обосновывая необходимость передачи старинной пушки в музей, писал: «Орудие на самом деле представляет собою древнейший прототип артиллерийских орудий XIV в., известных в истории под наименованием “бомбард”, открывших собою эру возникновения артиллерии как рода войск. Из осмотренных мною 28 военных музеев в Западной Европе, столь редкими и ценными образцами обладают только Берлинский и Мюнхенский музеи»¹⁹.

Вскоре поступило распоряжение о передаче этого памятника в Артиллерийский музей. На документе имеется помета красным карандашом о доставке ценного экспоната в музей 7 сентября 1907 г. и № 698²⁰. В учетных книгах под этим номером значится: «Древнее железное орудие начала XV в. (пищаль) подобное имеется в музее. Найдено в 1852 г. на дне морском близ берегов Дании. Выковано из листового железа и скреплено железными кольцами. Заряжалось с казенной части с помощью выемной каморы, вмещавшей в себя заряд, закрепленный в своем помещении посредством скобы и клина (последнего не сохранилось). Тело орудия вдолблено в дубовое бревно или колоду. Орудие подарено датским королем Фредериком VII императору Николаю I. Поступило из Царскосельского арсенала по отношению № 5188 Царскосельского дворцового управления от 30 августа 1907 г.».

В 1907 г., с получением новых помещений в здании Кронверка, Д.П. Струков открыл новые экспозиции в музее. Две старинные

пушки, изготовленные в Западной Европе, были представлены в отделе русских памятников и располагались на первом этаже музея (рис. 3).

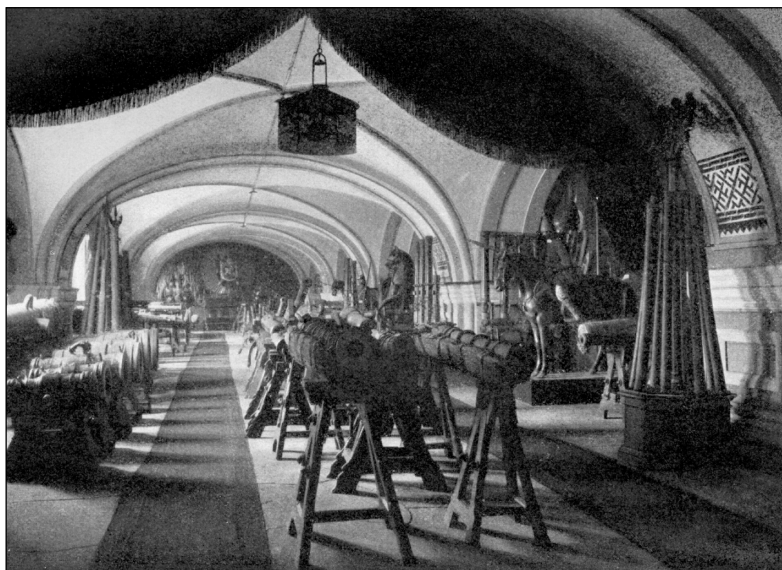

Рис. 3. На первом плане две пищали железные казнозарядные в зале древних русских памятников XIV–XVIII вв. в АИМ

В Путеводителе по Артиллерийскому историческому музею, опубликованном в 1912 г., Дмитрий Петрович высказал предположение, что, возможно, эти древние пушки конца XIV в. предназначались для ввоза на Русь и находились на одном из судов, принадлежавших Ганзейскому союзу, которое затонуло близ датских берегов.

Первое появление огнестрельных орудий в Древней Руси Дмитрий Петрович, так же, как и Н.Е. Бранденбург, относит к периоду правления великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Донского, ссылаясь на известную Голицынскую летопись, указывающую, что «в лето 6897 [1389 г.] вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумели из них стреляти»²¹. Позднейшие исследования отодвинули известную дату применения огнестрельных орудий на Руси до 1382 г., времени

нашествия Тохтамыша на Москву, когда на стенах города стояли артиллерийские орудия «тюфяки», с которыми москвичи познакомились в 1376 г. в походе «на Болгары»²².

В период Первой мировой войны, когда наступление германских войск в Прибалтике к лету 1917 г. создало напряженную ситуацию в Петрограде, Временное правительство специальным указом объявило о срочной эвакуации культурных ценностей из столицы. В сентябре 1917 г. практически все коллекции Артиллерийского исторического музея были вывезены. Старинные стволы были отправлены на баржах водным путем в Ярославль. Исполняющий обязанности начальника музея Н.М. Печенкин писал прапорщику Курышеву, возглавлявшему охрану вывезенных музейных коллекций: «Не упускайте никогда из вида, что на Вас возложена очень высокая задача охраны памятников прошлого России, гибель которых невосполнима: ни купить, ни найти где-либо подобное невозможно»²³.

Крайне неблагоприятные условия хранения памятников в эвакуации нанесли невосполнимый ущерб коллекциям предметов артиллерийского искусства. Но одна из древних пушек, подаренных королем Дании, благополучно вернулась из реэвакуации в 1923 г., о чем имеется соответствующая запись в учетных книгах²⁴, а отметка о возвращении второй отсутствует²⁵.

Это навело на мысль о возможной гибели древней пушки в Ярославле, так как других учетных документов на тот период не имелось. Выставка памятников артиллерийского искусства России с древнейших времен, открывшаяся 25 февраля 1925 г., подтверждала вероятность этого события. В кратком указателе главнейших предметов экспозиции, изданном к открытию выставки, среди представленных артиллерийских стволов раннего периода под № 1 экспонировалась железная казнозарядная пушка как образец орудий, ввезенных на Русь в конце XIV в. из Западной Европы. В музей поступила в 1876 г.²⁶ О второй пушке, поступившей в 1907 г., сведений не было (рис. 4).

С конца 20-х гг. прошлого века наступила череда долгих лет забвения двух уникальных памятников, подаренных датским королем. О них не упоминается ни в «Кратком путеводителе по залу истории артиллерии», составленном П.Д. Львовским в 1941 г.²⁷, ни в послевоенных изданиях за 1954, 1957, 1964, 1966 и 1968 гг.²⁸

Только в путеводителе за 1983 г. имеются сведения об одной

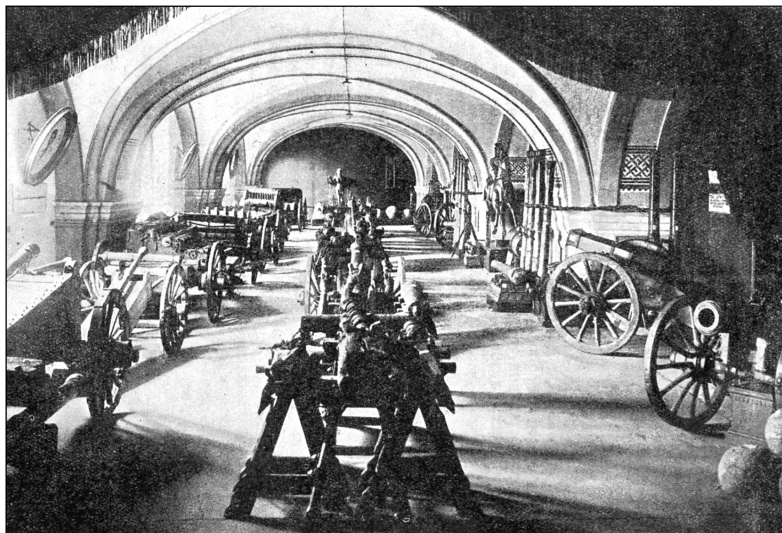

Рис. 4. На первом плане пицаль железная казнозарядная конца XIV в.

«казнозарядной железной кованой пицали, укрепленной на дубовой колоде, которая демонстрировалась как первая русская пушка на праздновании 500-летнего юбилея русской артиллерии в 1889 г.»²⁹. Речь идет о пушке, поступившей в музей в 1876 г.

В современных путеводителях, изданных в 2003 и 2008 гг.³⁰, и в обширном труде С.В. Ефимова и С.С. Рымши «Оружие Западной Европы XV – XVII вв.»³¹ также содержатся сведения только об одном памятнике из подарка датского короля, о втором, поступившем в 1907 г., нет упоминаний.

Но благодаря работе В.В. Арендта «К истории средневековой артиллерии», одного из крупнейших специалистов по истории оружия, работавшего в середине 30-х гг. XX в. в Артиллерийском историческом музее, известно и о второй пушке из подарка Фредерика VII³². В статье В.В. Арендт дает описание двух железных орудий с вкладной камерой, хранящихся в Артиллерийском историческом музее, с указанием старых инвентарных номеров.

Эти железные казнозарядные орудия с вкладной камерой конца XIV в. Арендт называет первоначальным типом пушки и, подчеркивая их уникальность, сообщает, что лишь единичные музеи Западной Европы владеют подобными образцами.

Первое орудие (инв. № 1303). Ствол сварен из пяти частей. На месте сварки нагнаны 4 скрепляющих кольца. На дульной части и казеннике наварены, для усиления, широкие муфты.

Второе орудие (инв. № 698). Ствол сварен из четырнадцати частей, скрепленных нагнанными на месте сварки 11 кольцами и 3 муфтами. Первая и третья муфты с выкованными скобами, сквозь которые пропущены витые кольца. На дульном срезе наварено высокое кольцо с выкованной сверху площадкой для наводки (рис. 5).

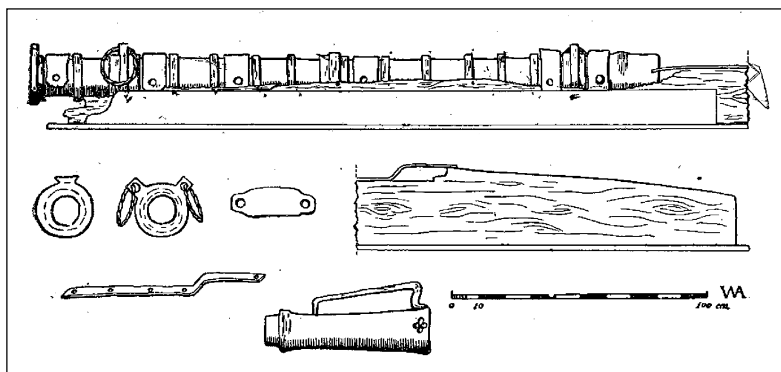

Рис. 5. Чертеж железной казнозарядной пищали конца XIV в., поступившей в АИМ в 1907 г.

Описывая пушки, В.В. Арендт впервые высказывает мнение, что они не выкованы из листового железа, связанного кольцами для крепости, как утверждали Жиль, Бранденбург и Струков, а сварены из отдельных сочленений, причем на каждый шов нагонялось в раскаленном состоянии скрепляющее кольцо. Коррозия металла помогла обнаружить технику сварки отдельных сочленений. «Появление казнозарядных пушек с вкладной камерой, – пишет Арендт, – заставляет признать в этих образцах, несмотря на некоторую примитивность обработки, вполне законченную и совершенно рациональную, при технических возможностях той эпохи, сложную конструкцию»³³.

Согласно генеральному инвентарному каталогу отдела Государственного учета музейных ценностей обе пушки (инв. № 01/1 и инв. № 01/3) хранятся в музее как железные казнозарядные орудия конца XIV – начала XV вв. с указанием шифров старых учетных документов, которые полностью совпадают с имеющимися данными.

В настоящее время железная казнозарядная пушка с вкладной камерой конца XIV – начала XV вв. (инв. № 01/3) находится на экспозиции в зале «Истории артиллерии до середины XIX в.».

Пушка состоит из ствола, вкладной зарядной камеры, клина и колоды. Ствол железный, сварен из пяти отдельных частей и усилен пятью железными кольцами. Заряжается с казенной части вкладной зарядной камерой, представляющей собой конусообразную трубку с рукоятью, конец которой наглухо закрыт.

Удерживает камору при выстреле железный клин. Клин вогнутой формы, снабженный снизу скобой.

Колода представляет собой массивный дубовый брус, суживающийся к дульной части и имеющий выдолблы для плотной укладки ствола. Вложенный в колоду ствол скреплялся тремя круговыми составными обручами. Один обруч на дульной части утрачен.

Диаметр канала ствола – 74–76 мм

Длина ствола – 179 см

Длина ствола со вставленным клином – 214,5 см

Длина колоды – 292 см

Ширина в дульной части – 20 см

Ширина в хоботовой части – 27 см

Длина ствола с колодой – 307 см

В 2007 г. пушка подвергалась общей чистке металла и дерева, с покрытием металла воском³⁴ (рис. 6).

Вторая пушка (инв. № 01/1), переданная из Царскосельского арсенала в 1907 г., находится на

Рис. 6. Пушка железная казнозарядная конца XIV в. Экспонируется в зале «Истории артиллерии до середины XIX в.» Фото С.С. Рымши. 2007 г.

экспозиции № 2 (открытое хранение). Ствол уже без дубовой колоды, отсутствуют камора и вкладной клин, который был потерян еще при поступлении памятника в музей³⁵. Тяжелый длинный ствол состоит из четырнадцати частей, скрепленных одиннадцатью кольцами и тремя муфтами. Первая и вторая муфты с выкованными скобами.

Диаметр канала ствола – 108 мм

Длина ствола – 252 см

Пушка как раритетный образец древнейшей конструкции артиллерии Западной Европы нуждается в реставрации (рис. 7).

Рис. 7. Пушка железная казнозарядная конца XIV в. Экспозиция № 2 (открытое хранение). Фото С.В. Ефимова. 2008 г.

Думается, что этим столь редким и ценным памятникам, стоящим у истоков зарождения артиллерийского искусства, которых во всей Европе остались считанные единицы, необходимо выйти из забвения и занять почетное место в собраниях ВИМАИВиВС.

Авторы выражают благодарность доктору исторических наук профессору СПб ГУ Л.В. Выскочкову, заместителю директора музея по научно-просветительской и выставочной работе, кандидату исторических наук С.В. Ефимову, старшему научному сотруднику музея Заслуженному работнику культуры РФ Л.К. Маковской.

- ¹ Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 271.
- ² Энциклопедический словарь Брокгауз Ф.А. Эфрон И.А. Т. IX. Гоа-Гравер. СПб., 1893. С. 125.
- ³ Там же. Т. X. Давенпорт-Десмин. СПб., 1893. С. 106.
- ⁴ Жиль Ф.А. Предисловие. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору. СПб., 1860. С. 11.
- ⁵ Там же. С. 13.
- ⁶ Там же. С. 2.
- ⁷ Там же С. 3.
- ⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 33. Л. 51.
- ⁹ Там же. Л. 61.
- ¹⁰ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 9. Л. 245 об.–246.
- ¹¹ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. Л. 209 об.–210.
- ¹² Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I (XV–XVII ст.). СПб., 1877. С. 35.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 47. Л. 66/5.
- ¹⁴ Там же. Л. 68/4–68/5.
- ¹⁵ Там же. Л. 131.
- ¹⁶ Там же. Л. 198.
- ¹⁷ Там же. Д. 67. Л. 153.
- ¹⁸ Там же. Л. 154/1–154/1 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 74. Л. 308.
- ²⁰ Там же. Л. 389.
- ²¹ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому Историческому музею. СПб., 1912. С. 11.
- ²² Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М., 1962. С. 23.
- ²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 115. Л. 329.
- ²⁴ Там же. Оп. 111. Д. 2. Л. 211.
- ²⁵ Там же. Д. 7. Л. 119 об.–120.
- ²⁶ Краткий указатель главнейших предметов постоянной выставки в Артиллерийском Историческом музее. М., 1925. С. 4, 9.
- ²⁷ Львовский П.Д. Краткий путеводитель по залу истории артиллерии. М.; Л., 1941. С. 9.
- ²⁸ Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск. Краткий путеводитель. Л., 1964. С. 19.
- ²⁹ Боевые реликвии. По залам Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Путеводитель. М., 1983. С. 14.
- ³⁰ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Путеводитель. СПб., 2008.
- ³¹ Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. 2. С. 82.
- ³² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 13. Д. 43. Л. 6.
- ³³ Арндт В.В. К истории средневековой артиллерии. Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935. С. 297, 300, 317.
- ³⁴ Акт реставрации № 61 МГА от 1 ноября 2007 г.
- ³⁵ Акт от 14 октября 1953 г.

*А.В. Михайлов, А.А. Португеев,
В.В. Птицын, Г.В. Малахов (Тула)*

ИСТОРИЯ ПОИСКОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

История производства стрелкового оружия – это история развития системы взаимосвязанных технологических процессов: получения заготовок, механической, термической обработки и сборки.

Особое место в этой системе занимают производственные эксперименты по совершенствованию технологий: крупномасштабные, проводимые одновременно на нескольких оружейных заводах; внутризаводские и внутрицеховые.

О понимании правительством необходимости промышленных экспериментов свидетельствует то, что крупные экспериментальные работы включались в государственные заказы. Для проведения экспериментов выделялись внутризаводские статьи расходов. Отдельными пунктами положений об оружейных заводах их руководители обязывались принимать меры для совершенствования технологий.

По результатам экспериментов принимались государственные решения о приоритетных направлениях развития как оружейного производства, так и отраслей промышленности, связанных с ним.

С помощью экспериментов находили пути к усовершенствованию технологий, применяемых во всех отраслях «дела оружия». Это эксперименты, связанные с выбором поставщиков наиболее качественного металла; с апробированием новых технологий изготовления ствольных заготовок и заварки стволов; с опытами по выбору оптимального состава горючих материалов, применяемых

в кузнечном деле; с испытанием методов механической обработки и инструментальных материалов; с изысканиями по назначению режимов сушки ложевых болванок и технологии их обработки; со сравнительными испытаниями зарубежных и отечественных технологий.

Технологии приготовления ствольного металла и производства заготовок стволов вплоть до 70-х гг. XIX в. были самым слабым местом отечественного оружейного производства. Поэтому эксперименты, направленные на совершенствование ствольных технологий, были наиболее важными из всего комплекса опытов, проводимых на оружейных заводах.

На основе результатов были выработаны первые инструкции по испытанию ствольного металла. Это указ Берг-коллегии 1722 г. Испытания или пробы, согласно упомянутому указу, производились следующим образом:

«Первая проба: вкопать круглые столбы толщиной в диаметре по шести вершков в землю так далеко, чтоб оное неподвижно было, и вдолбить в них дыры величиною против полос, и в тое диру то железо просунуть, и обвести кругом того столба трижды, потом назад ево от столба отвести; и ежели не переломиться и знаку переломнаго не будет, то на нем сверх заводского клейма наклеить № 1-й.

Вторая проба: взяв железные полосы, бить о наковальню трижды от всей силы ударить; и которое выдержит и знаку к перелому не будет, то тако же де сверх заводского клейма заклеить ево № 2-й. Железо, не выдержавшее пробы, клеймилось – № 3-й»¹.

Требования более поздних «регламентов» конца XVIII–первой трети XIX вв. практически не изменились².

С началом XIX в. Тульский оружейный завод начинает быстро совершенствовать свою техническую часть, но проблемы с производством стволов остаются (брак в ствольном производстве достигает 65 %). Завод неоднократно жалуется в высшие инстанции на плохое качество железа заводов горного ведомства.

В 1810 г. была создана комиссия для испытания этого железа «...на Ижевском оружейном заводе над добротой сибирского железа и годностью оногo для дела стволов посредством Тульских и Ижевских оружейных мастеров». Тогда железо горных заводов признали годным для изготовления стволов.

Эксперименты выявили проблемы в подготовке ствольных

заварщиков. Членом комиссии, начальником Гороблагодатских заводов А.Ф. Дерябиным тульские заварщики были признаны недостаточно квалифицированными. По его мнению: «Пока Тульские мастера не приучены к лучшему познанию свойства железа... особенно, при заварке стволов, по то время, какое бы железо ни было им дано, нельзя ожидать особенных и лучших успехов».

Некоторые усовершенствования технологии производства металла на Ижевском железодельном заводе, сделанные на основе результатов проведенных экспериментов, позволили повысить качество ствольного металла. В 1825 г. начальник Ижевского железодельного завода доносит, что «железо Ижевского завода несравненно лучше вырабатывается, чем железо горных заводов, а потому к делу оружия боле способно».

Но и это железо, признанное лучшим, в сравнении с железом горных заводов, было невысокого качества. С 1826 по 1832 гг. на Тульском заводе из 106 351 пуда ствольного железа забраковано 35 688 пудов. На Ижевском заводе из 275 121 ствола забраковано 145 928. Позднее брак не уменьшился.

Однако, несмотря на невысокое качество металла, методика его испытаний за последующее столетие не изменилась. Из описания приема железа на Горноблагодатских заводах, сделанного подпоручиком Немчиновым в 1837 г.: «...Для сего вкладывают полосу в определенной величины скважину, в столбе сделанную, и гнут ее до половины оборота, вокруг столба, сначала в одну сторону, потом отгибают назад; что повторяют до двух или трех раз на каждой полосе, смотря по длине ее. Если полоса не изломилась и не показала трещин, то она почитается к приему годною...»³.

Выбрать качественный металл, пригодный для производства стволов, по описанной методике было невозможно, так как она не учитывала многие признаки качества, определяемые по структуре металла в изломе: ковкость, способность к термообработке и проч.

Создание в 1832 г. Комитета для изыскания способа лучшей выделки железа и стали позволило несколько скоординировать деятельность металлургов и оружейников в целях применения в оружейном производстве современных научных достижений металлургии и передового зарубежного опыта. Судя по заводским документам и технической литературе того времени, Комитет являлся связующим звеном между Артиллерийским и Горным департаментами, а также оружейными и металлургическими заводами.

С одной стороны, он давал рекомендации по улучшению технологий оружейных металлов и производства заготовок, с другой – оказывал консультации заводам при проведении производственных экспериментов и внедрении передовых технологий.

В «Журнале» Комитета № 2 от 25 мая 1837 г. говорится: «По сравнению всех опытов, произведенных до сих пор над заваркой стволов из разных сортов Российского иностранного железа оказалось, что французское железо гораздо добротнее, как прочих стран и разных сортов Российского ибо из сего железа было браку на двух оружейных заводах около $\frac{1}{3}$, а на Тульском менее $\frac{1}{6}$, прочих же стран железо оказало результаты гораздо менее удовлетворительные и сверх того, совершенно различные на всех трех заводах. Что же касается до Российского разных сортов железа, то лучшим оказалось из криц Гороблагодатских заводов, но и тут было наполовину браку, прочих же сортов и заводов железо дало большею частью около $\frac{2}{3}$ браку».

Далее приводятся характеристики образцов железа, полученных из Франции «из Бельфора на верхнем Рейне и из Одинокра близь Монтбелиара»: «...железо само мягкое и тягучее...». Описывается технология выплавки железа и последующей обработки давлением: «Железные крицы вытягиваются преимущественно под кричным молотом, чем в валках. Но для приведения в полосы потребное для дела стволов железо нагревается вновь и протягивается валках для приведения в надлежащие размеры».

По предписанию генерал-фельдцейхмейстера и военного министра в 1837 г. предлагалось на заводах Департамента Горных и Соляных дел приготовить железо для заварки стволов по описанным технологиям и из этого железа произвести заварку 500 стволов «заварить 200 стволов на Сестрорецком и 50 на Тульском заводах, а остальные у вольного мастера». Следует отметить, что эта работа считалась значительной, и поэтому была введена в годовой наряд заводов. Причем, на Тульском заводе, в конечном счете, было заварено в 1839 г. более 200 стволов. Предписывалось «доставить комитету подробные журналы, веденные во время разработки до окончательной отделки оных [стволов]». То есть предполагалось провести эксперименты весьма организованно.

Описываемый эксперимент выгодно отличался от предыдущих фиксированием в журналах всех операций, начиная от «пробивки пластинок» – заготовок и заварки стволов, до последней

механической обработки. Приводилось время, затраченное каждым ствольным заварщиком на работу с конкретной заготовкой, материал которой, то есть завод-изготовитель, был обезличен (зашифрован номером). Указывался вес заготовок до и после обработки, количество нагревов, вес употребленных горючих материалов с точностью до золотника⁴.

В результате опытов над железом, приготовленным на четырех заводах по французскому способу, из 212 стволов ТОЗ годными признали 99.

Содержание отчетов по эксперименту, составленных весьма квалифицированно, указывает на то, что участие в нем принимали инженерно-технические работники ТОЗ, хорошо знающие свое дело.

Это генерал от артиллерии Е.Е. Штаден – инспектор ружейных заводов и бывший командир ТОЗ (1817–1835), герой Отечественной войны 1812 г., награжденный многими орденами и золотой шпагой «За храбрость». Командир ТОЗ с 1839 г. генерал-майор Г.Р. Самсон, помощник командира по хозяйственной части полковник М.И. Тагайчинов, также участники войны 1812 г. Помощник командира завода подполковник П.А. Смольянинов, получивший после проведения экспериментов в 1841 г. чин полковника «за отличие». Младший смотритель работ по ствольному цеху, в котором проводились опыты, штабс-капитан В.С. Калакуцкий, отец известного специалиста по производству ствольной стали генерал-майора Н.В. Калакуцкого. Он вскоре получил следующий чин капитана «за отличие» и был назначен советником правления завода. Деятельное участие в опытах принимал старший смотритель работ по ствольному цеху коллежский асессор П.Д. Авдулов. Опыт именно этих людей лег в основу дальнейшего совершенствования оружейных технологий.

Какие же выводы можно сделать по результатам экспериментов, проведенных к 1839–1840 гг.?

Металл, произведенный на разных металлургических предприятиях даже по одинаковым технологиям, существенно различался по качеству. Конструктивные особенности оборудования и опыт металлургов вносили существенные коррективы в, казалось бы, отработанные и эффективные технологии.

Технология изготовления заготовок стволов – заварка – была

процессом далеко не совершенным и целиком зависимым от квалификации непосредственного исполнителя – заварщика, человека одной из самых массовых профессий на оружейном заводе. Он должен был определить свойства материала, полученного для изготовления ствола, и на этой основе правильно выбрать режимы пробивки доски (проковки заготовки) и заварки ствольной трубки: температуру нагревов, силу и частоту ударов молотом и проч.

Знакомство с западным опытом испытания ствольного металла, несомненно, повлияло на совершенствование отечественных методов проведения испытаний.

Так, штабс-капитан Горного корпуса Мевуус, командированный в Бельгию в 1844 г. для изучения производства на Бельгийских оружейных заводах, в статье «Некоторые сведения о приготовлении в Бельгии огнестрельного оружия», опубликованной в «Горном журнале», пишет, что по инструкции об испытаниях ствольного железа производилось следующее:

«1) осмотр внешнего вида полос ствольного железа с целью определения дефектов – щелей, продольных и поперечных трещин, черновин и золоедин;

2) выбор 3-х полос различным видом излома для того, чтобы убедиться в их качестве, несмотря на различие в изломе;

3) изготовление из выбранного железа 20 стволов с целью определения его свариваемости способности к пережогу и обрабатываемости;

4) контроль сопротивления готовых стволов перелому и вида излома;

5) перелом пополам всех полос металла, предназначенных для изготовления данной партии стволов, что бы по аналогии убедиться в доброкачественности металла».

В инструкции так же отмечалось, что «...железо, будучи переделанным в стволы изменяет свои качества. Если у железа излом довольно мелкозернистый, цвет серобелый и малоблестящий, то у готовых стволов излом жилковатый, цвет свинцовосерый...», то есть это «хорошее ствольное железо». Если «излом блестящий, листоватый», то в готовых стволах это «хладноломкое железо». Если «излом крупнозернистый», у готовых стволов будет «хрупкое (перегорелое) железо».

Позже по поручению Артиллерийского департамента специалисты трех оружейных заводов разработали новые инструкции.

В инструкции ТОЗ (1847 г.), в части контроля структуры металла указывалось:

«При осмотре стали, годной для приготовления оружейных вещей наблюдается, чтобы она была по поверхности прута гладка, чиста и плотна без волосин, слоев и жил. В изломе должна иметь сыпь мелкозернистую, чистую совершенно ровную и плотную матового цвета.

Негодная же сталь признается по следующим признакам: если она по наружному виду худо проварена, в складках, с поджогами, пленами, продольными и поперечными трещинами, сединами, жилами и волосинами. По внутреннему качеству бракуют сталь, имеющую в изломе очень крупную или зернистую неровность, мусорные и пепельные плены (золедины), жилы и волосины. Сталь при означенных недостатках к приготовлению оружейных вещей признается совершенно не годною...»⁵.

Таким образом, инструкция узаконивала контроль структуры металла по излому в сочетании с механическими испытаниями металлов. Однако решающими оставались испытания металла работой.

Несмотря на то, что с введением контуазского способа в ствольном производстве установилось терпимое положение с браком, Артиллерийский департамент стремился к дальнейшему усовершенствованию способов производства металла и заготовок стволов.

На Тульском оружейном заводе, работавшем, в основном, на ижевском железе, проводились производственные эксперименты над железом Уральских заводов, приготовленным, так же, как и железо Ижевского завода, контуазским методом. Такие эксперименты проводились по рекомендации Военно-ученого комитета Артиллерийского департамента в 1850 г. на ТОЗ. «...Для удостоверения в доброкачественности означенного железа подвергнуть его предварительному испытанию в оружейных заводах... Артиллерийский департамент, уведомляя о сем Правление завода, предлагает, по доставлении в завод упомянутого ствольного железа двух сортов в количестве 100 пуд., немедленно приступить к испытанию над заваркою из него стволов...»⁶.

По журналу испытаний, из 114 стволов, заваренных из железа с зернистым изломом, годных оказалось 53, бракованных 61. Из 131 ствола, заваренного из железа с жилковатым изломом, годных 58,

бракованных 73. Следовательно, брак при эксперименте составил соответственно 54 % и 56 %.

В 1858 г., так же на ГОЗ, проводились эксперименты с металлом Уральских заводов (под руководством поручика Чагина).

Из уведомления инспектора оружейных заводов генерал-лейтенанта Игнатьева:

«...Департамент Горных и Соляных дел просит Артиллерийский департамент сделать распоряжение, дабы доставленное в Тульский оружейный завод ствольное железо в количестве 15 266 пуд., было подвергнуто установленной пробе...».

«В Правление Тульского оружейного завода
Лейб-Гвардии 2-й Артиллерийской бригады Поручика Чагина
Рапорт

...Из назначенных в первое время 307 пуд. оказалось возможным вырубить только 227 годных сутунков всего весом 74 пуд. т.е. менее чем на $\frac{1}{3}$ на выкованное количество железа, остальные же $\frac{2}{3}$ должно было забраковать за недостатками оказавшимися при осмотре сутунков и их изломов.

Недостатки эти состояли преимущественно в так называемой суши, а там где ее не было... была черновинность; кроме того попадалось много полос с золоединами... из заваренных 226 стволов забраковалось: на среднем сверлении за поперечными трещинами – 3, за пленами – 3; при обточке – за раковинами и проч. – 10; при винтовании уступа – 2; на первом белом сверлении – 6; на правке 22; на втором белом сверлении – 27; при отделке винтового уступа – 8; при нарезке дорожек – 33; при чистке свинцом 10; при чистке наружности 5. Итого 140. На пробе разорвалось – 17; Следовательно, забраковалось 63 % от сваренного числа стволов»⁷.

Переход к массовому производству нарезного стрелкового оружия потребовал новых свойств от ствольного металла. Для нарезных стволов требовался другой металл – более износостойкая и прочная сталь. Поиски путей улучшения ствольного металла привели к рафинированию железа и стали. Сталь проковывалась в тонкие пластины, которые после сортировки складывались в пакеты и сваривались.

Об экспериментах с рафинированной сталью, производимой в довольно больших объемах на ГОЗ, свидетельствует документ «О действиях, видах и предположениях к усовершенствованию Тульского оружейного завода за 1843 г.». В нем говорится:

«...В продолжении 1843-го г. получено из уклада рафинированной или так называемой трех сгибочной стали до 2200 пуд.»⁸.

Попытки приготовления рафинированной стали в большом объеме к успеху не привели. Последующие крупномасштабные промышленные эксперименты (1840–1860) показали, что: во-первых, если и удавалось изготовить качественные полосы, то заварка пакета могла оказаться и оказывалась с пороками; во-вторых, при сгибании трубки, в особенности в валках происходило расслоение металла; в-третьих, реализация процесса требовала мастеров высочайшей квалификации, как готовящих металл, так и заваривающих стволы. Кроме этого, процесс рафинирования был дорог⁹.

К середине XIX в. сварочное железо как ствольный металл себя изжило. В качестве замены ему предполагалась литая сталь.

Оружейный комитет должен был решить вопрос о применении стали, которую получил в 1855 г. подполковник корпуса горных инженеров Обухов на Князе-Михайловской фабрике (Златоуст). Альтернативой отечественному металлу выступали стали зарубежных производителей, в основном, фирм Круппа, Бергера и др.

В России и за рубежом, с участием наших специалистов, проводились многочисленные эксперименты, в ходе которых: во-первых, оценивались и сравнивались эксплуатационные и технологические свойства обуховской стали и сталей зарубежных фирм; во-вторых, определялась возможность использования стали различных производителей.

В первый раз сравнительные испытания стволов из стали Обухова и Круппа были проведены в 1855 г. в Златоусте. Второе испытание было проведено в 1856 г. в ружейном отделении Екатеринбургской механической фабрики. Позже проводились сравнительные испытания литой стали различных производителей на всех оружейных заводах. Во время опытов исследовалась структура сталей, ковкость, свариваемость, закаливаемость и обрабатываемость. По результатам экспериментов отечественная сталь не уступала зарубежным сортам стали, в том числе и крупповской.

Несмотря на благоприятные результаты экспериментов, массовое производство стволов из литой стали было освоено не сразу. Например, на Ижевском оружейном заводе было изготовлено в 1864–1865 гг. стволов из «пушек» (ствольная заготовка) 3147 штук, при этом бракованных вышло 913; из 545 стволов, заваренных из пластинок – 214 бракованных. Брак составил соответственно 29 % и 39 %¹⁰.

С постройкой на Ижевском заводе мартеновской печи в 1874 г. и прокатного цеха в 1882 г. ижевская сталь полностью вытеснила зарубежную сталь. После экспериментов с этой сталью в Туле и Сестрорецке началась массовая поставка ствольных заготовок на Тульский и Сестрорецкий заводы¹¹.

Постановке производства стволов предшествовали крупномасштабные эксперименты, которые проводил выдающийся металлург Н.В. Калакуцкий. Программа испытаний, выполненная Калакуцким, состояла в следующем:

«1) В исследовании некоторых механических и физических свойств стали, – как то:

а) испытание длинных брусьев растягиванием до разрыва на прессе;

б) испытание стали на твердость ножом Родмана;

в) испытание сплошных болванок гибом в холодном состоянии под паровым молотом;

г) определение удельного веса стали;

д) испытание сплошных болванок и стволов гибом на бельгийском стане;

е) определениегиба стали на другие механические свойства стали;

2) в химическом анализе стали...;

3) в пороховой пробе стволов...;

4) в исследовании влияниягиба болванок и стволов на сопротивление стали действию пороховых газов...».

На основе результатов опытов Калакуцким были сформулированы новые инструкции для приема стволов.

С постановкой массового производства 3-линейной винтовки и пулемета «Максим» потребовались эксперименты более высокого (научного) уровня для определения качества металлов при входном контроле, так как они приобретались у различных фирм. При этом химический состав металлов одинакового назначения мог отличаться. Требовался контроль технологических свойств металлов, например, воспринимать закалку и проч.

Эксперименты по проверке качеств металлов работой, хотя и давали надежные результаты, но были весьма трудоемкими и долговременными, что не отвечало требованиям массового производства.

Поэтому в 1896 г. на Тульском оружейном заводе была создана

экспериментальная технохимическая лаборатория. Она была оснащена оборудованием для экспериментов и всесторонних исследований металлов, взамен проб материалов работой. Имелись приборы для физико-химических методов анализа, определения показателей прочности и установки температур для различных видов термообработки всех применяемых в оружейном производстве металлов. Причем оборудование было самым передовым для своего времени.

Например, для определения «способности стали закаливаться и пережигаться», как писал основатель и заведующий лабораторией выпускник Михайловской артиллерийской академии гвардии капитан И.А. Крылов: «...имеются “электромагнитные весы”, которыми исследуется вся доставляемая на Завод сталь и железо: закалка черновых ствольных болванок также поверяется на электромагнитных весах, специально установленных, для пробы стволов»¹².

Многие лабораторные и промышленные эксперименты и исследования проводились при консультациях с учеными. Так, рекомендации по внедрению новых методов исследования и научно обоснованных режимов термической обработки ружейных частей И.А. Крылову давал его учитель металлург Д.К. Чернов. С его помощью на ТОЗ был внедрен новый технологический процесс термической обработки, базирующийся на принципах учения Чернова о критических точках.

Для сведений и руководства по технологическим вопросам начальники производств завода снабжались брошюрами по разным вопросам исследований.

Промышленные эксперименты вели не только к совершенствованию, но и к унификации заготовительного производства. Их результаты указывали на то, что качественные металлы и заготовки для оружейного производства можно получить только на специализированных предприятиях.

Первая попытка – создание общей для всех оружейных заводов базы ствольного заготовительного производства – была продиктована катастрофически большим браком в стволах, происходящим «от металла» и «от не искусства» ствольных заварщиков. В 1849 г. обсуждалось мнение Артиллерийского департамента о производстве ствольных заготовок только в Ижевске, с тем, чтобы обеспечивать другие заводы уже заваренными стволами. Тогда это мнение не нашло поддержки у администрации ТОЗ. Следующая

попытка была удачной. В 1870-х гг. Ижевский сталелитейный завод смог производить ствольные заготовки – «пушки» – из литой стали для всех оружейных заводов.

Таким образом, отечественные оружейные заводы имели общую металлургическую и заготовительную базу, позволяющую успешно конкурировать отечественному оружейному производству с зарубежным. Такое положение сохранилось к началу Первой мировой войны.

¹ Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых (1695–1782). М., 1996. С. 182.

² Зыбин С.А. История Тульского Императора Петра Великого оружейного завода. М., 1912. С. 237.

³ Записки офицеров, командированных в 1833 году для практического образования в различные артиллерийские заведения. 1837. Ч. II. С. 413–415.

⁴ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1104. Л. 2–2 об.

⁵ Там же. Д. 1320. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 1454. Л. 1–20.

⁷ Там же. Д. 5726. Л. 1–10 об.

⁸ Там же. Д. 1210. Л. 1 об.

⁹ Там же. Д. 1678. Л. 3 об.

¹⁰ Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский). Кронштадт, 1898. С. 1–2, 7–8.

¹¹ Калауццкий Н.В. Испытание ствольной стали и опыты над малокалиберными стволами разных заводов // Оружейный сборник. 1871. № 1. С. 43–44.

¹² Крылов И.А. Описание Тульского оружейного завода. Тула, 1903. С. 16–17.

И.В. Можанов (Санкт-Петербург)

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 ГОДОВ И РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Крымская война 1853–1856 гг. явилась поворотным этапом в развитии Российской империи. За ее событиями следило все мировое сообщество, в том числе США.

На протяжении войны отношение американцев к происходящему было неоднозначным. В основном благожелательную позицию к России занимали проправительственные газеты, например, «Нью-Йорк Дейли Трибьюн»¹.

В начале войны симпатии американцев склонялись на сторону турок. На первом этапе войны американское общественное мнение формировалось английской печатью, настроенной крайне враждебно к России. В британской прессе широко использовалась неприкрытая фальсификация фактов. «Если сосчитать, сколько русского войска погубили британские журналисты, то выйдет армия, которая легко получается на бумаге, но не на Дунае. Эти храбрые люди бьют русских солдат как мух»², – замечает корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей».

Однако когда США начинают анализировать происходящие события, наступает уже качественное изменение в настроениях американской прессы.

Вот что пишет газета «Boston Daily News» в июне 1854 г.: «Положение, принятое большей частью американских газет под влиянием английских газет, столь же ложно, сколь и вредно, а между тем именно из этих источников черпает впечатления наш народ»³. И дальше замечает: «Эта война – чисто британское дело, порожденное британской надменностью, алчностью и тщеславием»⁴.

Вашингтонская газета «Union» ставит под сомнение «рыцарское самоотвержение» Англии и Франции, их заступничество за слабого и заботы о европейском равновесии. По ее мнению, державами руководят исключительно личные интересы⁵.

Корреспонденты «Union» непосредственной причиной разрыва отношений между государствами считают занятие Турцией Придунайских княжеств⁶. Журналист газеты «Churchman» замечает: «...главнейшим поводом было то, что после обманов Турции, которая уже несколько раз осмелилась не выполнять своих договоров относительно святых мест и обеспечения прав греко-римской церкви, император всероссийский не мог довольствоваться таким ненадежным ручательством и принужден был требовать, чтобы впредь нарушение прав было предупреждено формальным условием»⁷. Иными словами, императору надоело невыполнение Портой своих договоров, нарушение прав православных и он принимает решение принудить Турцию к исполнению взятых на себя обязательств. Кроме того, автор статьи дополняет, что Россия не нарушает самодержавных прав Порты, так как никаких самодержавных прав Порты уже давно не имеет. «Россия не требовала от Порты уступок больше против тех, которые та дала добровольно другим государствам»⁸. «Нет христианского государства, включая и наше, – пишет американский корреспондент, – которое бы считало Порту самостоятельной и самодержавною». Поэтому его очень изумляют нападки Англии и Франции на Россию, так как «со времен Наваринского сражения Порты существует только потому, что Европа этому не препятствует, и именно потому на нее были возложены ряд законов».

Наконец большинство американских газет приходит к осознанию того, что война больше, чем просто противостояние Российской и Османской империй.

«Несогласие имеет, очевидно, более глубокие корни, и в нем замешаны глубокие интересы не только Османской империи, – замечает корреспондент вашингтонской газеты «Union», – но и для Англии, которая следует на Восток политической системой, клонящейся к монополии в разделе азиатской торговли и владычества. Постоянные и быстрые успехи России в Леванте составляют препятствие для ее системы завоевания. Итак, Турция служит ей только щитом против великого соперника на Востоке»⁹.

В апреле 1854 г. «New York Herald» пишет: «Англия и Франция имеют в этой распре прямые личные интересы. Первая хочет

защитить свои пути в восточные владения, а Франция стремится препятствовать России в Средиземном море»¹⁰.

Наконец «Boston Daily news» заключает: «Англия ведет эту войну из британских интересов, для поддержания повсюду британского преобладания, обеспечения британской торговли и упрочения силы британского оружия»¹¹.

На чью же сторону вступают Соединенные Штаты? Кому достаются их симпатии в этой войне?

Газета «New York Herald» в марте 1854 г. прямо объявила, что «интересы Америки не требуют сохранения Турции, а что, напротив, американская нация расположена в пользу императора все-русского»¹².

«Вашингтонский журнал» пишет: «Мы имеем слишком высокое понятие о наших обязанностях американских граждан, чтобы когда-либо питать расположение к Англии во время ее войны с Россией, напротив того, если есть континентальная страна, имеющая право на нашу приязнь, то это, бесспорно, Россия. Наши отношения с Россией всегда имели дружеский и даже близкий характер... мы можем быть вполне уверены в том, что если когда-нибудь империя царей завладеет ключом к Черному морю, то Соединенные Штаты решительно ничего от этого не потеряют».

«Newport-Advertiser» от 7 июня 1854 г. сообщает: «Россия была совершенно права, требуя обеспечения прав для своих единоверцев, и за это ее нельзя обвинять в честолюбивых планах»¹³. Американский публицист не постигает «каким образом великие интересы человечества, дело цивилизации или благосостояние Соединенных Штатов могут пострадать от смены господства луны русским христианством...» и замечает, что «мысль вести войну для того, чтобы воспрепятствовать другой державе, крайне странная и неприличная. Особенно тогда, когда провозглашена человеком, чьи притязания на императорское достоинство основываются на родстве с Наполеоном, или нацией, которая присвоила себе в Индии население в несколько миллионов душ и неоспоримое господство над океаном».

8 июля 1854 г. в Конгрессе США было решено публично выразить расположение Америки к России. Конгрессмен Ч. Честейн первым объявил в Конгрессе: «Пора отвергнуть привязанности, наносящие нам позор, пора протянуть руку истинным друзьям и обнажить меч против наших врагов, пора обнаружить наши желания о победе императора Николая I и поражения Англии и Франции!»¹⁴.

В чем же причина того, что Америка отдает предпочтение в войне именно России, а не ее противникам? Здесь, прежде всего, необходимо выделить несколько причин.

Во-первых, исторически дружественный характер отношений между США и Россией на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. «Россия – единственная нация, – замечает корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» 28 февраля 1856 г., – с которой Соединенные Штаты с самого начала имели постоянно дружественные отношения. Россия имеет в Соединенных Штатах силу симпатии, необъяснимую с первого взгляда и понятную только тем, кто изучил историю их отношений. В 1814 году – благодаря дружественному вмешательству Александра Павловича – прекратилась война между США и Англией, и был заключен Гентский трактат. Он еще в 1822 году был приглашен в посредники между державами по исполнению одного из условий трактата и решил, что Англия обязана уплатить цену невольников, увезенных ей во время войны 1812–1814 гг. Наконец, в 1832 году, благодаря вмешательству Нессельроде и Буханена, был заключен трактат о морской торговле между государствами. Такие действия были исходной точкой доброго согласия и взаимного доверия между государствами»¹⁵.

«Кингстонский журнал» пишет: «Никакая нация более чем Россия не отдавала справедливость нашей промышленности и цивилизации. Она постоянно предпочитала Америку другим народам... Какая причина может существовать для нас, какой повод к недоброжелательности или враждебным чувствам против России? Старалась ли она когда-нибудь оскорблять нашу народную гордость или наше политическое достоинство? Вмешивалась ли она когда-нибудь в наши политические дела? Можно ли ее обвинять в том, чтобы она когда-нибудь полагала препятствие, прямо или косвенно, нашему благосостоянию или величию? Напротив того!»¹⁶.

А вот что пишет уже корреспондент британской газеты «Spectator»: «Великое неудовольствие или, вернее, большие неприятности для англичан – вырастающее недовольство американцев против чужестранцев. Но надо сознаться, что американцы рады одним только русским. Каждый успех их выражается живейшей радостью американцев. С самого начала сражения американцы не скрывали своего расположения, которое питали к России, и ненависть к союзникам. Я был в Стоктоне, когда распространился слух

о взятии Севастополя. Американцы были столь опечалены, как будто у них взяли Нью-Йорк, а когда известие оказалось ложным, радость их была неимоверной»¹⁷.

Во-вторых, это заинтересованность США в сильном союзнике в Старом Свете. Вот что пишут об интересах Соединенных Штатов в одной из американских газет: «Если западные державы одержат верх над Россией, которая одна преграждает им дорогу, то они будут предписывать законы не только Старому, но и Новому Свету»¹⁸. В заключении автор говорит в пользу союза с Россией, потому что им «нечего опасаться друг друга. Тогда как союз Англии и Франции представляет для США большую опасность. Эти державы объявили, что необходимо установить равновесие не только в Европе, но еще и в Америке»¹⁹.

Ему вторит уже «Wall-Street Journal»: «Самое опасное правило из всех распространенных до сих пор, это вмешательство в дела самодержавных государств со стороны тех, кого эти дела не касаются. Это мнение принял Людовик Наполеон, который вместе со своими союзниками англичанами старается привести его в действие против России. Нам угрожают тем, что это может быть применено и к Соединенным Штатам»²⁰.

Наконец газета «Times» обвинила американскую прессу в том, что она была подкуплена Российской империей. «Washington Post», крупнейшая газета Соединенных Штатов, посчитала выше своего достоинства комментировать нападки лондонской «Times». А вашингтонский журнал «Daily Union» написал письмо в редакцию «Times», в котором подробно выразил позицию американской прессы и ее взгляд на происходящие события: «Много голосов достигло до нас от берегов Старой Англии, направленных к сердцам тысяч наших сограждан и требовавших одобрения этой войны, останавливающей успехи свободы и цивилизации. Вы обращаетесь к нам как к детям Старой Англии, говорящим одним с нею языком... Обратимся же к причинам войны, посмотрим, какое место в ней предоставлено свободе и христианству. Равновесие в Европе – вот представляемый вами предлог союза с Францией для поддержания независимости мусульманской империи. Но разве европейское равновесие не было издавна мечтою? Разве не было оно уловкой европейской дипломатии в случайностях всех войн, которые велись в продолжение последних трех столетий? Неужели Англия

объединилась со своей старинной неприятельницей Францией для того только, чтобы обеспечить мир в Европе? Можете ли вы убедить американскую нацию в том, что вы защищаете цивилизацию против варварства, христианство против неверия? В нашей стране составилось совсем другое представление о причинах, вызвавших этот странный союз и эту исполненную ужасов войну. Между тем как Россия уже с давнего времени при помощи ряда мирных трактатов распространяла свою цивилизацию на Востоке, Франция и Англия посредством завоеваний и приобретений, колонизации и эмиграции до такой степени ослабили свое внутреннее управление, что величие России испугало их»²¹.

Автор не может допустить убеждения, что Россия есть страна варварская. «Мы не можем допустить, что дикая, лишенная всякого образования, нация в состоянии была до такой степени возвыситься и стать наряду с первыми державами христианства»²², – замечает корреспондент «Daily Union».

Американский журналист убеждается в «незаконности и несправедливости войны союзников против России». «Сначала истинные причины войны между Россией и Турцией были от нас сокрыты. Все доходившие до нас сведения передавались через посредство английских и французских журналов. Но манифесты российского императора и сделанное им к христианскому миру воззвание открыли нам глаза и развеяли предубеждения. Мы припомнили историю прежних распрей между Россией и Турцией, их наступательных и оборонительных войн, мирных отношений и дипломатических переговоров. Тогда мы увидели, что Россия соблюдала со всевозможной строгостью и являла великодушие до тех пор, пока долготерпение могло считаться добродетелью. Напротив, Турция являлась нарушительницей трактатов. Ее вечная ненависть к христианскому имени побудила ее к совершению жестокостей и бесчеловечных истязаний над ее подданными греческого исповедания. Турецкие сборщики податей отнимали у них плоды их трудов и наполняли свои гаремы молодыми христианками»²³. Автор приходит к выводу, что «несмотря на эти оскорбления и нарушения трактатов, несмотря на столько справедливых поводов к отмщению война между Россией и Турцией не вспыхнула бы без участия европейских держав»²⁴.

«На Россию не может пасть никакого упрека в возбуждении этой войны, – утверждает корреспондент «Daily Union», – ее политика

требовала, чтобы она в то время избегала войны. Она видела, что “больной мусульманин” умирает от своих немощей и нет лекарства против этой язвы. И, несмотря на это, христианская Европа восстала, чтобы исцелить эту язву»²⁵.

«Мы питали некоторую надежду на венские конференции, – общает американский журналист, – и думали, что Англия может положить начало примирению; эта надежда навсегда разрушена»²⁶. По словам автора статьи, Россия не могла согласиться на условия венских конференций, «не потеряв уважения к самой себе и не лишившись уважения других наций». «Не успев сдвинуть ни одного камня в неодолимой крепости, вы предлагаете такие условия, которые самый отважный завоеватель едва ли решился бы предложить побежденному противнику»²⁷, – восклицает корреспондент «Daily Union».

«Есть ли у вас надежда взять Севастополь? До сих пор мы видели только неудачи и поражения. Вы пробудили воинственный дух 70 миллионов населения, которых природа и обычаи сделали непобедимыми»²⁸, – замечает корреспондент «Daily Union».

«Будучи не в силах завоевать или унижить Россию, вы взываете к национальностям и хотите вовлечь в эту опустошительную войну Германию, Венгрию и Италию. Союз христиан и мусульман само по себе уже явление небывалое и странное, но делать воззвание к ненавистным страстям, чтобы взволновать всю Европу – это значит уже оскорблять человечество. Эта варварская мера напоминает нам ваш союз с дикими племенами в той ужасной войне, в которой убиение людей доставило вам возможность ниспровергнуть порядок в колониях. Вот таких союзников вы избрали в войне против ваших “американских братьев” и к этим самым братьям вы обращаетесь теперь, прося о помощи и сочувствии в настоящем союзе, который столь неестественен и безбожен»²⁹, – резюмирует американский журналист.

Закончить хотелось бы словами одной из американских газет, опубликовавшей 21 сентября 1854 г.: «Что касается до России, то из всех наций ей наименее всего должно быть опасно расширение США. Пока российские интересы не придут в соприкосновение с американскими интересами, ничто не будет противиться сохранению дружеских отношений между Россией и США...»

- ¹ Болховитинов Н.Н., Полевой Б.П.Общественность США и оборона Севастополя в 1854–1855 гг. // Новая и новейшая история. 1978. № 4. С. 45.
- ² Америка // Санкт-Петербургские ведомости. 16 мая 1854. № 108.
- ³ Там же. 18 июня 1854. № 134.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. 15 апреля 1854. № 81.
- ⁶ Там же. 16 апреля 1854. № 82.
- ⁷ Там же. 15 мая 1854. № 107.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. 16 апреля 1854. № 82.
- ¹⁰ Там же. 18 апреля 1854. № 84.
- ¹¹ Там же. 18 июня 1854. № 134.
- ¹² Там же. 23 марта 1854.
- ¹³ Там же. 8 июля 1854 г. № 148.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. 28 февраля 1856 г.
- ¹⁶ Там же. 17 июля 1854 г. № 156.
- ¹⁷ Там же. 25 ноября 1855. № 257.
- ¹⁸ Там же. 17 апреля 1854. № 83.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. 20 апреля 1854. № 85.
- ²¹ Там же. 2 августа 1855. № 167.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.

В.А. Молтусов (Полтава, Украина)

ТРУДЫ И.Ф. ПАВЛОВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Творческое наследие видного полтавского историка и краеведа Ивана Францовича Павловского (9 (21) января 1851 – 14 мая 1922) разнообразно и, несомненно, заслуживает пристального внимания. При знакомстве с ним и рассмотрении его вклада как ученого необходимо четко разграничить две составляющих:

1) Организационная и краеведческая деятельность, направленная на изучение, накопление и систематизацию фактов, материалов, экспонатов по истории Полтавского края и его центрального события – сражения под Полтавой;

2) Чисто научные наработки и достижения, то есть то новое, что внес историк по сравнению со своими предшественниками и современниками в дело изучения битвы, и актуальность этих воззрений сегодня.

Что касается первого, не останавливаясь подробно, отметим, что естественная заинтересованность к событиям 1709 г. проявилась у Павловского как преподавателя истории Полтавского Петровского кадетского корпуса, по его собственному признанию, с 1895 г., когда была опубликована вторым изданием совместная с сослуживцем капитаном В.М. Старковским небольшая работа «Полтавская битва и ее памятники». Однако книга эта не отличалась ни глубиной или многогранностью анализа, ни оригинальностью подхода или заключений и могла привлечь внимание разве что своими иллюстрациями. Подлинный научный интерес и начало целенаправленной деятельности по сбору документов, гравюр, картин, фотоснимков, относящихся к битве, если верить опять-таки самому Ивану Францовичу, возникают приблизительно с 1898 г. или

чуть раньше. Заслуженным венцом всех подвижнических усилий и как бы их символом становится открытие по его инициативе в июне 1909 г. первого музея на историческом поле, что само по себе стало выдающимся событием в масштабах Российской империи и навсегда вписало имя И.Ф. Павловского в летопись полтавской земли. Собственно говоря, данный факт явился закономерным и главным итогом многолетней созидательной деятельности историка и подлинным памятником служения благородным идеалам науки.

Становление и развитие научных взглядов Павловского происходило под влиянием юго-западной (киевской) исторической школы и таких маститых знатоков украинской истории и культуры, как профессора Киевского университета: В. Иконников, А. Лазаревский, О. Левицкий, В. Антонович, а также Б. Гринченко, В. Модзалевский, с трудами и взглядами которых он был хорошо знаком, а со многими к тому же поддерживал добрые отношения. В институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. Вернадского сохранилась переписка (почти 80 писем), которую вел Иван Францович, подбирая свою коллекцию. В ней он предстает высокообразованным скромным человеком, не на страх, а на совесть служащим науке, скрупулезно собирающим различные экспонаты (например, фотографии, гравюры древней Полтавы или таких неординарных личностей, как запорожские атаманы С. Палий, П. Калнышевский, полтавский генерал-губернатор князь Н. Репнин, мещанин П. Руденко). Павловский активно интересуется научной жизнью, периодикой и книгами по истории юго-западной Руси, выходящими в Киеве. Он благоговейно относится к творческой интеллигенции, помогающей ему в работе. Будучи от природы добрым, деликатным и истинно верующим человеком, он очень дорожит мнением своих коллег, ведет с ними оживленную и содержательную переписку.

Отметим также его работоспособность и широкий круг интересов, выходящий далеко за рамки собственно военной проблематики. Павловский сотрудничал с такими серьезными и авторитетными тогда изданиями, как «Русская старина», «Исторический вестник», «Киевская старина», «Полтавские епархиальные ведомости». Только в «Киевской старине» за период с 1901 по 1906 гг. удалось найти более 40 статей, сообщений, заметок, опубликованных Павловским на разные темы. Это всевозможные сведения

о находках и экспонатах будущего музея, о повседневной жизни городов Полтавской губернии, ее дворянства.

Но, безусловно, делом всей жизни Ивана Францовича оставалась Полтавская битва, поиск и подбор многочисленных материалов и подготовка к печати фундаментального труда «Битва под Полтавой 27-го июня 1709 г. и ее памятники». Довольно неожиданно летом 1908 г. Павловскому представился случай преподнести лично императору Николаю II специальный экземпляр первого издания своей рукописи. Эта встреча в Петербурге сыграла принципиальную роль в его жизни, наложив отпечаток как на будущее музея (вскоре получившего новое помещение), так и на судьбу самого историка. В 1909 г., помимо наград, пожалованных при новой аудиенции, полученной от царя, посетившего Полтаву в дни юбилея, он получает титул действительного статского советника, что соответствовало воинскому званию генерал-майора, а в 1910 г. избирается профессором по кафедре истории Киевского университета св. Владимира.

В силу известности и важности работы Павловского, кратко остановимся на ее критическом разборе, напомнив, что прошло более ста лет со дня выхода в свет второго издания 1909 г.

Полный объем книги превышает 290 страниц (13 глав), где добрую треть занимает обширный иллюстративный материал и поэтика. Описанию сражения и его подготовки отводится только одна глава (всего 20 страниц). Это вполне достаточно в рамках обобщенного академического труда по военному искусству, но чрезвычайно мало для специального исследования, целиком посвященного избранной теме. Изображая сражение исключительно с официальных позиций в четко выраженном монархическом духе, Павловский в широком смысле подходит к проблеме. Прежде всего, его интересуют историко-культурологический и религиозный аспекты, прославление и увековечивание памяти столь знаменательного события, чему посвящается несколько глав. Описание фактов самой битвы поверхностно, носит строго повествовательный ознакомительный характер с повторением общеизвестной трактовки событий и заметной апологетикой Петра I. В тексте много речей, диалогов, свойственных, скорее, художественному произведению. По всей видимости, историк не брал на себя смелость разобраться в многочисленных тонкостях военной операции, честно называя себя «малоопытным». Упрощенно подавая материал и обходя

спорные моменты, он не задавался целью найти ответы на сложные вопросы. Насколько можно судить из описания, практически отсутствовала задача воспользоваться новейшими документами и последними наработками по этой теме (скажем, материалами профессоров Д. Масловского, Н. Юнакова, А. Байова), дабы найти нечто новое и оригинальное в интерпретации хода сражения, по-новому обосновать или хотя бы по-другому преподнести уже знакомые факты. Скорее всего, Павловский видел свою миссию совсем в ином ракурсе: популяризировать и донести народу такую информацию о Полтаве, которая не вызывала бы ни малейших сомнений или недопонимания, доступным и запоминающимся языком, без лишней учености и помпезности познакомить читателя с событиями славной старины. Не будем также забывать, что, не получив системного военного образования и соответствующей подготовки, вполне понятно, историк не решился разбирать сложные вопросы оперативного искусства.

Историографическая база книги не отличается широтой. В первую очередь, это «Журнал» Петра I и реляция из «Книги Марсовой», источники первостепенной важности, но часто лаконичные и явно пропагандистского толка. Кое-что взято у И. Голикова, В. Бергмана, С. Соловьева, Н. Костомарова – сугубо гражданских историков разного достоинства, предмет изучения которых был весьма далек от военной тематики. Из специальных трудов использовались работы известных, но также совсем не равнозначных военных исследователей: П. Карцова, М. Богдановича, Г. Леера, Н. Медема, Д. Масловского, Н. Михневича. Шведские документы ограничиваются мемуарными рукописями «маленького Вобана» – подполковника гвардии А. Гилленкрока и прапорщика К. Фриса.

При ознакомлении читателя с подготовкой сражения: со строительством яковчанского лагеря, редутов, их оценкой и влиянием на ход операции, Павловский опирается на первоклассное исследование генерала Леера. Характеризуя состав, организацию, вооружение русской армии, некоторые тактические вопросы, он полагается на генерала Масловского. Данные по численности войск противников заимствованы отчасти у штабс-капитана Карцова и того же Масловского. Пространные речи царя и его генералитета накануне битвы взяты из материалов так называемого «Меншиковского архива», что, между прочим, является одной из наиболее слабых сторон данного документа. Изображение положения

в шведской армии, ее бегство к Переволочне и дальнейшая судьба поданы во многом благодаря трудам Грота и Костомарова. Не приходится говорить о крайне полезном обращении к актовым документам, нарративным (повествовательным) источникам (напомню, что к тому времени масса их была обнародована в «Письмах и бумагах императора Петра Великого», «Трудах Императорского Русского военно-исторического общества», «Трудах Императорского Русского исторического общества», «Чтениях Общества истории древностей российских», в «Архиве Юго-Западной Руси», в фамильных архивах, в истории воинских подразделений, отдельными изданиями), что, однако, еще не стало тогда общепринятым. В монографии нет аналитики боевых действий, охватывающей вопросы тактического оперативного и стратегического искусства, нет объяснения мотивов тех или иных поступков, характеристики природно-климатических условий, экономического потенциала, разбора топографии, гидрологии театра войны, его людских и материальных ресурсов, что составляет основу классического военного исследования.

В связи с этим надо отметить достоинство работы – публикацию ряда новых или малоизвестных документов, картографического и справочного материала, правда, сильно разбросанного по тексту. При этом, среди прочего, источником Павловскому послужили переписка с действующими командирами полков, некогда участвовавших в батальи и черпавших информацию из «сказок» полковых архивов, и сведения, полученные от начальника Московского отделения Архива Главного штаба полковника Н. Поликарпова (у Павловского ошибочно Поливанова). Удачной находкой надо признать наличие комплекса документов, помещенного в Приложении к труду: карты, реляции о победе и упоминавшийся «Меншиковский архив». Впрочем, и здесь было допущено немало неточностей, опечаток, да и найденный архивный материал воспроизводился в сильно урезанном виде. Качество многих иллюстраций, фотоснимков, карт, схем также оставляло желать лучшего. Но самое досадное, что ученый совершенно не воспользовался собранными уникальными документами, вероятно, предоставляя эту возможность другим поколениям.

Таким образом, труд Павловского по военной части даже для своего времени не содержал никаких новаций и, придерживаясь общепринятых положений, не выходил за рамки тех представлений, которые господствовали в военной науке со времен Леера и Масловского, естественно, исключая прилагавшийся документальный ма-

териал. Понятно, что с точки зрения современного состояния военной науки труд безнадежно устарел. Гораздо больший интерес эта работа сохраняет в глазах невоенного историка, искусствоведа, краеведа, музейного работника или просто любителя старины.

На что хотелось бы обратить внимание и что является очевидной заслугой Павловского как создателя и подвижника музейного дела на Полтавщине – это сочетание теории и практики в его творчестве. Как известно, при деятельном участии этого человека к 200-летней годовщине шло воссоздание элементов фортификационных сооружений на поле боя. Важнейшим здесь видится восстановление всей конфигурации редутов, их ориентировка и отметка на местности, а также полная реконструкция одного из укреплений. Эта благородная задача была успешно решена. Воздвигнутая система, как и ее отдельный редут, давали наглядное представление о применении и развитии легкой полевой фортификации как неотъемлемой составной части русского инженерного искусства XVIII в. Хотя размеры редута и некоторые конструктивные детали не вполне соответствуют действительности, а сам он выдвинут чрезмерно далеко в поле, его внешний вид и параметры являются гораздо более правдоподобными и близкими к реалиям Северной войны, чем укрепление, выстроенное по соседству в честь 300-летнего юбилея (весной – летом 2009 г.).

Говоря о разметке редутов на земле, приходится констатировать, что она ошибочна. Занимаясь этим, к великому сожалению, Иван Францович не учел всей специфики ландшафта, его состояния двухвековой давности и увязки с потребностями боевой обстановки. Кроме того, не критично применяя и не сопоставив рукописные и картографические материалы, он доверился только тем из них, которые слишком схематично, даже неточно, а порой неправильно передавали особенности рельефа начала XVIII в. Однако данный факт ни в коем случае не умаляет его достижений как пионера своего дела, а лишь отображает состояние науки в то время.

Итак, несмотря на очевидные недостатки и несоответствие уровню настоящего военного исследования, труд Павловского явился первым в полном объеме и разносторонне рассматривающим проблему и ее след в истории. Не претендуя на первенство и подходя всецело с гражданских позиций, он занял почетное место в историографии Полтавского сражения.

В.А. Мосунов (Санкт-Петербург)

Артиллерия Краснознаменного Балтийского флота в отражении штурма Ленинграда в сентябре 1941 года

Роль частей и подразделений Балтийского флота в обороне Ленинграда не раз освещалась в военно-исторической литературе. Однако ни в одной из военно-исторических работ подробно не освещались действия кораблей флота, стационарных (береговых) и железнодорожных батарей в ходе отражения немецкого наступления на Ленинград в сентябре 1941 г. На основе материалов Центрального архива Военно-морского флота (Гатчина) попытаемся проанализировать действия частей в ходе сентябрьского штурма Ленинграда.

Организация морской обороны Ленинграда началась еще в июле 1941 г. с созданием штаба Морской обороны Ленинграда и озерного района (МОЛиОР)¹. С 16 июля Морская оборона Ленинграда была в оперативном отношении подчинена Северному фронту². В составе штаба Морской обороны 31 июля 1941 г. было сформировано Управление начальника артиллерии Морской обороны Ленинграда под руководством контр-адмирала И.И. Грена³.

К моменту формирования Управления развертывание сил и средств морской артиллерии на подступах к Ленинграду уже началось. Помимо установки морских орудий на сухопутном фронте, строились железнодорожные транспортеры, но одной из главных задач Морской обороны стало включение кораблей КБФ в систему обороны города.

По заданию начальника Управления артиллерии МОЛ, была разработана документация и осуществлялось включение боевых кораблей в систему обороны города. Первоначально план обороны Ленинграда предусматривал артиллерийскую поддержку кораблями

приморского фланга 8-й армии⁴. Всего для поддержки фланга 8-й армии предполагалось выделить два эскадренных миноносца, канонерскую лодку, береговые батареи и линейный корабль. В действительности поддержку осуществляли в основном канонерские лодки («Ока», «Сестрорецк», «Красное знамя», «Зея», «Волга») и ЭМ «Суровый». Участок только что сформированной 42-й армии и Красногвардейского Укрепленного района первоначально усиливали двумя 130-мм стационарными батареями «А» и «Б», расположенными на Дудергофских и Пулковских высотах. Главной задачей для этих батарей была борьба с вражескими танками. Однако, учитывая крайний недостаток тяжелой артиллерии (из 460 орудий сухопутной артиллерии только 46 калибра выше 100-мм), подобное усиление обороны было просто необходимым. Предполагалось соорудить еще несколько стационарных батарей, но эта работа так и не была выполнена.

Приказом командующего Морской обороной Ленинграда создавалась группа кораблей, базирующихся у Ленинграда, которая своим огнем должна была поддерживать части, оборонявшиеся в Красногвардейском Укрепрайоне и на Карельском перешейке⁵. В нее были включены линкоры «Октябрьская революция» (в дальнейшем базировался в Кронштадте) и «Марат», крейсера «Максим Горький» и «Петропавловск», эсминцы «Строгий», «Стройный» и «Опытный», а также артиллерия научно-исследовательского морского артиллерийского полигона (НИМАП). Для каждого корабля и артиллерии НИМАП были определены сектора на южном и северном побережьях Финского залива.

Сектора на южном побережье включали:

Линкор «Марат», Крейсер «Максим Горький»:

Коркули, Гостилицы – поселок Ленина, Нидлино и дополнительный сектор по южному берегу Финского залива вправо.

Линкор «Октябрьская революция»:

Кронштадтская колония – Славянка, колхоз Ильича; Мартышино – Ропша, влево Южный берег Финского залива.

Крейсер «Петропавловск»:

Стрельна (искл.) – совхоз «Брантовка», слева – Урицк – Б. Пудость.

Эсминцы «Стройный» и «Строгий»:

Московская Славянка справа (искл.) – Ладога, слева – Корчмино – Козловка.

Дополнительный Сектор – Славянка Петроградская – сев. Ок-
раина г. Пушкин.

Эсминец «Опытный»:

Микколово-Порволово – Новоселье – Рюдемулля.

Выбор и оборудование позиций для кораблей осуществлялись специалистами Гидрографической службы ВМФ. На передовых позициях создавалась сеть корректировочных постов, на каждом корабле организовывалось два поста (один был основным, второй запасным).

Посты Ленинградской группы кораблей имели следующее рас-
положение:

Линкор «Марат» – Хюттеля, Эртелево.

Линкор «Октябрьская революция» – Рапполово.

Крейсер «Максим Горький» – Воронья Гора.

Крейсер «Петропавловск» – Канцелово.

Эсминец «Опытный» – Настолово.

Эсминец «Строгий» – Ям-Ижора.

Эсминец «Стройный» – Колпино.

НИМАП – Славянка, Пулково, Колпино.

Огонь кораблей из Кронштадта мог корректироваться с коррек-
тировочных постов в Петергофе, Коновалово и выносных постов с
каждого корабля, которые придавались сухопутным частям, но на
участке Ропша–Гостилицы системы связи не создали⁶. Не было
собственного поста и у крейсера «Петропавловск», однако, судя по
его документам, он мог пользоваться постами в районе села Рус-
ско-Высоцкое⁷.

Огонь открывался после разрешения начальника артиллерии
КБФ или флагманского артиллериста. В дальнейшем корабли
Кронштадтской группы были также подчинены Морской обороне
Ленинграда, но это вызвало еще больший хаос и увеличило число
задержек. Корабли Ленинградской группы, действовавшие в инте-
ресах сухопутных войск, выполняли заявки на открытие огня, по-
ступавшие через офицеров связи при начальниках артиллерии
42-й, 55-й армий и Красногвардейского Укрепленного района⁸.

Каждый корабль получил список целей в своем секторе, при том
цели были как на переднем крае обороны, так и обязательно выби-
рались в глубине собственной обороны на случай прорыва линии
фронта противником.

К 23 августа корабли уже заняли свои позиции. Линейный корабль «Марат» у входа в Морской канал, «Октябрьская революция» – в гавани Кронштадта, в Ленинградском торговом порту находились крейсера «Максим Горький», «Петропавловск» и эсминец «Опытный». В район Рыбацкого, на Неве, были выдвинуты эсминцы «Строгий» и «Стройный».

Задачами морской артиллерии являлись: дальнейшее огневое нападение, подвижный заградительный огонь по рубежам, стрельба по целям, появляющимся внезапно, стрельба прямой наводкой. Вести стрельбу по целям ближе 1,5 км от наших войск (исключение составляла стрельба по танкам) запрещалось. Максимальную скорострельность разрешалось развивать в течение не более 2 минут, делая не более 20 выстрелов на орудие. Этот запрет не действовал в том случае, если огонь велся по танкам и по целям, видимым с корабля.

Документация включала схему организации командования и вызова огня, схему связи, таблицу условных сигналов для связи и корректировки, наставление по стрельбе, наставление по связи. Для целеуказания артиллеристы пользовались картами масштаба 1:50 000. Для управления огнем на каждом корабле формировались группы корректировщиков, каждый корабль выставлял два корректировочных поста.

Параллельно с работой Морского штаба в Ленинграде, аналогичная работа велась и в Кронштадте, но к началу сентября там разработали только таблицу условных сигналов и список целей. Других документов подготовить не успели. Существовало и серьезное отличие, ведь для целеуказания в Кронштадте пользовались картами масштаба 1: 100 000.

К 9 сентября корабли Эскадры КБФ имели следующее расположение. Линкор «Марат» находился на позиции в Морском канале Ленинграда, линкор «Октябрьская революция» занимал позицию на Кронштадтском рейде, там же находился и крейсер «Киров», крейсер «Максим Горький» занимал позицию в акватории Ленинградского порта, лидер «Ленинград» – на Ораниенбаумском рейде, эсминец «Опытный» занял позицию в Угольной гавани Ленинградского порта 10 сентября. Там же находился эсминец «Свирепый». Поддержку сухопутным войскам в ходе штурма Ленинграда оказывали эсминцы «Сильный», «Сметливый» и «Стойкий». В Ленинградском порту, у стенки Угольной гавани, находился

крейсер «Петропавловск». Кроме этого, для артиллерийской поддержки сухопутных войск были подготовлены канонерские лодки «Красное знамя», «Москва», «Волга», «Зея», «Кама», «Сестрорецк», «Селенга», «Амгунь» и береговая артиллерия.

Стационарные батареи «А» из девяти 130-мм орудий и батарея «Б» из десяти 130-мм орудий были переданы в оперативное подчинение командиру 3-й гвардейской дивизии народного ополчения. Кроме этого в оперативном подчинении командования 42-й армии находились и железнодорожные артиллерийские установки (пять 130-мм двухорудийных батарей). В составе 55-й армии были четыре 130-мм двухорудийных батареи. Остается добавить, что на участке 42-й армии действовали железнодорожные транспортеры 12-й и 19-й батарей.

После того как был получен первый опыт использования морской артиллерии для поддержки сухопутных войск, в целях экономии боезапаса, главнокомандующий Северо-Западным направлением К.Е. Ворошилов отдает приказ о норме расхода боеприпасов морской артиллерии по целям. Были установлены жесткие нормы, так, орудия калибра 305-мм могли делать не более одного залпа в 10 минут. Также запрещалось использовать морскую артиллерию крупного калибра по отдельным, точечным, целям⁹.

По Плану обороны Ленинграда и ближайших подступов, для уничтожения противника на ближних подступах к городу предполагалось привлечь морскую артиллерию в количестве 115 орудий (сюда не был включен крейсер «Петропавловск»), что, по расчетам, давало плотность около 50 орудий на километр фронта¹⁰.

Таким образом, к началу немецкого наступления подготовка к использованию морской артиллерии для поддержки сухопутных войск была завершена в Ленинграде. В Кронштадте не успели отработать все схемы и реализовать задуманное на самом важном участке фронта, вдоль Гостилицкого шоссе, огонь морской артиллерии не мог использоваться с высокой эффективностью. Оборудованные корректировочные посты здесь отсутствовали.

Главной проблемой была громоздкая схема связи, включавшая большое количество промежуточных звеньев. Несовершенными были и сами радиостанции. Но самым существенным было то, что подобный вариант развития событий не отработывался перед войной, руководящие документы пришлось создавать практически с нуля. Со стороны флотского руководства много нареканий

вызывали действия сухопутных начальников, с трудом представивших себе возможности морской артиллерии. Тем более, что сами корректировщики не прикреплялись к конкретным частям в секторе своего корабля, а действовали в их полосе независимо, получая указания только от своих офицеров связи. Никаких дополнительных документов об организации взаимодействия обнаружить пока не удалось, не упоминаются они и в отчетах. Таким образом, ни о какой оперативности выполнения заявок на открытие огня и речи быть не могло, ведь общештатские посты наблюдения отсутствовали. Исключения, когда корректировщики на свой страх и риск работали напрямую с командирами частей, лишь подтверждают правило.

9 сентября немецкие войска силами 18-й армии и 4-й танковой группы начинают наступление на Ленинград. Основной удар силами 36-й мд наносится на участке Кипень – Русско-Высоцкое в направлении на Красное село. Оборону на этом участке занимали бойцы 265-го ОПАБ и 3-й гв. ДНО. К 10 сентября противнику удалось прорвать полосу обороны 265-го ОПАБ. На участке обороны вокруг Гатчины противник проявлял активность, а в дальнейшем 6-я тд 41-го мк и силы 38-го ак будут действовать с целью охвата укрепрайона.

По участку прорыва могли сосредоточить огонь своей артиллерии линкор «Марат» и крейсера «Максим Горький», «Петропавловск». К сожалению, по действиям артиллерии линкора «Марат» и крейсера «Петропавловск» документов нет. Что касается стационарных батарей, то их судьба была следующей.

Орудия батареи «А» активно действовали по участку прорыва. Им удалось утром 10 сентября подавить артиллерию 36-й мд¹¹. Однако, оставшись без пехотного прикрытия, днем 11 сентября батарея стала жертвой боевой группы 1-й тд, прорвавшейся из района Тайцев. Ни расхода снарядов, ни списка целей, по которым батарея вела огонь, не сохранилось. В военно-исторической литературе встречается упоминание, что батарее удалось рассеять скопление танков около деревни Николаевка, но это вызывает серьезные сомнения, так как к 11 сентября там танков противника еще не было. Из всего личного состава батареи к своим вышло около 90 человек.

Что касается батареи «Б», то ее орудия впервые открыли огонь 3 сентября по Ям-Ижоре; с началом немецкого наступле-

ния продолжала вести активный огонь. После того как противник подошел вплотную к батарее, большинство орудий было выведено из строя и командир батареи увел личный состав в Ленинград. В дальнейшем предпринимались меры, чтобы убрать орудия с нейтральной полосы. Всего батарея расстреляла более 4000 снарядов¹².

Гибель обеих батарей произошла вследствие отсутствия пехотного прикрытия. В свою очередь, их огонь должен был нанести противнику некоторые потери, и их действия все-таки сыграли свою роль в отражении немецкого наступления. Более подробно можно будет рассуждать после знакомства с немецкими документами.

О действиях железнодорожных батарей ни в документах штаба артиллерии КБФ, ни в военно-исторической литературе подробностей не сообщается. Известно только, что четыре батареи, находившиеся в оперативном подчинении командования 42-й армии, смогли выйти из окружения почти без потерь¹³.

Корабельная артиллерия в течение всего периода немецкого наступления вела активный огонь по противнику. Но оценка ее действий крайне затруднена из-за того, что далеко не все корабли предоставили полноценные отчеты по проведенным стрельбам. Из Ленинградской группы кораблей наиболее полная документация имеется по крейсеру «Максим Горький» (представлена в виде таблицы, расход снарядов дан общий, для главного калибра и 100-мм орудий).

На остальных кораблях ведению учета должного внимания не уделили. Особенно трудно работать с документами эсминцев – там отсутствуют многие подробности, имеющие отношения к стрельбам. Документы линкора «Марат» частично погибли. Сведения о стрельбах крейсера «Петропавловск» обнаружить не удалось.

К сожалению, в отчете эсминца «Опытный» не указан ни характер стрельб, ни результат, только квадрат, подвергавшийся обстрелу и расход снарядов. Всего с 10 по 23 сентября эсминец израсходовал около 1 тысячи снарядов главного калибра, наиболее интенсивно эсминец «Опытный» вел огонь с 13 по 17 сентября.

Линкор «Октябрьская революция» действовал до 15–16 сентября почти исключительно в интересах 8-й армии. После повреждения линкора «Марат» вражеской артиллерией корабль

**Сводная таблица по стрельбам артиллерии
крейсера «Максим Горький»**

Дата	Участок, подвергавшийся обстрелу	Количество стрельб	Расход снарядов	Примечание
9.09.	Лес у колхоза Кипень, Таицкая дача	2	18	Огонь открывался по скопленню войск
10.09.	Узел дорог колхоза Кипень, лес южнее Азмази, Недлино, Высоцкое	4	22	В двух случаях огонь велся по площади, один раз открывался с целью обстрела точки, и один раз – по скопленню войск
11.09.	Район южнее Хюттеля, лес южнее колхоза Кипень, узел дорог колхоза Кипень, лес на Вороньей Горе, район высоты 98,4, сплетение дорог с. Высоцкое	11	357	Огонь велся по площади, три раза огонь открывался по скопленню войск
12.09.	Лес южнее Глухово, слобода Павловская, высоты восточнее Красного Села	3	31	Один раз огонь открывали по батарее противника, один – по живой силе и танкам, один раз – по площади
13.09.	Район севернее слободы Коломенской, Красное Село	5	72	Три раза стреляли по площади, два раза открывали огонь на подавление вражеской батареи
14.09.	Высота 167, Аннино	4	47	Два раза открывали огонь по площади, два раза – по батарее противника
15.09.	Аннино, южнее от Нижнего Койрово, южнее коммуны «Красный Хутор», западное слободы Павловской, Финское Койрово, дорога у высоты 96,0, Старо-Паново, Ново-Паново	11	206	Семь раз огонь открывали по площади, один раз – по танкам противника
16.09.	Дорога южнее Ново-Паново, западнее Урицка, Нижнее Койрово, высота 19,2, южнее пос. Ленина, район Б. Виттолово	6	206	Два раза огонь открывали по площади, четыре раза стреляли по батареям противника
17.09.	Район высоты 36,1, Финское Койрово	6	130	Два раза стреляли по видимой цели
18.09.	Западнее Слободы Братошинской, северо-восточнее Каухузи	2	30	Один раз стреляли по видимой цели
19.09.	Севернее слободы Коломенской, Старо-Паново, высота 116	4	94	Два раза стреляли по площади, два раза – по батарее
20.09.	Восточнее Пиудузи	1	8	По площади
21.09.	Настолово, Палколово, Мишино, Пигилино	4	99	В районе Пигилино подавили батарею противника
Всего		63	1320	

Составлено по ЦВМА. Ф. 238. Оп. 028605. Д. 2. Л. 145–146.

провел несколько стрельб на фронте 42-й армии и на стыке 8-й и 42-й армий. С 15 по 19 сентября линкор несколько раз обстреливал Эртелево, Красное Село, Константиновку, Стрельну с расходом 110 снарядов главного калибра. В дальнейшем поддерживал оборонительные действия 8-й армии в районе Петергофа и наступление 8-й армии на участке Гостилицкого шоссе. Расход снарядов при поддержке оборонявшихся в районе Петергофа частей Красной армии составил 191 снаряд главного калибра.

Крейсер «Киров» в течение всего периода немецкого наступления действовал в интересах 8-й армии. Артиллерия крейсера проводила отдельные стрельбы по районам в полосе обороны 8-й армии во время немецкого наступления на Петергоф. По данным промежуточного отчета крейсера, обстреливался ряд целей, в том числе Ропшинский дворец¹⁴. Стрельбы получили хорошую оценку штаба 191-й стрелковой дивизии¹⁵.

Еще одним кораблем Петергофской группы, заслужившим высокую оценку сухопутного командования, был лидер «Ленинград». Его артиллеристы получали заявки и целеуказания от своих корректировщиков при штабе 48-й сд.

Крейсер «Петропавловск» до 17 сентября успел израсходовать более 670 снарядов, проведя 40 стрельб. Командир крейсера получал указания на открытие огня из штаба Морской обороны Ленинграда. Вследствие того, что отчетов по стрельбам обнаружить не удалось, вклад крейсера в оборону Ленинграда определить довольно затруднительно.

Эсминцы, занявшие огневые позиции в районе Ленинградского порта, вели интенсивный огонь. Но все стрельбы эсминца «Стойкий» с 16 по 22 сентября велись по площади. Всего эсминец выпустил более 200 снарядов. Эсминец «Сильный» с 15 по 22 сентября исполнил 35 стрельб по противнику, из них 20 велись артиллерией эсминца без корректировки. После 22 сентября корабль поврежден вражеской авиацией.

Всего же по целям на фронте 42-й армии с 13 по 19 сентября было выпущено 537 снарядов калибра 305-мм, около 500 – 203-мм снарядов, более 780 – 180-мм снарядов и 4179 – 130-мм снарядов¹⁶.

Видимо, неудовлетворенный действиями морской артиллерии, 21 сентября командующий ЛФ приказал провести реорганиза-

цию системы огня морской артиллерии¹⁷. Право вызова огня теперь было только у начальника артиллерии фронта. Были созданы новые, общештотские, наблюдательные и корректировочные посты. После стабилизации обстановки реорганизации подверглась система связи.

Таким образом, если мы обратимся к хронологии штурма города в сентябре, то картина будет следующей. Оказывать артиллерийскую поддержку частям 42-й армии были способны двенадцать 305-мм, четыре 203-мм, девять 180-мм, пять 130-мм корабельных орудий. Помимо этого, было два транспортера калибра 356-мм, два 180-мм орудия и 27 стационарных и железнодорожных орудий. Непосредственно поддерживать сухопутные войска в районе Кипени были способны, в первую очередь, корабли с крупнокалиберной артиллерией и стационарные батареи.

Однако оценить полностью характер этой поддержки пока не представляется возможным. Как видно из таблицы, артиллерия «Максима Горького» в течение 9–11 сентября 1941 г. несколько раз открывала огонь по району села Кипень. Участие крейсера в контрподготовке 10 сентября, видимо, было минимальным. На 11 сентября приходится максимальный расход снарядов, в этот день разворачивалась борьба за Красное Село, и огонь морской артиллерии был направлен на недопущение подхода резервов противника. Но после 11 сентября крейсер фактически лишился своих корректировочных постов. В дальнейшем крейсер продолжал вести огонь по району Красного Села, в основном по развилкам дорог. Надо отметить, что противник активных действий тяжелой артиллерии, за исключением стационарных батарей, не отмечает. Только с выходом на Дудергофские высоты и в район Красного Села в истории 58-й пд отмечается сильный обстрел корабельной артиллерии¹⁸.

О действиях линкора «Марат» в эти дни подробностей обнаружить не удалось. Корректировщики с «Марата» находились при штабе 3-й гвардейской дивизии народного ополчения, и артиллеристы линкора оперативно выполняли заявки штаба дивизии.

Следующим критическим моментом битвы за Ленинград стала борьба за Пулковский рубеж. Конечно, морская артиллерия сыграла определенную роль в его удержании. Но в первую очередь, это были стационарные орудия батареи «Б». Упоминаний о поддержке подразделений 5-й дивизии народного ополчения огнем морской артиллерии нет вплоть до 15 сентября. Огнем морской артиллерии

обстреливались подступы к оборонительному рубежу 42-й армии. Но на самих высотах корректировочных постов не было, а пост на крыше Дома Советов организовали позже. К этому времени система связи перед штурмом уже не раз дала сбой, так как только штаб 42-й армии несколько раз поменял место своей дислокации, а штаб Красногвардейского УР вынужден был покинуть Красное Село. Офицеры штаба перемещались по фронту, стараясь наладить взаимодействие и организовать отпор врагу. Командующий армией не владел ситуацией, а начальник штаба пропал без вести. После того как командующим армией был назначен И.И. Федюнинский, положение несколько стабилизировалось, за счет того, что к обороне Пулковских высот удалось привлечь массу полевой артиллерии.

Но, несмотря на все усилия войск Ленфронта, немцам удалось выйти к Финскому заливу и захватить Урицк. Это был еще один критический момент в ходе сражения. Теперь корабли, находившиеся в Морском канале и в акватории ленинградского порта, вели огонь уже по видимым с корабля целям. Огонь велся по району Урицка, Старо-Паново. На этом участке, несмотря на все усилия 21-й сд НКВД, выбить немцев из пригородов так и не удалось.

15 сентября к действиям по поддержке сухопутных войск подключились и эсминцы «Сильный», «Сметливый» и «Стойкий». С момента выхода немецких войск к Финскому заливу сложилась двойственная ситуация, в районе Урицка предпринимались неоднократные попытки выбить оттуда противника, в районе Пулковских высот противник предпринимал попытки взять высоты. Район Урицка и Старо-Паново неоднократно подвергался обстрелу корабельной артиллерией, но все попытки выбить противника из этих населенных пунктов так и окончились неудачей.

С 17 сентября немецкие войска перешли в наступление в направлении Петергофа. Двигаясь вдоль берега залива, немецкие войска были отличными целями для корабельной артиллерии. Кронштадтская группа была усилена канонерскими лодками. Корабли Кронштадтской группы получили приказ на запрет самостоятельного ведения огня¹⁹, для того чтобы сократить расход боеприпасов и сберечь материальную часть. Это сыграло в обороне Петергофа крайне негативную роль. Ведь наступавшая немецкая пехота была встречена только контратаками отрядов ополченцев с легким стрелковым оружием, а также остатками 10-й, 11-й сд и 1-й брига-

ды морской пехоты. Несмотря на это, борьба за Петергоф продолжалась вплоть до 23 сентября.

Что касается противника, то немцы обязательно указывали в документах причины, препятствовавшие выполнению задачи. Так, в записях, характеризующих наступление с 9 сентября, упоминается поддержка сухопутных войск тяжелой артиллерией²⁰. Однако гораздо большее впечатление на немцев произвели советские укрепления и атаки советских тяжелых танков. 15 сентября немцы отмечают обстрел морской артиллерией своих позиций на берегу Финского залива²¹. В дальнейшем записи о мощном огне корабельной артиллерии будут упоминаться неоднократно, в том числе и в истории 1-й пд, наносившей удар в направлении Петергофа вдоль берега Финского залива. Ее подразделения подверглись артиллерийскому обстрелу крейсера «Максим Горький» и эсминцев²². Более полно эффект от обстрелов морской артиллерии можно будет оценить при привлечении немецких документальных источников.

Начиная с 15 сентября 1941 г., немцы подвергали корабли КБФ артиллерийскому обстрелу и ударам с воздуха. Повреждения от артиллерийских снарядов получили: крейсер «Максим Горький», линкор «Марат», эсминец «Опытный». Был потоплен крейсер «Петропавловск»²³. Наибольшие потери флот понес от ударов вражеской авиации; линкор «Марат» был потоплен, крейсер «Киров», линкор «Октябрьская революция» получили тяжелые повреждения.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод. Во-первых, определить роль морской артиллерии в отражении немецкого наступления на фронте 42-й армии чрезвычайно трудно из-за крайне разрозненных и неполных документальных материалов. Но утверждение о том, что морская артиллерия остановила наступление немцев на Ленинград, которое встречается в документах и одной из первых работ по действиям флота в Великой Отечественной войне, не имеет под собой оснований²⁴. Анализ хода боевых действий показывает, что в условиях нарушенной работы связи и подвижного фронта оперативно выполнять заявки на поддержку сухопутных войск было невозможно. Надо отметить и то, что участок прорыва у Красногвардейска (Гатчины) был вообще вне досягаемости огня морской артиллерии (за исключением стационарных и железнодорожных батарей). Именно здесь и прорвалась основная масса немецких танков 4-й танковой группы.

В свою очередь, немецкая пехота прорывала оборону 42-й армии в зоне досягаемости огня корабельных орудий. Оценить, насколько действия морских артиллеристов задержали противника, будет возможным, если появится возможность познакомиться с немецкими документальными источниками или при обнаружении новых документов в отечественных архивах.

В заключение следует добавить, что автор благодарит за помощь в работе и предоставленные материалы Д.В. Жукова и М.Э. Морозова.

-
- ¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2005. С. 9.
² Боевая летопись ВМФ. 1941–1942 гг. М., 1992. С. 180.
³ Там же. С. 181.
⁴ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 249. Оп. 1544. Д. 90а. Л. 74–75.
⁵ Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 240. Оп. 0824. Д. 3. Л. 188.
⁶ Там же. Ф. 164. Оп. 4. Д. 3. Л. 11.
⁷ Там же. Ф. 240. Оп. 0824. Д. 3. Л. 165.
⁸ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 9. Л. 112.
⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 180–181.
¹⁰ Там же. С. 187–188.
¹¹ Kollatz K. Leningrad. Die Stadt, die nie genommen wurden. Rastatt., 1967. S. 53.
¹² Боевая летопись ВМФ. 1941–1942 гг. С. 187.
¹³ Ачкасов В., Вайнер Ю. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957. С. 111.
¹⁴ ЦВМА. Ф. 155. Оп. 026814. Д. 508. Л. 41–43.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
¹⁷ Там же. Ф. 580. Оп. 1. Д. 108. Л. 70.
¹⁸ Zydowitz K. von. Die Geschichte der 58. Infanterie Division. Kiel., 1952. S. 37.
¹⁹ ЦВМА. Ф. 164. Оп. 3. Д. 3. Л. 18.
²⁰ Kriegtagesbuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. 1. Frankfurt am Mein. 1965. S. 623.
²¹ Ibid. S. 638.
²² Richter. W. Die 1. (ostpreussische) Infanterie-Division. Podzun., 1976. S. 66.
²³ См.: Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей. С. 104, 119, 229.
²⁴ ЦВМА. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Хроника Великой Отечественной войны на Балтийском море и Ладожском озере. Вып. 1. М.; Л., 1945. С. 124.

А.Н. Наумов (Тула)

**ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД У ДЕРЕВНИ
РАДУГОВИЩИ – ПАМЯТНИК
ФОРТИФИКАЦИОННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ
XVII ВЕКА ТУЛЬСКИХ ЗАСЕК**

Тульский участок Засечной черты XVI–XVII вв., как центральное звено 500-км сложной и многоплановой системы оборонительных сооружений на южных рубежах Московского государства, имеет достаточно обширную историографию. Однако, как это часто бывает, до недавнего времени основными материалами, которыми оперировали исследователи, была обширная документация и служебно-деловая переписка с исполнителями строительства и ремонта оборонительных сооружений, сосредоточенная, в основном, в Разрядном приказе. Лишь в середине XX в. начинаются планомерная натурная фиксация остатков фортификационных сооружений Черты и попытки идентифицировать эти сооружения с документацией Разрядного приказа. Пионером таких исследований стал А.В. Никитин, который в 1947–1949 гг. предпринял первые по-настоящему научные и масштабные рекогносцировочные разведочные исследования в этом направлении¹. Впоследствии археологические разведочные исследования на объектах рязанских и тульских участков Засечной черты в 80–90-е гг. XX в. проводил И.Л. Чернай². Однако сложность вычленения и интерпретации фортификационных объектов Черты в ряде случаев привела археолога к зачастую спорным и не вполне обоснованным выводам.

Тульские засеки хранят на своей территории еще много интереснейших памятников инженерной мысли строителей фортификационных сооружений, которые и поныне ждут своих исследователей.

Свидетельством тому является недавно открытая земляная крепость Черты. Первое ее описание как городища у деревни Радуговищи было составлено историком и археологом И.П. Сахаровым в середине XIX в.: «Радугощинское городище находится в Одоевском уезде, при речке Малой, близ села Радугощи, в 30 верстах от Одоева. Его окружают ближния селения: село Богородское, деревни Храбрищева и Арсеньева, овраг Городищенский и пустошь Губино...»³. Затем описание расположения памятника появилось в рукописной сводке древностей Тульской губернии, присланной в императорскую Археологическую комиссию из канцелярии тульского губернатора в 1873 г.: «Одоевский у.[езд], Вялинская вол.[олюсть]. Земляная насыпь или городище, находящаяся на земле крестьян села Радугощ г. Татищевой, в 1/2 верстах расстоянии от селения, помещается меж двух верхов»⁴. Еще одно описание городища было опубликовано председателем Тульского губернского статистического комитета В.М. Борисовым в 1878 г.: «Вялинская волость... один курган, под названием Городище, при с. Радугощи, на ровном месте, в лесу, принадлежащем графине Татищевой»⁵.

Первую попытку локализовать городище предприняла в 1977 г. В.Г. Миронова в ходе археологических разведок по составлению Свода памятников истории и культуры Тульской области и паспортизации памятников археологии Дубенского района Тульской области⁶. Однако описание городища заставляло усомниться в правильности его локализации. В 1996 г. отрядом Тульской археологической экспедиции под руководством А.В. Шекова проводилось сплошное обследование территории Дубенского района⁷. По запросам местных жителей удалось выявить место, которое называется «городище». Однако густая залесенность территории памятника не позволила провести более детальное исследование объекта. В 2003 г. обследование памятника было проведено разведочным отрядом Тульской археологической экспедиции под руководством автора статьи⁸.

Детальный осмотр городища показал, что оно представляет собой сложный комплекс масштабных оборонительных сооружений на площади около 6 гектаров. Организация топографической съемки объекта, осложненная сильной залесенностью, требовала проведения серьезной подготовительной работы и больших трудозатрат. Поэтому в 2003 г. было решено ограничиться глазомерной

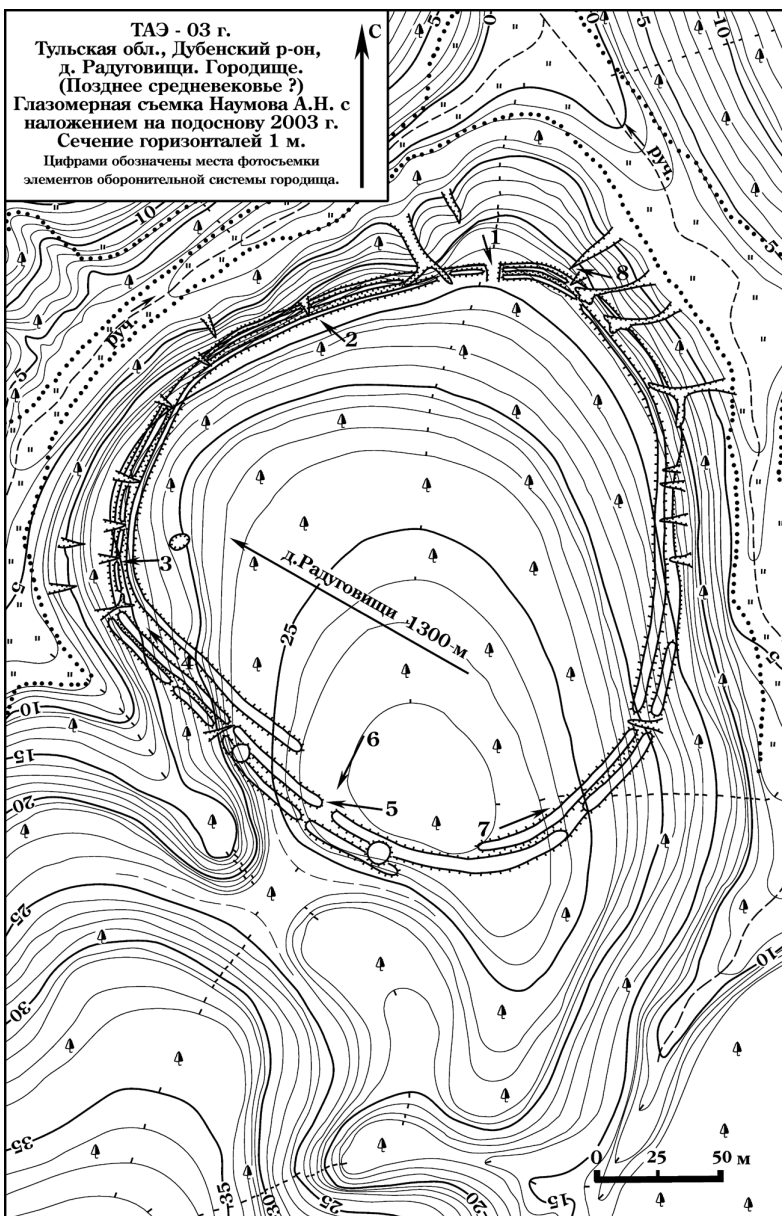
съемкой с наложением на топоподоснову в масштабе 1:2000 и фотофиксацией объекта.

Городище расположено на мысу при слиянии двух оврагов, которые на второй части Генерального плана Одоевского уезда конца XVIII в. обозначены как «овраг Городенской» и «верх Городенской»⁹. Ниже слияния овраг впадает с правой стороны в реку Малая Колодня (правый приток реки Большая Колодня, правобережный бассейн среднего течения реки Упы), в 1,3 км к юго-востоку от деревни Радуговищи бывшего Одоевского уезда, ныне Дубенского района Тульской области (рис. 1). Большая часть площадки памятника долгое время распахивалась. Однако на момент обследования пашня была заброшена, и на ее территории рос молодой сильно разросшийся березняк. Со всех сторон городище окружено густым лесом. Русла обоих оврагов заболочены.

Памятник расположен на замкнутой площадке, образованной овражной системой. С севера, востока и запада мыс, на котором расположен памятник, ограничен руслами оврагов. С южной и юго-западной стороны отвершки оврагов отсекают мыс от расположенного южнее плато таким образом, что между отвершками остается узкий перешеек не более 20 м в ширину, который к тому же имеет природную седловину перед мысом.

Основным элементом укреплений городища является крутой эскарп, который местами достигает высоты 3–4 м и по периметру площадки памятника отрезает все неровности рельефа, в том числе и длинный мыс, расположенный с юго-востока от городища. В северной и северо-восточной части эскарп прорезан молодыми оврагами. Напротив точки слияния оврагов эскарп прорезан явно искусственным образом на ширину до 5 м в более позднее время для удобства въезда на площадку городища. С небольшим отступом от эскарпа (2–3 м) по краю площадки тянется двойная линия невысоких валов, достигавших на северной, восточной и западной границах площадки высоты не более 0,5 м. В некоторых местах, особенно в северо-восточной части памятника, один из валов практически не просматривался на местности. При осмотре эскарпов городища в них были отмечены треугольные врезы, имевшие одинаковую конфигурацию. На их искусственный характер указывал тот факт, что они были хорошо задернованы и не являлись следствием эрозионных процессов на склонах оврагов. Все они начинались с площадки городища и с внешней стороны достигали

Земляной город у деревни Радуговищи

План земляной крепости на русской стороне Снецкой засеки

ширины до 2–3 м. Подобные врезы очень напоминали орудийные бойницы подошвенного боя. Всего их было зафиксировано 6 по западному эскарпу городища, 1 – по северному, 5 – по восточному, 1 – по юго-западному. Наиболее сложная система укреплений была зафиксирована в юго-западной части городища, в месте соединения площадки городища с более южным плато. Здесь западнее перешейка была выявлена тройная система валов, восточнее – двойная. На данном участке валы достигали высоты до 1,5 м. С напольной стороны перепад высот вместе с валами городище достигал 4–8 м. Напротив перешейка городища был обнаружен въезд на городище, который имел зигзагообразную форму за счет конфигурации валов. На расстоянии 24 и 38 м западнее и восточнее от въезда на городище между 1-й и 2-й линией валов были выявлены круглые площадки (башни?) диаметром 12 и 14 м. В целом городище имело подтреугольную форму с сильно скругленными краями. Его размеры составляли с юго-запада на северо-восток – 230 м, с северо-запада на юго-восток – 240 м. Таким образом, площадь памятника достигала около 55 тыс. кв.м. Площадка городища имеет покат на север, высота над точкой слияния оврагов достигала 13–28 м. Городище слабо задерновано. У западного края площадки городища обнаружена заплывшая яма диаметром 5 м и глубиной до 1,5 м, похожая на воронку от снаряда. Осмотр обнажений грунта и выбросов из кротовин выявил по гребням вала куски прокаленной глины и крупные угли. Несколько невыразительных мелких фрагментов керамики, собранных на площадке, относятся по типу к керамике XVII–XVIII вв. и могли быть привнесены на площадку при распашке.

Характер оборонительных сооружений крепости, наличие бойниц подошвенного боя, мощная система напольных оборонительных сооружений, усиленных двумя башнями, и, наконец, отсутствие рядом сопутствующих селищ, а также культурного слоя указывает на специфически военное назначение открытой крепости. Анализ ее расположения показывает, что она находилась на участке Снецкой засеки, примерно посередине между Сенцкими засечными воротами (ныне шоссе Тула–Одоев) и Орловскими (ныне шоссе Крапивна–Тула), с тыловой (северной) или, как указывали в актовых документах XVI–XVII вв., «русской» стороны.

Среди объектов Засечной черты, подвергшихся ремонту и новому строительству в 1638 г., эта крепость и засечные ворота, которые

она могла бы охранять, не упоминаются¹⁰. Все это свидетельствует о том, что строительство крепости и сами засечные ворота рядом с нею перестали существовать задолго до 30-х гг. XVII в. и, вероятно, ее строительство могло проводиться еще в середине XVI в., когда Иван Грозный лично осматривал в 1566 г. завершение строительства оборонительных сооружений на тульских засеках. О том, что это укрепление было заброшено к XVII в., говорит тот факт, что на Снецкой засеке сохранность лесов была очень хорошая и объем работ на этом участке в 1638 г. был небольшим. Картографический материал XVIII–XIX вв. позволяет нам реконструировать засечные ворота, которые могла охранять эта крепость. На картах указана дорога, пересекавшая ленту засечных лесов в интересующем нас районе. Эта дорога шла от Упы и сел Козюлькино и Майково на север по водоразделу Каколина верха и речки Каменки, затем речек Мищены, Милодильни и выходила к селу Радуговищи. Как раз на северном участке дорога вплотную примыкала к крепости.

Несмотря на то, что крепость пока остается не локализованной среди других укреплений Засечной черты, особенности ее фортификационных сооружений со всей определенностью позволяют отнести ее именно к этой системе оборонительных сооружений. Крепость у деревни Радуговищи относится к хорошо известному среди засечных укреплений типу земляного города с бревенчатым частоколом (стоячим острогом) по периметру, который в нижней части укреплялся подсыпкой грунтом из фундаментного рва с внешней и внутренней сторон. Следы подобной конструкции и являются прослеженные ныне две параллельных линии небольших валов по периметру острога. Естественным склонам оврагов была придана еще большая крутизна с помощью эскарпов. Число башен также вполне традиционно для подобных сооружений. В документах второй половины XVII в. мы читаем на соседней Заупской засеке: «...на реке Плавке земляной городок, а на нем две башни с вороты и тот городок и башни обросли засечным болшим лесом, а та речки Плавка течет в засеку с русской стороны и заросла болшим засечным лесом»¹¹. Расположение крепости на русской стороне также вполне традиционно для подобных сооружений. Мы имеем многочисленные тому примеры, которые были обусловлены как тактическими соображениями, так и практической необходимостью. Первое диктовалось необходимостью перехвата татарских отрядов, когда они возвращались через Засечную черту обратно

в степи из набега. Второе – необходимо иметь доступ к воде, что нередко заставляло строить такие остроги в глубине засек или даже на их тыловой, северной стороне.

Радуговищенская крепость имела сильную по тем временам артиллерию. Только по количеству бойниц подошвенного боя ее огневая мощь насчитывала 13 орудий, которые по своему весу не могли быть установлены на верхних площадках острожной стены. Нет сомнений, что еще несколько орудий было установлено на напольных валах и башнях острога. Примечательно, что почти половина бойниц подошвенного боя (6 из 13) располагалась именно с западной стороны – там, где проходила дорога через засеку. Заслуживают внимания и размеры острога – почти 6 гектаров. Такая площадь позволяла сосредоточить в стенах крепости крупный воинский контингент пехоты, а возможно, и кавалерии.

Все это позволяет считать земляную крепость у деревни Радуговищи крупным опорным пунктом сосредоточения украинских полков на тульском участке Засечной черты.

¹ Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 44. М., 1955. С. 116–213.

² Чернай И.Л. Оборонительные сооружения Рязанских засек в свете новых археологических данных // *Куликово поле: материалы и исследования*. Труды ГИМ. Вып. 73. М., 1990. С. 174–187; Он же. Натурное и археологическое изучение оборонительных сооружений тульских засек в 1984–1992 гг. // *Н.И. Троицкий и современные исследования памятников историко-культурного наследия Центральной России*. Т. 1. Тула, 2002. С. 223–240; Он же. Памятники военной истории и археологии ближней округи Ясной Поляны // *Верхнее Подонье. Природа. Археология. История*. Т. 1. Тула, 2004. С. 224–242; Он же. Система оборонительного пояса Засечной Черты от Тулы до Крапивны и Одоева // *Верхнее Подонье. Археология. История*. Вып. 3. Тула, 2008. С. 129–155.

³ Сахаров И.П. Памятники Тульской губернии. СПб., 1851. С. 28.

⁴ Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1873. Д. 216. Л. 5.

⁵ Курганы и городища в Тульской губернии // *Известия Русского географического общества*. 1879. Т. 15. № 3. С. 245.

⁶ Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР в 1977 г. Архив ИА РАН. Р–1. Д. № 7048. Л. 3.

⁷ Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996 г. Архив ИА РАН. Р–1. Л. 13.

⁸ Наумов А.Н. Отчет о работах в Тульской области в 2003 году. Архив ИА РАН. Р–1. Л. 38–41.

⁹ ГАТО. Ф. 291. Оп. 15/59. Д. 55.

¹⁰ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916. С. 219–224; Никитин А.В. Указ. соч. С. 186–187.

¹¹ Никитин А.В. Указ. соч. С. 183.

ГИМ – Государственный Исторический музей.
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ГАТО – Государственный архив Тульской области
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН

О.Я. Ноздрин (Орел)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЛОНТЕРЫ РУССКОЙ АРМИИ XVIII ВЕКА

Понятие «волонтер», происходившее от латинского «voluntarius» через французское «volontaire», означало приписанного к армии своекоштного добровольца, формально остающегося вне службы. При сохранении прочих толкований, в XVIII в. оно утвердилось как часть повседневного военного лексикона.

Первое его использование не отличалось особенным оптимизмом. Летом 1664 г. переводные немецкие «Куранты» сообщали, как «французской пехоты четыре тысячи человек опричь волонтар вчера рано отселе пошли земляным путем к Одембурку и далее в Стенгермарк итти, и в пути зело деревни грабят, и для того генерал Монс из них несколько велел повесить...»¹.

Решительность полководца впечатлила московские власти. Дисциплинируя подданных, они наделили слово воспитательным смыслом. Вскоре «великое европейское посольство» 1697–1698 гг. включило особых «валонтиров»² или составивших дипломатическую свиту «охочих к учебе молодых дворян», оставленных за границей совершенствоваться в искусствах и упражнениях.

Насколько охотно усваивались знания, показывает случай будущего сенатора, генерал-адмирала и президента Адмиралтейств-коллегии князя Михаила Михайловича Голицына (1681–1764)³, с 1708 г. проходившего волонтерскую подготовку на кораблях нидерландского флота. 2 апреля 1711 г. он писал из Амстердама: «При помощи Божией, жив в обремененных моих печалях и тягостях. Житие пришло мне самое бедственное и трудное. Первое, что нищета; паче же – разлучение. Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего на той науке положить, а не принять будет; не зная языка, не научиться науке. Которая наша братья

приехали для обучения к той же науке, и ни единого не было, кто не знал бы латыни, да и те в три года и половины освоить не может. А про меня вы сами знаете, что кроме природного языка никакого не могу знать, да и лета мои уже ушли от науки, а паче всего в том моя тягость, что на море мне быть невозможно, из-за того, что весьма качает»⁴.

Плоды просвещения оказались горького вкуса. Страдавший морской болезнью князь просился домой, не находя сочувствия одержимого пользой царя, позволившего вернуться только в 1717 г.

В 1722 г. произошло закрепление правового статуса добровольцев, регламентирование их относительной свободы и преимущественно военного характера⁵. Указ от 28 февраля предписывал «принимать волонтеров в службу из иноземцев чином ниже противу российских подданных... Ежели которые иноземцы в службе его императорского величества похотят быть временно, и таковых против российских рангами унизить, разве кто даст такой реверс, что по смерти им здесь остаться»⁶.

Традиции волонтерства имели прочные основания. С одной стороны, волонтерскими назывались формирования наемников, подобно французским регулярным полкам «Королевских волонтеров» (*Regiment des Volontaires Royaux*) и «Волонтеров маршала Мориса Саксонского» (*Volontaires du Marechal de Saxe*).

Под волонтерами так же понимали дворян, совершавших с дружественной армией одну или несколько кампаний в качестве наблюдателей, военных агентов, представителей союзного двора. Подобные занятия считались уместными даже августейшим фамилиям. Например, в 1652 г. будущий король Англии и Шотландии (1685–1689) Джеймс II (VII) Стюарт, а пока восемнадцатилетний герцог Йоркский (1633–1701), совместно с полковниками Джоном Беркли (1602–1678)⁷ и Робертом Верденом (1622–1690)⁸ числился волонтером под началом французского маршала Анри де Ла Тур д'Оверна, виконта де Тюренна (1611–1675)⁹.

Готовность аристократов воевать за иноземного государя символизировала симпатии и почтение принимающей стороне, обаявая ее демонстрировать сходные чувства. Этикетная форма подобных обменов существенно дополняла политические договоренности. Наличие иноземной знати поднимало престиж страны, позволяя уравновесить или превзойти репутационные достижения соперников.

Отсутствие у Шарля Эжена де Кроа (1651–1702) стратегических дарований не отменяло факта, что царской армией осенью 1700 г. под Нарвой командовал герцог. Ответом сражавшемуся за шведов принцу Максимилиану Эммануилу фон Вюртемберг-Виннентальскому (1689–1709) стал переход на русскую службу в 1707 г. принца Фридриха фон Гессен-Дармштадтского (1677–1708).

В 1723 г. сразу два немецких принца брата Людвига Вильгельм (1705–1745) и Иоганн Карл (1706–1728) фон Гессен-Гомбургские отправились в Россию, пожалованные старший – полковником, младший – капитаном гвардии. В 1733 г. их путь повторил Антон Ульрих, принц фон Брауншвейг-Люнебургский (1715–1774), назначенный командовать Бевернским кирасирским (прежде Ярославским драгунским) полком с 12 000 годовым жалованьем¹⁰. Его примеру последовал Петер Август Фридрих, принц фон Голштейн-Бекский (1698–1775), в 1737 г. по просьбе матери герцогини Луизы Шарлоты получивший звание полковника.

А уже 5 июня 1738 г. «Санкт-Петербургские Ведомости» извещали читателей, как «Прибывший сюда из Англии милорд Крафорт¹¹, по осмотре всяких любопытных и зрению достойных в сем городе вещей, прошлой субботы со всею своею свитою, к армии отправился, куда равным образом недавно к здешнему двору прибывший граф Кристиан Лудвиг фон Изенбург¹², Немецкого ордена кавалер, действительный камергер и подполковник гвардии его королевского величества Шведского, волонтером поехал»¹³.

Имея приличное собрание князей и принцев, Анна Иоанновна увереннее держала императорскую корону.

Иноземные визитеры занимали особое место. Сохраняя свободу рук, они фактически приравнивались к высшему офицерскому составу. Осенью 1759 г. находившийся в главной квартире австрийской армии Иван Шпрингер докладывал в Санкт-Петербург: «Сего 15 дня яко в день тезоименинства императрицы королевы Венгеро-Богемской прибыло сюда вашего императорского величества артиллерии с ея припасами и с командою: четыре шуваловских гаубиц и два единорога, под повелением от артиллерии капитанов Михаила Жукова и Миллера; оные в лагерь при резервной артиллерии на правое крыло поставлены, а команда, состоящая из двадцати четырех человек бомбандир и гатлангеров с тремя унтер-офицерами, во всякой опрятности стали в строй. Генерал-фельдмаршал, по отправлении благодарственного

молебна о таком высоком дне, вышел со всеми иностранными принцами, генералитетом и волонтерами, как ту артиллерию, так и команду смотреть, что весьма хорошо показалось, и достойную хвалу прикладывали»¹⁴.

Помимо благородства, волонтер должен был обладать смелостью, обходительностью, утонченностью, образованностью, умеренностью, щедростью, достатком. Отсутствие этих качеств ставило его в неловкое положение.

Фельдмаршал Буркхард Христофор Миних (1683–1767) насмешливо писал 21 августа 1738 г. императрице Анне: «...цесарский полковник барон Реске, милорд Крафорт и прочие волонтеры обретаются еще донныне при мне; и кондуит онаго полковника весьма добрый и часто упоминал, дабы он от вашего императорского величества цесарскому двору, чтоб мог достать полк, был рекомендован и при всех акциях при мне был неотлучно и все наши поступки видел, и при том, хотя человек и не убог, однако, как видно, эконом. А понеже часть его багажа оставлена была в Рашкове, где был неприятель, все разорил, и потому опасается, дабы и его оставленный был не взят; того ради не соизволите ли ваше императорское величество его полковника с такою всемилостивейшей рекомендацією и некоторым награждением отпустить...»¹⁵.

Роскошь таила другие угрозы. Согласно Томасу Маколею (1800–1859), когда во время Семилетней войны 1756–1763: «Несколько молодых знатных англичан хотели отправиться в Германию волонтерами, чтобы изучить воинское искусство под руководством величайшего полководца, Фридрих вежливо, но решительно отказал им. Он не считал лагерь свой местом, в котором можно было явиться изучать в качестве любителя военную науку. Прусская дисциплина была строга до жестокости. В продолжение кампаний, офицеры были обязаны к такой воздержанности и забвению самого себя, которые могли превзойти самые монашеские ордена. Как бы ни были они благородны по рождению, как бы ни был высок их чин – им не позволялось иметь ничего, кроме оловянной посуды. Если граф или маршал имел в своем багаже одну серебряную ложку, он делался виновным в большом проступке. Трудно было подчинить этим спартанским правилам веселых молодых англичан, владельцев 20 000 дохода, привыкших к свободе и роскоши. Король не отважился бы принудить их повиноваться, как своих подданных. В том положении, в каком он находился относительно Англии, он почти не мог засадить

в тюрьму или расстрелять какого-нибудь Говарда или Кавендиша. С другой стороны, пример нескольких франтов, со свитой фургонов и лакеев в ливреях, обедающих на серебре и пьющих шампанское и токайское, был достаточен, чтобы развратить всю армию. Он нашел благоразумным не делать опыта и учтиво отказался допустить в среде своих войск таких опасных товарищей»¹⁶.

Смущавшие короля Фридриха II Прусского (1712–1786) обстоятельства не пугали его младших русских современников. Весною 1799 г. посол в Лондоне граф Семен Романович Воронцов (1744–1832) извещал совершавшего итальянский поход графа Александра Васильевича Суворова-Рымнического (1729–1800): «Вручитель сего лорд Виллиам¹⁷ и лорд Фридрик Бентинк¹⁸ суть дети дюка Портланда¹⁹. <...> Они с дозволения короля своего государя едут служить волонтерами к армии, находящейся под предводительством вашего сиятельства... С выше помянутыми сыновьями дюка Портланда также с дозволения королевского едут другие два офицера: полковник Клинтон²⁰, двоюродный брат дюка Ньюкастель²¹, сын генерала и кавалера Клинтона²², который в 1773 году был волонтером в армии графа Румянцева, да капитан Свинбурн. Все они офицеры, имеют крайнее желание служить под предводительством славнейшего в наши времена полководца»²³.

Суворов откликнулся: «Милостивый государь мой граф Семен Романович! Лорды, дети патриотизмом славящегося дюка Портланда, и господя Клинтон и Свинбурн вручили мне письмо вашего сиятельства, я весьма порадован приобретением сих толико знаменитостью рода и похвальным рвением к воинским подвигам отличающихся великобританцев. Препоручение вашего сиятельства приемлю я в истинной его цене и потщусь доставить им случай к удовлетворению их желания...»²⁴.

Подобная любезность требовала подтверждения делами. Тот же Суворов 10 августа 1788 г. в письме из Кинбурна Иосифу Михайловичу де Рибасу (1751–1800) возмущался засильем иностранцев: «Сие всерьез. <...> Проклятые волонтеры, самый проклятый – Дама²⁵, словно мне равный. Хоть бы и князь. Титул предков ничто, коли не доблестью заработан... Коли не в нашей службе, с радостью уступлю место Нассау²⁶ – иностранцу, а иначе – ни за что, хоть бы даже и в одном был со мною чине. Ежели нужно, скажите об этом графу Браницкому²⁷; пусть бы даже был он герцогом и пэром Франции, ни ему не уступлю, ни Ангальту²⁸, ни другим, ежели будут со

мною в одной службе... В другой раз, коли так придется, выгоню их, да и наших, кнутом, ибо за исход боя я отвечаю, а ежели им угодно, так я их саблей...»²⁹.

Суворовскую ярость легко понять. Своими советами титулованные гости мешали управлению войсками. В 1737 г. критические замечания командированного к русской армии австрийского полковника Иоганна Леопольда барона фон Беренклау цу Шенрейта (1700–1746) вызвали заметное охлаждение между Санкт-Петербургским и венским дворами. Под давлением Миниха зарвавшегося офицера отозвали³⁰.

Принятие иноземцем действительной службы с безоговорочным подчинением командованию, превращавшее его в наемника, решало многие проблемы. Граф Миних 17 сентября 1738 г. подписал представление о зачислении в войска «аглицкого волонтера Мекензи», донося, что «два другие аглицкие волонтера приняты уже на службу (Фулертон³¹ – поручиком в Киевский пехотный полк, и Повер – прапорщиком в Шлиссельбургский пехотный полк), а третий французский волонтер Клифтон отправился во Францию»³².

В XVIII в. при русской армии состояли датские, британские, германские, нидерландские, испанские, итальянские, шведские, французские волонтеры. Переход к современным способам комплектования войска постепенно вытеснял привычные нормы. 28 июля 1870 г. император Александр II окончательно запретил русским подданным «вступать волонтерами в службу воюющих в настоящее время держав, так как подобное дозволение было бы нарушением принятой Его Величеством твердой решимости соблюдать строгий нейтралитет при настоящем столкновении Франции с Пруссиею»³³.

Со временем волонтеры потеряли прежние привилегии, превратившись в «обычных» добровольцев.

¹ Вести-Куранты 1656 г. 1660–1662 гг. 1664–1670 гг. Часть I. Русские тексты // Под ред. А.М. Молдвана и И. Майер. М., 2009. № 12. 27 июня – 5 июля 1664.

² 1697 марта 9 – 1698 августа 25. Путевой журнал Великого посольства // Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 351.

³ Согласно другим данным, его рождение приходится на 1684 или 1685 гг.

⁴ Руководители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 31.

⁵ Отождествление волонтерства с относительной независимостью от субординации оказалось устойчивым. Стремившийся перейти летом 1806 г. в действующую армию Денис Давыдов вспоминал: «Тщетны были старания мои. Я не

мог найти не только ходатая, но даже человека, в котором бы хотя мало-мальски отозвалось брожение чувств моих. Везде на поэзию, кипящую и в душе и в глазах, и в словах моих, встречал я прозаическое слово: “Это вам делает честь!” – “Умилосердитесь! Я не похвалы прошу, я прошу помощи: не дайте мне заглохнуть в гарнизонной службе и на придворных балах; дайте подышать чистым воздухом!” – “Вы знаете, что государь не любит волонтеров”. Я принимал за клевету такое святотатственное слово насчет государя императора, почитая за сверхъестественное дело, чтобы русский царь не любил тех, кои рвутся вперед...» (Цит. по: Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 185).

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. СПб., 1830. С. 513.

⁷ Джон Беркли (1602–1678), с 1658 г. 1-й барон Беркли оф Стрэттон.

⁸ Роберт Верден (ок. 1622–1690), с 1688 г. генерал-лейтенант.

⁹ Cust E. *Lives of the Warriors of the Civil Wars of France and England: Warriors of the Seventeenth Century*. L., 1867. P. 48.

¹⁰ Левин Л.И. *Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (История «Браншвейгского семейства в России»)*. СПб., 2000. С. 45.

¹¹ Джон Линдсей, 20-й граф Крофорд и 4-й граф Линдсей (1702–1749), шотландский пэр, в 1734 г. гротмейстер английской масонской ложи (The Premier Grand Lodge of England), с 1747 г. генерал-лейтенант. Автор записок о России.

¹² Кристиан Людвиг, граф фон Изенбург-Бирштейн (1710–1791), ландкомтур гессенского бальяжа Тевтонского ордена, с 1750 г. генерал-лейтенант Гессен-Кассельской службы.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1738. № 45. С. 357.

¹⁴ Русско-австрийский союз 1759. Документы, собранные генерального штаба полковником Масловским // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1887. Кн. I. С. 119.

¹⁵ Всеподданнейшие донесения графа Миниха. Ч. II. Донесения 1737 и 1738 годов / Под ред. А.З. Мышлаевского. СПб., 1899. С. 399.

¹⁶ Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Т. XIV. СПб., (?). С. 71–72.

¹⁷ Уильям Генри Кавендиш-Бентинк, известный как лорд Уильям Бентинк (1774–1839), в 1799 г. полковник и королевский адъютант, второй сын Уильяма, 3-го герцога Портланда. В 1828–1835 гг. генерал-губернатор Индии.

¹⁸ Фредерик Кавендиш-Бентинк, известный как лорд Фредерик Бентинк (1781–1828), младший брат предыдущего.

¹⁹ Уильям Генри Кавендиш-Бентинк, 3-й герцог Портланд (1738–1809), в 1783 г. и 1807–1809 гг. премьер-министр Великобритании.

²⁰ Сэр Генри Клинтон (1771–1829), участник наполеоновских войн, с 1813 г. генерал-лейтенант. При Ватерлоо (1815) командовал дивизией. Совершив вместе с русской армией Итальянский и Швейцарский походы, удостоился лестного отзыва Суворова, продиктовавшего ему свои правила ведения войны.

²¹ Дед суворовского волонтера Генри Клинтон, адмирал Джордж Клинтон (1686–1761) приходился младшим братом Генри Клинтону, 7-му графу Линкольну (1684–1728), сын которого Генри Пелэм-Клинтон (1720–1794) с 1730 г. носил титул 9-го графа Линкольна, а в 1768 г. стал 2-м герцогом Ньюкастлом (2nd Duke of Newcastle-under-Lyme).

²² Генерал сэр Генри Клинтон (1730–1795), с 1778 г. возглавлял британские

войска в войне Североамериканских колоний за независимость.

²³ Суворов А.В. Письма. М., 1987. С. 715.

²⁴ Там же. С. 341.

²⁵ Граф Роже де Дама (1765–1823), французский аристократ, воевавший в русской армии.

²⁶ Карл Генрих (Шарль Анри) принц Нассау-Зиген (1743–1808). С 1789 г. вице-адмирал Балтийского флота.

²⁷ Граф Франциск Ксаверий (Ксаверий Петрович) Браницкий (1730–1819), с 1774 г. великий коронный гетман.

²⁸ Виктор Амадей, принц фон Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хойм (1744–1790), с 1788 г. генерал-поручик русской армии.

²⁹ Суворов А.В. Указ. соч. С. 168–169.

³⁰ Манштейн Х.Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 121–122.

³¹ Роберт Фаллартон оф Дадвик (ок. 1709–1786), шотландский дворянин, с 1760 г. генерал-майор русской службы. Опубликованный «Эдинбургским магазином» некролог опрометчиво именуется его генерал-лейтенантом и кавалером дамского (!) ордена Св. Екатерины: «7 March 1786... At his house of Dudwick, in the 77th year of his age, Robert Fullerton of Dudwick, Lieutenant-General in the Russian Service, and Knight of the Order of St. Catharine [died]». Op. cit.: The Edinburgh magazine, or Literary miscellany. Vol. III. Edinburgh, 1876. P. 467.

³² Всеподданнейшие донесения графа Миниха... С. 415.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLV. СПб., 1874. С. 98. № 48588.

С.П. Орленко (Москва)

**ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕР
ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ ВЯТКИН
(ок. 1615–1688)**

Среди научных работ, в которых рассматривалась деятельность Оружейной палаты (Оружейного приказа) XVII в., число исследований биографического характера о мастерах этого ведомства невелико. Небольшой биографический очерк, посвященный знаменитому оружейнику Никите Давыдову, содержит статья Ю.В. Арсеньева¹. Имена лучших мастеров, создававших огнестрельное оружие в дворцовых мастерских в XVII в., были названы Н.В. Гордеевым в статье, опубликованной в собрании трудов Государственной Оружейной палаты в 1954 г.² Существенно уточнить и дополнить представление о мастерах Оружейной палаты первой половины XVII столетия позволяет исследование М.Н. Ларченко³. Другая работа этого автора посвящена так называемым польским мастерам, трудившимся в Оружейном приказе во второй половине XVII в.⁴ Над исследованием о деятельности иноземных (западноевропейских) мастеров Оружейной палаты в настоящее время работает сотрудник сектора оружия Музеев Московского Кремля Е.Я. Яблонская.

Определить авторов ряда произведений оружейного искусства XVII столетия удалось составителям музейной описи 1886 г.⁵ Включения биографической информации, главным образом касающиеся времени службы того или иного мастера в Оружейной палате, содержат многочисленные научные описания оружия из собрания Музеев Московского Кремля, опубликованные в каталогах российских и зарубежных выставок.

Для реконструкции жизненного пути людей средневековья наибольшую трудность зачастую представляет выяснение сведений, с

которых, собственно, должна начинаться любая биография. Время и место рождения Григория Вяткина нам неизвестны. Самые ранние сведения, которыми мы располагаем, связаны с его профессиональной деятельностью в Оружейной палате.

О том, что Григорий Вяткин, чью деятельность ранее было принято относить сугубо ко второй половине столетия, трудился в Оружейной палате уже в 1643 г., писала исследователь М.Н. Ларченко⁶. Внимательное прочтение челобитной мастера позволяет с относительно высокой точностью выяснить время его поступления на службу. В документе, помеченном 21 ноября 158 г. (1649), мастер пишет: «Служил я холоп твой блаженные памяти твоему государеву отцу государю [м.т.] Михаилу Федоровичу и тебе великому государю лет с пятнатцать»⁷. Следовательно, Г. Вяткин поступил в Оружейную палату около 1635 г. К сожалению, в документах не указано, был ли он принят мастером или зачислен в ученики. Последние также считались состоящими на государевой службе и получали жалованье из казны. Годовых денежных и хлебных окладов ученикам, как правило, не назначали, а давали поденные кормовые деньги и выплачивали небольшие пособия на одежду и обувь⁸. Так или иначе, при зачислении в Оружейную палату Григорий едва ли мог быть намного моложе пятнадцати или существенно старше двадцати пяти лет. Таким образом, с большой долей условности можно обозначить время рождения Г. Вяткина – около 1615 г., с допустимым отклонением в 5 лет в ту или другую сторону.

В челобитной 1649 г. названа и его специальность – «Ружейные палаты санапальный (самопальный. – *Прим. авт.*) мастер». Многолетняя служба выступает основанием для просьбы о повышении оклада: «Вели, государь мне холопу своему учинить прибавки своего государского жалованья чем тебе государю Бог изветит». Подтверждением того, что в конце 1649 г. Григорий Вяткин был уже зрелым мастером, может служить его наставническая деятельность. В ноябре же 1649 г. мастер привел в Оружейную палату своего ученика Василия Титова, которого выучил «чему сам умеет». «Скаска» – характеристика, которую Григорий дал своему ученику, – позволяет составить представление и о его собственной специализации в Оружейной палате: «Золотом наводить ... да сверх того стволы и замки пищальные делает всякие и золотит кованым и пареным золотом и травы режет и всякое самопальное дело делает»⁹.

К сожалению, документов, освещающих деятельность Оружейной палаты 30-х – нач. 50-х гг. XVII столетия, сохранилось очень немного. В росписи походной казны, которая была с государем Алексеем Михайловичем в Смоленском походе 1654 г., присутствуют несколько работ Григория Вяткина. «Пара карабинов красных. В трех местех травки сечены, позолочены. Замки Григорьева дела Вяткина. Станки немецкого дерева пестрово Ларионова дела Дементьева. Без оправы». Среди пицалей второй была записана пицаль «Тимофеева дела Лучанинова, станок Ларионова дела, по местам раковина. Замок Григорьева дела Вяткина...» Третьей и четвертой в росписи походной казны записаны пицали, у которых Григорием Вяткиным были выполнены и стволы, и замки. Среди новых пицалей второй записана совместная работа двух мастеров братьев Вяткиных: «Пицаль винтовальная, ствол Кондратьева дела, а замок Григорьева дела Вяткина. На стволе насканы травки небольшие, а станок с раковинами и с рыбьими костями Ларионова дела Дементьева»¹⁰. Таким образом мы видим, что работы Г.Вяткина как замочного, и особенно ствольного, мастера оценивались довольно высоко.

В росписи 1649 г. самопальные мастера Григорий и Кондратий Вяткины фигурируют с одинаковым окладом – «денег 12 рублей хлеба 14 чети ржи овса тож»¹¹. В дальнейшем судьба развела братьев. Имя Кондратия Вяткина пропадает из документов Оружейной палаты и в 1651 г. встречается в списках служилых людей Иноземского приказа. В приказной памяти воспроизводится челобитная Кондратия, где указана его должность: «В прошлом во 162-м (1654) году мая в 23 день [бил челом] государю [м.т.] Алексею Михайловичу рейтарского строю ружейной дозорщик Кондратей Микитин сын Пильников Вяткин»¹². Из документа становится известно личное прозвище отца братьев – Никита Пильник, вероятно связанное с родом его занятий – изготовлением пил. Не исключено, что отец Григория и Кондратия мог иметь отношение к оружейному делу. Пильники делали пилы и терпуги (напильники) для мастеров Оружейной палаты. Свои пильные мастера работали и при Ствольном приказе¹³. Возможно именно от отца оба брата Вяткины получили свои первые навыки работы с металлом.

Вступление России в войну на западных рубежах и присутствие государя на театре военных действий потребовало походной службы и от оружейников. 18 мая 1654 г. царь Алексей Михайлович

выступил из Москвы в поход «на недруга своего, на Польского и Литовского короля Яна Каземера»¹⁴. Отправился с государем на войну и Григорий Вяткин. «В прошлых во 162-м (1654) и во 163-м (1654–1655) годех... были за ним великим государем в походе со оружейною казною под Смоленском и под Вильнею Оружейной палаты розных дел мастера Григорей Вяткин с товарищи»¹⁵. Использование в документе формулировки «Григорий Вяткин с товарищи» дает основание полагать, что он был старшим среди мастеров, сопровождавших государеву походную оружейную казну¹⁶. Согласно приходу-расходной книге, по возвращении из похода Григорий Вяткин делает в Оружейной палате «ствольные дела»¹⁷.

15 мая 1656 г. государь Алексей Михайлович выступил из столицы в поход на Ригу. Мы знаем, что в этом походе Григорий Вяткин возглавлял группу из одиннадцати оружейных мастеров, четырех самопальных¹⁸ и двух сторожей, состоявших при походной оружейной казне¹⁹. Известно, что «главный мастер» Оружейной палаты – Никита Давыдов – в военных походах 1650-х гг. участия не принимал, а остался в Москве и делал «приказные дела»²⁰.

После возвращения из похода Г. Вяткин продолжает трудиться в Оружейном приказе. Согласно записи в расходной книге, 25 июня 1657 г. «Григорью Вяткину ... велено вновь зделать пистоль»²¹. В конце августа 1657 г. пожалования сукном «за ствольные, замочные и станочные дела» удостоились Григорий Вяткин, Василий Титов и Евтифей Кузовлев. Григорию досталось четыре аршина «сукна доброго лундышу». В данном деле находятся документы о пожаловании мастеров за так называемые взносные дела. Мастера представляли в Оружейную палату готовые изделия «со всем в отделке», оружничий Б.М. Хитрово оценивал уровень работы и, если признавал его достаточно высоким, то «вносил» это оружие «вверх» к царю Алексею Михайловичу, а «пришед сверху», как правило, велел писать указ о награждении мастеров. К сожалению сведений о том, что именно за оружие представил Григорий Вяткин, не сохранилось. Возможно, это был пистолет (или пара), который ему велено было делать в июне, а станок к оружию изготовил Евтифей Кузовлев.

Чрезвычайно важной стороной деятельности Оружейной палаты было изготовление вещей для ежегодного поднесения государю «к неделе Святые Пасхи». Для руководства Оружейного приказа это была прекрасная возможность представить государю результа-

ты деятельности своего ведомства, а для мастеров – возможность получения наград. Для пасхального подношения должны были изготавливаться предметы наивысшего качества и красоты. Разумеется, деятельность мастеров не исчерпывалась изготовлением только «подносных дел», но именно эта задача позиционировалась как приоритетная. Вещи делали не произвольно, а «по наряду», составлялся особый «розметный список», в котором указывалось, кто из мастеровых людей что должен представить к весне. Состав подносных вещей не был постоянным. Ряд предметов присутствуют во всех известных списках – «что у государя было в подносе», другие появляются эпизодически или вовсе однократно. Последнее обстоятельство в значительной степени зависело от конъюнктуры – в первую очередь от увлечений государя. Внесенные «в верхи» вещи через некоторое время (обычно несколько недель) сносились «сверху»²² и передавались в Оружейную казну. Особо понравившиеся предметы могли быть оставлены у государя «в хоромех».

За подносное дело 1661 г. «как они были мастера у руки великого государя в нынешнем 169-м году апреля в 18 день» за «пару стволов пистольных наводных золотом» Григория Вяткина весьма щедро наградили деньгами в размере годового оклада – дали 25 рублей²³. Сохранилась роспись мастерам и оружию, сделанному для пасхального подноса 1663 г. В статье «Пищали и карабины и пистолы и иное мелкое ружье» первым номером записана «Пищаль винтованная ствол о 6 винтах, замок шкоцкой травчатый, золочены сплошь. Делал и золотил Григорий Вяткин. Станок яблоневого с оправой серебряною золоченою делал Ефтифей Кузовлев». За подносное дело Г. Вяткин был пожалован сукном и камкой²⁴. Имя первостатейного мастера Григория Вяткина и вещи, над которыми он работал, фигурируют во всех полных «росписях подносных дел» 1660-х – 1680-х гг. В собрании Музеев Московского Кремля сохранилось несколько десятков предметов ручного огнестрельного оружия работы Григория Вяткина.

Наиболее характерными для Вяткина изделиями можно считать пищальные и пистольные стволы, богато украшенные растительным орнаментом (травчатые) в технике обронной резьбы и насечкой золотом. Орнаментальные элементы чередовались с геральдическими изображениями и гладкими участками ствола, часто золочеными. Как правило, оружие работы Григория Вяткина имело «замки шкоцкие» (англо-голландского типа). Деревянные

части оружия изготавливались лучшими станочными мастерами из яблоневого, «чипрасового» (кипарисового) или «немецкого» дерева и нередко инкрустировались костью и перламутром. Серебряные оправы для оружия, в ряде случаев украшенные эмалью и драгоценными камнями, делали мастера дворцовой ювелирной мастерской – Серебряной палаты. Следует отметить, что с 1660-х гг. Г. Вяткин вовсе перестает делать карабинные стволы. Достигнув зрелости, Григорий больше не делает замков к стволам работы других мастеров, зато нередко использует чужие замки для стволов собственной работы.

Хотя Вяткин имел специализацию самопального (ствольного и замочного) мастера, в производственной практике Оружейного приказа ему и другим мастерам приходилось выполнять самые разные работы. К 1664 г. относится время создания Григорием пары стальных бутурльков (поножей) для царя Алексея Михайловича²⁵. В 1665–1666 гг. Григорий Вяткин перековывал для царевича Алексея Алексеевича булатную сабельную полосу²⁶. Вероятно, в конце 1666-го – начале 1667 г. Вяткину довелось поработать над украшением восточного доспеха. «175-го (1667) февраля в 23 день великий государь [м.т.] Алексей Михайлович указал зделать в приказе Серебряные полаты в Оружейную полату к своим великого государя к зеркалам булатным персицким наводным Григорьева дела Вяткина, вооруду серебряную золоченую резную»²⁷. В росписи «кто что каких дел делал великому государю в поднос к неделе Святыя Пасхи» 12 апреля 1667 г. помимо двух пищалей значатся «зеркала булатные четверные наводные и золочены местами, Григорьева дела Вяткина. Оправа на золотной тесьме серебряная золоченая»²⁸.

Значительной вехой в профессиональной биографии мастера становится 1669 г. До нас дошла копия «розметного списка» – производственного плана Оружейной палаты: «Григорию Вяткину велено делать зеркала против государевых Больших зеркал и навести на них золотом печати государственныя. А у тово дела велено с ним Григорьем быти сыну ево Афонасью, да ученику ево Игнашке Прохорову»²⁹. Образцом для зеркал должен был послужить доспех 1616 г. работы Дмитрия Коновалова и Андрея Тирмана³⁰.

Конструктивно зеркала 1616 г. и созданные Г. Вяткиным почти идентичны, но количество пластин, из которых состоит доспех 1670 г., несколько больше – 40 против 36-ти. Внешне декор Больших госу-

даревых зеркал и доспеха, над которым работал Григорий Вяткин, очень схожи. В обоих случаях использован один прием – доски доспеха проработаны короткими долами, гладкими и орнаментированными через один в шахматном порядке. Однако сами дольки на пластинах зеркал украшены золотом разным образом. В отличие от «немца» Андрея Тирмана, использовавшего характерные для оружейников Западной Европы техники травления и золочения, Григорий Вяткин декорировал доспех в традиционной для русских мастеров технике насечки золотом³¹. В 1679 г. Григорию, да сыну его Афонасию Вяткину, да Василью Титову были отпущены деньги на железо, на снасти и на уголье. Велено было «сделать ерихонскую шапку, против образца которая снесена в Оружейную палату от государя сверху»³².

Иногда Г. Вяткин получал довольно оригинальные задания. Летом 1672 г. ему «по указу великого государя, велено зделать к древку тошому потешному, змей напружинных железных, чтоб по тому древку змей бегал»³³. Вторая половина XVII в. – время бурного расцвета парадно-церемониальных новаций при русском дворе. Среди новинок было появление при встрече иностранных посольств конных сотен с чрезвычайно эффектным и экзотичным вооружением и экипировкой. Одним из впечатляющих предметов вооружения таких всадников должны были быть «копья з змеями». В 1670-е – 1680-е гг. закрепленные на древках копий змеи представляли собой весьма серьезную конструкцию. Головы змей со стеклянными глазами предположительно делали из бумаги (напьемаше?)³⁴. В 1675 г. в Оружейную палату был приобретен пуд бумаги: «Та бумага куплена к змеиному делу на копьа... а стекла к змеям на глаза»³⁵. Хвосты змей были выполнены из ткани и имели каркас из черемуховых прутьев. Крылья и языки змей изготавливались из жести (белого железа). Правда, пружин у них не было, друг к другу и к древкам копий элементы конструкции (видимо, ограниченно подвижные) крепились ремнями. Снаружи змеи оклеивались «медной шумихой» (предположительно фольгой, мишурой). Древки копий украшались цветной бахромой и тканевыми «лопастями»³⁶. Возможно, Григорию Вяткину в 1672 г. было поручено изготовить экспериментальный вариант такого «змеевого копья».

Записи в приказных документах говорят о том, что один из видов работ, к которому Григорий Вяткин периодически привлекался на протяжении многих лет, было «пушечное золочение». С 1660-х гг.

железные золоченые парадные пушки, гладкоствольные и нарезные, русского и немецкого дела фигурируют в составе «подносных оружейных дел». Сверкающие пушки Алексей Михайлович возил за собой в походы в ближние государевы села. Парадные орудия выставлялись во время встреч иностранных посольств. Весной 1662 г. государю бил челом ствольный мастер Ивашка Костянтинов, жаловался, что «в нынешнем государь во 170-м (1662) году на Сырной неделе по твоему государеву указу дано нам холопом твоим твое государево дело – две пушки винтовальные... И дано твое государево жалование Григорью Вяткину пятнатцать рублей, Григорью Вяткину десять рублей, а мне холопу твоему ничего не дано»³⁷. В 1667 г. «пушечного дела мастер Ермола Федоров в поднос зделал 2 пушки винтованных, длиною по 4 аршина ядром в гривенку. Золотил и серебрил он же Ермола и то золото и серебро потерял, золотил худо. Золотили вновь Григорей Вяткин да Василий Титов»³⁸. В феврале 1668 г. Григорию Вяткину и Василию Титову было выдано шестьсот листов сусального серебра – вновь «серебрили и золотили две пушки неметцкия»³⁹. В марте у торговых людей купили еще несколько тысяч листов сусального золота «золотить железные винтовальные пушки в подношение великому государю». «И то золото для золочения пушек винтовальных отдано ствольного дела мастером Григорию Вяткину да Василью Титову с товарищи»⁴⁰. В 1674 г. Григория Вяткина и ряд других мастеров наградили соболями за золочение 12 пушек и 12 бердышов, «которые были на выезде против свиских послов». Вяткин получил в награду две пары соболей, ценою одна в пять, другая в шесть рублей⁴¹.

Неотъемлемой частью профессиональных обязанностей мастеров Оружейной палаты помимо «приказных» (собственно оружейных дел) были и «верховые дела» – всевозможные работы во дворце. Многочисленные приказные документы и записи в приходо-расходных книгах Оружейного приказа указывают на то, что именно ствольными и замочными мастерами Оружейной палаты выполнялся весьма значительный объем работ по золочению и серебрению самых разных вещей, в том числе и сугубо бытовых, а также предметов роскоши, предназначенных для самого государя и членов его семьи⁴².

Необычно распоряжение от 4 февраля 1661 г.: оружнику Богдану Матвеевичу Хитрову было предписано прислать на Казенный двор к боярину Илье Даниловичу Милославскому «иконника Си-

мона Федорова (Ушакова. – *Прим. авт.*), да оружейного дела мастера Григорья Вяткина, да Василья Титова для заводу манетнова дела»⁴³. Вероятно, речь шла о попытке организации чеканки в России монет крупных номиналов. Симону Ушакову предстояло создать эскиз будущей монеты, а Г. Вяткин и В. Титов должны были резать монетные штемпеля – маточники. Проект не был реализован, и видимо, как денежный мастер Григорий Вяткин не состоялся⁴⁴.

Для биографии мастера большое значение имеет вопрос об оплате его труда на протяжении службы. По величине оклада и динамике его изменения можно судить об оценке администрацией профессиональных качеств ремесленника, о его карьере и статусе среди других мастеров Оружейной палаты. В приказной выписи 1649 г. содержатся сведения о первом повышении жалованья мастера: «И в прошлом во 151-м (1642/43) году по указу блаженные памяти великого государя [м.т.] Михаила Федоровича прибавлено ему Григорью к прежнему окладу денег 2 рубли, хлеба 2 чети ржи овса тож. И учинен ему оклад с прибавкою, денег 12 рублей хлеба 14 чети ржи, овса тож»⁴⁵.

Челобитье Г. Вяткина о прибавке жалования 1649 г. имело успех, 26 декабря «сей выписки боярин и оружничий Григорей Гаврилович Пушкин слушал и приказал Григорью Вяткину к прежнему иво окладу прибавить денег три рубля, хлеба четь ржи, овса тож». Таким образом, оклад Г. Вяткина составил 15 рублей и 15 четей ржи и овса. Вероятно, единственным русским мастером, кому он уступал на тот момент по сумме оклада, был знаменитый Никита Давыдов, получавший в год 20 рублей и 15 четей ржи и овса⁴⁶.

Нового повышения окладов мастера дождались в 1654 г. Согласно памяти от 19 февраля велено было учинить прибавку «Миките Давыдову, Григорию Вяткину по пяти рублей человеку...»⁴⁷ Таким образом годовое денежное жалованье Григория равнялось 20-ти рублям, уступая лишь 25 рублевому окладу Н. Давыдова. Сведения об очередном повышении окладов мастерам относятся к 1656 г. В феврале прибавку к годовым окладам по 5 рублей получили «латной и самопальной мастер Микита Давыдов, ствольные мастера Григорий Вяткин, Василей Титов»⁴⁸.

Беспрецедентное повышение жалованья ожидало Г. Вяткина в 1662 г. Согласно приказной выписке, 2 апреля «по имянному вели-

кого государя [м.т.] Алексея Михайловича указу Оружейной палаты розных дел мастеровые люди Микита Давыдов, Григорий Вяткин с товарищи были у его великого государя у руки, с приказными новыми подносными делами. И великий государь ... пожаловал мастеровых людей Григорья Вяткина, Василья Титова, Евтифея Кузовлева – велел им учинить своего государева годовова денежного жалования к прежним их денежным окладам: Григорью Вяткину к двадцати пяти рублем – двадцать пять рублей. Василью Титову к двадцати рублем – десять рублей. Ефтифью Кузовлеву к пятнадцати рублем – пять рублей... дать жалованья сполна и сей государев указ о прибавке записать в книгу»⁴⁹. Следует обратить внимание на то, что хотя Микита Давыдов был написан первым в числе мастеров, бывших у руки государя на Пасху, в распоряжении об увеличении окладов его имя не упомянуто. Данное обстоятельство связано с преклонным возрастом Давыдова и отсутствием за ним каких-либо «подносных дел». Впрочем, и в 1662 г. заслуженный мастер не был вовсе оставлен без поощрения. В марте по именному великого государя указу «к празднику Христову Воскресению Миките Давыдову за *прежние приказные дела и для ево старости* [сделать] однорядку вишневою кармазинную с пугвицы серебряными золочеными, да фрезы камчатые з завязки»⁵⁰. С 1662 г. и до смерти Григорий Вяткин занимает место «первого», наиболее высокооплачиваемого русского мастера Оружейной палаты.

Роспись 1668 г. дает более полную информацию о жалованье мастера. Григорий Вяткин получал в год: «50 рублей, хлеба ржи и овса 50 четей, денежнаго корму в год 14 рублей 20 алтын, да за дворцовой корм 30 рублей. Всего 94 рубли»⁵¹. Спустя почти 20 лет денежное жалованье Григория Вяткина изменилось незначительно. Согласно выписке 1687 г., мастер получал в год: «55 рублей, корму по 8 денег на день итого 14 рублей 20 алтын, за дворцовый корм и питье 30 рублей. Всего 99 рублей 20 алтын»⁵². Следует учитывать, что окладные росписи не отражают разного рода многочисленные денежные и натуральные пожалования, часть из которых носила регулярный, а часть экстраординарный характер и которые составляли существенную часть дохода мастеров.

Неверно было бы оценивать уровень благосостояния мастеров исходя исключительно из размера их жалованья на государственной службе. Для мастеров Оружейной палаты нормой было наличие домашней мастерской и значительную часть работы они выполня-

ли у себя на дворах. Нет сомнений, что наряду с казенным делом ремесленники делали оружие по частным заказам и на продажу. Возможность работы «на сторону» в свободное от службы время, по всей вероятности, воспринималась как абсолютно естественная и самими мастерами, и администрацией. Более того, временная потеря такой возможности рассматривалась как повод для экстренного обращения к начальству. В марте 1664 г. государю бил челом «куячный мастер» Савка Савостьянов сын Панков. Савка просил о незамедлительной выплате ему кормовых денег, поскольку «работаю я холоп твой куючное дело безпрестанно днем и ночью пятаю неделю... а на сторону зделать ничево не мочна». Просьбу мастера удовлетворили⁵³. Мастерские могли располагаться не только на дворах оружейников. Согласно росписи 1641 г., в различных частях города находились отдельно стоящие кузницы, принадлежавшие мастерам Оружейной палаты, Пушкарского приказа, Денежного двора, несколько мастеров трудились в кузнях людей разных чинов, как наемные работники⁵⁴.

Об уровне благосостояния Григория Вяткина и его заработках на стороне мы можем составить некоторое представление благодаря крайне неприятному для мастера эпизоду. В 1663 г. Григорий подал челобитную следующего содержания: «...генваря против 12 числа в ночи бежал от меня... ученик мой, родом поляк магилевец Митька Иванов». С собой беглец прихватил сколько смог имущества своего наставника – «животишка, денег и платья, и всякия рухледи», а также «великого государя пару пистолей оправную, позолочены», над которыми Григорий работал у себя на дворе. Всего беглец унес с собой имущества самого Вяткина на колоссальную сумму – тысячу рублей. Возможно, мастер и несколько преувеличил сумму ущерба, хотя практического смысла это не имело. Г. Вяткин не просил у государя компенсации или материальной помощи, а оправдывался в утрате казенного имущества и просил разослать по городам грамоты о поимке Митки. В деле присутствует отпуск грамоты к смоленскому воеводе, содержащий распоряжение о задержании Митьки Иванова и его словесный портрет⁵⁵.

Где именно находился двор Григория Вяткина в 1663 г., мы не знаем. Во всяком случае, в переписи Бронной слободы он не упомянут⁵⁶. Согласно Переписной книге, в 1669 г. двор «государевы Оружейные палаты мастера Григория Вяткина» находился в черте Белого города в Веденском переулке (ныне не существует), что у

Большой Сретенской улицы⁵⁷. Сейчас это район между улицами Большая Лубянка и Рождественка.

Огромный интерес представляет роспись украденных «животов». Денег Григорий Вяткин потерял 80 рублей серебром. Сумма немалая, учитывая, что дело происходило в разгар инфляционных процессов, связанных с падением курса медной монеты. Из платья Г. Вяткина Митька унес с собой: «Кафтан теплой соболем под камкою красною, пугвицы серебряные на обшивочное дело золочены на золотом снурке. Кафтан желтой дорогильной, пугвицы серебряные золочены гладкия на шелковом снурку. Кафтан лосинной, полы подбиты лазоревою тафтой, пугвицы серебряные на шолковом снурку. Две шапки одна багрецовая сукно вишневое с искрою, другая с соболем сукно сахарной цвет»⁵⁸. Как мы видим, Григорий Вяткин был изрядным щеголем. Возможно, часть платья была им получена в награду за службу в Оружейной палате. Кроме казенной пары пистолей, Митька взял принадлежавшие самому Вяткину «пару пистолей двойных, стволы перевертныя, замки бараборския, наболдашники дерево черное, станки ореховые, ольстра черныя отворот бархат зеленой. Чекан польскова дела резной. Пара пистолей стволы граненныя замки бараборския с порескою станки ореховыя, тесьма шолковая зеленая, крюки серебряные позолочены. Нож красного железа припо[и] серебряные черен рыба кость»⁵⁹.

Из описаний явствует, что с большой долей вероятности часть похищенного оружия имела иностранное происхождение. Скорее всего, Григорий Вяткин сочетал внеслужбную производственную деятельность с торгово-посреднической. Последняя предполагала наличие деловых связей как с поставщиками иностранного оружия, так и с потенциальными покупателями. Не исключено, что Г. Вяткин не только искал покупателей и перепродавал им иностранный товар, но и сам дорабатывал его – украшал резьбой, насечкой, золочением, повышая декоративность оружия и его цену. Платежеспособный спрос на редкое и дорогое оружие, в том числе иностранное, в Москве присутствовал постоянно. Среди представителей московской знати многие располагали собственной богатой оружейной казной⁶⁰. Положение «первого мастера» Оружейной палаты должно было немало способствовать успеху рыночной деятельности Григория. Услугами Г. Вяткина как посредника пользовалась и казна. В июне 1662 г. было «взято по цене у мастера у Григория Вяткина в дары х кызылбашскому (персидскому. – *Прим. авт.*) шаху

пара пистолей немецкого дела, на серебряные деньги в тринатцать рублей»⁶¹.

Важнейшей стороной деятельности Григория Вяткина в Оружейной палате было наставничество. Существенные лакуны в сохранности документации Оружейного приказа едва ли позволят установить точное число и имена всех учеников этого мастера. Самый ранний из выявленных документов, относящихся к деятельности Г. Вяткина, уже содержит сведения о его ученике. В своей челобитной, помеченной 23 ноября 1649 г., Григорий пишет: «По указу... отца твоего, великого государя [м.т.] Михаила Федоровича, велено нам мастером учить учеников хто чему умеет. И я холоп твой тебе государю выучил ученика чему сам умею самопальному делу Ваську Титова»⁶². Если мастер действительно взял ученика по указу царя Михаила Федоровича (а не просто сослался на него), то срок ученичества Василия Титова должен был быть весьма солидным – не менее четырех с половиной лет.

В январе 1660 г. государю бил челом «Оружейной палаты Григория Вяткина ученик Ивашка Костентинов» – «пожалуй меня сироту своего, вели государь мне быть в Оружейном приказе у твоего великого государя ствольного дела в мастерах». Иван был принят в Оружейную палату с относительно высоким годовым окладом: деньгами 12 рублей, ржи и овса 12 четей и поденным кормом в 3 деньги⁶³.

Заметен значительный перерыв с 1650 г. по 1660 г., на протяжении которого не удалось выявить никаких упоминаний об учениках Григория Вяткина. Возможно, и в начале 1650-х гг. у мастера был ученик (или ученики), но едва ли Григорий успел бы их доучить – началась война. С государевой походной оружейной казной Григорий побывал последовательно в Смоленском, Виленском и Рижском походах царя Алексея Михайловича. Пока на западе шли боевые действия, Москва в 1654 г. была охвачена чумой. Вновь взять кого-то себе в обучение Григорий Вяткин мог лишь по возвращении, не ранее начала 1657 г. Вероятно, в это время и был принят «в научение» вышеназванный Иван Константинов.

Начало 1660-х гг. отмечено активной наставнической деятельностью Вяткина. В столбцах Оружейного приказа присутствует запись от 3 апреля 1662 г. о пожаловании «Григорьеву ученику Вяткина Игнашке Прокофьеву»⁶⁴. Служебная биография Игнага в

качестве мастера Оружейной палаты началась нестандартно. 18 июня 1662 г. по государеву указу И. Прохоров был послан «за его великого государя оружейною поминочною (подарочною. – *Прим. авт.*) казною в Персицкое государствово к шахову величеству с великими послы»⁶⁵. Путешествие Игната было весьма продолжительным – «полчетверта (три с половиной. – *Прим. авт.*) года»⁶⁶. По возвращении он успешно трудился в Оружейной палате. В росписи пасхального подноса 1666 г. написана нарезная пищаль «недомерок» его работы⁶⁷.

«170-го (1662 г.) мая 13 день бил челом великому государю [м.т.] Алексею Михайловичу словесно, сказался немчин Кукануского уезда Митькою зовут Тарасов сын. А в Оружейной палате перед окольным и оружничим Богданом Матвеевичем Хитрово в челобитье своем сказал: “Живет он Митька на Москве во двору боярина Ильи Даниловича Милославского лет с шесть, и ... отдан он Митька на посольский двор Свийским послам. И он де Митка в немецкую землю идти не похотел для того, что он Митька крестился в православную Христианскую веру на Москве ... и что б государь его Митьку пожаловал, велел быть ему в Оружейной Палате в мастеровых людех и отдал бы иво в ученики ствольному мастеру Григорью Вяткину”». Челобитье М. Тарасова было крайне благожелательно принято администрацией⁶⁸. Столбцы делопроизводства Оружейной палаты свидетельствуют, что в 1662–1663 гг. в обучении у Григория Вяткина вместе с М. Тарасовым находился еще один ученик – иноземец, выходец из Могилева – Митька Иванов⁶⁹.

Григорию Вяткину удалось крайне эффектно обставить представление в Оружейной палате своих учеников весной 1663 г. Их изделия были включены в состав пасхального подношения государю. «А в нынешнем 171-м (1663) году апреля в 21 день Григорий Вяткин привел в Оружейную палату сына своего Афонася и великому государю челом ударил в мастеровья. А с ним принес в поднос ... сына своего Афонася дело пищаль винтованная ствол о 4-х винтах по местом травы высечены и золочены, замок шкотцкой травчатой весь золочен же, станок чипрасовой оправа прорезная железная золочена на белом серебре. Да Григорей же Вяткин привел и великому государю челом ударил учеником своим Митькою Тарасовым. А с ним принес ево Митькино дело карабинной ствол о 8-ми винтах по нем сечены травы, золочен в 4-х местех»⁷⁰.

В Переписной книге Бронной слободы 1663–1665 гг. на правой стороне Константиновской улицы записан «двор Фролка Архипова, государева станочника, у него сын Мишко – померли в Моровое поветрие. А ныне тем местом владеет Григорья Вяткина ученик Юрка. А по скаске старожильцов ...учел жить на том месте сентября с 1-го числа нынешнего 172-го году, дан де ему тот двор по государеву указу из Оружейные полаты»⁷¹. Никакими другими сведениями об ученике Григория Вяткина по имени Юрий мы не обладаем.

Столь интенсивная наставническая деятельность Вяткина должна была высоко цениться его начальством. К 1663 г. администрация Оружейной палаты осознала угрозу утраты «мастерства» русскими людьми. Вероятно, сказались кадровые потери 1640-х гг. и последствия московского «морового поветрия» 1654 г. Не оправдались в полной мере надежды, возлагавшиеся на «польских» мастеров – ремесленников из Смоленска, Витебска, Полоцка, Могилева, Быхова, Шклова и Вильно, в большом числе переведенных в Оружейную палату в 1656–1660 гг. Уровень квалификации многих из них оказался весьма невысоким⁷². Те же что обладали «добрым мастерством», не горели желанием брать себе русских учеников. Итогом озабоченности администрации Оружейного приказа стал царский указ: «В нынешнем во 172-м году (1663) ноября в 20 день по государеву [м.т.] Алексея Михайловича указу велено для пополнения русских мастеровых людей, отдать Оружейной Палаты мастеровым людям учеников, приискав из русских людей для того, многие русские мастеровые люди самых надобных и мудрых дел устарели и одинаки. А иные и есть, да поляки, а учеников у себя русских не держат. И что б впредь всяких мудрых дел были русские мастера»⁷³.

В росписи 1668 г. из шести человек мастеров ствольного дела – четверо бывшие ученики Григория Вяткина (Василий Титов, Афанасий Вяткин, Иван Константинов и Игнатий Прохоров)⁷⁴.

В конце 1669 г. государю бил челом с просьбой о пожаловании на платье «Оружейные полаты ствольного дела мастера Григорья Вяткина ученик Купряшка Осипов. По твоему государеву указу отдан я... в Оружейную палату к мастеру к Григорию Вяткину и работаю я, ...тебе великому государю третьей год безпрестанно». По отзывам самого Вяткина: «Ученик ево Купряшка... против своей братьи учеников мастерством своим стоит»⁷⁵. (В документах Оружейного приказа Куприан назван то как Осипов, то как Келарев⁷⁶.)

Нет информации об учениках мастера в 1670-е и 1680-е гг. Столь резкий контраст между активной наставнической деятельностью Григория Вяткина в 1660-е и последующие годы может объясняться не только утратой документов. Эстафета по подготовке новых профессиональных кадров для Оружейной палаты переходит к бывшим ученикам Григория. Известно, что В. Титов и И. Константинов обучали собственных учеников уже в первой половине 60-х гг.⁷⁷ В 1672 г. два ученика Андрюшка и Матюшка Семеновы (возможно, братья) уже проходили обучение ствольному и замочному делу у сына Григория – Афанасия Вяткина⁷⁸.

В наставнической деятельности Григория Вяткина не обошлось и без досадных эпизодов. В январе 1663 г. со двора Григория Вяткина, обокрав своего мастера, бежал ученик могилевец Митька Иванов⁷⁹. Не всегда благополучно складывались обстоятельства у бывших учеников Григория Вяткина после их поступления мастерами в Оружейную палату. Другой иноземный ученик Г. Вяткина «свейской земли немчин» Митька (Никита) Тарасов, зачисленный в мастера в 1663 г., проработал в дворцовых мастерских недолго. Выписка 1666 г. гласит: «И в Оружейном приказе например выписано, Григорьевы ученики Вяткина: Иван Костантинов, Никита Тарасов... И Иван Костантинов ныне у дела в Оружейной палате по прежнему, а Никита Тарасов в прошлом во 173-м (1664/65) году пропал без вести»⁸⁰. В целом же наставническую деятельность Г. Вяткина можно оценить как чрезвычайно успешную. Большинство его учеников становятся первостатейными мастерами и многие годы работают в Оружейной палате.

Термин «главный мастер», или «первый мастер» Оружейной палаты является не историческим, а авторским и впервые был введен в статье Ю.В. Арсеньева применительно к Никите Давыдову⁸¹. «Главный мастер» получал больше всех жалованья, и его имя стояло первым во всякого рода росписях государевым оружейным мастерам. Вместе с тем старшинство никак не было зафиксировано официально и формально никакой административной власти не давало.

Применительно к Г. Вяткину можно с уверенностью сказать, что он пользовался авторитетом среди мастеров, значительную часть из которых (ствольного и замочного дела) составляли его бывшие ученики. Именно он представлял интересы мастеров перед адми-

нистрациией – от имени Григория Вяткина «с товарищи» подавались коллективные челобитные всех мастеровых людей Оружейного приказа (например, о жалованье). Ко мнению «первого мастера» прислушивалось начальство Оружейной палаты. Разного рода консультации составляли часть его профессиональных обязанностей «первого мастера». Известно, что Григорий Вяткин осматривал и оценивал вещи, предложенные для приобретения в государственную оружейную казну. На основании росписи, составленной с его слов, оружничий Б.М. Хитрово решал, какие вещи купить, а какие «в государеву казну взять не пригодится»⁸². Григорий Вяткин и ряд других ведущих мастеров разных специальностей вносили свой вклад в финансовое планирование деятельности Оружейного приказа. Объемы материалов, необходимые для выполнения разного рода работ, и суммы на их приобретение определялись администрацией со «сказок» мастеров, которые они давали порознь, «по Евангельской заповеди» – то есть под присягой. Точная информация была необходима, «что б впередь государеве казне учинить прибыль, а мастеровым людям на те дела вместо денег давать железом»⁸³.

Григорий Вяткин был материально ответственным лицом. Ему постоянно выдавались подотчетные материалы (часто драгоценные), деньги на их приобретение, средства на снасти и пр. Причем речь шла не только о вещах, которые Григорий делал лично, но и тех, что он делал «с товарищи», то есть о коллективных работах, выполнявшихся в Оружейной палате и за ее пределами⁸⁴. При этом можно с уверенностью говорить о том, что письменной грамотой Вяткин не владел. На протяжении всего немалого срока службы «в Григория место» или «по его велению» в документах прикладывал руку кто-то из мастеров, подъячих или самопальных Оружейной палаты.

Насколько позволяют судить выявленные источники, на протяжении всей своей карьеры Григорий Вяткин имел безупречную профессиональную репутацию. Не известно ни одного случая, когда его деятельность вызывала какие-то нарекания (ни по качеству исполнения, ни по срокам, ни по финансовой отчетности). Следует отметить, что и в целом отношения мастеров с администрацией во второй половине XVII в. развивались вполне благожелательно. Небольшое денежное жалованье русских мастеров компенсировалось наличием хлебного оклада, а также разного рода натуральными и денежными дачами. В тяжелом материальном положении или

в случае «пожарного разорения» администрация ведомства приходила на выручку своим специалистам. Разумеется, у обеих сторон периодически возникали поводы для взаимных претензий, однако серьезных конфликтов долгое время удавалось избежать.

Гром грянул в 1667 г., когда общее количество невыполненных в срок работ по Оружейной палате превысило критическое значение. Был составлен полный список всех мастеров, русских и иностранцев. Напротив каждого имени была указана мера воздействия, степень жесткости которой, определялась величиной задолженности. У мастеров, чьи долги были не очень большими, было велено относительно деликатно работу спрашивать. В более серьезных случаях должное было велено «править», «доправить», «доправить тотчас» и даже «править без пощады». В отношении замочного мастера Федора Алаторца записано было: «Доправить замки против книг, для того что он многое время гулял»⁸⁵. Едва ли речь шла об экзекуции, мастеров не били, а использовали меры финансового воздействия – штрафы и вычеты из окладов. И позднее у ряда оружейников велено было «за недоделку вычитать из государева жалованья»⁸⁶. Впрочем, это была не самая жесткая мера в арсенале администрации. Для нечувствительных к финансовым санкциям применялось крайнее средство принуждения – они должны были «дела делать сковану», – предположительно, окованными по ногам⁸⁷.

Относительно немногочисленной была группа мастеров Оружейной палаты, полностью выполнивших все свои обязательства и свободных от каких-либо претензий со стороны начальства. Первым в этом разделе росписи фигурировал Григорий Вяткин с пометкой «Дело есть, в книге записано»⁸⁸.

В Оружейной палате Вяткин прослужил более 50-ти лет. В 1688 г. государям Иоанну и Петру Алексеевичам бил челом ствольного и замочного дела мастер Афанасий Вяткин. «Февраля в 11 числе волею Божию отец у меня холопа вашего, тое ж Оружейные Палаты мастер Григорей Никитин сын Вяткин умре. А ...в Оружейной палате работал до смерти своей многие годы». На погребение Григория государи пожаловали 10 рублей⁸⁹. Место «первого мастера» после отца переходит к Афанасию Вяткину.

К сожалению, профессиональная биография А. Вяткина сложилась менее удачно, нежели у отца. На его долю выпало стать свидетелем упадка московской Оружейной палаты. В 1711 г. большинство мастеров и приказных были переведены в Санкт-Петербург.

Из 163-х штатных служащих Оружейной палаты в Москве были оставлены только 37 человек. Из них на протяжении последующих двадцати лет 25 человек были взяты из Оружейной палаты в различные коллегии и канцелярии или умерли⁹⁰. Комментируя содержание прихода-расходной книги денежной казне Оружейной палаты за 1714 г. исследователь А. Викторов пишет: «Расходных статей... очень немного. Оружейных работ почти нет. Единственный мастер по этой части, старик Афанасий Вяткин занимается не выделкою, а только чисткой оружия»⁹¹.

¹ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16.

² Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

³ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 2. М., 1976.

⁴ Она же. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.

⁵ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1886.

⁶ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках... С. 25.

⁷ Нередко в своих челобитных мастера несколько преувеличивали срок своей службы, округляя его до ближайшей впечатляющей цифры.

⁸ См.: Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. АН СССР. Т. 27. М., 1948. С. 67–95.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 9–15.

¹⁰ Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске. Л. 25, 27, 29.

¹¹ Там же. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 16.

¹² Там же. Д. 5444. Память в Казенный приказ о пожаловании рейтарского строя... Л. 1.

¹³ Викторов А. Описание записных книг... М., 1883. Вып. 2. С. 424–426; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. О выдаче Оружейной палаты мастерам людям жалования. Л. 88.

¹⁴ Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. С. 412.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7274. О выдаче сукон за участие в рижском походе... Л. 2.

¹⁶ Там же. Память в Мастерскую палату, по чему мастерам людям... Л. 1–3.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 946. Приходная и расходная книга Оружейной палаты 1656 г. Л. 18, 25.

¹⁸ Не следует путать «самопальных мастеров» и просто «самопальных» (в документах также встречается термин «самопальные стрельцы»). Последние явля-

лись стрелками, состоявшими при Оружейной палате. В их обязанности входили огневые испытания и пристрелка изготовленного в Оружейной палате оружия, а также исполнение разного рода ответственных посылок и поручений. Самопальные получали немалый по меркам Оружейной палаты оклад: 14 р. в год и по 17 четей ржи и овса.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5762. Челобитная Григория Вяткина с товарищами... Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 7274. О выдаче сукон за участие в рижском походе... Л. 3.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 947. 1657 г. Книга расходная государевой денежной казне нынешняго 165 году... Л. 114 об.

²² В некоторых документах содержится уточнение «ис Передней». (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10260. Л. 11; Д. 10897. Роспись подносным вещам 1667 г. Л. 8.)

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7596. О пожаловании мастеров Оружейной палаты за подносные дела 1661 г. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Д. 8725. Столп, а в нем роспись мастерам и оружию сделанному государю в поднос на Пасху. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 9035. О сделании к государевым бутурлыкам... Л. 1–2.

²⁶ Там же. Д. 9816. О сделании в Серебряной Палате в Оружейный приказ разных серебряных дел... Л. 5.

²⁷ Там же. Д. 10743. О сделании серебряной оправы... Л. 1, 2 об.

²⁸ Там же. Д. 10897. Роспись подносным вещам 1667 г. Л. 1–2.

²⁹ Там же. Д. 12156. О даче из Оружейной палаты разных дел мастеровым людям денег... Л. 156, 157, 187.

³⁰ Инв. № ОР-124. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 102–103, 320.

³¹ Государева Оружейная палата. С. 320–322.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 960. Книга прихода и расходная Оружейной палаты 188 г. сент. с 1 по 1 189 г. Л. 462, 462 об.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 13799. Выписки, по коим выдано было денег мастеровым и торговым людям. Л. 9.

³⁴ В документе 1680 г. про зменные головы написано «клеишны» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 19411).

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 15369. О покупке разных материалов... к змеинному делу... Л. 1–2.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 21933. О покупке разных товаров для Оружейной брони которые велено делать для встречи Свейских послов. Л. 9, 24, 32, 35.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной Палаты жалования. Л. 39.

³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 11823. Роспись Оружейные полаты мастерским делам... Л. 7.

³⁹ Там же. Д. 951. Книга приходная и расходная золоту и серебру... Л. 19 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. 11295. О выдаче денег на покупку товаров... Л. 1, 71.

⁴¹ Там же. Д. 14819. Память о пожаловании Г. Вяткина и В. Титова и Б. Крыгора за пушечное дело соболями. Л. 1–2.

⁴² См. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Книга приходная и расходная золоту и серебру...

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 7405. О взятии Симона Федорова и оружейного дела мастеров Григория Вяткина и Василия Титова для заводу монетного дела в Казенный приказ. Л. 1.

⁴⁴ См. Зверев С.В. К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов. Труды ГИМ. Вып. 139. М., 2004.

- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 9–10.
- ⁴⁶ Там же. Л. 11–12.
- ⁴⁷ Там же. Д. 5142. О выдаче мастерам Оружейной палаты денежного и хлебного жалования. Л. 5.
- ⁴⁸ Там же. Д. 5653. О выдаче мастерам Оружейной палаты прибавочного жалования. Л. 16, 24, 33.
- ⁴⁹ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования... Л. 35, 36.
- ⁵⁰ Там же. Д. 7731. О сделании к Казенном приказе и присылке в Оружейную палату... Л. 1; Д. 7755. Челобитные о даче Оружейной палаты разным мастером государева жалования. Л. 3–4.
- ⁵¹ Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... и что им жалования. Л. 5.
- ⁵² Там же. Д. 25386. Челобитная Григория и Афанасия Вяткиных о денежном жаловании и кормовых деньгах. Л. 2.
- ⁵³ Там же. Д. 8893. О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты. Л. 123, 126.
- ⁵⁴ Там же. Роспись кузницам и кузнецам в Москве в 1641 году // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. С. 1155–1163.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 1–3.
- ⁵⁶ Переписная книга Бронной слободы 1663–1665 гг. // Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010.
- ⁵⁷ Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. М., 1886. С. 24.
- ⁵⁸ Там же. С. 6–7.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 7–8.
- ⁶⁰ Там же. Д. 8192. Роспись ратной сбруе, которая взята в казну после боярина Василия Ивановича Стрешнева; Д. 11849. Опись вещам оставшимся после боярина Ильи Даниловича Милославского; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева // ЧОИДР. М., 1900. Кн. 2. С. 13–16; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19450. О взятии в казну Оружейной палаты после смерти кн. Ивана Воротынского оружия...; Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животных Голицыных на из московском большом и загородном дворах, то за Никитскими вороты и привозных... // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 г....
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8079. О взятии по цене Оружейной палаты у мастера Григория Вяткина в дар кызылбашскому шаху пары пистолей... Л. 1–1 об.
- ⁶² Там же. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 13, 15, 18.
- ⁶³ Там же. Д. 7120. Челобитные мастеров Оружейной палаты о жаловании. Л. 10, 12, 14.
- ⁶⁴ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования. Л. 78.
- ⁶⁵ Там же. Д. 10086. Челобитная ствольного мастера Оружейной палаты Игнатия Прохорова... Л. 1–2.
- ⁶⁶ Там же. Л. 1.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 10260. Роспись подносным вещам... Л. 1.

- ⁶⁸ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования. Л. 37–38.
- ⁶⁹ Там же. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика могилицца... Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Д. 8724. Челобитные мастеров Оружейной палаты о жаловании. Л. 18.
- ⁷¹ Переписная книга Бронной слободы 1663–1665 гг. // Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. С. 128.
- ⁷² См. Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893. О жаловании мастеров Оружейной палаты. Л. 55.
- ⁷⁴ Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... и что им жалования. Л. 5–12.
- ⁷⁵ Там же. Д. 12491. Челобитная ученика мастера Григория Вяткина... Л. 1, 4.
- ⁷⁶ Там же. Д. 15621. Роспись государеву жалованию... Л. 14, 15.
- ⁷⁷ Там же. Д. 8893. О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты. Л. 56; Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела. Л. 2; Д. 20224. Выписка о жаловании мастерам Оружейной палаты. Л. 3.
- ⁷⁸ Там же. Д. 13872. Челобитные и выписки о жаловании мастеров и учеников... Л. 49–50.
- ⁷⁹ Там же. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 1.
- ⁸⁰ Там же. Д. 10086. Челобитная ствольного мастера Оружейной палаты Игнатия Прохорова... Л. 6, 7.
- ⁸¹ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16.
- ⁸² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8051. Роспись ружью Христофора Рыльского... Л. 1–3.
- ⁸³ Там же. Д. 9579. Роспись что дается денег и материалов на стволы, на замки... Л. 1–25.
- ⁸⁴ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12165. О даче из Оружейной палаты разных дел мастеровым людям денег... Л. 64; Оп. 2. Д. 958. Книга приходо-расходная денежной казны Оружейной палаты 1677–1678 гг. Л. 315 об., 339.
- ⁸⁵ Там же. Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела... Л. 1–8.
- ⁸⁶ Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... и что им жалования. Л. 37.
- ⁸⁷ Там же. Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела... Л. 1–8.
- ⁸⁸ Там же. Л. 1.
- ⁸⁹ Там же. Д. 25795. Челобитная Афанасия Вяткина о выдаче денег на погребение его отца Григория Вяткина. Л. 1–1 об.
- ⁹⁰ К вопросу о составе и денежном обеспечении мастеров Оружейной и Мастерской палаты в 1711–1730 годах // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 6. М., 1989. С. 95–96.
- ⁹¹ Викторов А. Описание записных книг и бумаг... М., 1883. Вып. 2. С. 640.

А.В. Ошарин (Санкт-Петербург)

ВОЕННОЕ ОПТИКО-ПРИБОРОСТРОЕНИЕ В РОССИИ (1900–1908)

В этой статье мы коснемся одной, но весьма важной проблемы: вопроса о военном оптико-приборостроении и его положении в России. Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. в соответствии с государственным контрактом по проблеме «Зарождение и становление в России оптической науки и промышленности (конец XIX – начало XX вв.): государственная политика, социальные результаты, историческая репрезентация». На аналогичной конференции 12–14 мая 2010 г. автором была предпринята первая попытка исследования данной темы¹.

Российские вооруженные силы имели на вооружении самые современные оптические приборы. Однако до 1904 г. почти все они были либо заграничного происхождения, либо выполненные в России по иностранным образцам. Более того, Россия, вступившая в войну с Германией в 1914 г., пользовалась преимущественно германскими приборами и инструментами. Не менее 70 % всех биноклей, почти все стереотрубы, все оптические артиллерийские панорамы (если не считать внутреннего их производства), значительная часть крепостных прожекторов, подавляющая часть фотокамер, объективов, линз, зеркал и стекол получались исключительно из Германии.

Начиная с 1905 г., в России появился собственный крупный производитель военной оптики – оптико-механическая мастерская

Обуховского завода морского министерства. По справедливости надо назвать предшественника Обуховского завода в деле оптико-приборостроения. Это варшавский завод фирмы «Фос», первый оптико-механический завод в России. Следует, однако, напомнить, что и тот и другой производители представляли собой именно механические (или механо-оптические) мастерские, занятые исключительно механическими работами, ремонтом и выверкой оптических приборов и инструментов.

Исследуя вопрос более широко, мы видим, что государственная политика в области оптико-приборостроения в России сводилась к воспроизводству военной оптики, не затрагивая разнообразных гражданских нужд, частных, общественных, научных, образовательных. А между прочим, развитие невоенной, а гражданской оптики могло и в России, подобно странам Запада, стать базой собственно военного оптико-приборостроения. Во всяком случае, и в России существовали небольшие оптические (оптико-механические) мастерские, которые десятилетиями обслуживали гражданское потребление. Можно сказать, что стимулом для концентрации и достижения определенного технологического уровня оптики в России стали, в первую очередь, чрезвычайные и весьма большие военные потребности. Государственная политика поэтому преследовала удовлетворение самых неизбежных и необходимых нужд, каковыми являлись военные нужды. Оборонные ведомства России вполне сознавали зависимость от иностранного снабжения, хотя придерживались разных взглядов на решение самой проблемы.

Чисто военное назначение национального производства оптики в России вело к еще одному последствию. Сбыт и характер производства зависели от потребностей и финансовых (бюджетных) возможностей заказывающих ведомств, их отношения к поставщику-производителю и требований, которые часто и серьезно менялись.

Началом пересмотра общей торгово-промышленной политики России в области импорта стал 1907 г. Именно с этого времени центром внимания становится не импорт, а организация внутреннего производства, в том числе и оптики.

Первым актом государственной политики в области оптической отрасли стало учреждение школы или часового механо-оптического отделения при ремесленном училище имени цесаревича Николая весной 1900 г. Оно являлось средним профессиональным заведени-

ем, которое готовило подмастерьев в своей специальности. Однако положение этого отделения было весьма трудным. Существование в нем двух разнородных профессий отрицательно сказывалось на составлении учебной программы и организации профессиональной подготовки с точки зрения материального обеспечения мастерских школы. За основу подготовки брался опыт часовых школ Франции и Швейцарии, в то время как подготовка оптиков-механиков гораздо более тяготела к опыту и организации обучения таковых в Германии. Французский язык, преподаваемый в школе, нацеливал учащихся на знакомство с литературой и практикой дела во Франции, опять же по «часовому» принципу, то есть исходя из потребностей подготовки часовых мастеров. Для подготовки оптиков-механиков важнее было знание немецкого языка и литературы. Однако немецкий язык не преподавался ученикам². Между тем успехи германской оптики значительно превосходили уровень и Франции, и Великобритании, не говоря о других странах, еще менее продвинутых в этой области. Для подготовки кадров оптической промышленности России был крайне полезен опыт германских оптических заводов, лабораторий и знакомство с научно-практической литературой в области оптико-приборостроения Германии.

Какие же пути решения открывались? Для понимания государственной промышленной политики того времени большое значение имела доктрина министерства финансов, унаследованная вновь образованным министерством торговли и промышленности (с 1905 г.), о приоритете частной инициативы в деле «насаждения у нас промышленности», в особенности в новых отраслях. Частная промышленность, согласно этой доктрине, не должна была испытывать стеснений и скрытой или явной конкуренции со стороны казенной индустрии. Такая установка выдвигала частную инициативу и частный капитал на первое место, отводя казенной промышленности лишь роль необходимого и ограниченного потребностями самой казны сегмента.

Однако на пути такого подхода встречались постоянно серьезные противоречия. Они состояли в следующем:

1) государственную политику в сфере промышленного строительства и перспективного планирования определяли различные ведомства, имевшие крайне противоречивые интересы и влияние на формирование общего внешнеэкономического курса и промышленного внутреннего производства;

2) нужды обороны носили неотложный характер и не могли считаться только с уровнем частной промышленности и ее ограниченными в России возможностями;

3) оборонные ведомства сталкивались с фактами неготовности частной промышленности в России удовлетворить многие технологически сложные потребности в снабжении армии и флота;

4) реальное значение имели еще факторы: цены, качества, срочности поставок изделий военного назначения, конкуренции производителей и борьбы между производителями за получение постоянных заказов от оборонных ведомств;

5) наконец существенное значение имела бюджетная политика и финансовые возможности заказывающих ведомств, военного и морского министерств.

И то, и другое ведомства испытывали непрерывный дефицит выделяемых средств. Нехватка средств вела к тому, что при распределении расходов приоритет отдавался самым чрезвычайным и наиболее затратным, капиталоемким заказом. Оптические приборы и инструменты к таковым не относились, например, в армии. А на флоте имели более важное значение (бинокли, дальномеры, зрительные трубы и оптические прицелы). Армия потребляла больше всего оптики в ее совокупности и стоимости. Главное артиллерийское управление не торопилось рассматривать вопрос производства оптических приборов внутри России. Морское министерство, испытав тяжелейшие потери на море в войне с Японией, настаивало на активизации внутреннего производства. Если в ГАУ очень скептически смотрели на возможности в ближайшее время решить этот вопрос силами русских производителей и отдавали полное преимущество германским производителям оптики, то руководители производств Обуховского завода морского министерства ставили вопрос о необходимости освоения западных технологий оптико-приборостроения на подведомственном предприятии. Но для того, чтобы развить неосвоенное и вообще новое производство, Обуховскому заводу требовались значительные и долгосрочные заказы как от морского министерства, так и от военного (ГАУ). Собственных средств заводу не хватало. Рассчитывать на дополнительное ежегодное кредитование ни Обуховский завод, ни другие производители морского и военного министерств не могли. Финансовая политика министерства финансов подразумевала, что развитие оптико-механического или точного приборостроения

должно быть «естественным» результатом частной инициативы и частной же промышленности. При этом никаких мер, направленных на поощрение или софинансирование возможных производителей в этой отрасли, правительством России не предусматривалось. Это касалось не только оптического или оптико-механического производств, но и других отраслей точной механики. Единственным и, видимо, достаточным в этом смысле поощрением частной инициативы считалось предоставление подобным предприятиям казенных заказов, цена и размер которых могли быть весьма значительны.

Документы (переписка, рапорты, отчеты) в архивах ВИМАИВиВС и РГА ВМФ, а также РГИА и ЦГИА СПб дают достаточно полное и ясное представление о том, как формировалась и чем мотивировалась политика как оборонных ведомств, так и общеправительственная в деле оптико-приборостроения в России. Картина этой политики выглядит следующим образом.

ГАУ рассчитывало на возможности продолжения закупок германской оптики, отдавая такому пути первоочередное значение. Представители ГАУ рассчитывали на постепенное развитие или появление в России собственных производителей военной оптики. Такими производителями могли стать как частные, так до некоторой степени и подведомственные ГАУ заводы, особенно Петербургский орудийный и Трубочный заводы, а также, возможно, Сестрорецкий оружейный. Никаких средств, ассигнованных для постановки нового производства, ГАУ не имело и не испрашивало. Деятельность же названных заводов заключалась почти только в механическом ремонте и выверке (юстировке) оптических приборов, производстве прицельных приспособлений и их частей. В частной промышленности ГАУ сотрудничало с несколькими производителями, такими, как Р. Ветцер, Н.А. Рейхель в Петербурге, «Фос» в Варшаве. Однако эти производители, за исключением «Фос», являлись лишь небольшими и узкоспециальными мастерскими, где могли производить ремонт и изготовление некоторых частей, сборку отдельных компонентов оптических приборов. Морское министерство (Главное управление кораблестроения и снабжений, ГУКиС) прибегало к услугам тех же производителей. Российские фирмы лишь технически обслуживали те или иные образцы германских, французских и английских приборов. Они не могли быть полноценными производителями или конкурентами

западным поставщикам. И военному, и морскому министерствам по необходимости приходилось заказывать все новые и новые партии оптики у тех фирм, изделия которых становились официально принятыми на вооружение армии и флота. Для этих же изделий ведомства составляли руководства по эксплуатации на русском языке, технические описания и наставления. Образцы этой техники включались в штатные таблицы имущества воинских частей, крепостей, артиллерийских парков, кораблей и морских команд. Таким образом, примерно с конца 1880-х гг. до 1906 г. для российских производителей оптики главной задачей было ремонтировать, производить выверку и текущее обслуживание иностранных образцов, хотя и выполненных с учетом технических требований оборонных ведомств России.

Появление Обуховской оптико-механической мастерской летом 1905 г. должно было изменить такое положение, хотя и не коренным образом. Дело в том, что никакого конкретного плана производств и заданий для Обуховской мастерской не ставилось. Не было известно, как сложится ее судьба и как далеко будет расширяться в дальнейшем этот отдел, вовсе не претендующий на полноценное и широкое производство при своем открытии.

Частная инициатива очень слабо проявляла себя по-прежнему в этом деле. Проблема заключалась в отсутствии определенности как в отраслевой политике (государственного поощрения), так и в политической неустойчивости и продолжающейся социальной борьбе. Для частной промышленности нужны были не только капиталы, достаточные для начала дела, но и уверенность в получении крупных заказов, которые в России могли быть одновременно получены только от заинтересованных ведомств, каковыми и являлись военное и морское министерства. Вот выдержки из журнала Артиллерийского комитета ГАУ от февраля 1906 г.: «Отсутствие оптических заводов в России, если не считать фабрики Фосса из Варшавы, приводит к полной зависимости нашей армии и флота в деле поставки оптических приборов от заграничных фирм. Обуховский завод, открывая оптический отдел, надеется изготавливать оптические приборы значительно дешевле заграничных поставщиков и просил Главное артиллерийское управление оказать ему поддержку заказами по части оптики и точной механики»³. Оптико-механический отдел Обуховского сталелитейного завода (ОСЗ) подразделялся на: 1) лабораторию; 2) гальванопластическое

отделение; 3) оптическую мастерскую; 4) мастерскую точной механики и 5) механическую мастерскую. При этом оказывалось, что алюминиевые отливки для биноклей Обуховский завод будет получать от завода Розенкранца в Петербурге (ныне завод «Красный выборжец»), латунные части биноклей и зрительных труб будут изготавливать из калиброванных труб завода Max Kochius в Берлине. Оборудование новых мастерских Обуховского завода было практически полностью заграничного происхождения: токарные станки Ауэрбаха, гравировальный станок Цейсса, фрезерные, шлифовальные французские станки и полировочные (некоторые автоматические) для обдирки, шлифовки и полировки линз, штамповочный станок, станок для изготовления винтов. Оборудование лаборатории оказывалось таковым: точный рефрактометр Пульфриха, рефрактометр Fuss'a, прибор для определения фокусных расстояний линз и гониостат фирмы Societe Genoise, пирометр для определения высоких и низких температур Kaiser Schmidt'a, универсальный гальванометр Сименса и Гальске и милливольтметр той же фирмы, точный сферометр Цейсса; компаратор Schuchardt'a и Schutte для проверки резьбы метчиков. Лаборатория для исследования и механических испытаний оборудовалась преимущественно приборами из Франции. Полностью из-за границы приобретались оптические стекла от заводов Schott und Genossen (Шотт) в Йене, Moitais (Парр Мантуа) в Париже и Henne в Motreuil (в Монтре)⁴. Впрочем, некоторая часть оборудования была все-таки выполнена силами Обуховского завода: «из числа приборов для проверки биноклей, – доносил штабс-капитан Гун об осмотре оптико-механической мастерской, – строятся собственными средствами отдела прибор для проверки параллельности оптических осей бинокля и прибор для определения нуля делений на трубке окуляра»⁵. Пробные стекла изготавливались в самой мастерской. В оптической мастерской имелись два специальных станка «для центрирования и обтачивания линз по окружности» для стекол большого и малого диаметра. Для шлифовки и полировки поверхностей большого радиуса кривизны имелся особый патентованный станок. При осмотре отдела «был продемонстрирован изготовленный в отделе призмный морской бинокль 8-кратного увеличения с полем зрения в 7° и диаметром зрачка выхода 5 мм». Завод предполагал выпускать в год 3000 биноклей и изъявлял готовность производить, кроме биноклей, зрительные трубы и оптические приборы⁶. Как

сообщалось в Артком: «во главе предприятия стоит техническое бюро с председателем полковником Меллером, технической частью заведует на положении начальника мастерской г-н Герцык, служивший в оптической фабрике Крауса в Париже, и учитель технической школы цесаревича Николая, его помощник, оптический мастер»⁷. Этим учителем был заведующий механо-оптическим отделением школы при ремесленном училище Н.Б. Завадский, а его помощником В.И. Вишев. Полковник А.П. Меллер в ближайшие годы стал начальником правления Обуховского завода.

К.С. Герцык, А.Л. Гершун, А.Н. Крылов явились серьезными специалистами, практиками и теоретиками в деле разработки и постановки нового производства на ОСЗ. Благодаря в особенности А.Л. Гершуну, оптико-механическое производство стало приобретать научную основу, где роль играло не простое копирование заграничных образцов, а расчет оптических систем и теория приборостроения. Еще в 1895 г. Гершун предпринял поездку в Йену для изучения оптических заводов Цейсса и Шотта. Эти факторы имели, конечно, далеко идущие последствия для судеб отечественного точного приборостроения. Уже в то начальное время достижения в отрасли дали ясную уверенность в способности национального конструирования и возможности превзойти технологический уровень наиболее преуспевающих германских фирм. Нельзя не заметить и тот факт, что внешнее техническое сотрудничество оптико-механического отдела ОСЗ было ориентировано на французских, а не на германских производителей.

Обуховский отдел, таким образом, постепенно стал концентрировать вокруг своей работы компетентных деятелей и разработчиков, выделяясь не только величиной и оборудованием, но и опытными работами.

Сторонником казенного, а не частного, устройства нового производства был и сам А.Н. Крылов. Однако надо было считаться и с тем фактом, что Обуховский завод как завод казенный не мог рассчитывать свое производство на рыночный сбыт, что возможности его производств были значительно обусловлены фактом его ведомственной принадлежности и обязательством в первую очередь удовлетворять запросы морского ведомства. Иначе говоря, на финансирование новых разработок можно было рассчитывать только при условии получения крупных казенных военных заказов. Рассчитывать на заказы только морского министерства было

недостаточно, так как флот после японской войны понес большие потери и нуждался в долгом восстановлении. Именно поэтому очень скоро стала очевидна необходимость обращения с ходатайством о предоставлении заказов со стороны армии, то есть ГАУ. Заказы военного министерства могли сыграть важнейшую роль для утверждения и удешевления нового оптико-механического производства.

Обращение в ГАУ руководства Обуховского завода хотя и было воспринято положительно, однако вызвало встречные условия военного министерства:

1) изделия Обуховского завода во всем должны были отвечать строгим техническим требованиям ГАУ;

2) цены Обуховского завода не должны были превышать цен зарубежных производителей.

Первое условие было вовсе не просто удовлетворить начинающему производителю. Фактически, если оценить смысл требований ГАУ, обуховские изделия не должны были уступать лучшим зарубежным образцам, если они принимались на вооружение российской артиллерии и войск. Варшавская фирма «Фос», действовавшая уже пять лет до появления Обуховской мастерской, не могла, например, добиться безупречного отзыва о своих изделиях со стороны военного министерства, которое являлось основным заказчиком для нее. Из переписки ГАУ с фирмами «Фос», К.П. Герц, К. Цейсс и Е. Краус видно, кому отдавали предпочтение представители сухопутных сил. Японская война еще больше и окончательно укрепила эти предпочтения, основанные не на суждениях одних экспертов, а на многочисленных отзывах офицеров действующей армии. Самыми высокими и бесспорными оценками пользовались только два производителя Цейсс и Герц. Именно на них приходились самые большие заказы ГАУ. Изделия этих фирм были признаны образцовыми для остальных конкурентов.

С принятием на вооружение новых образцов биноклей, стереотруб и оптических панорамных прицелов стало ясно, кому отдается предпочтение. И армия и флот России остановили выбор на биноклях и стереотрубках Цейсса, оптических панорамных прицелах Герца, прожекторах Шуккерта. Хотя прежде принятые на вооружение модели разных фирм оставались в эксплуатации, тем не менее, преимущества, выясненные за лидерами, давали уже несомненные права на расширение заказов именно этим немногим. С 1906 г. уже всем изготовителям военной оптики в России и для России

заграницей выдвигались требования, чтобы они придерживались в точности тех образцов, какие были признаны базовыми для дальнейших заказов. Разработчики этих образцов были давно известны.

Весьма большое количество оптических приборов в армии называется как раз в период 1905–1906 г. Вот их список:

Дальномеры Обри (Франция);

Дальномеры Сушье (Франция);

Монокулярные зрительные трубы фирмы «Краус» (Париж, Франция);

Биноклярные стереотрубы Цейсса 10-кратного увеличения, большие (Йена, Германия);

Бинокли Цейсса 8-кратного увеличения (Йена, Германия);

Бинокли Герца 8-кратного увеличения (Германия);

Бинокли Фохтлендера, призмённые 8-кратного увеличения (Германия);

Прожектора фирмы «Соттер Гарле» (Париж, Франция);

Прожектора Манжена (Франция);

Прожектора Шуккерта (Нюрнберг, Германия).

Для флота большую роль играли бинокли Цейсса, Краус, дальномеры Барр и Струд от английского производителя, перископы Герца, прожектора Шуккерта и Соттер Гарле. Не следует забывать и о дальномерах собственно российских разработок, выполненных офицерами армии и флота. Однако все они так или иначе оказывались лишь отчасти или на короткое время удовлетворяющими все растущим требованиям, так как были либо сложны в своей конструкции и дороги, либо уступали иностранным образцам по качеству.

Германская промышленность по праву завоевывала спрос русских военного и морского министерств в данной отрасли. Так, в отзыве подполковника Дельвига, отмеченном Арткомом в марте 1906 г., говорилось: «Большое распространение в армии имели бинокли Цейсса 8-кратного увеличения (военный образец); бинокли эти работали хорошо». Бинокли Цейсса этого увеличения превзошли бинокли Герца 9-кратного увеличения. Стереотрубы Цейсса оценивались еще более утвердительно как «работавшие превосходно и оказавшие незаменимую помощь наблюдению»⁸. Опыт войны с Японией привел к убеждению, что биноклярная труба Цейсса лучше прежней монокулярной, принятой в русской армии.

Зато оптические панорамы Герца для прицеливания в артиллерии не имели равных аналогов. Эти мнения окончательно убеждали ГАУ в том, чтобы заказы для фирмы «Фос» и Обуховского оптико-механического отдела обуславливать принятыми образцами Цейсса и Герца, особо не побуждая российских производителей к собственным разработкам. И «Фос», и Обуховский завод должны были включаться в трудную технологическую и ценовую конкуренцию с германскими производителями. Перспективы развития российских производств зависели главным образом от возможности выдерживать эту борьбу.

Постановление Совета Министров Российской империи от 12 января 1907 г. гласило, что «при производстве заказов внутри России в контракты, заключаемые с поставщиками и комиссионерами, должно быть включено условие, чтобы заказы полностью выполнялись на русских заводах и из материалов русского происхождения; отступления от этого правила допускаются лишь в отношении тех материалов, коих в России не имеется, при этом в отношении крупных заказов... по соглашению с министром торговли и промышленности»⁹. Это постановление меняло не только порядок дачи казенных заказов, но подтверждало ранее принятое решение (1902 г.) о необходимости, а не только желательности делать заказы внутри Империи, поощряя тем самым отечественную промышленность. Хотя вопрос касался конкретно заказов, отдаваемых оборонными ведомствами заводам Финляндии, из самого существа постановления было видно, что речь шла о более принципиальных сторонах, когда российские производители обходились вниманием при весьма крупных заказах ведомств, отдаваемых за границу. При этом мотивировалась такая практика соображениями неотложных нужд русско-японской войны и невозможностью получать многие предметы обороны от российских заводов.

Действие этого постановления имело далеко идущие последствия относительно положения германских производителей в России. Благодаря переписке ГАУ с представительствами фирм К.П. Герц, К. Цейсс и Е. Краус, в 1907 г. выясняется вопрос о появлении филиальных отделений этих всемирно известных фирм в России.

В письме в ГАУ Комиссии по перевооружению полевой артиллерии от 27 февраля 1907 г. уполномоченный фирмы К.К. Шпан сообщал: «В ответ на запрос Главного артиллерийского управления от 14 февраля с. г. за № 7179 по поводу поставки панорам

системы Герц сим честь имеем сообщить следующее: Вследствие желания Главного артиллерийского управления, чтобы панорамы были изготовлены на нашем С. Петербургском заводе, нами всесторонне обсуждался вопрос о соответственном расширении такового. Изготовление всего количества панорам на нашем С. Петербургском заводе в течение желательного Главному артиллерийскому управлению короткого срока является невозможным по той причине, что то количество рабочих, которое потребовалось бы для изготовления всех панорам в России, абсолютно невозможно собрать в С. Петербурге. Для изготовления панорам требуется специально изготовленный комплект рабочих; для организации в Берлине производства панорам нам пришлось потратить почти полных три года, в России же, надо полагать, нам пришлось бы потратить не меньше времени. Перевод наших германских рабочих на наш русский завод, не говоря о громадных расходах, неосуществим по той причине, что как раз в самое последнее время нами получены крупные заказы на панорамы от других держав, как то от Австрии и Италии. Согласно контрактов с другими державами мы должны изготовить панорамы в известные сроки, соблюдение которых было бы невозможно, если бы отправили наших навыкших и подготовленных к этому делу рабочих в С. Петербург. С другой стороны перевод германских рабочих на наш С. Петербургский завод – неосуществимый по вышеизложенным причинам – навряд ли удовлетворил бы Главное артиллерийское управление, так как изготовление панорам на нашем С. Петербургском заводе производилось бы не русскими рабочими, а иностранными и развитие оптического производства в России не было бы достигнуто. За время существования нашего завода в С. Петербурге [с 1906 г.] мы ознакомились с теми большими затруднениями в приобретении подходящих рабочих сил и в развитии применения их к изготовлению оптических приборов; хороший состав рабочих может быть приобретен лишь при постепенном обучении, каковым является ныне практикуемый нами способ, который желательно было в дальнейшем развить. До сих пор нами в С. Петербурге изготавливаются исключительно стерео-бинокли 8-кратного увеличения и в виду отсутствия крупных заказов со стороны Главного артиллерийского управления мы изготавливаем бинокли на склад. Мы надеемся получить в ближайшем будущем заказ на монокулярные трубы и на стерео-трубы; таким образом, рабочие прошли бы несколько

ступеней развития, после чего сделались бы пригодными для изготовления панорам, требующих крайней точности.

Мы повторяем, что единственная причина, по которой мы считаем себя не в состоянии изготовить все количество потребных панорам в России – это рабочий вопрос»¹⁰. В итоге, однако, берлинская фирма К.П. Герц решилась на учреждение своего производственного отделения (фабрики) в Риге. Между прочим, из переписки в ГАУ видно, что в этом Управлении не испытывали никакого энтузиазма от появления на Обуховском заводе оптического производства, в том числе и оптических панорам как альтернативного производителя фирме К.П. Герца. Артиллерийское ведомство более другого желало не потерять германского производителя, имея в виду не только его опыт и исполнительность, что уже высоко ставило немецкую репутацию в глазах военного министерства России, но и самую возможность получать доступ к последним разработкам и новшествам германского производства в дальнейшем. Для военного министерства, оценивая его особые интересы, такая политика была понятна и оправдана. Появление Обуховского производства не давало гарантий в получении многих необходимых военных приборов. Репутация же Обуховского завода тем более не шла в сравнение с известностью и возможностями немецких фирм.

8 марта 1907 г. представитель фирмы К. Цейсс в Йене сообщал в Комиссию по перевооружению полевой артиллерии: «В настоящее время, согласно Высочайше утвержденного 18 февраля сего года журнала Комитета министров от 12 января сего года, положено все казенные заказы предоставлять исключительно русским заводам, в виду чего наша фирма окончательно решила построить оптический завод в России, по примеру того как подобный завод, по приглашению австрийского правительства, нами построен в Вене.

Устраивая оптический завод в России, наша фирма не рассчитывает на какую-либо исключительную поддержку со стороны военного ведомства, а желает лишь иметь возможность свободно конкурировать с русскими оптическими заводами. Желание построить оптический завод в России возникло у нашей фирмы приблизительно два года тому назад, о чем свидетельствует также и наше заявление от 7-го октября 1905 года»¹¹.

Вопрос о производстве оптического стекла в России и освобождении от зависимости импорта из Германии. 1908–1909 гг. 16 мая 1908 г. начальник ОСЗ полковник А. Меллер обратился к

товарищу морского министра (отношением № 3148) контр-адмиралу И. Бострему с докладной запиской такого содержания: «Развитие военно-морской техники за последние годы вызвало широкое применение оптики в военном деле и значительную потребность в оптических приборах всякого рода. С большим трудом теперь удалось правильно поставить производство оптики в России, причем на долю Обуховского завода выпала почетная, но вместе с тем и тяжелая обязанность быть пионером этого дела у нас. Несмотря на кратковременное существование оптического отделения (оно открыто в июне 1905 года), оно уже успело создать себе известную репутацию и оказалось настолько работоспособным, что явилось и по доброте и по цене изделий серьезным конкурентом иностранным оптическим заводам, бывшим до сего монополистами в этом деле в России.

Основным материалом оптического производства является сырое, необработанное стекло различных сортов. Этот материал изготавливается для оптических мастерских всего мира почти исключительно одним заводом Шотта в Йене (Германия), который один только сумел правильно и научно поставить производство однородного стекла для оптических целей. ...оптическое производство всего мира до сих пор питается почти исключительно материалом завода Шотта.

Оптическая мастерская Обуховского завода, вполне независимая теперь в отношении научных и технических сил от иностранных своих конкурентов, тоже получает оптическое стекло главным образом от завода Шотта, и только в этом, правда самом главном материале производства, является по подобию других заводов зависящей от заграницы.

Завод Шотта стоит в тесной связи с оптическим заводом Цейсса в Йене... По сведениям, пока еще секретным, но вполне достоверным, завод Цейсса, обладающий огромными свободными средствами, начал скупать теперь главные оптические заводы Германии, Франции, Англии и Америки, а с другими заводами входит в трест, намереваясь монополизировать оптическое производство по возможности во всех странах. Так, по достоверным сведениям, им куплен завод Бауша и Ломба в Рочестере (Америка), завод Краусса в Париже, завод Росса в Лондоне, а с заводом Герца в Берлине у него, по-видимому, состоялось соглашение. Такое положение дела является серьезной опасностью для оптических мастерских всего мира,

не вошедших в трест, так как, очевидно, первую мерю треста будет приостановка продажи оптического стекла всем заводам, не состоящим в соглашении.

Обуховский завод, в виду особенности своего положения, не может, конечно, и думать о том, чтобы войти в трест, конечную целью которого, несомненно, является повышение цен и нанесение материального ущерба государству. Поэтому является серьезная опасность, что оптическая мастерская в будущем, может быть даже вскоре, останется без главного сырого материала – стекла, и Завод [Обуховский] принужден будет ее закрыть, при чем потерянными окажутся все затраченные на постановку этого дела труды и средства, а государство окажется во власти иностранных монополистов оптической промышленности.

Поэтому, если желательно продолжать и развивать дело оптического производства в России, то необходимо тотчас же принять меры для предупреждения изложенной выше возможности. Из данного положения возможны два выхода: 1) поставить производство оптического стекла в России, что, хотя и вызовет порядочные расходы на предварительные опыты и разработки, но, быть может, такие крупные заводы, как императорский Фарфоровый и Стеклянный, или некоторые другие частные, например, Риттинг, возьмут на себя это дело, или 2) войти в соглашение с каким-нибудь из французских заводов, который мог бы завести разработку оптического стекла при условии гарантированной поставки для русских оптических мастерских... Независимо от сего крайне желательно возможно скорейшее решение принципиального вопроса о снабжении России сырым оптическим материалом. Полковник А. Меллер»¹².

28 мая 1908 г. председатель правления Обуховского и Ижорского заводов вице-адмирал Старк обратился в канцелярию морского министерства: «Во исполнение резолюции, положенной на представляемом при сем докладе начальника Обуховского завода за № 3148, правление имеет честь доложить, что доклад этот был рассмотрен правлением и правление, разделяя изложенные в нем соображения постановило: обратиться в Кабинет Его Императорского Величества с просьбою сообщить возможно ли установить на императорском Фарфоровом и Стеклянном заводе производство стекла для оптических приборов и в какой приблизительно срок это производство может быть установлено, с тем что все детали по

этому делу даст непосредственно Фарфоровому заводу начальник Обуховского завода. Так как, по мнению начальника Обуховского завода, установление этого производства может занять трехлетний период времени, правление, согласно доклада полковника Меллера, просит разрешения Вашего Превосходительства о заказе за границей теперь же оптического стекла в потребность ближайших трех лет на сумму 15 000 рублей. Расход этот сметою завода не предусмотрен»¹³.

17 июня 1908 г. А.П. Меллер сообщал Бострему, что служащие на Обуховском заводе К.С. Герцык и А.Л. Гершун командированы им, Бостремом, за границу «для приобретения станков и инструментов для надобностей Оптической мастерской Завода на сумму не свыше 10 000 рублей»¹⁴. Обуховский завод ожидал получить от ГАУ заказ на изготовление 2000 панорам при условии сдачи 1000 панорам в год. Стоимость всего заказа определяется около 2 млн руб. Для реализации заказа правление Обуховского и Ижорского заводов испрашивало разрешения на приобретение заводского оборудования за границей на сумму не свыше 10 000 рублей¹⁵.

Сумма в 10 000 рублей была не случайно названной: решением Совета Министров такой пороговой цифрой ограничивалась стоимость заграничных заказов, которые ведомства могли производить без специального рассмотрения таковых в Совете Министров. Сумма свыше этой обязательно должна была получать санкцию Правительства, и такой заказ должен был иметь самое существенное обоснование. Сюда вмешивались и министерство финансов и государственный контроль, а с 1905 г. и вновь образованное министерство торговли и промышленности. Само обсуждение такого вопроса требовало долгого согласования и корректировок в бюджет заказывающего ведомства. И военное, и морское министерства не испытывали никакого желания давать многие объяснения и подробные обоснования того, почему заграничный заказ так необходим и чем он вызван в таком объеме. Не только борьба за военные кредиты, но и заграничные заказы были очень трудным вопросом обсуждений в Правительстве. Дело неоднократно доходило до апелляции к самому Николаю II. Размеры и самый разнообразный характер производившихся из года в год импортных закупок, особенно военных, совершенно противоречили февральскому 1907 г. постановлению Совета Министров ограничивать заграничные заказы только

самыми неотложными и невыполнимыми в России, а все остальные предоставлять заводам внутри Империи.

Путь дальнейшего роста заказов на оптику в Германию в записке называется рискованным, хотя отношения России и Германии еще сохраняют свободно-коммерческий и неограниченный в торговле характер. Интересен и второй путь «войти в соглашение с каким-нибудь из французских заводов, который мог бы завести разработку оптического стекла при условии гарантированной поставки для русских оптических мастерских». Этот выход предлагается в том случае, если производство оптического стекла в России не достигнет цели освобождения от необходимости заграничного получения такового. Едва ли можно говорить о чисто экономической кооперации Обуховского завода в России с французским производителем оптического стекла Парра-Мантуа. Конечно, в данном вопросе присутствовал и военно-политический аспект такого сотрудничества, построенный на взаимной выгоде двух держав – России и Франции – в противостоянии Германии.

В этой же записке, очевидно, впервые называется императорский Фарфоровый и Стекланный завод (ИФиСЗ) в качестве возможного казенного производителя оптического стекла в России.

Вопрос об оптическом стекле звучал и в дальнейшем, поскольку оставался без последствий. 10 февраля 1909 г. начальник Обуховского завода писал морскому министру в отношении № 780: «Его Высокопревосходительство военный министр при личном моем с разрешения Вашего Высокопревосходительства докладе по вопросу изготовления гаубиц по системе Эргардта в связи с сроками и нареканиями на Обуховский завод об опозданиях вообще, весьма заинтересовался поставленным на Заводе оптическим производством и в особенности вопросом об изготовлении в России оптического сырого стекла, дабы не быть зависимыми от заграницы и в этом отношении согласно желания Его Высокопревосходительства военного министра мною были командированы мой помощник подполковник Препелкин и статский советник Гершун для дачи объяснений Его Высокопревосходительству военному министру по вопросам оптического производства на Заводе и в частности о постановке в России изготовления сырого стекла, при чем была Его Превосходительству доложена моя записка, копию которой при сем представляю. В настоящее время этому делу дан ход. Военный министр через названных лиц предложил Обуховскому заводу

занияться изготовлением биноклей для надобностей Главного управления военно-учебных заведений, которое полагает снабжать каждого вновь выпускаемого офицера биноклем. Ежегодная потребность около 2000–2300 штук»¹⁶.

В упомянутой записке говорилось: «Оптическое отделение при Обуховском сталелитейном заводе морского министерства было основано с целью освободить главных потребителей оптических инструментов в России – военное и морское министерства от зависимости от иностранных оптических, главным образом, германских фирм, монополизировавших это дело в России. Основанное 4 года тому назад Оптическое отделение Обуховского завода успело в этот короткий промежуток времени не только поставить совершенно новое в России дело производства оптических инструментов, но и разработать свои собственные конструкции [курсив мой. – Прим. авт.] и составить серьезную конкуренцию иностранным фирмам, принужденным теперь и в смысле цен на свои приборы, и в смысле других условий поставки серьезно считаться со своим русским конкурентом. Во главе оптического дела на Обуховском заводе стоит статский советник А.Л. Гершун, специалист по физике, давно уже посвятивший себя специально оптике и один из немногих знатоков этого дела в России.

Оптическое отделение Обуховского завода вырабатывает совершенно самостоятельно, как механическую, так и оптическую части изготавливаемых приборов и инструментов, за исключением лишь сырого оптического стекла в необработанных плитках. Поставщиками этого материала, главным образом, являются заводы – Шотта в Йене и отчасти Пара-Мантуа в Париже, которые в настоящее время единственные поставщики всего мира сырого стекла, и из них на долю Шотта приходится более девяти десятых всего поставляемого стекла.

До последнего времени Обуховский завод мирился с необходимостью выписывать сырое стекло из-за границы, теперь же приходится раздумывать об освобождении от иностранной зависимости и в этом деле. Завод Шотта находится в очень тесной зависимости от завода Цейсса, в очень же сравнительно непродолжительном времени он перейдет и в полную его собственность. Цейсс же, обладая огромными средствами, пытается в настоящее время монополизировать оптическую промышленность всего мира, одни оптические заводы скупая, с другими вступая в различные соглашения;

так по достоверным сведениям Цейсс купил уже два единственных в Америке оптических завода, покупает единственный серьезно поставленный во Франции завод Краусса, несомненно вступил в соглашение с фирмой Герца в Берлине и, по всей вероятности, с заводом Росса в Лондоне. Таким образом, Цейсс, имея в своих руках главный источник оптического стекла, может поставить не вошедшие с ним в соглашения заводы в безвыходное положение, лишив их сырого материала для производства. Когда это произойдет, первым пострадавшим будет Обуховский сталелитейный завод, открыто выступивший в России конкурентом Цейссу, Герцу и другим иностранным заводам. На близкую возможность такого положения имеются уже указания: так в последнее время приобретение Обуховским заводом желаемых сортов стекла от Шотта заметно затрудняется.

При таком положении дела Обуховскому заводу приходится по неволе поднять вопрос об организации изготовления оптического стекла в России. Постановка этого производства представляет, однако, многие затруднения; первое и наиболее существенное из них то, что успешное изготовление оптического стекла основано все на знании ряда эмпирически находимых данных (о составе стеклянной массы, температуре ее обработки, об изготовлении тиглей, об охлаждении стекла и т.д.), хранимых в глубокой тайне заводами, изготавливающими этот материал.

Таким образом, первым вопросом, возникающим в связи с излагаемым делом, является вопрос о том, можно ли надеяться самостоятельно добыть эти данные. Для решения этого вопроса Завод обратился к лучшему в России знатоку химии стекла профессору В.Е. Тищенко, который подтвердил, что рядом систематических научно-поставленных опытов над плавками небольших масс стекла в обстановке полу-лабораторной, полужаводской, вероятно, удастся в один или два года овладеть секретами этого производства...

...возникает второй вопрос: кто может заняться у нас заводским изготовлением оптического стекла. Вряд ли можно предполагать в настоящее время, что этим делом заинтересуется какой-либо из частных стеклянных заводов. Раньше всего большинство из них оборудовано лишь для валового изготовления торговых сортов стекла, в которых не ищут ни однородности состава, ни особой оптической чистоты; затем вряд ли окажется заманчивым для них такое мало выгодное производство материала, имеющего лишь

очень ограниченный сбыт. При таком положении дела вполне естественно обратить взор на императорский Фарфоровый и Стекланный завод, который мог бы, не гоняясь за доходностью предприятия, взять на себя это немаловажное даже в государственном отношении дело.

...Нельзя, конечно, ожидать, чтобы изготовленное императорским Фарфоровым заводом, или, в крайнем случае, самим Обуховским, оптическое стекло обходилось дешевле иностранного или даже имело ту же стоимость. Крупная первоначальная затрата на опыты, затем заводское производство в очень скромных размерах должны неизбежно вызвать сравнительно высокую стоимость изготавливаемого материала. Это обстоятельство в свою очередь неизбежно повлечет за собой удорожание и оптических изделий Обуховского завода, что, конечно, придется иметь в виду главным заказчикам его – военному и морскому министерствам при даче заказов на оптические изделия. В порядке торгов, обычно принятом теперь при даче заказов, Обуховский завод в настоящее время с трудом может держаться цен, более низких, чем его иностранные конкуренты, находящиеся в значительно лучших условиях, тогда же и подавно не будет в состоянии в ценах изделий тягаться с последними, не будет служить для министерства регулятором цен, чем, конечно, воспользуются иностранные фирмы для соответственно поднятия своих цен»¹⁷.

Итак, частная инициатива в указанном деле не последовала. Ни один частный завод в России не заинтересовался производством оптических приборов и инструментов, а завод «Фос» в Варшаве прекратил в 1912 г. свою деятельность из-за несостоятельности, главным образом, по отсутствию заказов. Зато в отношении фотографической промышленности значительный интерес проявляли так называемые фотографические общества России. Однако эти общества являлись лишь потребителями фототехники, пытались учредить в России первые школы для профессиональной фотографии (в Петербурге и Риге). Между тем, именно через эту общественную инициативу в России росло понимание важности такого производства, как фотоиндустрия и фотомеханика. Война 1914–1917 гг. и здесь поставила вопрос о необходимости производства собственных фотообъективов и вообще фото- и киноаппаратов. Значение фототехники в военном деле быстро росло.

Таким образом, из сказанного можно заключить, что развитие

оптико-механической промышленности в России до Первой мировой войны сталкивалось с двумя важными проблемами. Во-первых, недостаток собственного производства и необходимость пока ограничиваться образцами иностранных производителей, что было дешевле. Во-вторых, полное отсутствие производства в стране оптического стекла, а кроме того, параболических зеркал для прожекторов, фототехники. Эти проблемы будут решаться в годы Первой мировой войны и выйдут на первый план в полном объеме и со всей требовательностью.

¹ См.: Ошарин А.В. Вооружения России и военно-техническое снабжение российской армии оптическими предметами (1905–1914) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Международно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. Часть II. СПб., 2010. С. 164–179.

² ЦГИА СПб. Ф. 365. Оп. 6. Д. 1. Л. 27–29 об.

³ Артиллерийский журнал. 1906. № 6. Отдел официальный. Извлечения из журналов Артиллерийского комитета, состоявшихся в феврале 1906 г. № 139. С. 128.

⁴ Там же. С. 130–131.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 131.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Артиллерийский журнал. 1906. № 7. Отдел официальный. Извлечения из журналов Артиллерийского комитета, состоявшихся в марте 1906 г. С. 212–213.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–1 об.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 50. Д. 209. Л. 41–44.

¹¹ Там же. Л. 109–115 об.

¹² РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 76. Л. 49–50 об.

¹³ Там же. Л. 48.

¹⁴ Там же. Л. 56.

¹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁶ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁷ Там же. Л. 16–18 об.

М.К. Павлович (Москва)

МАСТЕРА ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ В XVIII ВЕКЕ

Несмотря на то, что XVIII в. для кремлевских сокровищниц и мастерских нередко называют временем упадка, в древнем центре Москвы по-прежнему продолжали трудиться мастеровые люди – представители самых различных специальностей. В данной статье предпринята попытка проследить состав, положение и деятельность тех ремесленников, чья работа была так или иначе связана с производством, ремонтом или чисткой оружия, трудившихся в Оружейной палате на протяжении этого крайне интересного и неоднозначного периода российской истории. Основными источниками в исследовании проблемы стали журналы и протоколы заседаний присутствия Мастерской и Оружейной палаты, зафиксировавшие с максимальной точностью все основные направления деятельности этого учреждения с момента его образования в январе 1727 г. до начала 1830-х гг. Являясь одним комплексом документов, журналы и протоколы не дублируют, а дополняют друг друга. Так, в протоколы вносились лишь вопросы, рассматриваемые на заседании руководства – присутствия, а в журналах отражены буквально все текущие дела палаты, в том числе и не оформлявшиеся протоколами. Если одни источники дают довольно подробную информацию о важнейших событиях, то другие содержат краткие сведения, но по более широкому кругу вопросов¹. Для исследования деятельности мастеровых в 1700–1726 гг. использованы приходо-расходные книги денежной казны, а также ведомости-отчеты по расходованию денежных сумм².

Первая четверть XVIII в. по праву заслужила определение поворотного периода в русской истории. Борьба, начатая Петром I за выход России к Балтийскому морю и преобразование ее в развитую европейскую державу, потребовала от страны напряжения всех

сил и ресурсов, менялись структура государственного аппарата и профиль работы различных учреждений и ведомств. Не обошли преобразования и Оружейную палату, представлявшую собой производственный центр и оружейную казну. Находилась она в западной части Кремля, напротив Потешного дворца, «на улице, позднее именованной Дворцовой», занимая два верхних этажа в длинном каменном здании, обращенном фасадом к Кормовому и Хлебному дворам³. В 1700 г. по монаршей воле в ее состав вошли Золотая и Серебряная палаты. До 1708 г. в Палате осуществлялись руководство Серебряным рядом Москвы и надзор за клеймением золотых и серебряных изделий. В 1701–1706 гг. при ней же состояла и «Школа математических и навигацких наук», располагавшаяся в Сухаревой башне. Традиционным оставалось только изготовление знамен, оружия и амуниции. Приходо-расходные книги 1700–1710 гг. буквально пестрят записями о финансировании этих работ. Например, в декабре 1703 г. «на дело» 200 лядунок в бомбардирскую роту закупались различные припасы, в 1702–1709 гг. постоянно производились выплаты за ремонт и изготовление ружей, фузей, мортир, тут же делались пряжки для ремней, эфесы для шпага и сабель и даже пуговицы. Как свидетельствуют документы, припасы на золочение всех этих предметов приобретались золотарем Григорием Константиновым. Следует отметить, что в учреждении тогда трудились мастера оружейного дела следующих специальностей: ствольники – 7 человек, замочники – 8, станочники – 5, сабельные придельщики – 2 человека. Кроме этого, в штат входили еще кузнецы-отдельщики и чернодельцы, также нередко привлекавшиеся к починке и чистке оружия. Большинство из них получали по 4 рубля в год, и только двое, ствольник и замочник, имели соответственно 130 и 70 рублей в год. Несмотря на довольно обширный штат мастеровых, объем производимых работ был столь значителен, что, кроме своих оружейников различных специальностей, к работе в Палату привлекались и тульские казенные кузнецы-чернодельцы⁴.

Необходимо добавить, что в Оружейной палате производился также ремонт трофейного шведского оружия и артиллерии. Направлялись в кремлевские мастерские на работу и сами шведы – «свейские полоняники», среди которых было немало квалифицированных ремесленников. Изготовленные или исправленные предметы направлялись непосредственно в полки. Иногда ма-

стеровые Палаты и сами командировались в армию. Так, в 1703 г. 7 человек были отправлены в Шлиссельбург для исправления оружия⁵. О большой роли, отводившейся монархом древней сокровищнице, свидетельствует и тот факт, что руководство ею осуществляли видные государственные деятели, в том числе и князь Матвей Петрович Гагарин, одно время являвшийся комендантом Москвы, а затем назначенный губернатором Сибири.

Однако столь активная в начале столетия деятельность Оружейной палаты в 1710-х гг. постепенно замирает. Строительство новой, Северной столицы требовало колоссальных денежных затрат и людских ресурсов. Возведение общественных зданий, императорских дворцов, дворянских особняков, переезд двора в быстро растущий город на Неве и постоянная потребность петербургской знати в предметах роскоши делали необходимым появление там высококвалифицированных мастеров различных специальностей, в том числе и оружейников. И конечно, их приток осуществлялся в первую очередь из Москвы. Как отмечал Г.М. Малицкий: «в 1711 г. основные кадры оружейников и живописцев были отправлены в Петербург, чем предопределена была утрата палатой ее бывшего производственного значения». Продолжались отправки мастеров и в последующие годы, в частности, в 1712 г. туда вновь «перевезено было 36 человек». В результате этих действий в 1716–1721 гг. в Палате только 7 человек имели отношение к производству оружия, в том числе 1 мастер ствольного дела и 4 мастера замочного дела⁶.

В январе 1727 г. по воле императрицы Екатерины I четыре древних кремлевских сокровищницы и мастерские – Оружейная палата, Казенный приказ, Мастерская палата и Конюшенная казна были объединены в единую Мастерскую и Оружейную палату, которую возглавил полковник Василий Юрьевич Одоевский, отличившийся в годы Северной войны под Нарвой. После этого количество работников во всех четырех ранее самостоятельных учреждениях значительно уменьшилось. Прежде всего, были сокращены дворцовые должности, однако изменилась и численность мастеровых людей. Всего в 1727–1734 гг. в учреждении служило 96 штатных ремесленников, сторожей и истопников, 55 неокладных работников, которые «бывают временем по призыву... у дела золотых и алмазных вещей и ружей, ...столярного дела и просушки предметов из ткани», а всего 151 человек⁷. В списке работников,

утвержденном 26 июля 1734 г., мы находим штатных мастеров: оружейного ствольного дела – 4, замочного дела – 1, и неокладных: оружейного ствольного – 2, замочного – 2, ружейного станочного – 6 человек. Кроме того, «за штатом» находились также и кузнецы-издельщики 13 человек и кузнецы-чернодельцы – 8, железного пильного дела – 10 человек, также привлекавшихся к ремонту и сушке оружия⁸. Дальнейшее сокращение мастеров произошло в 1749 г., когда их общее количество по сравнению с 1734 г. сократилось на 52 человека, причем все неокладные мастера были уволены. Из работников, относящихся к оружейному делу, остались булатных дел – 2, ствольного – 2, замочного – 3, станочного или ложного – 3, слесарей-отдельщиков – 4, пильного дела – 1 и кузнецов-чернодельцев – 3 человека⁹.

Сокращение мастеровых продолжается и во второй половине столетия. К 1781 г. их количество упало до 42 человек. Однако такого числа работников оказалось уже недостаточно для нормальной деятельности учреждения. Именно поэтому руководством Мастерской и Оружейной палаты вскоре было решено «...изтребовать из Тульского наместничества в том числе <...> к поправлению, чистке и починке ружей и оружейных вещей ствольного, станочного или ложного дела, для чистки булатных вещей и наводки тонких узоров навотчиков по 2 человека», а также «замочного, слесаря или отдельщика <...> да одного для случающихся железных поделок кузнеца...», часть мастеров предполагалось привлечь в Палату из «господских домов» в Москве¹⁰. Стоит упомянуть, что именно в 1780-х гг. производился значительный набор ремесленников из бывших крепостных. В 1784 г. в Палате работало также 42 человека, а в 1790-х гг. их оставалось всего 37¹¹. В штатном расписании 1801 г. все мастера были разделены на специалистов первой, второй и третьей статьи, а их годовые оклады соответственно колебались от 9 до 6 рублей¹².

Окончательный приговор производственно-реставрационной деятельности Мастерской и Оружейной палаты вынес указ Александра I от 10 марта 1806 г., от которого и ведется новое, музейное летоисчисление Палаты. Согласно этому законодательному акту, в штатном расписании вместо мастеровых мы находим 15 служителей первой и второй статьи, а ремесленникам различных специальностей предписывалось «к избранию рода жизни состоянию их приличного дать свидетельства»¹³.

Несмотря на почти полное прекращение в Палате со второй четверти XVIII в. производства новых изделий, выполняемые работы требовали знающих, высококвалифицированных специалистов. При приеме на службу требовалось непременно ручательство со стороны штатных работников, причем имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что такое ручательство не было формальным. Например, сын кузнеца Мастерской и Оружейной палаты Герасима Денисова Борис Герасимов был принят в учреждение лишь после освидетельствования его старостой ружейного дела Василием Максимовым, поручившимся, что «тот слесарному мастерству и медному отличному мастерству искусен»¹⁴. Имела место и подготовка кадров из числа детей работников. Периодически у мастеров собирали сведения о количестве детей мужского пола и о том, к каким службам те определены. Брали с них и подписку с обязательством не отдавать сыновей в обучение без ведома руководства Палаты¹⁵.

Необходимо отметить, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода существовала преемственность кадров, нередко сыновей принимали на места и оклады отцов. Бывали случаи, когда в учреждении трудились представители двух и даже трех поколений ремесленников. Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров. Так, в 1730–1770-х гг. в Палате служила целая династия Котюревых – станочник Мартын Котюрев, его сыновья Иван, Михаил и Василий, брат Мартына Михаил и сыновья Ивана Мартынова сына Котюрева Артамон и Иван Котюревы¹⁶. В середине – второй половине столетия мы находим сведения о работе мастеров Марачевых – Андрея Марачева, его сына Василия, а также их родственников Михаила и Ивана Марачевых¹⁷. Подобных фактов можно привести еще немало. Имели место и случаи определения учеников к наиболее опытным и знающим мастерам. Однако во второй половине XVIII столетия они были крайне редки, и в этот период уже 10 мастеров обучали своих сыновей за пределами учреждения, что позволяет говорить о том, что подготовка кадров носила характер эпизодический, разовый, а не являлась налаженной системой.

Помимо хорошего профессионального уровня, к работникам предъявлялись и иные требования: исполнительность, честность, приличное поведение, то есть, говоря словами документов того времени, мастера и служащие должны были быть «доброго

состояния». Хотя пьянство не обошло и Мастерскую и Оружейную палату, меры борьбы с ним отличались редкостной простотой и эффективностью. Не один мастер и канцелярский служитель был бит батогами или розгами «за пьянство безмерное» при собрании остальных работников¹⁸. Если это не помогало, провинившегося увольняли или отдавали в солдаты, но обычно воспитательное воздействие оказывалось собственными силами и было вполне достаточным.

Помимо обязанностей, мастерские Палаты имели и некоторые привилегии, в том числе свободу от обременительных постоев и полицейских служб. Иногда мастерские Палаты наделялись по их просьбам небольшими земельными наделами внутри Кремля или в непосредственной близости от него. Одинокие работники, уволившиеся по возрасту или по состоянию здоровья, направлялись в дворцовую богадельню по ходатайству руководства. Так, в первой половине XVIII в. туда были направлены станочники Ефим Сафонов и Степан Петров и другие¹⁹. Судя по документам, наиболее частыми заболеваниями в то время были чахотка, слепота, паралич и ревматизм. Случаи направления работников на излечение крайне редки. Тем не менее, имеются сведения об осмотре в Медицинской конторе станочного дела мастера Василия Мартынова сына Котюрева в мае 1749 г., жаловавшегося, что у него «в правой руке ломота». Котюрев, ссылаясь на болезнь, хотел уволиться из Палаты для определения дьячком в одну из московских церквей, так как знал грамоту. После медицинского осмотра его ходатайство было удовлетворено²⁰. С 1771 г. в штате Мастерской и Оружейной палаты появился свой лекарь. Как правило, лекарями были иностранцы²¹.

Многочисленны сведения о прибавке денежного жалованья хорошим мастерам, в большинстве случаев производившейся за счет так называемых «убылых» окладов. Так, 15 ноября 1731 г. мастеру Василию Якимову «за многую его алмазную работу... и резьбы камней в короны и в... ружейные уборы» было определено дополнительно к прежнему жалованью 12 рублей в год²².

Деятельность мастеровых людей Мастерской и Оружейной палаты сводилась преимущественно к чистке, ремонту и более сложной реставрации ценных предметов. Наиболее полно представлена в дошедших до нас источниках работа по починке и чистке холодного и огнестрельного оружия, хранившегося в сокровищнице

в значительном количестве. Как указывалось выше, наряду с оружейниками – мастерами станочного, ствольного и замочного дела к этой работе привлекались и мастеровые люди ряда других специальностей – столяры, кузнецы и т.д. Особенно активно ремонт и чистка оружия проводились в конце 1720–начале 1730 гг. Из документов известно о производившейся с конца октября 1727 по май 1728 г. починке и чистке ружей и шпаг, когда для выполнения наиболее ответственной и трудоемкой работы из Берг-коллегии был возвращен в Палату шпажный мастер Петр Никитин. Всего для выполнения этих работ были привлечены 32 оружейника, получавших по 4 копейки в день²³. В январе следующего года на Оружейном дворе силами 10 кузнецов и слесарей происходила разборка стволов и шпаг. С 15 июля по 15 августа 1732 г. 35 мастеров под началом ружейного старосты Андрея Кобелева вычистили и починили 830 карабинов, 40 фузей, 187 пищалей, 594 пистолета, 26 винтовок, 18 дробовиков, 1 нож с череном, 2 зеркала, отделанных янтарем и хрусталем, и выдвижной ящичек – всего 1873 предмета²⁴. О продолжении этих работ в следующем году свидетельствует протокол заседания Палаты от 30 апреля 1733 г. о выдаче 45 мастерам оружейного дела денег за срочный ремонт оружия. Тогда же Осипом Васильевым из Садовой слободы были выполнены более сложные работы – к сабельной полосе он приделал «черен ящуровый» и выложил медью ножны, а всего «за делание пяти ножен и сабельного черена» он получил 70 копеек²⁵.

Существенные работы по ремонту и чистке оружия производились в 1734 г. Тогда мастерами было вычищено и исправлено «стволов стразного железа 173, фузезя на стволе нарезка серебряная, станок с медною оправою золочен один, 100 щитов с репьями медными, лат разных калибров 74, нарамков и наколенков и наручей счетом 55 мест, шапок и сапогов малеванных разных 33, всего 515 мест». К 7 августа того же года в Большой казне Оружейной палаты ружья и ружейные уборы были вычищены и исправлены в количестве 1066 предметов, а с 28 августа по 20 сентября 34 человека под началом ружейного старосты Василия Максимова работали «у чистки ружья»²⁶.

Среди обилия сведений о деятельности мастеров оружейного дела Палаты практически нет упоминаний о производстве новых изделий. В этой связи представляет интерес журнальная запись от 23 октября 1738 г. о пропаже лат, изготовленных сторожем Палаты

Иваном Плетюхиным. Как видно из документа, указом императрицы Анны Иоанновны 21 января 1731 г. генералу и кавалеру графу П.И. Ягужинскому из Оружейной палаты были выданы вороненные латы, а 19 апреля 1732 г. к нему же в дом был отпущен Иван Плетюхин «для дела лат», которые были им сделаны и отданы Ягужинскому. Однако к 1738 г. хозяин особняка сменился, и на запрос Главного судьи Палаты о пропавших латах новый владелец дома лейб-гвардии поручик М.И. Шеховской отвечал, что у него их нет. Вероятно, пропажа так и не была обнаружена, так как упоминания о ее возвращении в Палату нет. Но интересен сам факт изготовления новых предметов. Заслуживает внимания и то, что казенный сторож Иван Плетюхин, получавший за свою службу 7 рублей 16 копеек с одной восьмой и по четыре четверти и семь четвериков с одной третью ржи и овса в год, знал несколько ремесел – слесарное, которому брался обучать учеников, правда, получив задаток, его пропил и прекратил обучение, однако не был уволен; кузнечное, так как 8 марта 1750 г. по его просьбе был отпущен на приработок в Новый Иерусалим в Воскресенский монастырь для работ в качестве кузнеца, и оружейное²⁷.

Сведения о работах по исправлению оружия в 1735–1745 гг. нами не обнаружены. Возможно, это объясняется привлечением мастеров к разбору вещей, пострадавших во время пожара в Кремле 29 мая 1737 г., затянувшемуся на несколько лет. Однако с 1746 г. ремонт и чистка оружия возобновились, правда, уже не мастерскими Палаты. Так, «компанейщикам Андрею Семенову, Михаилу Гусятникову и фабриканту Афанасью Гребенщикову» было поручено вычистить и исправить кольчуги и панцири, а 31 марта 1747 г. вычищенные и отремонтированные вещи были доставлены на прежние места, причем господа присутствующие и надзиратель Палаты «их осмотра, приняли, и дали в том квитанцию»²⁸.

Большие работы по ремонту оружейных уборов и оружия производились в 1747 г. Об их срочности свидетельствует то, что для их выполнения были привлечены мастера различных специальностей и квалификации, в том числе и довольно высокой (серебряник чеканных дел мастер Михаил Пантелеев). Всего в них были задействованы 22 человека, к которым вскоре направили еще 13 мастеров²⁹.

Затем в ремонтно-реставрационной деятельности опять наступило затишье, продолжавшееся практически до декабря 1762 г.

С этого периода до конца 1771 г. чистка и ремонт оружия и других изделий происходили практически без перерыва. В эти годы слесарями, кузнецами, станочниками и мастерами других специальностей были вычищены и исправлены ружья с принадлежащими к ним уборами, пищали, холодное оружие, предметы доспеха – латы, шлемы и в том числе и пострадавшие от пожара 1737 г. В августе 1763 г. на эти цели было ассигновано 150 рублей, а для просмотра за работниками были присланы два обер-офицера. В апреле 1766 г. 15 человек во главе с Дмитрием Кобелевым получили заработанные 20 рублей 25 копеек, из расчета 5 копеек в день. В 1771 г. к ассигнованной ранее на эти цели сумме были прибавлены дополнительные средства³⁰. Возможно, это объясняется значительными работами, проводившимися в середине 1760 – начале 1770 гг. по обустройству помещений хранилищ и приданию им экспозиционного вида³¹.

В 1782 г. в казенной Оружейной палате, расположенной в Кремлевском дворце, вверху проводилась чистка хранившихся там чепраков с седлами, лат и кольчуг, а в 1797–1798 гг., очевидно, в связи с подготовкой к коронации императора Павла I, вновь проводилась чистка и реставрация оружия как огнестрельного, так и холодного, а также конюшенных уборов. В августе 1800 г. за перечистку ружей, карабинов и других предметов слесарям Палаты было уплачено каждому по 1 рублю 50 копеек за 10 дней работы из расчета 15 копеек в день вместо прежних 4 копеек³². Позднее эта деятельность возобновилась с назначением П.С. Валуева начальником Мастерской и Оружейной палаты. В то время проводилась чистка вещей в Мастерской за золотой решеткой палате, а в декабре 1806 г. в «Московских ведомостях» было опубликовано приглашение на проведение чистки оружия за предельно сжатые сроки³³. Однако эти события уже выходят за хронологические рамки нашего исследования.

Помимо многочисленных свидетельств о работе мастеров-оружейников в Московском Кремле, в документах имеется немало фактов о привлечении их к ремонту вещей в другие учреждения. В 1727 г. неокладные мастера-оружейники были отправлены для ремонта полевой артиллерии и оружия в контору Главной артиллерии и фортификации, в 1735 г. для починки ружей в Московском арсенале были привлечены 17 кузнецов и отдельщиков вместе с ружейным старостой Василием Михайловым. В 1737 г. те же

мастера были вновь затребованы в Артиллерийскую контору «для починки ружья и слесарных работ»³⁴. Ко второй половине XVIII в. относится лишь одно упоминание об отправке мастеров оружейного дела из Палаты. В августе 1757 г. в Обер-егермейстерскую канцелярию был запрошен сын сторожа Палаты Ивана Котюрева для выполнения «...по чеканным образцам серебряных и медных приборов» для огнестрельного оружия. Руководством Палаты было решено, так как «приказного сторожа Ивана Котюрева сын Артамон 22-х лет... делает к ружьям ложи и отливные оправы медные, а в чин никакой не определен и жалования никакого ему не учинено», отправить его в Санкт-Петербург³⁵.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на значительное сокращение и отправку многих мастеровых людей в Санкт-Петербург, в Палате продолжали работать оружейники различных специальностей. Однако на протяжении всего XVIII в. шел постоянный процесс сокращения мастеровых людей. Сначала были уволены неокладные работники, затем все большее количество штатных специалистов. В 1806 г. они были заменены служащими. Тем не менее, на протяжении всего рассматриваемого периода существовали строгие критерии отбора при приеме на службу, в учреждении была развита преемственность поколений, особенно у оружейников и кузнецов. Мастерские люди имели определенные льготы – были освобождены от полицейских служб и постоев. Если в первой половине столетия ремесленники неоднократно направлялись на работу в другие учреждения, то постепенно сокращение кадров привело к тому, что с 1750-х гг. в Палату нередко были вынуждены приглашать мастеров со стороны для выполнения срочных значительных работ по чистке и ремонту оружия. Таким образом, мы можем говорить об активной производственной деятельности мастеров оружейного дела в 1700–1710 гг., в 1710–1750 гг. уже наблюдаем сокращение работников и постепенную замену производства оружия его ремонтом и реставрацией, а во второй половине столетия на фоне продолжающегося уменьшения всего штата Палаты происходит постепенное свертывание и ремонтно-реставрационной деятельности этого учреждения.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1344–1422.

² Там же. Оп. 2. Д. 974–1016.

- ³ Малицкий Г.М. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 536.
- ⁴ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 284, 617, 241; Д. 989. Л. 440–440 об., 328, 33; Д. 986, 987, 988. Об истории Оружейной палаты первой четверти XVIII в. подробнее см.: Павлович М.К. Кремлевские сокровищницы при Петре I // Петр Великий и Москва. Каталог выставки. М., 1998. С. 113–115; Павлович М.К. Оружейная палата и правители Российской империи в XVIII столетии// Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 13–21.
- ⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 295 об.
- ⁶ См.: Малицкий Г.М. Указ. соч. С. 538–539.
- ⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1659. Л. 5 об.
- ⁸ Там же. Д. 1354. Л. 74–75 об.
- ⁹ Там же. Д. 1365. Л. 202–205; 288–295.
- ¹⁰ Там же. Д. 1397. Л. 15 об. 168.
- ¹¹ Там же. Д. 1400. Л. 183–184; Д. 1404. Л. 188 об.–189; Д. 1410. Л. 164; Д. 1415. Л. 207–207 об.
- ¹² Там же. Д. 1417. Л. 263–270.
- ¹³ Там же. Д. 1422. Л. 120, 225–225 об. Штат Мастерской и Оружейной палаты. 10.03.1806 // ПСЗ. Т. XLIX. № 22054. Ч. II. С. 62.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1357. Л. 149.
- ¹⁵ Там же. Д. 1354. Л. 75 об.; Д. 1360. Л. 273–273 об.
- ¹⁶ См.: Приложение к диссертации Павлович М.К. Оружейная палата XVIII в. – учреждение, мастерская, музей. М., 1991. ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «П». Д. 6. Л. 70–71.
- ¹⁷ Там же. Л. 73.
- ¹⁸ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1363. Л. 172–172 об.
- ¹⁹ См., например: там же. Д. 1355. Л. 301; Д. 1356. Л. 48–48 об., 70.
- ²⁰ Там же. Д. 1365. Л. 260–260 об.
- ²¹ См., например: там же. Д. 1387. Л. 24 об.; Д. 1417. Л. 270.
- ²² Там же. Д. 1351. Л. 158.
- ²³ Там же. Д. 1345. Л. 145–145 об.; Д. 1346. Л. 64 об.
- ²⁴ Там же. Д. 1347. Л. 16; Д. 1351. Л. 286.
- ²⁵ Там же. Д. 1352. Л. 49–49 об. Л. 96.
- ²⁶ Там же. Д. 1354. Л. 261–261 об., 75–75 об., 100–100 об.
- ²⁷ Там же. Д. 1356. Л. 178–178 об.; Д. 1366. Л. 74–74 об.; Д. 1374. Л. 14 об.
- ²⁸ Там же. Д. 1363. Л. 62 об.–63.
- ²⁹ Там же. Д. 1356. Л. 178–178 об.
- ³⁰ Там же. Д. 1379. Л. 17, 19, 237, 13 об. 242; Д. 1378. Л. 28 об., 15 об., 198; Д. 1380. Л. 8, 182; Д. 1381. Л. 1 об., 14 об., 3 об.; Д. 1384. Л. 26 об.; Д. 1385. Л. 200 об.; Д. 1387. Л. 8, 18; Д. 1379. Л. 15; Д. 1387. Л. 8.
- ³¹ Подробнее об этом см.: Павлович М.К. К истории музея «Оружейная палата» в XVII веке// Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992. Вып. 1. С. 34–36.
- ³² См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1398. Л. 104 об.; Д. 1413. Л. 9 об., 10; Д. 1414. Л. 8; Д. 1416. Л. 142–143.
- ³³ Там же. Д. 1421. Л. 238, 315.
- ³⁴ Там же. Д. 1355. Л. 182–182 об.; Д. 1348.
- ³⁵ Там же. Д. 1373. Л. 173 об.–174.

А.М. Пастухов (Москва)

АРТИЛЛЕРИЯ «НОВЫХ ВОЙСК» ИМПЕРИИ ЦИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1880-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1890-х ГОДОВ

В конце XIX в. империя Цин проводила активную модернизацию своих вооруженных сил в рамках политики «самоусиления»¹. Новые войска, проходившие обучение под руководством иностранных инструкторов и получившие на вооружение современное оружие европейского производства, назывались «обученной армией» (кит. *лянцзюнь*). Военное строительство в Китае после подавления Тайпинского восстания (1850–1864) отличалось рядом особенностей – возросшей ролью вооруженных формирований местных провинциально настроенных милитаристов², значительными правительственными ассигнованиями, высоким уровнем коррупции, низким национальным самосознанием и непоследовательной кадровой политикой. Все это накладывало неизгладимый отпечаток на вооруженные силы империи. Однако ростки нового пробивали себе дорогу даже в непростых условиях посттайпинского Китая.

В результате проводимых преобразований к 1885 г. реформируемая цинская армия получила на вооружение крепостные и полевые орудия современных систем, что потребовало создания специального рода войск.

История развития артиллерии в период Цин до Опиумных войн

Маньчжурские войска получили первые артиллерийские орудия к 1622 г., когда хан Нурхаци (1616–1626) захватил ряд китайских крепостей на территории Ляодуна вместе с артиллерией³. Дальновидный хан оценил возможности этого вида вооружения и

приложил много усилий для развития артиллерии в своих войсках. По иронии судьбы Нурхацци умер от тяжелого ранения, полученного им в результате артиллерийского обстрела китайцами маньчжурских войск при штурме китайской крепости Нинъюань в 1626 г. Его сын и преемник Хуантайцзи (1626–1643) продолжил и развил дело отца.

Артиллерийские орудия собственного производства появились у маньчжуров в 1631 г. Когда после восстания в Дэнчжоу к маньчжурам бежали минские полководцы Гэн Чжумин и Кун Юдэ⁴, то из их солдат сформировали первые артиллерийские части и организовали отливку крупнокалиберных⁵ дульнозарядных орудий *хуньитао*. Среди перешедших на сторону маньчжуров китайских солдат было много артиллеристов, проходивших обучение в Дэнчжоу под руководством португальских инструкторов, которых возглавлял Гонсальво Тексейра.

Однако общая рыхлость структуры, свойственная феодальным армиям, длительное время не позволяла Цинам создать артиллерию как отдельный род войск. До начала 1860-х гг. в войсках империи Цин не было специализированных артиллерийских частей, за исключением корпуса *Хоцзин*, сформированного в 1691 г.⁶ и готовившего кадры, умевшие обращаться с огнестрельным оружием – фитильными ружьями и пушками разных систем и калибров⁷. Инструкторами в *Хоцзин* сначала выступали миссионеры-иезуиты, русские казаки-перевежчики⁸ и наемники – португальские артиллеристы из Макао.

В связи со спецификой военных действий в Китае в Восьмизнаменных войсках особое распространение получили малокалиберные (0,5–1,5 фунта) орудия⁹ и мортиры разных калибров. К 1690-м гг. артиллерийский парк Восьмизнаменных войск составлял не менее 300 орудий, многие образцы которых разработал талантливый оружейный конструктор и литейщик – иезуит-бельгиец Вербист¹⁰.

Цинская артиллерия хорошо проявила себя во время первой осады Албазина (1685)¹¹, когда ядра из крупнокалиберных пушек *хуньитао* насквозь прошивали укрепления острога, что послужило одной из причин быстрой капитуляции крепости¹², а также в ходе войны с Джунгарским государством (1690–1697)¹³. Это был апогей развития цинской артиллерии в период до Опиумных войн.

К периоду правления Цяньлун (1736–1796) цинские войска

применяли развитую пехотную тактику, основывавшуюся на линейных построениях вооруженной огнестрельным оружием пехоты, прикрытой рогатками и действовавшей совместно с сильной конницей, располагавшейся на флангах и во второй линии. В войсках имелось большое количество орудий, в том числе и легких полевых мортир на колесном ходу, что было обусловлено горным рельефом тех местностей, где чаще всего приходилось вести бои (Джунгария, Уйгурия, Сычуань, Тибет).

К 1810-м гг. на каждую тысячу солдат в цинской армии приходилось по 10 орудий¹⁴, которые обслуживались артиллеристами, прошедшими обучение в *Хоциин*. Артиллерия придавалась войскам по мере необходимости.

Длительный период мира (1792–1839) сыграл отрицательную роль в развитии цинской артиллерии – качество подготовки артиллеристов в *Хоциин* стало ухудшаться. Математика не изучалась, методика стрельбы разрывными снарядами из мортир была забыта. Устаревшие конструкции станков не позволяли артиллерии маневрировать на поле боя и взаимодействовать с пехотой и конницей. Крепостная и береговая артиллерия находилась в глубоком упадке – например, за артиллерийскими орудиями, установленными на стенах Пекина, никто не следил и к 1853 г. практически все они вышли из строя¹⁵.

Даже произведенная Линь Цзэсюем (1785–1850) в 1839 г. закупка более 200 орудий европейского типа у иностранных торговцев¹⁶ не могла изменить ситуацию – русский дипломат и путешественник Ковалевский отметил в своих записках, что положение китайской артиллерии критическое, и чтобы блеснуть на императорском смотре, орудия врывают в землю и несколько дней пристреливают относительно мишеней, чтобы не допустить промаха во время показательных стрельб¹⁷.

Кризис цинской артиллерии в полной мере проявился в битве при Балицяо 21 сентября 1861 г., когда концентрированный огонь сотен цинских орудий не нанес никаких потерь англо-французским войскам¹⁸. Артиллерия, как и вся военная система империи, требовала срочной реорганизации.

Первые изменения начались вскоре после поражения у Балицяо – в октябре 1861 г. в Кяхте русские инструкторы капитан И.А. Зейфорт и поручик И.И. Филиппенко начали обучение первой группы китайских солдат и офицеров в рамках программы предоставления

военно-технической помощи правительству империи Цин¹⁹. Россия была заинтересована в том, чтобы ее соседом было государство, достаточно сильное, чтобы пресечь внутренние беспорядки и оградить свой суверенитет от посягательств извне, и, в то же время, зависящее от России с точки зрения поставок вооружения и обучения военных специалистов, неспособное выступить против своего патрона.

Однако в результате сложных политических интриг русские военные не стали создателями новой китайской армии – в феврале 1862 г. занятия в Кяхте были прекращены, курсанты отозваны, а дело обучения цинских войск перешло в руки английских, французских и немецких офицеров²⁰.

За период 1862–1885 гг. в организации цинской артиллерии произошли значительные изменения – улучшалась материальная часть, в боях с повстанцами-мусульманами, организовавшими в Уйгурсии самостоятельное государство Йеттышаар (1864–1878), поддерживаемое Англией и Турцией²¹, отрабатывались новые организационные формы, личный состав обучался использованию новых видов вооружения. С открытием в 1885 г. в Тяньцзине военного училища, рассчитанного на трехлетний курс обучения и имевшего отделение для подготовки артиллеристов, можно отсчитывать новый этап в развитии артиллерии Китая.

Комплектация рядовым и командным составом

Комплектовалась цинская полевая артиллерия 2 основными путями – преимущественным был способ вербовки, характерный для подразделений, созданных в годы войны с тайпинами. Вербовку осуществляли двумя способами – либо по инициативе командира части, испытывавшей некомплект личного состава, либо вербовочным управлением²². В среднем вербуемый нанимался на 6 лет с правом возобновить контракт по истечении данного срока, с ежемесячным жалованьем в 3–4 *ляна* серебром²³, однако порой контракт мог доходить до 10, 20 лет и более. Расторгнуть контракт солдат мог только с согласия командира части и при условии нахождения себе адекватной замены. Но на деле многие милитаристы лишь формально придерживались этого правила и, получив ассигнования на содержание определенного количества солдат, зачастую не особенно старались набрать положенные штаты²⁴.

Процесс вербовки происходил следующим образом – получив высочайший приказ на формирование нового подразделения или дополнительного набора в существующие, командующий выставлял на базарной площади значки с объявлением и отбирал новобранцев, исходя из здоровья и физической силы человека. Прошлое новобранца и его моральные качества играли при выборе очень небольшую роль – среди солдат можно было видеть и одноухих, и клейменных – так в Китае отмечали людей, совершивших преступление. Подписывая контракт, новобранец давал клятву подчиняться военным законам и начальству, служить исправно в течение оговоренного контрактом срока.

Кроме того, в новые войска постоянно переводилась некоторая часть солдат из Зеленознаменных формирований, которые, по замыслу цинского правительства, необходимо было переучить применению нового вооружения и использованию современных тактических приемов. Однако переводимые в *ляньцзюнь* солдаты Зеленознаменных войск приносили с собой и традиции старой армии, от которых было крайне сложно избавиться в условиях повального казнокрадства и пренебрежения должностными обязанностями, поразивших империю на последнем этапе ее существования.

Выносливые, неприхотливые, легко обучаемые, не боящиеся смерти в бою китайские солдаты плохо спаивались в единое подразделение, будучи арифметическим набором индивидуальностей, мало заинтересованных в благе династии²⁵ и шедших на военную службу только с целью обеспечить себе постоянный источник существования. Традиционное пренебрежение армейской службой как на высшем уровне, когда чиновники гражданских ведомств и ученые литераторы считались более уважаемыми людьми, нежели офицеры и чиновники военных ведомств, так и в среде простого народа, придумавшего поговорку «если хочешь ковать гвоздь – не бери на него хорошее железо, если хочешь стать человеком – не ходи в солдаты», приводило к тому, что, даже будучи физически сильными, неплохо обученными и вооруженными, китайские солдаты зачастую не оправдывали возлагавшихся на них надежд. Мотивировать же китайского солдата для исправного несения службы было трудно – помимо сносных условий быта важно было преодолеть пропасть, разделяющую офицеров и рядовых, заставить солдат поверить в своих начальников. А это было сложнее всего –

большая часть офицеров, назначавшихся за физическую силу и смелость (точнее, за лихой вид), была невежественна и нечиста на руку²⁶. Редкие исключения в виде честных и пекущихся о деле начальников лишь подтверждали общее правило.

Комсостав низшего и среднего звена с 1885 г. проходил обучение в Тяньцзиньском военном училище. Так, будущий президент страны Дуань Цижуй (1865–1936) поступил в Тяньцзиньское училище в 1885 г. по классу артиллерии, а в 1889 г. был отправлен за казенный счет для повышения квалификации в военное училище в Берлине²⁷, где прошел двухгодичный курс обучения. Вернувшись в Китай, Дуань Цижуй был направлен в гарнизон военноморской базы Вэйхайвэй и выполнял функции артиллерийского инструктора²⁸.

Социальный и национальный состав офицерства был неоднородным – помимо определенного количества знаменных маньчжуров, чьей прямой обязанностью была служба в войсках, многие китайцы (в т.ч. из крестьян или купцов) стремились поступить на службу в армию и получить офицерский чин. Это было вызвано не столько чувством патриотизма, сколько желанием обеспечить себе определенное место в чиновной иерархии. Интересно, что в тех родах войск, где требовались специальные знания и умение обращаться со сложной техникой, офицеров-маньчжуров было меньше, чем офицеров-китайцев – невежество, традиционно культивируемое правительством среди знаменного сословия, не позволяло маньчжурам быстро овладеть новыми знаниями, а китайцы были вынуждены завоевывать свое место под солнцем путем постоянно-го доказательства своих умений и незаменимости в любом деле.

Организация полевой артиллерии

Многие русские и европейские источники сообщают, что к 1880-м годам китайцы не имели артиллерии как отдельного рода войск, указывая на то, что артиллерия придавалась отдельным батальонам по мере необходимости²⁹. Однако уже полковник Барабаш, неоднократно посещавший Китай в 1870–1880-х гг., заметил, что в почетном конвое крупного цинского военного и административного деятеля У Чэньцая³⁰, составленном из солдат всех родов войск, были и артиллеристы и что сомневаться в наличии в цинской армии артиллерии как отдельного рода войск не стоит.

Это сообщение оказывается не единственным – имеются сведения, что, помимо пехотных и кавалерийских батальонов (кит. *ин* или *ляньцзы*), в цинской армии были и артиллерийские батальоны, насчитывавшие в армии Цзо Цзунтана (1812–1885), действовавшей в Восточном Туркестане в конце 1870-х гг., по 592 человека при 38 орудиях³¹, а в войсках *ляньцзюнь* к 1894 г. – 375 солдат и офицеров. В 1860–1870-е гг. в состав артиллерийского батальона входили подразделения прикрытия, вооруженные огнестрельным, древковым и клинковым оружием, однако к 1894 г. от такого усложнения структуры отказались.

Основным структурным элементом полевой артиллерии стала 4-х орудийная батарея на конной тяге. В случае войны, как указывал полковник Бутаков, такая батарея могла быть развернута в 6-ти орудийную. Расчет орудия состоял из 5–6 человек, в т.ч. по 2 ездовых. На орудие полагалось 4–6 коней. Например, высаженный Дин Жучаном в ночь с 16 на 17 сентября 1894 г. десант в устье р. Ялу имел 80 полевых орудий Крупна с 400 конями и 500 солдатами-артиллеристами.

Артиллерия снабжалась конями, за счет выделяемых местным начальством средств, непосредственно командиром батареи, закупавшим коней в Маньчжурии и Монголии. Упряжные кони, по свидетельству очевидцев, были преимущественно китайской породы, напоминавшей русских «ломовых извозчиков»³².

Vladimir указывает, что в составе цинских «4 Великих армий», вошедших в Пхеньян летом 1894 г. для обороны города, насчитывалось всего 2 артиллерийские *ляньцзы* – 1 в армии Шэн генерала Вэй Жугуя (1836–1895) и 1 в армии Фэн, под командованием генерала Цзо Баогя (1837–1894)³³.

Кроме полевых орудий, в войсках имелись многочисленные картечницы и многоствольные скорострельные орудия, сведенные в батареи. На 1883 г. у Ли Хунчжана имелось 10 батарей картечниц Гатлинга и некоторое количество митральез французского производства. Впоследствии началось приобретение пулеметов Максима.

Артиллерия состояла на вооружении каждого батальона, расквартированного в отдельном укреплении – по 4 орудия³⁴, а также, по слухам, придавалась и коннице³⁵. Однако достоверными сведениями о наличии в составе вооруженных сил империи Цин конной артиллерии мы в настоящий момент не располагаем.

Крепостная и осадная артиллерия

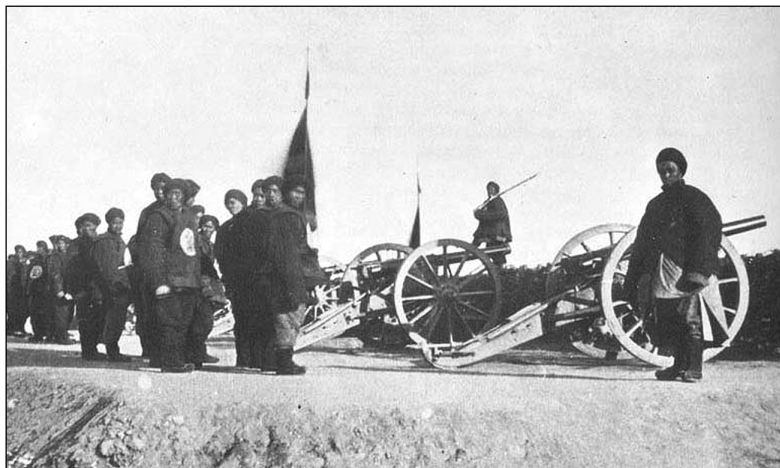
Цинская армия располагала некоторым количеством крупнокалиберных орудий производства компаний Армстронга и Круппа. Батареи военно-морских баз в Даляньвань, Люйшунькоу, Вэйхайвэе и Дагу имели большое количество тяжелых крепостных орудий калибром 120–305 мм. Наиболее часто встречались орудия калибром 152–254 мм производства заводов Круппа. Использование этого вооружения требовало особых навыков, поэтому в цинской армии имелось несколько отдельных батальонов крепостной артиллерии, имевших навык обращения не только с легкими полевыми орудиями, но и с крепостными пушками. Батальоны крепостной артиллерии постоянно находились в гарнизонах крепостей, где под руководством иностранных инженеров были построены современные береговые батареи с батарейными двориками и блиндированными помещениями для личного состава и боеприпасов. Орудия располагались на открытых позициях.

Более подробных данных о численности этих войск и их структуре нет. Известно только, что батальоны крепостной артиллерии использовались подчас как резерв для формирования новых батарей полевой артиллерии, что естественным образом не улучшало состояния крепостной артиллерии. Где готовились рядовые и командиры для крепостной артиллерии Китая, сведений пока не обнаружено. Некоторые офицеры и солдаты прошли обучение на заводах Круппа при приемке орудий. Возможно, именно они являлись инструкторами при обучении личного состава батальонов крепостной артиллерии в гарнизонах крепостей и военно-морских баз.

У цинской армии не было серьезного противника, применяющего современные фортификационные сооружения долговременно-го типа, которые приходилось бы осаждать в соответствии с правилами военной науки. Это привело к отсутствию осадной артиллерии как таковой. В целом, тяжелая артиллерия цинской армии находилась в зачаточном состоянии. Наилучшие ее части были сосредоточены в Вэйхайвэе.

Обмундирование и снаряжение

До 1874 г. солдаты наемных войск не получали обмундирования от казны³⁶. Решение о снабжении солдат обмундированием

Артиллерия на позициях, зима 1894–1895 г.
Артиллеристы одеты в зимнюю униформу

практически совпало по времени с решением о сокращении количества наемных частей, об упорядочении прохождения службы и размера денежного довольствия. Возможно, эти процессы были взаимосвязаны.

Согласно свидетельству очевидцев и иконографическим материалам, а также сохранившимся артефактам, цинские войска не имели единообразного обмундирования и зависели в этом отношении от вкусов и пристрастий местных военачальников. В основном это касалось обуви, головного убора и цвета обмундирования. Однако общая основа была традиционна – рубаха, штаны традиционного для Китая покроя, чулки и распашная куртка-безрукавка, называвшаяся по-китайски *магуацзы*, а по-маньчжурски – *курма*. За исключением *курмы*, все остальные элементы одежды, по единодушному признанию многочисленных очевидцев, ничем не отличались от одежды китайских крестьян³⁷.

Материал обмундирования был разным – использовались шерстяные и хлопчатобумажные ткани красного, синего, оранжевого, белого и, возможно, других цветов. На спине *курмы* нашивался матерчатый круг с надписью, содержащей информацию о роде войск, месте службы, а также имя командира. По старой маньчжурской традиции, большая часть солдат носила пояс под *курмой*,

выпуская ремни поясной портупей через боковые разрезы *курмы*. Примечательно, что ради экономии формально выдававшегося на год обмундирования вне строя солдаты выворачивали *курму* наизнанку, чтобы не подвергать износу внешнюю сторону, и подставляли ударам стихий подкладку из синей дабы. На *курме* унтер-офицеров делались цветные нашивки, указывавшие их чин. Некоторые варианты обмундирования допускали у *курмы* рукава.

Вне строя солдаты носили дабовые штаны и куртки, летом ходили по возможности босиком.

Обувь была разной – летом в строю солдаты надевали легкие матерчатые туфли *бусе* на стеганой подошве в сочетании с чулками и онучами. Другие носили традиционные матерчатые сапоги, также на толстой стеганой подошве. Головка и голенище делались из войлока или хлопчатобумажных тканей, проходящий по ним осевой шов и края голенища окантовывались светлой тканью, что создавало декоративный эффект. Порой на фотографиях солдат одного подразделения можно увидеть как в *бусе*, так и в сапогах.

Пехота. Обратите внимание на разницу в обуви солдат

Большое количество вариантов допускал и головной убор – почти все солдаты летом носили легкий платок, под который убирали свернутую вокруг головы косу. Цвет платка, как правило, был темный – синий или «синий с черными разводами». Чтобы защитить глаза от слепящего солнца,

солдаты применяли картонные или бумажные козырьки, подтыкавшиеся под ту часть повязки, со стороны которой светило солнце. Солдаты, расквартированные в провинции Чжили и Маньчжурии, часто пользовались соломенной шляпой типа *канотье*. На

зимой солдаты делали себе плотный тюрбан из темной материи – он был теплым и удобным. Офицеры и унтер-офицеры носили либо конические шляпы с красной кистью и цветным шариком, указывающим ранг офицера, либо традиционную чиновничью шапку с полями, также с шариком и кистью³⁸.

Предметами снаряжения цинского солдата были: патронташ в виде округлой сумки, подвешивавшейся на поясе спереди, вещмешок, непромокаемый плащ, зачастую – кусок клеенки на случай дождя, зонтик, веер, простеганное ватное одеяло, нож с палочками, чашка, фляга (из тыквы, кожаная или из другого материала). Эти вещи либо покупались солдатом самостоятельно, либо выдавались (вещмешок и патронташ) бессрочно за счет казны³⁹.

Расквартированные в Маньчжурии артиллерийские части в 1880-х гг. имели отличную своей расцветкой от других подразделений форму – черные куртки с окантовкой пунцовой узкой тесьмой. Спереди куртка застегивалась на блестящие желтые пуговицы из медного сплава⁴⁰.

Европейская картина конца XIX в., изображающая войска Ли Хунчжана, сражающиеся против японцев, дает иную цветовую гамму униформы артиллеристов – красный тюрбан, красный халат-куртка и желтая *курма* с символическим изображением разрыва снаряда, однако степень достоверности этой информации неизвестна⁴¹. Зимой артиллеристы носили толстые стеганные ватные куртки и войлочные сапоги с толстыми стегаными подошвами.

Личное оружие солдат и офицеров

Личное оружие солдат и офицеров артиллерийских частей цинской армии изучено мало. Судя по немногим сохранившимся фотографиям, офицеры имели сабли и, возможно, револьверы, приобретавшиеся самостоятельно. Солдаты имели винтовки и, возможно, длиннокалибровое оружие⁴². Количество винтовок на батарею неизвестно, а на сохранившихся фотографиях артиллеристы у орудий запечатлены без личного оружия.

Таким образом, о вооружении цинских войск можно сказать следующее: к началу войны 1894 г. наиболее распространенной винтовкой являлась однозарядная винтовка Маузера (кит. *Маосэ цян*) обр. 1871 г. калибром 11 мм. С 1888 г. в войсках появилась и более совершенная магазинная винтовка Маузера обр. 1871–1884 г.

с трубчатым магазином системы Кропачека на 8 патронов и штык-ножом, но она состояла преимущественно на вооружении лучших пехотных частей.

Винтовка Маузера обр. 1871–1884 г.

Тактико-технические данные винтовки Маузера обр. 1871–1884 г.

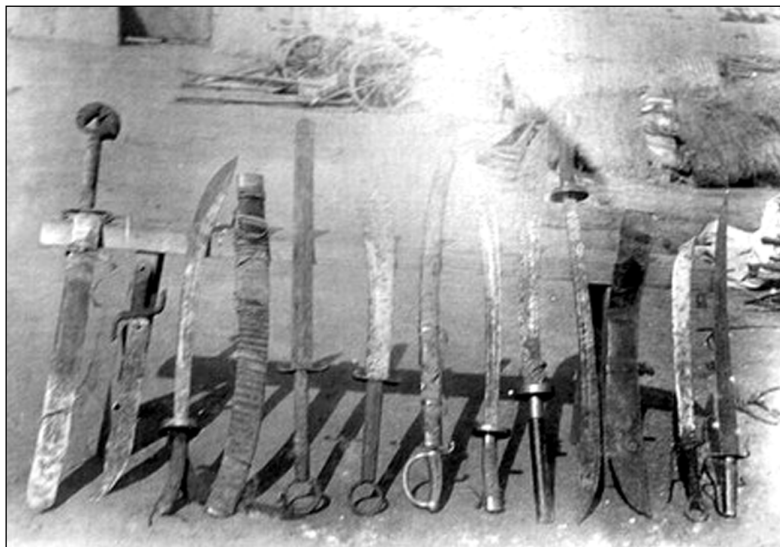
Калибр – 11 мм
Длина общая – 1292 мм
Длина ствола – 852 мм
Вес – 4,4 кг
Дальность стрельбы –
300–1600 м

Тактико-технические данные карабина Маузера обр. 1871–1884 г.

Калибр – 11 мм
Длина общая – 953 мм
Длина ствола – 648 мм
Вес – 3,2 кг
Дальность стрельбы –
200–1100 м

Клиновое оружие, как правило, представляло собой сабли типа *юэдао* с латунным прибором в стиле *юаньши*. Деревянные ножны обтягивались кожей ската и красились в различные цвета, рукоять обматывалась шелковым, конопляным или хлопчатобумажным шнуром, оружие подвешивалось на поясную португею традиционным для империи Цин способом – на поясной крюк. Однако встречались порой и сабли европейского типа.

Рядовые официально не имели сабель, хотя на фотографиях трофеев, захваченных японскими войсками после битвы при Пхеньяне (15–16 сентября 1894 г.), можно различить ряд образцов, которые не могли принадлежать кавалеристам – они имеют длинную двуручную рукоять с кольцеобразным навершием. Такие сабли появились в 1880-х–1890-х гг. и назывались *дадао*. Их неуставный вид заставляет предположить, что мы имеем дело с произвольным оружием самообороны, не подлежавшим регламентации.

Сабли, захваченные японцами при Пхеньяне. 17 сентября 1894 г.

Помимо положенного по уставу оружия, китайские солдаты имели легкий шанцевый инструмент. Основную часть инструмента для строительства укреплений и оборудования позиций перевозили на арбах в обозе⁴³. Неуставное оружие для самообороны – железные палицы, кистени, ножи – приобреталось солдатами самостоятельно, официально в строю не использовалось и регламентации не подлежало.

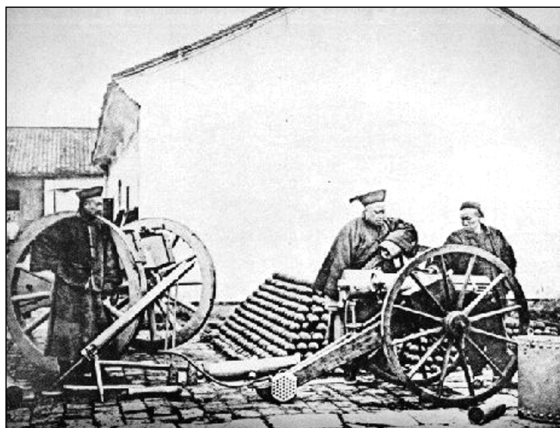
Артиллерийское вооружение

Среди состоявших на вооружении цинской армии орудий были практически все известные в те годы артиллерийские системы – от русских медных пушек, переданных царским правительством империи Цин в 1862 г., до новейших орудий производства фирм Армстронга, Вавассора и Круппа. Однако к 1890-х гг. система заказа орудий за рубежом была отработана, по крайней мере, в Хуайской армии (кит. *Хуайцзюнь*)⁴⁴ – ее полевая артиллерия преимущественно приобретала орудия Круппа разных калибров. По предположению полковника Бутакова на основании данных немецких

наблюдателей, в 1880 г. китайским правительством было принято решение о закупке исключительно орудий производства заводов Круппа⁴⁵.

К 1879 г. только с заводов Круппа в Китай было поставлено 275 полевых орудий и 150 крепостных и морских орудий разных калибров⁴⁶. В 1886 г. наместник Северного Китая Ли Хунчжан⁴⁷ располагал 42 4-х орудийными батареями из 6-фунтовых нарезных пушек Круппа, при этом планировалось увеличить количество батарей до 100⁴⁸. Судя по количеству крупповских пушек, потерянных цинской армией в боях 1894–1895 гг., эти планы были успешно исполнены.

Значительное количество картечниц Гатлинга (кит. *Гэлинь лянчжунпао*), Норденфельда (кит. *шэньцзипао*) и Гочкиса (кит. *Хацикайсы сушэпао*) с 1881 г. производилось в Цзиньлинском арсенале в Нанкине (кит. *Цзиньлин цзици чжицзаоцзюй*)⁴⁹, а со второй половины 1880-х гг. – и в других арсеналах. Большая часть таких орудий производилась в двух вариантах – морском, на стационарном лафете, и полевом, на колесном лафете.

Митральеза во дворе Цзиньлинского арсенала.
1880-е гг.

Тактико-технические данные картечницы Гатлинга:

- Калибр – 11,43 мм
- Длина ствола – 812 мм
- Вес со станком – 201,5 кг
- Охлаждение – воздушное
- Темп стрельбы – 400 выстрелов/мин

С 1888 г. в Нанкине и Тяньцзине стали собирать станковые

пулеметы Максима – новейшее по тем временам оружие, более относившееся к легкой артиллерии, чем к стрелковому вооружению. В китайской армии пулеметы называли *сайдяньцян* – «ружье, подобное молнии». Однако на испытаниях оказалось, что снаряженные черным порохом патроны сильно снижают эффективность этого оружия, и в 1893 г. его производство было решено прекратить. К началу войны было произведено всего 30 пулеметов Максима, которые были отправлены в экспедиционный корпус, направленный в Корею в июле 1894 г. Большая часть этих пулеметов была захвачена японцами в битве при Пхеньяне.

Тактико-технические данные пулемета Максим:

Длина ствола – 721 мм

Скорострельность – 600 выстрелов/мин

Боепитание – лента на 250 патронов

К 1894 г. основным орудием полевой артиллерии стала 75-мм полевая пушка Круппа обр. 1888 г. с передком.

Тактико-технические данные 75-мм полевого орудия Круппа:

Дальность стрельбы – 5000 м

Возимый боекомплект – 24 выстрела

Тип боеприпасов – шрапнель, картечь, фугасные снаряды разных типов

Помимо этой пушки, встречались и более ранние образцы крупновских орудий – 1860-х–1870-х гг., имевшие калибр 40–95 мм.

В 1893 г. в арсенале Цзяннань началось производство новейших скорострельных 120-мм орудий (кит. *Цзяннань чжэцзао сушэпао*), спроектированных с учетом применения бездымного пороха. Большая их часть была установлена на крейсерах, откомандированных в Бэйянский флот (кит. *Бэйян шуйши*) из флотилии провинции Гуандун. Оставшиеся скорострелки передали военно-морской базе Вэйхайвэй, где они были установлены на береговых батареях и приняли участие в перестрелке с японскими кораблями, поprobовавшими обстрелять базу в начале августа 1894 г.⁵⁰ О дальнейшей судьбе этих орудий и их применении в боях за Вэйхайвэй 29 января – 12 февраля 1895 г. ничего не известно.

Тактико-технические данные скорострельного 120-мм орудия производства Цзяннаньского арсенала:

Калибр – 120 мм

Длина ствола – 5 м

Вес ствола – 2728 кг

Вес станка – 2500 кг

Количество нарезов – 22

Длина нарезов – 4,3 м

Вес снаряда – 40 кг

Вес заряда – 4,5 кг бездымного пороха или 12 кг дымного пороха

Начальная скорость снаряда – 624 м/с

Скорострельность – 10 выстрелов/мин

Дальность стрельбы – 7200 м

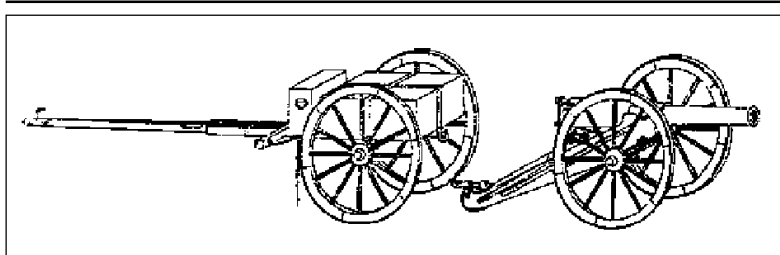
Кроме перечисленных выше, заводы Круппа и Армстронга поставляли в Китай большое количество крупнокалиберных орудий. При этом Китай активно закупал новейшие образцы артиллерийского вооружения.

Так, на батареях острова Жидао и Люгундао в Вэйхайвэе были установлены новейшие английские орудия Армстронга на поднимающихся для выстрела над барбетом лафетах с гидравлическим приводом (кит. *дицзинпао*), что увеличивало живучесть батареи – например, в феврале 1895 г. изолированная от остальной системы обороны цинских войск батарея острова Жидао смогла в течение недели противостоять всему японскому флоту, пока в результате целенаправленного массированного обстрела с японской эскадры не был подорван артиллерийский погреб, в результате взрыва которого батарея погибла.

Боевое применение артиллерии в цинской армии

Цинская полевая артиллерия, как показали события 1894–1895 гг., могла вести бой только с заранее подготовленных позиций, хотя фотографии 1870-х–1880-х гг. демонстрируют обучение артиллерийских частей сопровождению пехоты в бою.

Однако ни в одном из наступательных боев цинской армии, проходивших в условиях суровой зимы 1894–1895 г., сопровождение артиллерией наступающих пехотных частей цинской армии не отмечено. Подобные действия не зафиксированы не только на

**75-мм полевое орудие Круппа – основное орудие
цинской полевой артиллерии**

Гайпинском направлении, где в результате контрнаступления войск Сун Цина в январе-марте 1895 г. цинские войска оказались не способными вернуть утраченные осенью 1894 г. позиции, но и на Мотаньлинском направлении, где активные действия отряда генерала Не Шичэна привели к ряду поражений японских войск и отступлению их для обороны Фэнхуанчэна, имевшего исключительно важное значение для военных коммуникаций.

В описании сражения за Сонхван (29 июля 1894 г.) Не Шичэн

Орудие полевой артиллерии с расчетом. 1880–1890-е гг.

(1836–1900) указал, что он заранее приказал артиллерии занять господствующую позицию: «Тут же приказал командиру роты (*шаочжан*) Инь Дэшэну развернуть батарею (*паодуй*) на вершине юго-западной горы и при подходе противника обстрелять его»⁵¹. По данным японского автора Иноуэ Дзюкити, орудия были поставлены вокруг палаток, за земляными валами, дополнительно защищенными палисадом⁵², однако спекуляции японских авторов относительно мощных укреплений цинских войск у Сонхвана, занятого отрядом Не Шичэна только 27 июля 1894 г., не подтверждаются ни ходом боя, ни дневником самого генерала Не Шичэна (который, по словам Иноуэ Дзюкити, бежал с поля боя, бросив свою униформу и важные штабные документы, что является послевоенной фантазией не участвовавшего в сражении автора)⁵³. Единственным укрытием для цинской артиллерии в данном случае служил густой лес, покрывавший холмы вокруг станции Сонхван. Расстреляв все снаряды, цинские артиллеристы бросили их на позициях. Восемь орудий попали в руки японцев, однако о том, были ли они выведены из строя расчетами, сведений нет.

Артиллерия «новых войск» в бою. 1894 г.

В битве за Пхеньян цинские войска размещались в укреплениях типа *интань*⁵⁴, хорошо вооруженных артиллерией – так, Vladimir

отмечает на вооружении каждого укрепления как полевые, так и горные орудия⁵⁵. Капитан русского Генштаба Симанский уточняет, что во временных редутах стояли по 1 полевому орудию Круппа и по несколько картечиц Гатлинга. В полевых укреплениях артиллерия размещалась из расчета 3 полевых или горных орудия на укрепление⁵⁶.

Картечицы устанавливали, как правило, у входов в укрепленные лагеря, а также на наиболее угрожаемых направлениях при обороне долговременных укреплений.

В ходе зимнего контрнаступления 1895 г. цинская артиллерия вела огонь с заранее занятых позиций, не поддерживая атакующую пехоту. Качество управления и меткость огня описывались японцами, как не выдерживающие никакой критики, однако для объективного ответа на данный вопрос необходимо ввести в научный оборот значительное количество документов с китайской стороны, что всегда упускалось из виду большинством исследователей японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Эффективность цинской артиллерии

Общие пороки, присущие цинской армии, не миновали и артиллерии – в ней также процветали казнокрадство, показуха, многие офицеры были плохо обучены и зачастую не знали не только азов артиллерийского дела, но даже технических характеристик вооружения вверенного им подразделения. При обучении чаще всего использовались холостые снаряды, боевые стрельбы проводились достаточно редко. Как правило, это зависело от местного военачальника – в случае его заинтересованности в повышении воинского мастерства артиллеристов боевые стрельбы проводились чаще. Если он думал только о том, как набить свой карман, порох продавался на сторону и обучение на полигоне практически не производилось.

В результате эффективность артиллерийского огня цинских войск была невелика – снаряды обычно давали перелет, управление подчас отсутствовало, т.к. офицеры, получив диспозицию, наводили орудия на заранее указанные цели и редко по своей инициативе переносили огонь на другую цель по мере изменения обстановки.

Например, в сражении при Сонхване командир китайской бата-

реи Инь Дэшэн удачно отсек огнем наступление японских войск, однако общее положение в цинской артиллерии настолько не соответствовало этому частному успеху, что цинский хронист Яо Си-гуан написал об этом эпизоде так: «Тогда артиллерия [противника] стала обстреливать все наши укрепления на восточной стороне [дороги] прямой наводкой <в это время наша артиллерия ответила, но, тем не менее, не смогла поразить противника>. Позиция не устояла. В связи с этим потерпели поражение»⁵⁷. А после гибели на транспорте «Гаошэн» в бою при Пхундо (25 июля 1894 г.) большей части хорошо обученных артиллеристов Хуайской армии, срочно перебрасываемых на помощь цинскому экспедиционному корпусу в Корею, с обученным пополнением артиллерийских частей возникли серьезные проблемы⁵⁸.

Исходя из вышеизложенного, нужно признать, что материальная часть цинской артиллерии в 1894–1895 гг. находилась на высоком техническом уровне. Однако оргструктура и личный состав этого рода войск во многом не соответствовали требованиям ведения боевых действий в современных условиях. Несмотря на личное мужество и таланты отдельных военачальников, цинская армия в целом не смогла проявить себя с лучшей стороны. То же самое можно смело отнести и к действиям цинской артиллерии во время войны с Японией.

1. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.
2. Аюшин Н.Б. Огнестрельное оружие из коллекции Дальневосточного Университета / Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай (Материалы международной научной конференции). Владивосток, 1998. С. 277–294.
3. Аюшин Н.Б., Багрин Е.А. Огнестрельное оружие Дальнего Востока XIX в. Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 2010. Вып. 1. С. 200–221.
4. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М., 2002.
5. Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 3. СПб., 1883.
6. Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны. Обзор войн

европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М., 2002.

7. Ван Юйюнь и др. Гайпинсянь чжи (Хроника уезда Гайпин). Чжун-Жи чжаньчжэнь (Японо-китайская война). Т. 6. С. 315–317. Шанхай, 1956.

8. Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. СПб., 1896.

9. Дацышен В.Г. Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй половине XIX – начале XX вв. / Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 2010. Вып. 1. С. 113–130.

10. Жифан цзицзай ды Чжун-Жи чжаньши. Сюаньи (История Японо-китайской войны по японским материалам. Избранные материалы) / Чжун-Жи чжаньчжэнь (Японо-китайская война). Т. 1. С. 218–289. Шанхай, 1956.

11. Забровская Л.В. Политика Цинской империи в Корее 1876–1910 гг. М., 1987.

12. Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949.

13. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Алма-Ата, 1988.

14. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. М., 2000.

15. Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. М., 2005.

16. Не Шичэн Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода) / Чжун-Жи чжаньчжэнь (Японо-китайская война). Т. 6. С. 1–19. Шанхай, 1956.

17. Нозиков Н.Н. Японо-китайская война 1894–1895. М., 1939.

18. Пастухов А.М. Китайская фортификация периода Цин (1636–1912) / Вопросы истории фортификации. 2010. № 1. С. 4–35.

19. Пастухов А.М. Обрушим мечи на головы демонов! / Antiq. Info. 2008. № 64. С. 70–79.

20. Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004.

21. Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1. 1608–1683. М., 1969.

22. Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 2. 1686–1691. М., 1972.

23. Скачков К.А. Пекин в дни Тайпинского восстания. М., 1958.

24. Симоновская Л.В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.

25. Симанский П. Японо-китайская война 1894–1895. СПб., 1896.

26. Фань Вэньлань Новая история Китая. М., 1955.
27. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979.
28. Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю / Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 284–340.
29. Хохлов А.Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. / Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 203–242.
30. Цай Эркан и др. Чжун-Дун чжаньцзи бэньмо. Сюаньлу (Записки о войне Китая и Японии от начала до конца, избранные материалы) // Чжун-Жи чжаньчжэнь (Японо-китайская война). Т. 1. С. 166–217. Шанхай, 1956.
31. Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновой свод истории империи Цин). Пекин, 1927.
32. Чжунго дии лиши данъаньгуань гуаньцан данъань гайшу (Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Первом Китайском историческом архиве). Пекин, 1985.
33. Ян Фань. Чжунго цзюньфа ды цзуйхоу цзецзюй (Конец китайского милитаризма). Пекин, 2010.
34. Яо Сигуан. Дунфан бинши цзилюэ (Краткие записки о войне на Востоке) / Чжун-Жи чжаньчжэнь (Японо-китайская война). Т. 1. С. 1–108. Шанхай, 1956.
35. Inoue Jukichi. A concise history of the war between Japan and China. Osaka-Tokyo, 1895.
36. Parker E.H. Chinese account of the Opium War. Shanghai., 1888.
37. Vladimir The China-Japan war. New York., 1896.
38. Volpicelli Zenone The China-Japan War. Michigan., 1896.

¹ Политика «самоусиления» была провозглашена в Китае в 1862 г. В ее рамках предусматривались создание современной военной промышленности и модернизация вооруженных сил без изменения основ существующего режима. Подробнее о политике «самоусиления» см.: Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. С. 451–461.

² В ходе Тайпинского восстания на территории Китая существовало огромное множество вооруженных формирований самого разного толка. В ходе подавления восстания основные силы проправительственного лагеря составили местные вооруженные отряды китайских *иэньши*, оттеснившие утратившие боеспособность

части Восьмизнаменной армии. О важности милиционных формирований в структуре вооруженных сил противоборствующих сторон см.: Скачков К.А. Пекин в дни Тайпинского восстания. С. 310.

³ См.: Nicola Di Cosmo. European Technology and Manchu Power: Reflections on the «Military Revolution» in Seventeenth Century China. Oslo, 2000. P. 5.

⁴ См.: Симоновская Л.В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. С. 132–134.

⁵ 20–40 фунтов.

⁶ См.: Чжунго дии лиши даньаньгуань гуаньцан даньань гайшу. С. 104.

⁷ Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. С. 207.

⁸ См.: Русско-китайские отношения. 1608–1683. Т. 1. Док. № 184. С. 417.

⁹ Преимущественно пушки типа *лунтао* и *худуньпао*.

¹⁰ См.: Русско-китайские отношения. 1686–1691. Т. 2. С. 779. Примеч. 145.

¹¹ Там же. С. 692.

¹² См.: Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). С. 132.

¹³ См.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. Док. № 134. С. 330.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. С. 212.

¹⁵ См.: Скачков К.А. Пекин в дни Тайпинского восстания. С. 134–135.

¹⁶ См.: Parker E.H. Chinese account of the Opium War. P. 16.

¹⁷ См.: Хохлов А.Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. С. 207–208.

¹⁸ См.: Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. С. 312.

¹⁹ См.: Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю. С. 330–331.

²⁰ См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 73–83.

²¹ Об уйгурской армии Якуб-бека и обучении ее иностранными инструкторами см.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. С. 111–122.

²² О порядке вербовки в цинские войска см.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. С. 189.

²³ 1 *лян* = 37,3 гр. В империи Цин до 1889 г. не использовалась чеканная серебряная монета и расчеты велись весовым серебром. По курсу тех лет 1 *лян* примерно равнялся 2 русским серебряным рублям. Впоследствии *лян* сохранил свое значение как счетная единица при международных расчетах и таможенных платежах.

²⁴ См.: Ван Юйюнь. Гайпинсянь чжи. Т. 6. С. 315.

²⁵ Отставание в социально-экономическом развитии привело к тому, что к концу XIX в. в Китае не было патриотизма в современном смысле этого слова, а формирование буржуазной нации только начиналось. Патриотизм воспринимался в виде архаической приверженности правящей династии.

²⁶ О невежестве цинских офицеров-артиллеристов см.: Дацзышен В.Г. Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй половине XIX – начале XX вв. С. 116.

²⁷ Всего в 1888 г. было принято решение отправить в Германию лучших выпускников-артиллеристов. Пять из них были уроженцами провинции Шаньдун, и два – провинции Аньхуй.

- ²⁸ См.: Ян Фань Чжунго цзюньфа ды цзуйхоу цзецзюй. С. 39–40.
- ²⁹ Следуя старой традиции, когда артиллерия не составляла отдельного рода войск.
- ³⁰ Скорее всего, имеется в виду известный цинский администратор и военный деятель У Дачэн (1835–1902).
- ³¹ См.: Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. С. 74–75.
- ³² См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 63–64.
- ³³ См.: Vladimir. The China-Japan War. P. 145.
- ³⁴ По 2 стальных казнозарядных и 2 медных дульнозарядных. См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 53.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 58.
- ³⁷ См.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. С. 192.
- ³⁸ О цветовой символике цинских традиционных знаков различия см.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. С. 190.
- ³⁹ См.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Указ. соч. С. 193.
- ⁴⁰ См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 73.
- ⁴¹ Картина была опубликована в иллюстрированном журнале «Life» наряду с другими картинами, изображающими события японо-китайской войны 1894–1895 гг.
- ⁴² Например, в 1900 г. при атаке казаков на китайскую артиллерийскую позицию 4 артиллеристов встали в круг и до последнего оборонялись своими «железными мечами», пока не были перестреляны из винтовок, как было сказано в рапорте командира казачьей части.
- ⁴³ О перевозочных средствах цинской армии см. подробнее: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 88–89.
- ⁴⁴ Хуайская армия была создана в 1862 г. Ли Хунчжаном для подавления Тайпинского восстания и к 1890-м гг. была наиболее боеспособной из милитаристских формирований империи Цин, состоявших на государственной службе. Являлась фактически личным феодальным войском Ли Хунчжана, насчитывая к 1894 г. примерно 35000 солдат и офицеров.
- ⁴⁵ См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 43.
- ⁴⁶ 40 мм – 6 шт., 60 мм – 11 шт., 75 мм – 1 шт., 80 мм – 248 шт., 90 мм – 9 шт., 120 мм – 73 шт., 150 мм – 66 шт., 170 мм – 7 шт., 210 мм – 4 шт. См.: Бутаков А.М. Вооруженные силы Китая и Японии. С. 43.
- ⁴⁷ В Китае 1860–1890-х гг. Ли Хунчжан был сильнейшим милитаристом, лидером Хуайской армии. Его войска стали ядром для формирования современных вооруженных сил Китая.
- ⁴⁸ См.: Хохлов А.Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. С. 221.
- ⁴⁹ Арсенал в Нанкине был основан в 1865 г.
- ⁵⁰ По данным капитана Генштаба Симанского, перестрелки произошли 10–12 августа 1894 г. См.: Симанский П. Японо-китайская война 1894–1895. С. 72.
- ⁵¹ См.: Не Шичэн. Дунчжэн жицзи. С. 10.
- ⁵² См.: Inoue Jukichi. A concise history of the war between Japan and China. P. 23.
- ⁵³ Подробнее о проблеме укреплений цинских войск в битве у Сонхвана см.:

Пастухов А.М. Цинские полевые укрепления в битве у Сонхвана 29.07.1894 – миф или реальность? (готовится к печати).

⁵⁴ Подробный разбор устройства *инпаней* см.: Пастухов А.М. Китайская фортификация периода Цин (1636–1912). С. 13 и Дацьшен В.Г. Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй половине XIX – начале XX вв. С. 118–119.

⁵⁵ См.: Vladimír. The China-Japan War. P. 146.

⁵⁶ См.: Симанский П. Японо-китайская война 1894–1895. С. 79.

⁵⁷ Яо Сигуан не был ни участником, ни очевидцем боя. Его данные разительно расходятся с данными дневника Не Шичэна, командовавшего китайским отрядом в этой битве. Таким образом, его упоминание о том, что Инь Дэшэн не смог эффективно использовать артиллерию в бою, является плодом его фантазии, основанной на реальном положении в большей части артиллерийских частей.

⁵⁸ См.: Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. С. 96.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ СВЯЗЬ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Использование средств правительственной связи в годы войны произвело революцию в управлении войсками
К.К. Рокоссовский

В Наставлении по связи Вооруженных Сил Российской Федерации указано, что к такому виду, как телефонная связь, относится высокочастотная правительственная связь.

До тридцатых годов XX в. обеспечение органов государственной власти в нашей стране возлагалось на Народный комиссариат почт и телеграфов, который в 1932 г. был переименован в Народный комиссариат связи. В то время безопасность связи руководящего состава СССР практически была не обеспечена. Чтобы устранить этот недостаток, Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР начало создавать выделенную сеть междугородной высокочастотной связи, которая отличалась от сети связи общего пользования специальными мерами защиты, как организационными, так и техническими, которые бы обеспечивали невозможность перехвата информации. Такую разновидность телефонной связи стали условно называть «ВЧ связь», которая являлась основой будущей системы правительственной связи СССР, т.е. Специальной электросвязи для нужд управления государством.

Начало работы ВЧ связи относится к 1930 г., когда такая связь была организована с городом Харьковом, а функция ее обеспечения возложена на четвертое отделение Оперативного отдела

ОГПУ, возглавляемое И.Ю. Лоренсом. Датой создания ВЧ правительственной международной связи является 1 июня 1931 г. В этом же году состоялся Приказ ОГПУ от 10 июня 1931 г. № 308/183 «4 отделение переименовать в 5 отделение (техническое) с теми же функциями».

В 1931 г. ВЧ связь была организована с Ленинградом, в 1932 г. — со Смоленском и Минском, в 1933 г. — с Горьким и Ростовом-на-Дону.

В 1934 г. на ленинградском заводе «Красная Заря» была запущена в производство аппаратура системы многократного телефонирования СМТ–34, которая позволила по одной цепи организовать три высокочастотных канала в диапазоне частот от 10 до 39 кГц. В 1935 г. была создана более совершенная трехканальная система СМТ–35. Она работала в диапазоне частот от 6 до 29 кГц.

В 1934 г. ОГПУ было объединено с органами внутренних дел. Это было связано с образованием союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). На него было возложено руководство правительственной связью.

Когда задача многоканального уплотнения линий связи была решена, основное внимание стало уделяться вопросам засекречивания телефонных переговоров. Это было вызвано тем, что при обеспечении и организации связи с передачей в линию более высоких частот, утечка информации исключалось только тогда, когда непосредственно к этой линии подключалась аппаратура, работающая в речевом спектре. Однако информацию можно было перехватить, подключив к линии алогичную ВЧ аппаратуру (например, на конечных станциях и промежуточных усилительных пунктах Наркома связи). Кроме того, поместив длинноволновый приемник с антенной вблизи линии, все разговоры можно было прослушать. В то время своей аппаратуры засекречивания в СССР не было. Поэтому в 1937 г. были направлены запросы в американские и европейские фирмы по поводу закупки такой аппаратуры. Некоторые иностранные фирмы ответили отказом, а какие-то предложения оказались для нашей страны неприемлемы.

Задача исключения перехвата информации стала решаться силами технических подразделений НКВД совместно с научно-исследовательскими организациями и промышленными предприятиями. Вначале были созданы простейшие устройства, которые искажали речь при передаче, а затем с помощью таких же устройств

при приеме убирали эти искажения и восстанавливали речь. Это были устройства, которые преобразовывали речь в виде инверсии частотного спектра и обеспечивали защиту речи от прямого прослушивания ее в линии связи. Но, имея такой же аппарат, эту речь можно было восстановить.

В 1937 г. на заводе «Красная Заря» были изготовлены первые аппараты маскирующего действия – инверторы ЕС–2. Два опытных образца были установлены на канале ВЧ связи между Москвой и Ленинградом.

К началу 1939 г. маскирующей аппаратурой были защищены каналы ВЧ связи с девятью городами СССР. В том же году в НИИС Наркомата связи была создана специальная лаборатория во главе с В.А. Котельниковым. Личный состав лаборатории, учитывая недостатки маскирующей аппаратуры, стал работать над созданием такого устройства, в котором характер преобразования изменялся бы во времени по закону, «известному только корреспондентам, ведущим связь, и восстановить речь даже при наличии аналогичного аппарата было бы невозможно». Новая лаборатория создала аппарат «Соболь–П», в котором частотные преобразования речевого сигнала сочетались с перестановками его отрезков по времени, однако это был опытный образец.

К июню 1941 г. наша промышленность справилась с задачей выпуска маскирующей аппаратуры и ей были полностью оснащены все каналы правительственной связи. Однако начавшаяся Великая Отечественная война не дала возможность претворить в жизнь многое, в том числе и промышленный выпуск телефонной аппаратуры засекречивания для правительственной связи.

30 июня 1941 г. был образован чрезвычайный орган – Государственный Комитет Оборона (ГКО) во главе с И.В. Сталиным. Возникла острая необходимость в организации засекреченной телефонной связи с фронтами. При штабах фронтов и некоторых отдельных армиях стали срочно создаваться подвижные группы ВЧ связи, которые перемещались с этими штабами.

Это была очень сложная задача, т.к. не было опыта работы в полевых условиях – аппаратура ВЧ была громоздкой. Например, аппаратура СМТ–34 не предназначалась для транспортирования и по своим габаритам (только ее высота составляла 2,5 м) не могла установиться в кузове автомобиля и поэтому эксплуатировалась в горизонтальном положении.

23 августа 1941 г. ГКО было принято постановление о мероприятиях по междугородней телефонной связи со штабами фронтов и особо важным оборонным объектам. В этом постановлении одним из пунктов была «немедленная» организация производства аппаратуры для ВЧ связи на базе цеха дальнейшей связи завода «Красная Заря», который был эвакуирован в Уфу.

2 октября 1941 г. приказом НКВД СССР в составе наркомата было создано самостоятельное подразделение – Отдел правительственной связи (ОПС) под руководством М.И. Ильинского.

По техническим условиям ОПС в 1942 г. была создана портативная двухканальная аппаратура ВЧ телефонирования НВЧТ–42 (оконечная «Сокол–О» и промежуточная «Сокол–П»), которая работала в спектре 2,6...9,2 кГц и использовалась для организации прямых каналов ВЧ связи с фронтами.

В течение 1942 г. были разработаны: полевая трехканальная аппаратура «Сойка» и «Стриж»; низкочастотный телефонный дуплексный усилитель «Селезень» для организации связи фронт–армия; портативная абонентская установка с маскирующей аппаратурой «Снегирь», которая монтировалась вместе с источником электропитания в небольшом чемодане и предназначалась для связи представителя Ставки ВГК и командующего фронтом при их выезде в пункты, где не было станций ВЧ связи; маскирующая аппаратура «Синица»; прибор маскировки телефонной передачи «Соловей» в одном корпусе с полевым телефонным аппаратом УНА–И.

С назначением Г.К. Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего в августе 1942 г. для него была специально оборудована возимая станция ВЧ связи, которая перемещалась вместе с ним во всех его поездках по фронтам Великой Отечественной войны вплоть до ее окончания. Этой станции был присвоен позывной «Бритва».

В лаборатории НИИС были созданы 10 аппаратов «Соболь–П», и уже в июле 1942 г. два образца использовались на канале радиосвязи Москва–Тбилиси. Данная аппаратура состояла из трех отдельных блоков, в которых осуществлялись электрические преобразования речевых сигналов, и сложного электромеханического узла, обеспечивающего магнитную запись и воспроизведение этих сигналов, шифрование и синхронизацию. Постановлением ГКО от 18 августа 1942 г. для серийного изготовления этой аппаратуры был привлечен завод им. Кулакова в блокадном Ленинграде.

В 1942 г. была разработана шифрующая аппаратура «Сова», которая использовалась в комплекте с аппаратурой «Сокол». В октябре того же года завершилось создание переносной шифрующей аппаратуры «Волга» и в январе 1943 г. началась ее серийная поставка. В это же время на заводе им. Кулакова началась разработка нового типа полевого шифратора «Нева–П». К середине 1944 г. завод стал выпускать модернизированные аппараты «Соболь–Д» и «Нева–С».

Таким образом, шифрующая аппаратура «Соболь», «Сова», «Нева» в период войны выпускалась серийно и использовалась для связи фронтов, армий с Москвой и между собой.

В Великой Отечественной войне аппаратура телефонной ВЧ правительственной связи сыграла исключительную роль при управлении войсками и способствовала успешному выполнению боевых операций.

Маршал Советского Союза И.С. Конев так отзывался о ВЧ связи:

«Надо вообще сказать, что эта связь ВЧ, как говорится, нам была Богом послана. Она так выручала нас, была настолько устойчива в самых сложных условиях, что надо воздать должное и нашей технике, и нашим связистам, специально обеспечивавшим эту связь ВЧ и в любой обстановке буквально по пятам сопровождавшим при передвижении всех, кому было положено пользоваться этой связью».

1. Андреев Н.Н. и др. Российские телефонные шифраторы – от первых шагов до наших дней // Радиотехника. № 8. М., 1998.

2. Валдаев С.А. Связь, которая не подведет. М., 2001.

3. Конев И.С. Сорок пятый. М., 1966.

4. Пересыпкин И.Т. Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973.

В.В. Пенской (Белгород)

ПОХОД ДМИТРИЯ ЖИЛКИ И ПЕРВАЯ ОСАДА СМОЛЕНСКА РУССКИМИ В 1502 ГОДУ

В истории отношений России и Великого княжества Литовского (позднее Речи Посполитой) «смоленский вопрос» был одним из самых главных и болезненных на протяжении столетий. Так, московские послы весной 1504 г. в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» заявили, что прочному миру между двумя государствами не бывать до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться «...вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города...». Они «...с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина». И литовские послы, после перехода Смоленска под власть Москвы, также обуславливали заключение «Вечного мира» возвращением города под власть великих литовских князей, как это было, например, в 1559 г.¹

Чем было обусловлено такое пристальное внимание Москвы и Вильно к вопросу, в чьих руках пребывает этот старинный город, не вызывает сомнений. Город по праву именовался «ключом Москвы», но вместе с тем точно также мог называться и «ключом Вильно». Как писал отечественный историк В.П. Мальцев: «...для Москвы овладение Смоленском открывало широкие возможности военного и торгового продвижения как на юг – по Днепру в земли Северскую и Киевскую, так и на запад – по Западной Двине в землю Полоцкую». Взяв Смоленск, московские государи делали чрезвычайно важный шаг на пути собирания под своим скипетром «наследия Ярослава Мудрого». Для Литвы же утрата Смоленска неизбежно означала угрозу ускорения распада государственности и ее поглощения по частям неуклонно усиливающимся восточным соседом².

В свете этого становится очевидным, почему после того, как Иван III в ходе серии пограничных конфликтов конца XV в.

сумел отнять у Литвы ряд пограничных, «верховских», земель, его взоры обратились к Смоленску. Обладание этим стратегически важным городом и мощной крепостью не только надежно закрепило бы за ним и его наследниками приобретения предыдущих десятилетий на западе, но и создало бы удобный плацдарм для продолжения наступления на Литву.

Поводом для начала войны для Ивана стало обращение к нему двух северских князей, Семена Можайского и Василия Шемячица, возжелавших перейти на службу великого князя со своими людьми и уделами. Удовлетворив их челобитье, Иван послал в литовские пределы свои полки, и 14 июля 1500 г. на р. Ведроши рать воеводы Юрия Захарьича Кошкина и пришедшая ему на помощь «тверская сила» князя Д.В. Щени наголову разгромила литовское войско под началом гетмана князя К. Острожского.

В отечественной историографии принято вслед за С. Герберштейном подчеркивать большое значение этой битвы, однако, соглашаясь с такой ее оценкой, как это сделал, к примеру, Ю.Г. Алексеев, или не соглашаясь, как Н.С. Голицын³, отметим, что на судьбе Смоленска, который был, пожалуй, важнейшей целью этой войны, блистательная победа на Ведроши не сказалась никак. Казалось бы, после разгрома гетмана Острожского дорога на Смоленск была открыта, однако ни в 1500, ни в 1501 гг. русские полки к его укреплениям так и не подошли. Создается впечатление, что Иван III не ожидал, что война начнется вот так – с ошеломляющей победы, и не был готов развить успех дальше. А, может, зная о мощи смоленских фортификационных сооружений, он решил не испытывать судьбу и, опасаясь смазать эффект от ведрошской победы, предпочел действовать наверняка.

Так или иначе, но впервые о походе на Смоленск Иван III заявил лишь осенью 1500 г., когда в «памяти» своему посланнику в Крыму И.Г. Мамонову он писал, что намеревается, «даст Бог», «послать своих воевод со многими людьми по первому пути, как снег ляжет, к Смоленску и к иным местом к литовским»⁴.

Однако тогда своего обещания московский государь не выполнил. Почему? Позднее он так объяснял своему союзнику, крымскому хану Менгли-Гирею I, отмену намеченного было похода – его ратные люди, без перерыва «воевавшие» Литву на протяжении лета и осени 1500 г., устали, да еще и потому, что с наступлением зимы «снеги выпали велики, да и корму коньского от Смоленска мало, не

на чем многим людям стояти городов доставати»⁵. В конечном итоге неважно, эти ли причины или какие-то другие привели к тому, что июльский успех 1500 г. не был развит. Значение имеет другое – набранный было темп был утрачен, в войну на стороне литовцев вступил Ливонский орден, открыв тем самым «второй» фронт. Блестяще начатая война грозила перерасти в затяжной и изнурительный конфликт, что явно не входило в планы Ивана III, озабоченного множеством внутренних проблем.

Стремясь переломить изменившийся не в лучшую сторону ход войны, в кампанию 1502 г. московский великий князь решил, наконец, нанести удар по Смоленску. Но прежде чем перейти к описанию этого похода, несколько слов об источниках и историографии вопроса.

Русские источники по истории кампании 1502 г. и осады Смоленска достаточно четко делятся на три основные группы. Это летописи, разрядные книги и дипломатические документы. К сожалению, их информативность неравнозначна. Разрядные книги, что официальный «государев разряд», что частные, составлялись задним числом⁶ со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно полноты и точности внесенной в них информации. В итоге все они дают лишь самое общее представление о смоленской кампании 1502 г.⁷

Увы, немногим более информативны и русские летописи. В большинстве летописных списков известия о кампании 1502 г. очень кратки⁸. Правда, в некоторых летописях содержатся указания на даты «отпуска» Дмитрия Ивановича с ратью к Смоленску и его возвращения в Москву, что позволяет уточнить хронологию похода⁹. Особняком стоит достаточно подробный рассказ о кампании 1502 г. на смоленском направлении в Типографской летописи¹⁰.

Дополняют летописные свидетельства и сведения, что можно почерпнуть из разрядных книг, материалы дипломатической переписки Ивана III с его союзником, крымским ханом Менгли-Гиреем I¹¹.

Столь же неравнозначны и свидетельства с «той» стороны. Польские хроники (Б. Ваповского, М. Меховского, М. Кромера и, более поздние, М. Бельского и М. Стрыйковского) весьма лаконичны и немногословны в описании событий 1502 г. под Смоленском¹². Поэтому большой интерес представляет переписка великого князя литовского Александра Казимировича¹³. И в заключение

отметим, что на фоне польских и даже русских хроник в лучшую сторону своей обстоятельностью (относительной, конечно) выделяется так называемая «Хроника Быховца»¹⁴.

Теперь несколько слов об историографии вопроса. В дореволюционной исторической литературе поход 1502 г. не нашел должного отражения. Так, в энциклопедической по объему материала «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева ему уделено всего лишь одно предложение¹⁵. Не очень популярной была эта тема и в советской историографии – в большинстве работ, так или иначе затрагивавших историю внешней политики Ивана III и его войн, смоленская неудача 1502 г. упоминалась коротко, в нескольких словах или строках¹⁶.

Не слишком изменилось положение и в постсоветское время. Первая осада Смоленска оказалась в тени победного для полков Ивана III сражения на Ведроши и ливонских походов 1501–1502 гг.¹⁷ Правда, Ю.Г. Алексеев в своей последней работе по истории походов Ивана III подробно остановился на событиях лета – осени 1502 г. на смоленском направлении¹⁸. Интересную трактовку событий под Смоленском летом – осенью 1502 г. сообщает М.М. Кром¹⁹. Одним словом, появился интерес к изучению истории как войны 1500–1503 гг., так и кампании 1502 г. Сделаем и мы свой скромный вклад в изучение тех далеких событий.

Не останавливаясь подробно на характеристике смоленских фортификационных сооружений²⁰, отметим лишь, что современники сходились на том, что Смоленск был для своего времени «крепким орешком». Так, Иоасафовская летопись отмечала, что Смоленск «град же имае твердость, стремнинами гор и холмов высоких же затворено и стенами великими укреплено...»²¹. К этому добавим, что сила любой крепости заключается не только в ее укреплениях, но и в силе духа ее защитников. В нашем случае (при том, что литовский гарнизон Смоленска в кампанию 1502 г. был немногочислен – согласно данным белорусского историка Ю.М. Бохана, под началом смоленского наместника Ст. Кишки находилось 7 пеших наемных рот общей численностью по спискам 803 пехотинца и 27 всадников²²) – смоленской шляхты и смоленских мещан. Великие литовские князья помнили об этом, и постарались как можно прочнее привязать смолян к себе, выдав городу несколько грамот и привилеев, закреплявших особый статус Смоленска. Поэтому обращение князя Александра Казимировича к жителям Смоленска в

1493 г. с надеждой, что в случае войны с Москвой его верные подданные ему послужат и «замок наш Смоленск в целости будет захован»²³, не осталось втуне.

Однако в Москве полагали, что превосходство в силах и в особенностях в артиллерии позволит успешно разрешить все трудности, и еще зимой 1501–1502 гг. начали готовиться к походу. Посылая 3 марта к Менгли-Гирею сына боярского А. Заболотского, Иван III передал с ним грамоту, в которой сообщал хану, что он намерен «воевод своих со многими людми на Литовскую землю и на Неметскую послать часа того, да и детей своих хотим оже даст Бог отпустить, и сами оже даст Бог всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги дело свое делати, сколько нам Бог пособит»²⁴. При этом великий князь выражал надежду, что его союзник не останется в стороне от предпринимаемого большого похода и если сможет, тоже отправится воевать Литву²⁵.

Спустя некоторое время план наступления на Смоленск стал приобретать зримые очертания. Заметим, что, по мнению Ю.Г. Алексеева, попытавшегося, опираясь на противоречивые свидетельства разрядных книг, реконструировать сущность этого плана, Иван и его штаб задумали одновременное наступление на Смоленск с трех сторон – с северо-запада («сила новгородская»), востока (главные силы русского войска под началом сына великого князя Дмитрия Жилки) и северо-востока («тверская сила»)²⁶. Однако, на наш взгляд, такая реконструкция представляется ошибочной, поскольку с трудом, а то и вовсе не согласуется с показаниями летописей и, что самое важное, польских источников. Прежде всего это касается «силы новгородской». Увести с собой большую и лучшую часть новгородских ратников в момент, когда можно было ожидать нового вторжения ливонцев, было бы глупо, и вряд ли Иван III, осторожный и расчетливый стратег, пошел бы на такой чрезмерный риск.

Столь же проблематичным представляется и участие, во всяком случае, на первом этапе смоленской осады, «тверской силы». Этого не скажешь об участии служилых князей, недавно перешедших на службу Ивана III. Из переписки Александра Казимировича следует, что это были И.М. Воротынский, М.Р. Мезецкий, В.И. Шемячич и С.И. Можайский, а также, возможно, С.Ф. Воротынский²⁷.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении сведений, мы полагаем, что план Ивана III заключался в следующем. Отказавшись от организации крупномасштабного наступления на

северо-западном направлении, но сохранив там достаточно сильную группировку войск на случай, если ливонцы попытаются выступить, великий князь решил нанести главный удар на Смоленск. Он справедливо полагал, что взятие этого стратегически важного города позволит ему завершить войну. Действия Менгли-Гирея против союзника Александра Казимировича хана Большой Орды Шейх-Ахмеда позволяли Ивану рассчитывать, что с юго-востока его владения будут в безопасности. Поэтому полки северских и верховских князей могут быть направлены против Литвы с задачей обеспечить беспрепятственное выдвижение к Смоленску главных сил московского войска. «Тверская сила», как можно предположить, по замыслу государя всея Руси должна была послужить стратегическим резервом и могла быть брошена в нужный момент или против ливонцев, или на помощь осаждающей Смоленск рати.

Боевые действия в 1502 г., судя по всему, начались с серьезной задержкой. Причиной тому была необычайно суровая зима и холодная затяжная весна²⁸. Начинать поход до того, как просохнут дороги и не взойдет первая трава, было бессмысленно. В итоге В.И. Шемячич «со товарищи» выступил на Смоленск лишь во 2-й половине мая 1502 г. и, как писал 9 июня того же года великий литовский князь, в первых числах июня их передовые отряды под началом 4-х служилых князей появились в окрестностях города²⁹. Смоленскому наместнику пану Станиславу Кишке пришлось спешно готовиться к осадному «сидению». В предстоящем испытании ему приходилось рассчитывать только на свои не очень многочисленные силы, ибо мобилизация литовских войск запаздывала. Как отмечал польский историк Т. Коржон, Александр не имел под рукой сколь-нибудь значительного войска, с которым можно было немедленно выступить навстречу русским³⁰, сбор посполитого ружения требовал немало времени, а соглашение с ротмистрами о дополнительном найме жолнеров завершилось лишь к середине июня и когда еще наемные роты смогут приступить к боевым действиям!³¹ Одним словом, русские имели неплохую фору, однако выступление главных сил московской рати состоялось лишь в середине июля. Очевидно, Иван III попридержал полки, собранные еще в мае, ожидая вестей из степи – как там развивалось противостояние между Шейх-Ахмедом и Менгли-Гиреем.

Благоприятные вести пришли в конце июня³², и московская военная машина наконец заработала, ее колеса стали вращаться все

быстрее и быстрее. Спустя 4 дня после появления в Москве гонца с новостями с юга, 2 июля 1502 г. в поход выступили авангарды главной рати. 14 июля великий князь проводил из подмосковного села Воронцово, что на Калужской дороге, своего сына Дмитрия «да воевод своих, князя Василия Даниловича Холмского да Якова Захарыича, и иных воевод своих и многое множество воинства, да и посошные с ними были» «с пушками, и со всеми приправами на добывание замков»³³.

К сожалению, точных данных о численности рати, отправившейся добывать Смоленск, нет. Можно лишь представить, опираясь на косвенные данные, сколько ратных людей могло отправиться с Дмитрием Жилкой в этот поход. Всего под Смоленск ушло 5 полков – большой, передовой, правой и левой рук и сторожевой. Без В.И. Шемячича, который, как было показано выше, уже был под Смоленском, полками командовали 15 воевод³⁴. Согласно грамоте, отправленной 5 августа вместе с литовскими послами от Александра Казимировича его брату кардиналу Фредерику, временно управлявшему Польшей, 4-тысячный отряд московитов во главе с князем Можайским приближался к Полоцку³⁵. Однако С.И. Стародубский (Можайский) был 1-м воеводой передового полка, и логично было бы предположить, что 4 тысячи людей – это весь усиленный лучшими людьми от других полков передовой полк. Всего же, по аналогии с другими походами начала XV в., можно предположить, что в войске Дмитрия Жилки насчитывалось до 13,5–15 тысяч детей боярских и их послужильцев, несколько тысяч «срубленных» с городов пицальников и артиллерийской прислуги – в любом случае не более 20 тысяч. Кроме того, рать сопровождало и множество небоевого элемента – кошевых, посошных (на плечи которых легли все саперные работы во время осады, ремонт дорог, мостов и пр.) и др.

Вся эта масса людей, лошадей, телег со всевозможными большими и малыми артиллерийскими орудиями и ручницами, ядрами, «зельем», провиантом, фуражом, лагерным и необходимым для ведения осады (туры, фашины, мешки, саперный инструмент и т.д., и т.п.) имуществом медленно, с трудом преодолевая раскисшие от непрерывных дождей дороги³⁶, двигалась к Смоленску.

В первых числах августа 1502 г. рать Дмитрия вышла на непосредственные подступы к Смоленску, о чем свидетельствовал Александр Казимирович³⁷. Стоявшие ранее в окрестностях города

служилые князья вместе с передовым полком двинулись дальше на запад. Как позднее наказывал передать Менгли-Гирею Иван III, пока его сын стоял под Смоленском, «люди... ходили да землю воевали: город <...> Оршу изгнали и выграбили и волости все и за Мстиславль по Березыню и по Видбеск и по Двину выграбили и выжгли и людей в полон ввели, а Витебска посады пожгли...»³⁸. Главные силы в 20-х числах августа подошли вплотную к Смоленску, загнали жолнеров Кишки и смоленских бояр в город³⁹, обложили его плотным кольцом и приступили к осадным работам. Как сообщала литовская «Хроника Быховца», московиты, пребывая под Смоленском, «воевали на вси стороны, а город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали, и за великими турами, насыпаючи песком и землею, невымовныя штурмы на него чинили»⁴⁰. Очевидно, что, окружив город, ратники Дмитрия Жилки и посоха возвели батареи, заложили траншеи и под прикрытием непрерывной канонады, «лучного боя» и стрельбы из ручниц стали приближаться шаг за шагом к городскому рву, готовясь к последнему броску.

Смоляне, однако, упорно держались, рассчитывая на помощь великого литовского князя Александра Казимировича. Проходил день за днем, а все усилия русских воевод оставались втуне – никаких признаков того, что осажденные готовы сложить оружие и открыть ворота, не было. Тем временем великий литовский князь, пытаясь выиграть время, предложил Ивану III начать мирные переговоры. Иного выхода у него пока не было – сильную полевую армию собрать никак не получалось. Естественно, что Иван III ухватился за такую возможность закончить войну. Однако, желая вместе с тем обрести лишний козырь в дипломатической игре, 27 августа он отправил в лагерь Дмитрию Жилке дьяка Ивана Телешова. Дьяку было приказано передать князю отцовский наказ «города бы есте Смоленска доставали, и дело наше и земское делали, посмотря по делу, как вас Бог вразумит и как вам Бог поможет»⁴¹. Вместе с тем Иван III накрепко наказывал сыну вести себя осмотрительно и в случае, если смоляне будут «сидети крепко» или, паче того, появятся известия о том, что великий князь литовский наконец-то высылает войска на помощь осажденным, немедленно известить его – неудача на подступах к Смоленску могла иметь чрезвычайно негативные последствия для хода переговоров. Поэтому великий князь и требовал от сына осторожности, обещая в случае

необходимости немедленно прислать помощь – в готовность были приведены свежие полки во главе с другим сыном Ивана, Василием, и татары, касимовские и казанские⁴². И можно с высокой степенью уверенности предположить, что вслед за гонцом к Смоленску отправилась «изо Ржевы в Литовскую землю воевать» «тверская сила», 5 полков во главе с князьями М.И. Булгаковым и А.Ф. Голениным (7 воевод, до 4–4,5 тысяч ратников)⁴³.

К моменту прибытия под Смоленск свежих сил и великокняжеского дьяка с посланием от Ивана III (а это случилось в первых числах сентября) ситуация снова изменилась. По слухам выходило, что Александр вроде бы наконец-то собрал 35-тысячное войско, которое стоит в Луцке, а сам великий литовский князь с 4-тысячным отрядом расположился в Новгородке и часть своих людей послал к Смоленску⁴⁴. Правда, в лагере осаждающих еще не знали о том, что Менгли-Гирей, исполняя свое обещание, в середине августа отправил в набег на Литву двух своих сыновей, Фетх-Гирея и Бурнаш-Гирея, с немалым войском (порядка 10 тысяч всадников)⁴⁵. В первых числах сентября «царевичи», как позднее писал Ивану хан, «со мною ратью двема дорогами поехали, один на Литовскую землю Островские города прошед полтретьятцать день ходил и воевал и зажигал и много полону взяв, добр здоров воротился; а меньшей мой сын, лятцкая была рать к королю пошла, и он встретив, за тою ратью погонил, до Кракова города десять миль не дошед, воротился и много городов разорив и много полону взяв, добр здоров приехал». К тому же и молдавский господарь Стефан, родственник Ивана III, захватил, воспользовавшись затруднительным положением Александра Казимировича, спорные земли в Поднестровье⁴⁶. Так что великому литовскому князю было не до посылки сколько-нибудь серьезной помощи смолянам и оставалось надеяться только на то, что Смоленск выстоит своими силами.

Однако, подчеркнем это еще раз, под Смоленском об этом еще не знали, а сосредоточение под его валами многотысячного войска создавало для русского командования множество проблем. Осада затягивалась, лагерь осаждающих утопал в грязи, начались болезни и проблемы со снабжением. Это и немудрено, поскольку смоленская округа, где с начала лета шли боевые действия, к сентябрю была выжжена и опустошена дотла. Доставить же провиант, фураж, «зелье» и ядра из Москвы в условиях «безпуты» становилось все сложнее и сложнее. Иван поторапливал Дмитрия и его воевод,

требуя ускорить разрешение смоленского «вопроса».

Испытывая давление со стороны «ставки» (термин Ю.Г. Алексеева) и понимая, что дальнейшее затягивание осады будет только способствовать истощению сил русского войска, Дмитрий Жилка решил штурмовать Смоленск. По его приказу 16 сентября русские полки пошли на приступ, но были отражены. При этом, как сообщали торжествующие победители Александру Казимировичу, был убит один из русских воевод, командовавших штурмом, по имени Палецкий (вероятно, речь шла о 1-м воеводе сторожевого полка «тверской силы» князе Ф.И. Палецком, который, правда, погиб спустя 4 года под Казанью⁴⁷, а здесь, следовательно, был ранен) и разбита одна из русских «бомбард»⁴⁸.

Неудача была крайне болезненна, а тут еще из-под Орши, занятой русскими, в лагерь Дмитрия прибежали беглецы. Они сообщили, что жемойтский староста Станислав Яновский неожиданно объявился под городом, атаковал русских и разбил их, заставив оставить город. Вышло, что в Полоцке стоит большая литовская рать (сам литовский князь писал, что в Полоцке стоят 1 тысяча конницы и 5 тысяч пехоты⁴⁹), намеревавшаяся перейти в контрнаступление и деблокировать осажденный Смоленск⁵⁰.

Все эти новости в конечном результате привели к тому, что Дмитрий Иванович, посоветовавшись с воеводами, отдал приказ начать отступление. 17 сентября русские снялись со своих позиций, свернули лагерь и начали отступление, «граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно»⁵¹. Главные силы с Дмитрием прибыли в Москву спустя почти месяц, 23 октября⁵², но часть рати осталась в «Литовской земле» и дальше ее «воевать». Можно предположить, что это были полки В.И. Шемячича «со товарищи»⁵³.

Итак, первая попытка взять Смоленск закончилась болезненной неудачей. Объясняя ее причины, Дмитрий доложил отцу, что он потерпел поражение из-за того, что де «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушашя». Разгневанный Иван беспощадно расправился с ослушниками, повелев многих из них казнить, бить кнутом на площади или кинуть в тюрьму⁵⁴. Но очевидно, что не в этом крылась главная причина неудачи, и не в слабости московской артиллерии, как полагали, например, К.В. Базилевич и А.А. Зимин

(на ошибочность этого предположения указывал М.М. Кром)⁵⁵. Первая осада Смоленска наглядно продемонстрировала всю сложность этого предприятия и те проблемы, которые нужно будет решать в случае новой осады – как взломать действительно мощнейшие по тем временам укрепления Смоленска и как решить проблему снабжения осаждающих войск. И последняя являлась едва ли не самой сложной. Вряд ли случайно Иван III подчеркивал в сношениях с крымским ханом Менгли-Гиреем именно это обстоятельство, отписывая союзнику, что его сын «Смоленска не взял затем, что <...> пришла великая рать, ино корму не стало, не на чем было стояти города доставати»⁵⁶.

Вместе с тем русскими был получен и определенный положительный опыт. Первая осада, длившаяся более чем 3,5 месяца, показала, что смоляне могут рассчитывать только на свои силы. За все это время великий литовский князь так и не смог собрать значительную полевую армию, которая могла бы решиться на деблокаду осажденного города. Однако силы горожан явно были не беспредельны, и можно было рассчитывать измотать их, не прекращая боевых действий на протяжении столь длительного времени, сколько потребует для того, чтобы уставшие от военных тягот и разочаровавшиеся в своем сюзерене смоляне сами открыли ворота города перед воеводами московского князя. Одним словом, при определенных условиях тактика измора могла оказаться более эффективной, чем лобовой штурм города. И, как показали дальнейшие события, именно такой подход позволил русским в конце концов взять Смоленск.

¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487 по 1533 год) // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее СБРИО). Т. 35. СПб., 1882. С. 460; Там же. Т. II (1533–1560) // СБРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 576–577.

² Мальцев В.П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки. Вып. 8. М., 1940. С. 73.

³ См.: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 391; Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. II. СПб., 1878. С. 89.

⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. // СБРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 338.

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 79.

⁷ См.: Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по

1565 г.). М., 1901. С. 31–32; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 34; Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 69–70.

⁸ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 369. Ср.: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 296; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 197; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 144; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 373; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 257; Русский Хронограф // ПСРЛ. М., 2005. С. 515; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Ч. II. СПб., 1913. С. 576.

⁹ См., например: Вологодская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 173; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 242; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 256.

¹⁰ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 214–215.

¹¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. С. 423–425, 433, 434, 439, 451, 452, 453–454, 461, 532. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 335.

¹² Kronika Polska Marcina Bielskiego. Warszawa, 1830. P. 71; Kronika Polska Marcina Kromera. T. II. Krakow, 1882. P. 1355–1356; Mathias de Mechovia. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521. P. CCCLXIV; Kronika polska, litewska, zmodzka I wszystkij Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846. P. 317; Croniconum Bernardi Varovii // Scriptores rerum polonicarum. T. II. Cracoviae, 1874. P. 50–51.

¹³ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. (1501–1506) // Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XIX. Cracoviae, 1927. P. 99–102, 124, 128, 140, 152, 157, 162, 165.

¹⁴ См.: Западнорусские летописи. Список Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 562.

¹⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 112.

¹⁶ См., например: Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001. С. 439–440; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1972. С. 191–192.

¹⁷ См., например: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 46.

¹⁸ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426–430.

¹⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. С. 207–209.

²⁰ О смоленских укреплениях начала XVI в. см., например: Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 50–79.

²¹ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 161. Ср., например: Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 325.

²² Бохан Ю.М. Наемная войска у Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. Мінск, 2004. С. 14.

²³ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее АЗР). Т. I. 1340–1506. СПб., 1846. С. 216.

²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымс-

кой и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 383.

²⁵ Там же. С. 384.

²⁶ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426–427.

²⁷ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 100, 124.

²⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 414, 419.

²⁹ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 100.

³⁰ Korzon T. Dzieje wojen I wojskowosci w Polsce. T. I. Lwow-Warszawa-Krakow, 1923. P. 253.

³¹ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 101–102.

³² Там же. С. 420.

³³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 368; Т. XVII. С. 562. Т. XXIV. С. 214. Т. 37. С. 173.

³⁴ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. С. 31–32; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 34. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 69–70.

³⁵ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 124.

³⁶ О погоде, стоявшей летом и осенью 1502 г., см.: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.

³⁷ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 128.

³⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 439, 461.

³⁹ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 140.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XVII. Стб. 562.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. С. 335.

⁴² Там же. С. 335.

⁴³ Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 72.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 433, 452.

⁴⁵ Там же. С. 432, 452.

⁴⁶ Там же. С. 469.

⁴⁷ См.: Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 680.

⁴⁸ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. P. 165.

⁴⁹ Ibid. P. 153.

⁵⁰ Ср.: Kronika Polska Marcina Kromera. Т. II. P. 1355–1356.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 214–215; Т. 37. С. 173.

⁵² Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 369.

⁵³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 439, 454.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.

⁵⁵ См.: Базилевич К.В. Указ. соч. С. 440; Зимин А.А. Указ. соч. С. 192; Кром М.М. Указ. соч. С. 209.

⁵⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 439.

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНОЗЕМНОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РОССИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА*

Как известно, в XVII в. иноземные офицеры сыграли существенную роль в создании полков «нового строя» и длительное время оставались весомой частью офицерского корпуса России. Однако история этой «иноземной» части российского офицерства известна все еще недостаточно. До сих пор одним из наиболее значимых трудов в этой области остается сжатый исторический очерк А.З. Мьшлаевского¹. Появившиеся в последнее время работы (в частности, исследования С.П. Орленко, А.В. Малова, Т.А. Опариной, Т.А. Лаптевой²) начинают заполнять обозначившийся пробел и вносят много ценного в понимание истории формирования корпуса офицеров-иноземцев, однако общие тенденции его развития все еще рисуются достаточно смутно. Но все же ряд архивных источников позволяют частично продвинуться в его изучении.

В нашем распоряжении имеются два списка иноземных офицеров, относящихся к 1681 г. и 1701 г., то есть разделенных практически двадцатилетним промежутком. Оба они относятся к переломным моментам в истории России и являются памятниками «времени реформ». Один принадлежит ко времени завершения реформ Федора Алексеевича, частично изменивших военную организацию России, и был составлен сразу по окончании русско-турецкой войны 1673–1681 гг., в ходе военно-административной реформы 1680 г., намечавшей деление страны на военно-административные

* Статья подготовлена при поддержке стипендии фонда Герды Хенкель и Германского исторического института в Москве

округа-разряды³. Второй относится к периоду начала строительства Петром сухопутной регулярной армии и появился в обстановке первых военных реформ (1699–1700), которые только начали менять военную структуру страны и пока еще не успели кардинально затронуть иноземный офицерский корпус (уже потрясенный Нарвой). Сопоставление данных этих списков помогает представить нам состояние иноземного офицерского корпуса России к началу царствования Петра I и общие тенденции его развития в предшествующий двадцатилетний период – от начала царствования Петра до начала Северной войны. К сожалению, представить в общих чертах, так как списки далеко не полны. Они включают лишь часть иноземного офицерского корпуса России.

Оба списка являются частью финансовой документации приказов и учитывают офицеров в связи с проблемой выплаты им жалованья.

Первый из них давно известен в историографии и указан еще П.Н. Милюковым, затем несколько некритически и частично использовался А.В. Черновым⁴ и некоторыми другими исследователями. Точнее, это не общий список, а набор отдельных поранговых списков офицеров, разбросанных среди другой документации Иноземного приказа⁵. Они сведены нами в единый комплекс. Условно назовем его «Списком 1681 г.», хотя он относится к сентябрю – концу января «190-го года», то есть, строго говоря, к 1681–1682 гг.

«Список 1681 г.» составлен по двум основным группам офицеров. Первая – офицеры Московских полков, ведомые непосредственно в Иноземном приказе и состоящие в основной ведомости на жалованье из него. Вторая – «демобилизированные» офицеры, снова направленные по окончании последней кампании русско-турецкой войны в Иноземский приказ из ведомства Разряда (в первую очередь, офицеры белгородских полков, проходившие службу в Белгородском разряде и, видимо, во время войны получавшие жалованье из него), а теперь возвращаемые на службу в Москву (и на жительство в Иноземную слободу) и, соответственно, требующие теперь жалованье из Иноземского приказа. Если вопрос о выплате жалованья «московским» офицерам был решен еще в сентябре 1681 г., то «белгородцы», возвратившиеся в Москву по окончании кампании, видимо, не ранее поздней осени, поставили вопрос о жалованьи уже в январе 1682 г. и тогда же были удовлетворены в своей просьбе и, соответственно, учтены в приказной документации.

Жалование им определялось отдельным указом (хотя и на основе тех же принципов, что и «московским») и выдавалось по отдельным «ведомостям», составленным по офицерским рангам, каждую из которых предваряла отдельная челобитная лиц этого ранга (полковников, майоров, ротмистров и т.д.) с просьбой о выдаче жалованья. Данные челобитных и справки Иноземского приказа о действительности службы челобитчиков и послужили для нас основным источником по восстановлению структуры и персонального состава части иноземного офицерского корпуса времен конца царствования Федора Алексеевича. Ученные нами по фамилиям офицеры охватывают не все ранги (в московских полках – до прапорщика, в белгородских – до капитана), таким образом, мы имеем дело с выборкой, однако с выборкой достаточно репрезентативной и почти сопоставимой с данными 1701 г., так как последние также не позволяют учесть поименный состав офицеров в основном в ранге до поручика.

Номинально в списках учтено 383 офицера в московских полках (включая двух отставных) и 248 – в белгородских⁶. Всего 631 офицер. Исследователи обычно ограничиваются данными «московской» части списка, в связи с чем иногда делают выводы о резком сокращении числа иноземных офицеров по окончании русско-турецкой войны, чего в действительности, видимо, не было. Однако даже «сводный» список из 631 офицера явно не охватывает весь иноземческий офицерский корпус, поскольку за его пределами, видимо, оказалась часть иноземных офицеров, еще ведомых на тот момент в территориальных разрядах и приказах России. Вероятно, он не включает тех офицеров, которые остались нести службу в Белгородском разряде (точнее, в группе южных разрядов – Севском, Северском, Белгородском и Тамбовском), а также в Новгородском и Казанском разрядах, Малороссийском приказе. Список, в частности, не содержит имени хорошо известного нам Патрика Гордона, который находился на Украине и в тот момент был уже генерал-майором, – и, вероятно, имен еще целой группы иноземных офицеров, в том числе и значимой части лиц в штаб-офицерских рангах. По встречающимся в деле упоминаниям мы могли бы добавить еще, как минимум, три-четыре десятка офицеров, не попавших в наш «московско-белгородский» список – в частности, 23 офицера, тоже возвращенных осенью 1681 г. из ведомства Малороссийского приказа в Иноземный⁷. Таким образом,

иноземный офицерский корпус России насчитывал ко вступлении на престол Петра I, вероятно, по меньшей мере 700 иноземных офицеров.

Из отмеченных в номинальном списке 631 офицера нами учтено по фамилиям 442 человека, то есть 70,05 % всех учтенных в списках офицеров, и, главное, практически все офицеры в штаб-офицерских рангах (от полковника до майора), что позволяет почти полностью охарактеризовать попавший в списки командный состав русской армии на полковом уровне. Если принять во внимание, что наибольшее известное нам за XVII в. число иноземных офицеров составило на 1696 г. 924 человека⁸, то в нашем списке учтена по именам, вероятно, как минимум, половина иноземного офицерского корпуса России начала 1680-х гг. Такая выборка, вероятно, достаточно репрезентативна, чтобы проследить общие тенденции в состоянии офицерского иноземного корпуса России.

Эти 442 офицера поделены нами на группы по условной этнико-географической принадлежности (офицеры с «западноевропейскими» и «незападноевропейскими» фамилиями). Представители второй группы имеют по преимуществу славянские фамилии, и большинство их, видимо, происходит из Литвы и Польши, но она включает также и часть неславянских фамилий с греческими, восточными мусульманскими и другими корнями. Деление условно, так как основано на внешних экспертных оценках фамилий, в связи с чем в «славянские» могут быть занесены и некоторые западноевропейские фамилии (так, в частности, один из капитанов-новокрещенов с фамилией Романовский носит имя «Иван, Кашпиров сын», а французский офицер Жан де Грон превратился в 1652 г. при крещении в Антония Грановского⁹). Тем не менее, при всей вероятности отдельных ошибок, такое деление позволяет в общих чертах оценить тенденции в развитии и общую структуру «иноземной части» офицерского корпуса России, в котором явно преобладали выходцы из Западной Европы.

К «западноевропейцам» принадлежат представители 208 из 338 фамилий (61,54 % фамилий) и 301 офицер из учтенных 441 (68,1 %), то есть более двух третей учтенных иноземных офицеров. Это говорит и о более прочной почве «западноевропейцев» для укоренения в офицерском корпусе: средний коэффициент представителей на одну фамилию составляет для них 1,44 человека на фамилию. По меньшей мере, 64 «западноевропейских» фамилии (30,8 %)

имеют в армии двух и более представителей; 20 из них (9,6 %) – более трех офицеров (по три человека – Бордовики, Буши, Вестовы, Вульффы, Девсоны, Камбели (Камолы), Клеры, Крейки, Кро, Лоронты, Рейгары, Трауэрнихты, Фан Вердены, Шневенцы, Шульцы; от четырех до шести – Гамонтоны, Гулицы, Кары, Франки, Шарфы). Конечно, среди них могут быть и однофамильцы, но в общем наши данные отражают определенную тенденцию – «западноевропейцы» уже образуют семейные кланы, имеющие больше шансов закрепиться и удержаться на службе.

Подобный же коэффициент для «славян» – 1,08 человека на фамилию, то есть основная масса лиц из этой второй группы представлена в основном одиночками. Только 11 фамилий из 130 (8,5 %) имеют по два представителя и ни одного – более двух. Последнее обстоятельство служит дополнительным фактором слабости «незападноевропейской» части офицерского корпуса, которая и так в структуре его составляет заметное меньшинство – 130 фамилий из 338 (38,5 % фамилий) и 141 офицера из 442 (31,9 % офицерского корпуса). Таким образом, «незападноевропейцы» составляли менее трети иноземного корпуса и занимали в нем гораздо менее прочные позиции.

Это видно и по структуре офицерских рангов (см. таблицы 1, 2, диаграммы 1, 2. Все таблицы и диаграммы см. в конце текста). При общей доле в офицерском корпусе почти в треть, «незападноевропейцы» дали всего 10 из 99 полковников и подполковников (10,1 %), их количество и удельный вес начинает расти в основном в оберофицерских рангах, где в чинах от ротмистра до поручика они дали 83 из 200 офицеров (41,5 %). Это видно и на диаграмме 5, рисующей структуру чинов в среде «незападноевропейцев» в сравнении с аналогичной диаграммой 3 для «западноевропейских» офицеров. Так что уделом «незападноевропейцев» оставались в основном офицерские должности «ротного» плана с относительно невысокими доходами и статусом, что, вероятно, тоже не стимулировало желания прочно закрепиться на русской службе.

Сложившаяся ситуация отразилась и на результатах правительственной политики по «перекрещиванию» офицеров, как известно, активно проводившейся с 1653 г. и направленной на интеграцию иноземных офицеров в русское общество¹⁰ (ибо тогда главным критерием подданства было не понятие национальности, а православное вероисповедание).

Ядро верхушки проанализированной нами части иноземного офицерского корпуса (лиц, имеющих ранги от генерал-поручика до подполковника) составляли офицеры с западноевропейскими фамилиями (91 из 101 известных по именам из учтенных в списках, то есть 90,1 %), и лишь 12 человек из них (13,2 %, то есть чуть более чем *одна восьмая* часть высших офицеров из западноевропейцев) были крещены, в то время как среди 10 полковников и подполковников со славянскими (польскими и литовскими фамилиями) были крещены 7 человек (70 %). К сожалению, не все списки четко указывают новокрещенных в других офицерских рангах. Однако по достаточно достоверным данным, относящимся к группе «белгородских» офицеров-иноземцев, процент новокрещенных с неславянскими фамилиями среди западноевропейцев в этой группе заметно возрастал в рангах ротмистра и капитана (13 из 43 человек), то есть почти до трети (30,2 %). Но и после этого общее число «новокрещенов» в ранге от генерала до капитана (14 из 81 офицера) все-таки составляло 17,3 %, то есть менее *одной пятой* от «белгородских» офицеров-западноевропейцев в этих рангах. Доля «новокрещенов» среди «белгородцев» со славянскими фамилиями в тех же рангах, напротив, составила 71,4 % (20 из 28 человек). Таким образом, основную массу офицеров среди «новокрещенов-белгородцев» составили офицеры с «славянскими» фамилиями (почти две трети, 58,8 % всех новокрещенных), несмотря на то, что их доля в общем составе офицеров-«белгородцев» в этих рангах была относительно невелика и чуть превысила четверть (28 из 109 человек, то есть 25,8 %).

Офицеры с незападноевропейскими фамилиями, скорее всего, составили и основную массу «новокрещенов» во всем иноземном офицерском корпусе России. Вероятно, роль сыграло и то, что, происходя в основном из Польши и Литвы, они были в большинстве своем католиками, что представлялось для русского общества менее терпимым, чем протестантизм части «немцев». Но, возможно, огромную роль сыграла и принадлежность к офицерским «низам», ибо именно для них крещение было более актуально, поскольку открывало возможность повышения в чине или сопровождалось денежной компенсацией («жалованьем за крещение»), составлявшей к началу 1680-х гг. для офицеров ротного звена уже значимую сумму (для прапорщиков – от 8 до 20 р., то есть примерно двухмесячное жалованье при окладе от 4 до 7 р. в месяц)¹¹. Одним из

примеров подобной мотивации служит челобитная француза Ивана (до крещения – Алферия) Яковлева сына Демедергиуса, пожалованного «в 189-м году» в Торопце после крещения в православие стольником и воеводой кн. Я.С. Борятинским в капитаны: «...а которые, Государь, моя братья крестились в православную христианскую веру, и те чинами повышены и твоим Великого Государя жалованием взысканы...», а потому «...вели, Государь, меня чином переменить, и свое государево жалование за крещение выдать...»¹².

Но эти мотивы были все-таки менее действенны для офицеров-западноевропейцев. По подсчетам А.З. Мышлаевского, даже в 1696 г. «новокрещены» составляли 455 из 794 иноземных офицеров, то есть 57,3 % (хотя общее количество офицеров-иноземцев определялось им в 924 человека), причем он тут же отметил, что они состояли «преимущественно из поляков и литовцев»¹³.

Элита иноземного офицерского корпуса России, состоявшая в основном из офицеров-западноевропейцев, несмотря на правительственные усилия, не спешила переходить в православие¹⁴, и, несмотря на то, что зачастую принадлежала к династиям, уже прочно осевшим в России, предпочитала сохранять свою религиозную идентичность и право возможного отъезда из России.

Как видно из таблицы 1 – 94,2 % полковников в 1681 г. принадлежало к западноевропейским фамилиям. Надо сказать, что офицеры-иноземцы составляли весомую часть высшего командного состава полков «иноземного строя» в России – даже наши неполные данные об иноземном офицерском корпусе в 1681 г. учли 52 полковника (номинально по двум спискам полковников-иноземцев должно было быть 55 человек). «Роспись перечневая ратным людям...» 1680 г., по подсчетам А.В. Чернова, учла 41 солдатский и 26 копейных и рейтарских полков (по подсчетам А.З. Мышлаевского – 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских)¹⁵, то есть в общей сложности к полкам «иноземного строя» накануне составления наших списков относились 67–74 полка (что почти эквивалентно не только по численности, но и по структуре будущей полевой армии Петра I – 42 полевых пехотных и 33 драгунских полка по табели 1711 г.¹⁶). Таким образом, иноземцы-полковники должны были составлять по меньшей мере 82 офицера – 74 % полковничье-его корпуса полков «иноземного строя» в России.

К сожалению, мы не можем более точно установить внутренний этнический состав офицеров-«западноевропейцев», поскольку

наши списки не фиксируют их происхождение, да и в целом, как отмечали исследователи, даже в более широкой по тематике приказной документации происхождение фиксировалось нечасто¹⁷. Внешняя экспертная оценка фамилий позволяет говорить о достаточно значительной доле выходцев из Германии. Так, в частности, в высшем доступном на тот момент для иноземцев чине генерал-поручика и фактически у руководства корпусом иноземных офицеров находились в конце 1670-х гг. два немца – бывший комендант осажденного в 1677 г. Чигирина¹⁸ Афанасий Федорович Трауэрнихт и Франц Вульф (Улф)¹⁹. Исследователи склоняются к выводу о преобладании немцев в офицерском корпусе второй половины XVII в., о чем свидетельствуют также наблюдения современников и преобладание лютеранских церквей в Немецкой слободе²⁰. Однако русские транскрипции иноземных фамилий не всегда дают представление об их реальном написании и звучании, и для действительно качественного анализа внутренней этнической структуры иноземного офицерского корпуса требуются точные сведения о происхождении основной массы лиц, которыми мы не располагаем.

Таковы некоторые общие характеристики иноземного офицерского корпуса к началу вступления на престол в 1682 г. (менее чем через полгода после составления вышеуказанных списков) малолетнего Петра I.

Но как изменился иноземческий офицерский корпус спустя примерно поколение, через двадцать лет, к началу Северной войны и активного реформаторства повзрослевшего царя?

Состояние иноземного офицерского корпуса России на начало Северной войны мы можем оценить по спискам, которые фактически были «ведомостями на жалованье», являющимися частью расходной документации приказов, сведенной в окладную книгу Ближней канцелярии, которая отражает расходы приказов на 1701 г.²¹ К сожалению, эти списки тоже не полны: во-первых, они не называют пофамильно офицерский состав гвардейских полков (Преображенского и Семеновского); во-вторых, они не называют, как правило, по фамилиям прапорщиков, что тоже ограничивает наши представления о персональном и «фамильном» составе иноземного офицерского корпуса; в-третьих, они не разделяют «новокрещенов» от служивых иноземцев, не принявших православия; в-четвертых, они не везде указывают четко деление на русских и

иноземцев, что несколько искажает общие подсчеты; в-пятых, они включают ряд отставных и плененных под Нарвой офицеров, которые уже не находились на действительной службе. Однако они дают сведения почти по тем же категориям и рангам офицеров, что и «Список 1681 г.», это позволяет нам проанализировать их совместно и уловить некоторые тенденции, связанные с развитием иноземческого офицерского корпуса за прошедшие со времени составления первых списков два десятилетия. Тем паче, что общий подсчет иноземных офицеров (с возможными некоторыми погрешностями) дает нам почти то же их число, что и в 1681 г., а именно – 637 офицеров. Естественно, что с учетом гвардейских офицеров-иноземцев и других неучтенных оно также должно быть несколько большим. Как ни странно, и по именам нам известно примерно такое же количество офицеров, что и в 1681 г. – 474 человека, что составляет 74,4 %, то есть три четверти учтенного в списках иноземного офицерского корпуса (см. таблицу 2), являющихся в общей сложности представителями 363 фамилий.

Анализируя «ведомости» по тем же принципам, что и списки 1681 г., мы можем сделать следующие наблюдения.

Поделив их, как и ранее, на две группы по географически-этническому принципу, мы замечаем схожие тенденции (см. диаграммы 4 и 6).

«Западноевропейская» часть иноземного офицерского корпуса сохраняет в списках почти те же пропорции, что и в 1681 г. К ней принадлежат 145 из 474 офицеров (30,6 %), представленных 121 из 363 фамилий (33,3 %). Как видим, «славяне» даже несколько сократили свою долю в структуре корпуса (приблизительно на 1,3 %), но более существенно – по фамилиям (почти на 5 %), что, видимо, отчасти явилось и следствием того, что в 1681 г. они не имели устойчивых династий и фамилии скорее пресекались. К 1701 г. ситуация несколько (но тоже незначительно) изменилась: средний коэффициент для них составляет 1,2 офицера на фамилию, что даже ниже показателя 1681 г. для западноевропейских офицеров (1,44 человека на фамилию), то есть они снова в основном представлены офицерами-одиночками. Однако теперь и для «западноевропейцев» можно говорить о формировании династий – уже 17 фамилий (14% фамилий) имеют в офицерском корпусе двух и более представителей; если в «Списке 1681 г.» мы не регистрировали ни одной фамилии, где было бы более двух представителей,

то теперь таковые появляются – по меньше мере 5 родов (Иваницкие, Островские, Селунские, Федоровы (которые могут быть и просто однофамильцами), Шинкеевы) имеют по 3 представителя в офицерском корпусе, а Роговские – даже 4 человека.

Как и ранее, в целом «незападноевропейцы» составляют около трети иноземного офицерского корпуса. Они по-прежнему уступают «западноевропейцам» и в статусе: их нет в составе генералитета, но в рангах полковников и подполковников их число возрастает до 23 из 128 (с 10,1 % в 1681 г. до 18 %). Таким образом, «незападноевропейцы» составляют уже почти пятую часть офицеров в этих рангах, что все-таки меньше их общей доли в составе офицерского корпуса (30,6 %). Их основным уделом по-прежнему остается служба в чинах «ротного» плана (от ротмистра до поручика), где они составляют 89 из 232 офицеров (38,4 %), то есть сохраняют почти тот же удельный вес, что и раньше. Однако их доля среди учтенных майоров существенно возросла – с 25 % до 38,1 %, и за истекшие двадцать лет они заметно укрепили свои позиции прежде всего в штаб-офицерских чинах.

Но, как и ранее, доминирующие позиции в иноземном офицерском корпусе в 1701 г. по-прежнему занимают офицеры-«западноевропейцы».

329 известных по именам офицеров-«западноевропейцев» (69,4 % учтенных офицеров-иноземцев) представляли 242 фамилии (66,7 % фамилий). Таким образом, их доля в офицерском корпусе практически не изменилась (выросла всего на 1,3 % по числу людей), но несколько увеличилась в составе фамилий (на 5,2 %, с 61,5 до 66,7 %).

Они по-прежнему решительно преобладают в иноземном офицерском корпусе, хотя доля их в штаб-офицерских рангах (от полковника до майора) несколько уменьшилась. Теперь они составляли 85,5 % полковников, 78,8 % подполковников и 61,9 % майоров. Но, тем не менее, высшие офицерские должности (в том числе и генеральские) оставались в основном вотчиной «западноевропейцев» – их доля в составе этих рангов была существенно выше, чем в целом в структуре иноземного офицерского корпуса.

Они по-прежнему отличаются и более четко выраженной устойчивостью отдельных родов. Средний коэффициент одновременно служащих в армии представителей одной фамилии, пусть и не существенно, но все-таки вырос до 1,49 человека. Однако число

фамилий с двумя и более представителями сократилось с 64 до 58 и составило 23,97 % от общего числа «западноевропейских» фамилий; 24 фамилии (9,9 %) имеют 3 и более представителей, что почти в два раза выше, чем по тому же показателю у офицеров-«славян» (4,96 %); 8 фамилий имеют от 4 до 6 офицеров (Гулицы – 6; Вестовы, Гордоны, Трейдены – по 5; Бордовики, Фан Делдины, Франки, Цей – по 4). Все это свидетельствует о том, что, с одной стороны, офицерский «западноевропейский» корпус пополнился и несколько размылся за эти двадцать лет за счет притока новых членов, но с другой – сохранил при этом достаточно устойчивое ядро из группы офицерских «кланов».

Последнее наблюдение подталкивает нас к проблеме преемственности и динамики иноземного офицерского корпуса. Верно ли представление о том, что он непрерывно менялся, резко обновляясь за счет притока новых «искателей счастья» из-за рубежа, а условия службы в России обуславливали своего рода «текучку» в нем?

Анализ структуры фамилий «западноевропейцев» в списках 1681 г. и 1701 г. показывает, что общими в них являются по меньшей мере 87 фамилий (41,8 % из общего числа в списке 1681 г.; 36 % фамилий – из списка 1701 г.), к которым принадлежали соответственно 48,8 % и 45,3 % офицеров. Следовательно, почти половина офицеров-западноевропейцев принадлежала к фамилиям, служившим еще в 1681 г., и «западноевропейский» офицерский корпус за эти двадцать лет не так уж существенно поменял свой состав, имея основой уже прочно осевшие в России офицерские династии, часть из которых восходила еще к «первому призыву» 1630-х гг. (например, Росформы и Лесли). Список встречающихся как в 1681 г., так и в 1701 г. фамилий следовало бы, конечно, расширить по меньшей мере на 3–4 фамилии: в нем не учтены в 1681 г. Гордоны (хотя Гордон служил уже генерал-майором); Брюсы – полковник Брюс, отец Якова и Романа, скончался за год до составления списка, а сами они были малолетними для службы; для начала XVIII в. – Кро и Трауэрнихты (между тем, полковник Захарий Кро был убит в 1700 г. под Нарвой²², а сын новокрещенного уже в 1681 г. генерала-немца Трауэрнихта полковник Дорофей Афанасьевич Трауэрнихт благодаря крещению уже интегрировался в российскую элиту и в 1701 г., будучи зятем еще не выпавшего из фавора А.А. Винниуса, оказался воеводой в Енисейске, в Сибири²³). С их учетом, как минимум, 90–91 фамилия из списка 1701 г. (37,19 %);

эти фамилии представляли в 1701 г. 156 офицеров из 330 (47,28 %) и служили по меньшей мере с 1680 г. до 1700 г.

Следовательно, служба в России и ее материальное обеспечение, несмотря на все недостатки, связанные с приказной волокитой, видимо, была достаточно привлекательной для иностранцев. Естественно, гораздо более привлекательной для «верхов» офицерского корпуса, чем для его «низов»: жалование иноземного полковника на 1681 г. в 45–50 р. в месяц (даже с учетом третного, выплачиваемого в мирное время в меньшем объеме – в 221 р. 50 коп. – 246 р. 85 коп. в год)²⁴, державшееся почти весь XVII в. после понижения окладов в 1634 г.²⁵ и составлявшее в 1701 г. в объеме полного годового оклада сумму от 420 до 600 р. в год (третного – от 164 р. 50 копеек до 235 р.)²⁶, представляло не столь уж несущественную сумму. Если принять для первой четверти XVIII в. среднюю сумму ренты с одной души м.п., по подсчетам Б.Н. Миронова, в 54,8 коп. для 1700–1710 г.²⁷, то жалование полковника в 1701 г. в военное время по полному годовому окладу окажется эквивалентным доходу с помещичьего имения в 766–1095 душ, а в мирное время при выплате третного жалования, – с имения в 303–429 душ (что было сопоставимо с доходами по меньшей мере среднего слоя аристократии – так, например, в начале XVIII в. в Центральном Черноземье в среднем на один из 112 титулованных родов (но *род*, а не индивида) приходилось 372 души м.п.²⁸). Полковничьи доходы в среде русского дворянства были доступны лишь верхнему слою государева двора.

Поэтому формирование устойчивых династий иноземных офицеров на русской службе (особенно в верхах офицерского корпуса) неудивительно. Понятно также, что наиболее прочными из них являлись династии верхушки офицерского корпуса и «полкового штаба» – генералов, полковников и подполковников, что отражено в таблице 3, суммировавшей фамилии, представители которых хотя бы однажды служили в ранге полковников и подполковников.

Из таблицы 3 видно, что 28 фамилий из 90 формировали «полковничьи династии» (служившие в чинах от генерала до подполковника), или, иначе говоря, 31,1 % устойчивых фамилий (почти треть) можно отнести к «полковничьим». При этом 16 фамилий из них имели полковников и в 1681 г., и в 1701 г., то есть были чисто «полковничьими» – что говорит о существовании устойчивого ядра

элиты в иноземном офицерском корпусе. Если бы мы учли еще Трауэрнихтов и Вульфов (обе фамилии в конце 1670-х гг. дали генерал-поручиков – высший на тот момент ранг для офицеров-иноземцев, – а в 1701 г. все еще имели лиц в рангах полковников и подполковников), то число этих чисто «полковничьих» династий увеличилось бы до 18. Именно фамилии, принадлежащие к этому ядру, и не «вымывались» из списков – это были люди, прочно осевшие в России. В совокупности они дали в 1701 г. 48 высших офицеров из 113 (с учетом убитого под Нарвой Кро) офицеров-западноевропейцев этих рангов, то есть 42,48 % всех высших иноземных офицеров-западноевропейцев. Если же посчитаем только по генералам и полковникам – 32 из 61 (с учетом Кро), то есть 52,46 % всей элиты тогдашнего иноземного корпуса с западноевропейскими фамилиями, учтенного в списке 1701 г. Иначе говоря, «полковничьи» династии, которые составляли в списке 1701 г. всего 11,6 % всех западноевропейских фамилий (то есть чуть более *одной девятой* фамилий), дали *более половины* всех полковников и генералов-западноевропейцев, учтенных в списке 1701 г., и *почти половину* (45,7 %) всех полковников и генералов-иноземцев (32 из 70), составляя лишь 7,8 % всех иноземных фамилий, учтенных в списке 1701 г.

Все это показывает, что в иноземном корпусе за годы по меньшей мере с военных реформ Алексея Михайловича сложилась «военная аристократия», вероятно, затруднявшая и ограничивавшая возможности карьерного роста для других иноземных офицеров, и без того медленные (еще А.З. Мышлаевский отмечал «закупорку иноземческих производств» и крайне невысокие темпы продвижения иноземцев по службе даже для конца XVII в.²⁹). В этой «военной аристократии» доминирование западноевропейских офицеров было выражено еще более отчетливо. Позиции офицеров-«незападноевропейцев» в ней были слабее, чем в офицерском корпусе в целом – только 34 «славянских» фамилии одновременно встречаются в обоих списках, но при этом в 8 случаях есть основания полагать, что это не династии, а офицеры-одиночки, продолжавшие свою службу с 1681 г. по 1701 г., лишь несколько повысившись в рангах. Следовательно, лишь 24 фамилии из 121 (21,5 % фамилий) и 27 % офицеров сформировали «служилые династии» в среде «славян», но ни одна из них так и не сумела создать «полковничью» династию.

Таким образом, иноземные генералы и полковники имели, видимо, в России достаточно надежные механизмы для продвижения по ступеням военной карьеры своих сыновей и родственников, чему, вероятно, способствовали и традиции чинопроизводства русского общества, куда иноземцы все больше интегрировались, усваивая и используя его психологию и принципы коллективистской (а не индивидуальной) службы и производства «по отечеству». Челобитные иноземцев о производствах в ранги и выдаче жалованья нередко содержат вполне традиционные формулы и просьбы «выдать жалованье против *ево братьи*»; полковник Александр Ливинстон (Ливингстон) (один из тех офицеров, что не был учтен в списках), просящий награду за участие в обороне Чигирина, не стесняется писать: «...а которые де ево братья начальные люди чинами переменены, и тем начальным людям ево государево жалованье за оборону выдано, а *он перед своею братью оскорблен...*»³⁰. Конечно, это можно считать традиционными формулами делопроизводства, внесенными оформлявшими челобитные русскими писцами, но и А.З. Мышлаевский отметил как мотив для просьб самих иноземцев и основания производства в офицерские ранги заслуги родственников и отцов: «Матвею и Якову Трейденам велено быть в прапорщиках только потому, что они дети полковника Трейдена», Никите Гадормскому велено быть в прапорщиках «за смерть отца ево Якова»³¹. Он отмечал также и случаи производства «через чин», официально запрещенные в 1672 г.³², но практиковавшиеся и позднее, особенно когда дело касалось «полковничьих» династий: так, уже упоминавшийся выше сын генерал-поручика А. Трауэрнихта Дорофей Афанасьевич Трауэрнихт был 8 ноября 1681 г. пожалован из ротмистров прямо в подполковники³³.

Именно эти механизмы и обеспечивали формирование полковничьих династий и их доминирование в жизни иноземного военного сообщества, а также и в целом прочное укоренение иноземческих служилых династий в России. В.А. Ковригина на середину 1660-х гг. определила население Немецкой слободы примерно в 1200 человек³⁴; судя по нашим данным, на начало 1680-х гг. только мужской «офицерский» его компонент иноземного корпуса должен был составить минимум 600 человек, к которым надо добавить не только членов их семей, но и 445 офицерских иноземческих вдов и сирот, получавших на 1681–1682 г. пенсионное обеспечение от государства³⁵. О прочном укоренении иноземцев-офицеров в

России свидетельствует и то, что к 1701 г. число последних выросло до 1035 человек, на содержание которых выделялось 8199 р. в год³⁶ (то есть в среднем примерно 8 р. на «пенсионера», что соответствовало месячному жалованию поручика). Таким образом, множество семей, потерявших кормильца, отнюдь не возвращались на историческую родину, а, вероятно (если сравнить их с известным составом офицерского корпуса), оставались в России. С учетом известных нам офицеров, в начале XVIII в. «офицерское» население Немецкой слободы (как сами офицеры, так и члены действительно служащих и уже выбывших из службы офицерских семей) должно было составлять, вероятно, не менее двух тысяч человек, и, судя по всему, она была преимущественно военной колонией постепенно оседавших в России иноземных наемников (С.П. Орленко также отмечал, что к последней трети XVII в. 70 % дворов в Немецкой слободе принадлежало служилым иноземцам³⁷). И главным результатом воздействия Немецкой слободы на формирование молодого Петра были не новые «европейские» культурные стандарты, перенимавшиеся на пирушках у иноземных купцов и в будуаре Анны Монс (они были в большей степени уже результатом Великого посольства), а *влияние этой иноземной офицерской среды*, персональный состав которой на тот момент в основном отражен в данных проанализированных нами списков. К моменту начала поездок царя в Слободу в начале 1690-х гг. она уже прочно укоренилась и «осела» в России и в значительной степени интегрировалась в русское общество. О последнем свидетельствуют и наблюдения О.Г. Усенко о сравнительно невысоком уровне конфликтности русского общества с населением Немецкой слободы, выразившемся, в частности, и в том, что в ходе ни одного из крупных социальных движений XVII в. после Смуты («Соляного бунта» 1648 г., «Чумного бунта» 1654 г., «Медного бунта» 1662 г., стрелецких восстаний 1682 и 1698 гг.) не было не только массовых погромов иноземцев и попыток уничтожить Немецкую слободу, но даже и не звучало призывов к этому³⁸. Процесс интернационализации российской элиты начался именно с этой иноземческой служилой среды – вплоть до конца своего царствования Петр опирался в высших эшелонах власти, в первую очередь, на представителей этого слоя «старовыезжих» иноземцев, и его ближайшими сотрудниками вплоть до начала 1720-х гг. оставались связанные с ним еще в юности Я.В. Брюс и А.А. Вейде, а отнюдь не Б.Х. Миних

или А.И. Остерман, и даже не генерал Л.-Н. Алларт, удерживаемые пока «на дистанции» и занимавшие второстепенные позиции.

Именно этот интегрированный в Россию слой «старовыезжих» иноземцев и доминировал в офицерском иноземческом корпусе России в начале Северной войны.

Этот корпус сформировался в основном еще к началу 1680-х гг., и, несмотря на процесс постоянного обновления (почти половина фамилий разнится в обоих списках), оставался достаточно стабильным и консервативным. Структура его за эти двадцать лет изменилась незначительно – на $\frac{2}{3}$ он по-прежнему состоял из офицеров-«западноевропейцев», и лишь на $\frac{1}{3}$ – из лиц с западноевропейскими фамилиями. Западные европейцы полностью доминировали прежде всего в наиболее важной его части – в высшем командном составе, в чинах генералов, полковников и подполковников.

«Традиционализм» иноземного офицерского корпуса отметил еще П.Н. Милоков, анализируя командный состав первых регулярных «новоприборных» полков 1700 г. – по его наблюдениям, все командиры 29 полков были иностранцами из числа «старовыезжих», по меньшей мере 26 из них известны по дневнику Гордона; по упоминаниям в дневнике, двое служили по меньшей мере с 1660-х, 6 – с 1680-х, 18 – с 1690-х гг.³⁹ В большинстве своем это были уже не кочующие «искатели приключений», а люди, родившиеся или проводившие большую часть своей жизни в России и так или иначе уже ощущавшие свою связь со страной и ее интересами.

Но сложившаяся ситуация имела и свои негативные стороны. Большинство из этих офицеров выросли и сформировались в русской среде, не имели опыта службы в современных европейских армиях, не были знакомы с их практиками, не участвовали в боевых операциях на западноевропейских театрах, и, таким образом, не имели необходимого современного стратегического и тактического опыта, а долговременная служба в полурегулярных полках «иноземного строя», распускаемых по окончании боевых действий, тоже не соответствовала новым потребностям управления частями в создаваемой регулярной армии. Кроме того, многие из них были физически просто стары. На низкое качество части офицеров «старых служб» обратил внимание Петра Ф.А. Головин при формировании первых новых солдатских полков в 1700 г. и фактически начал «чистку» иноземческого корпуса, «выбраковав»

целый ряд офицеров (по меньшей мере 150 человек⁴⁰, что, вкупе с потерями под Нарвой, вероятно, во многом объясняет и численное уменьшение «иноземческого корпуса» в 1701 г. в сравнении с показателями на 1696 г.). Необходимость обновления офицерского корпуса, а также недостаточная квалификация части иноземных офицеров стали еще более очевидными после поражения под Нарвой⁴¹.

Офицерский корпус, особенно в высшем его звене, настоятельно требовал притока «свежей крови» как из среды русского дворянства, так и из числа иноземных офицеров, имевших опыт службы в современных европейских армиях. И он вскоре последовал – после 1702 г. начался новый этап интенсивной вербовки иноземных офицеров, рассчитанный прежде всего на пополнение верхушки офицерского корпуса.

¹ Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899.

² Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006; Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 141–166; Лаптева Т.А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. 1994.

³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 244–248.

⁴ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 150.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 59–181; 628–655.

⁶ Там же. Л. 64, 628.

⁷ Там же. Л. 369.

⁸ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 39.

⁹ Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII в. С. 319.

¹⁰ Опарина Т.А. Указ. соч. С. 149; Курбатов О.А. Указ. соч. С. 317–318.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 475–479.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 38–39.

¹⁴ Даже для 1650-х гг., когда политика «перекрещивания» проводилась наиболее активно, эту тенденцию отметил О.А. Курбатов. Указ. соч. С. 317.

¹⁵ Чернов А.В. Указ. соч. С. 189.

¹⁶ ПСЗ. Т. IV. № 2319.

¹⁷ Орленко С.П. Указ. соч. С. 50–51.

¹⁸ Малов А.В. Указ. соч. С. 115–116.

- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 76–585.
- ²⁰ Орленко С.П. Указ. соч. С. 51.
- ²¹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 25–37; 46–50; 51 об.–55; 58 об.–60; 69–106 об.; 117–131 об.
- ²² История Свейской войны. Вып. 1. М., 2004. С. 208.
- ²³ Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виннус. М., 2007. С. 502–503.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 75–77.
- ²⁵ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 37–39.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 69–70.
- ²⁷ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 248. Таблица V.6.
- ²⁸ Подсчитано по: Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России. Рязань, 2003. С. 104.
- ²⁹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 41–42.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 7–9, 498, 521, 564, 619, 432.
- ³¹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 41.
- ³² Там же.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 348–351.
- ³⁴ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 122.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 423–428.
- ³⁶ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 6–6 об.
- ³⁷ Орленко С.П. Указ. соч. С. 51.
- ³⁸ Усенко О.Г. Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. С. 399.
- ³⁹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 104, примеч. 2.
- ⁴⁰ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. IV. М., 2007. С. 195–197.
- ⁴¹ Черников С.В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века // Cahiers du monde russe. № 50/4, octobre-december 2009. P. 708.

Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в XVII–XVIII вв.

Таблица 1. Состав иноземного офицерского корпуса по спискам 1681 г.

	генерал-поручики	генерал-майоры	полковники	подполковники	майоры	ротмистры	капитаны	поручики	прапорщики	итого
1. Офицеры-западноевропейцы	1	1	49	40	39	30	48	50	53	301
доля в составе	100	100	94,2%	85,1%	75%	62,5%	53,9%	79,4%	60,2%	68,1%
2. Офицеры-незападноевропейцы			3	7	13	18	41	24	35	141
доля в составе			5,8%	14,9%	25%	37,5%	46,1%	38,1%	39,8%	31,9%
3. Всего	1	1	52	47	52	48	89	74	88	442

Таблица 2. Состав иноземного офицерского корпуса по спискам 1701 г.

	генерал-поручики	генерал-майоры	полковники	подполковники	майоры	ротмистры	капитаны	капитан-поручики	поручики	иные чины	итого
1. Офицеры-западноевропейцы	1	6	53	52	52	4	67	2	71	21	329
доля в составе	100%	100%	85,5%	78,8%	61,9%	36,4%	70,5%	50%	58,2%	95,5%	69,4%
2. Офицеры-незападноевропейцы			9	14	32	7	29	2	51	1	145
доля в составе			14,5%	21,2%	38,1%	63,6%	30,5%	50%	41,8%	4,5%	30,6%
3. Всего	1	6	62	66	84	11	96	4	122	22	474

Таблица 3. «Полковничьи» фамилии в иноземном офицерском корпусе в 1681–1701 гг.

	генералы	полковники	подполковники
1 Балки		2	1
2 Балсыри			1
3 Бильсы		1	1
4 Бордовики		1	1
5 Буларты		1	1
6 Буши		2	
7 Вестовы		3	
8 Вульфусы			1
9 Гассениусы		1	1
10 Гулицы	1	3	1
11 Гурики		1	
12 Куперы		1	
13 Меэры		1	
14 Минстерманы		1	
15 Полманы (Болманы)	1		
16 Рьдеры		1	1
17 Фан Вердены		2	
18 Фан Дервидены			1
19 Фливерки			1
20 Франки		1	
21 Цен	1	1	1
22 Шарфы	1	1	
23 Шварты			1
24 Шниттеры			1
25 Юнкманы		1	
26 Кро		1	
27 Гордоны		1	1
28 Брюсы		1	1
итого	5	27	16

* жирным шрифтом выделены фамилии, имевшие полковников в обоих списках

Диаграммы 1–2

Диаграммы 3–4

Диаграммы 5–6

Г.Д. Пилишвили (Курск)

АРХИВЫ ОБ ОПЫТЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТЕЙ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Наряду с личным составом армии и флота активное участие в вооруженной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на протяжении 1941–1945 гг. принимали добровольческие военизированные формирования – ополченцы и бойцы истребительных батальонов.

Формирование ополченческих соединений и частей проводилось под руководством местных партийных и советских органов. В них включались добровольцы, не подлежащие призыву по мобилизации. Всего по стране изъявило желание вступить в народное ополчение свыше 4 млн человек. Из отобранных для обучения лиц формировались соединения, части и их подразделения. Но не везде удалось завершить формирование. Всего через народное ополчение в действующую армию вошло около 2 млн человек¹.

Несомненно, что создание народного ополчения было вызвано крайне тяжелой обстановкой, когда советское командование вследствие больших потерь на фронте испытывало острый недостаток в резервах. На создание и боевую подготовку ополченческих соединений тратилось в 5–6 раз меньше времени, чем на формирование кадровых стрелковых частей и подразделений. По подсчетам А.Д. Колесника, на формирование стрелковой дивизии уходило до 8 недель, а ополченческой – лишь 1,5 недели². Однако этот выигрыш во времени не смог не сказаться на уровне боеспособности частей ополчения – недостаточно обученные и вооруженные, они неизбежно несли большие потери. Тем не менее, отчаянное положение, в котором оказалась страна в начальный период войны, вынуждало пойти на это.

Первую группу в изучении вопроса организации, обучения, обмундирования и боевого применения народного ополчения составили материалы, выявленные в центральных архивах – Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в Государственном центральном архиве истории политических движений Санкт-Петербурга (ЦГАИПДСПб), в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Вторую группу составили материалы региональных архивов Центрального Черноземья – Государственного архива Белгородской области (ГАБО), Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Государственного архива Курской области (ГАКО), Центра документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИ БО), Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО), Государственного архива общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО), Центра документации новейшей истории Липецкой области (ОГУ ЦДНИ ЛО), Центра документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИ ТО), Исследовательского центра УВД по Курской области (ИЦ УВД КО), архива Управления ФСБ РФ по Курской области (А УФСБ РФ КО).

Большинство этих материалов до последнего времени было закрыто для исследования, и введение их в научный оборот существенно увеличивает источниковую базу исследования.

Прежде всего, следует отметить исключительную важность для нашего исследования материалов, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Значительную ценность, в частности, представляет комплекс рассекреченных директивных документов Государственного Комитета Обороны (Ф. 644). Постановления и распоряжения этого высшего чрезвычайного органа власти определяли в годы Великой Отечественной войны важнейшие стороны жизни страны: организацию вооруженных сил, развитие экономики, внутривластные и международные вопросы. Поэтому нормативные документы ГКО позволяют не только составить представление о его управлении страной, но и проследить роль высших эшелонов власти в формировании основных направлений деятельности местных государственных и политических структур. В частности, особый интерес представляют затрагивающие области региона постановления ГКО о про-

ведении в жизнь постановлений касательно организации народного ополчения.

В этом же архиве (РГАСПИ) на хранении находится и большое количество материалов самих местных органов, поступавших в свое время в адрес ЦК ВКП(б). Например, в делах сектора информации оргинструкторского отдела ЦК (Ф. 17. Оп. 88) содержатся протоколы, постановления и распоряжения 33 городских комитетов обороны, в том числе Воронежского (Д. 487) и Тамбовского (Д. 508), содержащие обширную информацию о деятельности этих чрезвычайных органов и их месте в системе властных структур.

В Государственном центральном архиве истории политических движений Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), в фондах Политического отдела Ленинградской армии народного ополчения г. Ленинграда (Ф. О – 2281) и Ленинградского городского комитета ВКП(б) (Ф. 25) мы находим обширную информацию о формировании, обучении, вооружении полков народного ополчения. Эта информация очень важна, ведь Ленинград стал первым городом, в котором началось создание ополчения, и с него брали в этом деле пример очень многие города и регионы СССР.

Очень информативны фонды Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Сейчас документы ЦАМО РФ постепенно вводятся в научный оборот, чем и определяется исключительный к ним интерес.

В фондах архива Министерства обороны РФ содержится очень важная информация о передаче народных ополченцев в боевые части Красной армии и прослеживается их путь вплоть до завершения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это фонды 2-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшая 127-я стрелковая дивизия) – (Ф. 1047), 13-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшая 87-я стрелковая дивизия) – (Ф. 1075), 64-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшая 327-я стрелковая дивизия) – (Ф. 1194), 74-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшая 45-я стрелковая дивизия) – (Ф. 1215), 89-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшая 160-я стрелковая дивизия) – (Ф. 1252).

В Государственном архиве Белгородской области (ГАБО), в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО), в Боброводворском фонде военных учреждений и органов МВД (Ф. Р – 948) содержится информация, касающаяся народного ополчения Боброводворского района Белгородской области.

Очень ценная информация находится в фондах Государственного архива Воронежской области (ГАВО) – Штаб истребительных батальонов при УНКВД по Воронежской области (Ф. 1855) и воронежская дивизия народного ополчения (Ф. 1854). Архивный материал повествует о первых днях создания ополчения, о его численности, о программах обучения, о посещаемости занятий и самое главное – об участии народного ополчения в боях за Воронеж летом – осенью 1942 г.

В большом объеме были использованы документы из Государственного архива Курской области (ГАКО), в том числе фонда Курского областного исполнительного Комитета депутатов трудящихся (Ф. Р–3322). В нем содержатся сведения о создании народного ополчения не только в Курске, но и в районах области, показаны проблемы, с которыми пришлось столкнуться органам власти при формировании полков в колхозах и совхозах в июле – августе 1941 г.

Центр документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИ БО) содержит в своих фондах – в Белгородском городском комитете КПСС (горком) (Ф. 2), в Белгородском районном комитете КПСС (райком) (Ф. 4), в Губуинском городском комитете КПСС (Ф. 6) – сведения о создании, формировании, количественном и качественном составе полков народного ополчения Белгородской области.

В Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО) находится материал в фондах Воронежского обкома ВКП(б) (Ф. 3) и Воронежского городского комитета обороны (Ф. 2819), рассказывающий о роли и месте городского комитета обороны в деле формирования, обучения, материальной помощи народному ополчению, а также документы о расформировании и последних служебных месяцах ополчения в 1943 г.

При изучении фондов Государственного архива общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО) особое внимание было уделено фонду Курского областного комитета ВКП(б) (Ф. П – 1), в котором отражена деятельность обкома ВКП(б) по вопросам создания и функционирования добровольческих формирований на протяжении всего периода войны, и фонду Штаба партизанских бригад и отрядов Курской области (Ф. П – 2), в котором содержатся сведения об обороне Курска бойцами народного

ополчения и истребительных батальонов. Источниковую базу исследования в значительной мере дополняют документы, посвященные созданию, организации, обучению и боевым действиям народного ополчения, хранящиеся в фондах Дзержинского (Ф. П – 93), Сталинского (Ф. П – 84), Ленинского (Ф. П – 39) и Кировского (Ф. П – 2160) районных комитетов ВКП(б) г. Курска.

В Центре документации новейшей истории Липецкой области (ЦДНИ ЛО) в фондах Описи архивных документов Грязинского райкома КПСС, Липецкой области (Ф. 18) и в фондах описи архивных документов Воловского райкома КПСС, Липецкой области (Ф. 13) находятся материалы о создании и функционировании в данных районах Липецкой области народного ополчения.

Очень богатый по объему и ценный по содержанию архивный материал содержится в фондах Центра документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИ ТО), а именно – в фондах Тамбовского обкома ВКП(б) (Ф. 1045), Тамбовского горкома ВКП(б) (Ф. 735), Мичуринского горкома ВКП(б) (Ф. 513). В архивных данных содержится информация о начале создания народного ополчения на Тамбовщине, о трудностях и способах их решения при формировании ополчения в сельских районах, о роли городских оборонных комитетов в процессе обучения и вооружения ополченцев. Очень хорошо представлены программы по обучению бойцов народного ополчения.

В фондах исследовательского центра УВД по Курской области среди материала, показывающего работу истребительных батальонов, содержатся важные сведения о народном ополчении области, его вооружении, об обучении и участии в боях при обороне г. Курска осенью 1941 г. (в фонде – Штаб истребительных батальонов Курской области (Ф. 38)). Особый интерес представляет «Журнал регистрации боевых действий», где в хронологическом порядке излагаются факты участия бойцов в вооруженных столкновениях с частями противника в период с 30 августа 1941 г. по 1 июня 1942 г. Этот документ, состоящий из нескольких частей, распределен по ряду дел Ф. 38.

Большое значение для раскрытия темы исследования имели документы, найденные в архиве Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ РФ КО) и представленные отдельным фондом 4-го отдела УНКВД Курской области (Фонд 4-го отд. УНКВД КО). В нем содержатся докладные записки, отчеты, поступавшие в годы

войны в Москву, и партийные инстанции относительно добровольческих формирований. Очень интересен ряд документов, содержащих схемы и таблицы организации обороны как Курской области, так и областного центра с различных направлений силами народного ополчения и истребительных батальонов.

В заключение следует отметить, что фактический материал из представленных фондов отражает практически все стороны боевой, оперативной и служебной деятельности добровольческих формирований, работу командиров, политических органов и партийных организаций по воспитанию у личного состава патриотизма, дисциплинированности, боевых навыков, а также дает возможность беспристрастного исторического анализа событий того времени, не только героического, но и трагического, демонстрирует ошибки и перегибы, случавшиеся на местах.

¹ Россия (СССР) в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 450.

² Колесник А.Д. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 247.

И.Б. Пинк (Тула)

ПРОИЗВОДСТВО СИГНАЛЬНЫХ ПИСТОЛЕТОВ В ТУЛЕ В 1910-х ГОДАХ

В начале XX в. российские армия и флот не располагали сигнальными пистолетами. В это время в России проводились испытания зарубежных моделей. Так, на судах минного отряда Балтийского флота испытывалась сигнальная система Бэра, включавшая в себя пистолет и ружье. Однако высокая стоимость и зависимость от зарубежных поставок вызывали необходимость разработки более дешевых сигнальных систем отечественного производства. На вооружение российского флота был принят сигнальный пистолет, предложенный в 1908 г. капитаном второго ранга Жуковым¹.

В 1909 г. Главный крепостной комитет² выступил с предложением разработать образец сигнального пистолета. По мнению Комитета, такое оружие особенно полезно «для сторожевой охраны, а также в опорных пунктах и на позициях, при отражении штурма». Кроме того, рекомендовалось принять сигнальные пистолеты на вооружение не только крепостной артиллерии, но и пехотных частей крепостных гарнизонов. Так же Крепостной комитет выступал за то, чтобы это «весьма удобное средство для боевого освещения» ввели и в полевые войска. На каждый пистолет планировалось «на первое время» по 100 латунных гильз и по 1000 «наиболее ярких» звездок. В том же году отдел по оружейной части Артиллерийского комитета ГАУ принял решение разработать «пистолет для ближнего освещения местности» и заказать одному из казенных заводов 100 штук для крепостной артиллерии³.

Однако сигнальный пистолет, представленный для предварительных опытов на Главном артиллерийском полигоне, не мог служить образцом для изготовления партии осветительных пистолетов в количестве 100 штук: почти все его части были литыми латунными, что приводило к быстрому износу взаимодействующих

поверхностей деталей, а устройство замка и отсутствие экстрактора делали это оружие неудобным в обращении. Поэтому для будущей модели пистолета было рекомендовано изготовить ее детали из стали, выбор которой предоставлялся на усмотрение завода, и также использовать экстрактор и курок возвратного действия, которые применялись в охотничьих ружьях. Кроме того, было предложено изменить конструкцию затвора, приняв или пружинную защелку по типу револьвера Смита-Вессона, или иную конструкцию по усмотрению завода⁴.

Поскольку производство револьверов и охотничьих ружей было успешно освоено на Тульском оружейном заводе⁵ (далее – ТОЗ), то, по мнению Комитета, этому предприятию и следовало поручить разработку сигнального пистолета, предоставив вместе с тем право вносить в его конструкцию не только указанные выше изменения, но и другие, которые завод признает целесообразными. При этом необходимо было сохранить калибр 26,52–37,08 мм (1,044–1,46 дюймов), длину ствола – 108–114 см (4,25–4,5 дюймов), вес пистолета – 1,075–1,139 кг (2 фунта 60 золотников – 2 фунта 75 золотников). Образец пистолета и его чертеж предписывалось отправить на ТОЗ. Кроме того, для ускорения разработки новой модели, по мнению Артиллерийского комитета, следовало командировать на завод делопроизводителя Арткома гв. капитана В.И. Рудловского.

Интересно, что, по мнению отдела, использование латунных гильз, которые допускали многократное перезаряжание и значительно уменьшали стоимость отдельного выстрела, «весьма желательно» только в мирное время. Для военного времени предпочтение отдавалось одноразовым «готовым патронам в бумажных гильзах», которые должны были храниться в герметичной упаковке, так как во время боевых действий часть гильз неизбежно будет теряться или приходить в негодность, а переоснащение оставшихся «может представлять известное неудобство»⁶.

В ходе испытаний планировалось использовать патроны как с бумажными, так и с латунными гильзами. Для проведения стрельб было предписано изготовить 5000 латунных цельнотянутых гильз, 50 000 «звездок» к ним и «соответствующее количество капсюлей и пыжей» и 10 000 бумажных гильз с капсюлями и к ним 10 000 «звездок» и «соответствующее количество пыжей». Производство латунных гильз следовало поручить казенным

заводам, а с предложением изготовления бумажных гильз планировали обратиться к руководству частных предприятий – Русско-Бельгийского патронного завода, патронного завода Е. Торбека в Москве или фабрики Селлие и Белле в Риге. Изготовление «звездок», капсюлей, пыжей и «мелких принадлежностей для снаряжения патронов», а также само снаряжение патронов предполагали произвести на Охтинском заводе взрывчатых веществ при участии гв. капитана В.И. Рдуловского⁷.

Модель сигнального пистолета была разработана начальником Охотничьей мастерской полковником С.А. Зыбиным: он сообщил в своем рапорте начальнику ТОЗ А.В. Куна от 27 марта 1910 г. за № 1644, что им спроектирована модель пистолета, стреляющего «звездами», снабженная «прочным шеечным замком, а для скрепления – рамкой Перде». Вес пистолета в 1,28 кг (3 фунта 12 золотников), по мнению Зыбина, мог быть уменьшен до 1,23 кг (3 фунтов). При партии в 400 штук цена пистолета составляла 15 руб. 50 коп.⁸

Журнал отдела по оружейной части Артиллерийского комитета от 10 августа 1910 г. за № 806 признал представленную модель осветительного пистолета удовлетворительной, однако рекомендовал уменьшить вес пистолета до 1,18 кг ($2\frac{7}{8}$ фунтов) и несколько укоротить его рукоятку, оставив эти мелкие изменения на усмотрение ТОЗ. Заводу было заказано 400 пистолетов. При этом отдел предполагал рассмотреть вопрос о вооружении такими пистолетами не только крепостей, но и полевых войск⁹.

Следует отметить, что, как и в свое время С.И. Мосин, С.А. Зыбин считал, что предложенная им модель должна носить его имя. В рапорте начальнику ТОЗ от 27 марта 1910 г. за № 1644 С.А. Зыбин просил ходатайства А.В. Куна о присвоении пистолету его, Зыбина, имени, так как в документах данный образец назывался просто «пистолетом изготовления ТОЗ». Основанием для этого, по мнению Зыбина, служило то, что 30 марта 1910 г. начальник ТОЗ ходатайствовал о назначении Зыбину денежного вознаграждения за спроектированную им модель пистолета, тем самым признав факт, что образец спроектирован лично Зыбиным. К рапорту прилагался облегченный образец пистолета весом 1,19 кг (2 фунта 87 золотников), по которому планировалось к сентябрю 1910 г. изготовить на заводе 400 пистолетов. Таким образом, практически удалось выполнить требование Арткома относительно веса нового образца¹⁰.

Вопрос о присвоении сигнальному пистолету имени С.А. Зыбина был рассмотрен 24 октября 1911 г. на заседании отдела по оружейной части Артиллерийского комитета ГАУ¹¹. Отдел отметил, что патроны для пистолета разработаны на базе зарубежных образцов, в которых были устранены некоторые конструктивные недостатки. Модель пистолета для удобства его производства на ТОЗ создавалась по типу одноствольных дробовых ружей центрального боя с использованием их основных частей – колодки, затвора и бокового замка¹². Такая конструкция одноствольного охотничьего ружья с двойным затвором с верхним ключом и с боковым замком была известна уже около 50 лет и производилась многими оружейными фабриками. Таким образом, пистолет, состоящий из деталей такого ружья, в конструктивном отношении не представляет ничего нового или оригинального. На этом основании Артком принял решение именовать этот образец «пистолетом для стрельбы осветительными патронами»¹³.

В июне 1910 г. ТОЗ на изготовление 400 сигнальных пистолетов был выделен кредит в 6372 руб. Таким образом, стоимость одного пистолета составляла 15 руб. 93 коп.

Однако к этому времени на заводе не осталось ни одного образца этой модели: капитан Рдуловский увез с собой как образцовый пистолет, так и изготовленную по нему модель. Поэтому начальник мастерской охотничьего оружия капитан Я.И. Каневский в своем рапорте от 13 июля 1910 г. № 3530 направил прошение помощнику начальника по технической части ТОЗ выписать из ГАУ образец осветительного пистолета. В свою очередь ГАУ сообщило, что образцовый пистолет будет возвращен на завод после представления военному министру В.А. Сухомлинову. Образцовый сигнальный пистолет был возвращен на завод 12 августа 1910 г.¹⁴

К 10 ноября 1910 г. сборка двух пробных осветительных пистолетов, проверка и исправление чертежей были закончены, а детали разосланы по мастерским для валовой разработки. Гв. капитан Я.И. Каневский полагал, что все изготовленные детали поступят в Охотничью мастерскую к 1 апреля, а пистолеты будут готовы к 15 апреля 1911 г.¹⁵

Сталь на пистолеты в количестве 751,5 кг (45 пудов 35 фунтов) была заказана на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах. 10 стальных гильз для патронов, необходимых для испытаний пистолетов, сделали в Коробочной мастерской ТОЗ¹⁶.

Изготовление 400 пистолетов было завершено, по-видимому, к июню 1911 г.¹⁷: в рапорте от 7 ноября 1911 г. сообщалось, что произведенные по наряду № 54 за 1911 г. 399 пистолетов высланы, а 400-й представлен в ГАУ при отношении 7 июня 1911 г. за № 11 050¹⁸.

Согласно полученной на ТОЗ 3 июля 1913 г. ведомости, основную часть осветительных пистолетов должны были направить во Владивостокскую крепостную артиллерию, остальные – в другие крепости (см. таблицу). Два пистолета поступили на Охтинский завод взрывчатых веществ, 39 – на Петербургский артиллерийский склад¹⁹.

№/№	Наименование крепости	Количество сигнальных пистолетов обр. 1910 г.
1	Владивостокская	300
2	Выборгская	4
3	Варшавская	4
4	Новогеоргиевская	10
5	Осовецкая	6
6	Брест-Литовская	10
7	Ковенская	10
8	Михайловская	4
9	Карская	4
10	Кушкинская	2
11	Термезская	2
12	Керкинская	2

В собрании Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО) хранятся пистолеты обр. 1910 г. производства ТОЗ с заводскими номерами 24, 43, 60²⁰. Они, согласно предписанию ГАУ от 25 июня 1913 г. № 28 928, в числе партии из 39 осветительных пистолетов были направлены в Петербургский артиллерийский склад для испытаний в ходе маневров в Петербургском военном округе 28–29 июля 1913 г. и затем были возвращены по просьбе А.В. Куна на ТОЗ²¹.

Перед отправлением в С.-Петербург эти пистолеты прошли проверку в контрольной мастерской 10-ю выстрелами патронами с латунными гильзами. В ходе этой стрельбы у 9 пистолетов произошли осечки. Устранение этой неисправности первоначально производилось только лишь отладкой деталей ударно-спускового механизма. Если таким способом исправить пистолет не удавалось, на него устанавливалась более сильная пружина. Однако использование таких пружин на всех пистолетах, по мнению помощника начальника ТОЗ генерал-майора Федорова, было не желательно, так как это привело к увеличению скорости изнашиваемости деталей замка, принимавших удары усиленной пружины²².

По мнению А.В. Куна, главная причина осечек заключалась в том, что боек не наносил центральный удар по капсюлю. В основном это было связано со значительными допусками, принятыми при изготовлении шляпок гильз и формы наковальни. Так, в ходе проведенной в начале июня 1912 г. проверки всех 400 пистолетов холостой стрельбой патронами со стальными гильзами, изготовленными на ТОЗ, осечек не происходило. Исправной работы пистолетов при существующих патронах можно было добиться, сделав «некоторые изменения» в пистолетах, но это в оставшееся до маневров время было невозможно. 39 «лучших» пистолетов были направлены в С.-Петербург, а затем возвращены на завод для их дальнейшей отладки²³.

В начальный период Первой мировой войны в российской армии возник дефицит сигнальных пистолетов. Стремление к удешевлению и упрощению этого вида оружия привело к появлению сигнальных пистолетов на базе устаревших к тому времени револьверов Смита-Вессона²⁴.

20 января 1915 г. на ТОЗ поступило предписание ГАУ за № 3015 «приступить к переделке револьверов системы Смита-Вессона в осветительные пистолеты по образцу, доставленному генералом Куном»²⁵.

Соответственно возникает вопрос, кто же является конструктором этого образца. Как следует из приведенной цитаты, Кун прямо не назван его создателем, но, скорее всего, эта модель была разработана именно им. В противном случае, должна была упоминаться фамилия его действительного конструктора, как в случае сигнального пистолета обр. 1910 г. Фактом, косвенно подтверждающим авторство Куна, является то, что в 90-х гг. XIX в. он вместе

с капитаном А.П. Залобовским предлагал переделать револьвер Смита-Вессона под патроны с бездымным порохом²⁶.

Для изготовления осветительных пистолетов на завод планировалось выслать 10 327 неисправных револьверов Смита-Вессона с артиллерийских складов Петроградского, Туркестанского, Приамурского, Одесского, Иркутского и Омского военных округов²⁷. Согласно исследованным архивным документам, на завод поступило не менее 4836 револьверов, причем не только III-го, но и I-го, II-го образцов²⁸.

Таким образом, переделке подвергались все три модели револьвера Смита-Вессона, принятые на вооружение российской армии. Это подтверждают и сохранившиеся образцы сигнальных пистолетов. Так, один сигнальный пистолет из собрания ТГМО был переделан из револьвера Смита-Вессона I-го образца²⁹.

«Ввиду трудности приобретения подходящей стали для стволов к осветительным пистолетам» 16 февраля 1916 г. А.В. Кун направил в ГАУ предложение изготавливать стволы из литой бронзы, что, по его мнению, не должно повлиять на их прочность, и 3 марта завод получил на это разрешение³⁰. Пушечная бронза в количестве 98 286 кг (6000 пудов) должна была поступить из Петербургского артиллерийского склада³¹.

Так же в начале Первой мировой войны выявилась потребность в патронташах к осветительным пистолетам обр. 1910 г. На заседании Отдела по оружейной части Артиллерийского комитета от 18 ноября 1914 г. № 453 было принято решение разработать к сигнальным пистолетам патронташ на 15 патронов из парусины для ношения через плечо. Вес патронташа с патронами с латунной гильзой составлял ок. 1,35 кг (3 $\frac{1}{3}$ фунта), с бумажной гильзой – ок. 1 кг (2 $\frac{1}{2}$ фунта). ГАУ предписывало заказать у кустарей или частной промышленности 10 тысяч патронташей. При этом образец патронташа не был выработан, и ГАУ предполагало изготавливать их произвольного образца. Образец патронташа из пропитанной брезентовой ткани с гнездами на 3 патрона был представлен 17 апреля 1915 г. начальнику ТОЗ Комитетом Благотворительного общества при Тульском императора Петра Великого оружейном заводе. Комитет также сообщал, что может изготовить 10 000 патронташей из своего материала в срок от 1 до 2 месяцев по цене 1 руб. за штуку.

Образец патронташа был одобрен ГАУ, которое дало распоряжение немедленно произвести 10 000 штук. Предписание

на изготовление патронташей последовало 2 мая. 8 мая от Общества на завод поступил образец, по которому предполагалось принимать патронташи. При этом отмечалось, что патронташи будут из различных сортов брезента³².

В предписании за № 3015 от 20 января 1915 г. ГАУ рассматривало возможность привлечения к производству сигнальных пистолетов частных предпринимателей. Такое решение, очевидно, было продиктовано инициативой самих частников. Так, в конце января 1915 г. в ГАУ было направлено прошение тульского фабриканта охотничьего оружия Андрея Ивановича Кузнецова с просьбой предоставить ему заказ на офицерские шашки, к изготовлению которых он приступил в последнее время, или на какое-нибудь другое вооружение, а также на ремонт винтовок Бердана. Согласно заявлению самого А.И. Кузнецова, на его фабрике Охотничьего оружия было установлено 2 электродвигателя мощностью в 8 лошадиных сил каждый (ок. 5,9 кВт) и 10 станков, работало до 40 рабочих³³.

ГАУ переслало прошение на ТОЗ с предписанием обсудить вопрос о возможности привлечения А.И. Кузнецова к работам по отделке штыков и других деталей с целью освобождения нескольких заводских станков³⁴.

10 марта 1915 г. А.И. Кузнецов направил А.В. Куну прошение с просьбой передать ему заказ на изготовление осветительных пистолетов. Кузнецов предполагал в период со дня получения заказа до 15 апреля выработать 5 пистолетов в день, а затем поднять производительность от 25 до 50 штук в день. Цена им была назначена 6 руб. 50 коп. В тот же день назначенная Кузнецовым цена была признана правлением завода приемлемой, и было отдано распоряжение о выдаче ему с завода револьверов для переделки их в сигнальные пистолеты и приемке по образцу³⁵.

Для выполнения заказа Кузнецову требовался новый инструмент. 6 мая 1915 г. на завод поступило прошение Кузнецова об изготовлении в Инструментальной мастерской 72 шарошек четырех различных типов. 7 мая начальник Инструментальной мастерской гв. полковник Груев сообщил, что заказы необходимых инструментов частями «тормозят дело» и что заказ будет принят к исполнению только после предоставления всего списка инструментов³⁶.

Однако когда 10 сентября 1915 г. Кузнецов направил на ТОЗ прошение об изготовлении для него 625 единиц фрез и разверток,

заказ на такое большое количество инструментов завод принять отказался³⁷.

Недостаток инструментов был не единственной трудностью. 4 мая 1915 г. на ТОЗ поступило прошение Кузнецова об изготовлении на заводе литьем 10 000 стволов к пистолетам, на что и было дано разрешение. Механик завода полагал, что в литейной мастерской могут отливать до 50 стволов в день.

Заведующий литейной мастерской считал, что за изготовление ствола следует вычитать по 25 коп. за каждый пистолет. Стволы собирались отливать из 16 381 кг (1000 пудов) пушечной бронзы при весе ствола 0,82 кг (2 фунта). С новой ценой Кузнецов согласился.

Тем не менее, 27 июня на заводе было получено прошение Кузнецова, в котором последний просил больше не делать для него стволы, так как он дал заказ на их изготовление у частного литейщика. 30 июня последовало распоряжение об отмене литья стволов на заводе³⁸.

30 мая 1915 г. ГАУ запросило ТОЗ о том, какое количество пистолетов и патронташей сдано на склад. Согласно рапорту начальника ТОЗ в ГАУ от 9 июня за № 13 497 к 7 июня, на склад было сдано всего 15 осветительных пистолетов и 675 патронташей к ним. Согласно объяснению Кузнецова, задержка в производстве произошла по следующим причинам: 1) он получил заказ перед Пасхой, и две недели праздников не могли быть использованы, 2) остальное время пошло на установку производства³⁹.

21 июня 1915 г. последовала просьба ГАУ установить наблюдение ТОЗ за ходом работ на фабрике Кузнецова, «так как дальнейшее промедление на сдаче пистолетов признается недопустимым». 16 сентября А.В. Кун направил в ГАУ рапорт с предложением освободить вверенный ему завод от всякого участия в осмотре и приемке пистолетов от Кузнецова, а также гв. полковника Гусева, «и без того перегруженного работой», от обязанности контролировать фабрику Кузнецова. Пистолеты в дальнейшем должны были сдавать в Тульский военно-промышленный комитет, который, в свою очередь, обязан был направлять их в Тульский отдел Московского артиллерийского склада⁴⁰.

Следует отметить, что А.И. Кузнецов был не единственным частным предпринимателем, предлагавшим организовать производство переделочных сигнальных пистолетов тульского образца для

российской армии⁴¹. Так, 19 марта 1915 г. на завод было направлено предложение от управления завода акционерного общества компании «Зингер» о переделке 5000 револьверов Смита-Вессона, причем компания собиралась самостоятельно отливать стволы к ним из бронзовых стружек, которые должны были поступить с ТОЗ. Последний должен был за свой счет доставить компании рамки от револьверов. При этом стоимость пистолета составила бы 6 руб. 35 коп.

В июле 1915 г. пришло подтверждение от фабрики швейных машин компании «Зингер» принять заказ на изготовление 5000 осветительных пистолетов. Фабрика планировала выполнить заказ за шесть недель с момента его получения, при этом производительность составляла бы 300 пистолетов в день.

Однако «Зингер» не справлялся со сроками исполнения заказа. Рассмотрев причины этой задержки, ГАУ 14 декабря 1915 г. направило распоряжение на ТОЗ, в котором сообщало, что считает целесообразным аннулировать заказ компании «Зингер» и передать его фабрике Кузнецова, подчеркнув при этом срочную необходимость в осветительных пистолетах⁴². «Зингеру» предписывалось в недельный срок вернуть все неиспользованные револьверные рамки и оставшуюся стружку, а также образцовый пистолет с гильзами⁴³.

29 декабря в телеграмме директор подольского завода «Зингер» Диксон сообщил А.В. Куну, что в работе на различных операциях находятся 1450 пистолетов и уже отлито 2500 стволов⁴⁴. Так же представитель «Зингер» заявил, что компания высылает на ТОЗ по 50 пистолетов, и уже отправлено 1000 единиц. Работы производились и в праздничные дни. При этом ГАУ не имело никаких документов, подтверждающих эти сведения, и запрашивало ТОЗ о реальном положении. ГАУ полагало, что, если «Зингер» выполнит заказ на 5000 пистолетов, его не следовало передавать Кузнецову.

26 апреля 1917 г. на ТОЗ поступило предписание срочно сообщить, какое количество пистолетов было произведено к 1 января 1917 г., а также число пистолетов, произведенных соответственно за январь, февраль и март. 24 октября 1917 г. ГАУ вновь запросило ТОЗ о количестве произведенных пистолетов, а также предписывало срочно выслать в ГАУ один осветительный пистолет 4-го калибра⁴⁵.

Количество изготовленных сигнальных пистолетов как фабрикой А.И. Кузнецова, так и фирмой «Зингер» в изученных архи-

вных документах выявить не удалось. В литературе приводятся сведения о том, что за 1916 г. на фабрике Кузнецова было изготовлено всего 108 сигнальных пистолетов⁴⁶. Если эти данные соответствуют действительности, то А.И. Кузнецов не справился с переданным ему заказом. В любом случае, приведенные факты бесспорно свидетельствуют о существенных затруднениях в организации производства сигнальных пистолетов на российских частных предприятиях в установленные сроки в период Первой мировой войны. В то же время, выпуск этого вида оружия в предвоенные годы на ТОЗ не вызывал заметных проблем, а выявленные недостатки сигнальных пистолетов относились к конструктивным недоработкам.

¹ Суханов И.П., Будаева Л.П. Взлетает красная ракета... // Калашников. 2000. № 2. С. 12.

² Образован 26 июля 1904 г. вместо Комиссии по вооружению крепостей. Рассматривал проекты устройства, вооружения и снабжения крепостей, а также осадной артиллерии. Подчинялся непосредственно военному министру. Упразднен 22 декабря 1909 г. – Российский государственный военно-исторический архив: путеводитель: В 4 т. Т. 1. М., 2006.

³ Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив» (далее – ГАУТО ГО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 10116. Л. 2, 2 об.

⁴ ГАУТО ГО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10116. Л. 2 об.–3.

⁵ С 1875 по 1912 г. Тульский оружейный завод именовался Императорский Тульский оружейный завод, с 1912 по 1917 г. – Тульский императора Петра Великого оружейный завод.

⁶ ГАУТО ГО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10116. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 4, 4 об.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 103.

¹⁰ Там же. Л. 101.

¹¹ Там же. Л. 103.

¹² Там же. Л. 103 об., 104.

¹³ Там же. Л. 104; Суханов И.П., Будаева Л.П. Взлетает красная ракета... // Калашников. 2000. № 2. С. 12–13.

¹⁴ ГАУТО ГО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 180. Л. 187, 211.

¹⁵ Там же. Л. 314.

¹⁶ Там же. Л. 326, 354.

¹⁷ В рапорте начальника ТОЗ в ГАУ от 22 июля 1913 г. указано, что 400 пистолетов «были приготовлены» к 6 июня 1912 г. Но, вероятно, здесь имелось в виду, что к этой дате завершились испытания 400 пистолетов, произведенных к 6 июня 1911 г. – ГАУТО ГО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 180. Л. 416.

¹⁸ Там же. Л. 400.

¹⁹ Там же. Л. 411; Оп. 1. Д. 10116. Л. 159, 159 об.

²⁰ ТГМО КП–1703, ТГМО КП–1689, ТГМО КП–1690.

- ²¹ ГАУТО ГО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 180. Л. 413, 415.
- ²² Там же. Л. 413–414.
- ²³ Там же. Л. 416–416 об.
- ²⁴ Суханов И.П., Будаева Л.П. Взлетает красная ракета... // Калашников. 2000. № 2. С. 13; Суханов И.П., Федоров Б. Взлетает красная ракета... // Калашников. 2002. № 2. С. 29–30.
- ²⁵ ГАУТО ГО. Ф. 220. Оп. 8. Д. 18. Л. 1.
- ²⁶ Ильина Т.Н. Как «наган» появился в России // Бомбардир. 1995. № 4. С. 47.
- ²⁷ ГАУТО ГО. Ф. 220. Оп. 8. Д. 18. Л. 1–2.
- ²⁸ Там же. Л. 6, 23, 24, 25, 58.
- ²⁹ ТГМО КП–1699.
- ³⁰ ГАУТО ГО. Ф. 220. Оп. 8. Л. 11, 11 об.
- ³¹ Там же. Л. 43.
- ³² Там же. Л. 15, 15 об., 28, 33, 34, 35, 36.
- ³³ Там же. Л. 1, 5, 5 об.
- ³⁴ Там же. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 13, 14.
- ³⁶ Там же. Л. 39.
- ³⁷ Там же. Л. 59, 60.
- ³⁸ Там же. Л. 40, 41, 52.
- ³⁹ Там же. Л. 48, 51.
- ⁴⁰ Там же. Л. 50, 62–62 об.
- ⁴¹ Переделка револьверов Смита-Вессона в сигнальный пистолет, несколько отличавшийся от тульского образца, производилась на Ижевском оружейном заводе и на фабрике корабельных фонарей в Таллине. – Суханов И.П., Федоров Б. Взлетает красная ракета... // Калашников. 2002. № 2. С. 30.
- ⁴² ГАУТО ГО. Ф. 220. Оп. 8. Л. 68, 68 об.
- ⁴³ Там же. Л. 69, 70.
- ⁴⁴ Там же. Л. 71.
- ⁴⁵ Там же. Л. 77, 78.
- ⁴⁶ Суханов И.П., Федоров Б. Указ. соч. С. 29.

А.А. Порошин (Саратов)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЯМИ ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Н.В. РУЗСКИЙ

В Пятигорске, у восточного склона горы Машук, с обеих сторон Свято-Лазаревского храма, находятся могилы двух дальних родственников – потомков шотландского пришельца Джорджа Лермонта¹. Одна расположена на старом городском кладбище и принадлежит М.Ю. Лермонтову². Вторая – за простой оградкой с противоположной стороны храма, прямо у опоясывающего его забора. В ней покоится человек, имя которого сегодня известно лишь узкому кругу историков – генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский, отдавший ратному служению России 45 лет. Участник трех войн, кавалер трех Георгиевских орденов, полученных им в первый год «Великой войны»³, бывший главнокомандующий армиями Северо-Западного (СЗФ) и Северного фронтов (СФ) последней войны Российской империи, он волею судьбы принимал активное участие в процессе отречения императора Николая II от власти, что в итоге привело к падению монархии в России.

Депутаты Псковской городской думы называли его «...“генералом русской Свободы”⁴, Всероссийский союз городов и Комитет СФ – “...не только мудрым полководцем, но и честнейшим гражданином нашей великой страны...”⁵, а солдаты Псковской команды санитаров и Псковских рабочих комитетов СФ Всероссийского союза городов – “...нашим солдатским и рабочим Генералом”, который сумел вовремя сберечь наши жизни от лишнего... кровопролития»⁶.

Советская историография при освещении исторических событий начала XX в. основное внимание сконцентрировала на истории революции и революционных сил. Использование при этом

советской академической наукой «единственно верного принципа – классового подхода в оценке прошлого» не позволяло в полной мере изучить все слои общества, в том числе высший командный состав русской армии, который вообще не рассматривался как самостоятельный субъект истории⁷.

С конца 80-х годов прошлого века в результате изменения общеполитического мировоззрения (перестройки) в России начался пересмотр существовавшей историографии, постепенное избавление от односторонности и политизированного подхода, что сделало возможным представить иначе (и как можно достовернее) происходившие в российской истории XX в. социальные процессы, исторические события и показать людей, в них участвовавших. В этой связи представляется интересным рассказать о Н.В. Рузском, оставившем свой след в истории нашей страны. Тем более, что систематизированной информации об этом человеке нет. Он остался в памяти лишь некоторых сослуживцев, которые скупо описали его в своих воспоминаниях. Его фамилия изредка упоминается и в исследованиях операций, в которых участвовали руководимые им войска.

Н.В. Рузский родился 6 марта 1854 г. в Калужской губернии, в православной дворянской семье. Воспитывался в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, которую окончил в 1870 г. Военное образование получил во 2-м военном Константиновском училище (1870–1872 гг.) и в академии Генерального штаба (1878–1881 гг.). Два последних учебных заведения были им окончены по первому разряду, что, безусловно, свидетельствует о его уме и способностях.

В военных училищах России того времени благодаря военным реформам Д. Милютина (1860–1870 гг.) были введены новые программы и применялись соответствующие им методики, оживлявшие теоретические и практические занятия. Вследствие чего юнкера (в том числе и Н.В. Рузский) получали хорошие на то время знания, которые требовали обогащения опытом армейской службы.

Обучение в академии Генерального штаба (ГШ) позволило Н.В. Рузскому значительно расширить свой военный кругозор, несмотря на происходящую в ней борьбу между «старым» и «новым». Меньшая часть профессорско-преподавательского состава смогла переосмыслить итоги Русско-турецкой войны (1877–1878) и привнести в учебный процесс современные веяния: была

усовершенствована академическая программа и увеличен перечень специальных предметов, улучшено их преподавание. Тем не менее, слушатели изучали и отживающие теории фронтальных ударов и захватов определенных топографических ориентиров, преподносимые старой профессурой. Впоследствии, к сожалению, приверженность этим теориям Н.В. Рузский не раз демонстрировал на полях сражений Первой мировой войны. К академии ГШ офицеры относились по-разному. Одни, окончившие ее, полагали, что только она готовит офицеров, способных в последующем занимать высшие посты в вооруженных силах. Другие считали это военно-учебное заведение «специальным поприщем для карьеристов и ловчил»⁸. Но, несмотря на все недостатки, «...академия давала надежное основание для самоусовершенствования»⁹.

По окончании академии в 1881 г. Н.В. Рузский был причислен к элитному корпусу офицеров ГШ, что открывало широкий горизонт для продвижения по службе. Вполне очевидно, что военный, желавший достичь вершин в полководческом искусстве, должен был пройти последовательно командные должности от низших к высшим, развивая у себя необходимые навыки и умения¹⁰. Однако сложившаяся в Российской империи в XIX в. система выдвижения офицерского состава на высшие командные должности, помимо протекционизма и старшинства в чине, позволяла офицерам, причисленным к ГШ, лишь «отмечаться» на некоторых командных должностях (определенных военным законодательством), проходя так называемое «цензовое»¹¹ (краткосрочное) командование.

В полной мере существующие особенности военной системы русской армии оказали влияние и на Н.В. Рузского. На его личные качества наложили свой отпечаток излишняя «гуманитаризация» учебных программ и отсутствие в военной гимназии именно военного воспитания, когда выпускники оказывались в профессионально-психологическом плане недостаточно хорошо подготовлены к переходу в военные училища¹². Сформировавшееся в результате военно-административных реформ Д. Милютин бюрократическое отношение к службе закладывало основу командной деятельности офицеров с дефектом «унижения воинского начала перед административным»¹³, чего не избежал и Н.В. Рузский. Впоследствии его, наряду с другими военачальниками, обвиняли в чрезмерном занятии общественными делами в ущерб развитию в «группе солдатском деле»¹⁴.

Во время Первой мировой войны бюрократизация армии проявилась в полной мере явным неумением многих военачальников (в том числе и ГШ) правильно оценивать сложившуюся обстановку, принимать верные решения и проявлять волю в их реализации, в сложных условиях сохранять самообладание и уверенность в своих силах и в целом неумением успешно выполнять боевые задачи¹⁵.

В соответствии со Сводом военных постановлений 1869 г. (1907 г. издания) в русской армии XIX – начала XX вв. было установлено три вида офицерских должностей: *строевые командные, строевые некомандные (штабные), административные*¹⁶. Таблица, составленная на основании данных послужного списка, дает представление о характере служебной деятельности Н.В. Рузского до начала Первой мировой войны¹⁷. Анализ ее данных показывает, что основной для военачальника вид службы (*строевая командная*) составил у Н.В. Рузского менее трех лет (*6 % от общего служебного стажа*). Маловероятно, что подобный командный стаж позволил основательные теоретические знания, полученные в академии ГШ, превратить в устойчивые командные навыки. Цензовое командование воинскими подразделениями и частями, длительные перерывы в командной практике объективно сводили «на нет» зарождавшиеся в ходе службы умения и навыки полководческой деятельности.

Наиболее длительное время Н.В. Рузский командовал корпусом – высшим соединением русской армии, в котором были сосредоточены все три существующие в то время рода войск. Полученные в этой должности практические навыки позволяли претендовать в последующем на должность военачальника в военное время. Но назначение командиром корпуса произошло после длительного (10 лет) перерыва в строевой службе на предыдущей командной должности и продолжалось 2 года и 3 месяца. Очень характерным является тот факт, что командование корпусом прерывалось длительными командировками, связанными именно с общественными, административными делами¹⁸, и продолжительными отпусками, общее время которых составило 350 суток¹⁹. Подобная практика позволяет сделать естественный вывод, что вряд ли будущий главнокомандующий был озабочен ростом своего профессионального (командного) мастерства. Даже при наличии желания, объективно сделать это было проблематично из-за постоянного отрыва от выполнения

Виды воинской службы	Занимаемые должности	Время нахождения в должности
Строевая командная	Командир роты	25.07.1877 – 13.10.1877 (2.5 м. во время войны)
	Командир батальона	3.03.1878 – 27.07.1878
	Командир полка	8.05.1884 – 2.11.1884
	Командир корпуса	27.09.1896 – 13.12.1896 29.10.1906 – 31.01.1909
Строевая некомандная (штабная)	НШ 11 кав. дивизии	16.11.1887 – 19.03.1891
	НШ 32-й Пехотной дивизии	19.03.1891 – 23.07.1896
	Врид НШ 11 АК	1.04.1895 – 1.05.1895
	Окружной генерал-квартирмейстер штаба КВО (год исполнял должность НШ округа)	13.12.1896 – 10.04.1902
Административная	НШ Виленского ВО	10.04.1902 – 28.09.1904
	Начальник полевого штаба 2-й Маньчжурской армии	28.09.1904 – 24.11.1905
	Прикомандирован к ГШ	24.11.1905 – 6.10.1906
Нештатные должности	Начальник войск Киевского гарнизона	2.08.1907 – 7.02.1912
	Помощник командующего КВО	7.02.1912 – 19.07.1914
Нештатные должности	Член совещания по составлению нового Положения о полевом управлении войсками в военное время (постоянно во время командования корпусом)	19.12.1906 – 21.06.1907 6.12.1908 – 15.06.1909
	Председатель междуведомственного совещания по пересмотру положения о пособиях в военное время	14.04.1909
	Член междуведомственной комиссии для установления порядка празднования 200-летия Полтавской победы	17.04.1909
	Возглавил разработку вопроса об обстановке и быте кадетских корпусов	1910

прямых функциональных обязанностей командира корпуса. Большая часть довоенной службы Н.В. Рузского, особенно предвоенной, была именно административной в ущерб командной. Однако, как отмечалось выше, существующая система должностного роста офицерского состава русской армии указанного периода вполне допускала подобный служебный путь.

Рассматривая деловые качества Н.В. Рузского и его послужной список как кандидата на выдвижение, старшие начальники давали ему положительную оценку. Так, например, аттестационный список, заполненный 1.01.1893 г. начальником 32-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Плаксиным на начальника штаба дивизии Н.В. Рузского, зафиксировал следующие качества: «Здоров и к перенесению трудов и походной жизни способен. Нравственные качества отличные. В служебном отношении весьма усерден,

выдающийся. К занимаемой должности вполне способен и не только удовлетворяет требованиям по должности НШ дивизии, но способен и на высшие должности. Одинаково способен к строевой и военно-административной деятельности»²⁰. Генерал-квартирмейстер штаба военного округа резюмировал: «Очень способный и основательный офицер Генерального штаба»²¹.

Перед Первой мировой войной Н.В. Рузский занимал должности, которые почти не предполагали непосредственных отношений с войсками. По словам его сослуживца генерал-лейтенанта К.И. Адариди (в бытность свою начальником штаба 12 АК), вследствие этого они его почти не знали, у штабных же офицеров он симпатиями не пользовался. При этом он был: «...хитрый, себе на уме, мало доброжелательный, с очень большим самомнением... возражений не терпел, хотя то, что он высказывал, часто никак нельзя было назвать непреложным. К младшим... относился весьма высокомерно и к ним проявлял большую требовательность, сам же уклонялся от исполнения поручений почему-либо бывших ему не по душе. В этих случаях он всегда ссылаясь *на состояние своего здоровья...*» (курсив мой. – *Прим. авт.*)²².

Что касается здоровья Н.В. Рузского, то многие отмечали его физическую слабость, болезненность и необходимость по нездоровью, временно, покидать ряды воюющих²³. Однако когда это стало происходить во время сложной боевой обстановки на фронте, его болезням стали приписывать «дипломатический характер». Так, М.Д. Бонч-Бруевич²⁴, достаточно близкий его семье и бывший во время Первой мировой войны генерал-квартирмейстером армии и фронта, последовательно руководимых Н.В. Рузским, отмечал: «...мне трудно сказать, действительно ли он на этот раз заболел, или налицо была еще одна сложная придворная интрига»²⁵. Косвенное подтверждение тому, что Н.В. Рузский «заболевал» в трудную минуту, можно найти в семейной переписке Брусиловых²⁶. Кроме того, ходили разговоры о морфинизме Н.В. Рузского как о причине его болезненности²⁷. Об этом в октябре 1916 г. в письме к Николаю II упоминала даже императрица Александра Федоровна: «...старый Рузский... человек довольно болезненный (дурная привычка нюхать кокаин)...»²⁸. Можно предположить, что необходимое лечение ранений и травм, полученных им в двух предыдущих войнах²⁹, действительно могло перерасти в болезненное пристрастие, усугублявшее его физическое и моральное состояние.

Протопресвитер русской армии и флота Г.И. Щавельский оставил подробный словесный портрет Н.В. Рузского: «Выше среднего роста, болезненный, сухой, сутуловатый, с сморщенным продолговатым лицом, с жидкими усами и коротко остриженными, прекрасно сохранившимися волосами, в очках, – он в общем производил очень приятное впечатление. От него веяло спокойствием и уверенностью. Говорил он сравнительно немного, но всегда ясно и коротко, умно и оригинально; держал себя с большим достоинством, без тени подлаживания и раболепства. Очень часто спокойно и с достоинством возражал Великому князю [Николаю Николаевичу младшему. – *Прим. авт.*]...»³⁰.

О деловых качествах Н.В. Рузского положительно отзывались В.А. Сухомлинов³¹, считая, что деятельность Н.В. Рузского на войне ценилась высоко, так как «тот был прекрасно знаком с военным делом и способен к целесообразной, продуктивной работе»³², и, косвенно, генерал Н.В. Егорьев³³. По мнению М.Д. Бонч-Бруевича, «Генерал Рузский был знатоком Галицийского театра военных действий и австро-венгерской армии; в него, как в никого, верили офицеры штаба и строевые командиры 3-й армии, образовавшейся из частей Киевского военного округа»³⁴.

Однако в августе 1914 г. во время Галицийской битвы 3-я армия под командованием Н.В. Рузского, поддавшегося влиянию НШ 3-й армии В.М. Драгомирова и проявившего эгоизм, недостаток стратегического мышления, оказавшегося неспособным быстро оценивать настоящую обстановку и предвидеть будущую, *вопреки прямым указаниям штаба Юго-Западного фронта*, заняла Львов, что противоречило общему замыслу фронтовой операции, обещавшей быть весьма успешной³⁵.

Действия Н.В. Рузского в ходе львовских боев А.А. Брусилов (в то время командующий 8-й армией ЮЗФ) охарактеризовал следующим образом: «Рядом с 8-й армией действовала 3-я армия, во главе которой стоял генерал Рузский, человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались»³⁶. НШ фронта М.В. Алексеев также отрицательно оценил деятельность Н.В. Рузского, отметив, что участь кампании зависела не от операции против Львова, и даже взятие города не смогло вознаградить фронт за потерю сражения на севере³⁷.

Тем не менее Ставка Верховного ГК представила взятие Львова крупным успехом, что, вероятно, было вызвано необходимостью поднять моральный дух России на фронтах и в тылу после восточно-прусской трагедии в сентябре 1914 г. «Герой» Львова был назначен главнокомандующим армиями СЗФ.

Следующей операцией Н.В. Рузского, уже в должности ГК, стала Лодзинская операция осенью 1914 г. Именно в ней он проявил отрицательные качества ума и характера, подмеченные исследователями. Генерал от инфантерии Н.В. Рузский принадлежал к числу тех высших военачальников императорской армии, которые, будучи сторонниками «вечных и неизменных принципов», верили в исчерпывающий характер военного плана. Раз приняв решение, Н.В. Рузский чрезвычайно легко делался пленником собственных предположений и планов, не понимая их ориентирующего значения. Обстановка могла измениться, привести к непредвиденным препятствиям в выполнении поставленной задачи, но все эти моменты Н.В. Рузским отклонялись. Единственный путь к успеху он видел только через призму своей стратегической схемы³⁸. Именно упомянутые черты характера военачальника не позволили ему оценить в полной мере данные о действиях противника, что могло привести к поражению русских войск. В решающей фазе фронтовой операции лишь четкие действия командующего 5-й армии П.А. Плеве, взявшего на себя командование всеми русскими войсками в районе Лодзи, спасли войска СЗФ от катастрофы. Итоги «полководческой» деятельности Н.В. Рузского подвела Ставка, приняв решение 16 ноября 1914 г. о невозможности вторжения в Германию.

Дальнейшая боевая деятельность Н.В. Рузского, ушедшего с должности главкома по болезни и возвращавшегося на нее вновь, не была отмечена какими-нибудь заметными действиями. Об этом периоде его службы упоминается в семейной переписке Николая II: «...Рузский... тяжелый на подъем... нуждается в сильном, энергичном помощнике, чтоб как следует двинуть дело... Рузский доволен своим местом... а потому он предпочитает спокойно сидеть...»³⁹.

Роль Н.В. Рузского в отречении Николая II, в отличие от советской и постсоветской историографии, подробно описана в исследованиях русского зарубежья. Спектр мнений в них представлен достаточно широко. Одни исследователи промонархической направленности обвиняют высших военных в организации ими

заговора с целью свержения монархии. Другие высказывают более взвешенные мнения, объясняя действия высших военных желанием изменений в государственном управлении, мешавшем своей непродуктивной деятельностью эффективному ведению войны⁴⁰.

Искушенные в политике представители прогрессивного блока Государственной Думы во главе с ее председателем М.Д. Родзянко, манипулируя информацией о реальных событиях в Петрограде, смогли убедить руководство вооруженных сил на театрах военных действий поддержать выдвинутые думцами политические предложения. ГК СФ Н.В. Рузский, как и НШ Ставки Верховного ГК М.В. Алексеев, оказались в эпицентре заключительных событий, связанных с принятием 2-го марта 1917 г. императором Николаем II решения о своем отречении сначала в пользу сына, затем в пользу великого князя Михаила Александровича (своего младшего брата), что уже 3-го марта 1917 г. привело к ликвидации монархии⁴¹.

Политические события в России, последовавшие после свержения монархии, привели к катастрофическому падению дисциплины на фронте, развалу армии и заставили Н.В. Рузского переоценить свое участие в отречении Николая II. После переворота в феврале-марте 1917 г. Н.В. Рузский, не скрывавший своих монархических взглядов⁴², стал неуютен новой власти и в конце апреля 1917 г. был отправлен в отставку. Последнее его обращение к армии связано с надеждой на ее будущее в новой России: «...С тяжелым чувством я расстаюсь с Вами доблестные войска Северного фронта... Великие дни перехода к новому строю жизни мы перешли вместе. С Вами увидел я зарю свободы Родины... Помните, что дисциплина – душа армии... Полученная свобода не должна ослабить нашей великой мощи...»⁴³.

В мае того же года Н.В. Рузский приезжает в Эссентуки на постоянное место жительства. Однако события октябрьского переворота 1917 г. перечеркнули мечты Н.В. Рузского о спокойной и заслуженной старости. В апреле 1918 г. последовал унижительный обыск революционными солдатами скромного дома отставного генерала. Единственным «трофеем» представителей новой власти оказался сверток с погонями, которые последовательно в разных воинских званиях носил генерал на всем протяжении своей армейской службы. Один из обыскивающих положил сверток на стол и разрубил погоны шашкой, на что генерал тихо, но внятно сказал:

«Что вы сделали, хамы? Это моя память. Службу начинал я с подпрапорщика»⁴⁴.

Республиканский вестник «Народная власть» от 15 мая 1918 г. сообщил, что бывший ГК армиями СЗФ и СФ Рузский Н.В., сославшись на преклонный возраст, отказался служить революции. Он был за отречение Николая II, но не против монархии вообще, чем составил тихую оппозицию большевикам⁴⁵.

Второго сентября 1918 г. Н.В. Рузский в числе других заложников (генералов, офицеров и высших гражданских чинов), взятых сотрудниками местной ЧК, был казнен⁴⁶. Красноармейцы отказались расстреливать боевых генералов Н.В. Рузского и Р.Д. Радко-Дмитриева. Служили ли они под их командованием, или были наслышаны о военных делах георгиевских кавалеров на фронтах мировой войны – этого никто не узнает. Казнь приводили в исполнение матросы из конного карательного «батальона смерти». Заложников сначала избивали резиновой плеткой, затем отрубали ноги, руки и лишь в конце – голову. Некоторых, в числе которых оказался Р.Д. Радко-Дмитриев, подбрасывали вверх и ловили на штыки⁴⁷. Н.В. Рузского зарубил председатель местной ЧК Атарбеков, получив на свой вопрос – «признает ли теперь генерал великую российскую революцию?» – ответ – «я вижу лишь один великий разбой»⁴⁸.

Личность Н.В. Рузского и его служебный путь весьма неоднозначны. Он занимал высшие командные должности, не всегда соответствовавшие его опыту, навыкам и умениям, что в полной мере можно отнести ко многим другим военачальникам Великой войны. И это было не их виной, а бедой русской армии, которая с приходом каждого последующего императора переживала «усовершенствования», не всегда приводящие к улучшению военной системы, в которой и так многое – от маленьких деталей до важнейших вопросов – держалось на изживших себя традициях, а не на здравом смысле⁴⁹. Несмотря на то что подбор и назначения на высшие должности осуществлялись лично императором из достойных по существующим правилам и законам людей, выбор начальствующих лиц был далеко не всегда удачен⁵⁰. Тем не менее, естественное стремление офицеров делать карьеру не мешало абсолютному их большинству служить России достойно и честно, в соответствии с существовавшими в то время армейскими традициями и действовавшими в русской армии законами.

Место захоронения генералов от инфантерии Н.В. Рузского и Р.Д. Радко-Дмитриева в Пятигорске (фото автора)

Надгробный камень на могиле Н.В. Рузского (фото автора)

¹ Если верить одной из генеалогических версий, Николай Владимирович Рузский имел дальнюю родственную связь с М.Ю. Лермонтовым. Согласно этой версии, городничий подмосковного города Рузы конца XVIII в. А.М. Лермонтов, являвшийся, как и великий поэт, потомком шотландца Джорджа Лермонта, имел внебрачного сына, которому он дал фамилию по имени города, которым управлял. См.: Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М., 1997.

² В Пятигорске находится место первого захоронения поэта. В 1842 г. прах М.Ю. Лермонтова был перезахоронен в имении Тарханы, ныне Лермонтово, Пензенской области. См.: Военную Энциклопедию (ВЭ): В 8 т. Т. 4. М., 1999. С. 429.

³ Орденом Святого великомученика и победоносца Георгия (далее Георгиевский орден) 4-й степени Н.В. Рузский впервые был награжден за бои с австрийцами, предшествующие взятию Львова. Второй Георгиевский крест (3-й степени) он получил за взятие Львова. Третьим Георгиевским крестом (2-й степени) награжден за победоносное отражение наступления австро-венгерской армии на Варшаву. См.: Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 364–059. Л. 13 об. (Это был второй случай награждения тремя Георгиевскими орденами в течение одной войны. Кроме Н.В. Рузского, такой чести удостоен генерал от инфантерии Н.Н. Юденич.)

⁴ См.: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1489. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 38.

⁷ За годы Первой мировой войны на западном направлении ГК армиями фронта был 21 генерал русской армии. По указанным причинам имена многих из них, и в том числе сыгравших важную роль в событиях февраля – марта 1917 г., по-прежнему остаются малоизвестными в отечественной истории.

⁸ См.: Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М., 1982. С. 88.

⁹ Столетие военного министерства 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1914. С. 359.

¹⁰ В аналитических материалах немецкого Генерального штаба констатировалось: «начальники... которые не озаботились еще в мирное время, самым обстоятельным образом, с жизненными условиями маневрирования современных войсковых масс, должны оказаться беспомощными, когда на войне им придется разрешать такие задачи». Цит. по: Мартынов А.Е. Политика и стратегия. М., 2003. С. 127. Позднее это подтверждал Маршал Советского Союза И.С. Конев: «Только долгая военная школа, прохождение всех ее ступеней – неторопливое, основательное, связанное с устойчивой любовью к пребыванию в войсках, проведению учений, к непосредственному командованию, к действиям в поле может создать полководца». См.: Фонд Стратегической культуры. 2005. Юрий Рубцов. Мастера полководческого искусства // <http://fsk.rustrana.ru/article.php?nid=9037>

¹¹ См.: Столетие Военного Министерства 1802–1902. Главный штаб. Выпуск второй / Глав. ред. генерал от кавалерии Д.А. Скалон, составил генерал-лейтенант П.А. Гейсман. СПб., 1910. С. 358–359.

¹² Военные гимназии, пришедшие в годы милютинской военной реформы на смену общим классам кадетских корпусов (КК), предназначались для подготовки юношей к последующему поступлению во вновь сформированные

военные училища. Образование в них должно было обеспечить всестороннее развитие личности, что особенно необходимо на ранней стадии подготовки молодого человека. Уход от «муштры» КК, считавшейся неотъемлемым атрибутом системы подготовки офицеров, к гармоническому развитию гражданина подвергался большой критике в военных кругах. С приходом к власти Александра III военные гимназии были подвергнуты критике как заведения, в которых утерян воинский дух и отсутствовало военное воспитание. В 1882 г. они вновь были преобразованы в КК. См.: Зайончковский П. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 249.

¹³ Милютин обвиняли в том, что во всех уставах и положениях он провел преобладание штабного элемента над строевым, подчинение строевых начальников штабам и управлениям. См.: Керсновский А.А. История русской армии 1700–1881. Смоленск, 2004. С. 384.

¹⁴ См.: Махров П. Современная война и высшее командование // Офицерский корпус русской армии. Русский военный сборник № 17. М., 2000. С. 290–295.

¹⁵ См.: Керсновский А.А. Указ. соч. С. 384.

¹⁶ Военная энциклопедия: В 18 т. / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. Т. 1. СПб., 1911. С. 146.

¹⁷ См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 364–059. Л. 2. Л. 7. Л. 13–13 об, Л. 17.

¹⁸ См.: Там же. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 8, 11.

²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 7967. Л. 3, Л. 4.

²¹ Там же. Л. 3, Л. 4.

²² Адариди К.И. Пережитое. Военно-исторический Вестник. 1965. № 25. Париж. Издание общества ревнителей русской военной старины. С. 5–6.

²³ См.: Сухомлинов В.А. Воспоминания. М., 2005. С. 137. См., например: Щавельский Г.И. Указ. соч. С. 254–255.

²⁴ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (8.3.1870 – 3.8.1956). Во время Первой мировой войны генерал-квартирмейстер штаба 3 А, с сентября 1914 г. – штаба СЗФ, с августа 1915 г. по февраль 1916 г. – НШ СФ. См.: ВЭ. Т. 1. М., 1997. С. 548–549.

²⁵ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам. М., 1958. С. 60.

²⁶ Из письма супруги А.А. Брусилова мужу в декабре 1916 г.: «Вот если бы ты захотел хоть несколько недель отдохнуть... Ведь Рузский несколько раз отдыхал. И тебе не пришлось связывать свое имя с неминуемыми воинскими неудачами при такой обстановке». РГВИА. Ф. 162. Оп. 1. Д. 4. Л. 110.

²⁷ Из письма супруги А.А. Брусилова от 14 февраля 1916 г.: «Рузский... время от времени должен уехать, чтобы лечиться, без морфия ни одного дня не обходится...». Там же. Л. 18.

²⁸ Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 640.

²⁹ Ранение, полученное в русско-турецкую кампанию 12.10.1877 г. в деле при взятии с. Горный-Дубняк; травма (перелом ребра), полученная при падении с лошади, 25.02.1905 г. во время отступления от г. Мукден. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 364–059. Л. 11.

³⁰ Щавельский Г.И. Указ. соч. С. 254–255.

³¹ Сухомлинов Владимир Александрович (16.8.1848 – 2.2.1926) генерал от кавалерии. С 1909 г. по 1915 г. военный министр России. См. СВЭ. Т. 7. М., 1979. С. 603–604.

³² Сухомлинов В.А. Воспоминания. М., 2005. С. 137.

- ³³ Генерал Егорьев В.Н. и его большие знакомства // Воен.-истор. журнал. 1989. № 9. С. 74
- ³⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 39.
- ³⁵ Историк А. Керсновский называл взятие Львова «заветным фетишем» штаба 3-й армии, тем самым косвенно намекая на зависимость Н.В. Рузского от НШ 3-й армии В.М. Драгомирова. Керсновский А. Указ. соч. С. 171. Об отсутствии некоторой самостоятельности характера у Н.В. Рузского писал подполковник ГШ Б.Н. Сергеевский: «...вместе со многими офицерами Генерального Штаба, я, в том же 1914 году, удивлялся, в какой мере Рузский шел “на поводу” у... пресловутого ген. Бонч-Бруевича...». Цит. по: Граф Келлер. М., 2007. С. 338.
- ³⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 67
- ³⁷ Керсновский А. Указ. соч. С. 171.
- ³⁸ См.: Керсновский А. Указ. соч. С. 17.
- ³⁹ Платонов О.А. Указ. соч. С. 640.
- ⁴⁰ См.: Кобылин А. Анатомия измены. СПб., 2005. С. 253, 264, 273. См., например: Солоневич И. Великая фальшивка февраля. М., 2007. С. 22. См., например: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 306. См., например: Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 316, 322, 330.
- ⁴¹ Ген. Н.В. Рузский. Беседа с журналистом В. Самойловым. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 142–145.
- ⁴² Ген. Н.В. Рузский. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (Из беседы с генералом С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 168.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1489. Л. 26.
- ⁴⁴ См.: Федотов Ю. Обыск у старого генерала // Кавказская здравница. 7 декабря 1991. С. 4–5.
- ⁴⁵ См.: Федотов Ю. Указ. соч.
- ⁴⁶ См.: Ткачев Е. Заложники // Кавказская здравница. 2 ноября 1990.
- ⁴⁷ См.: Калужный Г. Панихида по убиенным за отечество // Литературная Россия. 25 октября 1991. С. 19.
- ⁴⁸ См.: Калужный Г. Там же.
- ⁴⁹ См.: Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 60.
- ⁵⁰ См.: Куропаткин А. Меры по улучшению командного состава армии // Офицерский корпус русской армии. Российский военный сборник. М., 2000. С. 310.

М.А. Приходько (Москва)

ВОЕННО-ПОХОДНАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ВОЕННЫХ СУХОПУТНЫХ СИЛ В 1802–1808 ГОДАХ

Военно-походная его императорского величества канцелярия была создана Павлом I в марте 1797 г.¹ как личная канцелярия по военным вопросам.

Павел I буквально сразу после вступления на престол решил лично руководить деятельностью Военной коллегии, входя во все мелочи военного управления². Средствами этого руководства были ежедневные высочайшие приказы, отдаваемые при пароле, которые записывались, оформлялись и объявлялись генерал-адъютантами свиты его императорского величества. С 13 ноября 1796 г. приказы, отдаваемые при пароле, получили значение именных указов, то есть актов законодательного характера³.

К коронации Павла I в марте 1797 г. сложился штат чиновников, образовавших Военно-походную его императорского величества канцелярию под руководством управляющего генерал-адъютанта⁴, который подчинялся непосредственно императору и постоянно находился при его особе.

Учреждение Военно-походной его императорского величества канцелярии не было оформлено правовыми актами, поэтому ее структуру и задачи можно только предполагать. Канцелярия занималась:

- составлением и рассылкой высочайших указов и повелений;
- разработкой и объявлением изменений в военных уставах и положениях;
- приемом донесений всех войсковых начальников;
- награждением военных чинов и реализацией монарших милостей;

- управлением чинами свиты Павла I и фельдъегерским корпусом;
- представлением лиц императору.

Кроме того, Военно-походная его императорского величества канцелярия наделялась особыми полномочиями во время отсутствия Павла I в столице:

- организацией путешествия императора;
- приемом прошений «на высочайшее имя»;
- управлением районом временного августейшего местопребывания;
- докладом Павлу I состояния всех ведомств государственного управления и доведением высочайших повелений по этим ведомствам⁵.

В короткий срок Военно-походная его императорского величества канцелярия сделалась высшей надстройкой над Военной коллегией, а благодаря праву доклада по всем ведомствам управления превратилась в учреждение не только центрального военного руководства, но и в значительной мере высшего государственного управления⁶.

Рост влияния Военно-походной его императорского величества канцелярии отразился на положении ее управляющего генерал-адъютанта Х.А. Ливена. В воспоминаниях его супруги Д.Х. Ливен упоминается об одной из последних записок Павла I к Х.А. Ливену, в которой монарх именуется его держателем портфеля военного министра⁷. Военным министром Х.А. Ливен назван в «Военном энциклопедическом лексиконе»⁸ 1855 г. и в справочнике

Х.А. Ливен.
Портрет Т. Лоуренса. Начало XIX в.

современного историка В.И. Федорченко⁹.

Вступление на престол Александра I и учреждение министерств не изменили положения Военно-походной его императорского величества канцелярии.

Управляющий Канцелярии объявлял высочайшие повеления Военной коллегии и Генерал-аудиториату¹⁰, ему же Военная коллегия доносила о исполнении приказов государя. Наконец, управляющий Канцелярией находился в тесном взаимодействии с командующими войсками и военными начальниками¹¹.

Наряду с этим, в Военно-походной его императорского величества канцелярии сосредоточились дела по производству военнотружущих в чины, по передвижению войск и по разра-

ботке многих общих вопросов военного устройства и управления¹². Поэтому Канцелярия частично дублировала деятельность Министерства военных сухопутных сил, а в случае ведения военных действий и нахождения Александра I при действующей армии значение Военно-походной его императорского величества канцелярии возрастало многократно, отодвигая Министерство военных сухопутных сил, руководимое генералом от инфантерии С.К. Вязмитиновым, на второй план¹³.

Таким образом, Военно-походная его императорского величества кан-

целярия оставалась высшей надстройкой над Министерством военных сухопутных сил, пребывая в положении, которое она занимала до учреждения министерств над Военной коллегией.

С.К. Вязмитинов.
Портрет неизвестного художника
круга О.А. Кипренского.
Начало XIX в.

Более того, 8 августа 1806 г. был утвержден доклад генерал-адъютанта Х.А. Ливена «О образовании Военно-походной его императорского величества канцелярии»¹⁴. Таким образом структура Канцелярии впервые юридически оформилась и был подтвержден постоянный характер ее деятельности¹⁵.

Штат Военно-походной его императорского величества канцелярии¹⁶ определили в 19 чиновников, не считая управляющего.

Характерно, что компетенция Военно-походной канцелярии так и не была регламентирована. Ее статус и регламент определялся устными распоряжениями монарха.

Двоевластие¹⁷ в центральном военном управлении продолжалось до назначения 13 января 1808 г. министром военных сухопутных сил генерала от артиллерии А.А. Аракчеева¹⁸, лица особо приближенного к императору Александру I.

Указом от 16 января 1808 г. объявлялось о прекращении представления в Военно-походную его императорского величества канцелярию еженедельных меморий Военной коллегии¹⁹. Указом от 17 января 1808 г.

устанавливался порядок объявления постановлений Военной коллегии только министром военных сухопутных сил²⁰.

Наконец указом от 26 января 1808 г. Военно-походная его императорского величества канцелярия передавалась министру военных сухопутных сил «в полное его распоряжение»²¹.

То есть отныне Канцелярия напрямую подчинялась министру военных сухопутных сил А.А. Аракчееву.

А.А. Аракчеев.
Гравюра Н.И. Уткина с оригинала
Г. Вагнера. 1818 г.

Так закончился период своеобразного двоевластия в центральном военно-сухопутном управлении в Российской империи в 1802–1808 гг.

¹ Ориентировочно, 1 марта 1797 г. (Столетие Военного министерства. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1902. С. 290.)

² Столетие Военного министерства. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1904. С. 4.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1). Т. 24. № 17548. С. 5.

⁴ Столетие Военного министерства. Т. 2. К. 1. СПб., 1902. С. 288.

⁵ Там же. К. 1. СПб., 1902. С. 330.

⁶ Там же. Кн. 2. С. 23–32.

⁷ Schiemanн Т. Zur Geschichte der Regierung Paul I und Nicolaus I. Berlin, 1906. S. 41. (Ссылка на эту цитату есть и в официальном юбилейном издании «Столетие Военного министерства» (Т. 2. Кн. 2. СПб., 1904. С. 19).)

⁸ Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. Т. 8. СПб., 1855. С. 188.

⁹ Федорченко В.И. Свита российских императоров. Кн. 1. М.; Красноярск, 2005. С. 504.

¹⁰ Столетие Военного министерства. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1904. С. 73.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 42–55.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 1032. Л. 2–3.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 29. № 22235. С. 686.

¹⁶ Там же. Т. 43. Ч. 2. Отд. 1. К № 23998. Таблица I. С. 154.

¹⁷ То есть деятельность начальника (управляющего) Военно-походной его императорского величества канцелярии Х.А. Ливена и министра военных сухопутных сил С.К. Вязмитинова.

¹⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 159.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. 30. № 22754. С. 26.

²⁰ Там же. № 22756. С. 27.

²¹ Там же. № 22783. С. 45.

А.С. Ракитин (Москва)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ «ПУШКАРСКОГО ЧИНУ» ГОРОДА СЕВСКА В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

К сообществу служилых людей «пушкарского чина», как правило, причислялись: собственно пушкари, затинщики и воротники (составляющие т.н. «строевые чины»), а также рассыльщики, казенные кузнецы, казенные плотники и сторожа – крепостные служители, зеленые, колокольные, шорные мастера, пушечные литцы, горододельцы, колодезники и чертежники (чины нестроевые). Городовые строевые пушкари и затинщики подразделялись на полковых и городских (гарнизонных). В военное время полковых пушкарей направляли в армии, где они находились в ведомстве воеводы у «наряда». Оставшиеся в городах люди «пушкарского чина» обязаны были в случае нападения участвовать в обороне «в приход» неприятеля. В мирное время им поручалось дежурство возле артиллерийских орудий и пороховой казны. Помимо этого, служилые «пушкарского чина» отправлялись на пушечные дворы, получали в арсеналах новые орудия и доставляли их в свои города. Пушкари направлялись на заготовку и развозку зелья (пороха) и к изготовлению ядер. В городах, где не имелось воротников, кузнецов и плотников, пушкари выполняли их обязанности – открывали-закрывали городские ворота, ремонтировали «наряд». Пушкарей подражали к строительству и укреплению городов. Во время осады города «полковым» пушкарям помогали горожане, крестьяне и монастырские служки (т.н. посоха). Среди последних также нередко встречались люди, обученные основам артиллерийского дела, способные заменить выбывших из строя пушкарей и затинщиков. На службе пушкари и их помощники имели при себе ручницы (пищали). Очевидно, что ко службе при «наряде» прибирали тех, кто ранее прислуживал у орудий и хоть

немного был знаком с артиллерийским делом. Число пушкарей и затинщиков в отдельных городах Московии второй половины XVI в. было различным: 2–3 в Можайске и Кореле, 33–34 в Казани и Опочке. В городах, где имели затинные пищали (в основном на юге), пищальников было от 5 в Веневе до 48 в Туле.

За службу пушкари получали денежное и хлебное жалованье, а также земельные наделы (об этом подробнее скажем далее). В середине XVI в. московские пушкари получали по 2 рубля в год, по осьмине муки и по полпуда соли в месяц. Помимо этого, они получали на обмундирование «по сукну по доброму, цена по 2 рубля». В походах пушкари получали дополнительное хлебное довольствие.

Русские пушкари XVII в.

Украинные (городовые) пушкари получали в год по 1 рублю, 2 пуда соли, 12 четвертей ржи и овса. Порой вместо хлебного жалования выдавались деньги (например, пушкарям Невеля (пригорода Пскова), которые не имели земли)¹. Земельные наделы пушкарей также не имели постоянной величины: от 0,5 до 6 четвертей пашни на человека. Значительное число пушкарей и затинщиков занимались торговлей и ремеслами. Так, среди севских пушкарей в XVII–XVIII вв.

четко выделялись те, кто имел кузнечное, сапожное, котлярское и прочее «рукомесло»². Имелись и «серебряные мастера»³. Пушкарки, затинщики, воротники, кузнецы и плотники жили в своих дворах в городе или на посаде, однако в некоторых местах у них были даже отдельные слободы. В Казани, Пронске и Дедилове имелись слободы казенных плотников (казюков), а в Дедилове и Борисоглебске – воротничьи слободы. Кроме пушкарей, все эти категории служилого населения «пушкарского чина» были самыми малообеспеченными.

Управление ратными людьми «пушкарского чина» находилось в ведомстве Пушечного (затем Пушкарского) приказа, существовавшего с 1577 г. Приказ включал в себя военно-административные и судебные функции. Он набирал в службу новых пушкарей (и пр.), назначал оклады, отправлял в походы, судил и отставлял от службы. В городах пушкарки «со товарищи» подчинялись осадному голове, если же его не было – то воеводе⁴.

В центре нашего внимания – украинские служилые люди «пушкарского чину», в частности, пушкарки и затинщики города Севска.

Севск – бывший уездный город Орловской губернии, ныне районный центр Брянской области⁵. До 1630-х гг. Севск являл собой жилой острог в Брянском уезде, находящийся в Комарицкой волости. Сама волость относилась к ведомству Большого Дворца и представляла собой некое автономное формирование со своими выборными властями и приказчиками с центром в селе Лугань Чемлыжского стана.

Относительно постройки в Комарицкой волости Брянского уезда жилого острога Севск известно крайне мало, как и то – кто же был его первым воеводой после Смуты. Имеющаяся в источниках путаница в фамилиях не достаточно разрешена. Судя по Дворцовым разрядам за 1620 г., воеводой Севского острожка был Иван Васильевич Колтовский⁶. В Разрядных книгах фамилия воеводы звучит как Козлов: «В Северских городех: ...в Комаритцкой волости, в Севском остроге, Иван Васильев сын Козлов да подьячей Терентей Еуфимьев; и Ивану Козлову и подьячему велено быти к Москве, а в Комаритцкой волости, в Севском остроге велено быти Ивану Володимерову сыну Благому да подьячему Панкрату Бабанину»⁷. Годом ранее, в 1619 г., знаменщик (художник Оружейной палаты) Петруша Тепловский был снаряжен для составления городского чертежа острожка в Комарицкой волости вместе с Иваном Козловским⁸. «Учинен был Севской острог по рассмотренью для

береженья Камаритцкие волости» на месте северского городища времен Киевской Руси еще в эпоху правления Бориса Годунова, однако когда конкретно – архивные реляции сведений не сохранили. Построенный Севский острог «заступил» (прикрыл) собой три стана Комарицкой волости от «литовского рубежа»: Глодневский, Брасовский и Радогожский⁹. Села и деревни четвертого, Чемлыжского, стана окружали сам Севский острог, 15 его селений располагались «по литовскому рубежу, позаду Севского острогу».

Происхождение и состав

Приборные служилые люди Севского «острошку», среди которых непременно находились пушкары, затинщики и воротники, по

Крепостная артиллерия в действии

происхождению являлись выходцами из соседнего Новгород-Северского. «В Камаритцкой волости в Севску людей Новогородка Северского сведенцов», – так гласит один из столбцов со сметными данными по количеству ратного населения¹⁰. После Поляновского перемирия, заключенного в 1634 г., в Севске появляются выходцы из Стародуба-Северского. Частично местное служилое общество в 1620–1630-х гг. пополнялось также не поверстанными в службу родственниками ратных людей, гулящими людьми и дворцовыми крестьянами государевой Комарицкой волости. Самый ранний список новгород-северских служилых людей «по прибору», среди которых, непременно, были отцы и дядья «будущих» севчан, датируется 1605 г. и является раздаточными книгами ратникам, сидевшим в осаде в Новгород-Северском от осаждавших его отрядов Расстриги. Эти осадные сидельцы были местными уездными детьми боярскими, казаками, стрельцами, пушкарями и бортниками. Вместе с ними в крепости «засели» ратники из Брянска (дети боярские), Москвы (стрельцы), Трубчевска, Белева и Кром (казаки)¹¹. В обороне города также приняли участие монахи Новгород-Северского Спасского монастыря и даже один слепой старец, ходивший лазутчиком во вражеский стан¹².

Итак, в «осадных» списках служилых Новгород-Северского записаны отцы и деды стрельцов, пушкарей и казаков, переведенных к 1620 г. в Севск. Это: Карцевы, Путины, Мальцевы, Плохово, Коростелевы, Пасновцевы, Серпуховитины, Кирпичевы, Перевозчиковы и другие. Один из рядовых осадных казаков, Ивашка Серпуховитин, перед переселением в Севск, в 1618 г. уже числился в пятидесятниках, по бедности своей прося царя дать деньги на проезд из Москвы в Новгород-Северский и наоборот – «дай на проезд своево государева жалования»¹³.

Стародубская фракция приборных служилых людей появилась в Севске после заключения Поляновского мирного соглашения, в 1634 г. Сведений о персональном составе приборных ратных людей того города до 1634 г. практически нет. Исключение составляют расспросные речи времен Смуты стрельцов, казаков, дворян, детей боярских, пушкарей, затинщиков Стародуба-Северского, составленные по случаю предполагаемых сношений служилых с литовскими людьми. В этих списках имеются такие фамилии: Чемесов, Подлинев, Седельников, Серков, Бояркин, Роев, Шипов, Осавцов, Рожнов, Ломакин, Потеряишин, Находкин, Остроглядов(ец), Ла-

шин¹⁴. Почти все они встречаются в городах, куда происходило переселение ратных людей Стародуба после «литовской отдачи». Однако, как это и водится, поселение пушкарей из Стародуба на новых местах было сопряжено с рядом трудностей, порой доходящих до покушения на их свободу. Так, в конце весны 1635 г. переведенные из Стародуба пушкарки, затинчики и служилые казаки Федька Мотосов со товарищи просили царя не позволять дворянам и детям боярским насильно брать их себе в крестьяне. Стародубцы в своем коллективном «челобитьи» рассказывали, как, «помнячи <...> государское крестное целованье и <...> государскую хлеб-соль», вышли из отданного Литве города в Севск. Служилые люди просили царя дать им жалованную грамоту о непосягательстве на их свободу со стороны местных дворян и детей боярских, жаждающих «ростачить по себе в крестьяне». Соответствующая грамота была получена 5 июня 1635 г. – ни в крестьяне, ни в холопы служилых людей не брать¹⁵.

В 20-х гг. XVII в., с образованием севской прослойки служилых людей «пушкарского чину», сформировался и собственный городской артиллерийский наряд.

Накануне Смоленской войны, в начале 1631 г., он в Севске состоял: из 2 пищалей полуторных медных (к одной 200 ядер в 6 гривенок, к другой 36 ядер по 4 гривенки), 10 пищалей полковых железных (к ним по 108 ядер в 3 гривенки), 3 медных тюфяка (к ним по 1 ядру и 17 гривенок дробы), 4 пищали медных затинных (к ним 99 ядер свинчатых), зелья 199 пудов, 22,5 гривенок, свинцу 192 и 23,5 гривенок. В 1630 г. прислано из Пушкарского приказа 100 пудов зелья ручного, 50 пудов пушечного, 50 свинца¹⁶.

Помимо службы при наряде, севские пушкарки, числом два человека, находились при зеленой (пороховой) и свинцовой казне, где менялись «подено» (ежедневно)¹⁷. Любопытным видом службы севских пушкарей в первой половине XVII в. была разведка («лазутчество»). Как правило, в качестве разведчиков (лазутчиков) на русской окраине в зарубежные города отправляли торговых людей, однако вплоть до конца XVII в. прослойка посадских людей в Севске полностью отсутствовала, торговлей и промыслами занимались слободские служилые люди «по прибору». В отписках царю 1638 и 1646 гг. севские воеводы подчеркивали: «В Севске посадских людей нет»¹⁸. Расскажем об этом подробнее.

Итак, главной задачей лазутчиков, как с русской, так и с литов-

ской сторон, был сбор сведений о положении дел в Речи Посполитой, включая информацию о средоточии воинских континентов в ближайших к московскому рубежу городах-крепостях. Важнейшим местом для «проведывания вестей» был Новгород-Северский. В отписке 1623 г. севский воевода Григорий Горихвостов жаловался об отсутствии, «неимении», в Севске лазутчиков для получения сведений о зарубежных городах. Так, 1 мая того же 1623 г. в Новгород-Северский для своего «управного» дела к родственникам собирались ехать жители Севска – Афонька Труфанов и Сенька Логвинов. Желая привлечь севчан к разведке, воевода велел им наблюдать обстановку за рубежом, по возможности узнавать о ситуации в Литве. Труфанов и Логвинов привезли интересные сведения о недавно прошедшем польском сейме и черкасах. Последние насторожили вдвойне, так как «ныне все (то бишь черкасы) в порубежных городех, ждуг от короля указу». Таким образом, А. Труфанов и С. Логвинов фактически были первыми севскими лазутчиками в Литве. Это отчасти подтверждает следующее сообщение воеводы Горихвостова: «А в Севску ж до приезда нас у прежних воевод из городовых из жилецких и уездных людей для вестей за рубеж знающих людей не выбрано никого». Далее Горихвостов спрашивает: «...и впредь о тех, которые учнут тебе, государю, служить, а в литовских городех проведывать вестей и твое государево жалованье и на подарок для вестей тем людям давать ли?» Государева грамота, привезенная в Севск с казаком Гришкой Юргиним, одобрила идею Горихвостова¹⁹. Литовская сторона, отлично зная такой ход соседей, также вела строгий надзор за деятельностью русских торговых людей в своих территориальных пределах, порой прибегая к самым изощренным методам. Так, в начале ноября 1624 г. в Новгород-Северский был направлен севский пушкарь-«торговый человек» Андриюшка Луханин с разнообразными товарами, среди которых были куницы, шелк, рукавицы, мыло костромское. Местный урядник, капитан Счасный Вишель, на месяц с лишним пушкаря у себя в городе задержал «и в Севеск из Новагородка не отпустил неведомо для чево». Вернулся Андриюшка Луханин только в январе. Объясняя причину задержки, пушкарь рассказывал следующее. Неудачно сторговавшись с самим Счасным Вишелем, Андриюшка был «напрасно оговорен» новгород-северскими посадскими людьми Гришкой Киреевым, Федькой Почекаем²⁰ и его «бабкой литовкой». Как впоследствии заявил пушкарь – «научил их сам урядник». Посадские люди якобы слышали,

как загулявший Андриюшка в кабаке при них самих «лаел [ругал] короля и королевича». Посчитав это серьезным поводом насолить «москвитам», Вишель посадил Луханина «за пристава... за гойдуки», где тот просидел три недели. Вымогая товар за свободу, Счастный Вишель взял с севчанина 12 куниц ценою по 7 рублей каждая. После чего, когда Вишель вернулся из деловой поездки в Нежин, Андриюшка был освобожден «за поруки». Памятуя о своих обязанностях, Луханин узнал от своих знакомцев, жителей Новгород-Северского, что в городе, окрестностях и других «украинных литовских городех» воинских людей нет, что в Гомельском уезде и Речицах стоят «Лисовчикова полку козаки»²¹, где «ваюют литовские села и деревни». Капитаном Вишлем были направлены два поляка в Речицу и Гомельский уезд с целью разведать о численности и дальнейших планах казаков. Вернувшись, поляки сообщили, что «собралось было козаков Лисовчикова полку три тысячи человек, и собрався стояли в Речицком да в Гомском [Гомельском] уезде», откуда и разбежались «по городом». При нем, Андриюшке, в Новгород-Северский приехали белорусские торговые люди из Могилева. Не теряя момента, севский пушкарь представился могилевцам жителем Новгород-Северского, дабы узнать про «збор литовских воинских людей и про моровое поветрие». Могилевцы рассказали, что скопления воинских людей в Литве нигде не наблюдается. Интересные подробности были услышаны и об уряднике Счастном Вишеле, об его «неправде» в дипломатических и торговых делах «противно мирному постановленью»²².

Еще одним родом службы приборной мелкоты Севска, и, в частности, пушкарей, была служба в качестве приставов, подразумевавшая сугубо полицейские функции. В начале февраля 1626 г. «перешли на... государево имя» из Новгород-Северского села Ивот крестьяне – братья Давыдка, Васька и Гаврилка Андреевы «со товарищи» вместе с семьями. В 20-х числах того же месяца рубеж перешли еще несколько семей ивотских крестьян. По прошествии стандартной процедуры крестного целования, всем «ивотченам», Давыдке Андрееву со товарищи, было велено подыскивать себе пустые места для поселения. Крестьяне остановили выбор на починке Хинель Чемльжского стана. Этот починок, как выяснилось, «запустил от вайны литовских людей тому лет з дватцать» – то есть как раз в Смуту. Новгород-северцам были определены льготы для дворового строения и земляной распашки. Однако севские воеводы

Прокофий Воейков и Никита Власьев были обеспокоены тем, что Хинель находится слишком близко к границе, правда, точное расстояние до рубежа им было пока не известно. Существующий порядок размещения на пашне выходцев из-за рубежа требовал селить их не ближе 50–70 верст от границы – «чтоб в том зарубежным людям Смута не учинилась». С целью «досмотра» места в Хинель направился севский пушкарь Давыдка Долбин. Вернувшись от крестьян, он сообщил, что починок находится всего в 30 верстах от литовского рубежа, практически гранича с Рыльским уездом. По словам Давыдки, между почином и границей существовали еще несколько сел и деревень Чемлыжского стана. Севские воеводы приказали крестьянам искать себе другое подходящее место для поселения – верст в 50 от рубежа. Все это вызвало возмущение у ивотчан, была подана челобитная в Разряд. Приехавший с очередного досмотра из Хинели пушкарь Севка Бабичев рассказал, что крестьяне уже поставили порядка 20 дворов с избами и клетями и завели пашню – по выражению самих переселенцев, «в двух полях пашню переложную распахали». П. Воейков и Н. Власьев решили дать крестьянам время до государева указа, «пока пашенная пора минетца». Что удивительно, государев указ запретил сгонять выходцев с уже насиженного места, однако было велено впредь «зарубежных мужиков» селить верстах в 70 от рубежа²³.

Численность

Количественные сведения о численности служилых людей Севска «пушкарского чина» в Разрядных книгах появляются лишь с 1625 г. Тем не менее, едва ли она существенно отличалась в период с 1620 по 1625 гг., если верить чудом сохранившимся выпискам из межевых книг 1623 г. Так, в 1625 г. в Севском остроге Комарицкой волости вместе с 200 стрельцами, 125 казаками (из них 111 конных, 14 пеших), пушкарей и затинщиков числилось 50 человек, воротников, кузнецов и казенных плотников – 11 человек. Захребетников (казачьих, стрелецких, пушкарских, затинщиковых детей, братьев и племянников) 112 человек. Всего 498 человек. Далее Разрядная книга сообщает примечательную подробность: «А бою у них никакого нет»²⁴. В следующем, 1626 г., численность, в принципе, оставалась прежней – 498 человек. За исключением того, что казаки стали теперь все конными и 25 человек из них были направлены по службе в Путивльский уезд, на реку Псел, «на городище» (без

уточнений, какое конкретно), «в прибавку к путивльским служилым людям». С государевым оружием в этом же 1626 г. улучшений не произошло: «А бою у них никакого нет»²⁵. В 1627 г. севчан уже 488 – захребетники по каким-то причинам теряют 10 человек²⁶. В 1628–1630 гг. ситуация все та же, однако в 1630 г., в качестве временных служилых людей, в состав севского гарнизона были включены даточные Чемльжского и Радогожского станов – 10-й доли с 2065 дворов 225 человек²⁷. Далее, вплоть до Смоленской войны, относительно приборных служилых людей, количественная раскладка севского гарнизона продолжала оставаться стабильной. Исключение составляли лишь родственники служилых и даточные люди, численность которых варьировалась в зависимости от принципов набора и военной опасности (10-я доля либо же с «жилой выти»). После подписания Поляновского мирного соглашения в Севске появились 15 человек стародубских казаков, 2 пашенных крестьянина, а также 3 стародубских севрюка: «братья Мартемьянко да Наумко Дончины и Игнатко Демидов»²⁸. Последние явно выступают как некая отдельная от пашенных крестьян и служилых людей социальная или профессиональная группа, характерные особенности которой пока установить сложно.

В 1636 г. число стародубских казаков увеличилось до 22 человек. Вдобавок ко всему в Севске появляются стародубские и новгород-северские люди «пушкарского чину»: 23 человека, а также столько же «трубчевских выводных стрельцов»²⁹.

В начале 1640 гг., в разгар масштабного строительства системы засек и валов – Белгородской засечной черты, – московским правительством было принято решение о постройке двух новых городов – Вольного (на Вольном Кургане) и Хотмыжска (на древнем городище Хотмышль). Служилые люди Севска, участвовавшие в строительстве Хотмыжска (строельная книга), были представлены 47 казаками с пятидесятником Федором Исаевым, 50 стрельцами сотника Карпа Рябинина и 5 пушкарями³⁰.

Охочий люд из Комарицкой волости записался в вольновские служилые люди в лице 4 севских казаков во главе с десятником Якушкой Грешным, 2 стрельцов и 3 пушкарей. Несомненно, что приток охочего люда из Комарицкой волости к Вольному кургану был гораздо многочисленнее, однако пробиться в штат ратного контингента этого будущего города посчастливилось лишь единицам. Временную службу в Вольном (9 человек) и Хотмыжске (5 человек) в феврале 1640 г. отбывали также севские пушкари – в пору, когда в новом

городе появился артиллерийский наряд³¹. Севчанам было назначено жалование в 4 рубля.

Чуть позже, в 1650 г., московское правительство начинает постройку двух новых городов в бывших пределах Путивльского уезда – в урочище Недрыгайлов (промысловом юрте местных посадских Недрыгайловых) и на Каменном городище. В «строельном деле» (строительных работах) участвовали и севчане, правда, только стрельцы и казаки.

По крестоприводной книге 1645 г., в Севске числились: 50 пушкарей собственно севских, 21 пушкарь и 8 воротников «стародубского выходу». Кроме них, в Севске значились пушкарских детей, братьев и племянников – 63 человека, пушкарских бобылей 18 человек³². Итого – 160 человек.

В 1676 г. раскладка по ратным людям «пушкарского чина» выглядела так:

– пушкарей и воротников головы стародубца Федора Климова – 110 человек с отцами, отставленными от службы, братьями и сыновьями;

– «на службе великого государя» – в Киеве – 2 пушкаря, в Белеве – 10, «в полку стольника и воеводы князя Михайла Григорьевича Рамодановского» – 12 и 1 (Петрушка Бунаков, бежал в прошлом, 1675 г.). Детей пушкарей, не «поспевших в службу», – 12 человек. «Воротничья» фракция севских служилых в численном плане была представлена в лице 19 человек³³. Вооружены они были бердыщами, родичи и дети в основном рогатинами. Всего – 165 человек.

В 1687 г.:

- 42 пушкаря – «на лицо»;
- 6 воротников;
- 6 фитильных мастеров;
- 2 пороховых мастера;
- в тот же год «на Коломне» в полку окольного Ивана Леонтьева – 3 пушкаря, 1 воротник;
- в Батурине – 14 пушкарей, 2 воротника;
- «за старость и за увечья от службы отставлены» – 9 пушкарей;
- в уме «рушился» – 1 пушкарь;
- «пушкарские дети и свойственники и племянники, которые в возрасте [то есть старше 15 лет]» – 39 человек;
- пушкарских детей, свойственников и племянников «в малых летах» – 6 человек³⁴.

Как видим, здесь отчетливо выделились в обособленное сообщество фитильные и пороховые мастера.

По крестоприводной книге 1682 г., служилых и жилецких людей Севска царевичам Петру и Ивану Алексеевичам пушкарей головы Федосея Черкашенинова – 45, воротников – 7. Не присутствовали при крестном целовании по разным причинам «по справке в Севску в розрядной избе те люди посланы для государевых дел в Севской уезд и в розные города, а иные по сказке казачьих и стрелецких пятидесятников и десятников съехали для торговых промыслов и для своих дел» – 19 человек пушкарей, 2 воротника, 2 фитильных мастера и 1 пороховой³⁵. Общая численность – 76 человек (без детей и родственников).

К XVII в. ратные люди пушкарского чина сливаются в одно служилое образование – пушкарей, воротников и затинщиков мы уже не находим. По ландратской книге 1718 г., в Севске 46 пушкарских дворов, в Коростовке – 25 плюс 2 «бездворные избенки»³⁶. Вторая ревизия дает нам следующие цифры: пушкарского чина Севска – 119 душ, слободы Коростовка – 53 души³⁷. К 1760 г. севские пушкари становятся однодворцами, служба некоторых из них осуществляется в ландмилицийских полках.

Земельное жалование

Как мы уже отмечали выше, достаточно распространенным видом жалования (в силу извечной нехватки денег) было наделение пушкарей землей. В 1643 г. севские пушкари и затинщики, «стародубские сведенцы» Пантелей Мотосов «со товарищи» (23 человека) били челом в московский Разряд, прося у царя «вместить [их] землями по окладом» на пустоши Коростовка, вместо денежного и хлебного жалования. Царь прошение пушкарей и затинщиков одобрил, из приказа Большого Дворца в Комарицкую волость путному ключнику³⁸ Федору Басову на то пришла соответствующая грамота, «велено ему, Федору, ту пустошь дать им со всеми угодыями вместо государева жалования» – денежного и хлебного. Помимо этого, Басов обязан был отмежевать эту пустошь от «сторонних земель». Однако ключник с задачей не справился, т.к. вскоре умер. Немногом позже, в 1648 г., пушкари вновь просили довершить это дело, к тому же на эти места уже претендовали севские полковые казаки. Более того – «многих сел и деревень драгуны», севские служилые люди на пустоши косили сено и рубили дрова³⁹. Севские

казаки Никиты Гуляева добились в съезжей избе очной ставки пушкарям. Гуляевым была предоставлена выписка из межевой книги «письма и меры» 1623 г., составленной Иваном Волынским и подьячим Петром Горемыкиным. Им же было заявлено, что пушкари «стородубского выводу» били челом государю ложно. Прибедняясь, казаки говорили, что служат они с той земли государеву службу «без престани», без нее «служить... служба не з щевом», а денежного жалованья не дают им «ни по единой деньги». Пушкарь Василий Ломакин попросил обратить внимание на то, что в межевой книге И. Волынского и П. Горемыкина речь идет только о коллективном владении угодьями, среди которых «пашни паханые и перелогу и дикия дубровы и сенных покосов и лесу около Севска в ближних и дальних местех», а о пустоши Коростовка, тем более о владении ею казаками, нет ни слова. В довесок к этому, Ломакин предоставил уже упомянутую грамоту 1643 г. на владение пушкарями и затинщиками коростовской пустошью. Грамота имелась, но межевание застопорилось на несколько лет.

Было проведено расследование, в ходе которого опросили 690 крестьян Комарицкой волости. Опрашиваемые сообщили, что пустошь Коростовка Чемлыжского стана лежала «впусте лет с тридцать и больши и ништо ею не владеет, и к деревне в угодье не приписаны». Только здесь, на Коростовке, севские дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари, казаки и окрестных сел и деревень крестьяне сено косят и дрова секут, «а в тягло к крестьяном не отдано, лежит впусте». В Разряде посчитали показания крестьян и доводы Ломакина убедительными и приказали выехать на Коростовку с попами и крестьянами-старожилами, чтобы довершить межевание пустоши пушкарям и затинщикам: «от... дворцовых земель», учинить признаки и внести все это дело в межевые книги. Севским казакам вести здесь промысловую деятельность впредь воспрещалось.

В заключение подчеркнем, что численность людей пушкарского чина в Севске была на порядок выше, чем в прочих украинских городках. К 1650 гг. затинщики полностью исчезают из штата гарнизона Севска, слившись с пушкарями.

**Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Коростовка
(ныне Пушкино Севского р-на Брянской обл.). Фото Е.А. Журина**

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С 90; Дополнение к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 1, № 91; Бранденбург Н. 500-летие русской артиллерии. СПб., 1889. С. 19.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. 361. Ч. 1. Л. 287 об.

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 59–60.

⁴ Чернов А.В. Указ. соч. С. 90–91.

⁵ 52°09'00" с. ш. 34°29'38" в. д.

⁶ Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению, изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I. С. 459.

⁷ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 719. 8. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 473–474.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 473–474.

⁹ В расспросных речах бывших севских воевод И.Ю. Плещеева и П.С. Воейкова название двух станов дано ошибочно. Так, стан Брасовский назван Брасенским, а Радогожский на московско-подмосковный манер – Радонежским. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 355.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 24. Л. 384.

¹¹ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. № 42.

¹² Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 191.

- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Указ. соч. Д. 2. Л. 173.
- ¹⁴ Там же. Д. 13. Л. 10–13 об., 21–31 об. / Поклонский Д.Р. Стародубская старина XI–XIX вв. Исторические очерки. Кн. 3. Клинцы, 2005. С. 112–121.
- ¹⁵ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. М., 1894. № 13. С. 6; РГАДА. Ф. 210. Указ. соч. Д. 109. Л. 399.
- ¹⁶ Шашевский Е. Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 270.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 1, ч. 1. Д. 105. Л. 111–111 об.
- ¹⁸ Там же. Столбцы Севского стола. Д. 118, 162, 131. Л. 174.
- ¹⁹ Там же. С. 187.
- ²⁰ В сообщении севских жителей А. Труфанова и С. Логвинова, ездивших к родственникам за рубеж в мае 1623 г., Федька Почекай назван новгород-северским казаком. АМГ. Т. I. С. 187.
- ²¹ Казаки полковника Александра Юзефа Лисовского, известного авантюриста Смуты. Не смотря на смерть Лисовского в 1616 г., его соратники продолжали именовать себя «лисовчиками» в память об их атамане. Позднее лисовчики отличились на полях сражений в Речи Посполитой, Австрии, Пруссии, Ломбардии и Чехии.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 14. Ч. 2. Л. 402–411.
- ²³ Там же. Д. 17. Л. 142–143, 466–476.
- ²⁴ Книги Разрядные. Т. 1. Стб. 1127.
- ²⁵ Там же. Стб. 1234.
- ²⁶ Там же. Стб. 1343.
- ²⁷ Там же. Стб. 277.
- ²⁸ Там же. Стб. 809; РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Д. 118. Л. 213.
- ²⁹ Там же. Стб. 916.
- ³⁰ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 117. Л. 104–105.
- ³¹ Там же. Д. 139. Л. 7, 8.
- ³² <http://diderix.petergen.com/rgd-s45.htm> // Сборник статей и материалов, посвященный деревне Любоць и местам ее окружающим. С.В. Кочевых.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Оп. 6г. Д. 13. Л. 37–45 // <http://diderix.petergen.com/rgd-s76.htm>.
- ³⁴ РГАДА. Севские книги. Оп. 6г. Д. 16. Л. 480–482 об. // <http://diderix.petergen.com/rgd-1687.htm>
- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Дела разных городов. Д. 97. Ч. 2. Л. 914–927 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 362. Ч. 1. Л. 287 об.–295, 297–304 об.
- ³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 3056. Л. 52–58, 71–72 об.
- ³⁸ Представитель царской администрации в дворцовой волости.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 444–446 // РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 191. Л. 412–435.

Е.А. Родионов (Гатчина, Ленинградская обл.)

ОРУЖИЕ ГРАФА Г.Г. ОРЛОВА В СОБРАНИИ ГАТЧИНСКОГО АРСЕНАЛА

Собрание охотничьего оружия Гатчинского арсенала, большей частью сохранившееся до настоящего времени, было сформировано к рубежу XVIII–XIX вв. и связано с первыми хозяевами Гатчинского дворца – графом Г.Г. Орловым и великим князем Павлом Петровичем, впоследствии императором Павлом I. Какова их роль в создании оружейной коллекции Гатчины?

Важнейшими источниками для изучения истории формирования Гатчинской коллекции оружия являются описи арсенала, составленные в течение XVIII и XIX вв. Все они создавались по разным принципам, и хотя ни в одной из них нет прямых указаний на то, какие экспонаты коллекции поступили в нее при Орлове, а какие при Павле, сопоставление их содержания позволяет с большой уверенностью предполагать, каков был вклад в собрание каждого из его первых двух владельцев.

Самая ранняя из известных нам описей Гатчинского арсенала составлена в 1793 г. на немецком языке Германом (Ермолаем Ивановичем) фон Бенкендорфом (далее – «Опись 1793 г.»)¹. В ней предметы коллекции оружия разделяются по странам происхождения и конструктивным признакам (например, на категории «немецкие ружья», «немецкие штуцера с французскими ложами и немецкими замками», «турецкие ружья с турецкими ложами»)². Всего в данной описи перечисляется 130 единиц длинноствольного оружия и 104 пистолета. При этом в ряде случаев на полях, напротив описаний ружей и пистолетов, имеются отметки с датами, указывающие на то, что еще до 1793 г. некоторые предметы были из коллекции. Например, английский пистолет под № 8 был подарен некоему купцу³ (само по себе наличие таких отметок, очевидно,

свидетельствует о том, что данная опись основывалась на каком-то более раннем списке). Учитывая это, количество перечисленного в данной описи длинноствольного оружия и пистолетов, бывшее налицо в 1793 г., можно определить как 120 и 94 соответственно.

Важно также отметить, что ни в одной из категорий (исключение составляет только «шведские пистолеты») нумерация, хотя и идет последовательно, не начинается с «1». Например, первый предмет, описанный в категории «испанские ружья», имеет номер «35», в категории «французские ружья» – «24», а в категории «немецкие штуцера с французскими замками» – «153». Создается впечатление, что данная опись содержит информацию лишь о части коллекции оружия, являясь продолжением или окончанием некоего более полного инвентаря. Номера этой описи нанесены на приклады ружей или рукояти пистолетов синей краской.

В 1862 г. помощником столоначальника Сергеем Максимовичем Чистовским была выполнена опись Гатчинского арсенала, составленная в соответствии с порядком, в котором ружья и пистолеты коллекции были развешаны по стенам Оружейной галереи дворца. Длинноствольное оружие и пистолеты (преимущественно попарно) перечисляются отдельно. На август 1862 г. в описи числилось 685 единиц длинноствольного оружия, 8 отдельных стволов и 227 пистолетов⁴. Номера этой описи наносились на предметы фонда оранжевой краской, а также дублировались на навесных бумажных ярлыках Гатчинского Дворцового правления.

Третья важная для выяснения нашего вопроса опись Гатчинского арсенала была составлена в 1873 г. смотрителем Николаем Константиновичем Ангеловым (далее – «Опись 1873 г.»)⁵. Она, как следует из рапорта самого Ангелова, предваряющего основной текст, была составлена им из предыдущих описных книг ружейного арсенала⁶. В ней, так же, как и в Описи 1793 г., огнестрельное оружие разделено на категории в зависимости от конструкции и страны происхождения, а нумерация непоследовательна и, на первый взгляд, не имеет логики (например, в категории «немецкие штуцера с французскими замками» последовательность номеров такая: 357, 383, 578, 604, 533 и т.д.)⁷.

Содержание описи разделено на две неодинаковые по объему части, снабженные небольшими предисловиями, в которых, впрочем, нет прямых указаний на причину такого разделения⁸. В первой части перечисляются 560 единиц длинноствольного оружия и

128 пистолетов. Вторая часть содержит краткие описания 125 единиц длинноствольного оружия и 99 пистолетов.

Сопоставление описаний оружия с предметами фонда позволило выяснить, что в Описи 1873 г. использовались те же инвентарные номера, что были введены в Описи 1862 г. Последовательность же номеров, с которой перечисляются предметы в Описи 1873 г., удалось установить после сравнения содержания ее второй, меньшей по объему, части с содержанием Описи 1793 г. Они полностью совпадают, за исключением того, что в Описи 1873 г. совсем не упоминается оружие, которое в Описи 1793 г. отмечено как выбывшее, и, напротив, в ней числятся предметы, поступившие в коллекцию после 1793 г. (таковых всего девять)⁹.

Метод сопоставления нанесенных на оружие оранжевых номеров Описи 1862 г. и синих номеров позволяет понять порядок, в соответствии с которым оно перечислялось так же и в первой части Описи 1873 г. Проиллюстрируем это на примере уже упоминавшихся выше штуцеров, названных первыми в категории «немецкие штуцера с французскими замками»:

штуцер с номером Описи 1862 г. «357» имеет синий номер «1»,
штуцер с номером Описи 1862 г. «383» имеет синий номер «2»,
штуцер с номером Описи 1862 г. «578» имеет синий номер «3»,
штуцер с номером Описи 1862 г. «604» имеет синий номер «4»,
штуцер с номером Описи 1862 г. «533» имеет синий номер «5» и т.д., последний же штуцер в этой категории имеет номер Описи 1862 г. «327» и синий номер «152», в то время как первый штуцер в этой же категории из второй части Описи 1873 г. имеет номер Описи 1862 г. «507» и синий номер «153». Аналогичная ситуация и с другими категориями, на которые разделена первая часть Описи 1873 г., – обозначенное в них оружие идет в строгом соответствии с проставленными на нем синими номерами. При этом первый описанный предмет в каждой категории имеет синий номер «1», а последний – номер, предшествующий тому, который имеет первый предмет, обозначенный в соответствующей категории во второй части Описи 1873 г.

Таким образом, можно утверждать, что первая часть Описи 1873 г. содержит в себе список предметов, прямым продолжением которого является Опись 1793 г. и почти полностью повторяющая ее вторая часть Описи 1873 г. Так же можно сказать, что все оружие, перечисленное в Описи 1873 г., входило в состав Гатчинского

арсенала на 1793 г. (кроме девяти предметов, поступивших позднее).

Обращает на себя внимание и тот факт, что все оружие, перечисленное в первой части Описи 1873 г., помимо синих номеров, имеет совпадающие с ними гравированные номера, выполненные явно одним и тем же четким почерком. Чаще всего они находятся на затыльниках прикладов ружей и поддонах рукоятей пистолетов. На некоторых предметах оружия из второй части Описи 1873 г. подобные номера тоже встречаются, но они не гравированы, а крайне грубо процарапаны, что очевидно свидетельствует о том, что их проставлял уже другой человек и в другое время.

Исходя из вышеизложенного, кажется обоснованным предположить, что две части Описи 1873 г. отражают этапы формирования коллекции оружия, связанные с первыми двумя владельцами Гатчинского дворца – графом Григорием Орловым и великим князем Павлом Петровичем. Доказательством принадлежности оружия из второй части Описи 1873 г. и Описи 1793 г. к собранию Павла Петровича является, на наш взгляд, наличие в них предметов, владельцем которых мог быть только великий князь. Это два ружейных гарнитура, изготовленных в 1763 и 1768 гг., имеющих в своем оформлении личные вензеля Павла Петровича¹⁰, а также ружейный гарнитур, судя по вензелю, предназначавшийся для его супруги Марии Федоровны¹¹. Отсюда следует, что оружие, числящееся в первой части Описи 1873 г. и, очевидно, в некоем не дошедшем до нас инвентаре конца XVIII в., на существование которого в Описи 1873 г. есть прямые указания¹², принадлежало графу Григорию Орлову.

Среди всего множества оружия гатчинской коллекции, собранного графом Г.Г. Орловым, обращает на себя внимание ряд предметов, которые, как можно предположить по тем или иным деталям в их оформлении или информации о них в музейных описях, были изготовлены специально для него. Рассмотрим их.

Прежде всего, необходимо упомянуть винтовку (инв. № ГДМ-1042-IX) (рис. 1). Ее общая длина 135 см, длина ствола 92 см, калибр 17 мм. Ствол железный, кованый, мушка серебряная, затравочное отверстие отделано золотом. Канал ствола имеет 12 нарезов, в казенной части снизу выбито клеймо «Р». Замок кремневый, французского типа, на замочной доске таушированная золотом надпись «ТУЛА». Ложа орехового дерева, с цевьем во всю длину ствола и прикладом со щекой и пеналом, украшена небольшой резьбой

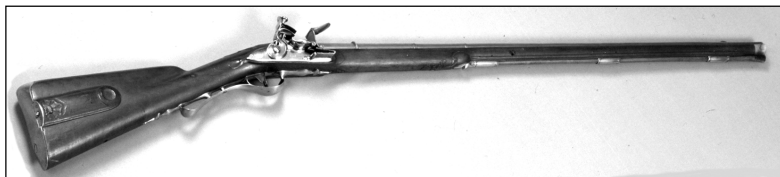

Рис. 1. Винтовка, инв. № ГДМ-1042-IX

рокайльного характера на крышке пенала, у хвостовика казенника и задней шомпольной трубки, а также S-образной накладкой на шейке ложи (утрачена). Прибор железный, полированный, без украшений. Ни конструктивно, ни по декору данная винтовка не представляет собой ничего необычного, однако обстоятельства изготовления выделяют ее из общего ряда, о чем повествует идущая по верхней стороне ствола таушированная серебром и золотом надпись: «ЕГО ВЫСОКОГРАФСКИМ СИЯТЕЛЬСТВОМ ГОСПОДИНОМ ГЕНЕРАЛОМ ФЕЛЬДЦЕХМЕЙСТЕРОМ КАВАЛЕРОМ ГРАФОМ ГРИГОРИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ОРЛОВЫМ В БЫТНОСТЬ В ТУЛЕ НА ОРУЖЕЙНЫХ ЗАВОДАХ РАБОТАН БЫЛ ЕГО ВЫСОКОГРАФСКИМ СИЯТЕЛЬСТВОМ СТВОЛ: 1767 ГОДУ СЕНТЯБРЯ 7 ДНЯ». Таким образом, перед нами подарок тульских мастеров графу Г.Г. Орлову, поднесенный во время его инспекционной поездки на Тульский оружейный завод, в ходе которой важному гостю дали приобщиться к процессу производства.

Другим экспонатом гатчинской коллекции оружия, специально изготовленным для графа Г.Г. Орлова, можно считать штуцер (инв. № ГДМ-905-IX) (рис. 2). Он был изготовлен в 1777 г. в г. Ревеле

Рис. 2. Штуцер, инв. № ГДМ-905-IX

мастером Кюнленцом. Его общая длина 101 см, длина ствола 62,5 см, калибр 17 мм. Ствол железный, восьмигранный, канал имеет

7 полукруглых нарезов. Мушка серебряная, затравочное отверстие отделано золотом, на нижней образующей три ушка для крепежных шпилек, на нижней стороне в казенной части клеймо в виде короны. В казенной части ствола по верху выбиты золоченые клейма, своей стилистикой подражающие клеймам, принятым у испанских мастеров. Одно из них содержит изображение короны с надписью в четыре строки под ней «KuhnLenz A Reval», в другом – изображение бегущего оленя, вокруг них группируются семь клейм с изображением стилизованного цветка и клеймо с изображением креста. Рядом с прицелом золоченая дата «1777». Замок кремневый, французского типа. Замочная доска украшена гравированным и золоченым орнаментом растительного характера, а также двумя золочеными надписями: «KUHNLLENZ» вдоль курка и «REVAL» под подогнивной пружиной. Спуск со шнеллером. Ложа орехового дерева, с цевьем во всю длину ствола, прикладом со щекой и пеналом. Наконечники ложи и шомпола из слоновой кости, украшенные гравированным орнаментом растительного характера. Ложа украшена инкрустацией серебряной проволокой в виде волнистых линий и завитков. Прибор серебряный, состоит из затыльника приклада, спусковой скобы, замочной личинки и трех шомпольных трубок. На шейке приклада фигурная костяная пластинка с гравированным растительным орнаментом. На принадлежность этого штуцера графу Григорию Григорьевичу Орлову указывает изображение его герба (рис. 3), выполненное на щеке приклада инкрустацией слоновой костью с последующей гравировкой¹³.

По всей видимости, специально для Григория Орлова в 1779 г. мастером Иоганном Адольфом Грекке было изготовлено и ружье

Рис. 3. Герб Григория Орлова на штуцере, инв. № ГДМ-905-IX

Рис. 4. Ружье, инв. № ГДМ-37-IX

(инв. № ГДМ-37-IX) (рис. 4). Его общая длина 127,5 см, длина ствола 86,2 см, калибр 18 мм. Ствол железный, кованный, вороненый, в казенной части восьмигранный, в дульной круглый, с гладким каналом. Мушка серебряная, затравочное отверстие отделано золотом. На верхних гранях ствола золоченые надписи «JOHANN ADOLPH GRECKE St PETERSBVRG», «1779» и «№ 15». Замок кремневый, французского типа, затравочная полка вызолочена, на замочной доске золоченые элементы растительного орнамента и надпись «Grecke». Ложа орехового дерева, приклад со щекой, наконечники ложи и шомпола роговые. Ложа украшена небольшой резьбой растительного характера у щеки приклада, крышки пенала

Рис. 5. Вензель на ружье, инв. № ГДМ-37-IX

и хвостовика казенника. Прибор латунный, золоченый, спусковая скоба и замочная личинка украшены чеканным рокайльным орнаментом. На шейке приклада укреплен золоченый латунный щиток с изображением вензеля, состоящего из литер «ОР» под российско-княжеской шапкой и окруженных лентой с крестом ордена Андрея Первозванного (рис. 5). По-видимому, именно этот вензель указывает на принадлежность данного ружья графу Григорию Орлову. В пользу такой его атрибуции говорит, как кажется, следующее: данное ружье относится к «орловской» части коллекции, то есть оно попало в арсенал в период с 1779 по 1783 гг. (по Описи 1873 г.

числится под № 97 в категории «немецкие ружья»)¹⁴, при этом оно не несет никаких номеров или отметок, которые могли бы указывать на принадлежность его ранее какому-либо другому собранию оружия; на настоящий момент нам не удалось найти упоминаний о кавалере ордена Андрея Первозванного, заглавные буквы имени и фамилии которого были бы «О» и «П» или «О» и «Р» и который бы умер в промежутке между 1779 и 1783 гг. Начертание литер «ОР» в вензеле на данном ружье весьма близко начертанию литер «ОГ» в вензеле графа Г.Г. Орлова (можно сравнить с его изображением в гербе на штуцере № ГДМ-905-IX). По-видимому, орловский вензель и пытался изобразить изготовлявший его мастер, но по тем или иным причинам неправильно трактовал литеру «G», приняв ее за «Р».

Холодным оружием, скорее всего относящимся к эпохе Григория Орлова и, по всей вероятности, использовавшимся самим графом, являются шесть наконечников от охотничьих рогатин с ножнами¹⁵. Они однотипны и лишь незначительно различаются размерами (общая длина от 63 до 64,8 см, длина железка от 38,5 до 39,4 см, ширина железка в основании от 7,9 до 8,2 см, вес в среднем 3,2 кг, длина ножен 42,5 см). Наконечники стальные, имеют обоюдоострое железко с гранью по середине, перекрестье и восьмигранный черенок, имеющий поперечное сквозное отверстие. К черенку на винтовой резьбе присоединена стальная восьмигранная втулка, служащая для соединения с древком. Ножны деревянные, покрытые черной лакированной кожей, с латунным прибором, состоящим из наконечника и устья с кольцом. Никаких украшений нет, назначение этого оружия сугубо утилитарное (рис. 6).

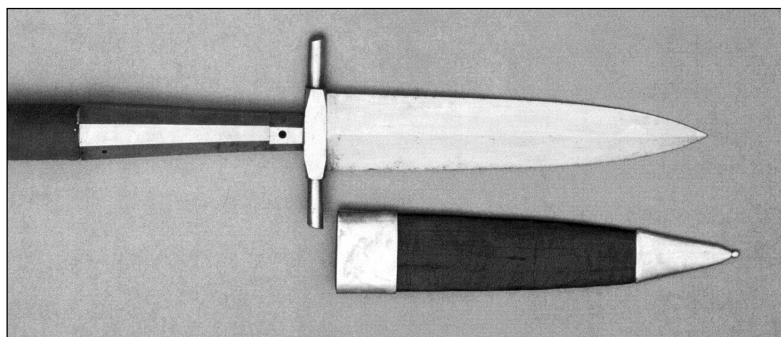

Рис. 6. Наконечник рогатины с ножнами

Ранее на основании описи Генеральной инвентаризации пригородных дворцов-музеев 1938 г. их было принято датировать серединой XIX в.¹⁶, однако данные, содержащиеся в других описях Гатчинского арсенала, позволяют существенно «удревнить» эту датировку. Прежде всего, обращает на себя внимание, что все перечисленные наконечники упоминаются в Описи арсенала за 1862 г.¹⁷, причем только два из них на тот момент имели древки, то есть были пригодны к использованию по прямому назначению (по данным Описи, древки были вязовые, полная длина рогатины составляла 2 м 88 см; во время эвакуации 1941 г. древки были демонтированы и утрачены). О том, как они хранились (а в данном случае точнее было бы сказать экспонировались) в Оружейной галерее,

Рис. 7. Рогатина и наконечники в Оружейной галерее Гатчинского дворца до 1941 г.

дает представление одна из фотографий вида галереи, сделанная до 1941 г. (рис. 7). На ней видна дверь, ведущая из галереи на площадку парадной лестницы, и на стене слева прикреплены одна рогатина с двумя отдельными наконечниками по сторонам от нее. Очевидно, на стене по другую сторону от двери, не видной на фотографии, находилась такая же простейшая арматура из рогатины и двух наконечников. Таким образом, уже на 1862 г. эти рогатины были частью интерьера и не могли использоваться на охоте. Помимо этого, в описи Гатчинского арсенала за 1917 г. есть указание, что они числились по описи за 1816 г.¹⁸, когда Гатчиной и дворцом владела вдова императора Павла I Мария Федоровна. Предполагать, что именно при ней

эти рогатины попали в коллекцию, пожалуй, не приходится. Так же крайне маловероятным кажется, что к поступлению рогатин в Арсенал имел какое-либо отношение Павел I, не любивший охотиться вообще, и тем более мало подходивший по своему росту и весу для охоты на крупного зверя с использованием рогатины. Зато эту опасную забаву любил страстный охотник Григорий Орлов, чему сохранилось достаточно свидетельств. Очевидно, именно с ним и следует связать появление описанных рогатин в арсенале Гатчинского дворца и, исходя из этого, датировать их можно 60–70-ми гг. XVIII в.

Выделение в составе Гатчинского арсенала «орловской» коллекции, а также оружия, изготовленного лично для Григория Григорьевича Орлова, видится особенно важным в связи с тем, что на сегодняшний момент это, пожалуй, самая существенная часть вещественного наследия знаменитого графа, сохранившаяся до нашего времени наиболее полно (примерно на 95 %, чего нельзя сказать об орловских собраниях живописи, скульптуры, мебели или фарфора) и находящаяся на своем историческом месте.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 7.

² Помимо информации об огнестрельном оружии, разделенном на подобные категории, Опись 1793 г. содержит список вещей, полученных из Павловского дворца – это преимущественно восточное холодное оружие. Поскольку их наличие в составе Гатчинского арсенала пока не удается проследить по каким-либо более поздним документам, данные о них не учитывались в работе над настоящей статьей.

³ РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 18.

⁴ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1358 – опись штуцерам и ружьям; Ед. хр. 1359 – опись пистолетов.

⁵ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 901.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Предисловие к первой части: «В Ружейном Арсенале Гатчинского Дворца находятся налицо оружия, на которые существует каталог, составленный для Графа Орлова 15 сентября 1793 года Германом фон Бенкендорфом, на немецком языке», РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Ед. хр. 901. Л. 3; предисловие ко второй части: «В Ружейном Арсенале Гатчинского Дворца находятся налицо ружья и пистолеты, на которые существует описание, составленной в 1816 году Генерал-Майором Маркевичем для оружия, находящихся в то время в Гатчинском Императрицы Марии Федоровны Арсенале». Там же. Л. 17 об.

⁹ Это ружья инв. № ГДМ-751-IX, ГДМ-348-IX, ГДМ-595-IX, ГДМ-383-IX, пистолет ГДМ-47-IX и четыре пистолета, выбывшие из состава фонда до 1941 г.

¹⁰ Два штуцера, ружье, мушкетон и четыре пистолета, инв. № ГДМ-1064-IX, ГДМ-1070-IX, г-30619 (ВХ-1275), ГДМ-1059-IX, ГДМ-1062-IX, г-30017 (ВХ-1267), ГДМ-1037-IX, ГДМ-1038-IX. См. Родионов Е.А. Ружейные гарнитурные Великого князя Павла Петровича в собрании Гатчинского дворца-музея // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. Часть 2. СПб., 2010. С. 246–253.

¹¹ Ружье и два пистолета, инв. №№ ГДМ-1063-IX, ГДМ-1066-IX, г-30474 (ВХ-1274).

¹² В первой части Описи 1873 г. несколько ружей, имеющих сложную конструкцию, описываются более подробно и при этом указываются их номера по каталогу Гатчинского арсенала в 1793 г.».

¹³ Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором помещен герб дворян Орловых: в золотом, с пятью горизонтальными лазоревыми полосами поле – красный орел. В первой и четвертой четвертях в золотом поле черный коронованный двумя коронами орел, а над ним в лазоревой вершине щита – золотая императорская корона. Во второй и третьей частях – стоящий на задних лапах горностаевый лев, имеющий на груди лазоревый щиток с серебряным крестом. Щит увенчан российско-княжеской шапкой. Над щитом три шлема с нашламниками; над правым возникающее крыло, над средним – двуглавый коронованный черный орел, над левым – бурлет и из него – возникающий лев. Щитодержатели – два воина со штандартами. Под щитом лента с девизом «FORTITUDINE ET CONSTANTIA» («Твердостью и постоянством») и вензель Григория Орлова из литер «G» и «O», увенчанный, как и щит, российско-княжеской шапкой.

¹⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Ед. хр. 901. Л. 11 об.

¹⁵ Инв. № ГДМ-313-IX, ГДМ-314-IX, ГДМ-315-IX, ГДМ-316-IX, ГДМ-317-IX, ГДМ-318-IX, ГДМ-319-IX, ГДМ-320-IX, ГДМ-320-IX, ГДМ-321-IX, ГДМ-334-IX, ГДМ-335-IX.

¹⁶ Ефимов Ю.Г. Гатчинский Арсенал. СПб., 2001. С. 154, 182, 202.

¹⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Ед. хр. 1359. Л. 212.

¹⁸ ГМЗ «Гатчина», НВА, № 1262/1999. Главный корпус, ружейный зал, краткая опись 1918 г. Л. 6.

М.С. Саламатова (Новосибирск)

СУДЬБЫ ОФИЦЕРОВ БЕЛЫХ АРМИЙ В СИБИРИ В 1930-е ГОДЫ

Последние два десятилетия в отечественной историографии стали периодом активного изучения и переосмысления истории Белого движения. Немало сделано и в изучении судеб белых офицеров, репрессированных в 1930-е гг.¹ Репрессии в отношении бывших белых офицеров, проживавших в Сибирском крае, исследовались преимущественно в рамках работ по истории интеллигенции и истории террора в Сибири²; специальных исследований, посвященных судьбам белых офицеров в 1930-е гг. в Сибирском регионе, пока немного³.

Основная причина отсутствия таких исследований, несмотря на очевидный интерес, заключается в ограниченности источниковой базы. Сопоставление списков бывших белых офицеров, находившихся на учете в ОГПУ в 1920-е гг., с архивно-следственными делами в отношении репрессированных в 1930-е гг. позволило бы детально проанализировать их судьбы. Однако малодоступность архивов региональных управлений ФСБ для историков пока составляет эту задачу перспективной. В настоящей публикации на основе доступных источников, в том числе ряда архивно-следственных дел в отношении репрессированных по делу «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации», предпринимается попытка изучения судеб бывших белых офицеров, проживавших в Сибири в 1930-е гг.

Непосредственным преддверием репрессий в отношении бывших белых офицеров стала «генеральная чистка» 1929–1931 гг. «Чистки» советского аппарата в 1920-е гг. носили перманентный характер. Официально эти мероприятия имели целью улучшение работы госаппарата, преодоление бюрократизма и волокиты путем удаления профессионально непригодных, «разложившихся»,

«обюрократившихся» сотрудников, «извращающих» советские законы. Однако по факту наиболее уязвимыми при «чистках» становились «социально чуждые» сотрудники, к которым в первую очередь относились белые офицеры, непролетарское происхождение вместе с фактами биографии периода Гражданской войны автоматически предполагало наличие антисоветских взглядов.

Несмотря на социальное происхождение и службу в Белой армии, «чистки» начала и середины 1920-х гг. бывшие белые офицеры, работавшие в советских учреждениях и на предприятиях Сибири, пережили относительно благополучно. По итогам «чистки», подведенным в январе 1925 г., проверке в Сибири подвергалось более 42 тыс. человек, из них было уволено 4,7 тыс. человек, или свыше 11 % от числа проверенных. Из аппарата учреждений Сибири разных уровней было уволено 630 бывших белых офицеров (свыше 13,4 % от числа «вычищенных»)⁴. Несмотря на радикальный настрой некоторых региональных руководителей и членов комиссий по «чисткам», «вычищенных» из одних учреждений бывших белых офицеров охотно принимали в другие. Сибирский краевой прокурор дал специальное разъяснение: «увольнение по чистке не является препятствием к поступлению на службу в другие учреждения», решающее значение при этом для администрации учреждения «должна иметь деловая точка зрения» вне зависимости от того, что данное лицо «уволено по чистке»⁵.

Генеральная «чистка» советского аппарата, проводившаяся на рубеже 1920-х и 1930-х гг., имела некоторые отличия от кампаний 1920-х гг. Во-первых, она проходила на фоне борьбы с «вредительством» и политических процессов против интеллигенции, во-вторых, она была публичной. «Чистки» проводились, как правило, в присутствии многочисленных представителей рабочих, профсоюзных организаций, комсомола и т.д. Кроме того, «чистку» отличала массовость.

По предварительным данным СибРКИ, в Сибирском крае на 1 сентября 1930 г. было проверено 93 142 человека, в том числе 20 234 служащих краевого и окружного аппарата. Всего «вычищено» 8448 человек (9,1 % от численности проверенных). Среди «вычищенных» социально-чуждых довольно значительную долю составляли бывшие белые офицеры. Из краевого и окружного аппарата «вычищены» 21,3 %, и 9,8 % – из низового аппарата (учреждений городского и районного уровня)⁶. При публичных «чистках» любое

упоминание об офицерском прошлом проверяемого специалиста вызывало резко негативную реакцию рабочей аудитории. Желание расправиться в ходе «чисток» с бывшими белыми офицерами, и вообще со всеми «бывшими», останавливал только острейший дефицит квалифицированных кадров в Сибири, к которым белые офицеры, как правило, и относились. Поэтому «революционный зуд» участвовавших в «чистках» останавливался решениями руководителей Сибирского края.

Проходившая «чистка» аппарата Сибкрайсовнархоза весной 1930 г. наглядно продемонстрировала эти тенденции. С одной стороны, главными жертвами «чистки» становились бывшие офицеры царской и белых армий и судебные работники царского времени (из 180 проверенных сотрудников 28 «вычистили», из «вычищенных» 13 – бывшие белые офицеры)⁷. Активность рабочих, многие из которых не имели ни малейшего представления о том, что такое Сибкрайсовнархоз и чем он занимается, сводилась, как правило, к выяснению социально-чуждого происхождения или белогвардейского прошлого. Бывшие белые офицеры в этом смысле представляли идеальную мишень, даже несмотря на то, что большинство из них были принудительно мобилизованы в армию Колчака, впоследствии служили в Красной армии, и происхождение многих также было демократичным.

С другой стороны, рвение класса-гегемона останавливали окружные и краевые комиссии по «чистке», понимая, что несмотря на негодование участников «чисток», заменить специалистов из числа бывших белых офицеров в Сибири не кем. Ресурс использования выдвиженцев был не безграничным. В итоге из Сибкрайсовнархоза было «вычищено» по второй категории только 3 бывших белых офицера. Несмотря на самую жесткую критику, в учреждении остался работать С.П. Волконский, названный комиссией по «чистке» «одиозной личностью» (в характеристике значится «аристократ, белогвардеец и лишенец»)⁸.

Таким образом, несмотря на то, что бывшие белые офицеры подвергались перманентным «чисткам», все же подавляющее большинство их проходили, сказывались положительные рекомендации коллективов, наличие столь ценных для Сибири образования и высокой квалификации, прагматичной позиции окружных и краевых руководителей, обусловленной отсутствием квалифицированных специалистов.

Вместе с тем, бывшие белые офицеры, будучи профессионально востребованными, жили в атмосфере нетерпимости и подозрительности, нагнетаемой советской пропагандой, в еще большей мере ситуация усугубилась в начале 1930-х гг. Настроения масс в отношении бывших белых офицеров были значительно более радикальные, чем решения комиссий по «чистке», особенно краевого уровня.

Параллельно с «Генеральной чисткой», в начале 1930-х гг. начинаются прямые репрессии против специалистов, служивших в годы Гражданской войны в белых армиях. Ответственность за провалы в экономической политике большевики попытались возложить на специалистов из «бывших», в Сибири – преимущественно на бывших белых офицеров. С началом коллективизации катастрофическое положение в сельском хозяйстве объясняли различными «заговорами» бывших. С.А. Папков называет несколько подобных «дел». В 1930–1931 гг. был выявлен сибирский филиал «заговора» общесоюзной организации «вредителей рабочего снабжения», во главе которого якобы стояли бывшие белые офицеры (Г.Г. Соколов, П.Н. Палферов и другие)⁹. Параллельно фабрикуется дело «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве», в его рамках были арестованы специалисты сельхозучреждений Сибири (в краевом земельном управлении, Сибплане, Сибполеводсоюзе, Сибсельмашсоюзе, Сибсельскладе, в управлении сельхозкредита, районном переселенческом управлении, сельхозинституте и на краевой опытной станции). Виновными во вредительстве вновь оказываются бывшие «белогвардейцы». Едва ли не все ведущие специалисты сельского хозяйства и ученые-аграрники Сибири оказались осуждены на различные сроки. В соответствии с официальным обвинением, вредительство заключалось в попытке реставрации капитализма: пробравшись на ответственные посты в сельхозорганизации края, они якобы создавали всевозможные льготы зажиточно-кулацкой части деревни в ущерб коллективным хозяйствам и вместе с тем выращивали кадры для вооруженного свержения советской власти¹⁰.

За 1931 г. ОГПУ было «разоблачено» 11 «контрреволюционных вредительских организаций, охвативших все основные области сибирского хозяйства»¹¹, виновными преимущественно оказались также специалисты из числа бывших офицеров (всего осуждено было около 150 человек)¹².

В итоге ситуация со специалистами в сфере сельского хозяйства и промышленности складывалась чрезвычайно сложная. В одном из обращений в крайком партии говорилось: «В совхозе ослепло 400 дойных коров. Местные специалисты с данным массовым заболеванием бороться некомпетентны. Срочно пришлите специалистов-белогвардейцев»¹³.

В начале 1930-х гг. достаточно редким было вынесение смертных приговоров по делам о «вредительстве» бывшим белым офицерам. Чаще всего ограничивались сроками заключения от 3 до 10 лет. С.А. Папков объясняет это тем, что власть до конца не определилась с их будущностью и нуждалась в их услугах. Катастрофическая нехватка специалистов в Сибири вынудила ОГПУ «постепенно пристраивать к делу “вредителей”, содержащихся в изоляции»¹⁴.

В 1931 г. очевидным образом проявляются эти колебания в отношении судьбы бывших белых офицеров. ОГПУ проводило агентурную разработку групп и отдельных лиц из числа бывших белых офицеров. Такие разработки проводились на перспективу и очень пригодились впоследствии в период «большого террора». Одним из таких «перспективных» для сибирских чекистов стало агентурное дело под названием «Паутина». Оперативную разработку по нему проводили сотрудники Секретно-политического отдела Полпредства ОГПУ по Сибирскому (далее Западно-Сибирскому) краю. К 1931 г. оно стало вырисовываться как «Дело общества по изучению Сибири и ее производительных сил» (ОИС). Считалось, что в Сибири под прикрытием ОИС осуществлялась консолидация «контрреволюционной вредительской организации», а совет общества как руководящий центр формировался из руководителей «отраслевых вредительских групп». Велась оперативная разработка примерно трех десятков видных представителей технической интеллигенции, профессуры, творческой интеллигенции, проживавших в Новосибирске, Томске и Омске. Весной 1931 г. прошли первые аресты, затронувшие ряд руководителей ОИС, эти аресты можно считать прологом к будущему делу «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации в Запсибкрае». 29 марта 1931 г. ПП ОГПУ по ЗСК было вынесено постановление об аресте бывшего генерал-лейтенанта русской армии, профессора академии Генерального штаба, главнокомандующего Уфимской Директории, на тот момент научного сотрудника

Института промышленных экономических исследований (ИПЭИ) в Новосибирске В.Г. Болдырева.

Чекисты намеревались получить в отведенные для задержания два месяца доказательств «вредительской деятельности» Болдырева, связав его с рядом представителей военной интеллигенции в Сибири и Москве. Давая показания о своей профессиональной деятельности, связях и знакомствах, Болдырев, имевший опыт нахождения под арестом в 1917 и 1922–1923 гг., вел себя предельно осторожно, не оговаривая других и не допуская самооговора. 29 мая срок его ареста был продлен «ввиду сложности дела». Однако и позднее доказательная база существования «вредительской организации» с Болдыревым во главе так и не была сформирована. Утверждение о том, что «отраслевые вредительские группы» сложились в Сибирском геодезическом управлении, геологоразведочном управлении, земельном тресте, не подтверждалось показаниями арестованных. В результате 15 августа 1931 г. ПП ОГПУ по ЗСК было принято постановление о том, что «имевшиеся против Болдырева предварительные материалы в процессе следствия подтвердились только в части антисоветской агитации, материалы же в части контрреволюционной деятельности Болдырева подтверждения не получили». Итогом стал конфуз ОГПУ, было принято решение об освобождении Болдырева и всех остальных задержанных из-под стражи. 1 октября 1931 г., рассмотрев представленные ПП ОГПУ по ЗСК материалы, распорядительное заседание Коллегии ОГПУ вынесло решение о прекращении дела.

Однако на этом агентурная разработка бывших офицеров белых армий не прекратилась, уже в феврале 1932 г. на основе дела «Паутина» возникли новые дела по «отраслевым группам» – «Плановики», «Географы», «Мелиораторы», «Растениеводы», «Мистики» и др. Как отмечает С.А. Красильников, «именно эти разработки чекистов были положены в основу мистифицированного “белогвардейского дела”»¹⁵.

По мнению С.А. Красильникова, обстоятельствами возникновения дела «белогвардейской повстанческой организации в Запсибкрае» стали как дестабилизация внутривластной ситуации в стране, которая подталкивала чекистов к активизации усилий по «вскрытию» «контрреволюционных группировок», так и внутрикорпоративные противоречия в самом чекистском ведомстве¹⁶. Соперничество в ПП ОГПУ по ЗСК развернулось между

экономическим отделом (ЭКО) и секретно-политическим отделом (СПО). В конце 1932 г. экономический отдел ПП ОГПУ по ЗСК начал массовые аресты и следствие по «контрреволюционному заговору в сельском хозяйстве». Не желая уступать первенство, секретно-политический отдел в начале 1933 г. производил массовые аресты по «белогвардейскому делу». Арестованные в 1933 г. высокопоставленные чекисты С.П. Попов и И.А. Жабрец, участвовавшие в 1933 г. в фальсификации этих дел, во время допросов не скрывали этой подоплеки. В частности, Попов показал: «Между СПО и ЭКО шло активное соревнование в фальсификации следствия, координируемого полпредом Алексеевым»¹⁷.

Полпред ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Н.Н. Алексеев, выступая перед краевым активом 4 июля 1933 г., говорил: «В конце 1932 г. органами ГПУ была раскрыта очень серьезная повстанческая организация, сумевшая проникнуть в систему наших МТС... всего по этому делу нами было арестовано примерно 2100 человек. Из них по приговору тройки мы расстреляли около 100 человек. Надо сказать, что большинство специалистов, агрономов, зоотехников и прочих, – являлись членами контрреволюционной группы. Из них не меньше 40 человек бывших белых офицеров. Попутно можно указать, что была вскрыта организация, возглавляемая генералом Болдыревым, которая объединяла около 400 офицеров и 1000 человек всякого рода другой публики. Так что здесь напряженное положение борьбы с классовым врагом более высокое, чем в других краях»¹⁸.

Очевидно, что родовым признаком, по которому фабриковалось дело «белогвардейской организации», для чекистов была принадлежность к офицерству царской и белых армий.

В основу дела о «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации» были положены материалы агентурных разработок «Паутина» и других. Во главе «белогвардейской» организации ОГПУ рассматривало генерала В.Г. Болдырева. Руководителями «организации» также виделись: Бутенко Х.Е. (бывший полковник, командующий войсками Приморского правительства, в советские годы – директор Лесоснабсбыта в Новосибирске), Шавров Н.П. (профессор, бригадный врач армии Колчака, в советские годы – директор химико-фармацевтического института), Краснов Г.А. (бывший товарищ министра финансов правительства Колчака. В советские годы – зав. сектором Крайплана),

Черемных Г.И. (бывший председатель земской управы, в советские годы – научный сотрудник и преподаватель), Лаксберг И.А. (бывший капитан армии Колчака, в советские годы – ученый-лесовод).

ОГПУ разрабатывало две линии «белогвардейской организации»: «вредительскую» и «повстанческую». Более всего на роль руководителей «повстанческой» части организации подходили генералы и полковники белых армий. Среди «руководителей повстанческой организации» оказались: М.В. Шатилов – бывший министр Сибирского Областного правительства, Р.П. Степанов и А.С. Шеметов – бывшие командующие 1-й и 2-й Оренбургскими казачьими дивизиями, Е.В. Булатов – бывший командующий 7-й Сибирской дивизией войск генерала Пепеляева.

Лидерами «вредительской организации» стали руководитель группы «Мистиков» профессор-правовед Б.П. Иванов, известный краевед, библиограф и один из руководителей редколлегии Сибирской Советской энциклопедии (ССЭ) П.К. Казаринов, научный сотрудник Института краеведения И.М. Залесский и другие.

В процессе ведения следствия «вредительские» и «повстанческие» линии начали объединяться в одну. Ключевой объединяющей их фигурой стал генерал В. Г. Болдырев. У Болдырева были получены показания о наличии трех периодов в «развитии контрреволюционной организации»: первый (1926–1928) – подбор кадров; второй (1929–1930) – «организационное оформление и вредительство»; после 1930 г. – «повстанческая деятельность». Для последнего и нужна была фигура полковника Х.Е. Бутенко в качестве «помощника». Арестованный 28 февраля 1933 г. генерал Болдырев на допросе 4 марта назвал Бутенко членом мифического «Центра».

Следствие по делу «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации в Запсибкрае» завершилось 13 мая 1933 г., продлившись всего четыре месяца. Всего по делу было арестовано 1759 человек, из них: бывших колчаковских министров – 2, бывших генералов – 3, полковников и подполковников – 21, офицеров – 362, казачьих атаманов – 15, казачьих урядников – 21.

Еще до рассмотрения дела Коллегией ОГПУ на 225 «активных участников» постановлениями Коллегии ОГПУ и региональной тройки было осуждено 1057 человек, из них приговорено к расстрелу 219 человек, большинство получили различные сроки

заклучения и ссылки, 51 человек был освобожден. Оставшиеся 477 арестованных ждали решений региональной тройки.

Собранный в 20 томов следственный материал поступил на рассмотрение и решение в Коллегию ОГПУ. Там он был принят к производству, и 5 августа 1933 г. Коллегия вынесла первое решение по данному делу, а 27 августа последовало второе. По Постановлению Коллегии от 5 августа 1933 г., приговоры были вынесены в отношении 159 обвиняемых, а 27 августа в отношении еще 66 человек. Всего, таким образом, через Коллегию ОГПУ прошло 225 обвиняемых в участии в «белогвардейской организации», из них 28 человек были приговорены к расстрелу, приговор приводился в исполнение с 20 по 24 августа 1933 г. Все остальные из первого списка получили по 10 лет лагерей, за исключением Б.И. Иванова (8 лет). Обвиняемые из второго списка получили меньшие лагерные сроки (от 3 до 5 лет), некоторые были отправлены на высылку в пределах края, И.А. Адрианова из-под стражи освободили¹⁹.

Судьба большинства осужденных была predeterminedлена этими приговорами. К моменту ведения надзорного производства в живых осталось менее 10 из 225 человек. Большинство погибло в период «большого террора». Трагичной оказалась участь примерно трети около 80 человек, попавших после приговора 1933 г. в Соловецкий лагерь, где к ним приклеилось название «сибиряки». Так они называли себя сами, так они значились и в агентурных сводках. В частности, в одной из них за 1934 г. отмечалось: «Вся группа “сибиряков” считает, что дело в отношении их создано искусственно органами ГПУ. Усиленно ведутся толкования, что дело в отношении бывших офицеров Колчака было создано только для того, чтобы их изолировать на период строительства второй пятилетки, а также в связи с опасностью войны на Дальнем Востоке»²⁰.

70 человек попали в «первый Соловецкий этап», вывезенный из Соловков и расстрелянный по приговору тройки УНКВД по Ленинградской области 27 октября 1937 г. в Карелии. Еще около десятка «сибиряков» расстреляли по приговору той же тройки 8 декабря 1937 г. Среди тех, кто был этапирован в сибирские тюрьмы и лагеря, выжили единицы, выйдя из мест заключения только в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Основную их часть также поглотил «большой террор».

Помимо двух крупнейших дел, сфабрикованных против бывших белых офицеров в 1933 г., были еще несколько меньшего

масштаба. В ходе т.н. лесного «дела» были арестованы 325 человек сотрудников предприятий и учреждений лесного хозяйства, среди которых также большинство составляли бывшие офицеры.

В январе 1933 г. выявили «повстанческую организацию технического персонала» из 12 человек «социально чуждых» на новосибирской бумажной фабрике. В нее входили технические руководители и специалисты предприятия, которые, по мнению ОГПУ, «готовили свержение советской власти», 7 человек из этой группы были расстреляны.

К концу 1933 г. в результате раскрытия двух крупных и десятка мелких «вредительских организаций» значительная часть «остатков враждебных классов» в Сибири была арестована и частично расстреляна. По мнению С.А. Папкова, после 1933 г. ОГПУ уже не производило изъятий «классово чуждых» в таких масштабах, оно лишь добирало уцелевших²¹.

Репрессии 1937 г. имели принципиальное отличие от репрессий предыдущего периода. В начале 1930-х гг. они преимущественно были направлены против социально чуждых, к 1937 г. этот ресурс был в значительной мере исчерпан, поэтому «вредителями» становились рабочие, крестьяне, военные, члены партии и т.д. При этом идеологическая риторика оставалась прежней – «классово чуждые» «вредили». Но если ранее в качестве «вредителей» выступали реальные офицеры, служившие в белых и царской армиях, то в 1937 г. – зачастую мнимые.

В процессе «самоочистки» организаций и предприятий от «классово чуждых элементов» отделы кадров и работники НКВД изучали карточки и личные дела сотрудников, в которых выявлялись неясные места в происхождении, прежних занятиях, проживании родителей, родных, друзей. В результате в каждой организации выявлялись «бывшие белогвардейцы», «кулаки», «контрреволюционеры». Так, при проверке Западно-Сибирского земельного управления из 436 работников аппарата было «выявлено» 102 «классово чуждых», среди которых якобы оказалось 47 бывших белых офицеров, которые и были немедленно арестованы²².

Весной и летом 1937 г. была развернута настоящая охота на последних представителей царской России: солдат и офицеров царской армии, участников мировой войны, побывавших в плену, бывших государственных служащих. Большая часть из них проходила по сфабрикованному делу «белогвардейско-монархической

организации Российского Общевоинского Союза (РОВС)». Один из чекистов вспоминал, что начальник УНКВД Г.Ф. Горбач «распорядился арестовать и расстрелять как немецких шпионов чуть ли не всех бывших солдат и офицеров, которые в Первую мировую войну находились в плену в Германии (а их насчитывалось только в Новосибирской области около 25 тыс. чел.)»²³. По этому делу были проведены аресты в Новосибирске, Томске, Нарыме, Бийске, Барнауле и других сибирских городах.

В Воронеже НКВД арестовало бывшего генерала колчаковской армии А.Н. Пепеляева. После 13-ти лет, проведенных в советских лагерях при строгой изоляции, его, уже больного и разбитого, отыскали в одной из артелей, где он работал последнее время. Пепеляева доставили в Новосибирскую тюрьму и вместе с другими престарелыми бывшими генералами Эскиным, Михайловым, Шереметьевым, Ефановым определили в «повстанческий штаб».

Из показаний, полученных от работников НКВД в 1950-е гг., известно, что «лица, ранее занимавшие офицерские должности в царской и белой армиях, обычно подписывали протоколы без сопротивления. На них очень действовала камерная обработка и невыносимые условия, создаваемые в камерах»²⁴. Чекист, допрашивавший Шереметьева, признавался: «Он был старый и производил впечатление ненормального в умственном отношении человека»²⁵.

Всего за 1937 г. только в Новосибирской области по делу «белогвардейско-монархической организации Российского Общевоинского Союза» было арестовано 20 731 человек. По количеству жертв это – одно из самых значительных «дел» периода террора. Подробную записку о нем, составленную начальником УНКВД Г.Ф. Горбачом, в декабре 1937 г. Ежов представил Сталину. Сталин наложил резолюцию: «Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять». Вслед за этим сделал собственную пометку: «Исполнено. Послана телеграмма. 16/ХІІ 37. Ежов»²⁶.

Однако простой арифметический подсчет свидетельствует о том, что большинство из репрессированных не имели отношения к реально служившим офицерам в белых армиях. На учете ОГПУ в 1920-е гг. в Сибирском крае числилось около 7 тыс. офицеров, служивших в белых армиях, если учесть, что около 3 тыс. было репрессировано в 1933 г., как могли остаться еще 20 тыс. к 1937 г.?

Одной из последних массовых операций «большого террора» в Сибири стала «харбинская операция». В 1937–1938 гг. в рамках

«харбинской операции», направленной против бывших служащих КВЖД, эвакуированных в СССР после продажи дороги Маньчжоу-Го, среди «японских шпионов и диверсантов» активно искали бывших белых офицеров и эмигрантов. По подсчетам Н.Н. Аблажей, изучавшей «харбинскую операцию», почти половину от числа арестованных «харбинцев» составили белоэмигранты (28 %) и белогвардейцы-каратели преимущественно из забайкальских казаков (16,8 %). Согласно легенде, выработанной региональным Управлением НКВД, абсолютное большинство «японской агентуры» было якобы заслано на территорию Забайкалья из Маньчжурии в годы Гражданской войны, в начале 1920-х гг., в ходе конфликта 1929 г. и после продажи КВЖД в 1935 г., а «вербовка» на территории СССР активизировалась с начала 1930-х гг.²⁷ В Западной Сибири в рамках «харбинской операции» на 15 сентября 1938 г. было рассмотрено 2919 дел, осуждено 2888 человек, в т.ч. приговорено к высшей мере наказания – 2510 человек²⁸.

Несмотря на различные дискриминации, которым подвергались бывшие офицеры в 1920-е гг. (лишение избирательных прав, «чистки» советского аппарата), региональная власть в Сибири демонстрировала желание решить вопрос на прагматической основе. «Генеральная чистка» 1929–1931 гг. не изменила принципиально позицию краевых властей. Специалисты из числа бывших белых офицеров «вычищались» из аппарата низовыми комиссиями по «чисткам», после апелляций в окружные и краевую комиссии нередко восстанавливались. До начала 1930-х гг. вопросы экономической целесообразности брали верх над политической составляющей.

Ситуация принципиально изменилась в 1933 г., политические и идеологические моменты возобладали. Значительная часть специалистов из числа бывших белых офицеров была подвергнута репрессиям в рамках сфабрикованных дел «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации», «контрреволюционного заговора в сельском хозяйстве», «лесного дела» и ряда других. В период «большого террора» в Сибири фабриковались дела со значительным числом участников, якобы из числа бывших офицеров. Одним из наиболее массовых стало дело «белогвардейско-монархической организации РОВС», однако большинство из репрессированных не имели отношения к реально служившим офицерам в белых армиях.

В целом, в ходе репрессий 1930-х гг. бывшие офицеры армии Колчака, проживавшие в Сибири, разделили трагическую участь офицеров других белых армий, оставшихся после окончания Гражданской войны на территории СССР.

¹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001; Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004; Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999; Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 1920–1940-х гг. М., 2000; Шинкарук И.С. Российская военная эмиграция и ее печать 1920–1939 гг. М., 2000; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР; Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007 и др.

² Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 гг. Новосибирск, 1997; Красильников С.А. Интеллигенция в Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2004; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 гг.): сборник документов / Сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пащенко. Новосибирск, 2004.

³ См., например: Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белое движение на востоке России. Белая гвардия. Альманах. М., 2001. № 5; Красильников С.А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2.

⁴ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 182.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 51. Л. 122.

⁶ Там же. Ф. Р.-1072. Оп. 1. Д. 3116. Л. 88.

⁷ Там же. Ф. Р.-288. Оп. 4. Д. 179. Л. 226–229.

⁸ Там же. Л. 44, 273.

⁹ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 гг. Новосибирск, 1997. С. 87–88.

¹⁰ Архив Управления ФСБ РФ по Новосибирской области (далее – АУ ФСБ РФ НО). Д. 12628.

¹¹ ГАНО. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 167. Л. 116.

¹² Папков С.А. Указ. соч. С. 90.

¹³ ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 336. Л. 3.

¹⁴ Папков С.А. Указ. соч. С. 90.

¹⁵ Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 гг.): сборник документов / Сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пащенко. Новосибирск, 2004. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 7–8.

¹⁷ АУ ФСБ РФ НО. Д. 7285. Т. 2. Л. 145.

¹⁸ ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 2. Д. 450. Л. 216, 218.

¹⁹ АУ ФСБ РФ НО. Д. 7285. Т. 20. Л. 1а–1ж; Надзорное производство. Т. 2. Л. 7–9.

²⁰ АУ ФСБ РФ НО. Д. 7285. Надзорное производство. Дело М.М. Набокова. Л. 11.

²¹ Папков С.А. Указ. соч. С. 97.

²² ГАНО. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 233. Л. 17.

²³ Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 90.

²⁴ Папков С.А. Указ. соч. С. 207.

²⁵ Там же.

²⁶ Источник. 1994. № 1. С. 103.

²⁷ Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД 1937–1938 гг. на Урале и в Сибири // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей. Новосибирск, 2009. С. 155–156.

²⁸ Там же. С. 160.

Л.Л. Сардак (Санкт-Петербург)

КОМАНДУЮЩИЙ АРТИЛЛЕРИЕЙ РУССКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ И.И. МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ

Генерал-аншеф Иван Иванович Меллер вступил в командование артиллерией русской армии в конце 1783 г. Был он «немецкой нации лютеранского закона штаб-лекарский сын» и родился в 1725 г.¹ Его отец, хирург Миллер Иоганн Дитрих², при формировании в 1731 г. по указу императрицы Анны Иоанновны первого в российской армии полка конной гвардии был зачислен в его штат на должность штаб-лекаря³. Семья лекаря Иоганна Миллера жила на Литейной стороне⁴. Развитию интереса подростка Ивана Меллера к артиллерийскому делу, несомненно, способствовало то, что проживал он поблизости от находившихся в начале Литейной улицы Пушечного двора, мастерских Литейного двора, казарм и других строений полка полевой и осадной артиллерии.

В послужном списке генерал-аншефа И.И. Меллера указано, что поступил он на службу 20 мая 1740 г. «на свой кошт» канониром⁵. По сохранившимся документам канонир Иван [Иоганн] Меллер в списках полка полевой и осадной артиллерии не значился⁶. Можно предположить, что до поступления на действительную службу И.И. Меллер в звании канонира учился «на свой кошт» в Санкт-Петербургской артиллерийской школе, воспитанники которой по достижении указанного возраста приводились к присяге, считались нижними чинами артиллерии и привлекались к несению службы в полку. Артиллерийская школа находилась на Литейной улице в здании напротив Пушечного двора и состояла из двух отделений. Одно служило для приготовления в писаря и мастеровые 60-ти человек пушкарских детей, во втором содержалось 30 учеников, преимущественно из дворянских и офицерских детей, которых

обучали математическим наукам и артиллерийскому искусству, а потом выпускали унтер-офицерами в артиллерию. Для выпусков никогда не назначалось определенного срока, а производились они по мере надобности в унтер-офицерах в артиллерийских командах. По представлению Канцелярии главной артиллерии и фортификации воспитанники школы, «достойные к употреблению в артиллерийскую службу», держали экзамен «в науках» перед комиссией из артиллерийских офицеров⁷. Сохранился «Список именной служащим в поле, осаде, гарнизоне и фурштате, учиненный мая 15 дня 1741 года», в котором отмечено, что в полку полевой и осадной артиллерии «порожных мест капралских – 7»⁸. На одно из «порожных» мест капрала полка осадной артиллерии 12 августа 1741 г. был зачислен Иван Меллер⁹. То, что перед зачислением в полк на действительную службу он обучался в Артиллерийской школе, подтверждают его служебные аттестации перед очередным повышением в унтер-офицерском чине. Например, в «Аттестате состоящих при Санкт-Петербурге при полку осадной артиллерии артиллерийских служителей с показанием достоинств их» от 26 февраля 1743 г. достоинства фурыера «штаб-лекарского сына Ивана Меллера» описаны так: «Состояния доброго, положенные на него дела исправляет порядочно, в науке артиллерийской и чертежах искусен. Хотя нынешним чином переименован и недавно, однако, и прежде по экзаменации аттестован был каптенармусом, чему и ныне достоин»¹⁰.

Об обстоятельствах пожалования Меллеру сержантского чина поведал в своих мемуарах его однополчанин тех времен М.В. Данилов: «В 746 году князь Гессен-Гомбургский, тогдашний фельдцейхмейстер, был болен, к сожалению всех его подкомандующих, а медицинский факультет, отчаясь сами вылечить в Петербурге, приговорили ему ехать на теплые воды, для излечения его болезни. Сведав оное княжее бытие, капитан мой Гинтер написал князю фельдцейхмейстеру письмо, прося, дабы пожалованы были: каптенармус Меллер (что ныне генерал-поручик артиллерии и кавалер), я и фурир Ходов. Князь всех нас троих сержантами пожаловал по просьбе Гинтера»¹¹. Здесь память подвела М.В. Данилова. Из архивных документов выясняется, во-первых, что капитан Гинтер командовал 1-й канонирской ротой осадного полка, в которой служили Данилов и Ходов¹², и не мог аттестовать каптенармуса Меллера, служившего в 3-й канонирской роте осадного полка под

командой капитана Николая Вилмута¹³, и, во-вторых, звание сержанта И.И. Меллеру присвоили еще 10 сентября 1745 г.¹⁴

Прослужив в артиллерийских унтер-офицерах одиннадцать лет, Иван Меллер в совершенстве знал солдатское дело и по указу императрицы Елизаветы Петровны был произведен в подпоручики 25 апреля 1752 г.¹⁵

Перед началом Семилетней войны императрица назначила графа П.И. Шувалова, выделявшегося своим интересом к артиллерийскому делу, главнокомандующим русской артиллерии и пожаловала ему звание генерал-фельдцейхмейстера. При очередной аудиенции у императрицы Елизаветы Петровны П.И. Шувалов убедил ее в необходимости продолжения и развития одного из славных дел ее отца Петра I – сбора и хранения трофейных и отечественных старинных орудий. Двадцать восьмого июня 1756 г. вышел указ об организации в подчинении Канцелярии главной артиллерии и фортификации единого места сбора и хранения «инверторских» (вновь изобретенных), старинных и трофейных орудий, разных исторических предметов, имеющих отношение к армии. В указе предписывалось подпоручику Артиллерийского корпуса Меллеру организовать сбор и хранение в Петербурге инверторских орудий и других «куриозных» и достопамятных вещей. Всему собранию следовало составить подробную опись, выполнить описание орудий и «учинить» с них чертежи¹⁶. И.И. Меллер с присущими ему служебной ревностью и усердием принялся за порученное дело. К концу 1756 г. в специальном складе «нового» Пушечного двора находилось на хранении двадцать два инверторских и куриозных орудия, перевезенных из различных артиллерийских складов. Последующие пять лет И.И. Меллер отвечал за сбор и хранение достопамятных артиллерийских и армейских реликвий. В историю Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Иван Иванович Меллер-Закомельский вошел как первый начальник «Достопамятного зала»¹⁷.

П.И. Шувалов считал основными недостатками русской артиллерии того времени ее малую подвижность и большое разнообразие орудий. Офицерам Канцелярии главной артиллерии и фортификации, занимавшимся разработкой новых орудий (подполковник М.Г. Мартынов, майор Мусин-Пушкин, капитаны М. Жуков, М.В. Данилов, И.И. Меллер, И.В. Демидов, М. Рожнов), он определил основные цели, к которым они должны были стремиться в

своей работе: значительное облегчение орудий назначением для них размеров средних между пушками и гаубицами; создание орудий, стреляющих снарядами всех родов и выполняющих таким образом назначение и пушек, и гаубиц, и мортир; принятие прежних калибров, чтобы можно было использовать имевшиеся запасы снарядов¹⁸.

К концу 1756 г. русские конструкторы-артиллеристы в результате испытаний опытных образцов нашли перспективное направление развития артиллерийского вооружения – создание орудий с зарядными камерами в виде усеченного конуса. 12 марта 1757 г. проходила сравнительные испытания полупудовая гаубица «нового рода». При стрельбе ядрами третьим выстрелом удалось пробить пять бревенчатых стен сруба. При стрельбе картечью была показана высокая кучность боя картечных пуль – из 714 пуль, выпущенных из гаубицы «нового рода», в щит попала 281 (при стрельбе из обычных полупудовых гаубиц в щит попало только 15 пуль). Дальность стрельбы испытывавшейся гаубицы также была выше, чем у однокалиберной обычной гаубицы¹⁹. На следующий день после испытаний капитан И.И. Меллер получил распоряжение от генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова «начертить с украшением полупудовый и пудовый чертежи» орудий такой же конструкции, что и испытывавшаяся накануне гаубица «нового рода»²⁰. Ствол полупудового орудия на чертеже, предъявленном графу для утверждения, имел художественные рельефы с вензелем царствующей императрицы и российским гербом, а ручка казенной части (винград) была не в виде традиционного шара, а изображала голову мифического животного – единорога, который был запечатлен на фамильном гербе Шуваловых. Генерал-фельдцейхмейстер своей подписью утвердил чертеж²¹. У изготовленного по этому чертежу орудия «нового рода» скобы ствола вместо привычных дельфинов были отлиты в виде фигурок скачущего единорога. Новое орудие получило наименование «единорог». Впоследствии оно стало общепринятым для артиллерийских орудий с конической зарядной камерой.

Результаты испытаний первых единорогов показали их эффективность. Было принято решение разработать подобные орудия и других калибров. «В Выборгской стороне, на пробу “единорогов” и секретных гоубиц, пороху и прочих припасов великое множество было расстреляно», – пишет М.В. Данилов²². По чертежу

И.И. Меллера в мае 1757 г. изготовили однопудовый единорог. Летом 1757 г. был отлит первый образец сконструированного И.И. Меллером двухпудового единорога. По техническим параметрам и результатам опытных стрельб это орудие было принято на вооружение артиллерии вместо двухпудовых мортиры и гаубицы и 24-фунтовой пушки²³.

В конце августа 1758 г. генерал-фельдцейхмейстер граф Шувалов представил императрице Елизавете Петровне художественно оформленный атлас «Новая артиллерия, изобретенная в 17-е лето благополучного государствования Великой Государыни императрицы Елизаветы Петровны самодержицы всероссийской, матери отечества генералом-фельдцейхмейстером графом Шуваловым» (в настоящее время атлас хранится в Москве в музее Академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого). В этом документе приведены чертежи и описания восьми орудий, рекомендованных Канцелярией главной артиллерии и фортификации для принятия на вооружение русской армии. В атласе отражено превосходство технических и огневых характеристик новых орудий в сравнении с бывшими на вооружении. Особо подчеркивалась возможность применения всех видов артиллерийских боеприпасов, возможность вести как настильную, так и навесную стрельбу через головы своих наступающих войск²⁴. 31 августа 1758 г. вышел указ императрицы о награждении по представлению генерал-фельдцейхмейстера всех офицеров-артиллеристов, принимавших участие в создании новых орудий. И.И. Меллер был пожалован майором (капитаном он стал 22 апреля 1755 г.)²⁵.

В продолжавшейся Семилетней войне успешно начатая кампания 1758 г. закончилась неудачно – русская армия вынуждена была отступить до реки Вислы, где и остановилась на зиму, не выполнив требование императрицы закрепиться на Одере. Граф П.И. Шувалов знал, чем можно отвлечь Елизавету Петровну от уныния – императрица с детства обожала смотреть фейерверки, столь часто устраиваемые в царствование ее отца Петра I. Канцелярия главной артиллерии и фортификации, в штате которой находились артиллерийская лаборатория и фейерверкеры, срочно занялась разработкой сценария и подготовкой к проведению грандиозного новогоднего фейерверка. Он проводился на льду Невы перед императорским дворцом вечером 1 января 1759 г. в присутствии знатных персон. Это зрелище, «...по признанию многих тысяч зрителей,

великолепными представлениями и множеством разных огней, подобного себе почти не имело. Изображение сего фейерверка с печатным описанием на российском, французском и немецком языках поднесено было Ее Императорскому Величеству и Их Императорским Высочествам через господина генерала-фельдцейхмейстера Его Сиятельства Графа Петра Ивановича Шувалова, причем несколько сот экземпляров того описания роздано было наизнатнейшим особам после фейерверка»²⁶. В тот же день Елизавета Петровна пожаловала наградами всех организаторов великолепного огненного зрелища. Меллер, прослужив в чине майора четыре месяца, получил звание подполковника²⁷.

Летом 1761 г. после двух предыдущих неудачных попыток (в 1758 и 1760 гг.) русское командование приняло решение все же захватить важную в стратегическом плане прусскую крепость Кольберг. Командовавший отдельным корпусом русской армии генерал-поручик П.А. Румянцев получил приказ осадить крепость и овладеть ею. Корпус усиливался артиллерией и сухопутными войсками, которые корабли Балтийского флота должны были доставить в гавань городка Рюгенвальде, находившегося поблизости от лагеря войск П.А. Румянцева. Одновременно в корпус командировались опытные офицеры-артиллеристы. В «Журнале корпуса под командою Генерала-Поручика Графа Румянцева 1761 года» в сводке за июль отмечено: «Артиллерии подполковник Миллер по снятии с флота части артиллерии и ее служителей 29 числа из Рюгенвальда выступил, а 31 числа в лагерь при деревне Альтен-Бельц к корпусу прибыл»²⁸. 24 августа 1761 г. русские войска начали продвижение «четырьмя колонами до занятого за деревней Цармин лагеря, расстоянием полмили. Наши казаки и фрейбатальоны при жестокой с обеих сторон пушечной пальбе, сбив неприятеля с находившихся при реченной деревне высот, оными овладели. В сим случае артиллерии подполковник Меллер с пятью пудовыми единорогами сим батальонам весьма способствовал и отменное искусство и храбрость оказал»²⁹.

Прибыв к Кольбергу, русские войска в короткий срок оборудовали огневые позиции для двадцати батарей в составе от 6 до 23-х орудий каждая. В «Журнале корпуса под командою Генерала-Поручика Графа Румянцева 1761 года» в сентябрьской сводке отмечено: «С 24 прошедшего месяца по сие число из сделанных наших батарей почти беспрестанно в неприятельский ретрашмент

и батареи из артиллерии стрельба производилась. При сем случае артиллерии подполковник Меллер, несмотря на жестокое с неприятельских батарей по нашим соответствование, с неустрашимой храбростью доказал отменную к службе ревность и усердие»³⁰. В сентябре И.И. Меллер принял под свое командование всю артиллерию корпуса³¹. Вскоре командиры батарей получили предписание о тактике ведения обстрела крепости: «... рекомендую и на батареях по одиночке из орудий не палить, а всегда пальбу производить таким образом: где есть девять орудий тут одновременно из трех стрелять, а где двенадцать орудий тут из четырех стрелять... и стрелять, чтоб беспрерывно пальба была, дабы неприятель не имел время к заряжанию и прицеливанию своих орудий»³².

Несмотря на активную оборону и упорство прусского гарнизона, генерал-поручик П.А. Румянцев без штурма крепости заставил защитников Кольберга капитулировать 5 декабря 1761 г. Для вручения императрице реляции о взятии крепости граф П.А. Румянцев отправил в Петербург 15 декабря 1761 г. подполковника артиллерии И.И. Меллера, поручив ему доставить в российскую столицу захваченные у пруссаков знамена. В реляции сообщалось: «Полученные в трофеи при взятии города Кольхберга как от гарнизона 20, так и в цейхаузе найденные 25 знамен и 3 штандарта к подножию всевысочайшего трона Вашего Императорского Величества с подполковником артиллерии фон Миллером всеподданнейше представляю, осмеливаюсь испросить всенижайше Вашего Императорского Величества Всевысочайшей милости и благоволения для подателя сего, яко усердно в сию компанию многожды в самоопаснейших случаях жизнь свою Вашему Императорскому Величеству в службу жертвовавшего»³³.

Весть о взятии Кольберга была обнаружена 25 декабря 1761 г., в последний день жизни императрицы Елизаветы Петровны. Вступивший на престол Петр III немедленно прекратил войну против своего кумира Фридриха II. В конце января 1762 г. император вызвал покорителя Кольберга П.А. Румянцева в Петербург. Граф был проинформирован о том, что неизбежна война с Данией и ведение кампании будет поручено ему. Румянцеву предписывалось подготовить свой корпус, стоявший в Померании, для похода к границам королевства Датского. В феврале того же года Петр III подписал указ Сенату о пожалованиях за «отличное к службе усердие и ревность», в том числе «артиллерии подполковника Ивана

Мильера в артиллерийские полковники и повелевает Его Императорское Величество командировать его к корпусу, состоящему под командою Генерала Графа Румянцева»³⁴.

Вернувшись в Померанию, П.А. Румянцев приступил к подготовке войск к новой предстоящей войне. Но история распорядилась по-своему. 28 июня 1762 г. гвардия свергла императора Петра III и посадила на русский престол его жену, ставшую императрицей Екатериной II. В тот же день вечером генералу Румянцеву, которого подозревали в приверженности Петру III, был послан указ о сдаче командования над корпусом генерал-поручику П.И. Панину и возвращении в Россию.

Артиллерии полковник Меллер вернулся в Петербург к месту своей прежней службы. Личный опыт боевого применения орудий во время Семилетней войны был использован им при совершенствовании материальной части артиллерии. По чертежам И.И. Меллера в Петербургском арсенале были изготовлены новые образцы 12- и 6-фунтовых пушек и полупудовый единорог. При этом вес двенадцатифунтовой пушки был на 14 пудов меньше, а шестифунтовая пушка весила 31 пуд (вместо 50 пудов). Вес ствола полупудового единорога увеличился с 30 до 43 пудов, что уменьшило силу отдачи при стрельбе, которая разрушающе действовала на лафет. По результатам опытных и сравнительных стрельб, проводившихся в присутствии всех артиллерийских штаб-офицеров петербургского гарнизона, усовершенствованные И.И. Меллером орудия были рекомендованы к принятию на вооружение³⁵. Первого октября 1764 г. был опубликован указ: «Ее Императорское Величество 22 сентября, то есть в день высочайшей Ее Величества коронации всемилостивейшее пожаловать изволила... в Артиллерийском корпусе в генерал-майоры из полковников Ивана Меллера»³⁶.

В конце 1766 г. по распоряжению графа Орлова, назначенного 11 мая 1765 г. указом Екатерины II генерал-фельдцейхмейстером артиллерии и над фортификациями генерал-директором, генерал-майор артиллерии И.И. Меллер был командирован в Москву для укрепления руководства московской Конторы главной артиллерии на время нахождения императрицы и двора в «белокаменной». Больше года пробыл Иван Иванович представителем генерал-фельдцейхмейстера в Москве³⁷, а после возвращения в Петербург был назначен присутствующим членом Канцелярии главной артиллерии и фортификации³⁸.

В 1768 г. императрица назначила генерал-майора артиллерии И.И. Меллера присутствующим членом Канцелярии большого Ладожского канала с оставлением его в присутствии Канцелярии главной артиллерии и фортификации³⁹, а в 1770 г. Иван Иванович стал директором Канцелярии Ладожского канала. В это время близ Новой Ладоги велись работы по прокладке второго устья Ладожского канала (для отличия от уже эксплуатировавшегося это устье называлось «новым»). Здесь возводились каменные набережные для укрепления песчаных берегов, были заложены гранитные шлюзы. Новое устье позволяло значительно ускорить впуск судов из реки Волхов в канал, делало более удобным впуск судов в Ладожский канал из Сяского канала, соединявшего реки Сясь и Волхов⁴⁰. Ревность к службе на новом посту и усердие И.И. Меллера были отмечены: 24 февраля 1769 г. он пожалован кавалером ордена св. Анны⁴¹. В течение почти пятнадцати лет Иван Иванович Меллер оставался бессменным директором (главным командиром) Канцелярии большого Ладожского канала⁴².

С середины 1768 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации, присутствующим членом которой состоял И.И. Меллер, вела активную подготовку русской артиллерии к неминуемой войне против Османской империи. Учитывая удаленность предполагаемого театра боевых действий (Молдавия и берега Дуная), в Львове, Киеве, Полонном, Бердичеве, Браилове были созданы армейские склады со значительными запасами продовольствия, артиллерийской амуниции, вооружения, боеприпасов, фуража. В две армии (всего 68 полков), сформированные для боевых действий против турок, было доставлено по три боевых комплекта снарядов, два боевых комплекта снарядов были заложены в Киевский армейский магазин (склад). По плану кампании 1770 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации должна была довести артиллерийское вооружение первой армии до 130 орудий полевой артиллерии и 144 орудий полковой артиллерии, а второй армии – до 60 орудий полевой и 79 орудий полковой артиллерии. К весне 1770 г. артиллерия этих армий была укомплектована практически до предписанного штатного расписания⁴³.

В начале сентября 1772 г. Иван Иванович получил письменное повеление Екатерины II присутствовать в Совете привилегированного военного учебного заведения – Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса⁴⁴. Совет вместе с

генерал-директором корпуса состоял из пяти человек, все они назначались императрицей. По уставу, утвержденному Екатериной II, «членам сего Совета и Генералу-директору должно единодушно стараться о пользе и благосостоянии корпуса, для того всем им обще поручаем и правление над оным»⁴⁵. И.И. Меллер вместе с действительным тайным советником И.И. Бецким и генерал-фельдмаршалом князем А.М. Голицыным бессменно «пребывал членом Совета Корпуса до самого упразднения Совета в 1785 году»⁴⁶.

21 апреля 1773 г. указом императрицы были отмечены заслуги генералов и офицеров в успехах русской армии в продолжавшейся первой войне с Османской империей. И.И. Меллер вместе со знаменитыми генералами того времени Прозоровским, Мусиным-Пушкиным, Каменским, Глебовым, Ю.В. Долгоруковым и Боуром был произведен в генерал-поручики⁴⁷. Война победоносно завершилась в июле 1774 г. А 21 августа 1775 г. был опубликован «Реестр получившим в продолжение торжества, заключенного между Российской Империей и Османской Портою мира, Монаршие ее Императорского Величества милости и награждения». Среди прочих жаловался «артиллерии Генералу-Поручику Меллеру, за труды его при артиллерии, орден Святого Александра Невского»⁴⁸.

После смерти 13 апреля 1783 г. генерал-фельдцейхмейстера князя Орлова «старшим по ведомству оказался генерал-поручик И.И. Меллер, который и занял председательствующее кресло в присутствии Канцелярии, но без всяких прав, принадлежащих власти генерал-фельдцейхмейстера. Последняя перешла к Военной коллегии. Меллер вместе с присутствием сочинял определения по разрешению тех или других экономических и командных дел, и в случаях, превышающих их полномочия, Канцелярия предоставляла таковые определения на распоряжения Коллегии. За сохранением установившегося порядка артиллерийского управления строго следил Сенат»⁴⁹. Уже скоро стало ясно, что подобная система управления артиллерийским ведомством пагубно сказывается на его деятельности. 24 ноября 1783 г. генерал-поручик артиллерии Иван Иванович Меллер был пожалован в полные генералы «и при том повелено быть ему по-прежнему при артиллерии, присутствовать в Канцелярии Артиллерии и Фортификации и получать по сему как себе, так и штату его жалование из сумм на содержание артиллерии отпущенных»⁵⁰. При этом на него «было возложено отправление обязанностей генерала-фельдцейхмейстера – без права,

однако, на это звание – и ему же повелено было принять в свое непосредственное управление Командную Экспедицию Канцелярии»⁵¹.

В начале июля 1785 г. Екатерина II «благоволила» совершить путешествие в Систербек (Сестрорецк) для осмотра оружейных заводов. В сопровождении командующего артиллерией генерал-аншефа И.И. Меллера и начальника заводов подполковника Эйлера императрица «изволила наиболее смотреть заведенные вновь вододействующие работы и машины, а потом изъявила Высочайшее Свое благоволение о добропорядочном устройении и состоянии заводов. На другой день поутру имели щастие получить от Ее Императорского Величества в знак Высочайшего Ее Императорского Величества благоволения, как Генерал-Аншеф и Кавалер Иван Иванович Меллер, так и подполковник Эйлер золотые, бриллиантами осыпанные табакерки»⁵². 22 сентября 1785 г. И.И. Меллер был пожалован кавалером ордена святого Владимира Большого креста первой степени⁵³.

Получив под свое командование Артиллерийский корпус русской армии, И.И. Меллер неустанно работал над повышением его боеготовности. К середине 1780-х гг. общая численность Артиллерийского корпуса была доведена до 21 750 человек, состоявших в 5 артиллерийских полках и гарнизонной артиллерии. В русской армии насчитывалось 244 орудия полевой и 207 орудий полковой артиллерии. При непосредственном участии генерал-аншефа И.И. Меллера проводилось улучшение материальной части артиллерии, совершенствовались технология и оборудование для производства и ремонта орудийных стволов. Артиллерийская лаборатория вела работы по определению лучшего артиллерийского металла, оптимального состава пороха, улучшению конструкции снарядов. Особое внимание уделялось боевой подготовке артиллеристов, находившихся непосредственно в войсках. На маневрах совершенствовалось взаимодействие артиллерии с пехотой и кавалерией, отпускалось достаточное количество боеприпасов для обучения стрельбе в цель. И.И. Меллер дополнил написанное П.А. Шуваловым «Наставление батареиным командирам» своим разосланным в войска «Прибавлением к стрельбе», в котором изложил практические рекомендации для применения артиллерии в соответствии с боевой обстановкой, «дабы артиллерия была в должном уважении у неприятеля» и он мог «возчувствовать, сколь страшна русская артиллерия»⁵⁴.

2 августа 1787 г. Турция объявила России новую войну. Русским армиям предстояло действовать против хорошо укрепленных под руководством французских военных инженеров турецких крепостей: Очаков, Измаил, Тульча, Килия, Аккерман. Имевший со времен Семилетней войны опыт руководства артиллерией при осаде крепостей генерал-аншеф И.И. Меллер в сентябре 1787 г. отбыл из Петербурга в Екатеринославскую армию⁵⁵. Здесь же находились его сыновья артиллерии подполковник Петр, командовавший батареей, артиллерии майор Карл и армии подполковник Егор. Очаков был первой крепостью, которую должна была взять Екатеринославская армия. Ее командующий Потемкин отверг предложение Суворова взять крепость открытым штурмом при поддержке русского флота. Он надеялся принудить турецкий гарнизон к сдаче путем осады с постоянным артиллерийским обстрелом крепости с суши и моря. Командовавший артиллерией Екатеринославской армии И.И. Меллер приступил к методичному наращиванию артиллерийской мощи русских войск, осаждавших крепость. С августа по ноябрь было оборудовано и вооружено тридцать батарей, ежедневно обстреливавших крепость из орудий полевой и осадной артиллерии. В конце ноября, убедившись, что даже мощные артиллерийские обстрелы не заставят турецкий гарнизон сдаться, Потемкин поручил генерал-аншефу И.И. Меллеру разработать и представить ему на утверждение план штурма Очакова.

6 декабря в семь часов утра русские войска при поддержке артиллерии шестью колоннами с разных направлений пошли на «генеральный приступ» замка Хасан-паши, ретраншемента и крепости. По приказу Потемкина командующий артиллерией армии И.И. Меллер руководил пятой и шестой колоннами, составлявшими левый фланг наступающих войск. Эти колонны «должны были иметь главным предметом саму крепость». В шестую колонну входил отряд из трехсот артиллеристов под командованием майора артиллерии Карла Меллера. В «обстоятельном донесении» императрице Екатерине II, отправленном Потемкиным после взятия крепости, сообщалось: «Пятая колонна атаковала ретраншемент крепости для отвлечения турок от крепости. Шестая колонна назначена была на саму крепость и, по открытии огня неприятельского на пятую колонну, пустилась на штурм. В мгновение ока все ее части были под крепостным разбитым бастионом. Неприятель произвел жестокую ружейную стрельбу. Все устремились на стену.

Артиллерии майор Карл Меллер и армии подполковник Егор Меллер лезли с отличной неустранимостью с артиллеристами на стену прямо. В одну четверть часа твердую уже имели мы ногу на нижнем бастионе»⁵⁶. Преодолев стену и ворвавшись в крепость, Карл Меллер с артиллеристами пробился к ее «верхним» воротам, открыв их для воинов четырех колонн правого фланга русской армии, устремившихся к крепости после взятия замка Хасан-паши и преодолевших яростное сопротивление турок в ретраншементе. В конце сражения в самой крепости майор артиллерии Карл Меллер был тяжело ранен⁵⁷ и через несколько дней умер.

В «обстоятельном донесении» императрице командующий Екатеринославской армии охарактеризовал заслуги генерал-аншефа И.И. Меллера в покорении Очакова скупыми словами: «... при неутомимых трудах не щадил себя, употребляя с несказанной охотой все, что могло служить к успеху»⁵⁸. Екатерина Вторая 16 декабря 1788 г. наградила И.И. Меллера орденом св. великомученика и победоносца Георгия 2-й степени, а 14 апреля 1789 г. ему был пожалован орден св. апостола Андрея Первозванного. 16 мая 1790 г. Ивану Ивановичу были вручены от имени императрицы два документа: грамота, в которой объявлялось, что ему всемиловитейше пожалованы в вечное и потомственное владение земли и угодья в войтовстве Закомельском, в Полоцкой губернии, и диплом на баронское достоинство, в котором говорилось, что императрица «1789-го года июня в 30-й день, всемиловитейше пожаловали ему, генералу-аншефу Меллеру, детям его и потомкам, от него происходящим достоинство барона Всероссийской империи с наименованием: Барон Меллер-Закомельский»⁵⁹.

Успешно завершив 1788 год, русская армия начала подготовку к кампании следующего года. Заболевший генерал-аншеф И.И. Меллер участия в боевых действиях в 1789 г. не принимал⁶⁰. Почти весь 1790 год Екатерина II пыталась склонить турок к заключению мира. Осенью, после отказа Турции от продолжения мирных переговоров, боевые действия возобновились. Барон И.И. Меллер-Закомельский прибыл в соединенную армию Потемкина и был назначен командующим ее левофлангового корпуса⁶¹. Армии Потемкина предназначалось действовать против турецких крепостей Килия, Тульча, Исакча, Измаил, запиравших вход русским кораблям из Черного моря в устье Дуная. 7 октября 1790 г. корпус генерал-аншефа барона Меллера-Закомельского подошел к своей первой

цели – крепости Килия – и разбил лагерь в десяти верстах от нее. Предложив гарнизону крепости сдаться и получив отказ, И.И. Меллер-Закомельский приказал генерал-поручику А.Н. Самойлову с подчиненными ему войсками ночью этого же дня взять штурмом ретраншемент, защищавший предместье крепости, и удерживать его до подхода основных сил. Разбив свои войска на три колонны и взяв на себя командование одной из них, Самойлов, в нарушение приказа И.И. Меллера-Закомельского, предложил командирам колонн в случае успешной атаки ретраншемента не останавливаться, а на плечах отступавших турок ворваться в крепость и захватить ее. В ходе ночного боя генерал-поручик Самойлов потерял управление подчиненными ему войсками. «Солдаты вышли из повиновения, разбрелись по форштату, расположенному между крепостью и ретраншементом, предались всяким неистовствам... истребляя и опустошая все, что ни попало»⁶². Самойлов вынужден был отправить командующему корпусом донесение о происходящем, признав, что он не может привести в порядок расстроенные войска. Стало ясно, что турки близки к победе в первой же стычке с русскими, после чего ни о какой сдаче крепости они и помышлять не будут, крепость придется брать штурмом с неизбежными тяжелыми потерями. И.И. Меллер-Закомельский приказал подготовить и ввести в ретраншемент новые войска, а сам спешно отправился к крепости. Прибыв в форштат, он стал лично руководить организацией отпора наступавшим со стороны крепости туркам, но «...роковая пуля попала ему в звезду и прошла навывлет наискось через весь его корпус»⁶³. Успев передать командование корпусом прибывшему со свежими войсками генерал-поручику И.В. Гудовичу, Иван Иванович потерял сознание. 10 октября генерал-аншеф барон И.И. Меллер-Закомельский скончался⁶⁴. По предписанию Г.А. Потемкина тело его было отправлено в Херсон и 16 октября предано земле «со всею надлежащею почестью»⁶⁵ на территории Свято-Екатерининского собора рядом с могилой его сына Карла (памятники на могилах отца и сына Меллеров-Закомельских в ограде Свято-Екатерининского собора в Херсоне сохранились до наших дней).

Во время второй войны с Турцией к штабу армии Г.А. Потемкина был прикомандирован профессор живописи Академии художеств М.М. Иванов с заданием изображать батальные сцены. По эскизам, сделанным при осаде Очакова, он исполнил большую (71x121 см) акварель, запечатлевшую лагерь войск Потемкина под

Очаковым⁶⁶. Около штабных шатров изображен фельдмаршал Г.А. Потемкин-Таврический, отдающий распоряжения стоящему рядом начальнику артиллерии генерал-аншефу И.И. Меллеру. Это единственное признанное достоверным изображение И.И. Меллера-Закомельского, дошедшее до наших дней. (С конца XIX в. и до настоящего времени не утихают споры вокруг хранящегося в Петербурге, в музее А.С. Пушкина на Мойке, 12, написанного масляными красками портрета (71,5x57,3 см) неизвестного генерал-аншефа. Длительное время с некоторой долей сомнения признавалось, что это портрет прадеда А.С. Пушкина Абрама Ганнибала. В восьмидесятых годах прошлого века появилась версия, что на полотне изображен генерал-аншеф И.И. Меллер-Закомельский⁶⁷. Несмотря на многолетнюю дискуссию, связанную с этой версией⁶⁸, однозначного заключения о том, кто изображен на этом полотне, сделано не было).

Выдающийся деятель русской армии второй половины XVIII в. И.И. Меллер-Закомельский был включен в утвержденный императором Александром II список двадцати девяти сподвижников Екатерины II, чьи бронзовые статуи и бюсты предполагали установить в Петербурге рядом с монументом этой российской императрице. К сожалению, задуманный проект мемориала екатерининской эпохи так и не был осуществлен⁶⁹.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 21. Л. 2.

² Рихтер В. История медицины в России. Ч. III. М., 1820. С. 300.

³ Штакельберг К. Полтора века Конной гвардии 1730–1880. СПб., 1881. Приложения. С. 24.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1746. № 103. 26 декабря. С. 7.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 21. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. ШГФ. Д. 391. Л. 84–123.

⁷ Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 43, 50, 74, 75.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 391. Л. 177.

⁹ Там же. Л. 518.

¹⁰ Там же. Л. 197.

¹¹ Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М., 1842. С. 62.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 391. Л. 515 об., 516.

¹³ Там же. Л. 517 об., 518.

¹⁴ Там же. Оп. Сп. Ст. Д. 21. Л. 2.

¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Там же. Оп. Сборн. Д.3095. Л. 1.
- ¹⁷ Лебедянская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк 1703–1917. СПб., 2008. С. 34.
- ¹⁸ Нилус А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. С. 264.
- ¹⁹ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. М., 1960. С. 186.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 141. Л. 1.
- ²² Данилов М.В. Указ. соч. С. 82.
- ²³ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С.188–189.
- ²⁴ Нилус А. Указ. соч. С. 262.
- ²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 21. Л. 2.
- ²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1759. № 2. 5 января. С. 1.
- ²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 21. Л. 2.
- ²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1761. № 71. 4 сентября. С. 16.
- ²⁹ Там же. № 75. 18 сентября. С. 12.
- ³⁰ Там же. С. 19.
- ³¹ Румянцев П.А. Документы. Т. 1. М., 1953. С. 453.
- ³² История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 327.
- ³³ Румянцев П.А. Указ. соч. С. 600.
- ³⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1762. № 28. 5 апреля. С. 5.
- ³⁵ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 342.
- ³⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1764. № 79. 1 октября. С. 2.
- ³⁷ Столетие Военного ведомства. Главное артиллерийское управление. Т. VI. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902. С. 289.
- ³⁸ Роспись чиновных особ в государстве при начале сего 1768 года // Календарь, или месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. 1768 г. СПб., 1768. С. 71.
- ³⁹ Роспись чиновных особ в государстве при начале сего 1769 года // Календарь, или месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. 1769 г. СПб., 1769. С. 131.
- ⁴⁰ Кознаков В. Описание Ладожского канала в историческом и статистическом отношениях // Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий. Т. 23. Кн. 3. СПб., 1856. С. 429–430.
- ⁴¹ Военный энциклопедический лексикон. Ч. 8. СПб., 1844. С. 615.
- ⁴² Роспись чиновных особ в государстве при начале сего 1784 года // Календарь, или месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождения Христова. 1784 г. СПб., 1784. С. 103.
- ⁴³ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 352–353.
- ⁴⁴ Бенда В.Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII в. СПб., 2009. С. 128.
- ⁴⁵ Бецкой И.И. Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола. СПб., 1774.
- ⁴⁶ Майков П.М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии, СПб., 1904. С. 362.
- ⁴⁷ Военный энциклопедический лексикон. Ч. 8. С. 615.
- ⁴⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1775. 21 августа. С. 19.
- ⁴⁹ Столетие Военного ведомства. Главное артиллерийское управление. Т. VI. Ч. I. Кн. I. С. 303.
- ⁵⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1783. № 67. 28 ноября. С. 19.

- ⁵¹ Столетие Военного ведомства. Главное артиллерийское управление. Т. VI. Ч. I. Кн. I. С. 303.
- ⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 1785. № 55. 11 июля. С. 1–2.
- ⁵³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1915. Л. 1 об.
- ⁵⁴ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 670–671.
- ⁵⁵ Столетие Военного ведомства. Главное артиллерийское управление. Т. VI. Ч. I. Кн. I. С. 303.
- ⁵⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1789. № 2. 5 января. С. 17.
- ⁵⁷ Там же. С. 19.
- ⁵⁸ Там же. С. 18.
- ⁵⁹ Богданович М.И. Меллер-Закомельские // Русская старина. 1881. № 2. С. 445–446.
- ⁶⁰ Военный энциклопедический лексикон. Ч. 8. С. 616.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 85–86.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Военный энциклопедический лексикон. Ч. 8. С. 617.
- ⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5112. Л. 7.
- ⁶⁶ Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л., 1988. Илл. С. 42.
- ⁶⁷ Телетова Н.К. Ганнибалы – предки А.С. Пушкина // Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1978. С. 260–292.
- ⁶⁸ Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980. С. 186–191; Глинка В.М. Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала // Панорама искусств. Вып. 8. М., 1985. С. 330–343; Гордин А.М. Загадка старого портрета // Ленинградский рабочий. 1986. № 37. 12 сентября. С. 13; Тартаковский А.Г. Еще о «Загадке старого портрета» // Панорама искусств. Вып. 10. М., 1987. С. 417–422; Александрова Т.Г. О портретах А.П. Ганнибала // Из пушкинианы Всесоюзного музея А.С. Пушкина. Л., 1988. С.85–93; Грановская Н.И. Загадочный портрет А.П. Ганнибала // Там же. С. 94–101; Грановская Н.И. Если ехать вам придется... Л., 1989. С. 169–171; Гордин А.П. А все-таки Ганнибал // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993. С. 161–169; Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 142–165.
- ⁶⁹ Пирытук Ю.М. Под скипетром Екатерины. СПб., 2002. С. 55.

Д.О. Серов (Новосибирск)

**«А КОТОРЫЕ ИЗ АРМИИ ВЗЯТЫ
ПРОКУРОРЫ...»: БЫВШИЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОСТАВЕ
ПРОКУРОРСКОГО КОРПУСА РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА**

В ряду административных преобразований Петра I особое место заняло учреждение прокуратуры – крупнейшего в истории отечественной государственности органа надзора. При всем том, что начальная история российской прокуратуры оказалась к настоящему времени изучена сравнительно подробно¹, донине так и не появилось исследований, специально посвященных ее кадровому составу. Между тем, без освещения вопроса о персональном составе того или иного органа власти наши представления об этом не будут обладать ни надлежащей полнотой, ни целостностью.

Настоящая статья – это попытка систематически осветить состав прокурорского корпуса России, сформированного в период от основания прокуратуры до ее временной ликвидации в 1727 г. Наибольшее внимание в статье уделено прокурорам-выходцам из офицерских рядов.

Как удалось установить, с января 1722 г. по февраль 1727 г. состоялось 29 прокурорских назначений. На должностях прокуроров за отмеченный период перебивало в общей сложности 27 человек: 3 – в генерал-прокуратуре Сената, 2 – в обер-прокуратуре Синода, 14 – в прокуратурах центральных ведомств (коллегий, Главного магистрата и Монастырского приказа) и 8 – в прокуратурах надворных судов (гофгерихтов)².

На сегодня биографии многих российских прокуроров 1722–1727 гг. остались малоизученными. Только у пяти из них автору удалось выяснить дату рождения и всего у четверых – дату кончины³. Тем не менее, благодаря собранным данным, коллективный

портрет российских прокуроров «первого призыва» вырисовался в основных контурах вполне отчетливо.

По происхождению большинство прокуроров первой трети XVIII в. были выходцами из низшего дворянства. По привилегированному московскому списку (в стольниках и жильцах) в молодости успели послужить восемь будущих прокуроров (29,6 % общего числа лиц, занимавших прокурорские должности в 1722–1727 гг.)⁴. А вот из представителей титулованных фамилий в прокуратуре оказались только князья Ф.А. Барятинский и В.И. Гагарин (7,4 %).

По роду прежних занятий подавляющую часть прокуроров составили военнослужащие. К моменту назначения в прокуратуру воинские звания имели 25 человек (92,5 %), и лишь П.Б. Вельяминов и Т.К. Кутузов продолжали носить старинный чин стольника. Гвардейских офицеров (реальных и номинальных) в прокуратуру попало девять человек (33,3 %), причем двое – И.Ф. Козлов и М.С. Хрущев – непосредственно со строевых должностей⁵. По своей полковой принадлежности трое прокуроров-бывших гвардейцев были до назначения семеновцами (упомянутые Иван Козлов, Михаил Хрущев, а также А.П. Баскаков), шестеро – преображенцами (И.И. Бибилов, Артемий Макшеев, Е.И. Пашков, И.Т. Сафонов, Г.Г. Скорняков-Писарев и П.И. Ягужинский). Кроме того, по меньшей мере, четверо будущих прокуроров проходили в гвардии солдатскую службу (Ф.А. Барятинский, А.Ю. Бибилов, А.Г. Камынин, И.Т. Камынин).

Самых высоких воинских званий достигли к 1722 г. И.В. Болтин и И.В. Отяев, пришедшие в прокуратуру полковниками, а также Г.Г. Скорняков-Писарев, определенный 18 января 1722 г. в обер-прокуроры Сената в тройном звании бомбардирского капитан-поручика, гвардии майора и «полевого» полковника. С другой стороны, Федор Барятинский и Авдей Радищев стали прокурорами, будучи армейскими поручиками. Остальные прокурорские вакансии заполнили капитаны, капитан-поручики, пятеро «полевых» майоров (М.Ф. Воейков, С.Д. Гурьев, С.Ф. Корин, А.Т. Ржевский, Иван Синявин) и один подполковник (В.И. Гагарин). До наиболее высокой строевой должности сумел дослужиться Иван Болтин, определенный 28 мая 1722 г. обер-прокурором Синода из командиров Каргопольского драгунского полка⁶.

За плечами многих прокуроров остались походы и сражения

Северной войны, драматической Прутской кампании. Наиболее подробные сведения сохранились о фронтовом пути капитана Гренадерского драгунского полка Афанасия Камынина, назначенного 5 октября 1722 г. прокурором Вотчинной коллегии: «Был на штурме при взятии города Нарвы, на генеральной баталии под Полтавой, при атаке и взятии города Риги и Динамент-шанцев [Динамюнде], на акциях турецкой да при Пелкине в Финляндии, и ранен на бомбардировании шведского фрегата при Гангуте. И был на галерном флоте с начала вступления в Финляндию и до выхода, и во многих морских и сухопутных знатных партиях, в том числе при взятии Гелсингфорса...»⁷.

Более лаконично описал свое участие в Северной войне обер-прокурор Сената гвардии майор Г.Г. Скорняков-Писарев: «...Был в атаках у швецких, полских, голстинских, померанских у десяти городов и на многих баталиях и акциях»⁸. А вот драгунский майор Селиверст Гурьев, назначенный 17 апреля 1722 г. прокурором Коммерц-коллегии, отметил и вовсе скупое: «...С 703 в драгунех в регулярстве, и был на баталиях и акциях и ранен»⁹. В свою очередь, ставший 22 сентября 1723 г. прокурором Главного магистрата поручик Ф.А. Бярятинский упомянул, что «служил... он лейб-гвардии в Преображенском полку и во флоте на караблях, и в Финляндии, и в Адмиралтействе»¹⁰.

Боевых заслуг у прокуроров «первого призыва», несомненно, хватало, а вот правовых знаний им явственно не доставало. Совершенно очевидно, что для того, чтобы осуществлять эффективный надзор за соблюдением законности, прокурорам самим было необходимо являться знатоками действовавшего законодательства. Общая проблема здесь заключалась в том, что в России вплоть до середины XVIII в. в принципе отсутствовала система специальной подготовки в области юриспруденции¹¹.

Наибольшими знатоками системы законодательства в нашей стране в первой четверти XVIII в. являлись (как в XVI–XVII вв.) дьяки и подьячие. Как афористично заметил по этому поводу Г.Ф. Шершеневич, в допетровской России «были законоведы в лице дьяков и подьячих, но не было образованных юристов»¹².

Между тем, как ни удивительно, в начале 1720-х гг. законодатель не предусмотрел в отношении прокуроров никаких квалификационных требований – в том числе требования о наличии у них хотя бы элементарной юридической подготовленности или

же опыта профильной деятельности («заобычайности»). Более того: при комплектовании прокурорского корпуса 1722–1727 гг. в числе прокуроров не оказалось как ни одного выходца из приказной среды, так и ни одного имевшего юридическую подготовку иностранного специалиста, длительно находившегося на русской службе (каковым был, например, ассессор Юстиц-коллегии бывший ревельский адвокат Э. Кромпейн).

Уместно заметить, что аналогичная ситуация сложилась и при формировании в период 1710–1720 гг. судейского корпуса России. Не вдаваясь на этих страницах в подробности отмеченного сюжета (освещенного в рамках иной работы¹³), необходимо отметить, что каких-либо квалификационных требований в то время законодатель не предусмотрел так же и в отношении судей реформированных органов правосудия. Не вызывает сомнений, что при подборе и судейских, и прокурорских кадров сказалась тенденция, образно и точно сформулированная М.М. Богословским относительно кадров судейских: «Роль подготовленных юристов, из которых формировался состав шведских судов, в России предназначены были играть все те же капитаны, майоры и подполковники, которые, получивши начальное образование под руководством сельского пономаря и завершая его в пехотных и драгунских полках, считались специалистами решительно по всем сферам государственного управления»¹⁴.

Конечно, для того, чтобы оказаться подготовленным к должности прокурора в условиях России 1720-х гг., вовсе не обязательно было получать юридическое образование, для этого достаточно было располагать опытом работы в гражданской администрации или в правоохранительных и судебных органах, причем не только на канцелярских должностях. Подобный опыт заведомо предполагал хотя бы поверхностное ознакомление лица с основами действовавшего законодательства. Между тем, в гражданской администрации успели потрудиться лишь четверо будущих прокуроров – И.И. Бибиков, В.И. Гагарин, Т.К. Кутузов и И.В. Отяев (14,8%; при том, что опыт гвардии капитана Ивана Бибикова сводился к менее чем годичному руководству Ревизион-конторой, а Тимофей Кутузов и Иван Отяев к прокурорским обязанностям фактически не приступили).

В судебных органах до назначения в прокуратуру работали всего трое (11,1%): В.И. Гагарин (в 1720–1722 гг. ассессором в Санкт-

Петербургском надворном суде), Г.Г. Скорняков-Писарев (с 1718 г. судьей в Тайной канцелярии) да гвардии капитан А.П. Баскаков, служивший с 1723 г. судьей Вышнего суда. В свою очередь, выходяцы из гвардии И.И. Бибилов, И.Ф. Козлов и Е.И. Пашков успели побывать на должностях ассессоров в «майорских» следственных канцеляриях¹⁵, а будущий прокурор Камер-коллегии Петр Вельяминов с 1715 г. трудился в следственной канцелярии И.Н. Плещеева, а с 1719 г. – в следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова (14,8 % лиц, занимавших прокурорские должности).

Остается добавить, что ко времени назначения в прокуратуру часть бывших военнослужащих имела далеко не лучшее состояние здоровья. Из документов второй половины 1720-х гг. известно, что В.И. Гагарин был «одержим головою болезнию и одышкой». Он же затрудненно владел левой рукой. Аналогично «головной болезнию» страдал и С.Д. Гурьев (попутно медики выявили у него «склонность к чахотной болезню»). А 45-летний прокурор Юстиц-коллегии Александр Ржевский жаловался в сентябре 1726 г. на то, что «имею болезни чечуюнную и головную, и глазом одним не вижу, и бываю в беспамятстве»¹⁶.

Теперь коснемся вопроса о соотношении бюрократического «веса» новоназначенных прокуроров и поднадзорных им должностных лиц (кроме Сената и Синода). Здесь прежде всего необходимо отметить, что корпус попавших под надзор прокуратуры президентов коллегий и Главного магистрата отличался в 1722–1725 гг. заметной неоднородностью¹⁷. Наряду с могущественными сановниками, среди президентов оказались и сравнительно малоопытные администраторы, не имевшие в ту пору особенного влияния в коридорах петербургской власти. В силу этого прокурорам разных ведомств, отлаживая взаимоотношения с поднадзорными лицами, довелось решать задачи далеко не одинакового уровня сложности.

Для начала стоит отметить, что троим прокурорам – И.Ф. Козлову, Е.И. Пашкову и И.Т. Сафонову – пришлось иметь дело с коллежскими президентами, сохранившими посты сенаторов. В итоге как формальный, так и реальный бюрократический вес прокурора Военной коллегии гвардии капитана Егора Пашкова (должность которого находилась в VI классе Табели о рангах, а воинское звание – в VII классе) был в принципе несопоставим с весом оказавшихся у него под надзором генерал-фельдмаршалов А.Д. Меншикова и А.И. Репнина¹⁸ (I класс Табели). Пришедший

в феврале 1722 г. в Адмиралтейскую коллегия «надсматривать» за президентом генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным (тот же I класс Табели) Иван Козлов и вовсе был гвардии капитан-поручиком (VIII класс). Более чем влиятельного подопечного заполучил в лице генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса и ставший прокурором Берг-коллегии Иван Сафонов, произведенный в капитаны Преображенского полка 1 января 1721 г.¹⁹, менее чем за полтора года до назначения в прокуратуру.

Но административные «зубры» поджидали прокуроров и в других ведомствах. Назначенный прокурором в Юстиц-коллегия 42-летний драгунский майор Александр Ржевский встретил там 63-летнего графа П.М. Апраксина, бывшего боярина и сенатора²⁰. Определенный 19 сентября 1722 г. в прокуратуру Монастырского приказа вчерашний капитан Ингерманландского пехотного полка С.А. Раевский столкнулся в его стенах с бывшим московским вице-губернатором Василием Ершовым (которого в январе 1723 г. сменил не менее «забычайный» в административных и судебных делах Кирилл Чичерин, в прошлом – судья Поместного приказа, смоленский ландрихтер, а затем советник Камер-коллегии²¹).

Ближе друг к другу по обстоятельствам прежней карьеры оказались прокурор и президент в Вотчинной, Малороссийской, Коммерц- и Мануфактур-коллегиях. Первым президентом Вотчинной коллегии (учрежденной почти одновременно с прокуратурой России) стал кадровый офицер полковник М.А. Сухотин. И хотя Михаил Сухотин превосходил прокурора А.Г. Камынина по возрасту (на целых 18 лет) и по воинскому званию (на две ступени)²², и тот и другой явились в коллегия – преемницу старинного Поместного приказа – людьми совершенно новыми, одинаково чуждыми спаянной корпорации дельцов от вотчинной юстиции. Более того: и Афанасий Камынин, и М.А. Сухотин до назначения в Вотчинную коллегия вообще никогда не состояли на государственной гражданской службе²³.

Назначенный 18 января 1722 г. президентом Коммерц-коллегии 36-летний И.Ф. Бутурлин до этого 11 лет тянул строевую лямку в Семеновском полку, затем три года состоял армейским обер-кригс-комиссаром, четыре года – советником в Ревизион-коллегии²⁴. Такой послужной список обуславливал относительное статусно-административное равновесие Ивана Бутурлина с прокурором коллегии бывшим драгунским майором Селиверстом Гурьевым.

Думается, примерно одним бюрократическим «весом» обладали глава Малороссийской коллегии полковник С.Л. Вельяминов и прокурор коллегии гвардии капитан-поручик М.С. Хрущев, президент Мануфактур-коллегии В.Я. Новосильцев и прокурор коллегии бывший капитан-поручик Преображенского полка, а затем бригадкомиссар А.Ю. Бибииков.

Разнородность персональных характеристик руководящего состава была свойственна тогда, впрочем, не только системе центрального управления. Аналогичная картина наблюдалась и в надворных судах²⁵. Среди поставленных под надзор прокуратуры президентов и вице-президентов гофгерихтов наиболее могущественной фигурой в 1722 г., несомненно, был А.И. Панин.

Начавший карьеру еще в 1690 г. в комнатных стольниках царя Ивана Алексеевича, Алексей Панин попал вскоре в Семеновскую потешную роту, затем в одноименный гвардейский полк, в котором прошел путь от урядника до капитана. Определенный в декабре 1717 г. ассессором в следственную канцелярию С.А. Салтыкова Алексей Иванович был в феврале 1720 г. произведен в полковники и назначен вице-губернатором в Смоленск. 7 августа 1722 г. 47-летний А.И. Панин занял также пост президента Смоленского надворного суда²⁶. Понятно, что и армейский поручик Авдей Радищев, назначенный прокурором Смоленского гофгерихта 22 января 1723 г., и сменивший его 24 декабря 1724 г. вчерашний гарнизонный майор Иван Синявин имели мало шансов отладить надзор за столь заслуженным президентом и по совместительству вице-губернатором.

Исходя из личного фактора, несомненно, проще было работать прокурорам Курского и Ярославского надворных судов. В Курске прокурору «из капитанов» И.Т. Камынину довелось надзирать за подполковником И.С. Батуриным, попавшим в июле 1722 г. в вице-президенты Курского гофгерихта со скромной должности городского судьи Мещовска²⁷. В Ярославле бывшему майору С.Ф. Корину выпало надзирать за вице-президентом А.М. Шейдяковым (президент в Ярославский надворный суд так и не был назначен), прежде состоявшим на третьих ролях в российском посольстве в Варшаве²⁸.

Особая ситуация сложилась в Московском надворном суде, прокурором которого 20 июля 1722 г. стал бывший подполковник, бывший вице-губернатор и сам бывший судья В.И. Гагарин.

Выходец из влиятельного старомосковского клана, князь Василий Иванович располагал наиболее обширным из всех прокуроров 1722–1727 гг. административным и судебным опытом. В итоге из судей Московского надворного суда 1722–1725 гг. ни один не превосходил Василия Гагарина по уровню и разнообразию прошлой карьеры²⁹. Ставший в июле 1722 г. вице-президентом суда 44-летний полковник С.Я. Юрлов более двух десятилетий находился на военной службе и только в ноябре 1719 г. занял должность судьи в том же Московском гофгерихте. И лишь с назначением 18 июня 1725 г. президентом суда заслуженного фронтовика и искушенного администратора бригадира В.Н. Зотова³⁰ Василий Гагарин получил бюрократически «равновесного» ему поднадзорного руководителя.

Впрочем, дело было не в одних только фигурах руководящих должностных лиц, но и в объеме и специфике работы поднадзорного органа власти. Тот же В.И. Гагарин был поставлен осуществлять надзор над самым большим по штату и наиболее загруженным делами гофгерихтом. По состоянию на январь 1722 г., в Московском надворном суде трудились семеро судей (вице-президент и шесть ассессоров), 28 канцелярских служащих (во главе с двумя секретарями) и шестеро сторожей (по курьерам и заплочным мастерам сведения отсутствуют)³¹. По данным же на 1726 г., в Московском надворном суде числились шестеро судей (президент и пять ассессоров), 27 канцелярских служащих, трое сторожей, 12 рассыльщиков и двое заплочных мастеров³². В итоге несмотря на весь опыт прежней службы, Василий Гагарин оказался вынужден жаловаться в доношении в Сенат в 1724 г., что в Московском гофгерихте «множество всяких дел, которые смотрением во всякой исправности объять ему одному некоторыми делы невозможно»³³.

По-видимому, не испытал больших сложностей в Камер-коллегии Петр Вельяминов, безусловно поднаторевший в «счетных делах» в бытность работы в следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова. Насколько можно понять, вполне освоился в Штатс-контор-коллегии бывший комиссар Рижского гарнизона капитан А.И. Жолобов, которому, несомненно, пригодились его навыки гарнизонного снабженца. А вот вчерашний пехотный капитан С.А. Равевский вряд ли уверенно чувствовал себя в управлявшем гигантским хозяйством русской церкви Монастырском приказе.

По всей вероятности, нелегко было вникать в тонкости

посадских дел прокурорам Главного магистрата бывшему майору М.Ф. Воейкову и бывшему поручику Ф.А. Барятинскому. Кажется, мало что смог понять во внешнеэкономических операциях прокурор Коммерц-коллегии вчерашний драгунский майор С.Д. Гурьев.

Но тяжелее всех на прокурорском поприще, вероятнее всего, пришлось А.Г. Камынину. 33-летний ветеран Полтавы и Гангута (начавший солдатскую службу 15-ти лет от роду и из-за непрерывного пребывания в войсках ни разу, по всей очевидности, не вступавший в поместные тяжбы), Афанасий Камынин оказался в учреждении с вековыми традициями волокиты и кривосудия, в дебрях архаичного вотчинного законодательства. Обстановка для Афанасия Григорьевича усугублялась еще и тем, что, кроме президента-фронтовика, остальное руководство Вотчинной коллегии состояло из крючкотворов, относительно которых в 1722 г. сенатор П.П. Шафиров емко выразился: «... перед ними хотя и виселицу ставь, а они неправду делают»³⁴.

Чувствительнее всего прокурора допекал временно состоявший с 29 апреля 1722 г. в должности президента коллегии Ф.С. Мануков (5 ноября 1725 г. занявший должность вице-президента коллегии), признанный законоискусник весьма сомнительного морального облика³⁵. В доношении от 28 октября 1724 г. Афанасий Камынин с горечью и раздражением извещал генерал-прокурора: «При слушании дел многажды случалось и ныне есть: ис членов коллежских, а особливо Мануков, ис тех, кои изстари в Поместном приказе, скажет: “Не все указы выписаны”, и напamятовал указ, в какой книге при том объявит, которых другому, а паче которые из салдат, и ведать невозможно»³⁶.

Примечательно, что со временем А.Г. Камынин более чем освоился в дебрях вотчинной юстиции. По странной прихоти судьбы, с Вотчинной коллегией, в которую он так негаданно попал в 1722 г., оказалась связана вся дальнейшая карьера Афанасия Григорьевича. Продолжателем дела Ф.С. Манукова Афанасий Камынин стал даже в формальном смысле: именно бывший прокурор занимал с сентября 1740 г. по август 1760 г. должность вице-президента коллегии³⁷ (в каковой в 1725–1736 гг. состоял Федосей Семенович).

Остается добавить, что А.Г. Камынин оказался не единственным из числа прокуроров-фронтовиков 1722–1727 гг., которому удалось впоследствии сделать правительственную карьеру. Бывший

командир 1-й роты Преображенского полка, занимавший с мая 1725 г. по июнь 1726 г. должность обер-прокурора Синода, Алексей Баскаков стал в дальнейшем президентом Ревизион-коллегии, тайным советником. Бывший поручик, прокурор Главного магистрата 1723–1727 гг. Ф.А. Барятинский дослужился затем до главного судьи Сибирского приказа и действительного статского советника.

Должности президента Вотчинной коллегии достиг бывший майор, прокурор Юстиц-коллегии 1722–1727 гг. Александр Ржевский, произведенный 27 мая 1741 г. при отставке в генерал-майоры. Бывший капитан-преображенец, обер-прокурор Сената 1723–1727 гг. И.И. Бибиков занимал должности президента Ревизион- (в 1727–1728) и Камер-коллегий (в 1736–1740 гг.), выслужил чин генерал-лейтенанта. А вот бывший капитан-поручик Семеновского полка, прокурор Малороссийской коллегии 1722–1725 гг. Михаил Хрущев дослужился и вовсе до сенатора.

Наконец, достойно упоминания, что двое прокуроров-фронтовиков «первого призыва» вновь оказались на службе в прокуратуре после ее воссоздания в 1730 г. Бывший гвардии капитан, прокурор Малороссийской коллегии 1725–1727 гг. Артемий Макшеев в августе 1734 г. стал прокурором Сысского приказа (пробыв на этой должности, впрочем, недолго – до отставки в ноябре того же 1734 г.). А вот бывший солдат-семеновец, а впоследствии капитан И.Т. Камынин, состоявший в 1722–1727 гг. прокурором Курского надворного суда, с августа 1734 г. по октябрь 1740 г. занимал должность прокурора Московской губернии.

Суммируя вышеизложенное, следует констатировать, что в прокурорский корпус 1722–1727 гг. вошли главным образом вчерашние военнослужащие среднего и старшего офицерского состава. Более половины из них не располагали даже минимальным опытом административной и судебной работы, а потому заведомо не могли иметь углубленного представления о системе действующего законодательства. Назначение таковых лиц на прокурорские должности значительно ослабляло эффективность их будущей деятельности по надзору за соблюдением законности.

По формальному статусу и опыту предшествующей службы значительная часть прокуроров 1722–1727 гг. уступала поднадзорным должностным лицам. Взаимно несопоставимы были статус и влияние прокуроров – вчерашних офицеров и поднадзорных им

президентов в Адмиралтейской, Военной и Берг-коллегиях, в Монастырском приказе, в Смоленском гофгерихте. Подобная ситуация также не могла не снижать эффективность надзорной деятельности соответствующих прокуратур.

¹ Новейшее обозрение литературы о российской прокуратуре первой трети XVIII в. см.: Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 14–17.

² Общие (хотя и неполные) сведения о личном составе прокуратуры 1722–1727 гг. см. в двух специальных ведомостях, подготовленных в канцелярии Сената в июне 1729 г.: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730 гг. Т. 7 // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1894. Т. 94. С. 754–756, 758. Сводные данные о назначениях на прокурорские должности за январь 1722 – январь 1725 гг. см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 268–269.

³ Биографические сведения о прокурорах первой четверти XVIII в. см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.). Новосибирск, 2002. С. 264–276. Более подробные сведения о служебной карьере прокуроров И.Т. Камынина и С.Ф. Корина см.: Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. Бабич М.В., Бабич И.В. М., 2008. С. 356–357, 396.

⁴ Согласно копии боярского списка 1712 г., в стольниках некогда числились будущие прокуроры Вельяминов П.Б., Бибииков А.Ю., Гагарин В.И., Жолобов А.И., Кутузов Т.К., Отяев И.В., Скорняков-Писарев Г.Г., в жильцах – Ржевский А.Т. (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Калачева Н.В. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 104, 107–108, 110).

⁵ Козлов И.Ф. был назначен прокурором из капитан-поручиков 1-й роты Семёновского полка, Хрущев М.С. – из капитан-поручиков 4-й роты того же полка (РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 20, 36). К числу номинальных офицеров гвардии следует отнести генерал-прокурора Ягужинского П.И., с 1708 г. числившегося капитаном «сверх комплекту» в 7 роте Преображенского полка, и Пашкова Е.И, аналогично числившегося сверхкомплектным капитаном той же роты (Там же. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 8 об.).

⁶ См. челобитную Болтина И.В. от апреля 1725 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 75. Л. 219.

⁷ См. челобитную Камынина А.Г. от июня 1727 г.: Протоколы, журналы и указы... Т. 4 // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 585.

⁸ См. челобитную Скорнякова-Писарева Г.Г. от февраля 1743 г.: РГАДА. Ф. 11. № 788. Л. 2.

⁹ См. изложение челобитной Гурьева С.Д. в доношении Сената Верховному Тайному Совету от 4 ноября 1726 г.: Протоколы, журналы и указы... Т. 2 // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 339.

¹⁰ См. изложение челобитной Барятинского Ф.А. в сенатском указе от 21 февраля 1727 г.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1963. Л. 136.

¹¹ О состоянии юридического образования в России XVII – первой половины XVIII вв. подробно см.: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспру-

- денция в России в XVIII столетии: учеб. пособие. М., 2010. С. 18–120. Для сравнения уместно добавить, что в ставшей для Петра I образцом Швеции по состоянию на 1700 г. насчитывалось четыре университета (в Упсале, Лунде, Або и Дерпте/Пярну), все имели юридические факультеты (История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. К. Сийлииваска. Таллин, 1982. С. 18, 28, 33). Особенно удивительно, что Петр I не предпринял никаких мер по восстановлению университета в Дерпте, в марте 1699 г. перемещенного шведскими властями в Пярну, а в августе 1710 г. эвакуированного в Стокгольм (подробнее об этом см.: Эригсон Л. Из истории Academia Gustavo-Carolina (1690–1710) // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 184–217).
- ¹² Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1899. Кн. 2. С. 68.
- ¹³ Серов Д.О. Зарождение судейского корпуса России (из истории судебной реформы Петра I) // Россия и мир. Панорама исторического развития: сб. научн. статей. Екатеринбург, 2008. С. 552–560.
- ¹⁴ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 291.
- ¹⁵ С декабря 1717 г. И. И. Бибииков состоял ассессором в следственной канцелярии Г.Д. Юсупова, И.Ф. Козлов – П.М. Голицына, Е.И. Пашков – И.И. Дмитриева-Мамонова (подробнее об этом см.: Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: сб. научн. статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1. С. 79–93).
- ¹⁶ Протоколы, журналы и указы... Т. 2 // Сб. РИО. Т. 56. С. 339; То же. Т. 3 // Сб. РИО. Т. 63. С. 232; То же. Т. 6 // Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. С. 265. Касательно В.И. Гагарина в июле 1728 г. отмечалось также, что он «глазами худо видит, и непрестанно из них течет гной» (Там же).
- ¹⁷ Сводные данные о назначениях на должности президентов и вице-президентов коллегий и обер-президента Главного магистрата за декабрь 1717 – январь 1725 гг. см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 266.
- ¹⁸ Репнин А.И. сменил Меншикова А.Д. в должности президента Военной коллегии, согласно именному указу от 19 мая 1724 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1935. Л. 81 об.).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 15.
- ²⁰ Из рядов сенаторов П.М. Апраксин выбыл в 1718 г. в связи с первой реорганизацией Сената. Президентом Юстиц-коллегии Петр Апраксин стал 29 апреля 1722 г. Стоит добавить, что 7 мая 1724 г. Петр Матвеевич получил нововведенный чин действительного статского советника. Помещенный в IV класс Табели о рангах данный чин на две ступени превосходил должность коллежского прокурора (по своему воинскому званию армейского майора А.Т. Ржевский числился вовсе в VIII классе Табели) (РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 362; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / Сост. Баранов. П.И. СПб., 1872. Т. 1. № 1450).
- ²¹ Новейшую сводку биографических данных о В.С. Ершове и К.Л. Чичерине см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 42–43, 80–81.
- ²² См. краткий послужной список М.А. Сухотина 1725 г.: РГАДА. Ф. 286. Кн. 74. Л. 121 об. Президентом Вотчинной коллегии Михаил Сухотин был определен именованным указом от 20 августа 1723 г. (Там же. Ф. 248. Кн. 1917. Л. 22 об.).

Уместно заметить, что в 1704–1707 гг. М.А. Сухотин и А.Г. Камынин параллельно (хотя и в разных званиях) проходили службу в Семеновском полку.

²³ А.Г. Камынин пришел в Вотчинную коллегию со строевой должности в Гренадерском драгунском полку, М.А. Сухотин – с должности коменданта Нарвы.

²⁴ Систематические данные о карьере И.Ф. Бутурлина см. в челобитной его вдовы Марфы Яковлевны от 13 ноября 1726 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 84. Л. 187–187 об. О возрасте Ивана Бутурлина см.: Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 652.

²⁵ Сводные данные о назначениях на должности президентов и вице-президентов надворных судов за 1719 – январь 1725 гг. см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 269.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 39 об.; Там же. Кн. 1889. Л. 526. Наиболее подробно обстоятельства службы А.И. Панина изложены в его челобитной от мая 1738 г.: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 11 / Под ред. А.Н. Филиппова // Сб. РИО. Юрьев, 1912. Т. 138. С. 199.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 454 об. К моменту назначения в Курский надворный суд И.С. Батуриным имел за спиной достаточно богатую событиями карьеру. Согласно послужному списку Ивана Батурина 1721 г., в 1680-е – 1690-е гг. ему довелось принять участие в посольствах в Речь Посполитую, Швецию и Австрию, во втором Крымском и обоих Азовских походах. В первом десятилетии XVIII в. Иван Степанович исполнял должность провиантмейстера в Воронеже и Пскове, воевал в Прибалтике, описывал заповедные леса и рыбные ловли. Городовым судьей Мещовска он стал в 1718 г. (Там же. Кн. 8104. Л. 37–37 об.).

²⁸ Пост вице-президента Ярославского гофгерихта А.М. Шейдяков занял несомненно по протекции сенатора Г.Ф. Долгорукова, под началом которого он прежде работал в посольстве в Польше. Известно, что в 1719 г., по поручению Григория Федоровича, Афанасий Шейдяков содействовал бегству его дочери Александры от мужа В.Ф. Салтыкова. Примечательно, что вопрос о покровительстве Григория Долгорукова Афанасию Михайловичу негаданно всплыл на процессе П.П. Шафирова и Г.Г. Скорнякова-Писарева 1723 г. В ходе судебных заседаний Григорий Скорняков-Писарев между иного заявил, что Афанасия Шейдякова следует отстранить от должности вице-президента, поскольку эту должность он получил «за службу ево князю Долгорукову во увезении дочери ево от мужа Салтыкова». Специальное рассмотрение данного эпизода завершилось резолюцией Петра I: «Отставить [эпизод], для того что [Г. Г. Скорняков-Писарев] доносил, что он [А.М. Шейдяков] за простотою своею не годен [в вице-президенты], а преступления он за ним никакого не знает» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 72 об.). В итоге, Афанасий Шейдяков пробыл вице-президентом Ярославского гофгерихта до августа 1725 г., когда его уволили в отставку по старости (Там же. Кн. 1947. Л. 34).

²⁹ Едва ли не превосходивший В.И. Гагарина по влиятельности и опыту прежней службы вице-президент Московского гофгерихта бригадир И.Л. Воейков был отстранен от должности вице-президента именным указом от 24 апреля 1722 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 277 об.).

³⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 88.

³¹ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 225–226 об. Для сравнения можно отметить, что по состоянию на февраль 1723 г. в Воронежском надворном суде состояли

четверо судей и 14 канцелярских служащих (Там же. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5961. № 102. Л. 1 об.).

³² Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 113.

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1934. Л. 13–13 об. В ответ 4 декабря 1724 г. Сенат предписал направить В. И. Гагарину указ с глубоко содержательным напоминанием о том, «чтоб он во управлении дел поступал по должности своей и по указом и по Регламенту со всяким прилежанием» (Там же).

³⁴ Там же. Кн. 300. Л. 137. Приведенное заявление П.П. Шафирова стало предметом отдельного разбирательства на упоминавшемся процессе 1723 г. Допрошенный в связи с этим 16 января 1723 г. временно состоявший в должности президента Вотчинной коллегии Ф.С. Мануков воспроизвел слова Петра Шафирова в несколько иной формулировке. По версии Федосея Манукова, сенатор высказался о том, что в Вотчинной коллегии дела решаются «неправо, не боясь поставленного на столе его императорского величества указу, и хоть и виселицы на столе поставить, то боятца не будут» (Там же. Л. 134 об.).

³⁵ Начавший трудовой путь подьячим еще в 1680 г. Ф.С. Мануков обладал, пожалуй, уникальным среди руководителей коллегий 1720-х гг. опытом практического законоведения. 32 года проработавший в Поместном приказе, а затем последовательно занимавший должности Санкт-петербургского ландрихтера и обер-ландрихтера Санкт-Петербургского провинциального суда Федосей Мануков не раз обвинялся в различных злоупотреблениях, но каждый раз ускользал от правосудия. Примечательный эпизод, связанный с Федосеем Семеновичем, оказался зафиксирован фискальской службой. В [1712 г.] в Сенат поступило фискальское доношение «на лантрата Луку Каблукова да на лантрихтера Федосея Манукова, что, быв они в доме Федосея Манукова да с ними дьяк Андреян Ратманов, попрекались меж собою, что в бытность свою у дел крали государеву денежную казну» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 657. Л. 31 об.). О карьере Ф.С. Манукова см. в его послужном списке 1725 г. и его же челобитной от 2 ноября 1726 г.: Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 84. Л. 382–382 об.; Там же. Ф. 286. Кн. 74. Л. 122. В литературе о Федосее Семеновиче наиболее подробно (хотя и с некоторыми неточностями) см.: Петрухинцев Н.Н. В корнях Суворовского древа // Родина. 2010. № 11. С. 6–9.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 50. Л. 745 об.

³⁷ Опись высочайшим указам и повелениям... / Сост. П.И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. № 8604; То же. СПб., 1878. Т. 3. № 11660.

А.А. Симонов (Саратов)

БЫЛА ЛИ ВОЛЬСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ ПЕРВЫМ СОВЕТСКИМ РЕЧНЫМ СОЕДИНЕНИЕМ НА ВОЛГЕ

В апреле 1968 г. на адрес партийных и советских руководителей города Вольска поступила поздравительная телеграмма от командования ВМФ СССР, подписанная адмиралом флота Советского Союза С. Горшковым и адмиралом В. Гришановым. В ней, в частности, говорилось: «Сердечно поздравляем ветеранов Гражданской войны, трудящихся города Вольска с 50-летием образования Вольской военной флотилии. Созданная для защиты завоеваний социалистической революции, флотилия за свою короткую, но славную историю неоднократно отличалась в боях на Волге и вписала яркие страницы в боевую летопись Советского Военно-Морского Флота...»¹. Столь высокая оценка много значила для вольчан. И хотя в поздравлении не говорилось, что Вольская военная флотилия была первым боевым соединением² вооруженных речных сил Советской Республики на волжских просторах, но именно это прозвучало из уст городского начальства на праздничных мероприятиях³.

Напомним такой факт – в дореволюционное время жители уездного Вольска традиционно преимущественно служили на флоте. Поэтому в начале 1918 г. в городе оказалась значительная прослойка большевизированных моряков-балтийцев, демобилизованных после легендарного Ледового похода из портов Финского залива. Как и многие фронтовики, они основали свой «союз», назвав его «Партизанский отряд красных военных моряков». С появлением в Вольске сына местного кушца – бывшего мичмана М.А. Афанасьева (Невского) – моряки заняли более активную позицию. Новый член «союза» в свое время руководил большевистской партийной организацией моряков на базе Балтфлота в Або, был делегатом

II Всероссийского съезда Советов, затем получил направление на Каспий в Астрахань. В родной город он прибыл подлечиться, а заодно провел успешную агиткампанию. 14 апреля около 60 моряков приняли решение о создании Вольской красной флотилии. А на следующий день в Москву ушла телеграмма от участников митинга:

«Москва, Совнарком. Сим сообщается, что 14 апреля моряки военного флота, собравшись в городе Вольске в количестве 60 человек, организовали красную речную Флотилию для интенсивной защиты Советской власти и поддержки порядка на Волге. Организация красной Флотилии крайне полезна для будущих завоеваний революции. Для дальнейшего развития Красной флотилии необходим переход в военную Флотилию, согласно последнему декрету о переходе Флота на добровольное начало, что вместе с организацией Дома моряков дает необходимое количество подготовленных специалистов для пополнения кадров военного Флота. Для означенной организация вполне подготовлена. При Вашей поддержке красная Флотилия в недалеком будущем может превратиться в могучую Флотилию Волжского бассейна, могущую предотвратить всякие контрреволюционные выступления. Для означенной цели необходимо срочное распоряжение о переводе на Волгу мелких военных судов с Балтийского моря с оставшимися там командами. Ваш взгляд на начатое нами дело просим сообщить по адресу: Вольск, Деловому совету Красной Флотилии. Вольский совнарком присоединяется к голосу моряков. Вольск, 15 апреля 1918 года. Председатель Делового Совета Красной флотилии Петерсон, Секретарь Литони, организатор мичман Невский»⁴.

Историография советского речного флота также свидетельствует о появлении в марте-апреле 1918 г. в Астрахани, Казани и Вольске отрядов речников. Именно отрядов, а не флотилий. Указывается даже количество судов и некоторые их названия⁵. Однако только вольский отряд, уже как флотилия, фигурирует летом того же года в сводках боевых действий. Тогда же возникают речные отряды в Нижнем Новгороде и в Симбирске, названные вскоре Волжской военной флотилией. Днем основания этого соединения считается 25 июня 1918 г. В тот день в Нижнем Новгороде прозвучал призыв руководителя местного речного отряда матроса Н.Г. Маркина к морякам и водникам о вступлении во флотилию⁶.

Считается, что создание Вольской флотилии возглавил «Деловой совет», который «немедленно приступил к подбору пригодных

для намеченной цели речных судов и выявлению необходимого вооружения»⁷. Обратим внимание на название руководящего органа флотилии. В то время так обычно именовались органы рабочего контроля на транспорте. Они создавались в правлениях и главных конторах судоходных компаний и служили «целью сломить сопротивление буржуазии и оздоровить обстановку в сфере производства»⁸. «Деловые советы» формировались выборным путем на собраниях рабочих и служащих и обычно имели несколько отделов, которые принимали на себя руководство соответствующими участками деятельности судоходных предприятий⁹. Вольский «Деловой совет Красного флота» имел точно такие же функции. Достаточно взглянуть на должности его членов. Да и очевидцы подтверждают его хозяйственную, деловую направленность¹⁰.

Сам состав совета не был постоянен. Вероятно, пере выборы происходили регулярно. Вот кто входил в него в середине мая 1918 г.: председатель – бывший машинист с крейсера «Аскольд» С.Н. Коржевин, секретарь М. Ефимов, казначей Н. Махолкин, делопроизводитель Кокин и член совета А. Кирсанов¹¹. Из перечисленных лиц отношение к военно-морской службе не имел только делопроизводитель.

Достались «братишкам» и другие речные должности. Пост комиссара по охране судов и грузов на Волге занял И.И. Семенов. Стали комендантами главных пристаней Н. Поляков, Н. Лоскутов, Ф. Антонов и В. Идин¹². Получается, что демобилизованные военные моряки взяли под свой контроль всю работу коммерческого речного флота, базировавшегося в Вольске. Почему же весной 1918 г. революционные матросы проявили такую активность?

Как известно, Декрет СНК о национализации флота, подписанный 24 января 1918 г., устанавливал лишь основные принципы национализации, но не определял порядок ее проведения. Расплывчатость закона не могла не вызвать перегибов и ошибок в ходе государственствования имущества пароходных компаний и частных лиц. Проявленная в ряде случаев бесцеремонность, а то и грубость советских органов натолкнулась на жесткий протест не только бывших хозяев, но и рядовых водников. Многие суда простаивали без ремонта, вовремя не готовились к навигации. Само же государство, приняв в свое ведение флот, не смогло выделить крупных ассигнований из бюджета казны. Напряженности отношений способствовало и то, что зачастую национализировались мелкие суда,

по декрету этому не подлежащие. Так, например, комитет Саратовского союза судоходных служащих и рабочих в апреле 1918 г. принял решение о национализации всех без исключения мелких паровых, моторных и непаровых судов¹³. Скорее всего, данный шаг был вызван катастрофической неготовностью национализированных судов к уже начавшейся навигации. Выходом казалось присвоить уже отремонтированные и оснащенные хозяевами суда (хотя бы и мелкие). Бывших же военных моряков новая власть привлекла для выполнения на речном транспорте карательных-надзирательных функций. Иначе говоря – активно участвовать в национализации флота.

Но вернемся к телеграмме вольчан в Советское правительство. В тексте присутствует просьба о «переводе на Волгу мелких военных судов с Балтийского моря». Резонно предположить, что в этих кораблях нуждалась сама Вольская флотилия. Однако существует еще одна версия. Высказал ее в письме в редакцию вольской газеты «Цемент» в 1962 г. адмирал в отставке И.И. Золин. Он допустил, что посылка балтийских военных кораблей на Волгу «обуславливалась необходимостью помочь укреплению Каспийской флотилии. Об этом докладывалось В.И. Ленину 12 апреля 1918 г. Тогда было решено кораблей не посылать. Но через месяц тт. Шаумян и Корганов (руководители бакинских большевиков) прислали со специальным человеком просьбу помочь кораблями. Они даже называли тип корабля: «Сокол»... В то лето мелких кораблей просили не только моряки Вольска. Такую заявку присылали из Царицына, Астрахани, даже Симбирска...»¹⁴. Здесь уместно напомнить, что «организатор» Вольской флотилии М.А. Афанасьев (Невский), будучи руководителем Астраханского порта, тоже представлял Каспий. В Вольске он был всего лишь в отпуске после болезни¹⁵.

Как бы то ни было, но смыслом существования любой военной флотилии являются боевые корабли. Вольские моряки тоже запросили в правлении водного транспорта несколько буксирных пароходов, паровых катеров и баркасов¹⁶. Но получили их не скоро, и не в требуемом объеме. Дело в том, что выбор судов для организации военных флотилий вообще оказался ограниченным. В условиях гражданского противостояния многие судовые команды речников старались соблюдать нейтралитет. Заставить их воевать, когда Красный военный флот комплектовался исключительно добровольцами, власть не имела юридического права. Забегая вперед,

отметим, что не мог ничего изменить и декрет СНК от 12 июня 1918 г., объявивший первый призыв рабочих и крестьян, родившихся в 1893–1897 гг. в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, то есть во всей полосе, прилегающей к области чехословацкого восстания. Во-первых: выбор пал только на некоторые районы, прилегающие к Волге (в Саратовском Поволжье – Хвалынский и Вольский уезды). А во-вторых: возрастные рамки призывников 21–25 лет ограничивали набор опытных водников¹⁷. В итоге весной – летом 1918 г. можно было рассчитывать лишь на отдельные большевизированные команды речников.

Насилие, впрочем, не исключалось. Как реализовывался его механизм, можно проследить на примере парохода «Иосиф». Судно это вошло в состав Вольской флотилии несколько позже – в июле 1918 г., но рассказ о его «мобилизации» показателен и, наверное, типичен.

«В 1918 году мы работали кочегарами на буксирном пароходе “Иосиф”. Однажды стояли на рейде у Саратова. К нам приблизился катер. С него на борт нашего буксира поднялось несколько человек. Они вызвали командира Блинова, показали ему какую-то бумагу, а потом ходили по пароходу, проверяли, крепко ли склепана палуба, осмотрели машинное и котельное отделения, спрашивали в присутствии всей команды командира и механика, надежно ли судно и механизмы, какова скорость парохода. Командир и механик, очевидно, поняли, что судно отбирается для военной флотилии, и давали “Иосифу” очень нелестные характеристики. Им не хотелось на склоне лет идти на фронт.

Один из приехавших комиссаров строго приказал:

– Пароход подать к пристани! Семьи ссадить на берег! На судне останутся добровольцы, желающие идти на фронт!»¹⁸

Процесс активного формирования флотилии начался 18 мая и продолжался до 28 июня 1918 г., когда был вынужден прерваться на полмесяца из-за участия красных моряков в боях за Балаково и Вольск, охваченных антисоветскими мятежами. Известен список 54 моряков, поступивших на службу во флотилию с указанием срока вступления¹⁹. В распоряжении краснофлотцев находились пароходы «Герой» и «Марк», катера «Балканец», «Миша», «Борис», «Поселянин». Суда были вооружены исключительно пулеметами и частично, с помощью рабочих завода Гильдебрандта²⁰,

бронированы металлическими листами. Флотилия несла только патрульную службу, следя, в первую очередь, за незаконными перевозками продовольствия²¹. Последнее обстоятельство очень показательно для всей ситуации на Нижней и Средней Волге, бывшей главным источником хлеба для промышленных районов Советской России. Например, пароход «Герой», который первым поступил в распоряжение вольских моряков, патрулировал в районе Хвалынского. Его боевой состав – 10 человек при одном пулемете. Моряки досматривали суда и оказывали советским органам «помощь по сбору контрибуции с хвалынской буржуазии»²².

Орудия на пароходах появились несколько позже: при возникновении реальной угрозы в виде Народной армии Комуча и ее военной флотилии. Артиллерийские работы на пароходах «Марк» и «Герой» начались 28 июня по инициативе вновь принятого в Вольскую флотилию моряка С. Цыганкова. Сохранился рассказ, как оборудовались суда:

«Вольский ревком передал морякам 2 зенитные пушки и 6 станковых пулеметов. Начатые работы по вооружению пароходов артиллерийскими орудиями оказались трудными, так как в Вольске не оказалось необходимых инженерно-технических специалистов для этой работы. Палубные конструкции речных пароходов были легкими и не рассчитаны на большие весовые и ударные нагрузки, в результате чего требовалось точно рассчитать способы дооборудования площадок для установки орудий и способы крепления орудий, для того чтобы при стрельбе орудие не сорвалось и не проломило палубы.

Моряки настойчиво и кропотливо “на глазок” варили металлические подпалубные каркасы и настилы, научились применять для крепления цинковые тросы и в результате этого добились сносных решений установки орудий на пароходах.

Затем из хлопковых кип и стальных листов моряки оборудовали противопулевую защиту рулевой рубки управления и мест нахождения боевых расчетов команды корабля, после чего “Марк” и “Герой” вошли в строй для выполнения боевых заданий»²³.

Другой рассказ свидетельствует, что работы шли днем и ночью и в них лично принял участие председатель «Делового совета» Коржевин. Днем он заседал в «совете», а ночью «сверлил палубу на пароходе “Марк”». От переутомления даже заболел и был вынужден оставить пост председателя моряку Г. Зыкову²⁴.

А вот как происходило переоборудование в канонерскую лодку выше упомянутого парохода «Иосиф»:

«“Иосиф” стоял у пристани. День и ночь на нем шла работа по вооружению. С помощью рабочих Саратовского затона команда размечала и сверлила палубу, погрузили две морских пушки и одно орудие. Пушки привернули к носовой части, орудие за колеса закрепили на корме. На мостик втащили пулеметы. В то же время грузили снаряды, винтовки, ящики с патронами, мешки и бочки с продовольствием. Все наиболее уязвимые места на судне обложили тюками с ватой»²⁵.

Как видим, превращение мирного речного транспорта в военные суда оказалось делом новым и сложным. Поджимали сроки. Да и инженерное обеспечение было далеко не идеальным – делалось на глазок и в спешке. Тем не менее, просматривается определенная последовательность: обязательно усиливалась палуба, пристальное внимание уделялось креплению орудий, последние размещались, как правило, в носовой части и на корме.

И все же к началу боевых действий пароходы «Марк» и «Герой» оказались недооборудованными. И здесь на выручку 29 июня подошел речной военный отряд из Саратова.

Мысль о создании карательного²⁶ водного отряда из рабочей дружины железнодорожных мастерских Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД) появилась у саратовских большевиков в начале июня 1918 г. Дружина эта считалась лучшей по организации военного дела в системе всеобща. Немаловажно было и то, что в мае 1918 г. железнодорожники доказали преданность Советской власти своим участием в подавлении антибольшевистского вооруженного выступления ряда воинских частей Саратовского гарнизона. Кроме того, РУЖД имела свою речную флотилию, насчитывающую несколько десятков судов. В основном они обеспечивали доставку грузов к железнодорожным подъездным путям, складам и резервуарам. Переброску составов с одного берега Волги на другой выполнял флагман флотилии «Саратовский ледакол» совместно с паромом «Саратовская переправа». Эти два судна, будучи первыми в России речным ледаколом и паровой железнодорожной переправой, являлись гордостью не только железной дороги, но и саратовцев.

История создания этих уникальных для того времени пароходов началась в 1894 г., когда РУЖД заказала их проектирование

и постройку у английской компании «Амстронг, Митчел и Ко» в Ньюкасле. Изготовленные в 1896 г. суда своим ходом прибыли в Санкт-Петербург. Там их расстыковали, но, благодаря специальному конструкторскому решению, оставили на плаву. Затем перебрали по Мариинской водной системе на Волгу, где опять собрали. В 1909 г. у РУЖД появился другой более мощный паром «Саратовская переправа-2», сделанный уже отечественными корабельщиками в Сормово.

Ледокол же оставался на Волге единственным в своем классе. Это было двухвинтовое судно с двумя паровыми машинами системы «компаунд» мощностью 950 лошадиных сил каждая. Длина ледокола – 147 футов (44, 80 м), ширина – 38 футов (11 м), наибольшая осадка в нагруженном виде – 14 футов (4,26 м). Пароход мог перевозить до 400 пассажиров и примерно 50 т груза, раскалывать лед толщиной в 1 м²⁷. Теперь же это судно и другие пароходы РУЖД стали боевыми кораблями. Какие именно и каким образом – требует пояснения.

С марта 1918 г. РУЖД являлась государственной железнодорожной компанией²⁸. Соответственно ее флотилия тоже зависела от нового руководства. Дело стало только за наличием и готовностью судов, которые компания могла предоставить без ущерба для переправы. Их отыскалось всего два. Это – «Саратовский ледокол» и паровой катер «РУЖД-6».

Очень кстати в Саратове тогда же оказался большой буксирный пароход «Село Золотое». Он прибыл из одноименного волжского села, расположенного в 116 км ниже по реке. Там же находился затон, используемый для стоянки и ремонта судов. В ходе национализации речного флота местные речники поддержали Советскую власть²⁹.

Сложно предположить, каким образом попали в состав отряда два других парохода «Соколенок» и «Петя»³⁰. Но они оказались примерно одного класса с «РУЖД-6», а значит, имели небольшие команды. Упоминаются еще два судна – паровой катер «Павлуша»³¹ и моторная лодка «Милуша». Причем у последней оказался хозяин по фамилии Шувалов, который добровольно предложил свои услуги³².

О членах судовых команд сведений немного. Известно только, что команда ледокола состояла из 50 человек. Половина трудилась на палубе, другая в машинном отделении. Среди прочих был

машинист Петр Николаевич Турунов, командированный в свое время в Англию изучать ледокол, а затем перегнать его на Волгу³³. В целом же команды речников ограничились своим участием в боевых действиях только выполнением прямых профессиональных обязанностей по обслуживанию судов.

Но пароходы еще предстояло подготовить к вооруженной борьбе. Команды вместе с прибывшими красногвардейцами (около 280 человек) взялись за переоборудование судов, погрузку оружия и боеприпасов. Подвезли к пристани по железной дороге 12 пулеметов «со щитками»³⁴ и 200 коробок с лентами для них, оцинкованные ящики с 3-линейными патронами, ящики с ручными гранатами и сигнальными ракетами³⁵. Артиллерию доставили на барже. По сооруженному трапу на ледокол перекатали две 3-дюймовые полевые пушки и две 6-дюймовые гаубицы, перетаскали снаряды к ним калибром 76 и 152 мм³⁶.

В Саратовском водном карательном отряде артиллерия предназначалась только ледоколу. Ее установили на четыре стороны: гаубицы на носу и корме, 3-дюймовки – по бортам³⁷. Мощная конструкция этого парохода позволяла обойтись без некоторых дополнительных работ и ограничиться лишь надежным укреплением орудий. Делалось это с одновременным бронированием листовым железом наиболее уязвимых с технической точки зрения мест ледокола.

Необходимую защиту получили и другие суда. Однако стрелковые позиции пришлось сооружать, в основном, из мешков с песком. Особое внимание уделялось пулеметным гнездам (оставляли только щель для хода ствола пулемета) и защите вышек рулевого командира. На ледоколе, например, командирская рубка имела лишь верхнее перекрытие и переднюю стенку и была открыта с трех сторон.

Для сооружения укрытий лучше всего подошли бы кипы с хлопком. Они надежнее прикрывали от пуль и были сравнительно легкими. Но, под рукой их не оказалось, и пришлось кавалькаде вооруженных пароходов отправиться за речным песком к островам напротив Саратова. Там, на месте, обложили мешками малые суда, а к ледоколу и «Селу Золотому», стоявшим из-за отмелей на рейде, мешки подвезли на лодках³⁸.

Таким образом, Саратовский карательный водный отряд, прибывший на помощь вольчанам, состоял из 7 судов различного

класса, подготовленных к боевым действиям. По боевому потенциалу – 4 орудия, 12 пулеметов и 280 дружинников – отряд превосходил Вольскую флотилию, которая только формировалась. Сравнительно больший состав Саратовского отряда можно объяснить ведомственностью части судов, принадлежавших РУЖД, и использованием технико-материальных ресурсов этой компании при подготовке пароходов, катеров и команд отряда. В дальнейшем саратовцы приняли активное участие в столкновениях с Народной армией под Вольском и Балаковым 30 июня–1 июля 1918 г. От Вольской флотилии в них участвовали пароход «Марк» (без артиллерии) и три паровых катера с пулеметами. Бои оказались неудачными. Красные пароходы отступили вниз по Волге в Баронск³⁹ и Саратов. Но уже вскоре, пополненная другими судами, Вольско-Саратовская флотилия 10 июля вернула Вольск. С этого момента объединенная флотилия именуется в документах уже как Вольская. Ну а была ли она первой на Волге, следует, наверное, прислушаться к свидетельству адмирала И.И. Золина: он ссылался на известное ему письмо командующего Волжской военной флотилией Ф.Ф. Раскольникову, в котором тот писал, что «историю волжских флотилий надо действительно начинать с Вольской»⁴⁰.

¹ Цемент (г. Вольск). 1968. 13 апреля.

² В военной терминологии под флотилией подразумевается оперативное объединение или крупное соединение. Вольская флотилия на всем протяжении своего существования (до октября 1918 г.) по составу и задачам не могла являться таковым. Тем не менее она осталась в истории Гражданской войны как «флотилия». Такая вольность в наименованиях мелких формирований была свойственна добровольческому периоду комплектования Красной армии и Красного флота.

³ См.: Стенограмму радиопередачи, посвященной созданию Вольской Красной флотилии // Вольский краеведческий музей (ВКМ). Ф. 4. Д. 61. Л. 4; Тезисы доклада на торжественном собрании трудящихся Вольска, посвященном 50-летию создания Вольской Красной флотилии (14 апреля 1968 г.) // Там же. Л. 7.

⁴ ВКМ. Ф. 4. Д. 207. Л. 11. Подлинник телеграммы хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории. Ф. 130. Оп. 2. Д. 579. Л. 26–27.

⁵ Советский речной транспорт. 1917–1941 / Под. ред. М.Н. Чеботарева. М., 1987. С. 53.

⁶ Ульянов. 15 лет Волжской военной флотилии // Морской сборник. 1933. № 6. С. 112.

⁷ Мордвинов Р.Н. Курсом «Авроры». М., 1962. С. 160.

- ⁸ Советский речной транспорт. С. 14.
- ⁹ Там же. С. 14–15.
- ¹⁰ В те боевые дни // Цемент (Вольск). 1963. 14 апреля.
- ¹¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области. (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 621. Л. 3.
- ¹² Там же.
- ¹³ Советский речной транспорт. С. 32.
- ¹⁴ К истории возникновения Вольской военной флотилии // Цемент (г. Вольск). 1962. 23 октября.
- ¹⁵ Невский А.А. Первая на Волге // Цемент (г. Вольск). 1978. 14 апреля.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 621. Л. 3.
- ¹⁷ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 428.
- ¹⁸ Петровский В.Я., Петровский М.Я. На Средней и Нижней Волге // Вспоминательная былые походы. Горький, 1968. С. 161. Пароход «Иосиф» вскоре был переименован в «Демагог».
- ¹⁹ ВКМ. Ф. 4. Д. 207. Л. 12–13.
- ²⁰ Ныне завод «Металлист» в Вольске.
- ²¹ В те боевые дни // Цемент (Вольск). 1963. 14 апреля.
- ²² ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 621. Л. 3.
- ²³ ВКМ. Ф. 4. Д. 670. Л. 48–49.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 621. Л. 4.
- ²⁵ Петровский В.Я., Петровский М.Я. Указ. соч. С. 161–162.
- ²⁶ Слово «карательный» подчеркивали сами организаторы отряда и его участники. См.: ВКМ. Ф. 4. Д. 207. Л. 26.
- ²⁷ Сведения по флотилии РУЖД и «Саратовскому ледоколу» любезно представлены директором музея истории Приволжской железной дороги. А.Б. Фирсовым.
- ²⁸ Саратовская красная газета. 1918. 26 марта.
- ²⁹ Буксир «Село Золотое» принадлежал раньше судовладельцу И.М. Маслову. См.: Саратовский областной музей краеведения (СОМК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 168–169.
- ³⁰ «Соколенок» принадлежал раньше А.П. Семенову, «Петя» – А.И. Касаткину. См.: Там же.
- ³¹ «Павлуша» принадлежал ранее судовладельцу Антипину. См.: Там же. Л. 169.
- ³² ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 180. Л. 2, 34.
- ³³ Информация директора музея истории Приволжской ж. д. А.Б. Фирсова.
- ³⁴ Вероятно, пулеметы «Максим» образца 1910 г. на станке Соколова.
- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 280. Л. 3; СОМК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 185. Л. 35.
- ³⁶ СОМК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 185. Л. 35.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 295. Л. 1–2; Д. 598. Л. 6.
- ³⁸ Там же. Д. 280. Л. 4–5.
- ³⁹ Сейчас г. Маркс, районный центр Саратовской области.
- ⁴⁰ К истории возникновения Вольской военной флотилии // Цемент (г. Вольск). 1962. 23 октября.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

АРТИЛЛЕРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Санкт-Петербургская (Петропавловская) крепость, как известно, была заложена 16 мая 1703 г., и первоначально возводилась перевоземляной. Строительство крепости шло быстрыми темпами (несмотря на наводнение 10 августа 1703 г., причинившее немалый ущерб земляным валам¹), и уже летом встал вопрос о снабжении крепости артиллерией. Так, 28 июля 1703 г. генерал-губернатор А.Д. Меншиков приказал коменданту Олонецкой верфи И.Я. Яковлеву «пушки медные, которые ныне на Олонце... прислать в Питербурх»². А 8 августа 1703 г. последовало новое указание: «пушки и ядра и всякие припасы, которые в привозе с заводов будут, присылать сюда... как мочно немедленно»³. Этот приказ А.Д. Меншиков повторил 10 августа 1703 г.⁴ Уже в середине сентября, по мнению Г.И. Тимченко-Рубана, постройка крепости была закончена, а на ее валах установлена артиллерия – 300 медных и чугунных пушек, взятых у шведов и с верков ураздненной новгородской крепости⁵. Эта цифра позже закрепились в литературе⁶. Между тем, автор здесь не ссылается на источник, а его утверждение вызывает ряд сомнений. Среди материалов фонда А.Д. Меншикова обнаружилась ведомость петербургской артиллерии от 17 ноября 1703 г. за подписью майора К. Гаксфорта⁷. Судя по этой ведомости, в Петербурге находилось 246 пушек, причем преобладали чугунные пушки (46 медных и 200 чугунных), а также 11 мортир, 2 гаубицы и 10 дробовиков; всего 269 орудий (см. таблицу 1).

Подобные «ведомости» (или «рописи») составлялись в годы Северной войны регулярно во всех крепостях по одинаковой форме. Эти документы и стали основной источниковой базой работы. К сожалению, на каждый год ведомостей обнаружить не удалось,

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости в 1703 г.**

Калибр	Пушки медные	Пушки железные	Ядра	Мортиры медные	Мортиры железные	Гаубицы	Бомбы
24-фнт.	0	13	4000				
18-фнт.	11	19	9230				
12-фнт.	6	94	4945				
10-фнт.	0	4	0				
7-фнт.	0	2	290				
6-фнт.	6	22	350				
5-фнт.	0	8	259				
4-фнт.	0	3	300				
3-фнт.	21	26	1257				
2-фнт.	0	2	204				
1-фнт.	0	6	0				
0,5-фнт.	2	1	0				
3-пуд.				6	0	0	0
2-пуд.				1	3	0	0
1-пуд.				1	0	2	0

но сохранившиеся документы позволяют получить достаточно точное представление о вооружении Санкт-Петербургской крепости в первой половине XVIII столетия.

Следующая ведомость артиллерии в Петербурге относится к январю 1704 г. В этот момент в крепости находилось 234 орудия, в том числе 221 пушка (46 медных и 175 чугунных), 11 мортир и 2 гаубицы (см. таблицу 2)⁸. Однако ядра имелись лишь к 215 пушкам. Кроме того, к 6-фунтовым и 3-фунтовым пушкам снарядов явно было мало, и в случае нападения они вряд ли могли быть задействованы в полном объеме. Сравнив две таблицы, можно легко подсчитать, что в конце 1703 г. из Петербурга увезли 11 пушек 12-фунтового калибра, 7 пушек 6-фунтового калибра и 4–3-фунтовых пушки. Но в целом Санкт-Петербургская крепость была очень хорошо обеспечена артиллерией.

В 1704 г. на левом берегу Невы была заложена Адмиралтейская верфь для строительства кораблей. Летом следующего года вокруг нее было решено возвести земляной вал с бастионами. Эти работы завершились в конце сентября того же года, когда И.Я. Яковлев, отвечавший теперь за возведение этих укреплений, доложил А.Д. Меншикову, что «круг адмиралтейского двора крепости и бастионы строятся и к совершенству будут будущего месяца октября к 1 числу»⁹. В начале ноября на пяти бастионах Адмиралтейской

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости 13 января 1704 г.**

Калибр	Пушки медные	Пушки железные	Ядра	Мортиры медные	Мортиры железные	Гаубицы	Бомбы
24-фнт.	0	13	4000				
18-фнт.	11	19	9230				
12-фнт.	6	94	4945				
10-фнт.	0	4	0				
7-фнт.	0	2	290				
6-фнт.	6	22	350				
5-фнт.	0	8	259				
4-фнт.	0	3	300				
3-фнт.	21	26	1257				
2-фнт.	0	2	204				
1-фнт.	0	6	0				
0,5-фнт.	2	1	0				
3-пуд.				6	0	0	0
2-пуд.				1	3	0	0
1-пуд.				1	0	2	0

крепости было установлено 100 пушек 12-, 6- и 3-фунтового калибра¹⁰ (не исключено, что часть пушек взяли из Санкт-Петербургской крепости).

После возведения Адмиралтейства в Санкт-Петербурге сложилась «система фортеций». Санкт-Петербургская и Адмиралтейская крепости позволили полностью перекрыть артиллерийским огнем все основное пространство реки Невы. На дальних подступах к городу в 1704–1705 гг. были возведены форт Кроншлот и система батарей на острове Котлин. Они перекрыли артиллерийским огнем южный фарватер. Батареи и шанцы на Городском острове, на острове Кивисаари, у Ниеншанца, вдоль северного и южного побережий залива позволили создать эшелонированную артиллерийскую оборону всей дельты Невы. Южный фарватер реки сохранялся судоходным, а северный фарватер стали перекрывать ряжами и затапливать на нем старые корабли¹¹.

Вооружение крепости в то время несколько уменьшилось – артиллерийский парк насчитывал всего 150 пушек (см. таблицу 3)¹².

В данной ведомости обращают на себя внимание два обстоятельства: впервые в крепости появились шведские пушки (по-видимому, трофейные), и здесь же единственный раз упоминается о наличии в русской артиллерии шести немецких пушек. Всего же в

Таблица 3

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости 1 января 1705 г.**

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугунные русские	Ядра	Мортиры медные	Мортиры чугунные	Гаубицы	Бомбы
24-фнт.	11	6	3100				
18-фнт.	0	9	16 131				
12-фнт.	0	79	27 042				
10-фнт.	0	0	11 040				
7-фнт.	0	0	3280				
6-фнт.	37	29	18 019				
4-фнт.	0	0	12 259				
3-фнт.	1	33	27 456				
2-фнт.	1	0	220				
1-фнт.	0	0	7150				
3-пуд.				6	0	0	5029
2-пуд.				1	1	0	1680
1-пуд.				7	0	2	1124

Таблица 4

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости 1 января 1706 г.**

Калибр	Пуш. медн. рус.	Пуш. медн. нем.	Пушки чугун. рус.	Пушки чугун. швед.	Ядра	Морт. медн.	Морт. чугун.	Гаубицы	Бомбы
24-фнт.	8	0	0	6	6050				
18-фнт.	18	0	0	9	13 631				
12-фнт.	8	2	9	19	2132				
10-фнт.	0	0	0	0	11 040				
6-фнт.	14	2	28	8	5112				
5-фнт.	0	0	0	0	7459				
4-фнт.	0	1	0	0	0				
3-фнт.	1	1	3	14	14 856				
1-фнт.	0	0	0	0	4930				
3-пуд.						7	0	0	11 769
2-пуд.						1	2	0	1183
1-пуд.						1	0	2	244
0,5-пуд.						6	0	0	340

тот момент из 150 пушек 62 были иностранного производства (см. таблицу 4).

В дальнейшем артиллерия Санкт-Петербургской крепости главным образом пополнялась. Из Нарвы в Санкт-Петербург было при-слано 27 пушек, 16 мортир и 12 мортирцев 12-фунтовых¹³. В том

же году из Москвы было отпущено 10 пушек, 4 мортиры, 3 гаубицы, 250 бомб, 9000 ядер, 11 000 гранат¹⁴. А с Олонецких заводов было привезено 25 пушек, 9900 ядер и другие припасы¹⁵. Не исключено, что были и другие «поступления». В итоге к июлю 1707 г. вооружение крепости резко возросло и насчитывало 322 пушки (см. таблицу 5)¹⁶. При этом немецкие пушки более в документах не упоминаются.

Таблица 5

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости в июне 1707 г.**

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугу. русские	Пушки чугу. шведские	Ядра	Мортиры медные	Мортиры чугу.	Гаубицы	Бомбы
24-фнт.	2	0	12	12 089				
18-фнт.	28	5	7	15 762				
12-фнт.	8	66	28	20 688				
6-фнт.	15	29	6	5236				
4-фнт.	1	0	8	1059				
3-фнт.	17	76	12	12 528				
1-фнт.	2	0	0	1610				
3-пуд.					14	0	0	9019
2-пуд.					1	2	0	1800
1-пуд.					3	0	2	4600
0,5-пуд.					3	0	0	1156

В последующие годы артиллерийскому вооружению крепости стали уделять меньшее значение, скорее, можно говорить о том, что она стала опорным пунктом для наступления русских войск в Финляндию, и из нее стали забирать артиллерийские орудия для действующей армии. В частности, в начале сентября 1709 г. Ф.М. Апраксин отправил из Санкт-Петербурга в Нарву (скорее всего, для осады Ревеля) 15 пушек 24-фунтового калибра и 20 пушек 18-фунтового калибра¹⁷. Вполне возможно, что эти 35 пушек были взяты из Санкт-Петербургской крепости. Во всяком случае, к 1710 г. общее количество пушек в ней уменьшилось до 291 (см. таблицу 6)¹⁸.

В 1711 г. А.Д. Меншиков потребовал усилить артиллерийское вооружение Санкт-Петербургской крепости. В запросе из Санкт-Петербурга, направленном в Приказ артиллерии, просили отправить 58 медных и 44 чугунных пушки, 18 мортир, 2 гаубицы, 100 мортир 6-фунтового калибра изобретения В.Д. Корчмина,

2000 бомб, 50 262 ядра, 50 000 гранат, 7800 пудов пушечного поро-
ху¹⁹. Были ли эти орудия присланы в Петербург, пока остается не-
ясным, однако в 1712 г. в крепости находилось 374 орудия²⁰. Но в
следующем году количество пушек уменьшилось до 282 (см. таб-
лицу 7). Кроме того, на вооружении крепости состояло 4 мортиры
и 79 малых мортирцев²¹.

Таблица 6

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости в 1710 г.**

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугунные русские	Пушки чугунные шведские	Ядра	Мортиры медные	Мортиры чугун.	Гаубицы	Бомбы
24-фнт.	4	0	7	5499				
20-фнт.	0	0	0	2352				
18-фнт.	42	0	1	13 313				
12-фнт.	0	22	25	21 911				
10-фнт.	0	0	0	706				
8-фнт.	0	0	0	227				
6-фнт.	5	16	6	957				
4-фнт.	1	0	8	3761				
3-фнт.	15	122	12	14 318				
2-фнт.	1	0	0	116				
1,5-фнт.	1	0	0	0				
s-фнт.	3	0	0	0				
9-пуд.					3	0	0	1303
3-пуд.					19	0	0	5444
2-пуд.					1	2	0	2422
1-пуд.					0	0	3	768
1,5-пуд.					1	0	0	0
8-фнт.					70	8	0	0

Таблица 7

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости в 1713 г.**

Калибр	Пушки медные	Пушки чугун. русские	Пушки чугун. шведские	Ядра	Мортиры медные	Бомбы
24-фнт.	8	0	2	4545		
18-фнт.	5	0	9	2245		
12-фнт.	6	39	35	14 076		
6-фнт.	6	3	5	7347		
4-фнт.	0	7	0	6589		
3-фнт.	14	110	19	1460		
2-фнт.	14	0	0	4235		
125-ф.					4	0
24-фнт.					31	0
8-фнт.					48	0

После заключения Ништадского мира и завершения Северной войны необходимость держать столь значительное количество орудий отпала. Отметим также, что в послевоенные годы был разработан новый штат артиллерийского вооружения (см. таблицу 8).

Таблица 8

**По росписи Я.В. Брюса 1725 г.,
в Санкт-Петербургской гарнизонной артиллерии
полагалось содержать²²:**

Пушек чугунных	24-фунтовых	20
Пушек чугунных	18-фунтовых	38
Пушек чугунных	12-фунтовых	80
Пушек чугунных	6-фунтовых	62
Пушек чугунных	3-фунтовых	70
Мортир	5-пудовых	3
Мортир	2-пудовых	3
Мортир	1-пудовых	4
Гаубиц	2-пудовых	2
Гаубиц	1-пудовых	4
Гаубиц	1/2-пудовых	1

Как видно из приведенного документа, число орудий в крепости по-прежнему оставалось значительным (270 пушек, 10 мортир, 17 гаубиц). В данной ведомости мы видим также и попытку упорядочить артиллерийское вооружение как по калибрам, так и по способам производства – указаны только чугунные пушки. Однако, забегая вперед, отметим, что на практике ни того, ни другого добиться не удалось – в крепости оставалось (и доставлялось туда в дальнейшем) значительное количество медных орудий, при том же разное калибров.

Более того, в 1727 г. в гарнизоне имелось 424 пушки (37 из них 24-фунтовых и 18-фунтовых, 97 пушек 12-фунтового калибра, 72 пушки калибром от 10 до 6 фунтов и 218 полевых 3-фунтовых), 70 мортир, 3 гаубицы и 14 дробовиков²³.

К началу 1730-х гг. число орудий еще более увеличилось – до 451 орудия (имеются в виду только пригодные для стрельбы орудия, см. таблицу 9)²⁴.

Кроме того:

пушек медных шведских 6-фунт. – 4 (плюс 4 негодных)

Таблица 9

**Артиллерийское вооружение Санкт-Петербургской крепости
1 сентября 1732 г. (в скобках дается также количество
негодных орудий – в документах годные и непригодные орудия
указываются раздельно, так же сделано и в таблице)**

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугун. русские	Пушки чугун. шведские	Ядра	Мортирцы медные	Мортирцы чугун.	Гаубицы	Бомбы
30-фнг.	1	0	0	514				
24-фнг.	10 (1)	0	3	5116				
18-фнг.	18	9	4	13 139				
14-фнг.	0	4	0	499				
12-фнг.	29 (1)	48	15	16 360				
10-фнг.	0	2	0	216				
9-фнг.	0	0	12	2327				
8-фнг.	0	0	3	652				
6-фнг.	1	29	21	10 251	1	8		
5-фнг.	0	0	2	0				
4-фнг.	0 (1)	0	9	5806				
3-фнг.	10	101	49	12 459				
2-фнг.	0	0	4	778				
1-фнг.	0	0	4	0				
24 лот	1	0	0	0				
18 лот	0	0	25	0				
12 лот	0	0	1	0				
15 лот	1	0	0	0				
8 лот	1	0	0	0				
2-пуд.					1	2	2	0

пушек медных шведских 3-фунт. – 9 (5)

пушек медных шведских 2-фунт. – 1 (3)

мортирцев железных – 6.

Таблица 10

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости 1 января 1736 г.²⁵**

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугун. рус.	Пушки чугун. швед.	Ядра	Мортирцы медные	Мортирцы чугун.	Гаубицы	Бомбы
30-фнг.	1	0	0	514				
24-фнг.	10	0	3	4116				
18-фнг.	14	9	4	6113				
14-фнг.	0	4	0	499				
12-фнг.	29	48	15	12 360				
10-фнг.	0	2	0	216				
9-фнг.	0	0	12	2327				
8-фнг.	0	0	3	652				
6-фнг.	1	29	21	10 251	1	8		
5-фнг.	0	0	2	0				
4-фнг.	0 (1)	0	9	5806				

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугун. рус.	Пушки чугун. швед.	Ядра	Мортирцы медные	Мортирцы чугун.	Гаубицы	Бомбы
3-фнт.	11 (7)	102	49	6748				
2-фнт.	2	0	4	778				
1-фнт.	0	0	4	0				
24 лот	1	0	0	0				
18 лот	0	0	25	0				
12 лот	0	0	1	0				
15 лот	1	0	0	0				
8 лот	1	0	0	0				
2-пуд.					1	2	2	0

При сравнении с ведомостью 1732 г. видно, что изменения произошли незначительные - немного сократилось количество 18-фунтовых пушек (при этом в ведомости отмечается, что у одной из 14 пушек «запал раздут»), увезли 14-фунтовые орудия, доставили 2 медных пушки 2-фунтового калибра. Следует также обратить внимание на сокращение числа ядер. Возможно, 24-, 18-, 21- и 3-фунтовые пушки использовались для салютационной пальбы.

Интересная ситуация с 3-фунтовыми медными пушками русского производства – если в 1732 г. имелось в наличии 10 годных, то в 1736 г. – 11 годных и 7 непригодных. С одной стороны, трудно поверить в то, что в гарнизон намеренно поставляли негодные орудия, поэтому выскажем предположение, что часть тех пушек, которые хранились ранее, пришла в негодность, и взамен их поставили новые орудия. Однако в то же время в крепости появились 19 непригодных для использования шведских пушек разных калибров. Поэтому не исключен вариант, что завозили и негодные пушки русского производства.

А в следующие годы принципы составления ведомостей стали меняться – в ведомости 1738 г. уже нет разделения на русские и шведские орудия, остается только указание способа производства – медные и чугунные. Зато подробно указано состояние орудий (см. таблицу 11).

Из приведенного документа видно, что в крепости насчитывалось 21 мортира, 150 мортирцев, 22 дробовика и 70 пушек (263 орудия), пригодных для стрельбы. А всего в наличии было 658 орудий. Хотя надо иметь в виду и то, что отнюдь не все из орудий «с раздутыми запалами» являлись «непрочными», возможно, эта характеристика относилась только к части пушек.

**Ведомость* о состоянии в Санкт-Петербургском гарнизоне
коликое число имеется артиллерии налицо
и сколько из оного годного и негодного и в починку годного
також сколко имеется всяких артиллерийских припасов и
материалов о том значит ниже сего. Февраль 1738 г.²⁶**

Мортиры	медные	6-пд.	2	годные
Мортиры	медные	5-пд.	1	годная
Мортиры	медные	4-пд.	14	годная
Мортиры	медные	4-пд.	1	Кесель в раковинах от многодействия зделались по ней полосы запал пороздут и а тем к действию ненадежна.
Мортиры	медные	4-пд.	3	кесели все от многодействия все изцерапаны та что от стен медь местами вырвано и запалы пороздуть и за тем к действию ненадежны.
Мортирцы	медные	6-фнт.	22	годная
Мортиры	медные	5s -фн.	7	над запалами полки отломлены и за тем засыпному пороху свехр оных держатца не можно.
Мортирцы	медные	4s -фн.	15	годные
Мортирцы	медные	2s -фн.	1	годная
Мортирцы	медные	2j -фн.	106	годные
Мортиры	чугунные	4-пд.	2	годные
Мортиры	чугунные	2-пд.	2	годные
Мортирцы	железные	6-фнт.	1	годная
Мортирцы	железные	2-фнт.	5	годные
Гаубицы	чугунные	2-пд.	1	годная
Гаубицы	чугунные	1-пд.	1	годная
Дробовики	медные	18-фнт.	1	годная
Дробовики	медные	14-фнт.	2	годные
Дробовики	медные	11S -ф.	1	годная
Дробовики	медные	11-фнт.	1	годная
Дробовики	медные	10S -ф.	2	годные
Дробовики	медные	9S -ф.	4	годные
Дробовики	медные	9-фнт.	1	годная
Дробовики	медные	5S -фн.	1	годная
Дробовики	чугунные	6-фнт.	9	годные
Пушки	медные	31-фнт.	1	годная
Пушки	медные	30-фнт.	1	годная
Пушки	медные	24-фнт.	6	годные
Пушки	медные	24-фнт.	3	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	медные	24-фнт.	2	запалы пороздуть и за тем к действию непрочны
Пушки	медные	24-фнт.	2	дульные части росселись и зе тем негодны
Пушки	медные	24-фнт.	1	подульная фриза оторвана и зе тем негодна
Пушки	медные	18-фнт.	12	годные
Пушки	медные	18-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	12-фнт.	2	годные

* Орфография документа сохранена.

Пушки	медные	12-фнт.	7	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	медные	12-фнт.	1	у дула часть вырвана и за тем негодна
Пушки	медные	12-фнт.	1	у дула у первого фриза росселось и за тем негодна
Пушки	медные	11j -ф.	1	у дула росселось и зе тем негодна
Пушки	медные	9-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	8-фнт.	4	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	медные	6S -фн.	1	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	медные	6-фнт.	1	годная
Пушки	медные	6-фнт.	6	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	медные	5-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	4-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	3S -фн.	4	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	медные	3j -фн.	1	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	медные	3j -фн.	6	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	медные	3-фнт.	1	Годная
Пушки	медные	3-фнт.	17	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	3-фнт.	1	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	медные	3-фнт.	1	казна весьма тонка и за тем негодна
Пушки	медные	2S -фн.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	2-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	1s -фн.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	1S -фн.	2	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	1-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	медные	0,5-фнт.	5	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	4-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	24-фнт.	1	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	чугунные	18-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	17-фнт.	4	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	17-фнт.	1	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	чугунные	16-фнт.	1	годная
Пушки	чугунные	16-фнт.	7	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	14-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	13-фнт.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	12-фнт.	19	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	11S -ф.	27	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	10S -ф.	4	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	10-фнт.	1	годная
Пушки	чугунные	10-фнт.	14	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	9S -ф.	1	годная
Пушки	чугунные	9-фнт.	2	годные

Артиллерия Санкт-Петербургской крепости в первой половине XVIII века

Пушки	чугунные	9-фнт.	1	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	8-фнт.	11	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	7-фнт.	2	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	6S -фнт.	2	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	6j -фн.	2	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	6-фнт.	4	годные
Пушки	чугунные	6-фнт.	29	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	5S -фн.	2	Годные
Пушки	чугунные	5S -фн.	1	у дула часть чугуна вырвана и за тем непрочна
Пушки	чугунные	5S -фн.	3	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	5-фнт.	1	дульные части росселись и за тем негодны
Пушки	чугунные	5-фнт.	2	Годные
Пушки	чугунные	5-фнт.	14	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	4-фнт.	6	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	3s -фн.	1	запал пороздут и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	3j -фн.	4	запалы пороздуты и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	3-фнт.	1	Годная
Пушки	чугунные	3-фнт.	59	запал пороздут и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	2s -фн.	51	запал пороздут и за тем к действию непрочны
Пушки	чугунные	2s -фн.	1	запалы раздуты и за тем недействительные
Пушки	чугунные	2S -фн.	30	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	2j -фн.	5	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	2j -фн.	2	годные
Пушки	чугунные	2-фнт.	2	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	1s -фн.	2	запалы пороздуты и за тем к действию непрочна
Пушки	чугунные	1S -фн.	2	годные
Пушки	чугунные	1j -фн.	1	годная
Пушки	чугунные	0,5-фнт.	27	годные

Столь резкое увеличение орудий, при том, что среди них преобладали непригодные для стрельбы, скорее всего, говорит о том, что Санкт-Петербургскую крепость в какой-то момент стали рассматривать в качестве склада для артиллерии.

Чем это было вызвано, сказать трудно, но два года спустя появился императорский указ «Об образовании артиллерии в Санкт-Петербурге. 27 марта 1740 г.»²⁷. Скорее всего, это распоряжение появилось по инициативе Б.Х. Миниха, вернувшегося

с театра русско-турецкой войны и проводившего в то время «ревизию» состояния крепостей на северо-западе России (в преддверии войны со Швецией). В данном указе серьезное внимание было обращено и на состояние артиллерии в Санкт-Петербургской крепости:

«5. О артиллерии, имеющейся в Санкт-Петербургской крепости.

1. У пяти 12-фунтовых медных пушек большие затравки залить, а просверлить оные вновь немедленно.

2. К действию для раковин сомнительные медные мортиры 24-фунтовые 1, 3-фунтовые 5 акуратно осмотреть и апробовать.

3. При которой, имеющейся в той крепости, медной артиллерии станков не имеется, к оной ко всей те станки делать так скоро, как можно управиться, лесным привозом, и содержать оные к действию в сохранении при цейхгаузе, в которых цейхгаузах и арсеналах артиллерию и ее амуницию и прочее к тому потребное содержать в надлежащем порядке.

4. Негодные российские и шведские 52 пушки, ежели между ними к сохранению достойных не имеется, всемиловейше повелеваем употребить в переливку.

5. К отправленным в Кронштадт медным 4 пушкам имеющиеся здесь при арсенале лафеты отправить туда и тамо их оковать, требуя той оковки от Сестрорецких железных заводов; а колеса к ним, кои еще готовятся при арсенале, сделать конечно апреля к 1 числу.

6. Понеже имеющиеся в той крепости чугунные 225 пушек, а особливо шведские и на Петровских заводах вылитые не только на всегда случающуюся пальбу, но и к обороне годятся, и для того оные шведские и на Петровских заводах вылитые, отобрав, на ординарную пальбу не употреблять, и ко всем им станки старые починить и вновь сделать в немедленном времени.

7. 6- и 3-фунтовые чугунные 5 мортирцов отослать для переделки в железо на Сестрорецкие заводы.

8. Всю негодную имеющуюся в той крепости чугунную артиллерию для переделки ж в полосное железо или во что другое отослать по тому ж на помянутые Сестрорецкие заводы.

9. Ко всей оной гарнизонной артиллерии амуницию употреблять из имеющейся в здешней крепости разнокалиберной, и для

того всемилостивейше повелеваем оную прилежайше калибровать, дабы каждая вещь к своему месту годна, и в калибрах никакого помешательства не было, к чему определить нарочно надежных офицеров, от которых по осмотре взять о исправности всех вещей верные рапорты, и оные довольно рассмотреть, и потом основательное определение учинить, и все сие исполнить в немедленном времени, а потребные к оной наличной в добавку бомбы и гранаты взять из имеющихся в Вышнем Волочке, а 30 000 к 3-фунтовым пушкам ядер с Тульских и Меллеровых заводов... Картечи же к пушкам и гоубицам по калибрам взять здесь немедленно, а по удовольствию всей вышеписанной гарнизонной артиллерии, имеющиеся ядра не по пропорции калибров пушек перелить в надлежащие пропорции, дабы таковых негодных не было.

10. Ежели по привозе из Вышнего Волочка и прочих мест всей вышепомянутой амуниции за удовольствием имеющейся здесь осадной, полевой, полковой и арсенальной артиллерии что лишнего останется, то всемилостивейше повелеваем, смотря по нужде, из того остатка отправить в прочие остзейские гарнизоны.

11. Из имеющихся при арсенале и в крепости ручных гранат 3-фунтовых содержать при крепости, а 2-фунтовые употреблять при полевой артиллерии и на армию.

12. К 9- и 5-пудовым мортирам для всякого случая изготовить по 30 шпиглов на каждый, а на гранаты 6-фунтовые для бросания из оных взять из записных...».

Приведенный документ не только позволяет установить характер некоторых неисправностей среди имевшихся в крепости орудий, но и дает представление о том, какие орудия находились на вооружении. В частности, упомянуты «чугунные 225 пушек, а особливо шведские и на Петровских заводах вылитые не только на всегда случающуюся пальбу, но и к обороне годятся» (в 1738 г. они, по-видимому, были признаны «непрочными»), что говорит о том, что на вооружении крепости по-прежнему состояли трофейные пушки (под «ординарной пальбой» подразумевалась салютационная стрельба, производившаяся в дни воинских, «царских» и иных праздников). О том, был ли этот указ полностью реализован, точных данных в настоящее время не имеется.

После русско-шведской войны 1740–1742 гг. были утверждены новые штаты и появилась новая форма документов, позволяющая сравнить количество имеющихся в наличии орудий с теми, что полагались по штату. И сравнение этих сведений показывает довольно удивительную картину – Санкт-Петербургская крепость была не просто полностью укомплектована артиллерией, в ней имелось значительно большее количество орудий, нежели полагалось по штату – 306 пушек при положенных 118 (см. таблицу 12).

Таблица 12

**Артиллерийское вооружение
Санкт-Петербургской крепости в ноябре 1745 г.²⁸**

Калибр	Положено по штату		Ныне налицо	
	Медные	Чугунные	Медные	Чугунные
30-фунт.	0	0	1	0
24-фунт.	2	10	8	10
18-фунт.	2	22	11	15
12-фунт.	2	34	7	52
8-фунт.	0	0	0	5
6-фунт.	0	24	5	59
5-фунт.	0	0	0	4
3,5-фунт.	0	0	0	21
3-фунт.	0	24	10	97
Всего	4	114	42	263
9-пуд.	0	4	0	0
5-пуд.	0	6	6	0
2-пд., 30-ф.	0	0	0	2
2-пуд.	0	5	0	2
Всего	0	15	6	4
2-пуд.	0	0	1	0
1-пудовые	0	8	0	0

Подводя итоги, можно сказать, что Санкт-Петербургская крепость в первой половине XVIII в. была хорошо обеспечена артиллерийским вооружением, а также отметить, что с этой точки зрения она являлась наиболее оснащенной среди крепостей северо-запада России. При этом здесь встречались и все те недостатки, присущие крепостной артиллерии того времени – разнообразие калибров, не всегда к имеющимся орудиям имелись подходящие снаряды, во второй четверти XVIII в. имелись неисправные ору-

дия. Но при всех этих недостатках, в крепости всегда имелось достаточное количество орудий, позволявшее в случае осады противостоять артиллерии противника.

¹ Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 93.

² Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 223. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 48.

⁵ Тимченко-Рубан Г.И. Указ. соч. С. 53.

⁶ Петербургские крепости // Военный сборник. 1903. № 5. С. 42.

⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3526. Л. 1–6.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

⁹ Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. III. СПб., 1867. С. 555.

¹⁰ МИРФ. Ч. I. СПб., 1865. С. 107.

¹¹ Семенцов С.В. Крепость в дельте Невы // Бомбардир. № 15. СПб., 2002. С. 106.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Там же. Д. 10. Л. 188–192.

¹³ Там же. Л. 42.

¹⁴ Там же. Д. 48. Л. 536.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 83. Л. 79. Правда, следует отметить, что в 1706 г. на остров Котлин из Санкт-Петербургской крепости было отпущено 28 пушек (к ним 1480 ядер), 7 мортир и 2600 пудов пушечного пороха. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 49. Л. 36.

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 235.

¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3349. Л. 3.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 396–400.

¹⁹ Там же. Д. 7. Л. 267–268.

²⁰ Хмыров М.Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единое государство Петра Великого (Историко-характеристический очерк) // Артиллерийский журнал. 1865. № 11. С. 650.

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 384.

²² Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1883. Ч. II. С. 24.

²³ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 46–47.

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Крепостная. Д. 66. Л. 29–37.

²⁵ Там же. Д. 199. Л. 10–17.

²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 331. Л. 1–14.

²⁷ Полное Собрание Законов Российской Империи. Изд. 1-е. Т. 11. СПб., 1830. № 8047. С. 58–62.

²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 922. Л. 45–46.

В.Н. Сокуров (Москва)

КАНЖАЛЬСКАЯ БИТВА 1708 ГОДА

Изучение истории Канжальской битвы началось недавно¹. Интерес к этой теме возрос в связи с 300-летним юбилеем, отмечаемым в 2008 г. Опубликована работа Б.Х. Бгажнокова², вышли материалы научной конференции, посвященной 300-летию Канжальской битвы³, а также наше исследование на кабардинском языке⁴. Общим недостатком и тех, и других работ является отсутствие специального исследования, в котором был бы дан объективный анализ всего того комплекса внутренних и внешнеполитических событий, которые привели к кабардинско-крымскому конфликту в начале XVIII в. Очевидно, для этого необходимо расширить круг источников. Важную роль в разворачивании критики новейшей литературы по истории Канжальской битвы сыграл Василий Каширин⁵.

Мысль о подчинении Кабарды не покидала многих крымских ханов и особенно хаджи Селим I Гирей и его многочисленных сыновей. А он в общей сложности правил 22 года и у него было 11 сыновей. В начале 1699 г. сераскером, наместником Турции в Черкессстане, был определен Шахбаз Гирей, пользовавшийся за ум и отвагу блестящей репутацией в Стамбуле. Вскоре турецкий султан пожаловал его, в обход старших братьев, должностью калги. Но Шахбаз Гирей не торопился принять назначение в связи с отъездом в Бахчисарай. В декабре 1699 г. он был убит в Бесленеях, в доме пши Темирбулата Канокова. По одной версии, убийство было организовано старшими его братьями, недовольными этим назначением, а совершено руками бесленейцев⁶. Дмитрий Кантемир, знавший об этом, очевидно, со слов самих крымских ханов, сообщает: «Когда Селиму (впоследствии крымскому хану, личности большой мудрости и доблести, старому солдату) не была уплачена ежегодная дань, он послал в следующем году своего сына Шахбаз

Гирей султана, чтобы он потребовал невольников за два года. Последний был принят с почетом, поскольку пришел без грозной свиты, и князя, как положено, немедленно выдали ему положенную дань. Но случайно он увидел прекрасную дочь одного черкеса, которая не была включена в список невольников, но, тем не менее, была насильно захвачена, против обычая, и вынесена из дома. Ее братья, двое храбрых юношей, сначала притворились, что не огорчены происшедшим, успокоили отца и смягчили его горе, приукрасив ее будущее тем, что она будет иметь честь взойти на ложе султана. Выждав же благоприятный момент, они неожиданно напали на принца, когда он спокойно пребывал наедине с похищенной девушкой, а стража была отпущена и уже успела напиться, ранили его и сестру и перебили охрану этого человека»⁷. Ш.Б. Ногма (1794–1844), на основе кабардинских преданий, писал: «...крымский паша, стоявший с войском в бесленейских владениях, по подозрению в связях с женой князя Заурбека, этим последним был убит...»⁸. «Винновниками» были признаны 1000 человек (жители аулов потомственных урков Дохшокова и Махокова), которые нашли убежище в Кабарде, у пши Асланбека Кайтукина⁹.

Расплата кабардинцев, посмевших противостоять крымскому хану и османам, наступила спустя семь лет. В апреле 1707 г. на крымский престол был назначен сын Селим I Гирея Каплан I Гирей, которому не было еще и 27 лет. Новый хан отправил в Кабарду калгу Менгли Гирея с отрядом сейменов и потребовал покорности, покаяния и штрафа от кабардинцев за укрывательство у себя беглых бесленеевцев¹⁰. Полгода спустя калга вернулся ни с чем и сообщил об отказе кабардинцев выполнить эти условия.

Отказавшись от уплаты дани, кабардинцы обратились к турецкому султану Ахмеду III (1703–1730) с жалобами на хана Каплана I Гирея: «Теперь они де мусульмане и не годится хану брать с них дань как с неверных» и отослали «в подарок султану 10 юношей и девушек»¹¹. Посланцы объяснили падишаху, что раньше у них был обычай преподносить каждому вновь вступившему на престол хану ясырь, но за последние 15–20 лет ханы менялись слишком часто – каждый год новый хан, и у них нет достаточно детей, чтобы выполнить этот обычай. К тому же, говорили они, большинство народа приняло ислам, в каждой деревне строятся мечети, исправно совершается пятикратная молитва. Можно ли при таких условиях требовать так много рабов и чинить такое притеснение?¹²

Кабардинское посольство в Стамбуле было обречено изначально. Стремление их к независимости, уход из Закубанья, нежелание отпустить беглых бесленейцев, и, наконец, отказ платить дань людьми – все это сильно разгневало турецкого султана, который никак не мог отказаться от черкесского источника, одного из главных поставщиков людей в османскую армию и гарем. Ахмед III безоговорочно взял сторону хана, объявил войну кабардинцам и просубсидировал поход. Посол П.А. Толстой из Константинополя сообщал своему правительству: «Июля в 18 день [1708 г.] присылал к послу аглинской посол секретаря своего и с ним приказал... о походе крымского хана достоверно, что де хану крымскому велено иттит на черкес. ...послан к нему хану от Порты указ и по обыкновению редкой кафтан и велено де ему иттит на оных самому, взяв с собою тридцать или сорок тысяч татар, чтобы де оных черкес разорить и жилища их пожечь»¹³.

Источники содержат разноречивые сведения о численности войска, собранного ханом; но, в целом, они позволяют судить о масштабах войска и его структуре. Войско под верховным начальством Каплан I Гирея составляло не менее 20–30 тыс. и включало в себя крымских и турецких солдат, ногайцев и кемиргойцев¹⁴. Возможен самый банальный мотив участия кемиргойцев в походе против кабардинцев – желание кемиргоевского пши Болотокова оправдать доверие султана, пожаловавшего ему чин паши-санджакбея, начальника над верхними черкесами, после убийства калги в Бесленях. Известно также, что последний из Шогеноковых пши Алигоко II сопровождал хана во время походов на кабардинцев в 1708, 1720 и 1722 гг., стремясь вернуть себе утраченный статус. Поэтому последний представитель фамильной ветви князей Шогеноковых, уцелевший при истреблении рода, мог обратиться к кемиргоевцам с просьбой о защите чести и достоинства. И тогда, согласно обычаю, они обязаны были заступиться.

Каплан I Гирей выступил в поход весной 1708 г., достиг Кабарды в самый разгар жатвы. Он не пошел далеко вглубь Кабарды, а свернул прямо к Эльбрусу, в районе Бештау. Расположился лагерем в верховьях Малки, на правом ее берегу, у самого подножья Эльбруса, в местности Нижний Канжал (2350 м). Место было избрано не случайно, и ранее крымские ханы здесь не раз останавливались¹⁵. В центре Нижнего Канжала – курган, на вершине которого хан мог разбить шатер. Курган носит название «Къуентхъыр щагуэшыжа

1уашхэ» («Курган, на котором произвели распределение трофеев»), или «Йолджэ 1уашхэ» (2401 м), юго-западнее Западного Канжала (2829 м), на правом берегу Малки¹⁶. В тылу крымского войска река Малка с единственным бродом «Бабыгу и ик1ып1э» («Бабукин брод»). Слева стеной – склоны Верхнего Канжала (2829 м), разница между Нижним и Верхним Канжалом около 500 м. На первый взгляд, более удобной и подходящей стоянки в горах найти трудно. Защищенная естественными условиями просторная местность, здесь и роскошные, обильные пастбища, и доступ к чистой воде (множество горных речушек для людей и лошадей – фактор первостепенного значения при выборе места для разбивки лагеря). Но с другой стороны, место чрезвычайно уязвимое.

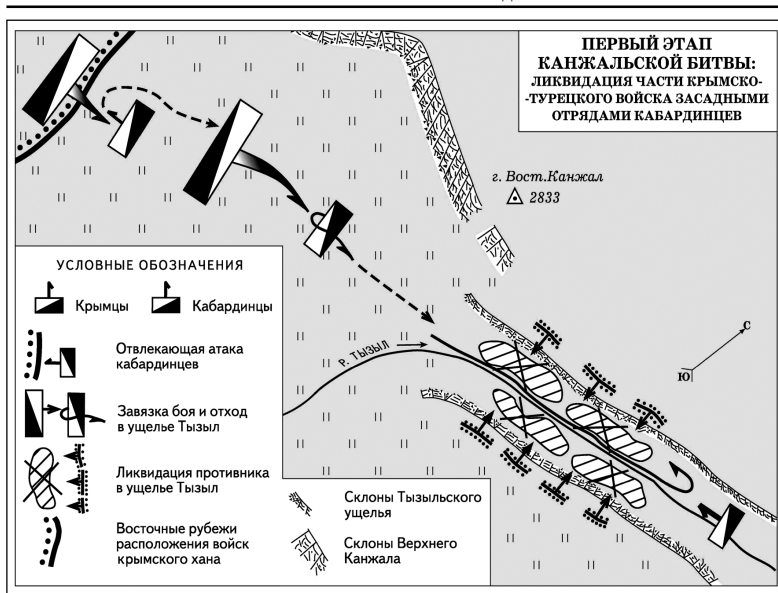
Кабардинцы должны были выбирать: сдаться на милость оккупантам, либо встать на защиту отечества и отстоять свою независимость. Кабардинские князья, жившие со времени реэмиграции из Закубания в постоянной тревоге, посоветовавшись, единодушно решили защищаться. Была проведена всеобщая мобилизация. Все должны были взяться за оружие, «даже юноши в четырнадцать лет»¹⁷. Кабарда в состоянии была выставить тридцатитысячное войско, половину которого составляла отборная дворянская (уоркская) конница, готовая собраться в течение суток. Однако силы были неравными. Было ясно, что открытое сражение с крымско-турецким войском чревато катастрофическим поражением. Понимая, что нападение может кончиться опустошением и покорением Кабарды, великий князь пши Кургоко Хатокшокович обратился к хану с предложением о мире, просил несколько умерить размеры взимаемой дани. Но Каплан I Гирей отверг эти предложения, настаивая на своем: «Меньше трех тысяч пленных не беру»¹⁸. Сначала кабардинцы пообещали хану выполнить его требования, затем неожиданно «били боем, ночью». Перед боем кабардинские воины, как и полагалось, «дали клятву мечами и оружием». После битвы на Канжале пши Татархан Бекмурзович в письме брату своему Александру Бековичу сообщал: «Бои с крымцами продолжались полтора-два месяца на каждый день»¹⁹. Это позволяет думать, что война велась партизанскими методами. Поскольку военный потенциал кабардинцев был невысок, они вынуждены были избегать крупных сражений. Война в горах – особая ситуация. Как правило, она состоит в периодических нападениях на противника (засады, налеты) без открытого и масштабного столкновения с ним.

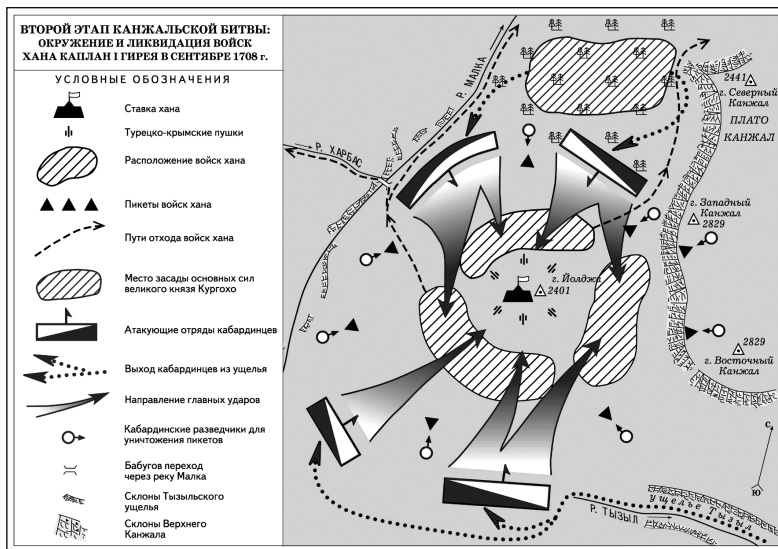
Поле битвы. Нижний Канжал. Фото 1980 г.

Имеющиеся сведения приводят к выводу, что генеральное сражение проходило в два этапа. Первый этап Канжальской битвы: ликвидация части крымско-турецкого войска засадными отрядами кабардинцев в ущелье Тызыл. Кабардинцами было принято решение – устроить ложную атаку, то есть расколоть вражеский строй, оттянув на себя отряд и уведя в засаду – ущелье Тызыл, запереть и уничтожить противника силами воинов-лучников. Они принялись бросать вниз камни и стволы деревьев, а потом атаковали лишенную подвижности конницу. Ложная или обманная атака с последующим отступлением использовалась и была любима черкесами. К примеру, этот тактический прием был использован кабардинскими пши Алигоко I и Хатокшоко I в битве на Малке 12 июля 1641 г. Описание Канжальской битвы, составленное в 1748 г. со слов кабардинцев в канцелярии коллегии иностранных дел России, отчасти позволяет говорить о том же: «И ныне тому лет с сорок, как хан крымской по приводу одного кабардинскаго владельца со многими крымскими и кубанскими войски приходил на Кабарду, от чего кабардинцы, загнав свои скоты в горы сами долгое время сидели в осаде в Баксане. И хан, видя, что с степной стороны достать их невозможно, тайно послал большую часть войск своих в горы,

Канжальская битва 1708 года

Первый этап Канжальской битвы 1708 г.

Второй этап Канжальской битвы 1708 г.

чтобы кабардинцов и оттуда утеснить, но они, кабардинцы, о том уведав, все тесные проходы засели и, чрез некоторые крымцов и кубанцов в горы впусая, камением те проходы заметали. И тогда в горах при одном солтане крымцов и кубанцов от кабардинцов и от других горских народов побито и з голоду померло больше 30 000 человек. И затем хан со оставшими принужден был от Кабарды бежать»²⁰. Старожилы ближайшего соседнего селения Заюково до сих пор уверены, что именно в Тызылском ущелье произошло основное сражение²¹.

На втором этапе Канжальской битвы перед кабардинцами была задача – окружить и уничтожить остаток войска во главе с ханом Каплан I Гиреем в сентябре 1708 г. Для чего Кургоко Хатокшокочич заблаговременно устроил ночную засаду в Нижне-Канжальском лесу на правом берегу Малки, откуда осуществил, внезапно, ночное нападение. Место ночной засады получило отражение в кабардинской топонимике – «Хьэт1эхьушчокьуэ и кьуэм и жэцт1ысып1э», что буквально означает «Место ночной засады сына Хатокшоко»²². Летней ночью в горах так темно, что исключается возможность какого-либо передвижения, поэтому для атаки выбрали ночь полнолуния, чтобы можно было более эффективно обеспечить взаимную поддержку частей своего войска на поле боя. Одновременно, надо думать, кабардинцы осуществили что-то вроде охватного маневра и произвели наступление с двух сторон, отрезав имеющиеся пути к бегству. Перед атакой кабардинские разведчики бесшумно ликвидировали пикеты противника. Это дало возможность тихо окружить лагерь, преградив пути к отступлению, и уничтожить превосходящего противника малой кровью. О внезапном ночном нападении кабардинцев говорят все главнейшие источники. Молдавский господарь Михайло Раковица в своем письме главе Посольского приказа Гавриле Головкину от 4 декабря 1708 г. писал: «Сим крымцам погибель и напасть случилось оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и нечаянно ударили»²³. Автор турецкой хроники Сеид Мухамед Риза пишет: «...черкесы прибегли к хитрости и произвели ночью внезапное нападение на ханский лагерь, перерезав тех, кто не успел спастись бегством»²⁴. Важнейший свидетель Канжальской битвы пши Татархан Бекмурзович также говорит о неожиданном ночном нападении.

План ночного нападения содержал военную хитрость, которая в описаниях Кантемира и Вакербарта передана так: изготовив

связки из коры смолянистой древесины (в Нижне-Канжальском лесу растут сосна и береза), привязали их к хвостам трехсот лошадей, подожгли и погнали табун на спящий лагерь. «Лошади, испуганные сразу и пламенем, и болью, помчались со всей возможной скоростью, – повествует Дмитрий Кантемир, – и в темноте ночи бросились, как молния, в гущу татарских лошадей, которые также перепугались, оборвали путы и с неистовым шумом понеслись в разные стороны»²⁵. Проснувшись от шума, татары растерялись «и думали, прежде всего, что огонь упал с неба и что действительно наступил конец света»²⁶. Трудно сказать, был ли этот поступок беспрецедентным. Очевидно другое – он шел вразрез с общепринятыми нормами черкесов, отличавшихся исключительно трепетным отношением к лошади. Известно, например, что до прихода русских на Кавказ они не запрягали лошадей и не использовали их в качестве тягловой силы²⁷. Война и чрезвычайная ситуация толкнули их на эту крайность. Отсюда, между прочим, возможно и возникновение бытующего до сих пор у черкесов выражения «Шык1э маф1э егэуауэ», что буквально переводится как «лошадь с охваченным огнем хвостом»²⁸. Что касается ночного нападения – это довольно часто и умело применявшаяся кабардинцами на войне тактика. В сентябре в горах ночью холодно и утро наступает не так быстро. Лунной ночью двинулись к расположению татар, разбросанных на равнине Нижнего Канжала. Фактор внезапности и ночное нападение сыграли свою роль. В одной из сохранившихся исторических песен «Война с Крымом» есть строки: «Къанжалыщхэ гушэм фочхэр щагэуэ. И льябжьэ гушам къырымхэр щогъ». («В Верхнем Канжале из ружьев стреляют. А в Нижнем – крымцы рыдают»)²⁹. Окруженный противник, лишенный пути к бегству, мог стоять до конца и сражаться с удвоенной силой. Татары полегли в кольце, яростно сражаясь. Каплан I Гирей «раненный в руку, в одном кафтане», чудом вырвался из окружения³⁰.

Об исходе битвы участник войны и один из кабардинских военачальников пши Татархан Бекмурзович свидетельствует: «А побито войска у крымцев одиннадцать тысяч. Сам хан ушел в одном кафтане с малыми людьми, а иные без бою с гор убивались. Солтана взяли в плен и многих их мурз и простых крымцев, четыре тысячи коней и панцырей множество, 14 пушек, 5 бомб, много пищалей и всю их пороховую взяли. И шатры, которые у них, все взяты»³¹. Калмыцкий хан Аюка в беседе с русским посланником сообщал,

что среди погибших татар были «со сто человек лучших мурз», что кабардинцы захватили в плен ханского сына, которого «только за договором де они... отдали назад»³². О результатах сражения Дмитрий Кантемир говорит: «...это была скорее бойня, чем бой»³³. Рассказ Абри де ла Мотрэ (1711 г.) основан на информации татарских, кубанских и черкесских мурз, среди них, возможно, участники Канжальской битвы частично дополняют и расширяют вышеприведенные сведения: «Луна, которую некоторые черкесы обожают и поклоняются, открыла им их врагов, и они изрубили на куски такое большое число людей, что успели спастись лишь те, которые быстрее всех вскочили на лошадей и достигли степи, очистив [черкесам] поле битвы. Хан, который находился во главе бежавших, оставил своего брата, одного сына, свои полевые орудия, палатки и багаж»³⁴. По преданию, одним из героев, отличившихся в сражении с иноземными захватчиками, является Миншак (Менчак) Ашабов³⁵, он вовсе не мифический персонаж, а реальная историческая личность, знатный уорк, встречается в документе под 1720 г. в числе прочих кабардинских владельцев, отправивших своих сыновей аманатами в Крым³⁶. Другой пример, когда фольклорный персонаж оказывается лицом историческим. Прочитаем вначале русский документ, составленный 5 декабря 1708 г. и сообщающий о потерях крымского хана в бою с кабардинцами: «Из восьми де сот сейменов осталось от побитых только осмнадцать человек. А хан де сам ушел в малолюдстве. А из ногайских мурз убит мурза Аллагуват да знатной Култемыр ага, да из Ады урочища убили семнадцать человек беев и белогороцких де и иных ногайцов и татар побито много»³⁷. Едва ли можно сомневаться в том, что под именем ногайского Аллагуват-мурзы мы должны подразумевать «легендарного» Алегота, о гибели которого Ногма сообщает: «Толстый паша Алегот в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за дерево, повис и кончил жизнь в таком положении. Место это называется теперь Алегот гум и щыхупа», что буквально переводится как «место, где упал в пропасть Алегот-толстый»³⁸.

Атака кабардинцев застала многотысячную армию неприятелей врасплох, и они потерпели сокрушительное поражение. Хану пришлось спасаться бегством, ханыч (султан) попал в плен. Место сражения было засеяно трупами и оружием настолько, что победителям пришлось три дня хоронить трупы и делить трофеи. О полном разгроме армии хана Каплан I Гирея, его бегстве и ранении в руку

в Стамбуле стало известно в конце октября 1708 г. Черкесский поход Каплан I Гирея вызвал большую, хотя и напрасную тревогу в русском посольстве в Стамбуле. Посол держал ситуацию под личным контролем, о чем свидетельствуют его многочисленные записи. Так, 29 августа он записал: «А хан де крымской еще из Черкес не возвратился», 12 октября 1708 г.: «О хане крымском и о кубанцах ничего здесь не слышится»³⁹. Лишь 26 октября 1708 г. П.А. Толстой получил первое известие о том, «что хан крымской побежден от черкес», 27 октября информация подтвердилась: приходил к послу «пристав посольской капычи баша Асан ага и говорил: спрашивал де ево Асан ага сего числа реиз эфенди и ведает ли де посол, что черкесы разбили хана крымского»⁴⁰. По сведениям, поступавшим к российскому послу в Стамбуле, установлено от войска хана уцелело всего около 5 тыс. человек, а из отряда Муртазы-паши, у которого было «больше четырех тысяч турок конных... возвратилось в Керчь всего человек с тридцать»⁴¹. 3 ноября П.А. Толстой в своем статейном списке сделал запись, что из-за поражения «на войне против черкесех» Каплан I Гирею дана отставка, а на его место назначен брат его Девлет Гирей⁴².

Весть о поражении Каплан I Гирея в Кабарде распространилась молниеносно. Самым поразительным в глазах современников было то, что кабардинцам удалось одержать победу над крымским ханом, перед которым трепетали многие европейские державы, в том числе и русский царь. Молдавский господарь Михайло Раковица сообщал главе канцелярии Посольского приказа Г.И. Головкину: «Хан какой срам, урон и напасть воспринял от черкезов, есть дело сие достойное слышанию, если напредь сего от кого иного о сем вы не слышали истинно, что уж пострадал то, чего или никогда или от веку не видал Крым, так что из старшины крымской и из шерин беев очень немного спаслося, також и из яман-сайдаков первый мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что ни было с ним привезено, все досталось в руки черкезам. Сим крымцам погибель и напасть случилась оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и неначаянно ударили, и для того с ханства скинули сего хана турки»⁴³.

Канжальское сражение явилось венцом военных достижений кабардинцев. Это событие вывело их на передний план передовых народов того времени и укрепило их международный авторитет как силы, могущей противостоять Крыму. Кабарда стала единой

в тот момент. В этом огромная заслуга верховного правителя пшиуалия Кургоко Хатокшоковича, который сумел объединить народ перед грозящей опасностью. Военный талант и полководческое искусство его не вызывает сомнений. Он блестяще использовал исторический опыт своего народа в области военного искусства: набеги, локальные бои с превосходящими силами противника и тактический прием «бей-беги» нанесли поражение врагу в течение 1,5 месяцев. Кургоко умел выжидать, тщательно готовил сражение. Он выбрал лучшее время и место для атаки. После этого сражения за ним закрепилась слава великого полководца. Битва положила начало многочисленным легендам. В исторической песне, посвященной пши Кургоко, ему дается следующая характеристика: «Хьэт1эхъушчокъуэ и къуэ Кургъуокъуэ пшым я 1умахуэт», «Кургоко Хатокшокович – самый счастливый и удачливый из князей был». И действительно, благодаря мужеству и уму кабардинцы выиграли важнейшую битву с Крымом, намного превосходившим их по силе. Но недолго суждено было ему пользоваться прижизненной славой. Вскоре после Канжальской битвы он умер.

Один из его верных сподвижников пши Татархан Бекмурзович (глава рода Джамбулатовых), сообщая печальное известие своему брату Александру Бековичу Черкасскому, писал: «Дядя наш, князь Кургоко, волею божиею преставился сего году [1709–1710. – *Прим. авт.*] в январе месяце, от чего и нам есть немалая печаль и плачь. Хотя и ныне застал я брат твой, Татархан владением, лучше бы еще дядя наш жив был для нынешнего дела нашего. Которая у нас с крымцами идет война великая, а он сам в сей той войне и всяких делах искусной и умной был человек. И Бог нас оскорбил немало»⁴⁴. Битва 1708 г. показала, что при наличии достойного лидера народ вполне способен отстоять свою самостоятельность. Победа на Канжале стала причиной такого подъема морального духа кабардинцев, что это неизменно сказывалось на политике их правителей до полной утраты независимости. В 1769 г., в связи с требованием кабардинских князей о ликвидации Моздокской крепости, они писали астраханскому губернатору: «В жизнь покойного Кургука бека наши кабардинцы с отчаянием своего живота и со всею ревностью сорок тысяч крымского войска, встреча при горе Канжал ...получе совершенную победу оное предали посечению. Но хотя нам самим себя возносить похвалами наследственно и неприлично, но по причине чинимых нам обид и утеснения и за неприятие приносимых от нас

жалоб за вместо почитаем сим хвалиться»⁴⁵. После смерти Кургоко обстановка в Кабарде полностью дестабилизировалась. В смертельной схватке за передел собственности и влияния между князьями были физически устранены все потомки пши Алигоко I Шогеноковича⁴⁶, произошел распад Большой Кабарды на две части, так называемые кашкатавскую и баксанскую партии. Страна вновь вовлеклась в пучину нескончаемых межфеодальных распрей.

Канжальская битва, зафиксированная в исторической памяти народа как «Къырым зауэ» – «Война с крымцами», или «Къэнжал зауэ» – «Канжальское сражение» – возможно, самое значительное событие военной истории кабардинцев. Она положила конец крымско-турецкой зависимости; удар, нанесенный Крымскому ханству, был настолько мощным, что оно долго не могло оправиться. Османский султан был тогда союзником короля Швеции Карла XII в войне против России. Поражение хана в Кабарде стало одной из причин того, что крымцы не могли прийти шведам на помощь под Полтаву. Таким образом, Канжальская битва имеет и более широкое международное и историческое значение. По масштабности и значению она нисколько не уступает знаменитым битвам, известным нам из всеобщей истории. С учетом всего этого, пусть с опозданием, но Канжальская битва 1708 г. несомненно должна занять достойное место во всемирных атласах, энциклопедиях и справочниках по военной истории.

Битва у подножья Эльбруса изменила судьбу народа, в том смысле, что она помогла окончательно определить политическую ориентацию на Россию. Со своей стороны, царь Петр I также обратил внимание на изменившийся статус и авторитет Кабарды. Именно с грандиозной победой на Канжале связано возобновление русско-кабардинского союза. Поражение Крыма оказалось на руку Русскому государству. Ведь Карл XII, воевавший в то время с Россией, пытался привлечь себе на помощь крымское войско. Шведы упорно распространяли слухи, что им на помощь идет 40-тыс. армия крымского хана. В документах, приводимых в «Деяниях Петра Великого», отмечено под 1708 г.: «Мазепа уверяет короля, что вся Украина и «все подвластное ему казацкое войско, но и самые крымские татары готовы с ним соединиться против российского монарха». Известно также, что великий визирь Порты Чорлылы-Али-паше «понуждал крымского хана Каплан Гирея, дабы он подал Мазепе всякое вспоможение так скоро, как король шведской

вступить в Украину, обнадеживая его, что и сильная турецкая армия в помощь шведов находится уже в готовности»⁴⁷. Но султан Ахмед III строжайше запретил хану нарушить существующие мирные отношения Порты с Россией, и хан воздерживался от оказания помощи Карлу, вследствие чего обманутый король, будучи разбит под Полтавой, пренебрег Крымом, где ему всего ближе и удобнее было искать убежища, а обратился за покровительством к Черкес Юсуф-паше, который и водворил его в Бендерах⁴⁸.

Заручившись доверием Порты, крымский хан Девлет Гирей тотчас же повел интригу против Юсуфа-паши, который своим авторитетом мог разрушить его антироссийские планы. 9 ноября 1710 г. Турция объявила войну России. Одновременно с решением Порты объявить войну России дана была отставка Черкес Юсуф-паше, который около 15–20 лет состоял бабадагским генерал-губернатором и которого турецкие историки в один голос превозносят за его ум, знания, распорядительность и энергию в устройстве пограничных дел вверенной ему окраины. В такой же политической неблагонадежности хан обвинил и тогдашнего молдавского господаря Скарлат-оглу Николая. Несмотря на то, что господарь был в чем-то вроде любимца и протезе, внушения хана достигли своей цели: Николай Скарлатович был сменен, а на его место посажен Кучук Кан Тимр-оглу (Дмитрий Кантемир). Еще раньше был сменен верховный визирь Черкес Юсуф-паша, настаивавший на охранении только что заключенного с Россией мира⁴⁹. За якобы оскорбление короля Карла XII бедного Исмаила пашу казнили⁵⁰.

Вступив в войну с Россией, Турция и Крым попытались урегулировать свои отношения с Кабардой, склонить ее на свою сторону. С этой целью Девлет Гирей послал туда «двух персон знатных». Однако ни уговоры, ни большие обещания не помогли крымским посланникам добиться согласия кабардинцев выступить с ними заодно, и они были «высланы не с честью»⁵¹. В ответ на предложение кабардинцев организовать совместный поход против Крыма весной 1711 г. Петр I, считая необходимым заключение военно-политического союза с Кабардой, направил туда Александра Бековича Черкасского для организации совместной борьбы. С одной стороны, близкое знакомство с царем (с 1697 г. через Б.А. Голицына и по Преображенскому полку) и с другой – видное положение его родных братьев в Кабарде давали ему, как никому другому, больше шансов на успех. Сенат вручил ему грамоты и богатое жалованье на

раздачу калмыцкому хану и кабардинским князьям. Бекович провёл в Кабарде ровно один год. Ему удалось заключить соглашение, по которому кабардинцы вновь признали покровительство русского царя и выставили 5-тысячный конный отряд, который принял участие в Кубанской экспедиции⁵².

Было ясно, что кубанский поход безнаказанно для кабардинцев не пройдет. События не заставили себя долго ждать. После отъезда А. Бековича в Москву, в Кабарду явились послы турецкого султана и крымского хана с письмами, в которых они упрекали кабардинцев в вероотступничестве: «Чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных, кубанских жителей разорили и войска их разбили... для чего вы на своего государя и веру свою руки подняли»⁵³, и далее под угрозой полного разорения следовало требование принести повинную. Однако это требование было отклонено. Осенью 1712 г. крымский отряд численностью 6000 человек приходил под Кабарду⁵⁴. Малочисленность войска, видимо, связана с тем, что в то время калга с 40-тысячным отрядом был отправлен в Бендеры провожать шведского короля Карла XII. Хан предпринял на этот раз попытку склонить кумыкских мурз к совместному нападению на Кабарду, для чего посылал к ним «немалые подарки» с обещанием и «впредь давать жалованье повсягодно». Весной 1713 г. последовало еще одно нападение⁵⁵.

Обо всем этом 25 августа 1713 г. извещал русское правительство князь Александр Бекович, помня о своих обещаниях соотечественникам. В личных беседах с царем, в своих донесениях Сенату он неустанно проводил мысль о необходимости предотвращения крымско-турецкой экспансии в Кабарде, подчеркивая при этом реальную возможность привлечения кабардинцев на русскую сторону. «А опасности никакой в превращении их не будет, – писал он, – понеже народ там вольной есть и никому иному не присутствует, но паче Вам есть причиненный ... токмо незнанием или не искусством воевод Ваших сей интерес государственный по се время оставлен»⁵⁶. Для укрепления русского влияния в Кабарде А.Б. Черкасский предлагал царю направить туда «резидента» и ввести регулярные войска. В мае 1714 г. Петр I одобрил эти предложения и предписал Сенату продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей (т. е. русской) стороне удержать» владения черкесских князей⁵⁷.

За относительно короткий период, между 1641 и 1708 гг., кабардинцы выдержали четыре крупномасштабных сражения с внешними противниками: битву на Малке 12 июля 1641 г., битву с торгутами калмыками 1644 г., нашествие крымского хана Селим Гирея I 1671 г. и войну с Каплан I Гиреем в 1707–1708 гг. Перечисленные сражения отличались большим кровопролитием и заканчивались в пользу кабардинцев. В ходе этих битв кабардинцы научились выигрывать, а их лидеры получили опыт и закалку. Основной упор в кабардинской армии делался на отборную дворянскую конницу – легкую и поворотливую. Надо отдать должное талантливым военачальникам Хатокшоке I (1614–1667/69) и его сыну Кургоко (1689–1709).

В силу различных обстоятельств, в числе которых определенная зависимость историков от государства, политизированность нашего общества, исследователи до сих пор искажают характер русско-кабардинских отношений и ошибочно определяют победу русской ориентации в Кабарде – временем Ивана Грозного. Между тем, есть все основания утверждать, что политический выбор Кабарды состоялся значительно позднее, а именно после реэмиграции кабардинцев из Закубанья в 1670 г., а после Канжальской битвы и вовсе приобрел необратимый характер. Кабарда, находившаяся длительное время в поисках самоопределения и выбора достойного покровителя, отдала предпочтение более далекому и гибкому государю, не требующему дани. Но не прошло и 40 лет, как иллюзии эти рассеялись. И вместо защиты и поддержки кабардинцы от русского правительства получили жесткие формы контроля и подчинения.

¹ Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 10. Нальчик, 1976. С. 27–32; Он же: Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв. Кандидатская диссертация. М., 1977; Он же: Канжальская битва 1708 г. и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы кабардино-балкарского литературоведения и фольклористики. Нальчик, 1986. С. 48–64.

² Бгажноков Б.Х. Канжальская битва. Нальчик, 2008. 97 с.

³ Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы. Нальчик, 2008; Рахаев Ж.Я. Кабарда в кавказской геополитике России в первой половине XVIII века: исторический опыт и

уроки. Институт гуманитарных исследований Правительства К-БР и К-БНЦ РАН, 2010.

⁴ Соьгур Валерэ. Къырым зауэр къэзыхьа Хьэт1эхъушокъуэ и къуэ Кургъу-окъуэ пщым я 1умахуэт // Псынэ. 2008. № 4.

⁵ Василий Каширин. Еще одна «Мать Полтавской баталии»? К юбилею Канжальской битвы 1708 года // <http://www.regnum.ru/news/1061262.html>.

⁶ РГАДА. Ф. 123. 1699. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 9–10; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Т. 1 / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. С. 469–470.

⁷ Cantemir Dimitrie. Geschichte des Osmanischen Reichs. Hamburg, 1745 // Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 138–142.

⁸ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Вступительная статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 169.

⁹ АВПРИ. Ф 115/1. Оп. 1. 1753. Д. 6. Л. 94, 9 об., 111, 112, 114, 115, 116, 124, 138, 146, 153 об., 178, 184, 195 об., 199, 213; ЦГА РД. Ф. 379. Д. 614. Л. 69–69 об.

¹⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство... Т. 2. М., 2005, С. 13–14; Halil İpa1cik. Kar1an Giray (1680–1738) // Islam ansiklopedisi, 57 cüz. İstambul, 1952. S. 203.

¹¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707. Д. 3. Л. 114.

¹² Findiklili Mehmet. Nusret name. B. 2. İstambul, 1963. S. 247–248; Смирнов В.Д. Крымское ханство... Т. 2. М., 2005. С. 15.

¹³ РГАДА. Ф. 89. 1708. Ед. хр. 2. Л. 278.

¹⁴ Hammer I. Geschichte des Osmanischen Reichs... S. 128; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 83. Карг. 14. № 247. Л. 1–1 об.

¹⁵ См.: История событий в управление Сахыб Гирей хана, составленная Ходжа Реммалем // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения РАН. Ф. 50 (перевод В.Д. Смирнова). Оп. 1. Ед. хр. 114. 1881. Л. 103–150. С. 128; Tarihi Sahib Giray han. Ankara, 1973; Gokbilgin, Ozalp. 1532–1577 yıllari arasinda Kirim hanliginin siyasi durumu. Ankara, 1973.

¹⁶ См.: Карта Терской области. 1898.

¹⁷ Крымцы в Кабарде, запись Т.П. Кашежева. Публикация и комментарии Л.Г. Лопатинского // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1881. Отд. 1. С. 21–26; Кабардинское предание о свержении кабардинским народом ига крымских татар (записал Евг. Баранов) // Терские ведомости. 1894. 21 августа. Къырым ц1ыхутым и зэман. Хьэхъушакъуэ Амышхан къи1уэтэжу 01.04.1955 гь. зытхар Щоджэн Хьэзешэщ. Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папкэ № 8, 15а.

¹⁸ Смирнов В.Д. Указ. соч. Т. 2. М., 2005. С. 15.

¹⁹ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 83. Карг. 14. № 247. Л. 1–1 об.

²⁰ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Т. 2 / Сост.: В.М. Букалова, ред.: Н.А. Смирнов и У.А. Улигов. М., 1957. С. 153.

²¹ Информ.: Ибрагима Джапуева, 1928 г. р.

²² Информ.: Бориса Шурдумова, 1948 г. р.

²³ РГАДА. Ф. 68. 1708. Д. 1. Л. 3–7; перевод; опубли.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. М., 1970. Т. 3. С. 298–299.

²⁴ См.: Смирнов В.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 15.

²⁵ Cantemir D.K. Histoire de l'Empire Othoman, ou se voyent les causes de son agradisement et de sa decadence. T. 2. Paris, 1743. С. 133–142.

- ²⁶ Wackerbarth. Die Tscherkassier. S. 8 // Вакербарт. Черкесы. Перевод с нем. Х.И. Шидов // Единство. 1991. Сентябрь.
- ²⁷ См. текст старинной бесленейской песни «Урысхэр» («Русские») // См.: сб. «Закавказский край», издаваемый бароном Аугустом фон Гаузенем. СПб., 1857.
- ²⁸ Саптемир Димитрие. Geschichte des Osmanischen Reichs. С. 138–142; Wackerbarth. Die Tscherkassier. S. 8 // Вакербарт. Черкесы. Перевод с нем. Х.И. Шидов // Единство. 1991. Сентябрь. Аналогичные данные из устного народного творчества кабардинцев зафиксировали Шора Ногмов и князь Александр Мисостов. Ногмовский рассказ усложнен вставкой о том, что пши Кургоко Хатокшокович был вовремя уведомлен о намерениях хана «лазутчиком из татар по имени Халелий, который прежде служил у князя», что именно Кургоко придумал хитрость о внезапном ночном нападении, перед боем велел он собрать около 300 ослов, привязать к каждому по две вязанки сена, ночью зажечь и погнать на неприятельский лагерь (Ш.Б. Ногмов. Указ. соч. С. 146–147; Мисостов Александр. История несчастных чиракес. Большая Кабарда, 1841. Фотокопия рукописи в арх. ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 29).
- ²⁹ См.: Архив КБНИИ. Ф. 12. Папка № 15а; записал Жеримов в сел. Зарагиж в 1958 г. от 85-летнего Хамгокова Хажбия; Аутлев С.Ш. Историко-героические песни адыгов в XVI–XIX вв. Нальчик, 1973.
- ³⁰ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 83. Карт. 14. № 247. Л. 1–1 об.
- ³¹ Там же.
- ³² РГАДА. Ф. 3. 1711. Ед. хр. 3. Л. 6.
- ³³ Саптемир Димитрие. Geschichte des Osmanischen Reichs. С. 138–142.
- ³⁴ Путешествие господина Абри де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. пер., введение и вст. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 119–125.
- ³⁵ Крымцы в Кабарде, запись Т.П. Кашежева. Публикация и комментарии Л.Г. Лопатинского // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1881. Отд. 1. С. 21–26; Кабардинское предание о свержении кабардинским народом ига крымских татар (записал Евг. Баранов) // Терские ведомости. 1894. 21 августа. Къырым цыхутым и зэман. Хьэхъуапшэ Амырхъан къы1уэтэжу 01.04.1955 гъ. зытхар Щоджэн Хьэзэшэн. Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папкэ № 8, 15а; Ашабэ и къуэм и уэрэд. Жызы1ар Мамлюк Шумаху Тохович 1862 г. рождения аул Етапенкой Теучежского р-на. Щатхар 17.10.1958 гъ. 1 л. машинкэк1э // Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папка 15а; Ашабэ и къуэ Къылышыкъуэ и хьыбар. Жызы1ар Арсей А.Х. 1881 г. Р. Верхнего Курпа. Щатхар 07.10.1958 гъ. 7 л. рукописи // Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папка 15а; Къырым зауэ. Къэзы1уэтэжар Щоджэн Абдул Шухьыб и къуэ. 1903 гъ. къ. Щатхар 11.08.1958 гъ. 3 л. рукоп. // Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папка 15а; Къырым зауэм и уэрэд. Къэзы1уэтэжар Хьэмгьуокъуэ Хьэжбийш. Илъэс 85 мэхъу. щатхар Зэрыгъыжш. 17.06.1958 гъ. 34 строки машинописи. Зытхар Керим М. // Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папка 15а; Къырым таурыхъ. Къэзы1уэтэжар Нэзэр Машэ Джырандыкъуэ и къуэ 1892 гъ. къ. Щатхар къэхъун 16.08.1952 г. 7 л. рукописи. Зытхар Багъ Петя // Архив КБНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Папка 15а.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 115. 1720. Ед. хр. 1. Л. 50–50 об.
- ³⁷ РГАДА. Ф. Кабинет Петра Великого. Отд. 2. Кн. 7. Л. 1321–1323 об.
- ³⁸ Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 147.

- ³⁹ АВПРИ. Ф. 89. 1708. Д. 2. Л. 343 об., 350, 390 об., 403, 415–415 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 416.
- ⁴¹ Там же. Л. 437 об.
- ⁴² Там же. Л. 419 об., 420–421.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 68. 1708. Д. 1. Л. 3–7.
- ⁴⁴ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 83. Карт. 14. № 247. Л. 1–1 об.
- ⁴⁵ Архив КБИИФЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 64–68.
- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. 115/1. 1737. Д. 9. Л. 2–3.
- ⁴⁷ Деяния Петра Великого. Ч. 2. М., 1788. С. 432, 439–440; Смирнов В.Д. Указ. соч. Т. 2. М., 2005. С. 19.
- ⁴⁸ Смирнов В.Д. Там же. М., 2005. С. 19.
- ⁴⁹ Там же. С. 20–25.
- ⁵⁰ Там же. С. 24.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 13. Л. 1022–23, 1037.
- ⁵² КРО II: 4–10.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 67–68. КРО II: 13.
- ⁵⁴ Сокуров В. Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII века. С. 27–32; Он же. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв.; Он же. Канжальская битва 1708 г. и ее отражение в кабардинском фольклоре. С. 48–64.
- ⁵⁵ КРО II: 13.
- ⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. Изд. 1830 г. Док. № 2815.
- ⁵⁷ См.: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1967. С. 163–164.

И.П. Суханов (Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ ПИСТОЛЕТОВ АБОРДАЖНЫХ ПАРТИЙ КОРАБЛЕЙ РОССИЙСКОГО ФЛОТА XIX ВЕКА

К концу XVIII в. на вооружении Российской армии и флота состояло более двадцати различных моделей стрелкового оружия, которые отличались друг от друга размерами, массой и калибром. Первыми образцами пистолетов начала XIX в. были модели 1805 и 1809 гг. К моменту создания на судах Российского флота корабельных абордажных партий (1805 г.), естественно, возник вопрос – какими пистолетами вооружать бойцов этих партий? В первой трети XIX в. снабжение оружием кораблей Балтийского и Черноморского флотов происходило раздельно (на этих флотах были свои модели оружия).

Как писал в 1852 г. исполняющий обязанности командующего Черноморским флотом адмирал Б.М. Берх в обращении к начальнику Главного морского штаба: «Черноморский флот не имеет абордажных пистолетов, так как изготовленные еще в 1805 г. пришли в полную непригодность» (57, 62).

На вооружении абордажных партий кораблей Балтийского флота первоначально находились пистолеты последней четверти XVIII в. и образец 1803 г., но вскоре они были заменены пехотным пистолетом образца 1809 г., при создании которого был использован прототип – австрийский пистолет модели 1798 г. (1). В то время заимствование зарубежной техники для вооружения Российской армии и флота не было новшеством.

Приведем технические характеристики этих пистолетов.

Пистолет солдатский пехотный с кремневым замком и гладким каналом. Образца 1805 г. (рис. 1)

Место и время изготовления: Тула, 1807 г.

Размеры: 43,0 x 15 x 6 см

Масса – 1500 г

Материалы: Сталь, железо, латунь, ореховое дерево

Из фондов ВИМАИВиВС. Инв. № 37/126.

Ствол железный (длина 264 см), калибр 16,51 мм (6,5 линий), круглый, с гладким каналом, завершается казенником и хвостовиком. Прицельное устройство pistolsа состоит из латунной мушки и продольной прорези на утолщении казенника ствола. Диаметр затравочного отверстия 2,6 мм.

Ствол закреплен в желобе ложи с помощью железной шпильки, проходящей через отверстие в металлическом приливе на его нижней образующей, и крепежного винта, проходящего через отверстие на хвостовике казенника. Ружейный замок кремневый, железная полка для затравочного пороха имеет буртик, а огниво – продольную канавку. Замок прикреплен к ложе двумя винтами через латунную накладку.

Ложа ореховая, удлиненная, протяженностью до дульного среза ствола. Латунный прибор состоит из ложевого кольца, спусковой скобы, накладок под замочные винты и набалдашника. На деталях pistolsа нанесены клейма:

- на казенной части ствола – «Р» и двуглавый орел;
- на хвостовике казенника – «О», «ЛСІВ» и «ІДК»;
- на замочной доске – «Тула. 1807 г»;
- на спусковой скобе – «МТ», «ПІВ»;
- на набалдашнике – «АС» и «ФА»;
- на медальоне рукоятки – вензель императора «А І» под короной.

Пистолет с кремневым замком и гладким каналом. Образца 1809 г. (рис. 2)

Место и время изготовления: Тула, 1813 г.

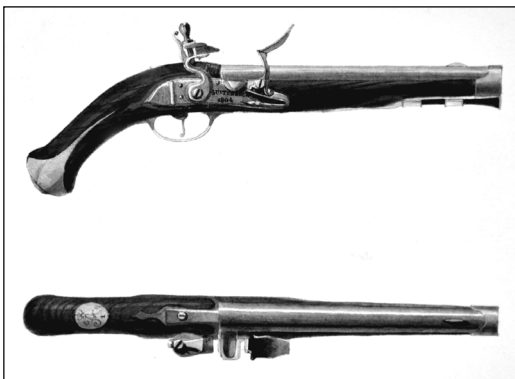

Рис. 1. Пистолет с кремневым замком, обр. 1805 г.

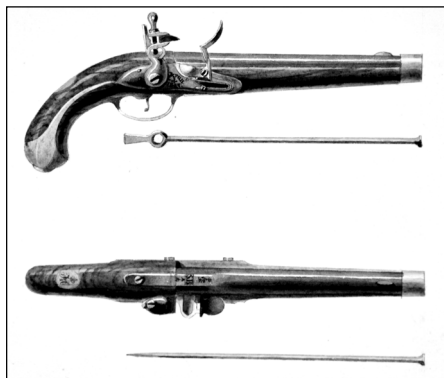

Рис. 2. Пистолет с кремневым замком, обр. 1809 г. Фото из архива ВИМАИВиВС

Размеры: 42,9 x 16 x 6 см
 Масса – 1500 г
 Материалы: Сталь, железо, латунь, береза
 Из фондов ЦВММ. Инв. № 8420.

Ствол железный (длина 267 мм, калибр 17,78 мм) с гладким каналом, имеет снизу прилив с крепежным отверстием и хвостовик с отверстием для крепежного винта. Диаметр пули – 15,9 мм. Латунная мушка сегментного вида (длина 15 мм, высота 5 мм) при-

паяна к стволу на расстоянии 28 мм от дульного среза. С правой стороны казенной части ствола имеется запальное отверстие (без омеднения) диаметром 2,1 мм. Ложа изготовлена из березы с цеваем на всю длину ствола. Ствол помещен в желобковом вырезе ложи и крепится у дульного среза ложевым кольцом и шпилькой через отверстие в металлическом приливе ствола. Прибор пистолета латунный. Хвостовик ствола закреплен к рукояти винтом. Пистолету отдельно придавался железный шомпол длиной 290 мм. Один из концов шомпола (раздвоенный и соединенный внозь) с центральным отверстием (диаметр 16 мм), что создавало удобство для хранения, заряжания и чистки канала ствола.

Рукоять пистолета снабжена латунным набалдашником с боковыми «усами», закрепленными в пазах на обеих сторонах рукояти, а также латунной пластиной овальной формы с изображением вензеля «А I» под короной.

Оружейный замок кремневый, батарейный. Его замочная доска закреплена на правой стороне ложи двумя винтами, выходящими на левую сторону ложи через отверстия в латунной «S-образной» пластине, длиной 90 мм. Латунная скоба спускового крючка имеет конструктивный изгиб, а ее задний конец – отверстие для крепежного шурупа. Полка для затравочного пороха латунная. Заряд мушкетного пороха (1,5 зол.) – 6, 3 г.

Практическое использование пистолета вскрыло его конструк-

тивные недостатки – значительную массу и отдельное размещение шомпола.

Боевая эффективность этого оружия специалистами оценивалась не высоко. Председатель Артиллерийского комитета генерал-лейтенант Корпуса артиллерии Гогель писал: «Хотя пистолетный выстрел на 100 шагов действителен, но употреблять его так не должно» (3). Пистолет фактически был одноразового использования, так как у бойца в abordажном бою не было возможности для его повторного заряжания. Придерживались принципа «чем ближе стреляешь – тем надежнее выстрел». В наставлениях и инструкциях по использованию указывалось: «Назначение пистолета состоит преимущественно в том, чтобы боец мог защитить себя от противника» (6). То есть рекомендовалось стрелять в неприятеля с близкого расстояния. Генерал-лейтенант Гогель рекомендовал «пристреливать пистолеты с гладким каналом ствола не далее, как на 15 или 20 шагов». Хотя пистолет был принят на вооружение 20 сентября 1809 г., ежегодно его производили малыми партиями (по 10–30 пар). В предвоенные годы это стало одной из причин массовой закупки различных моделей пистолетов и ружей (до 100 тыс. единиц) в Англии и в Австрии.

Значительный недокомплект оружия в армейских частях и на кораблях флота во время Отечественной войны 1812 г. вынудил Артиллерийский департамент 20 января 1813 г. дать разрешение на снабжение и использование в войсках пистолетов XVIII в. калибром 6,5 линий с железными приборами.

В 1812 г. Тульский оружейный завод максимально увеличил количество годового изготовления пистолетов до 206 пар. Массовое их производство на Тульском и Сестрорецком оружейных заводах началось лишь со следующего года. В 1813 г. на СОЗ было изготовлено 1096 пар пистолетов, а на ТОЗ в 1816 г. – 20 532 пары. Такое количество оружия не могло полностью вооружить корабли и части. Чтобы увеличить количество выпускаемых пистолетов, на Сестрорецком оружейном заводе стали привлекать частных оружейных мастеров.

Пистолеты, изготовленные на Сестрорецком заводе, по своему качеству превосходили продукцию ТОЗ, поэтому были более дорогими и использовались, главным образом, для вооружения кораблей и частей Императорской гвардии. При этом на изготовлении пистолетной ложи с рукоятью использовалась древесина бо-

лее высокого качества – орех, а также производилась позолота латунного прибора у офицерских пистолетов.

К сожалению, значительная часть документов о количестве продукции, выпущенной на Сестрорецком заводе с 1809 г. по 1831 г., была уничтожена пожаром. Часть сохранившихся документов находилась в Артиллерийском департаменте.

Пистолет подарочный с кремневым замком. Образца 1820 г.
(рис. 3)

Рис. 3. Пистолет подарочный с кремневым замком, обр. 1820 г.

В 1820 г. император Александр I получил подарок от командира Сестрорецкого оружейного завода полковника Ивана Ланкри. Конструктивное решение этого кавалерийского пистолета было заимствовано у английской и, частично, у французской модели.

Ореховая ложа с рукоятью и с золоченым латунным прибором пистолета удачно дополнялась шомполом, изящно подвешенным на двух стальных серьгах. Такое расположение шомпола более удобно, чем у пистолета образца 1809 г., находящегося в то время на вооружении Российской армии и Балтийского флота.

Место и время изготовления: Сестрорецкий оружейный завод, 1820 г.

Материалы: сталь, латунь, ореховое дерево

Размеры: 40 x 16 x 6 см

Из фондов Гос. Эрмитажа. Инв. № 30-933.

Общая длина – 40 см, длина ствола 23 см, калибр 17,7 мм. На оружейной доске кремневого замка нанесены клейма «SB» и «1820 г.».

Пистолет кавалерийский с кремневым замком и гладким каналом. Образца 1826 г. (рис. 4)

Пистолет выгодно отличался от своих предшественников уменьшенными размерами, наличием закрепленного в ложе шомпола и меньшим весом. Ствол пистолета лишился мушки.

Место изготовления: Тульский оружейный завод

Размеры: 38 x 16 x 6 см

Материалы: Сталь, железо, латунь, древесина

Из фондов Гос. Эрмитажа. Инв. № 3.0.916.

Длина ствола 21 см, с гладким каналом – калибр 17,7 мм, без мушки.

Железный шомпол размещался в гнезде полулужи и в вырезе латунного ложевого кольца пистолета. Изменились конструкция и крепление

набалдашника: исчезли латунные «усы» с обеих сторон рукояти, на его торце закреплено латунное кольцо. Кремневый замок пистолета остался без изменений. На замочной доске сохранилась надпись «Тула» и клеймо «1813 г». Полка для затравочного пороха латунная. Прибор пистолета латунный. Ближний конец железного шомпола закреплен в гнезде ложи и в отверстии ложевого кольца, а его противоположный конец завершается грибовидной шляпкой.

Пистолеты этого образца производилось на Сестрорецком и на Тульском оружейных заводах. Этим можно объяснить незначительные расхождения габаритных размеров пистолетов и их стволов.

Пистолет кавалерийский с кремневым замком. Образца 1828 г. (13) (рис. 5)

В целях улучшения технических характеристик и совершенствования конструкции пистолетов, на базе образца 1809 г., была произведена его очередная модернизация, что привело к созданию кавалерийского пистолета, образца 1828 г. Общая длина – 400 мм.

У этого пистолета уменьшилась длина ствола до 244 мм. На срезе казенной части ствола появилось прицельное устройство, так называемая «холка». Шомпол по-прежнему носился отдельно от пистолета, как у своего прототипа образца 1809 г. Боевой заряд составлял 1,25 золотника, диаметр пули – 15,9 мм. Баллисти-

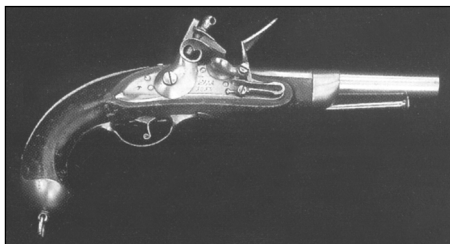

Рис. 4. Пистолет кавалерийский с кремневым замком, обр. 1826 г.

Рис. 5. Пистолет кавалерийский, с кремневым замком, обр. 1828 г.

ческие характеристики этого пистолета практически не изменились. Ложа укорочена, ложевое кольцо имеет широкий продольный вырез. Масса пистолета – 1387 г. Его вид сохранился в архиве ВИМАИВиВС.

Это очередная модификация пистолета образца 1809 г. В декабре 1830 г. Николаю I представили на утверждение все варианты абордажного оружия, в числе которых находился и этот

пистолет (25). При обсуждении представленного оружия император повелел снабдить его боковым крюком.

С 1831 г. по высочайшему распоряжению на левой стороне ложи абордажного пистолета этой модели стали крепить стальной металлический крюк. Этот крюк предназначался для повседневного ношения пистолета в лопасти плечевого ремня.

Передельочный флотский пистолет с кремневым замком. Образца 1831 г. (рис. 6)

Место и время переделки: Арсенальные мастерские, 1831 г.

Размеры: 42 x 16 x 6 см

Материалы: Сталь, железо, латунь, древесина

Из фондов ЦВММ. Инв. № 7715.

Основные элементы и боевые характеристики остались прежними, как у основного образца (1809 г.). Оружейный замок кремневый, батарейный. Сохранился калибр – 7 линий, латунная мушка длиной 15 мм и высотой 5мм.

Но произошли и конструктивные изменения:

- ложа стала полуложей (укорочена на 90 мм);
- крепление ствола в средней части ложи шпилькой, проходящей через стенки ложи и нижнее ушко металлического прилива на стволе;

– у дульного среза ствола приварены два металлических прилива с отверстиями диаметром 2 мм, к которым винтом подвешивалась железная поворотная «Г»-образная планка. Противоположный конец этой планки имел утолщение с круглым отверстием (диаметром 13 мм), через которое проходил передний конец шомпола.

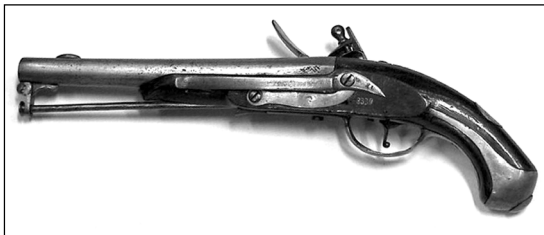

Рис. 6. Переделочный флотский пистолет с кремневым замком, обр. 1831 г., левая сторона

Железный шомпол (длина 253 мм) переменного диаметра (от 5 мм до 7 мм) с грибовидной шляпкой диаметром 13 мм.

К тыльной стороне ложи, с помощью винтов, крепилась металлическая пластина (90 x 25мм), переходящая в изогнутую планку, которая удерживала шомпол в ложевом гнезде.

«Г»-образная поворотная планка позволяла использовать шомпол как для чистки канала ствола, так и для заряжания пистолета. Для этого надо было выдвинуть шомпол из гнезда, развернуть его вместе с «Г»-образной планкой на 180 градусов и вставить передний конец шомпола в канал ствола.

На рукоятке пистолета был заменен императорский вензель «А I» на «Н I» под короной. На замочной доске располагались заводские клейма: «ТОЗ» или «СОЗ» и годы изготовления: с 1813 по 1815 гг.

Эта модель предназначалась для вооружения бойцов корабельных абордажных партий.

Пистолет Российского флота, изготовленный по английскому образцу. 1831 г. (рис. 7)

Место и время изготовления: Тульский оружейный завод, 1831 г.

Размеры: 41 x 15 x 7 см

Материалы: Сталь, латунь, железо, береза

Из фондов ЦВММ. Инв. № 44743.

Ствол стальной (длина с хвостовиком 1850 мм), канал ствола гладкий – калибр 17,2 мм, без мушки.

Ложа полная, протяженностью до дульного среза. Ствол крепит-

ся в желобе ложи шпилькой, проходящей через ее стенки в отверстие в ствольном металлическом приливе. Казенная часть ствола закрепляется винтом. В нижней части ложи располагается вырез, в котором двумя шпильками крепится гнездо с латунной трубочкой (диаметр 8 мм) для размещения в нем заднего конца шомпола.

Стальной шомпол (длина 230 мм) переменного диаметра завершался у дульного среза конусным утолщением диаметром 11 мм.

Рис. 7. Абордажный пистолет с кремневым замком, обр. 1831 г., левая сторона

Замок пистолета кремневый (батареинный) закреплен с правой стороны ложи с помощью винтов, проходящих через фигурную металлическую планку. На противоположной

стороне ложи крепится стальной прямой крюк длиной 86 мм и шириной 7–10 мм. Ближний конец крюка более широкий с овальным отверстием по центру, которое предназначается для латунного крепежного винта.

Латунные спусковая скоба и набалдашник крепятся к ложе и рукояти с помощью латунных шурупов.

На деталях пистолета нанесены клейма:

- на казенной части ствола – двуглавый орел и буква «П» (проба);
- на внутренней стороне замочной доски – «НО», «ВФ», «ОА», «Х»;
- на внутренней стороне крюка – «ОА», «К», «Я», «ЕУ», «У»;
- на внутренней стороне спусковой скобы – «ВФ», «НО», «ИК» и «У»;
- на боевой пружине – «Ш», «Ю».

Руководство Черноморским флотом, во главе с вице-адмиралом М.П. Лазаревым, прекрасно понимало, что оружие абордажных партий кораблей устарело и не отвечало требованиям боевой эффективности. Ведь, в отличие от Балтийского флота, на вооружении абордажных партий черноморских кораблей все еще находились пистолеты образца 1805 г. В 1836 г. в артиллерийских мастерских Николаевского военного порта усовершенство-

вали два флотских мушкетона и пистолет, у которых кремневые замки заменили капсюльными. Это была первая попытка внедрения капсюльных оружейных замков в практику использования пистолетов для кораблей Российского флота. Этот черноморский пистолет был отправлен начальнику Главного Морского штаба.

Пистолет имел:

- оружейный замок с капсюльным устройством;
- полуложу (укороченную ложу);
- калибр – 16,7 мм;
- укороченный ствол, относительно пистолета образца 1805 г.;
- размещенный в ложе пистолета металлический («не теряющийся») шомпол с серьгой;
- железный прибор пистолета;
- металлический крюк, закрепленный на левой стороне ложи, для удержания пистолета в лопасти портупей (28, 47).

В 1837 г. идея введения капсюльных замков была одобрена общим собранием офицеров Кронштадтского военного порта и подхвачена оружейными мастерами Петербурга: Ф. Вишневым, Орловыми, Вагнером, а также туляками: Ф. Батовым и Г. Малковым (14, 15).

К переделке кремневых на капсюльные замки подключились и оружейная мастерская Кронштадта, находящаяся в то время при Сестрорецком заводе, и мастерская морской Арсенальной роты в Санкт-Петербурге (16). Но это были единичные экспериментальные модели, которые имели некоторые отличия друг от друга.

Пистолет, переделанный из кремневого в капсюльный, с «Г»-образной поворотной планкой. 1836–1844 гг. (рис. 8)

Место и время изготовления: Россия. 1836–1844 гг.

Размеры: 43 x 15 x 6,3 см

Калибр: 16,7 мм

Материалы: Сталь, железо, латунь, древесина

Из фондов ЦВММ. Инв. № 8298.

Черноморский пистолет, доставленный из порта Николаев, был представлен на рассмотрение императору Николаю I, который наложил резолюцию: «Утверждаю со следующими замечаниями:

- калибр пистолета должен быть равным с ружейным [7 линий. –

Прим. авт.]

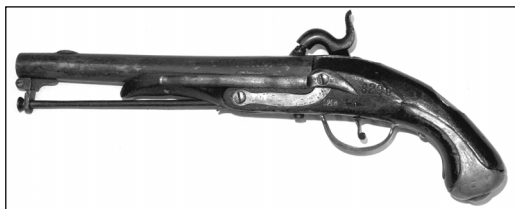

Рис. 8. Переделочный пистолет с капсюльным замком и «Г»-образной поворотной планкой, 1836–1844 гг., левая сторона

29 июля 1836 г. на фрегате «Аврора» Балтийского флота были проведены пробные испытания изготовленных 160 пистолетов (с капсюльными замками, шомполами и крюками). Результаты испытаний были документально оформлены в виде отчета прикомандированным к судну капитаном Корпуса морской артиллерии Лосевым (15).

Оружейному мастеру Вагнеру (Санкт-Петербург) было поручено изготовить (для проведения испытаний) два пистолета 7-линейного калибра с капсюльными замками.

При очередной конструктивной доработке пистолета «Г»-образная планка для удержания шомпола была заменена парой металлических «S»-образных пластин.

Пистолет, переделанный из кремневого в капсюльный, с облегченным курком и с серьгой. 1837 г. (?) (рис. 9)

Оружейный мастер Санкт-Петербургского арсенала Бертран предложил некоторые изменения в конструкции пистолетов. В их числе было предложение заменить латунную трубку для крепления шомпола стальной плоской пружинной пластиной. Кроме того, он взялся разработать свою конструкцию пистолета с капсюльным замком.

1 марта 1837 г. мастер Вагнер представил в Кронштадтский арсенал изготовленные им пистолеты:

- пистолет № 1 – калибр 7 линий, длина ствола 10,75 дюйма;
- пистолет № 2 – калибр 7 линий, длина ствола 9,87 дюймов.

Каждый пистолет имел капсюльный замок, шомпол, входящий в латунную трубку, и боковой железный крюк. Стоимость каждого пистолета составила 45 руб.

– ввести пистонные замки на оружие как на Черноморском, так и на Балтийском флотах

– провести сравнительные испытания» (решение императора № 3068 от 3 сентября 1836 г.) (29, 36).

Комиссию по испытанию этих пистолетов возглавил Командующий дивизией кораблей адмирал К.Н. Пилкин.

В приемном акте пистолетов (от 11 декабря 1837 г.) было зафиксировано:

«Оба пистолета (равного калибра) с ударными замками, предназначенные для Черноморского и Балтийского флотов, отвечают необходимым требованиям» (38).

По указанию Главного командира Кронштадтского военного порта была разработана специальная программа расширенных сравнительных испытаний, которые были проведены 25 августа 1838 г. Помимо пистолетов Вагнера,

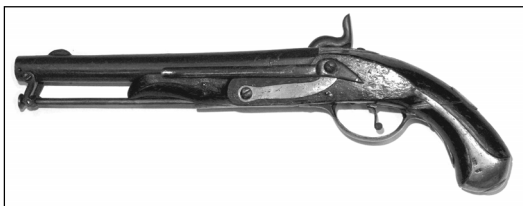

Рис. 9. Переделочный пистолет с капсюльным замком, облегченным курком и серьгой, 1837 г. (?), левая сторона. Из фондов ЦВММ

на испытания были представлены пистолеты с кремневыми замками, несколько различных образцов мушкетонов и пистолет 6-линейного калибра, ранее присланный из порта Николаев.

По итогам выполненных стрельб, 11 сентября 1838 г. состоялось Общее собрание офицеров Кронштадтского военного порта, которое признало:

«– Пистолет с капсюльным устройством, с приделанными шомполом и с крюком более удобен, чем остальные (30).

– У находящихся на вооружении флота пистолетов целесообразно переделать кремневые оружейные замки на капсюльные, иметь на этих пистолетах «не теряющиеся» шомполы и крюки для ношения пистолета в портупей.

– Отправить переделанный пистолет с капсюльным замком в качестве образца на Высочайшее рассмотрение» (31).

Артиллерийский департамент, проанализировав результаты стрельбы и итоги общего собрания офицеров Кронштадтского порта, принял решение: «Пока еще нельзя решиться на полную замену у стрелкового оружия кремневых на капсюльные замки. Следует дополнительно провести сравнительные испытания, в том числе, и на Черноморском флоте. Если результаты

выполненных испытаний на флотах совпадут, – тогда Артиллерийский департамент Морского министерства не будет возражать в переходе на капсюльные замки. Артиллерийский департамент считает, что итоги будущих испытаний следует также обсудить на Общем собрании офицеров Кронштадтского порта» (32).

В начале 1839 г. командование Кронштадтского порта дало команду: «У принятых от Сухопутного ведомства 200 ед. кавалерийских пистолетов заменить кремневые устройствами и приделать к пистолетам шомпола» (32).

В июне 1839 г. (при участии представителя Артиллерийского департамента штабс-капитана Ильина-2-го состоялся следующий этап испытаний).

Итоги испытаний подвела очередная комиссия под руководством контр-адмирала Папахристо.

«Пистолеты для Черноморского и Балтийского флотов должны быть одинаковыми,

– дополнительно к пистолетам необходимо принять подсумок для ношения его на поясе с правой стороны» (39).

Командир Арсенальной роты майор Никитин 1-й в своем рапорте от 27 сентября 1840 г. № 530 доложил в Артиллерийский департамент, что его оружейная мастерская переделала у 74, 5 пары пистолетов капсюльные замки, шомпола и крюки и передала их в Артиллерийские магазины (33).

Вскоре переделанные мастерами Арсенальной роты пистолеты были отправлены на корабль «Россия», для проведения очередных испытательных стрельб (34).

Санкт-петербургский оружейный мастер Бертран изготовил два пистолета (№ 1 и № 2) и передал их на ответственное хранение командиру 1-й роты капитану Максимову (37). Его пистолеты были нового образца с ударными замками, заряжались с казны, с медным прибором, с шомполами и с боковыми крюками (40).

Малый пистолет имел ствол (длина 200 мм, калибр 15 мм) с гладким каналом и граненым стволом. Казенная часть снабжена откидным устройством со спусковым механизмом. В казенник ствола вставлялась вкладная (медная) зарядная камера с затравочным стержнем.

Второй пистолет имел нарезной ствол (длина 269 мм, калибр 12 мм) с граненой поверхностью. Казенная часть ствола была снаб-

жена откидным устройством со спусковым стреляющим механизмом. Пистолет заряжался с казны патроном из железной гильзы и стрелял свинцовой пулей.

8 ноября 1840 г. на Общем собрании офицеров Кронштадтского порта был заслушан доклад командира корабля «Россия» «О результатах проведенных испытаний». В выводах докладной записки № 591 от 29 августа было указано, что «пистолеты с ударными замками лучше пистолетов с кремневыми замками, но “капсюльные машинки” зарекомендовали себя плохо» (33, 35).

Вскоре поступили сведения и из порта Николаев (Черноморского флота) «О результатах проведения испытаний пистолета конструкции петербургского мастера Бертрана».

В итоговом акте испытаний было обращено внимание на ряд конструктивных недоработок пистолета:

- в процессе стрельбы лопались пружины откидного рычага;
- крепежный винт казенника ствола оказался коротким (41).

Идея массовой замены у стрелкового оружия кремневых на капсюльные замки, несмотря на энергичную поддержку адмиралом М.П. Лазаревым, так и не получила широкого распространения. Все последующие ходатайства и обращения командования флотом в вышестоящие инстанции завершались стандартным ответом – «денег на переделку оружия пока нет!».

В августе 1843 г. мастер Бертран обратился в Артиллерийский департамент с просьбой разрешить ему присутствовать при проведении испытательных стрельб его пистолета на Кронштадтском полигоне. Разрешение было получено – его включили в состав приемной комиссии Балтийского флота. Испытания пистолета Бертрана провели в присутствии его разработчика. Ствол пистолета Бертрана имел нарезы, заряжался с казенной части металлическим патроном. В заключительном акте комиссии был сделан главный вывод: «Конструкцию пистолета мастера Бертрана признать полезной» (41).

В Артиллерийский департамент обратился с письмом капитан Корпуса морской артиллерии Ильин 2-й, который предложил включить в число образцов стрелкового оружия, подлежащих испытаниям на Черноморском флоте, и пистолет, изготовленный санкт-петербургским мастером Бертраном (51).

Поиск конструктивных решений переделки кремневых замков

стрелкового оружия на капсюльные происходил во многих европейских странах. Военное ведомство России следило за ходом экспериментальных работ в ведущих странах Европы. Так, корреспондент военного министерства в Париже полковник Глинка докладывал в Москву о ходе переделки стрелкового оружия с капсюльными замками во Франции.

В 1842 г. он прислал в военное ведомство России сообщение о принятии на вооружение французских войск новой модели ружья с ударно-капсюльным замком.

Французский способ переделки ружейных замков в ударный вариант был внимательно рассмотрен в военном министерстве России, одобрен, и 16 августа 1844 г. последовало указание «прислать к массовой переделке пехотных ружей».

В течение последующих нескольких лет были переделаны и все остальные образцы стрелкового оружия, состоящие на вооружении Российских войск: драгунские, казачьи, карабины, кавалерийские штуцера и пистолеты. Эта работа была произведена на Черноморском и Балтийском флотах (5). Изготовление оружия с кремневыми замками было прекращено.

Авторская модель пистолета (украшенный вариант) П.К. Гольтякова (22) (рис. 10)

Место и время изготовления: Тула, 1845 г.

Длина: 27,8 см

Материалы: Сталь, железо, латунь, серебро, ореховое дерево

Из фондов Гос. Эрмитажа. Инв. № З. О.175.

Ствол стальной длиной 151 мм калибра 13,0 мм с гладким каналом, дульного заряжания, с латунной мушкой и капсюльным устройством в казенной части. Ружейный замок капсюльный. Рукоять и укороченная ложа из орехового дерева. Ствол закреплен в ложе с помощью винта в хвостовике и ложевого кольца. Рукоять завершается металлическим набалдашником с боковыми «усами» по каждой стороне. На ру-

Рис. 10. Авторская модель пистолета П.К. Гольтякова, обр. 1845 г.

кояты закреплена пластина, наружная поверхность которой украшена вензелевым изображением российского императора (двуглавый орел и монограмма «Н I»). Металлическая оправа рукояти, ложевое кольцо и оружейный замок украшены резным и черненным растительным орнаментом.

Пистолет сохранился только в этом подарочном варианте.

Пистолеты конструкции Бертрана (конец 1840-х гг.)

После неудачных испытаний в мае 1846 г. пистолет конструкции Бертрана решением Артиллерийского департамента был передан в Кронштадтский арсенал. Однако мастер продолжал делать пистолеты в «подарочном» и «дуэльном» вариантах. Рассмотрим два из них.

Рис. 11. Пистолет конструкции Бертрана с зарядной камерой и затравочным стержнем

Пистолет № 1.

Место и время изготовления: Санкт-Петербург, конец 1840-х гг. (?).

Размеры: 36х 12 х 5 см

Масса – 1040 г

Материалы: Сталь, железо, ореховое дерево

Из фонда ВИМАИВиВС. Инв. № 39/262.

Пистолет № 2.

Канал ствола нарезной, казенного заряжания металлическим патроном со свинцовой пулей.

Место и время изготовления: Санкт-Петербург, конец 1840-х гг. (?).

Размеры: 41,3 х 12 х 5 см

Масса – 1105 г

Материалы: Сталь, железо, ореховое дерево

Из фонда ВИМАИВиВС. Инв. № 39/268.

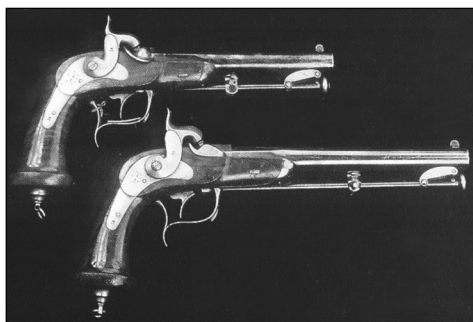
С 1848 г. начался выпуск солдатских пистолетов с капсюльными замками и гладкими каналами, а с 1849 г. стали производить и офицерские кавалерийские пистолеты с капсюльными замками (рис. 12, 13).

Рис. 12. Пистолет солдатский пехотный с капсюльным замком, обр. 1848 г., из фондов Тульского Государственного музея оружия (61)

Рис. 13. Пистолет офицерский кавалерийский с ударно-капсюльным замком (верхний), обр. 1849 г., из фондов Гос. Эрмитажа.

Пистолет пехотный офицерский с ударно-капсюльным замком (нижний), обр. 1849 г., из фондов Гос. Эрмитажа (21)

За вторую четверть XIX в. на Тульском оружейном заводе было переделано в капсюльные 27 632 пистолета. За это же время Сестрорецкий оружейный завод изготовил 571 капсюльный пистолет и переделал 29 315, а Ижевский завод переделал 7206 и изготовил капсюльных – 5043 ед. (61). К сожалению, принятые на вооружение новые пистолеты с капсюльными замками были распределены только между армейскими частями. Корабли флота довольствовались лишь переделочными вариантами пистолетов.

В 1857 г. управляющий морским министерством приказал начальнику Артиллерийского департамента выяснить возможность изготовления для нужд флота отечественного капсюльного пистолета, по аналогии с французской моделью 6-линейного калибра. В декабре 1857 г. Артиллерийский департамент представил Морскому министру французский капсюльный пистолет 6-линейного калибра и его русский аналог калибра 15,2 мм. В пояснительной записке сообщалось, что стоимость изготовления такого пистолета на отечественных заводах обойдется:

- на СОЗ – 5 руб. 64 коп.;
- на ТОЗ – 4 руб. 78 коп. (48).

Помимо абордажного пистолета этой модели для нижних чинов, предусматривалось создание такого же офицерского образца, у которого ложа (с рукоятью) изготавливалась не из березы, а из орехового дерева. Латунный прибор офицерского пистолета в этом случае должен золотиться.

В начале 1858 г. генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич отправил ходатайство Александру II с просьбой рассмотреть модель нового абордажного пистолета с капсюльным замком и выделить деньги на его изготовление. На документ император наложил резолюцию: «Высочайше разрешаю. 10 марта 1858 г.» (49).

На изготовление пистолетов морскому министерству было выделено 52 813 руб. 99 коп.

За подписью генерал-адмирала был направлен заказ на Ижевский завод на изготовление 8 тысяч пистолетов (с ореховыми ложами) в соответствии с «Высочайше Утвержденному и прилагаемому образцу. Стоимость каждого пистолета 4 руб. 78 коп. (с металлом из Горного ведомства) или 4 руб. 20 коп. (без металла из Горного ведомства)» (49).

21 июня 1859 г. 8 тыс. пистолетов были отправлены в Петербург с купцом 1-й гильдии Фронштейном под присмотром чиновника завода коллежского секретаря Николаи.

20 сентября 1859 г. генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич принял решение: «Утвердить чушку (кобуру) пистолета для фельдфебелей, боцманов и музыкантов».

Эти пистолеты после проверки дискомерами 12 февраля 1860 г. были приняты и переданы в артиллерийские магазины Петербурга (53).

Рассмотрим технические характеристики такого пистолета.

Пистолет флотский, абордажный с капсюльным замком. Образца 1858 г. (рис. 14)

В 1858 г. на Ижевском заводе были изготовлены и переданы на вооружение флота капсюльные гладкоствольные абордажные пистолеты. При их изготовлении за основу была взята модель кавалерийского пистолета с кремневым замком.

Сначала их отпускали на корабли по 25, а затем по 50 шт.

Место и время изготовления: Ижевский оружейный завод, 1858 г.

Размеры: 32,5 x 15 x 5,5 см

Масса – 980 г

Материалы: Сталь, латунь, железо, древесина

Из фондов ЦВММ. Инв. № 8282.

Ствол стальной (длина 171 мм), с гладким каналом (калибр 15,2 мм), цилиндрической формы с постепенным утолщением к казенной части. Наружная поверхность казенной части ствола пятигранного вида, со стальным фигурным приливом для затравочного стержня. Казенник завершается вертикальным пазом, в который входит стальная колодка хвостовика с прицельной планкой на верхнем ее гребне и с железной полоской (160 мм) для крепления ее шурупом к рукояти пистолета.

Рис. 14. Пистолет флотский с капсюльным замком, обр. 1858 г., левая сторона

Ствол, в районе дульного среза, имеет мушку (длина 7 мм и высота 3 мм), а на противоположной стороне размещены два стальных прилива с гнездами для крепежных винтов двухкольцевой подвески (диаметр 5 мм) шомпола. Шомпол стальной (длина 165 мм) переменного диаметра (от 7 мм) с тенденцией увеличения к дульному срезу (диаметр 13 мм). Ствол размещен в желобе ложи и закреплен у дульного конца латунным ложевым кольцом, которое имеет снизу гнездо для крепления заднего конца шомпола. Ложевое кольцо снизу имеет планку, которая крепится к ложе шурупом, совместно со скобой спускового крючка.

Ложа ореховая с продольным желобом и изогнутой на 90 градусов рукоятью. Наружная поверхность ложи покрашена бесцветным лаком. На торце рукояти литой бронзовый и золоченый набалдашник закреплен двумя шурупами. Рукоять пистолета снабжена поворотным кольцом для ремня.

На элементах пистолета нанесены клейма:
– на верхних гранях казенника выбит – по центру – двуглавый орел, год изготовления «1858 г.» (на правой) и заводской номер

«1785» (на левой). Здесь же выбиты клейма:

– мастеров изготовителей: «Г.Ф», «ИС», «ФО», номер «681» и «П»;

– на замочной доске: И—^О—З. ДИ.;
1858

– на каждом элементе прибора «МД» – и изображение эмблемы Ижевского завода – в виде лука со стрелой;

– на планке ложевого кольца – «ГФ», «А» и изображение эмблемы Ижевского завода в виде лука со стрелой.

Конструкция этого капсюльного флотского пистолета образца 1858 г. была запоздалой и устаревшей. На вооружении кораблей зарубежных флотов в это время уже находились пистолеты – «многозарядные», с нарезными каналами стволов. Многозарядное оружие уже находилось на вооружении русской армии и производилось на Тульском оружейном заводе.

-
1. Ляпин В.С., Щербаков Н.П. Оружие армии и военная промышленность России. 1799–1815 гг. М., 2002. С. 38, 54.
 2. Архив ВИМАИВиВС. Д. № 109. Оруж. отд. 1810 г.
 3. Гогель. Подробное наставление по использованию и сбережению пистолета. СПб., 1825. С. 18.
 4. Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. М., 1933. С. 153.
 5. Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX в. М., 1911. С. 26, 36.
 6. Больдт. Руководство для изучения военного ручного огнестрельного оружия. СПб., 1859. С. 31.
 7. Гогель. Подробное наставление о приготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия. СПб., 1826. С. 11.
 8. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 5/2. Д. 532. Л. 4–6, 9.
 9. Там же. Д. 153. Л. 1–4, 9, 32.
 10. Там же. Л. 32, 36, 47.
 11. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 46.
 12. История Сестрорецка и его окрестностей. Т. II. Сестрорецк, 2007. С. 79–81.
 13. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп 1. Д. 38; Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 91. Л. 11, 12 об.
 14. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп 1. Д. 577. Л. 19–21, 54, 77–79, 284.
 15. Там же. Л. 445–446, 448, 458, 459.
 16. Родзевич В. Историческое описание Санкт-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712–1912 г.). СПб., 1914. С. 439, 513.
 17. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп 1. Д. 1700. Л. 11, 13, 68–79, 269–273, 291.
 18. Там же. Д. 941. Л. 1–2.

19. Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие Русской армии конца XIV–XVIII в. Определитель. М., 1992. С. 158, 161, 163, 164.
20. Маковская Л.К., Горегляд П.В. Пистолеты русской армии первой половины XIX в. // Третий Царскосельский семинар 22–23 августа 2002 г. СПб., 2002. С. 9–11.
21. Файбисович В.М., Летин С.А. За веру и верность. Три века Российской гвардии. СПб., 2003. С. 14, 188.
22. Миллер Ю.А. Оружейное искусство Тулы XVIII–XIX веков в собрании Эрмитажа. СПб., 2005. С. 122.
23. РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–12.
24. Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 121. Л. 1, 12, 31–34.
25. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 413. Л. 14.
26. Сеселкина Л.М. Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Л., 1968. С. 26.
27. Военно-морской энциклопедический словарь. М., 2003. С. 415–416.
28. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1553. Л. 103–107.
29. Там же. Д. 1700. Л. 3.
30. Там же. Л. 13.
31. Там же. Л. 16.
32. Там же. Л. 28.
33. Там же. Л. 53.
34. Там же. Л. 40.
35. Там же. Л. 67.
36. Там же. Л. 17–20.
37. Там же. Л. 93.
38. Там же. Л. 86.
39. Там же. Л. 47.
40. Там же. Л. 184.
41. Там же. Л. 283.
42. Там же. Л. 220.
43. Там же. Л. 3.
44. Липицкий, полковник. Краткий каталог Кронштадтского Морского арсенала. 1889. С. 20.
45. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1700. Л. 223.
46. Там же. Л. 115.
47. Там же. Л. 271.
48. Там же. Л. 271.
49. Там же. Л. 5.
50. Commander W.E. May, R. Nand A.N. Kennard. Navalswords and firearms London; Her Majesty, s stationeryoffice. 1952. P. 10.
51. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 83. Л. 3–5.
52. Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 63. Л. 32.
53. Там же. Д. 2316. Л. 55.
54. Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие (краткий определитель). М., 1953. Л. 119.
55. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 56. Л. 8. 137.
56. Введенский Г.Э. Оружие. (Возникновение, эволюция, применение). СПб.; Калининград, 2005. С. 70.
57. РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1553. Л. 72–75.

К истории пистолетов abordажных партий кораблей Российского флота XIX века

58. Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 375. Л. 163–164.
59. W.E. May and A.N. Kennard. Naval swords and firearms. London. Her majesty stationery office. 1962. P. 10.
60. РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 4. Д. 433. Л. 27, 60.
61. Пинк И. Дульнозарядные пистолеты русской армии XVIII–XIX вв. // Оружие. 2003. № 8. С. 47–48.
62. РГА ВМФ. 1852 г. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1553. Л. 44.

Н. Ч. Таксами (Санкт-Петербург)

РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1914 г. группа молодых энтузиастов из Петрограда получила кредиты для проведения в течение полугода полевых исследований в 12 латиноамериканских странах. Первая мировая война разрушила все экспедиционные планы, невозможность вернуться в Петроград через запланированные полгода вынудила участников экспедиции подчиниться обстоятельствам: остаться в Южной Америке на полтора года без средств к существованию. Позднее один из них вовсе не вернется домой, работая во время войны на оборонном заводе США по поставкам обмундирования в Россию. Другой, попав на войну в самом ее конце, не вернется с фронта. В данной статье мы впервые вводим в научный оборот некоторые архивные материалы, в частности письма С.В. Геймана о работе во время Первой мировой в США на военном заводе.

Экспедиция в Южную Америку 1914–1915 гг. стала второй российской экспедицией в этот регион после известной всей мировой науке экспедиции Г.И. Лангсдорфа 1821–1828 гг. На очень небольшие средства, полученные от Этнографического и Зоологического музеев, лаборатории П.Ф. Лесгафта, других научных учреждений и от меценатов, участники экспедиции планировали вести свои исследования в течение полугода. В командировочном листе на имя Санкт-Петербургского градоначальника от 25 марта 1914 г.¹ список участников экспедиции выглядит так: «1) Генрих Генрихович Манизер, прослушавший курс Историко-Филологического Факультета Санкт-Петербургского университета, 2) Федор Артурович Фиельструп, студент Историко-Филологического Факультета Санкт-Петербургского университета, 3) Николай Парфениевич Танасийчук, студент Физико-Математического Фа-

культета Университета, 4) Сергей Вениаминович Гейман, мещанин г. Иркутска, 5) Иван Дмитриевич Стрельников, крестьянин...» На основании этого списка командированным были выданы командировочные паспорта и удостоверения на этнографическую работу в Аргентине, Парагвае и Боливии для сбора этнографических коллекций².

Позднее в исторической и этнографической литературе, посвященной изучению результатов экспедиции, состав ее участников обычно описывался так: Г.Г. Манизер, окончивший к тому времени естественное отделение университета, специалист по антропологии и этнографии, продолжавший свое обучение на филологическом факультете; его сокурсник Ф.А. Фиельструп; биологи – И.Д. Стрельников, ассистент лаборатории Лесгафта и Н.П. Танасийчук, студент естественного отделения; пятым был С.В. Гейман, студент бехтеревского Психоневрологического института, интересовавшийся этнографией и экономикой.

О начале Первой мировой войны участники экспедиции узнали случайно и даже не сразу поняли, что путь домой им временно закрыт. Пришлось выживать здесь, в чужих странах, в очень стесненных финансовых условиях. Эта вынужденная задержка дала возможность расширить круг исследований. Разделившись в начале на 2 группы, от одной из которых впоследствии отделился С.В. Гейман, путешественники объездили Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай, Боливию, Чили и Огненную Землю. Так, например, в отчете Г.Г. Манизера³, составленном по предложению П.В. Максимова, русского посла в Рио-де-Жанейро, отчете неполном, так как отсутствовали сведения от товарищей, находящихся в других странах, говорилось, что членами этнографической группы были изучены следующие племена: в Парагвае – чамакоко, в Матто Гросс – чикитано, киникинау, терено, кадиувео (кадуюе), шаванты, в штате Сан-Пауло – каинганги и гуарани. Таким образом, запланированная одна комплексная экспедиция сразу превратилась в три независимые друг от друга экспедиции по биологии, зоологии, лингвистике, этнографии и социологии.

24 января 1915 г. Штернбергу⁴ приходит письмо от Фиельструпа о дальнейших планах экспедиции и о путешествии на фрегате «Президент Сармиенто»⁵:

«С самого начала нашего путешествия в Южную Америку стали мы разбиваться на свои составные части, и каждая часть в сторону,

куда ее больше тянуло. Первыми отделились Танасийчук и Стрельников – натуралисты – и остались под Корумба в Матто-Гроссо, откуда они позже перебрались в Парагвай на Парану, близ известного здесь водопада Игуасу, где и по сей день находится Гейман, поехавший с нами к Кадиувео, дней через 10 пустился в обратный путь: походил по Парагваю, был в Уругвае, а теперь, недели три назад, отправился в Чили, откуда вернется месяца через два. Манизер и я остались жить у Кадиувеев больше двух месяцев, затем очень короткое время побыли с Tegenos и Chavantes, и наконец поселились среди Kainganges в штате Сан-Пауло. Собственно, поселился один Манизер, так как я по жребью должен был через несколько дней уже отправиться в обратный путь, в Буэнос-Айрес – кончался срок обратного билета, а нужно было спуститься по р. Парагваю и Паране, чтобы захватить по дороге оставленный в одном пункте багаж. Это мне по милости капитана не удалось, и я вот уже 4 недели сижу в Буэнос-Айресе и жду присылки его. По-видимому, мне его не дожидаться, и вот по какой причине.

Денег в нашей кассе теперь осталось очень немного, и один человек с ними сможет сделать больше, чем двое; особенно если этот один уже на месте, а второму надо опять тратиться, чтобы вернуться к нему в Сан-Пауло. Поэтому я весь остаток передаю Манизеру, а сам воспользуюсь предложением пр. Амброзетти, который все время был нашим верным другом и всюду, где может, сглаживает дорогу. Амброзетти, зная, что обратный путь в Россию нам заказан и что я нахожусь в очень неопределенном положении, доставил мне возможность совершить путешествие на Аргентинском военно-учебном судне “President Sarmiento”, в качестве командированного Музеем, этнографами, делать раскопки на Огненной Земле в Перу, заводить отношения с Музеями других республик – в общем, это скорее предлог, чтобы дать мне возможность не даром терять здесь время. Предположительный маршрут очень интересен: Ushuaia, Punte-Arenas, Talcahuano, Valparaiso, Callao (Lima, Aucon), Acapulco, San Fransisco (к выставке), Colon, Cartagena, Havana, Santo Domingo, Puerto Rico, La Guayra, Georgetown, Cayenne, затем через океан – в Африку – Sierra Leone, обратно Rio de Janeiro, Bahia Blanca, Buenos Aires. Уходим дней через 4-5. беру с собой как можно больше литературы – намерен полезно провести время. Путешествие будет длиться около года. Гроза к тому времени авось пронесется, и путь в Россию вновь будет открыт.

Мои товарищи, вероятно, попытаются вернуться домой месяца через 3-4; сомневаюсь, чтобы им это удалось.

О результатах нашей работы я пока точных сведений дать не могу. Первая часть коллекции, привезенная еще Гейманом, выставлена в Музее в Амброзетти в витринах, вторая часть, надеюсь всем сердцем, не потеряется по дороге и дойдет рано или поздно по назначению. С ней находится и мой каталог предметов, который позволит привести еще в порядок. Третья часть будет составлена из материалов, которые собирает в данный момент Манизер. (Кое-что хотел и Гейман привезти от Арауканов.) В общем, по разделении всего каждая коллекция окажется не очень большой, я думаю, – но об этом мы предоставим Вам судить.

После лесов Матто-Гроссо и пастухов с колоссальными револьверами за поясами, Буэнос-Айрес и аргентинцы показались мне гораздо симпатичнее, чем в первый приезд. Город огромных размеров несдерживаемый никакими природными границами, расплзся во все стороны и не успевает как следует обстраиваться в одном месте, протягивает свои цепкие лапы все дальше и дальше.

Сердечный привет Вашей супруге, Василию Васильевичу, всем Петри и остальным знакомым по Музею. Ваш Ф. Фиельструп»⁶. Еще через полгода, уже полный впечатлений и даже уставший от них, Фиельструп пишет еще одно письмо Штернбергу:

«Плавание мое близится к концу – в начале октября нового стиля я снова буду в Буэнос-Айресе и опять примусь за разрешение проблемы получения той части коллекции и багажа, что остались в Матто Гроссо, хотя время не терпит и нужно думать о возвращении в Россию. О своем положении относительно Университета и воинской службы я ничего положительно не знаю, но полагаю, конечно, что должен явиться, как? – об этом будет речь в Буэнос-Айресе.

Насколько помнится, я писал Вам последний раз из Callao. В Перу я посетил развалины двух городов времен инков: Кахамаркижа и Пачакамак и поработав там один и два дня добыл из до-инковских могил кое-что из керамики, да приобрел у местного крестьянина экземпляры текстильного производства того времени – хлопковая материя с несколькими орнаментами. Это самая богатая добыча за все путешествие. Боюсь, что результат моих трудов для Амброзетти слишком уж скромнен, а время, ушедшее на плавание, едва ли окупается пользой, извлеченной из него мной лично.

Много нового я увидел за эти месяцы и с многими городами

познакомился поверхностно, как можно познакомиться за 3-4 дня, но такой туризм мне не по вкусу, и завидую Манизеру, который несколько месяцев провел среди ботокудов тем временем (кажется, он Вам писал). Где Манизер сейчас находится, не знаю; может быть, встречу его в Рио-де-Жанейро через месяц.

Недавно был в Norfolk'e, в восьми часах пути от Washington D.C., но, увы, не смог посетить его, о чем очень жалею, т.к. это мог быть единственный удобный случай в моей жизни посетить U.S. National Museum.

В Гавана от директора маленького университетского музея, которого посетил "по долгу службы", слышал, в Вашингтоне в декабре предполагается съезд Американистов, отложенный с прошлого года. Будет ли кто-нибудь из Петрограда?

Судьба слегка улыбнулась мне в Калифорнии, дозволив осмотреть выставки Сан-Франциско и Сан-Диего. На последнем имеется антропологический отдел, обставленный д-ром Хердлычка; зовется "Science of Man". В комнате, посвященной народностям Земли, один стеклянный вращающийся альбом заполнен снимками индейцев Северной Америки и Сибирскими монголами, из которых часть была сделана в мое с ним путешествие в Ургу. Недавно имел от него письмо, в котором он говорит о предполагаемом им путешествии по Индии, Китаю и через Монголию к району уже посещенному нами, в поисках за тем же индейским типом.

Жизнь на судне течет монотонно. Я коротаю время за книгами. Монотонность печально прервалась на пару часов вчера, когда сорвался с реи матрос и погиб в море»⁷.

Поистине бесценные для науки дневники Ф.А. Фиельструпа сопровождаются коллекцией его собственноручных рисунков.

Новость о том, что началась война, заставила военнообязанного Г.Г. Манизера думать о срочном возвращении в Россию. В архиве Академии наук в Петербурге имеются следующие документы: «Откомандированный Музеем в Южную Америку Г.Г. Манизер – в Рио-де-Жанейро. Перевод в Русское Консульство 300 р. + 10 р. за перевод на возвращение в Россию, где ему предстоит отбывать воинскую повинность»⁸. «Получив извещение от командированного Музеем в Южную Америку Г.Г. Манизера, что он находится в Рио-Жанейро (Бразилия) и ждет денег для возвращения в Россию, где ему предстоит отбывать воинскую повинность, я, имея на расходы по возвращению г. Манизера специально пожертвованную сумму в

300 руб. и 10 руб. на перевод, прошу распоряжения Правления о переводе этой суммы по телеграфу через Кредитную Канцелярию, т.к. через частные банки подобные переводы теперь крайне убыточны. Адрес для перевода: Рио-Жанейро, Русской Консульство, Г.Г. Манизеру. Деньги были своевременно представлены в Правление. Директор»⁹.

Безусловно, все отечественные исследователи, изучавшие материалы этой экспедиции, упоминали о работе в ней С.В. Геймана и том значении, которое имеют для российской науки собранные им коллекции. До настоящего времени дневники Геймана не изучались подробно предыдущими поколениями исследователей-американцев, очевидно, по двум основным объективным причинам. Во-первых, по образованию С.В. Гейман не был, в отличие от своих соратников по экспедиции, ни филологом, ни этнографом. Его записи, записи экономиста-географа, а по современным меркам – социолога, не привлекали внимание ученых, изучавших традиционную культуру и язык аборигенного населения.

Второй, несомненно, основной причиной такого «невнимания» к его дневникам явилось то, что из экспедиции этой (1914–1915 гг.) Гейман так и не вернулся на родину. Но именно из дневников, прочитанных и расшифрованных нами, становится известно, что путешественник собирался вернуться в Россию, но не сразу. Желая использовать малейшую возможность путешествия по дальним странам, свой путь из Латинской Америки он намеревался проложить через Европу, остановиться в Париже по делам экспедиции. Думаем, уместно предположить, что через 2 года именно социалистическая революция на родине не дала ему вернуться.

«Дорогой Л.Я.! В счастливый день окончания своего путешествия по Чилийской Араукании и Аргентинской Огненной Земле – шлю Вам и Вашим сотрудникам душевный привет. Собранную коллекцию *araucan, onas* и *yaqanes* – везу с Buenos Aires для сохранения у D-га Ambrozetti, а сам думаю перекочевать, впредь до окончания войны, в Боливию, где предполагаю получить необходимые указания у Пазнанского и поселиться между каким-нибудь народцем.

Моих спутников – Стрельникова, Манизера и Танасийчука – не видел уже 8 месяцев, с Фиельструпом встретились в декабре в Buenos Aires'e после злополучной потери двух лодок с коллекциями и багажом в Rio Paraguaј.

В ожидании приятного ответа, Сергей Гейман»¹⁰.

После завершения экспедиции исследователь отправляется в США. Трудно сказать, что двигало им при принятии этого решения. Но к своему долгу собирателя коллекций он отнесся исключительно ответственно. В Музей в Петрограде переданы с помощью Ф.А. Фиельструпа и собранные Гейманом серебряные украшения араукан, оставленные временно у российского консула в Буэнос-Айресе, и все остальные коллекции.

В США Гейман работал в разных учреждениях и предприятиях. Так, в одном из своих писем Штернбергу он пишет, что всецело занят на амуниторном заводе по приемке снаряжения для России и может вернуться в Петроград не раньше, чем через полгода. Но в Россию он так и не вернулся.

Во время своего пребывания в Америке С.В. Гейман не оставляет идею вновь вернуться в Южную Америку и собрать новый материал для Музея антропологии и этнографии.

«Любезнейший Лев Яковлевич! Я писал вам из Нью-Йорка и спрашивал, как удобнее поступить, чтобы вывезти наши коллекции из Буэнос-Айреса. Если вы дадите свое согласие – я бы мог вытребовать их сюда, а затем переслать на русском пароходе в Архангельск по весьма низкому тарифу.

Затем, переслал ли Вам наш Консул в Буэнос-Айресе серебряные украшения из Араукании, оставленные мной у него еще в марте месяце прошедшего года? Я предполагаю, что Ф. Фиельструп и Г. Манисер уже возвратились в Петроград, но не могу им написать за незнанием их адресов.

Я теперь всецело занят на амуниторном заводе по приемке снаряжения для России и раньше чем через 6 мес. не смогу возвратиться в Петроград. Урывками штудирую этнографические коллекции в прекрасных Музеях Нью-Йорка, Бруклина, Вашингтона и Бостона. Думаю, что удастся съездить с этой же целью и в другие города, а может быть, и на Аризону, поближе к живой этнографии.

С английским языком – успехи очень быстрые, а потому я мечтаю послушать местных этнографов в Колумбийском Университете.

Проф. Анучин уведомил меня о пересылке дополнительного перевода денег для покупки антропологических коллекций в Боливии и Перу. Но денег я не получил и Дг. Амброзетти, вероятно, переслал их обратно в Москву... Буду очень рад получать от Вас ответы... Искренний привет Вашим сотрудникам. Преданный вам Сергей Вениаминович Гейман»¹¹.

«Дорогой Лев Яковлевич, – пишет он Штернбергу в следующем письме, – целый ряд благоприятных обстоятельств складывается у меня для того, чтобы совершить еще одну поездку в Южную Америку. На этот раз – в Колумбию и, частично, в Венесуэлу с единственной целью – этнографической.

Местный Музей по Этнографии и Географическое Общество проявляют полнейшую готовность всячески содействовать моей поездке, но под условием передачи им всех моих собраний этнографических предметов.

Я же предпочитаю передать американцам лишь дубликаты, а оригиналы вывезти в Россию – для наших музеев.

Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы Вы высказались, в какой степени Музей заинтересован в приобретении этнографических коллекций из Колумбии и Венесуэлы и из какого, предпочтительно, района.

Я надеюсь встретить у Вас не только одобрение, но и сочувствие, а потому буду заранее просить Вас выслать мне открытый лист Музея и, если возможно, некоторые технологические указания по сборке материалов в связи с этим районом.

Что касается денежных авансов – то это не обязательно с Вашей стороны, тем более, что я имею собственных средств до 3000 р., в Музее местные помогут в снаряжении. Со мной идет г. Фердинандов, он по профессии художник из нашей Академии, опытный путешественник и знает эти страны.

Через короткий срок я пришлю Вам полный наш маршрут, а пока – желательно договориться с Вами о существующей заинтересованности Музея в моих намерениях.

Разобрали ли мои собрания предметов из Ледессины (Чако Аргентины), Араукании и Огненной Земли? Вы, Лев Яковлевич, распорядитесь, впрочем так, как сами найдете более удобным.

Получали ли Вы мои письма с почтением от г-жи Бругинеской из Буэнос-Айреса? Ну, а пока, в ожидании ответа остаюсь всегда преданный Вам С.В. Гейман»¹².

Из приведенных нами писем видно, что, находясь так далеко от Петрограда, главным вопросом для путешественников был вопрос об их воинском долге, возможности вернуться и пойти на фронт. Будучи непризывным, Гейман, оказавшись в Америке, ищет и находит возможность работать на военном заводе, поставлявшем в Россию амуницию.

Значение этой экспедиции для российской и мировой науки велико: количество и качество собранных в ней материалов – предметов аборигенной культуры, ставших уникальными экспонатами для нескольких музеев мира, биологических образцов, дневников и работ филологической направленности – может поспорить с материалами любой другой крупной и профессиональной экспедиции в мире.

¹ СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). № 66. 515 л. Л. 325. 25.03.1914. № 166.

² Там же. Л. 287. 11/24.03.1914. № 124.

³ Там же. Оп. 1 до 1918. № 70. 156 л. Л. 144–147. К № 144. 20.02.1915. Rio de Janeiro – Бразилия.

⁴ Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) – профессор, ученый-этнограф, член-корр. АН СССР, зав. отделом в Музее антропологии и этнографии.

⁵ СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 70. 156 л. Л. 11–13. 24.01.1915.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 91–92. 24.08.1915. Amerique du Sud, c/o Consulate Imperiale de Russie, Buenos-Aires, Argentina.

⁸ СПбФА РАН. Ф. 2. Оп.1–915. Е.х. 8. 32 л. Л. 16. ИФО 20/V–1915. § 186.

⁹ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1918). № 69. 514 л. Л. 131. 20.05.1915. № 152. В ИФО ИАН.

¹⁰ Там же. Оп. 1 до 1918. № 70. 156 л. Л. 66. № 56. 15.04.1915. Punta Arenas, Chile.

¹¹ Там же. № 68. 145 л. Л. 34–34 об. 17.02.1916. № 28.

¹² Там же. Л. 131–132 об. 3.08.1916. № 132.

Е.В. Тихомирова (Москва)

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК АНТИКВАРНОГО ОРУЖИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Исследователи современного российского антикварного рынка оценивают 1990-е гг. как первый этап его развития в постсоветскую эпоху. Главной отличительной особенностью этого периода является легализация антикварного рынка¹. Среди всех видов антиквариата в последнюю очередь эти процессы затронули антикварное оружие. Настоящее сообщение посвящено краткому анализу первого начального этапа формирования отечественного оружейного антиквариата в 2000–2010 гг.

Характерной чертой первого десятилетия XXI в. является начало легализации оружейного антикварного рынка. Исследователи отмечали, что уже в 1990-е гг. на антикварном рынке стало появляться оружие из старых собраний, семейные реликвии из «генеральских запасов», «вбросы» старинного оружия, привезенного из Афганистана, отдельные европейские коллекционные образцы². Однако эти процессы нельзя назвать рынком, они сродни подпольной торговле оружием в советское время. Лишь начиная с 2001 г. старинное оружие стало открыто появляться в витринах антикварных магазинов. Это стало возможным благодаря позитивным изменениям в российском законодательстве и позиции министерства культуры. Напомним, что к этому времени законодательно было закреплено право российских граждан на коллекционирование оружия. Однако и в ныне действующем ФЗ «Об оружии» 1996 г. ни слова не говорится о таком понятии как «антикварное оружие». Вместе с тем, в Постановлении Правительства РФ 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ» имеется термин «оружие, имеющее культурную ценность». Для современного развития оружейного антиквариата чрезвычайно важным документом

стал ФЗ РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. и последующие за ним нормативно-правовые документы. Органом государственного регулирования вывоза и ввоза культурных ценностей являлся созданный Департамент по сохранению культурных ценностей министерства культуры РФ, с ноября 2008 г. – Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Россохранкультура). В 2001 г. был издан Приказ Минкультуры России № 844 «Об уточнении порядка оформления документации на право вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения с территории Российской Федерации», в котором утверждается перечень культурных ценностей, подпадающий под действие закона. В этом перечне имеется «художественно оформленное оружие». Так появилось ныне используемое понятие «оружие, имеющее культурную ценность». Введение в практику этого понятия и организация системы ввоза-вывоза культурных ценностей реально повлияли на легализацию торговли антикварным оружием.

Оружие, имеющее культурную ценность, стало появляться в магазинах сначала единичными экземплярами, среди прочего антиквариата. Затем начали организовываться специализированные оружейные антикварные галереи и салоны. Отмечу, что первой российской специализированной галереей по продаже антикварного оружия являлась московская галерея «Русские палаты», которая в 2001 г. получила лицензию на этот вид деятельности. Однако в феврале 2002 г. лицензирование антикварной торговли было отменено. Отмена лицензий отчасти способствовала тому, что антиквариатом заинтересовались более широкие круги предпринимателей. В 2010 г. только в Москве работает около 10 специализированных на антикварном оружии магазинов, множество антикварных салонов широкого профиля, в ассортименте которых представлен и оружейный антиквариат. Заметной тенденцией последних лет стало включение оружейного антиквариата в прејскуранты оружейных и охотничьих магазинов, торгующих современным оружием. И наконец, с 2008 г. большое распространение получила продажа оружейного антиквариата через интернет-магазины.

С 2003 г. старинное оружие было впервые представлено на крупнейшей антикварной торговой площадке – Российском антикварном салоне (Москва). Важным вкладом в пропаганду традиций

оружейного коллекционирования явилось проведение на XVII Российском антикварном салоне в 2005 г. некоммерческого проекта «Частные коллекции оружия в дореволюционной России» из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи³. С 2007 г. в Москве ежегодно проходит специальная выставка «Традиция. Военный антиквариат». В результате накопленного опыта утвердилась практика экспонирования антикварного оружия, что способствовало его участию не только на специализированных, но и многих художественных, охотничьих, оружейных выставках.

Еще одна форма продажи антиквариата – это аукционы. Первый отечественный аукцион по продаже антиквариата проводил аукционный дом «Альфа-арт» в Москве в 1992 г., но впервые антикварное оружие было выставлено на продажу только в 2003 г. аукционным домом «Гелос»⁴. Тогда пара бельгийских дуэльных капсюльных пистолетов середины XIX в., заявленных к продаже, были сняты с торгов по требованию МВД для проведения экспертизы. Эта ситуация остро обозначила пробел российского законодательства в отношении правового статуса антикварного оружия, что вызвало широкое общественное обсуждение. Возможно, именно этот инцидент способствовал тому, что в настоящее время на рынке сложилась устойчивая практика. Она заключается в том, что между МВД РФ и Минкультуры РФ в лице Росохранкультуры существует, по меткому определению Е.Д. Шелковниковой, «джентльменское соглашение», по которому регистрация антикварного оружия и его коллекционирование осуществляет Федеральная служба Росохранкультура, а МВД на основании ФЗ «Об оружии» соответственно осуществляет контроль за его оборотом⁵.

Сложно привести количественные показатели находящегося в обороте оружейного антиквариата. За три года деятельности Росохранкультуры с 2008 по март 2011 гг. только в центральном аппарате в Москве официально зарегистрировано около 7000 предметов оружия. Эти цифры, безусловно, не отражают действительность в полном объеме и касаются только предметов, прошедших официальную регистрацию и признанных культурной ценностью. Кроме того, с учетом данных территориальных управлений Росохранкультуры, находящихся в разных городах, количественные показатели могут быть значительно увеличены. Все же надо

подчеркнуть, что на фоне других видов антиквариата оружейный рынок достаточно узок.

Пополнение коллекционного материала на оружейном рынке осуществляется разными путями. Сохранившиеся от советского периода коллекции или отдельные предметы – это малая часть рынка, причем количество сохранившегося оружия значительно уступало другим видам антиквариата. Коллекционеры никогда не забывали, что оружие относилось к особо опасному коллекционному материалу. С приходом нового поколения собирателей достаточно быстро закончилось перераспределение старых коллекций. Имеющиеся на руках у советских граждан отдельные экземпляры антикварного оружия или семейные реликвии не могли удовлетворить возникший спрос на старинное оружие. С самого начала активизации оружейного рынка основным источником поступления коллекционных предметов стал ввоз оружия из-за рубежа. Поэтому очень важным актом стало внесение с начала 2004 г. поправок в Таможенный кодекс. Они предусматривали отмену 30 % таможенного сбора на товар стоимостью свыше 200 долларов и беспошлинный ввоз для физических лиц культурных ценностей, в том числе антиквариата⁶. Однако до настоящего дня в деятельности таможенных служб с наибольшей наглядностью проявляется размытость правовых норм касательно антикварного оружия.

Оружие, представленное на современном антикварном рынке, ориентировано на запросы и коллекционеров, и собирателей оружия и просто любителей старины. Вполне по понятным причинам произведения музейного уровня встречаются редко. Среди них на российский рынок попадали уникальные памятники и неординарные предметы высокого качества. Причем тенденция такова, что в последние годы эта группа антикварного оружия практически исчезла из оборота. Эти памятники уже попали в коллекции, и даже прошедшие кризисные годы не вывели их на российский рынок. Отметим, что такое оружие продается, как правило, определенному кругу покупателей в закрытом режиме. Стоимость его высока, от нескольких десятков до сотен тысяч долларов. Та же тенденция прослеживается и с оружейным антиквариатом среднего уровня, хотя он все же доступен. Среди этой группы наиболее распространено привозное европейское холодное и огнестрельное оружие XIX – начала XX вв. К этой же категории можно отнести и холодное оружие советского периода, которое регулярно стало появляться на

рынке, тем более, что определение антиквариата для холодного оружия в 50 лет расширяет его рамки. В нашей стране получило распространение коллекционирование такой особой группы, как холодное оружие Третьего рейха. Для собирателей же советского оружия периода Великой Отечественной войны приходится учитывать, что в нашей стране нет закона, регулирующего деятельность поисковых объединений, которые в основном и поставляют эти предметы на рынок.

К сожалению, надо констатировать, что наиболее распространенным явлением на современном оружейном рынке является так называемая «сборка» предмета, часто с добавлением новодельных деталей, а также «усиление» предмета с нанесением надписей, знаков, клейм. Причем, существует великое множество вариантов подобного создания «антиквариата», и уровень изготовления таких подделок совершенствуется год от года. Как ни странно, подобные предметы находят своего покупателя не только среди несведущих собирателей. Они приобретаются либо для интерьеров, либо в качестве оригинального подарка, либо используются в клубе исторической реконструкции. Именно эта категория предметов влияет на общий показатель качественного уровня оружейного антиквариата. В итоге сегодня он имеет не самую лучшую репутацию, что в свою очередь останавливает многих начинающих собирателей.

За прошедшие десять лет сформировались все категории участников оружейного антикварного рынка. Они те же, что в дореволюционной России, когда антикварный рынок был наиболее полноценен. Владельцами антикварного оружия в начале XXI в. становятся люди с достаточными финансовыми средствами. Многие рассматривали антиквариат, в том числе оружейный, с точки зрения выгодного вложения средств. Существовало устойчивое мнение, что инвестиции в антиквариат фантастически прибыльны, где доходность вложений обеспечивает 100 % годовых. Когда оружейный антиквариат только появился в продаже, это было новым явлением, его приобретение стало особенно «модным» и престижным. От прежних коллекционеров советского времени новых собирателей отличало то, что они не имели необходимых для коллекционирования знаний, среди них было подавляющее большинство дилетантов и они покупали все подряд. Прошедшее десятилетие несколько изменило ситуацию. Прежде всего, владельцы полу-

чили возможность собирать информацию о своих приобретениях. Неоднократно отмечалось, что повышенный общественный интерес к историко-оружиеведческим знаниям, и в том числе возросший спрос на рынке антикварного оружия, стимулировал появление с конца 1990-х гг. большого количества тематических книг, альбомов, определителей, справочников, каталогов, специализированных оружейных журналов. Отметим, что значительное место в этом процессе занимало специализированное издательство «Атлант», которое в течение 10 лет на достойном уровне осуществляло публикации, иллюстрирующие широкий диапазон и высокий уровень современных российских исследовательских разработок. Все это обусловило тот факт, что, помимо собирателей оружия, которые по сути остались инвесторами, появились коллекционеры. На наш взгляд, их отличает главное – понимание историко-культурного значения антикварного оружия. Как правило, коллекционеры являются хорошими знатоками и формируют свои собрания осмысленно, выделяя определенную тематику, изучают накопленный опыт работы с историческими памятниками, стремятся к контактам с профессиональными исследователями и музеями. Отметим, что сегодня в практике многих музеев есть удачно осуществленные совместно с коллекционерами оружия выставочные и издательские программы. Еще несколько лет назад при выставочном показе или публикации антикварных предметов было принято анонимное указание – «из частной коллекции». Первым коллекционером, кто открыто назвал свое имя при демонстрации собственной коллекции на выставке в Музеях Московского Кремля в 2002 г. и позднее подготовил на ее базе обширное издание, стал Д.А. Федурин. Сегодня имена коллекционеров оружия все чаще становятся известными не только в узком кругу, но и среди общественности.

Однако подобных коллекционеров оружия мало. Сегодня среди новых собирателей антиквариата, в том числе оружия, одной из наиболее распространенных фигур является человек, который собирает предметы с целью приобщения к аристократической практике коллекционирования, к умению разбираться в искусстве и истории. Для них антиквариат имеет эстетическое значение, старинные предметы призваны украшать быт, а основным фактором является стилистическое соответствие коллекции общему интерьеру или элементам декора квартиры. Собиратели оружия очень

любят воспроизводить настенные оружейные композиции, соорудить «оружейные» залы. Для таких владельцев важна и подлинность вещи. Поэтому в их собраниях можно встретить рядом с серийными предметами редкие, уникальные образцы.

Наконец необходимо сказать еще об одной категории людей, которая в настоящее время активно фигурирует на антикварном оружейном рынке. Их нельзя отнести к коллекционерам или собирателям оружия. Они покупают старинное оружие в качестве подарка. Это стало модным явлением, и эта практика получила столь широкое распространение, что сравнительно недорогой «подарочный» оружейный антиквариат стал очень востребованным на современном рынке.

Общее число владельцев антикварного оружия в России постоянно растет, что стимулирует развитие антикварного рынка. Хотя надо отметить, что точного количества коллекционеров антикварного оружия назвать сегодня невозможно. Например, в 2005 г. Е.Д. Шелковникова приводит данные МВД и Минкультуры России, по которым на тот момент официально насчитывалось более 560 коллекционеров. В их собраниях имелось порядка 6660 единиц оружия, в том числе антикварного⁷. В 2010 г., по данным МВД, уже насчитывалось около 800 человек, в коллекции которых находилось около 10 000 единиц оружия, в том числе антикварного. Только в Москве зарегистрировано 30 частных коллекционеров оружия. Однако если рассматривать только антикварное оружие, включенное в состав гражданского и служебного оружия, цифры становятся очень условными. По-прежнему далеко не все коллекционеры и собиратели оружия стремятся себя легализовать. Основная масса владельцев оружейных собраний не ставит целью общественное признание своих приобретений. По нашим наблюдениям, в последние два года количество коллекционеров старинного оружия не увеличивается. Сегодня для владельцев актуальной становится «чистка» коллекций, которые были собраны в первые годы активизации рынка. Коллекционеры пытаются разобраться с материалом в зависимости от сформировавшихся пристрастий или сложившихся обстоятельств.

Наиболее распространенной фигурой современного антикварного рынка является дилер. Профессиональные дилеры часто совмещают интерес с собирательской деятельностью, они ищут предметы в нашей стране и за рубежом, закупают их, перепродают, они

хорошо осведомлены во всех вопросах антикварного рынка. От их активной деятельности во многом зависит оборот коллекционного материала. Именно эта категория участников рынка оказывает значительное влияние на формирование ценообразования антикварного оружия. Некоторые дилеры работают непосредственно с коллекционерами и выступают как консультанты, играя важную роль в процессе формирования коллекции. Консультант составляет коллекции, сам находит предметы, представляет владельцу смету расходов, осуществляет связь с экспертом, зачастую он же выполняет оформление интерьеров предметами оружия.

Еще один участник антикварного рынка – это эксперт. В начале 2008 г. Федеральная служба Росохранкультура в рамках исполнения закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей» провела аттестацию экспертов по различным специальностям, в том числе по оружию. В это же время из уставов государственных музеев была выведена экспертиза как вид музейной деятельности. Помимо вопросов ввоза-вывоза культурных ценностей, Росохранкультура не оставила без внимания внутренний антикварный рынок, в обороте которого также находятся культурные ценности. Некоторые области антиквариата сопротивляются вмешательству или регулированию их деятельности государственной структурой. Другая ситуация просматривается относительно оружейного антиквариата. При традиционном обязательном регулировании государством оборота оружия Росохранкультура оказалась той госструктурой, которая явилась альтернативой силовым структурам, в частности, органам внутренних дел, действующим в рамках ФЗ «Об оружии». Росохранкультура проводит политику сохранения оружия, имеющего значение для истории и культуры, то есть оружия, имеющего культурную ценность. Росохранкультура распространила практику экспертной работы и на внутренний оружейный рынок. Сегодня письменная экспертиза должна сопровождать каждый предмет оружия, находящийся в обороте антикварного и современного художественного рынка. Таким образом, институту экспертизы отводится важное место. В определенном смысле эксперты выполняют задачу выявления и исследования оружейных памятников, находящихся в немужейном фонде.

Вместе с тем, надо констатировать, что экспертная деятельность в сфере антиквариата не имеет необходимого нормативного и методологического обеспечения. Отметим, что лишь в сфере

вывоза культурных ценностей имеется Постановление Правительства РФ от 27. 04. 2001 г. № 322 «Положение о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей». В Положении определяется порядок проведения экспертизы и рассматривается содержание экспертного заключения⁸. Отметим, что нормативные документы не дают четких указаний, какого вида должно быть экспертное заключение. Поэтому некоторые эксперты оружия используют «искусствоведческую экспертизу» по аналогии с судебно-следственной практикой. На наш взгляд, в антикварном оружии более правильным было бы использовать понятие – «историко-культурная и искусствоведческая экспертиза», которое значительно более полно отражает проводимую экспертом работу.

Недоработанность нормативной базы в области антиквариата особенно остро ощущает эксперт оружия. В отличие от экспертов других областей антиквариата, он выполняет две задачи: 1. Проводит исследование предмета и дает его атрибуцию. 2. Обосновывает признание исследуемого предмета оружием, имеющим культурную ценность. Это признание выводит предмет и, соответственно, владельца из-под действия Закона «Об оружии». В данном контексте экспертное заключение на оружие, имеющее культурную ценность, является не только историческим, оружейведческим и искусствоведческим исследованием памятника. Экспертиза становится неким юридическим документом. В сегодняшней практике нет однозначной правовой оценки этой двусмысленной ситуации. В таких условиях особое значение в деятельности эксперта приобретает морально-этическая ответственность, обостряются такие понятия, как профессионализм, объективность, независимость эксперта, достоверность информации.

В 2009 г. для экспертов оружия были приняты за основу научно-методические рекомендации, разработанные в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи научными сотрудниками музея А.Н. Кулинским и Л.К. Маковской⁹. Они касаются методики описания и атрибуции образцов холодного, некоторых видов ручного метательного оружия, штыков, ручного огнестрельного оружия. Особая актуальность этих рекомендаций заключается и в том, что большинство ныне действующих экспертов не имеют опыта работы с большими коллекциями подлинных памятников и основываются на практике работы только в достаточно специфической антикварной сфере. Эти научно-методические

рекомендации, обобщая бесценный опыт музейных работников в жанре классического вещеведения, дают точные ориентиры в работе с оружейными памятниками.

Вторая часть экспертного заключения касается выводов о признании или не признании предмета культурной ценностью. Здесь эксперты вынуждены руководствоваться формальными определениями. Например, если предмет оружия относится к антиквариату, то он автоматически признается оружием, имеющим культурную ценность. Но такая мотивация не имеет никакого юридического обоснования. С одной стороны, эксперты оружия, как и эксперты других областей, должны применять определение «антиквариата», имеющееся в Указе Президента РФ от 30 мая 1994 г. № 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей». В этом Указе «под антиквариатом понимаются культурные ценности, созданные более 50 лет назад». Но 8 августа 2001 г. был принят ФЗ № 128 «О лицензировании отдельных видов деятельности», который признал утратившим силу упомянутый выше Указ № 1108. С другой стороны, в законодательных документах отсутствует и определение понятия «оружие, имеющее культурную ценность». Дискуссия о необходимости введения этого понятия и его расшифровки в Закон «Об оружии» ведется с 2003 г., а аттестованные в 2008 г. эксперты поставлены в условия отсутствия юридических обоснований основных, базовых понятий. Они вынуждены опять руководствоваться «джентльменским соглашением» между Минкультуры и МВД России. Существующая договоренность, которая учитывает действующее отечественное законодательство и международный опыт, к антикварному оружию в общих чертах относит: огнестрельное гладкоствольное и нарезное дульнозарядное и казнозарядное оружие с фитильной, колесцовой, кремневой, капсюльной и иной системой воспламенения заряда, изготовленное до 1891 г., а также основные части такого огнестрельного оружия; метательное, пневматическое и холодное оружие, изготовленное более 50 лет назад, а также изготовленные до 1947 г. штыки и штык-ножи к огнестрельному оружию.

Институт экспертизы находится в начальной стадии своего формирования. На наш взгляд, для дальнейшего его развития существенную роль может сыграть профессиональное объединение

экспертов оружия и военного антиквариата. Сегодня многие принципиальные вопросы каждый эксперт рассматривает и решает по-разному. Например, правомерно ли отнести к антикварному оружию или оружию, имеющему культурную ценность, предмет, недавно собранный из подлинных деталей? Каков объем возможных для такого определения новодельных деталей оружия? Как классифицировать подлинный клинок, а иногда и весь предмет оружия, «усиленный» новодельными надписями, клеймами, изображениями? Есть ли необходимость указывать в экспертизе обоснования эксперта о новодалах или ограничиваться констатацией факта? Это одни из многочисленных вопросов, которые могли бы быть обсуждены на совместных встречах, конференциях, семинарах. Выработка единых принципов и методов экспертной работы может послужить началом формирования профессионального института экспертизы в области оружейного антиквариата.

Подводя итог краткого сообщения, подчеркнем, что современный рынок антикварного оружия, развиваясь вслед общему антикварному движению, проходит начальный этап своего развития, в основе которого лежат процессы легализации этого вида деятельности. В первое десятилетие XXI в. происходило формирование, структурирование современного рынка антикварного оружия, накопление коллекционного материала, появление новых коллекционеров и собирателей оружия, складывание профессионального дилерского круга, зарождение института экспертизы оружия. Дальнейшему движению рынка будет способствовать законодательное решение комплекса проблем, связанных с оборотом антикварного оружия. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что необычайно быстрый темп развития современного оружейного рынка, неугасающий интерес собирателей оружия и его продавцов, накопление профессионального опыта являются реальными показателями устойчивости традиций коллекционирования оружия в России.

¹ Назаревская Н.О. Антикварный рынок в России XVIII–XX вв. М., 2006. С. 98, 140.

² Комаров И.А. Российский рынок оружия // Магnum. Март – апрель. 1999. С. 54.

³ Кулинский А.Н. Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М., 2005.

⁴ Назаревская Н.О. Указ. соч. С. 99.

⁵ Шелковникова Е.Д. Правовой статус частных коллекционеров антикварного оружия... тогда и теперь // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. Июль – август, 2005. С. 84.

⁶ Таможенный кодекс РФ, принятый Гос. Думой 25.04.2003 г. и одобренный Советом Федерации 14.05.2003 г., ст. 282 п. 5, гласит: «В отношении культурных ценностей, ввозимых физическими лицами, предоставляется полное освобождение от уплаты таможенных пошлин, налогов при условии их письменного декларирования, а также специальной регистрации, предусмотренной законодательством Российской Федерации о вывозе и ввозе культурных ценностей».

⁷ Шелковникова Е.Д. Указ. соч. С. 83.

⁸ Пункт 16 данного Постановления гласит: «Экспертное заключение (в письменной форме) выносится на основе всестороннего анализа культурных ценностей с определением их подлинности, авторства, наименования, места и времени создания, материала и техники исполнения, с фиксацией размеров (веса), отличительных особенностей, состояния сохранности... Экспертное заключение должно содержать обоснованные выводы относительно возможности или невозможности вывоза или временного вывоза представленных культурных ценностей с территории РФ и предложения по их оценке, основанные на их рыночной стоимости».

⁹ Кулинский А.Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. СПб., 2007; Маковская Л.К. Методические рекомендации. Исследование и описание образцов ручного огнестрельного оружия русской армии конца XIV – первой половины XIX вв. СПб., 2007.

А.Н. Толкацкий (Красноярск)

ОРУЖИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДАХ КАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Первый археологический предмет, поступивший в Канский краеведческий музей (КанКМ) – это наконечник стрелы (КанКМ инв. № 1002), с этого момента (1913) начинается история комплектования его фондов. Сейчас археологическая коллекция музея составляет более 1000 единиц хранения, среди которых 134 являются предметами вооружения. Целью настоящей работы является введение в научный оборот и описание оружия эпохи средневековья, хранящегося в МУК «Канский краеведческий музей».

Вооружение средневекового населения Канско-Рыбинской котловины, хранящееся в фондах, весьма разнообразно и представлено оружием дистанционного и ближнего боя. Ниже приводится подробное описание предметов, с указанием (где это возможно) места находки. Описание составлено согласно методике, предложенной Ю.С. Худяковым (Худяков, 1980; Худяков, 1991; Худяков, 1997; Худяков, 2004), В.С. Николаевым (Николаев, 2004) и А.И. Соловьевым (Соловьев, 1987).

Оружие дистанционного боя представлено наконечниками стрел (39 экз.), они изготовлены из железа и относятся к отделу черешковых, встречаются плоские и округлые черешки (рис. 1).

По сечению пера среди них выделены четыре группы.

Группа I. Трехлопастные. По форме пера подразделяются на три типа

Тип 1. Овально-крылатые. Включает четыре экземпляра, место обнаружения которых не указано. Длина пера 5 см, ширина пера 4 см, длина черешка 5 см.

Тип 2. Удлиненно-шестиугольные. Включает семь экземпляров. КанКМ инв. № 1023 был обнаружен И.И. Зыковым при копке ям

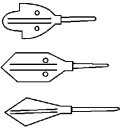
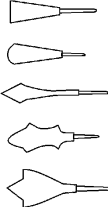
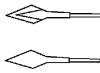

Тип/группа	Рисунок	Кол-во	Где найдено
Гр.1. Трехлопастные 1) Овально-крылатые 2) Удлиненно-шестиугольные 3) Асимметрично-ромбические		4 7 3	2 экз. - Амонаш, дачи в районе Канска (Зыков И.И.). Остальные - неизвестно
Гр.2. Плоские 1) Томары 2) Секторные 3) Боеголовковые 4) Овально-ступенчатые 5) Удлиненно-грушевидные		2 6 1 1 2	3 экз. - дачи по Московскому тракту, песочница по ул. 40 лет Октября, Филимоново. Остальные - неизвестно
Гр.3. Четырехгранные 1) Удлиненно-ромбические 2) Асимметрично-ромбические		3 10	3 экз. - Амонаш, окрестности Канска (дачный поселок "Гавань", ул. 40 лет Октября) Остальные - неизвестно
Гр.4. Трехгранные 1) Удлиненно-треугольные		3	—

Рис. 1. Типология средневековых наконечников стрел Канского краеведческого музея (по Ю.С. Худякову)

под столбы в черте Канска, а КанКМ инв. № 1023/1 передан из с. Амонаш Канского района. Длина пера 5 см, ширина пера 2 см, длина черешка 5 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, пологими плечиками. Лопастни пера узкие или широкие. В нижней трети лопастей имеются округлые отверстия.

Наконечники подобной формы были распространены во многих культурах кочевников степной Евразии в эпоху раннего средневековья. У древних тюрков они были самыми многочисленными (Худяков, 1986).

Тип 3. Ассиметрично-ромбические. Включает три экземпляра, место обнаружения не указано. Длина пера 4 см, ширина пера 1 см, длина черешка 4 см. Наконечник с тупоугольным острием и пологими плечиками. Подобные наконечники известны по культурам раннесредневековых кочевников, в том числе тюрков Саяно-Алтая

и Монголии. В большей степени характерны для кимаков и кыргызов (Худяков, 1986).

Группа II. Плоские. По форме пера делятся на пять типов

Тип 1. Томары. Включает два экземпляра, место обнаружения которых не указано. Длина пера 5 см, ширина пера 3,5 см, длина черешка 5 см. Наконечники имеют тупое острие и пологие плечики.

Изделия подобной формы были характерны для кочевников Центральной Азии эпохи развитого средневековья. В памятниках древних тюрок встречаются в Минусинской котловине (Худяков, 1980).

Тип 2. Секторные. Включают шесть экземпляров, место обнаружения указано для КанКМ инв. № 4488/16 (с. Филимоново Канского района). Длина пера 5 см, ширина пера 3 см, длина черешка 5 см. Наконечники с округлым острием, пологими плечиками и упором.

Тип 3. Боеголовковые. Включает один экземпляр (КанКМ инв. № 4487/7), обнаруженный в черте Канска, по ул. 40 лет Октября. Длина пера 5 см, ширина пера 1,5 см, длина черешка 3 см. Наконечник с остроугольным острием, прямыми плечиками, удлиненной шейкой, упором.

Тип 4. Овально-ступенчатые. Включает один экземпляр (КанКМ инв. № 4488/20), обнаруженный на Московском тракте, в черте Канска. Длина пера – 5,5 см, ширина пера – 2,9 см, длина черешка 1,8 см. Наконечник с овальным острием, вогнутыми сторонами, покатыми плечиками, короткой шейкой, упором, сечением пера в виде высокого ромба и сечением черешка в виде квадрата.

Тип 5. Удлиненно-грушевидные. Включает два экземпляра. Длина пера 7,6 см, ширина пера 4,3 см, длина черешка 3,0 см. Наконечник с треугольным острием, пологими плечиками, короткой шейкой, упором.

Группа III. Четырехгранные. По форме пера делятся на два типа

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает три экземпляра. Длина пера 6 см, ширина пера 1 см, длина черешка 3 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, упором.

Тип 2. Ассиметрично-ромбические. Включает десять экземпляров, для трех (КанКМ инв. № 2118, 3691, 2926) указано место обнаружения: дачный поселок «Гавань» и ул. 40 лет Октября в черте Канска, с. Амонаш. Длина пера 6 см, ширина пера 1 см, длина

черешка 1 см. Наконечник с остроугольным острием, пологими плечиками, упором.

Груша IV. Трехгранные

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает три экземпляра. Длина пера 3 см, ширина пера 1 см, длина черешка 2 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками.

Оружие ближнего боя представлено кинжалом, ножами, теслами и наконечниками копий.

Кинжал (1 экз.) – ланцетовидный, с прямыми плечиками и черешковой подпрямоугольной рукоятью, на лезвии имеется продольный валик. Место обнаружения не указано.

Ножи и тесла, по мнению ряда исследователей (Ю.С. Худяков, А.И. Соловьев), могли носить универсальный характер и быть использованы как для бытовых, так и для военных нужд (в ближнем бою).

Ножи (2 экз.) – черешковые, с обушковым и лезвийным уступами, прямым, двулезвийным клинком, прямым насадом. У КанКМ инв. № 4488/25 сломан клинок. Нож КанКМ инв. № 4488/25 обнаружен в черте Канска, при копке ямы под столб, местным жителем И.И. Зыковым.

Тесла (3 экз.) – втульчатые. Одно прямое, плоское, с сомкнутой втулкой, узким лезвием, ширина лезвия и ширина втулки равновелики (КанКМ инв. № 4488/26), два плоских, трапецевидных, с несомкнутой втулкой и узким лезвием, ширина лезвия больше ширины несомкнутой втулки (КанКМ инв. № 4488/27, 4488/28).

Наконечники копий (3 экз.) – два втульчатых с ланцетовидным и ромбическим пером (КанКМ инв. № 1211 и 4488/24), один черешковый с ассиметрично-ромбическим пером (КанКМ инв. № 2926). Один наконечник найден на Комаровских порогах реки Кан, место обнаружения остальных неизвестно.

Таким образом, представленные предметы имеют широкий круг аналогии в средневековых материалах Сибири. Известны они на территории Западной Сибири у носителей сросткинской культуры, в Забайкалье (Бухусан, Тунка), в Прибайкалье (острова Сосновый и Лесной) (Соловьев, 1987, с. 51). Аналогичные наконечники стрел и предметы конского снаряжения отмечены и в комплексах Канского района, в погребении у д. Анжевка (Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов) (Савельев, Свинин, 1978, с. 136–137), на стоянках Харлово, Волково, острове Ржавый

(Генералов, 1991, с. 11–14). Эти материалы указывают на широкое, преимущественно тюркское, влияние. Материалы музея, несомненно, представляют научную ценность. Дальнейшая работа с ними, возможно, позволит расширить современные представления о сложных этнокультурных процессах, протекавших на территории Канской лесостепи в эпоху средневековья.

-
1. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980.
 2. Он же. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991.
 3. Он же. Вооружение кочевников южной Сибири и центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997.
 4. Он же. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.
 5. Николаев В.С. Погребальные комплексы юга Средней Сибири в XII–XIV вв. Владивосток; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004.
 6. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). Новосибирск: Наука, 1987.
 7. Генералов А.Г. Отчет о полевых археологических работах в Канском районе Красноярского края в 1991 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 20115.
 8. Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кан // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1978. С. 135–149.

КанКМ инв.№ – Канский краеведческий музей, инвентарный номер.
МУК – муниципальное учреждение культуры.

О.Г. Ульянов (Москва)

**ОРУЖЕЙНАЯ ШКОЛА МОСКВЫ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА
(По данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов)⁴**

Временное отсутствие в годы Смуты, а, по мнению некоторых исследователей, даже упразднение вплоть до 1647 г. должности царского оружничего², привело к образованию «лакуны» в документальных данных по составу Государевой оружейной казны за этот период. Вместе с тем, стабилизация политического положения Российского государства с воцарением династии Романовых привела к положительным изменениям в области государственного контроля и учета. 2 мая (по ст. ст.) 1613 г. Михаил Федорович Романов вошел в Москву и уже 13 сентября (по ст. ст.) он поручил, будучи облеченным царским саном, свою Государеву оружейную казну окольниковому и кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову. Сохранились сведения о составлении в 1614 г. первой описи этой казны подьячим Оружейного приказа Афанасием Ивановичем Копыловым³. Однако подлинник этой описи, равно как и книги «переписи оружейной казне и Серебряной палате» 1630 г. (в 12 тетрадях), составленной дьяком Герасимом Мартемьяновым, ныне утрачены.

Наиболее ранней из сохранившихся описей в столбцах первой половины XVII в. Оружейной палаты является «Список оружейной казны царя Михаила Федоровича» 1639 г.⁴ Опись Оружейной палаты 1639 г. составлялась при окольнике Василии Ивановиче Стрешневе, одновременно возглавлявшем Серебряный, Золотой, Иконный приказ и Приказ новой чети. Причиной для составления описи могла послужить смена руководства Оружейной палаты в 1639 г., когда на место В.И. Стрешнева был поставлен боярин князь Борис Александрович Репнин. Но более веским фактором явилась, вероятнее всего, война с крымскими татарами 1637 г., по случаю которой был издан пакет царских указов и грамот о сборе

даточных людей, ратных принадлежностей и о высылке на службу дворян к 1 мая 1638 г.

Согласно указу царя Михаила Федоровича, «велено на Москве и в городах, у митрополитов, и у архиепископов, и в монастырях, ратную сбрую, латы, зеркала, пансыри, бехтерцы, шелома, шапки, мисюрки, шишаки, наручи, переписатьи..., а указал Государь ту ратную сбрую для воинского дела взяти на время»⁵. К этому указу

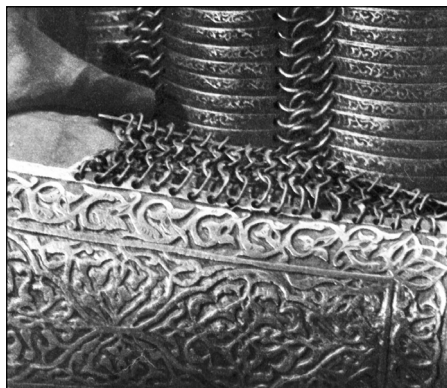

Рис. 1. Наручи и бахтерец царя Михаила Федоровича. Россия, Москва, Оружейная палата, 1620 г. Мастер – Конон Михайлов. ОП 4564

тяготеет составление в 1641 г. перечневой описи оружейной казны Троице-Сергиевой лавры, которая не только дает наглядное представление о монастырском арсенале, но и проливает свет на работу троичских оружейников XVII в., фиксируя их инструментарий и инвентарь кузниц⁶. Столь же подробная опись с первым упоминанием монастырской «оружейничей полатки» была создана несколько ранее, в 1635 г., в Кирилло-Белозерском монастыре⁷.

С 1614 г., когда при новой царской династии Романовых была произведена первая опись Оружейной палаты, ее собрание существенно пополнилось. Характерно, что подьячий А.И. Копылов, участвовавший в проведении описи 1614 г., фигурирует и в числе составителей описи 1639 г. наряду с думным дворянином Федором Лодыгиным и дьяком Александром Дуровым⁸. В промежутках между описями и ревизиями Государевой оружейной казны именно А.И. Копылов вел постоянные записи о выдаче и приемке оружия наподобие тех, что встречаются и в тексте описи 1639 г.: «отданы в Приказ Большой Дворцовый 1627 году», «взяты Иноземново двора во 1629 году»⁹.

К вящему сожалению, опись 1639 г. сохранилась до наших дней лишь частично, на 13 листах. В ней нашло упоминание преимущественно ударное и древковое оружие, а также отчасти огнестрельное, в числе которого единственная из названных русская пицаль

мастера Тимофея Лученинова. Тем не менее, большим достоинством описи 1639 г. является подробная характеристика образцов

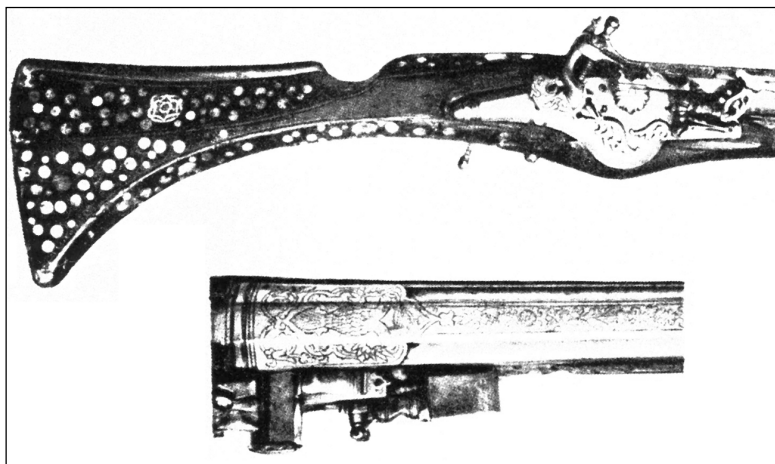

Рис. 2. Пищаль. Мастер – Тимофей Лученинов. Ок. 1634 г. Длина – 1450 мм, длина ствола – 1085 мм, калибр – 18 мм. ОП 7467

парадного оружия с упоминанием имен мастеров или хотя бы указанием на школу («московского дела»), что позволяет проводить идентификацию с конкретными памятниками из современного собрания Оружейной палаты. Очевидно, такую же задачу видели перед собой исследователи в XIX в., ибо на полях текста описи 1639 г. напротив некоторых предметов поставлены пометы и сноски на более поздние описи Оружейной палаты, как нам представляется, с целью создания сквозной нумерации. Эту цель, в частности, преследовал Л.П. Яковлев, которому принадлежит авторство 3 томов по оружию в известной «Описи Оружейной палаты» 1884–1893 гг.

Ряд специалистов как дореволюционных, так и прошлого столетия¹⁰ считал возможным ставить вслед за описью Оружейной палаты 1639 г. т.н. «Опись знамен и всякой оружейной казны царя Михаила Федоровича» 1642–1643 гг.¹¹ Однако еще скрупулезный историк Оружейной палаты Ю.В. Арсеньев отмечал, что эта опись (черновая) «царской Оружейной казны и разной рухляди, находящихся в Оружейной палате» лишь ошибочно была датирована 1643 г., а на самом деле она относится к самому началу царствования

Алексея Михайловича¹². Достаточно сравнить архивный документ (Д. 3226) с публикацией Ю.В. Арсеньева, при которой был опущен перечень знамен и перепись различных сырьевых материалов, чтобы убедиться, что речь идет именно о черновой описи с ошибочной датировкой 1643 г., а не о перечневой росписи Оружейной казны 1647 г., как это полагала, например, М.Н. Ларченко¹³.

Против датировки 1643 г. свидетельствуют несколько фрагментов из самого текста этой черновой описи, где упоминается книга «чюдеса чудотворца в лицах», которой «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всяя Руси челом ударил думной дьяк», а также шапка железная, которой в феврале 1646 г. «пожаловал Государь стольника Богдана Матвеевича Хитрово». Данные факты делают более вероятным предположение Ю.В. Арсеньева. Наконец, окончательно разрешить сомнения помогает следующая по времени перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г.¹⁴ В этой описи имеются ссылки только на «прежние переписные книги Федора Лодыгина» 1639–1640 гг., а что «сверх переписных иного сыскано в Государевой казне», то было «во 1640 и 1641 гг. зделано в Оружейном приказе», вследствие чего и не нашло упоминания в описи 1639 г.¹⁵

Весомым аргументом в пользу датировки черновой описи не ранее 1646 г. может служить сама мотивация составления описей Государевой оружейной казны, связанная, как правило, с изменениями в руководстве Оружейной палатой. Нам уже приходилось отмечать аналогичный фактор относительно описи 1639 г. В апреле 1643 г. боярин и оружничий князь Б.А. Репнин был отправлен в Астрахань по вестям об измене ногайских татар¹⁶. В его отсутствие при дворе часть обязанностей оружничего исполнял думный дворянин Григорий Гаврилович Пушкин (Косой)¹⁷. Будучи стольником, он состоял в товарищах при оружничем Б.А. Репнине и наблюдал, в частности, за возобновлением стенового письма в Успенском соборе в 1643–1644 гг.¹⁸. Когда в результате дворцовых интриг Б.А. Репнин во время отсутствия был очернен перед царем, ему стала готовиться замена и наиболее подходящей кандидатурой на должность оружничего оказался Г.Г. Пушкин. После участия последнего в полномочном посольстве в Швецию он был пожалован 15 августа 1646 г. в бояре, а 30 января 1647 г. уже пожалован званием оружничего. Таким образом, проведение подготовительных работ по составлению черновой описи можно отнести к концу 1646 г.

Текст этой описи написан разными почерками и сохранился

Рис. 3. Шлем царевича Ивана Ивановича 1557 г. Диаметр – 18,3 см. Вес – 697,5 г. ОР - 9

Рис. 4. Шлем царя Михаила Федоровича. Россия, Москва, Оружейная палата, 1621 г. Мастер – Никита Давыдов. Диаметр – 22,0 см. Вес – 3285,0 г. ОП 4411 (ОР - 119)

фрагментарно на 27 листах, некогда склеенных в один столбец. Вверху на первом листе имеется помета «8 лист», что указывает на то, что начало самой описи утрачено. Судя по упоминаниям прежних переписных книг 1639 г., а также имени подъячего Афанасия Копылова, он принимал участие и на этот раз в новой переписи Государевой Оружейной казны, на время проведения которой указывает наиболее поздняя дата из упомянутых в тексте – 19 февраля 1646 г.¹⁹

В черновом варианте 1646 г. преимущественно описан «доспех», в т.ч. вооружение «большого наряда», и приводится перепись различных материалов, применяемых в производстве парадного холодного оружия. Одними из первых названы шлем царевича Ивана Ивановича 1557 г. и «шишак московской Микитина дела Давыдова», благодаря подробной характеристике которого легко распознать знаменитый булатный шлем 1621 г. царя Михаила Федоровича (ОП 4411). Отдельным пунктом выделена «рознь разной збруи», в числе которой описаны «девятнадцать шоломов, двенадцать шапок железных калмыцких, бахтерчишко ржавой с наколенками, перед латной, баторлычишко, пятеры наручи худые, двои наколенки, зарукавья пансырные, збираны с монастырей», и впоследствии «та вся сбруя отдана в Чюдов монастырь». По всей видимости, это и есть та самая «ратная сбруя», которая была собрана в Оружейную палату по уже упомянутому нами Государеву указу 1637 г.

Черновая роспись 1646 г. дает наглядное представление о топографии

оружейной казны на Государевом дворе. По мере значимости названы Оружейная палата, «где большого наряду казна», Оружейный приказ, Задняя палата, где и хранилась «рознь разной збури с монастырей», Палата, «что подле Оружейного приказа», в которой находилось «всякое мелкое ржавое худое железо» и, наконец, Набережны палаты, где было размещено «шестнадцать прутов целых железа свитцкого, тридцать девять обломков железа свитцкого ж», то есть сырье для железообрабатывающего ремесла.

Заслуживает внимания определенное сходство как отдельных фрагментов, так и самой структуры текста между черновой описью 1646 г. и перечневой росписью Оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г. Но наряду со сходством прослеживается и некоторое различие, причем по весьма значимым деталям. Царские «шеломы» в описи 1646 г. охарактеризованы по предметно, а их достаточно подробное описание расположено в самом начале текста на Л. 1 (с верхней пометой «8 лист»). В то же время в росписи 1647 г. парадные «шапки ерихонские» названы совокупно и лишь на Л. 23. Если в описи 1646 г. несколько книг, в т.ч. «книга ратного строю», записаны в целом в Оружейный приказ, то в росписи 1647 г. их местонахождение уточняется: «в казенной болшой полате». Новым пунктом, отсутствующим в описи 1646 г., является неоднократно появляющаяся запись в росписи 1647 г.: «да по росписи Офанасия Копылова в деле у мастеров».

Из всех существенных расхождений следует остановиться на упоминании в росписи 1647 г. «верхних новых палат», которые никак не фигурируют в черновой описи 1646 г. Исследователи обходили вниманием эту деталь, а между тем здесь содержится важное для истории Оружейной палаты указание. Дело в том, что в архивных источниках под 1646 г. указаны работы каменных дел

Рис. 5. Шлем царя Михаила Федоровича. Россия, Москва, Оружейная палата, 1621 г. Мастер – Никита Давыдов.

подмастерьев Филата Шарутина и Бажена Огурцова у дворцовых каменных палат;²⁰ по всей видимости, это и есть те самые «верхние новые палаты» Оружейной палаты, поскольку иных в Кремле в ближайшие годы не строилось.

Опись 1647 г. носит полное название «Роспись перечневая, Государевой, царевой и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Оружейной всякой казне, что в Оружейном приказе, в Большой Казенной и в иных палатах» и насчитывает 83 листа²¹. Она сохранилась почти полностью и даже с черновым вариантом, где встречается отдельное упоминание «в Оружейном же приказе в Государевой казне сверх переписных книг оружия и разной збури что принято в Оружейный приказ по уговору боярина князя Бориса Александровича Репнина со 1639 и по нынешний 1647 год у иноземцев и что прислано ис приказов»²². Кроме датировки описи, мы находим здесь и прямое свидетельство об одном из главных участников переписи Оружейной палаты. В самом тексте описи 1647 г. содержится более точная дата: «155 году февраля 6».

Перечневая роспись 1647 г., в особенности ее раздел, посвященный оружию «большого наряда» и парадному вооружению в целом, неоднократно использовалась Л.П. Яковлевым при составлении рукописного экземпляра «Описи Оружейной палаты» в 1862–1865 гг.²³ Он же ссылался на нее в своей неопубликованной работе, посвященной истории Оружейной палаты²⁴. Несколько позднее Ю.В. Арсеньев дважды обращался в своих исследованиях к этому уникальному источнику. В прошлом веке опись 1647 г. стала объектом пристального изучения М.Н. Ларченко, которая дала этому документу исчерпывающую характеристику, правда, допустив неточность при публикации в ссылке на материал РГАДА (она ошибочно указала Ед. хр. 3594 вместо Ед. хр. 3593)²⁵.

Ценность перечневой описи состоит не только в том, что в ней приводится точный количественный состав оружейной казны, хранившейся на момент переписи в Московском Кремле, но и дается соотношение привозного и изготовлявшегося в России вооружения; кроме того, оружие систематизировано по типам с указанием их конструктивных особенностей в терминологии XVII века (последним особенно отличается черновой вариант). Все оружие распределено в описи по двум большим разделам: 1) парадное оружие, в т. ч. вооружение «большого наряда», и 2) строевое оружие, служившее для снабжения армии Русского государства, почему и весь этот раздел озаглавлен «всякого расхожего ружья и ратной

зброи». Как первый, так и второй разделы начинаются с описи клинкового оружия, что не может не отражать приоритетность этой категории вооружения по состоянию на середину XVII столетия. Правда, в описи 1647 г. в большинстве случаев отсутствуют развернутые описания каждого предмета парадного оружия, однако проведена классификация памятников по характерным чертам отделки, материалу и соответствующей ценности. Данная особенность присуща в основном переписи холодного оружия и доспеха, в то время как огнестрельное оружие сгруппировано по происхождению с главным акцентом на конструкции.

Большая часть огнестрельного оружия, описанного в первом разделе, была выполнена русскими оружейниками (53 экземпляра из 94 всего), причем две пищали «московского дела» оказались пневматическими («стреляли дулом без пороху»). Как показали подсчеты М.Н. Ларченко, в разделе «росхожего ружья» значительное число карабинов (1288 экз. или 37 %) и мушкетов (4586 экз. или 49 %) было также оснащено замками «русского дела»²⁶, хранившимися в кремлевском арсенале, где особо упомянуты «76 замков русского дела московских и городовых». Такая точность конструктивных характеристик, присущая перечневой росписи 1647 г., позволила установить, что подавляющее большинство карабинов и пистолетов в хранилищах Оружейной палаты середины XVII в. было снабжено колесцовыми замками, изобретенными еще в начале XVI в. в Нюрнберге. Тот факт, что из отмеченных в 1647 г. 3492 карабинов на 1288 экз. были зафиксированы русские колесцовые замки, ставит под сомнение точку зрения некоторых исследователей (М.М. Денисова, Н.В. Гордеева, С.А. Зыбина и ряда других), что в России на огнестрельном оружии колесцовые замки не получили широкого распространения. Подобного взгляда также придерживались Н.И. Соболев и В.А. Ермолов, посвятившие специальное исследование огнестрельному привозному оружию XVI–XVII вв. в собрании Оружейной палаты. По их мнению, колесцовый замок совершенно не встречается в работах русских мастеров, и даже мастера Московского Оружейного приказа, без сомнения, знакомые с этим видом замка по многочисленным привозам московскому двору ружей и пистолетов с колесцовым замком, не считали нужным повторять его в своих работах²⁷.

Перечневая роспись 1647 г. позволяет прийти к достоверному

заклучению о хорошо налаженном производстве оружия в России и, таким образом, развенчать господствовавшие некогда воззрения о слаборазвитом характере собственного оружейного дела и преобладании на Руси привозного оружия, в особенности огнестрельного, чем отличалась чаще всего дореволюционная историография. Показательным в этой связи выступает уточнение оружейной терминологии по описи 1647 г., в черновом варианте которой содержится заметка, что «в 148 и в 149 годах [1640 и 1641 гг. – соответственно. – *Прим. авт.*] зделано в Оружейном приказе ко ржавым полосам 45 сабел на полское и на русское дело», то есть составители описи подразумевали под национальной атрибуцией прежде всего определенный тип сабли. Это наблюдение хорошо коррелируется с конкретным указанием чернового варианта перечневой росписи 1647 г. на то, что в Московской Оружейной палате русские мастера производили окончательную монтировку холодного оружия с использованием привозных клинков: «... сего

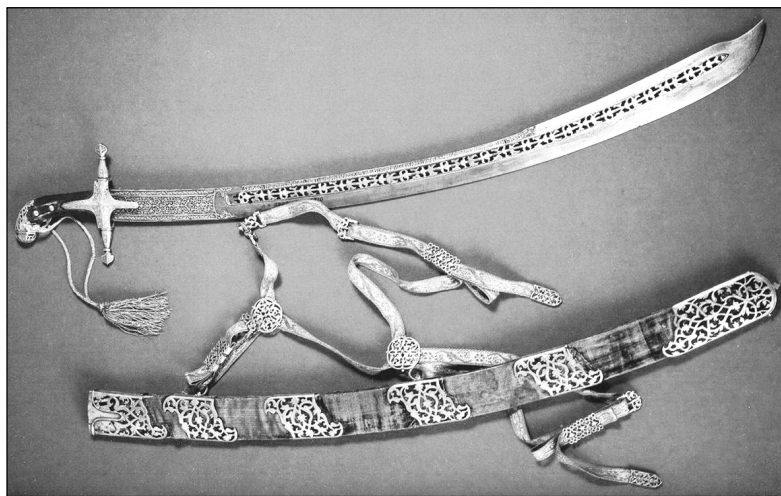

Рис. 6. Сабля царя Михаила Федоровича. Россия, Москва, Оружейная палата, 1618 г. Мастер – Илья Просвиг. Длина общая – 106,2 см; длина клинка – 93,2 см. Вес – 1,48 кг. ОП 6210. Надпись на клинке об изготовлении сабли в 5-й год правления Михаила Федоровича по приказу кравчего и оружничего Михаила Салтыкова

Оружейного приказа сабельных придельщиков Екима Федорова да Бажена Романова да в долге на них же на Екиме и на Важене что даны переделывать ножны 200 шпаг немецких» (ср. в чистовом варианте: «да по росписи Офанасия Копылова в деле у мастеров 50 шпаг русского дела да 200 шпаг немецких»²⁸).

Наконец, в описи 1647 г. содержится прямой ответ на оставшийся долгое время дискуссионным вопрос о собственном производстве булатного оружия в России. В хранилище Большой казенной палаты перечислено уникальное сырье для изготовления наиболее ценимого оружия из булатной стали: «булату 80 криц половинчатых да 23 прута нутых, теникору полпуда, куплен в кизылбашех для булатной сварки [sic! – *Прим. авт.*], заку пуд 14 гривенок, куплен в кизылбашех для булатного припуска, заку старово плохово»²⁹. Примечательно, что это сырье хранилось именно в Большой казенной палате, предназначенной исключительно для парадного оружия и прежде всего для Государева оружия «большого наряда».

Благодаря перечневой росписи 1647 г. можно составить точное представление о топографии оружейной казны в многочисленных хранилищах Оружейной палаты на Государевом дворе в Московском Кремле. В Передней палате в Оружейном приказе и в Рудознатной палате находилось все необходимое для производства огнестрельного оружия на месте: «замки карабинные.., стволы мушкетные.., замки мушкетные.., 532 замка русское дело новые, 76 замков русского дела порченые.., раковины и рога волов»; кроме того, в Рудознатной палате помечена «кадь колчеданов насыпных»³⁰. Материалы, которые могли служить не только для изготовления огнестрельного оружия, но и для монтировки, починки и украшения холодного оружия и доспеха, такие, как раковины, рога волов, «дерева станощные кленовые и березовые», краски, «железо немецкое прутовое и дощатое», размещались в непосредственном соседстве с Передней и Рудознатной палатами под церковью Сретения и в Поваренной палате. Вместе с тем неподалеку от последних в Набережных палатах хранилось преимущественно строевое оборонительное и холодное вооружение, на что указывает как черновой вариант: «в набережных палатах набросано 35 полос сабельных руссково коваля гладких», так и чистовой, где перечислены шпаги немецкие, латы, шапки латные с носами, «щиты худые, ржавые», «25 огнив сабельных русского дела да 110 огнив сабельных же литовского дела»³¹. Те же категории оружия (шпаги, а также «19 шлемов и другие доспехи в кадке» – ср. с данными описи 1646 г.)

названы в хранилище Задней «особной» палаты, «что бывала канительная, что подле Оружейново приказа».

Черновой вариант описи 1647 г. включает сноску о пушке полковой на колесах, что внесена из Задней палаты в Набережные «для того что попорчена»³². Учитывая упомянутые здесь же «зерцалишка худые с протасанами», которые «сверх переписных книг сысканы в Набережных палатах под лавкой», можно сделать вывод, что наиболее древним хранилищем Оружейной палаты, где размещалось и, вероятно, некогда производилось традиционное строевое вооружение, служили Набережные палаты³³, которые к середине XVII в. утратили свое лидирующее положение и стали использоваться под складирование оружия, требующего починки. Пальма первенства перешла к Верхним новым палатам, куда после завершения их строительства в 1647 г. было передано на хранение все лучшее новое и отремонтированное вооружение, в т. ч. парадное оружие младшего командного состава полков нового строя: «протазаны и алебарды с набережных палат внесены в верхние палаты»³⁴.

Таким образом, перечневая роспись оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г. выступает одним из наиболее ценных и комплексных источников по истории Оружейной палаты, дающим всестороннее освещение ее функционирования в первой половине XVII столетия. Вместе с тем, на основе настоящей описи стали составляться все последующие описи Оружейной палаты, для которых перечневая роспись 1647 г. послужила наглядным образцом. В этой связи следует отметить определенную закономерность, которой отличалось ведение делопроизводства в дворцовых приказах, когда наиболее обстоятельная и полная из ранних описей признавалась образцовой, а ее ядро и структура в неизменном виде переходили во все последующие документы. Такая особенность была присуща, например, описи царской казны на Казенном дворе 1640 г., на что обратил в свое время внимание А.В. Викторов³⁵. В следующей по времени описи Большому Государеву наряду в Государевой Большой казне 1642 г. имеется прямое указание на использование описи 1640 г. в качестве образца: «роспись Государеву Большому наряду, за приписью дьяка Назарья Чистого из приказа Государевы Большие казны в приказ Казенного двора, при казначее при Павле Ивановиче Волынском, да при дьяках при Григории Панкратьеве да при Алмазе Ивановом в прошлом во 148 году [1640 г. – *Прим. авт.*] прислана, и с той росписи писано в сей книге слово в слово»³⁶.

Опись царской казны на Казенном дворе 1640 г. содержит ряд ценных сведений о находящемся на этом дворе царском оружии «большого наряда», парадных булавах, саблях и даже снаряжении царских телохранителей – рынд³⁷. Подобным образом целая группа архивных материалов, казалось бы, впрямую не касающихся кремлевский оружейной казны, таких, как документы столбцов первого разряда первой половины XVII в., Расходные книги денежной казне Казенного приказа, Расходные книги по отпуску товаров и вещей на Государев обиход, Приходные и Расходные книги денежной казне и золоту за первую половину XVII в.³⁸, существенно дополняют «лакону» в оружейных росписях этого времени и дают довольно развернутые описания работ кремлевских оружейников.

Непосредственный участник всех описей Государевой оружейной казны первой половины XVII в. подъячий Афанасий Копылов осуществлял постоянный учет всем новым поступлениям, а также расходам, благодаря чему можно проследить колебания в количественном составе дворцового арсенала в течение указанного периода. В немалой степени преемственность делопроизводства по оружейной казне обязана стабильному контролю А. Копылова, чье имя как дьяка Оружейного приказа встречается еще в документах 1653 г.

¹ О московской оружейной школе в предшествующий период см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 351–366.

² Арсеньев Ю.В. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче: Материал, извлеченный из архива Оружейной палаты. СПб., 1903. С. 5; Ларченко М.Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича. 1647 г. // Археографический ежегодник 1971 г. М., 1972. С. 179.

³ Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII в. М., 1904. С. 3.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Т. I. Ч. 3. Ед. хр. 2948.

⁵ Русская историческая библиотека. Т. II. СПб. 1875. С. 672. № 168.

⁶ Голубинский Е.Е. Троице-Сергиева Лавра. М., 1892. С. 221; Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 15–16.

⁷ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря // МИА. № 77. М., 1958. С. 197.

⁸ К истории древностей Оружейной палаты. Опись (черновая) Оружейной казны и разной рухляди, находящихся в Оружейной палате по прежним книгам и переписным тетрадям подъячего Афанасия Копылова. 1629 г. / Сообщил Ю.В. Арсеньев. М., 1902. С. 6.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Ед. хр. 2948. Л. 3, 9.

¹⁰ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до

нашего времени (рукопись). Ок. 1863 г. Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 18; Ларченко М.Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича. 1647 г. С. 173.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3226.

¹² К истории древностей Оружейной палаты. Опись (черновая) Оружейной казны и разной рухляди, находящихся в Оружейной палате по прежним книгам и переписным тетрадям подъячего Афанасия Копылова. 1629 г. / Сообщил Ю.В. Арсеньев. С. 3.

¹³ Ларченко М.Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича. 1647 г. С. 181.

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Ед. хр. 3593.

¹⁵ Там же. Л. 51 (здесь и далее сохраняется орфография первоисточника).

¹⁶ РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера, портфель 46. Д. 8. Л. 13–14 об.

¹⁷ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ок. 1863 г. Ч. 1. Л. 27.

¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 944. Л. 8, 11.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 3226. Л.1, 4.

²⁰ Там же. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3332.

²¹ Там же. Ч. 4. Ед. хр. 3593.

²² Там же. Л. 76.

²³ АМК. Ф. 1. Д. 33.

²⁴ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ок. 1863 г. Ч. 1. Л. 29–30.

²⁵ Ларченко М.Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича. 1647 г. С. 173–181.

²⁶ Ор. с. С. 178.

²⁷ Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 419.

²⁸ РГАДА. Ф. 396. Ед. хр. 3593. Л. 77, 97.

²⁹ Там же. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 39, 41, 45.

³¹ Там же. Л. 37, 43–45, 50.

³² Там же. Л. 65.

³³ См. подробнее: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 352–353.

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Ед. хр. 3593. Л. 65.

³⁵ Виктор А.В. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725: В 2 вып. Вып. 1. М., 1877. С. 14.

³⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 6.

³⁷ Там же. Л. 298, 382.

³⁸ Там же. Ед. хр. 65, 142, 148, 159, 199, 200, 203–205 и др.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

**НИКОЛАЙ II И РОССИЙСКИЙ ФЛОТ
(1906–1917). НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
СТРАНИЦЫ (Опыт ретроспективного
исследования личности на базе исторических
и архивных источников)**

На фоне относительно большого числа публикаций по вопросу оценки деятельности Николая II как императора, которые претендовали и претендуют на полноту знаний, есть лишь единичные труды, посвященные императору как руководителю военно-морского флота России.

Поскольку автору не удалось обнаружить в открытой печати дневниковых записей императора за период 1907–1913 гг., необходимо восстановить событийный ряд – как же строил Николай II свою работу по развитию флота России?

Еще не будучи императором, 19 декабря 1894 г. Николай Александрович обсуждает сооружение морской крепости в Либаве с главным начальником флота и морского ведомства. Эта тема найдет свое продолжение в дальнейшем в дневниковых записях императора. Каждый понедельник он принимает доклад генерал-адмирала, как он пишет, «дяди Алексея» (дядя Алексей – сын Александра II, главный начальник флота и морского ведомства в 1880–1905 гг., и адмирала Н.М. Чихачева, до 1896 г. управляющего Морским министерством. Так, в дневнике за 1905 г. мы читаем:

«30 мая. Понедельник. Сегодня после долгого доклада дядя Алексей объявил, что он желает уйти теперь же. Ввиду серьезности доводов, высказанных им, я согласился. Больно и тяжело за него, бедного!»¹

В управлении военно-морским флотом император опирался на уже сложившуюся систему взаимоотношений с ведомствами посредством общения с их руководителями, которых он же и назначал. Это в первую очередь были начальник Морского министерства и начальник Морского Генерального штаба (МГШ). Ряд изменений был внесен после Русско-японской войны – с учетом существенных недостатков, которые были выявлены как в техническом оснащении флота, так и в обучении личного состава, боевой учебе. Так, император вводит должность морского министра – с такими же правами, как и у других руководителей государственных ведомств.

Морским министром и начальником главного штаба становится адмирал А.А. Бирилев (1905–1907)², как свидетельствует дневник, уже в начале 1907 г. его сменил Диков: «11 января. Четверг. Принял Дикова, назначаемого морским министром»³. А исполняющим делами начальника ГМШ назначается Н.М. Яковлев.

Затем на этом посту (1909–1911) находится С.А. Воеводский⁴. А с 1911 по 1917 г. министерство бессменно возглавляет Иван Константинович Григорович. Так, император записал, что 29 марта 1913 г. он утвердил в должности военного морского министра И.К. Григоровича⁵.

И.К. Григорович в 1906 г. был командующим Либавским военным портом имени императора Александра III, а в феврале 1909 г. императорским указом он назначается товарищем (заместителем) морского министра и получает звание вице-адмирала. В его ведении находились вопросы материально-технического и гидрографического обеспечения флота, кораблестроения и судоремонта, и ему уже подчинялись центральные органы подобного профиля. Иван Константинович был боевым офицером, в частности в 1904 г. был командиром Порт-Артурского порта, где под обстрелами японцев смог организовать ремонт кораблей, постановку минных заграждений, траления, снабжения. С учетом всего этого он и был назначен начальником порта Либавы.

Должность товарища (заместителя) морского министра учреждается в январе 1906 г., в его ведение передаются главные управления кораблестроения, снабжений, гидрографическое, Морской технический комитет, канцелярия министерства, Управление главного медицинского инспектора, Управление казенными заводами (Обуховский сталелитейный, Балтийский судостроительный

и механический), архив, управление сберегательной вспомогательной кассой работающих и служащих по вольному найму в местных учреждениях морского ведомства⁶. А 24 апреля 1906 г. создается МГШ, руководитель которого имел право всеподданнейшего доклада императору при морском министре по своему кругу вопросов. 11 января 1907 г. император наделил морского министра правами главного начальника флота и морского ведомства и управляющего боевыми силами, личным составом и строевой частью, Главного и морского штабов. 10 октября 1911 г. утверждено временное положение об управлении морским ведомством, которое исполнялось до 1917 г.⁷ Что же касается создания МГШ, высшего оперативно-стратегического органа управления Российским флотом, то это было обусловлено воссозданием флота после трагедии 1904–1905 гг. и планово-перспективным военно-морским строительством. Именным высочайшим указом Правительствующему Сенату 5 июня из состава Главного морского штаба были выведены части стратегическая и организационная по мобилизации флота с преобразованием в самостоятельный Морской Генеральный штаб. Начальником МГШ был назначен капитан 1-го ранга (с 1907 г. контр-адмирал) Л.А. Брусилов.

Брусилову подчинялись военно-морские агенты (атташе) за границей, оперативные части (отделения) в штабах, начальники действующих флотов (морсил). А также в его ведение были переданы общие направления деятельности Курсов военно-морских наук в Николаевской морской академии⁸. Кроме того, после Русско-японской войны решено было создать учебный отряд кораблей, куда вошли корабли: крейсер «Слава», «Гиляк», «Адмирал Макаров», «Цесаревич» и другие, и уже в 1906 г. открыты: офицерский класс подводного плавания (указом императора от 19 марта 1906 г. был учрежден подводный флот России), офицерский водолазный и штурманский классы, офицерская воздухоплавательная школа и офицерский класс морской авиации.

Сам император был знаком с деятельностью МГШ не на словах, а на деле: он постоянно принимал у себя как военно-морских руководителей высшего ранга, так и военных агентов и многих других специалистов, поскольку для принятия необходимых решений ему было необходимо знать, что происходило и в стране и за границей. Такую информацию ему мог предоставить МГШ. Для этого в его структуре были созданы отделения: русской и

иностранный статистики и военно-историческое. Выполняли они следующие задачи:

1. Сбор и обработка информации об общем политическом положении, о силах и средствах иностранных государств, об их готовности к войне – имелись в виду потенциальные противники, о морских театрах военных действий, обработка статистических данных о русском флоте;

2. Составление проектов программ развития морских вооруженных сил, основных заданий к постройке кораблей, для подготовки театра военных действий, для подготовки неприкосновенных запасов, для комплектования флота и мобилизации, формирования эскадр и отрядов и их дислокации;

3. Составление основных планов обучения, ремонта, перевооружения, снабжения флота, соответственно подготовки флота к войне; кроме того: положений, уставов, правил службы и инструкций, касающихся боевой подготовки флота;

4. Разработка вопросов общей организации службы на флоте, составления заданий по морским маневрам, наблюдение за их ходом и отчеты о них;

5. Проработка военно-исторических материалов, разработка документов для составления международных деклараций, переписка по военно-политическим вопросам, общее заведование «Морским сборником».

В 1912 г. МГШ подвергся реорганизации и перед началом 1-й мировой войны он состоял из семи частей: 1-я оперативная (Балтийское и Северное моря),

2-я оперативная (Черное и южные моря), 3-я оперативная (Тихий океан и восточные моря), 4-я организационно-тактическая из 2-х отделений, 5-я статистическая иностранная, 6-я статистическая русская (обе по изучению флотов), 7-я военно-морская историческая и канцелярия. В начале войны были добавлены отделения воздушного и подводного плавания, служба тыла, взаимодействия морских и сухопутных сил в Прибалтике и на дальних подступах к столице со стороны Финского залива⁹.

Здесь необходимо подчеркнуть, что перед Первой мировой войной протяженность Российской империи с севера на юг составляла 4675 км и с востока на запад 10 732,3 км. Общая длина сухопутных и морских границ составляла более 69 тысяч км. Причем на сухопутные приходилось 19 941,5 км, а на океаны и внешние моря почти

49 360,4 км¹⁰, и их надо было защищать, а для этого нужны были корабли, которые и строились на судостроительных заводах.

Высочайшим повелением, объявленным приказом по морским ведомствам от 5 января 1908 г., с 1-го января того же года Новое Адмиралтейство и Галерный островок объединялись в отдельное самостоятельное предприятие под общим названием Адмиралтейский судостроительный завод, аналогичный Балтийскому заводу. Подчинялись они непосредственно товарищу морского министра, который отвечал за вопросы судостроения¹¹.

В это время на верфях строились эскадренные броненосцы «Андрей Первозванный», крейсера «Баян», «Паллада», канонерские лодки «Карс», «Ардаган». В 1909 г. крейсера «Паллада» и «Баян» ушли на швартовые испытания в Кронштадт. В 1910 г. эскадренный броненосец «Андрей Первозванный» – также на швартовых испытаниях в Кронштадте, сдан 30 апреля 1912 г. Еще в декабре 1908 г. правительством было принято решение о строительстве линкоров дредноутного типа, отнесенных по названию линкора головного типа «Севастополь». Разработка проекта завершена в апреле 1909 г.

А уже 3 апреля 1909 г. на Адмиралтейском заводе было заложено два линкора: «Гангут» и «Полтава». «Полтаву» спустили на воду ко дню Полтавской битвы, то есть к 27 июля, 1911 г. Линкор прошел ходовые испытания 24 ноября 1914 г. и вступил в строй 4 декабря 1914 г., а линкор «Гангут» прошел ходовые испытания 21 декабря 1914 г.¹²

9 февраля 1909 г. морской министр и начальник МГШ обратились к императору с просьбой разрешить составить программу судостроения на следующие 10 лет. «Программа развития морских вооруженных сил на 1909–1919 годы» представлена в Совет Министров и 24 февраля 1910 г. согласована с ним, 24 марта ее утвердил император. Предполагалось построить для флота 8 линкоров, 4 линейных крейсера, 9 легких крейсеров, 36 эсминцев, 36 шхерных миноносцев и 20 подводных лодок. В согласованном документе осталось только 4 линкора, 4 линейных крейсера, 4 легких крейсера, 18 эсминцев и 12 подводных лодок.

Николай II постоянно держит руку на пульсе времени, занимаясь укреплением флота России. 25 апреля 1911 г. он утверждает «Программу усиленного судостроения Балтийского флота на 1911–1915 годы» и «Закон об императорском флоте». 9 мая 1911 г. он утвердил и «Положение о командовании Морскими силами

Балтийского и Черного морей и командующего Сибирской флотилией», которое было введено в действие через 18 дней.

Голосование в Госдуме проходит по уточненному варианту законопроекта, который 6 июня 1912 г. принимается под названием «Программа усиленного судостроения БФ на 1912–1916 годы».

Помимо вышеупомянутых программ, 17 июня 1912 г. император окончательно утверждает «План операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны».

Согласно «Программе усиленного судостроения БФ на 1912–1916 годы» предполагалось спроектировать и построить до 16 июля 1915 г. линейные крейсера «Бородино», «Наварин» и 4 единицы типа «Измаил». Уже 18 июля 1915 г. был спущен на воду крейсер «Бородино», 27 октября 1915 г. – и «Наварин»¹³.

Дневниковые записи подтверждают, что император уделял особое внимание судостроению. Так, в частности, находясь в Крыму, в Ливадии, 28 ноября 1913 г. сделал следующую дневниковую запись: «...принял Григоровича, с вице-адмиралом Муравьевым по вопросу судостроения»¹⁴. (Муравьев – начальник главного управления кораблестроения в Морском министерстве).

Следующие дневниковые записи лучше всего характеризуют деятельность императора по развитию флота.

19 октября 1913 г., в г. Николаеве: «Сегодня в Николаеве спущен первый линейный корабль “Императрица Мария”».

1 июля 1914 г., вторник: «...В 10 час. Пошли в Кронштадт. Погода была душная и дождливая. Съехали в гавань и присутствовали на освящении нового огромного дока имени Алексея. Когда была напущена вода, в док вышел крейсер “Рюрик”. В час с четвертью прибыли на “Штандарт”. После завтрака ушли в море. Погода поправилась. В 8 с четвертью вечера стали на бочку на “рейде Штандарт”. С нами пришли: “Полярная Звезда” и пять миноносцев – “Войсковой”, “Доброволец”, “Москвитянин”, “Эмир Бухарский” и “Финн”...».

18 июля 1915 г., суббота. «В 10.10 отправился с Ольгой и Татьяной на Адмиралтейский судостроительный завод. Обошел верхнюю палубу гиганта линкора “Бородино”, спуск которого прошел блистательно. Поговорил с ранеными офицерами и на катере прошел мимо массы раненых нижних чинов на набережной и на “Измаиле” с другой стороны. Затем перешел на яхту “Нева”, где Григорович угостил нас прекрасным завтраком. Погода была солнечная. Ветер с моря. Вернулся в Царское Село в 2 часа 30 минут...»¹⁵.

Итак, с 19 января 1913 г. по 18 июля 1915 г. император лично ознакомился с ходом постройки кораблей для ВМФ России на следующих судостроительных предприятиях: Николаевском, Севастопольском, Кронштадтском, Адмиралтейском.

Наибольшее количество визитов пришлось на первый год войны: 1914 г. – 4 визита. Итого 8 записей о посещении заводов.

Император лично контролировал ход строительства кораблей: линкора «Императрица Мария», линкора «Императрица Екатерина Великая», эсминца «Беспокойный», миноносцев «Пылкий», «Поспешный» и подводной лодки «Нарва», большого дока имени Н.А. Романова, заложил закладную доску на корабле «Император Николай I» – это на юге, а на северо-западе контролировал ход строительства линейных кораблей «Севастополь», «Гангут», «Полтава», «Петропавловск», «Бородино», нового огромного дока имени Алексея Николаевича Романова.

Строительство флота не прекращалось ни на один день. К началу Первой мировой войны русский флот имел в своем составе:

Балтийский флот:

линкоров – 5, броненосных крейсеров – 6, крейсеров – 4, эсминцев – 58, миноносцев – 23, миноносков – 1, минных заградителей – 5, подводных лодок – 11, канонерских лодок – 6, транспортов – 26, посыльных судов – 11, яхт – 6, учебных судов – 8, портовых – 59.

Итого: 229 единиц.

Черноморский флот:

линкоров – 7, крейсеров – 2, эсминцев – 17, миноносцев – 16, минных заградителей – 3, подводных лодок – 4, канонерских лодок – 3, транспортов – 7, посыльных судов – 2, учебных судов – 1, портовых – 14. **Итого: 76 единиц.**

Сибирская флотилия:

крейсеров – 2, эсминцев – 20, минных заградителей – 1, подводных лодок – 1, канонерских лодок – 1, транспортов – 9, посыльных судов – 1, портовых – 11. **Итого: 46 единиц.**

Амурская флотилия:

канонерских лодок – 18, из них 8 башенных 2-го ранга и 10 – 3-го ранга. **Итого: 18 единиц.**

Каспийская флотилия:

канонерских лодок – 2, транспортов – 1, посыльных судов – 2, портовых – 2. **Итого: 7 единиц**¹⁶.

Достраивалось на воде: линкоров – 5, эсминцев – 3, подводных

лодок – 4, транспортов – 1. **Итого: 13 единиц.**

В постройке было: линкоров – 2, броненосные крейсера – 4, эсминцев – 42, крейсера – 4, подводных лодок – 15. **Итого: 67 единиц.**

Под неусыпным контролем императора находилась и подготовка специалистов для флота.

Так Николаевскую Морскую академию в 1913 г. окончили 39 офицеров, а на 1 января 1914 г. в ней обучалось 55 офицеров.

В Морском корпусе (срок обучения 6 лет) на 1 января 1914 г. состояло 766 воспитанников. Произведено в корабельные гардемарины 114 человек¹⁷.

Морское училище Императора Николая I (срок обучения 4 года) в 1913 г. окончило:

артиллерийский офицерский класс – 24,
минный офицерский класс – 19,
офицерский класс подводного плавания – 19,
временный штурманский класс – 14,
водолазный класс – 4 человека.

В Морском инженерном училище имени императора Николая I весной 1914 г. на кораблестроительном отделении обучалось 25 гардемарин, а на механическом – 198. В период с 1905 по 1914 гг. был подготовлен 51 кораблестроитель и 322 инженера-механика¹⁸.

В других офицерских школах в 1913 г. выпущено 30 электромехаников, в воздухоплавательной школе – 18 специалистов, в том числе в авиаотделе – 26. Специалистов из нижних чинов для флота готовила двадцать одна школа.

После начала войны в России авиашколы были расположены в Севастополе, Петербурге, Баку. Так, школы в Петербурге и Баку подготавливали в год по 20 летчиков¹⁹.

Помимо вышеназванных учебных заведений подготовкой специалистов для флота занимались также:

Артиллерийский офицерский класс в Кронштадте, который подготовил к началу войны 542 офицера²⁰,

Водолазный офицерский класс в Кронштадте, до 1914 г. подготовил 50 офицеров²¹,

Временный штурманский класс в Кронштадте, с 1911 по 1914 г. подготовил 55 штурманов надводного плавания²²,

Минный офицерский класс в Кронштадте, подготовил к 1914 г.

по основной специальности 642 офицера, по классу минных механиков 225 офицеров, в других классах – 550 человек,

Отдельные гардемаринские классы созданы весной 1914 г. в Санкт-Петербурге, где занятия 1-й группы в количестве 60 человек начались 1 июня 1914 г., а в сентябре зачислено еще 100 человек²³,

Офицерский класс подводного плавания в Ревеле, который с началом войны перевели в Санкт-Петербург, подготовил до войны 45 строевых офицеров флота, 4 инженеров-механиков, 5 корабельных инженеров, 2 военно-морских врача и 3 офицеров по адмиралтейству.

Сам император непосредственно посещал военные корабли и уделял особое внимание боевой учебе личного состава кораблей. Так, из дневниковых записей императора мы узнаем:

17 августа 1906 г. Четверг. «...В 3 часа отправился на “Разведчи́ке” на суда Морского корпуса: “Моряк” и “Воин”, а также на две лайбы (речное палубное судно) тех же наименований. После смотра последние две ушли в Петербург под парусами. Затем посетили канонерскую лодку “Храбрый”, которая 8 лет пробыла в Средиземном море. Кадеты на всех своих шлюпках гребли вокруг “Храброго”. Вернулись домой в 18.15.»

10 мая 1907 г. Четверг. «Встали в 7.30 и через час отправились в Петергоф на моторах. Погода была серая, шквалистая и холодная. Посетили гардемаринский отряд, недавно возвратившийся из заграничного плавания, броненосцы: “Слава”, “Цесаревич”, и крейсер “Богатырь”. Последним посетили учебное судно “Герцог Эдинбургский”, к которому очень трудно было пристать из-за зыби...»

10 июня 1913 г. Понедельник. «Встал в 8.30 чудным утром. В 10 часов отправился с дочками в Петровскую пристань. (Приветствовал) флотский почетный караул и депутацию города Кронштадта. По обе стороны улицы стояли судовые команды и части гарнизона. Освящение нового Морского Собора окончилось в 12 часов... В 14.15 снялись с бочки и ушли в море, пройдя между двумя линиями судов. Совершили переход на “рейд Штандарт” при чудных условиях, придя туда в 19.15. Нас конвоировали: “Полярная Звезда”, миноносцы: “Украина”, “Войсковой”, “Страшный”, “Туркменец-Ставропольский”, “Казанец”. На рейде застали “Царевну” и номерные миноносцы – циклопы...»

14 июня 1914 г. Суббота. «...При подходе к Кронштадту погода прояснилась. Английская эскадра на малом рейде встретила нас

громом салюта. Прошли на паровом катере вдоль линии судов и перешли на флагманский крейсер “Lion” – Лион. На нем подняли английский адмиральский флаг при салюте. Осмотрел эту громадину в 28 тыс. тонн, и затем завтракали у адмирала Beatty. Англичане были радушны и любезны и показали мне все, что меня интересовало. Оттуда переехали на крейсер “New Zealand” – Новая Зеландия, 19 тыс. тонн, на котором плавает Georgie Battenberg. Наконец в 4 часа снова с салютом ушли на “Александрию” в Петергоф...»

29 января 1915 г. Четверг. «...Приехал в Севастополь в 10 часов... Обойдя массу представляющихся на пристани. Сел в паровой катер и пошел к эскадре. Посетил флагманский корабль “Евстафий” и крейсер “Кагул”. Проходя мимо остальных судов, везде благодарил команды за боевую службу...»

13 мая 1916 г. Пятница. «Чудный день во всех отношениях. Я с Алексеем побывал на 25 судах. В 9.30 часов начал объезд, посетив: лин. корабли – “Евстафий”, “Иоанн Златоуст”, “Пантелеймон” и “Ростислав”; и крейсера – “Кагул”, “Память Меркурия”, “Алмаз” и “Прут”. На каждом обходил офицеров и команды и благодарил их за боевую службу. Вернулся к завтраку. В 2.30 продолжал объезд со всеми детьми. Посетил всю минную бригаду. Миноносцы 1-го дивизиона: “Пронзительный”, “Счастливый”, “Беспокойный”, “Гневный” и “Дерзкий”; 2-го дивизиона – “Громкий”, “Пылкий”, “Быстрый” и “Поспешный”; 3-го див. “Лейтенант Шестаков”, “Капитан-лейтенант Баранов”, “Капитан Сакен” и “Лейтенант Зацаренный”; 5-го див. “Заветный”, “Звонкий”, “Жаркий” и “Жуткий”. Кончил ровно в 5 часов...»

14 мая 1916 г. Суббота. «Дивный жаркий день. В 10.15 отправились на линкор “Императрица Мария” к обеду... заехал к Эбергарду на “Георгий Победоносец” и выслушал доклад...»²⁴.

В период с августа 1906 г. по 14 мая 1916 г. император посетил 32 раза Балтийский и Черноморский флот, и два визита у него было на иностранные флоты: интенсивность визитов на корабли нарастает в связи с приближением войны и в течение самой войны. Николай II посещает разные по классу корабли и в дневниковых записях отмечает наиболее значимые события войны. Он постоянно находится в курсе событий на фронтах и на других театрах военных действий за рубежом, уделяет большое внимание новинкам техники и их внедрению в промышленность, армию и флот.

Кроме того, он проводит смотры матросам и производит гардемарин в мичмана, посещает технические выставки, присутствует на испытаниях самолетов и других видов техники. Вот как он сам рассказывает об этом в дневниковых записях.

29 января 1913 г. Вторник. «...Рассматривал план укрепления г. Ревеля при военном и морском министрах и утвердил...».

17 июня 1914 г. Вторник. «...В 12.30 поехал в Большой дворец, где осматривал планы последних работ в крепостях...»

31 января 1915 г. Суббота. «...Поезд подошел к Брянскому Александровскому Южно-Российскому заводу, который я осмотрел не торопясь, и с большим вниманием видел действие доменных печей и производства рельс, стального листа, брони и проволоки. Рабочих 9500 человек – все делается из наших материалов и вообще производит прекрасное впечатление...»

1 декабря 1916 г. Четверг. «В 9.30 отправился в Петроград и на Фарфоровый и Стекланный завод. Главным образом заинтересован был способом производства оптического стекла для военного и морского ведомств. Обошел все здания и под конец осмотрел бегло музей завода. Провел там два часа и остался очень доволен постановкой дела. Вернулся в Царское Село в 1.30 ...»²⁵

В период с 29 января 1913 г. по 1 декабря 1916 года император предпринял 28 подобных посещений. Но их число год от года уменьшалось. Объясняется это просто. И в 1913 г., то есть за год до войны, когда шла напряженная работа по подготовке кадров и техники, и в начале войны, в 1914 г., император еще находил время для таких акций. А вот когда он принял на себя обязанности главнокомандующего, времени поубавилось. Необходимо было чаще посещать воинские части и флотские подразделения, главнокомандующих, знакомиться с обстановкой на местах.

Нельзя обойти стороной другой вид деятельности императора: общение с послами и военными агентами, которые поставляли информацию о состоянии дел в сопредельных государствах, как на флотах, так и в сухопутных армиях. Об этом он также упоминает в своих дневниковых записях²⁶.

В дневниковых записях императора мы находим информацию о ходе войны и о боевых действиях флота:

19 июля 1914 г. Суббота. «...Германия нам объявила войну...»

30 октября 1914 г. Четверг. «...Прибыл в Ивангород в 3 часа. Поехал в моторе с комендантом Шварцем в крепостной собор. По

дороге стояли войска гарнизона и между ними рота Ее Величества Гвардейского Экипажа и роты Балтийского и Черноморского экипажей. В центральном пункте выслушал доклад об обороне крепости и о содействии крепостной артиллерии полевым войскам в отражении неприятеля. Затем выехал вперед, осмотрел батарею № 4...»

30 января 1915 г. Пятница. «Встал в 8 часов чудным солнечным утром. В 9.30 отправился на катере на северную сторону на нижнюю пристань и в моторе объехал все батареи северного отдела, начиная с конца обороны приморского фронта с № 16-го, который первый подвергся огню “Гебена”».

23 октября. 1916 г. Воскресенье. «...В 7 часов принял Григоровича (военный морской министр), приехавшего из Севастополя после несчастного случая с (линкором) «Императрицей Марией»...»²⁷

Император сделал 34 записи о боевых действиях флота.

На протяжении десятилетий император имел в своем подчинении высокообразованных специалистов и сам глубоко разбирался в вопросах теории и практики военно-морского дела.

Совместно с высокопоставленными морскими чиновниками принимал министров других ведомств, русских послов и военных морских агентов, которые работали в различных странах, как союзнических, так и потенциальных противников. Знакомился на местах с положением дел и бывал в учебных заведениях, производил гардемарин в мичмана, капитанов 1-го ранга в адмиралы, назначал командующих флотами, подписывал рескрипты и указы, финансовые документы. Знакомился с новинками техники и присутствовал на их испытаниях как на суше, так и в море. Посещал заводы и верфи, крепости, батареи, училища, лазареты. Во время войны часто бывал на передовой и встречался с военными представителями союзников – Франции, Англии, Италии, Румынии.

В годы войны флоты союзников сотрудничали, о чем мы находим упоминание в дневнике. Так, 5 июня 1915 г., в пятницу, Николай II записал: «...В 6 часов принял Кедрова, возвратившегося из командировки на английском флоте...»

Далее, 18 января 1917 г., в среду, указывает: «В 11 часов принял членов съехавшийся конференция – Франции, Англии и Италии, всего 37 человек. Поговорил с ними около часа. В 12 часов у меня был Сазонов, назначенный послом в Англию...»

Постоянно общался с представителями военных миссий, которые находились в ставке в Могилеве: французским генералом, главой французской военной миссии Жоржем Жаненом, итальянским полковником главой итальянской миссии Б. Марсенго, бельгийским генералом главой бельгийской военной миссии бароном Рикелем, британским генералом, военным представителем Хенбери-Вильямсом, сэром Джоном и многими другими.

За годы войны через порты русского Севера в Англию, Францию, США и обратно в Россию шла основная масса военных грузов. Только в 1917 г. вывоз из Архангельска составил 1 109 288 т, а ввоз – 2 734 599 т, число обработанных судов равнялось 620 единицам²⁸.

Благодаря правильно выбранной под руководством императора морской политике и усилиям кораблестроителей, накануне 1-й мировой войны удалось создать мощный морской флот. Кстати, 100 % линкоров, 40 % крейсеров, 30 % эсминцев вошли в состав флота, который в 1941 г. встал на защиту СССР.

Список персоналий:

1. Акимов М.Г. - (1847-1914), юрист, статс-секретарь. Сенатор, министр юстиции (декабрь 1905 - апрель 1906). Председатель Государственного совета (1907-1914).
2. Барк И.С. - управляющий министерством финансов.
3. Беляев М. В. - новый военный министр с 7 января 1917.
4. Бенкендорф А.К. - (ум. в 1916), граф, гофмейстер, 1897-1902 - посланник в Копенгагене, 1903-1916 - чрезвычайный и полномочный посол в Англии.
5. Бестужев А.И. - (1873-1917), контр-адмирал (1916), участник обороны Порт-Артура (1904-1905), командир линкора «Севастополь», начальник Кольского района и отряда судов обороны Кольского залива (1 декабря 1917).
6. Веселкин М.М. - контр-адмирал свиты, командир крейсера «Бородино». Прикомандирован к морскому генеральному штабу во время 1-й мировой войны заведовал командами в Дунайско-Добружанском районе, береговая оборона, бывший командир минзага «Амур» и адъютант великого князя Алексея Александровича.
7. Голицын Н.Д., князь - (1850-1925), председатель Совета министров с 27 декабря 1916 по 27 февраля 1917.

8. Горемыкин И.Л. - (1839-1917), статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета, ученый-правовед, министр иностранных дел (1895-1899), председатель Совета министров (1906. 1914-1916). Инициатор роспуска 1-й Государственной Думы.
9. Коковцев В.М. - (1853-1943), граф, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор; 1895 год - товарищ государственного секретаря; 1896 год - товарищ министра финансов; 1902 год - государственный секретарь; 1904 год - министров финансов, 1905 год - член Государственного совета; 1906-1914 годы - министр финансов; с 11 сентября 1911 года - председатель Совета министров; 30 января 1914 года - уволен с обеих должностей, возведен в графское достоинство, член Государственного совета. 30 декабря 1915 года - председатель 2-го депутата Государственного совета, в эмиграции.
10. Маклаков Н.А. - шеф жандармов 21.02.1913 - 5.07.1915, член Государственного совета, с 12 февраля 1916 член финансовой комиссии.
11. Марков В.И. - генерал, новый министр. Статс-секретарь Великого княжества Финляндского.
12. Петров П.В. - чиновник особых поручений 4-го класса при Главном управлении Военно-учебных заведений, состоял при наследнике Алексее Николаевиче Романове.
13. Покровский Н.Н. - (1865-1930), с 1914 года член Государственного совета; с 1915 года при верховном начальник санитарной и эвакуационной части; с 21 января по 30 ноября 1916 государственный контролер; с 30 ноября 1916 по 4 марта 1917 министр иностранных дел, в эмиграции.
14. Сухомлинов В.А. - (1848-1926), генерал от кавалерии, член Государственного совета, в 1908-1909 начальник Генерального штаба, в 1909-1915 военный министр, в 1916 арестован за неподготовленность к 1-й мировой войне и в 1917 приговорен к пожизненному заключению. В 1918 освобожден по старости. В эмиграции в Берлине.
15. Трепов А.Ф. - р. 1864 - с 1915 управляющий министерства путей сообщений, с 19 ноября по 27 декабря 1916 председатель Совета министров. 27 декабря 1916 уволен от всех должностей. В эмиграции.
16. Чихачев Н.М. - (1830-1916), генерал-адъютант, адмирал, начальник Главного морского штаба (1884-1888), управляющий мор-

ским министерством (1888-1896), член Государственного совета, председатель департамента и промышленной торговли.

17. Шуваев А.С. - (1854-1937) - генерал от инфантерии по армейской пехоте, член Государственного совета (1909-1916), начальник Главного интендантского управления и главный интендант, в декабре 1915 - главный полный интендант; с марта 1916 по 3 января 1917 военный министр. После революции в Красной армии. Репрессирован.

18. Штюрмер Б.В. - (1848-1917), председатель Совета министров с 10.01.1916 по 10 ноября 1916.

Отечественные и иностранные дипломаты.

Русские:

1. Нератов А.А. - чл. Гос. Сов., вице-директор 1-го департамента мин. ин. дел (1906-1910), тов. мин. ин. дел, 11 ноября 1916 - управляющий временно мин. ин. дел с назначением Покровского Н.Н. мин. ин. дел исп. при нем должность до 26 декабря 1916 года.

2. Сазонов - мин. ин. дел России до 1910 года.

3. Кудашов - советник русского посольства в Вене (1912-1914), директор канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего (1914-1916).

4. Гирс Н.М. - гофмейстер, посланник в Бухаресте (1912-1914), русский посол в Константинополе, Турция (с марта 1915 по 1917), затем посол в Риме.

5. Шебеко Н.Н. - русский посол в Вене (1913-1914), посол в Бухаресте 1915.

6. Татаринов - полковник, русский военный агент в Софии (1914-1915), военный агент в Бухаресте 1915.

7. Остен-Сакен Н.Д. - фон, граф, русский посол в Берлине (1895-1912).

8. Свербеев С.П. - русский посол в Берлине (1912-1914).

9. Гинце (Гинтце) - капитан 2-го ранга, морской военный агент при германском посольстве (1907), позже состоял при императоре.

10. Татищев Г.М. - граф, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, личный представитель русского императора при кайзере Германии Вильгельме II (с декабря 1905 по 1914).

11. Бенкендорф - (умер в 1916), граф, гофмейстер, посланник в Копенгагене. Дания (1897-1902), чрезвычайный и полномочный посол в Англии (1903-1916).

12. Рейн Н.Г. - капитан 1-го ранга русский морской военный агент в Англии (1911-1913).
13. Волков С.А. - русский морской агент в Англии, Лондон (период Первой мировой войны).
14. Малевский-Малевич Н.А. - сенатор, гофмейстер, русский посол в Токио (1908-1916).
15. Русин А.И. - ст. лейтенант, капитан 2- ранга, русский морской военный агент в Японии (1899-1904).

Иностранные:

1. Ламздорф - граф, флигель-адъютант германского кайзера Вильгельма II, военный агент в Петербурге.
2. Мак-Кормик - германский посол в России.
3. Пургалес Фридрих - фон, граф, германский посол в России (1907-1914).
4. Турн - граф, австрийский посол в России.
5. Сапари - граф, австро-венгерский посол в Петербурге (1913-1914).
6. Ушид - японский посол в России.
7. Монтоно Инчиро - виконт, японский посол в (1906-1916), осенью 1916 года - министр иностранных дел Японии.
8. Сузуки - японский морской военный агент в России.
9. Кан Ин - японский принц, двоюродный брат микадо, приезжал в Россию в ноябре - декабре 1916 года в составе делегации японского посольства.
10. Капитан Гренфельд (период 1-й мировой войны) - английский военный морской агент в Петербурге.

1. Березовский Н. Ю. Российский императорский флот 1696–1917. Военно-исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. С. 270.
2. Гангут. Вып. № 7. СПб.: ЛЕНКО, 1995. С. 127; Зуев Г.И. Крейсер «Алмаз». С. 23, 26, 27.
3. Гангут. Вып. № 8. СПб.: ЛЕНКО, 1995. С. 143; Кузнецов Л.А. Адмиралтейский судостроительный завод (1908–1926). С. 45, 51, 53, 55, 58, 59, 62, 64, 74, 75.
4. Гангут. Вып. № 17. СПб.: Гангут, 1998. С. 125; Климов А.Ю., Козюренко К.Л. «Состояние Балтийского флота вызывает серьезные опасения...». С. 57, 58, 59.
5. Гангут. Вып. № 24. СПб.: Гангут, 2000, С. 117; Богданов М.А. «Волхов» – «Коммуна»: 85 лет в действующем флоте. С. 2, 4, 12, 15, 17; Климов А.Ю., Козюренко К.Л. Н.О. фон Эссен, А.В. Колчак и разработка программы усиленного судостроения Балтийского флота. С. 29, 30, 33, 34, 37, 39, 41, 44, 45, 46; Титушкин С.И. Запоздалый артиллерийский эксперимент. С. 74, 81.
6. Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б. Николай II – последний российский император. СПб.: Духовное просвещение, 1992. С. 507.
7. Романов Н.А. Дневники Императора Николая II. ЦГАОР СССР. 1991. С. 736. С. 263–614.
8. Россия. 1913 год. Статистическо-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 415.
9. Флот Российской империи. СПб.: SLAVIA. С. 299.

¹ Романов Н.А. Дневники Императора Николая II, ЦГАОР СССР. 1991. С. 736, 263–614.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Гангут. 1998. С. 125; Климов А.Ю., Козюренко К.Л. Состояние Балтийского флота вызывает серьезные опасения... С. 57, 58, 59.

⁷ Гангут. 2000. С. 117; Климов А.Ю., Козюренко К.Л. Н.О. фон Эссен, А.В. Колчак и разработка программы усиленного судостроения Балтийского флота». С. 29, 30, 33, 34, 37, 39, 41, 44, 45, 46.

⁸ Березовский Н.Ю. Российский императорский флот 1696–1917. Военно-исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. С. 270.

⁹ Там же.

¹⁰ Россия. 1913 год. Статистическо-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 415.

¹¹ Гангут. 1995. № 8. С. 44–45.

¹² Гангут. 2000. № 24. С. 117; Климов А.Ю., Козюренко К.Л. Указ. соч. С. 29, 30, 33, 34, 37, 39, 41, 44, 45, 46.

¹³ Там же.

¹⁴ Романов Н.А. Дневники Императора Николая II. С. 736. Стр. 263–614.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Апальков Ю.В. Боевые корабли русского флота. 8.1914 – 10.1917. Справочник. СПб.: Издательство «Интек», 1996. С. 224.

- ¹⁷ Россия. 1913 год. С. 415, 302.
¹⁸ Там же. С. 415, 153.
¹⁹ Там же. С. 415, 259–260.
²⁰ Березовский Н.Ю. Указ. соч. С. 270, 29, 30.
²¹ Там же. С. 270, 71–72.
²² Там же. С. 270, 78.
²³ Там же. С. 270, 177; Романов Н.А. Указ. соч. С. 736, 263–614.
²⁴ Романов Н.А. Указ. соч. С. 263–614.
²⁵ Там же.
²⁶ Романов Н.А. Указ. соч. С. 709.
²⁷ Романов Н.А. Указ. соч. С. 293–614.
²⁸ Березовский Н.Ю. Указ. соч. С. 270, 227.
²⁹ Романов Н. А. Указ. соч. С. 736, 709.

С.О. Филюк (Санкт-Петербург)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОБЕР-ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА В ХОДЕ ВОЕННЫХ РЕФОРМ 60–70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

...обер-офицер делает и рядового,
и штаб-офицера и генерала... наконец
он делает армию.

А. Геруа. О нашей армии

Минуло почти 150 лет со дня начала милютинских военных реформ (60–70-х гг. XIX в.), внесших неоценимый вклад в развитие системы управления и организационной структуры Российских вооруженных сил; перевооружение Армии и Флота; в разработку соответствующей духу того времени системы комплектования войск, а также в создании стройной, многоуровневой системы военного образования.

Характеризуя милютинские реформы военного образования, нельзя не заметить, что главное внимание здесь было уделено вопросам всестороннего совершенствования системы подготовки младшего офицера (по дореволюционной классификации – обер-офицера).

Когда Д.А. Милютин вступил в должность военного министра (1861 г.), обстановка с начавшимися уже под руководством его предшественника преобразованиями была крайне сложная. По утверждению Милютина, предыдущие преобразования «...имели исключительной целью сокращение военных расходов: то одно, то другое отменялось, упразднялось, убавлялось ... все сделанное в этот

* До 1917 года младший офицерский состав в Русской армии именовался обер-офицерским, а старший – штаб-офицерским. – *Прим. авт.*

период носило на себе характер отрицательный. Продолжая идти таким путем, можно было довести государство до полного бессилия, в то время когда все другие державы усиливали свои вооружения».

Главная заслуга Д.А. Милютинина и историческая ценность его реформ заключается в том, что ему удалось найти оптимальное соответствие расходов на оборону и ее эффективности.

Однако вернемся к реформам в области военного образования, и в частности – к мерам по совершенствованию системы первичной подготовки офицерских кадров (то есть обер-офицеров).

Накануне реформ подготовка офицерских кадров в стране осуществлялась в: 12-ти полных кадетских корпусах, которые давали кадетам законченное образование (с детских лет до офицерского звания); 5-ти подготовительных кадетских корпусах (для малолетних); 2-х военных училищах (Михайловском артиллерийском и Главном инженерном); 3-х академиях (Николаевской Генерального штаба, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной).

При колоссальных на то время затратах (около 4 млн руб.), эти учебные заведения выпускали ежегодно не более 600 человек и удовлетворяли потребностям в комплектовании армии офицерским составом не более, чем на 26 %. Тогда как основным источником пополнения армии офицерами являлись вольноопределяющиеся и унтер-офицеры.

По мнению некоторых авторитетных педагогов и экспертов, кадетские корпуса того времени из специальных военно-учебных заведений стали постепенно превращаться в благотворительные учреждения по воспитанию дворянских детей. Так, известный специалист в области военного образования генерал-адъютант Г.С. Строганов писал: «...при такой организации военного образования надежное комплектование корпуса офицеров едва ли может быть обеспечено, как в количественном, так и в качественном отношении». Да и профессионализм по части специальной военной подготовки при данной системе обучения оказывался на недостаточном уровне.

Суть проведенных Милютининым реформ в области военного образования заключалась в следующем.

Во-первых, реорганизовать кадетские корпуса – отделив общее образование от специального военного. Таким образом

значительно сократив сроки пребывания кадета в корпусе (военной гимназии), а соответственно и затрат на его обучение; на базе специальных классов бывших кадетских корпусов создать сеть новых специальных учебных заведений – военных училищ.

Структура и программа этих вузов должны были быть более приспособленными для решения конкретной задачи – «учить тому, что необходимо на войне». По этому поводу в решении Комитета по реорганизации военно-учебных заведений (в пункте III) было указано: «Специальные заведения, под именем военных училищ, учредить... и организовать так, чтобы молодые люди, прямо готовящиеся к военному поприщу, были как можно ближе поставлены в условия военного воспитания и действительной службы».

Во-вторых, для полного удовлетворения потребности армии в обер-офицерском составе развернуть также сеть окружных юнкерских училищ – с целью дать вольноопределяющимся и унтер-офицерам, производившимся ранее в офицеры по формальному экзамену, военное образование.

В этой связи, с целью экономии казенных средств, всем военным ведомствам была поставлена задача определить ежегодные потребности в пополнении молодыми специалистами как с первичной (то есть в рамках программы военного училища), так и вторичной военной подготовкой (имелась в виду подготовка в рамках программы Академии).

Сделано это было прежде всего потому, что молодые люди, получившие неплохую, по тем временам, общеобразовательную подготовку (в большей степени это касалось выпускников артиллерийского и инженерного вузов), по мнению начальника Михайловской артиллерийской Академии и училища генерала А.С. Платова: «...ищут себе занятия в других ведомствах или в частной жизни и находят их удобно, так как у нас и государственные и общественные среды нуждаются вообще в образованных людях, особенно в имеющих хорошую техническую подготовку».

В этой же связи был принят закон, в соответствии с которым: все юнкера училищ и пажи специальных классов, обязаны были прослужить, по выходе из учебного заведения, по полтора года за каждый проведенный в нем учебный год.

Анализируя ход реформ и деятельность постреформенных военно-образовательных учреждений, нельзя не обратить внимания на возросшие требования как к «исходному материалу» (то есть

абитуриентскому составу), так и жесткому отбору в процессе подготовки юнкера к получению первичного чина.

В этой связи представляется уместным привести здесь следующие статистические данные.

Военные училища на 90 % комплектовались за счет выпускников военных гимназий и только на 10 % – за счет абитуриентов из гражданской молодежи.

Только примерно каждый второй выпускник военной гимназии мог стать юнкером военного училища. Так, по данным М. С. Лалева (с 1869 по 1879 г.), по окончании курса военной гимназии: а) было переведено в пехотные и кавалерийские военные училища – 420 чел.; б) в Артиллерийское и Инженерное училища – 52 чел.; в) по состоянию здоровья на гражданскую службу – 30 чел.; г) уволено в процессе учебы по разным причинам и в том числе по «неуспеху в науках» – 495 чел. Итого военные гимназии ежегодно поставляли примерно 472 абитуриента, а 495 по различным причинам – отсеивались.

В дальнейшем только 5 из 6 поступивших в военное училище могли стать офицерами. При этом все выпускники, в соответствии с успехами в учебе, по результатам аттестации на знание строевой службы и за поведение подразделялись на три разряда.

Причисленные к 1-му разряду шли в гвардию, полевую артиллерию (с 1870 г.) и саперные батальоны (с 1877 г.) – прапорщиками или подпоручиками в армию. При этом распределиться в пехоту после годичного испытания могли претендовать на перевод в гвардейские полки.

Второй разряд давал право на выпуск в армейскую пехоту и кавалерию первым офицерским чином.

Юнкера 3-го разряда переводились по выпуску из училища в армейские полки унтер-офицерами на шесть месяцев и потом, по усмотрению полкового командира, могли представляться к первичному офицерскому званию.

Наконец юнкера, не вошедшие по своим успехам и дисциплине даже в 3-й разряд, отчислялись в войска нижними чинами и должны были пройти срочную службу в соответствии с действовавшим тогда законодательством

Как видно из вышеизложенного, условия получения первого обер-офицерского чина были достаточно жесткими, что позволяло уже на стадии начальной (в военных гимназиях) и первичной

(в военных училищах) подготовки осуществлять качественный отбор. Впоследствии такой подход к первичной подготовке офицерских кадров способствовал качественной комплектации высших военно-учебных заведений (Академий), т.е. оказывал влияние на формирование офицерского корпуса в целом.

Еще один немаловажный аспект реформ заключался в подборе соответствующего уровня и квалификации профессорско-преподавательского состава. В этих целях:

В военном ведомстве были учреждены педагогические курсы, с целью подготовки преподавательского состава в военные училища, а также для подготовки преподавателей и воспитателей военных гимназий – в Москве учреждается особая Учительская семинария;

офицерам, служащим в вузах по учебно-воспитательной части, стали давать преимущества в чинах на одну ступень.

Таким образом, существенного повышения качества подготовки обер-офицерского состава в ходе реформ удалось достичь за счет:

а) решения двуединой задачи, а именно: отделения в кадетских корпусах общего образования от специального военного и создания на базе специальных классов кадетских корпусов принципиально новых вузов – военных училищ;

б) более качественного отбора абитуриентов военных училищ, а также более качественного отбора преподавательского и воспитательского состава вузов.

-
1. Байов А.К. Граф Дмитрий Алексеевич Милютин. СПб., 1912. С. 46.
 2. Военная энциклопедия Сытина. СПб., 1912. Т. 7. С. 553, 554.
 3. Зайончковский П. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 47.
 4. Исторический очерк образования и развития артиллерийского училища. СПб., 1870. Приложение. № 47. С. 169–170.
 5. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебным заведениям, СПб., 1880. С. 175.
 6. Лалаев М.С. Наши военно-учебные заведения. СПб., 1898. С. 35–39.
 7. Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. Т. XLIX. 52. СПб., 1869.

А.С. Фуганов (Санкт-Петербург)

АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. СБОР ТРОФЕЕВ И РЕЛИКВИЙ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) в годы Великой Отечественной войны, как и в мирное время, занимался обычной работой – готовил и открывал выставки, создавал передвижные экспозиции, занимался рутинной работой с документами.

Вместе с тем, сознавая свою историческую ответственность за сохранение и увековечивание фактов истории той войны, сотрудники музея работали на фронтах, собирая трофеи и реликвии Великой Отечественной войны. И эта работа стала для Артиллерийского исторического музея главной.

Благодаря напряженной работе по сбору, в коллекции музея содержится большое количество оружия, обмундирования, нагрудных знаков, медалей, предметов обихода войны. Все материалы по сбору трофеев и реликвий взяты из Архива ВИМАИВиВС, и больше всего архивных дел представлено по 1943 г.

Ян Францевич Куске, начальник Артиллерийского исторического музея Красной армии (далее АИМ КА), еще в декабре 1941 г. в своем докладе Председателю артиллерийского комитета ГАУ КА, БригИнженеру тов. Сергиенко доложил, что в начале 1942 г. предполагает организовать 3 командировки в действующую армию для сбора наиболее характерных и ценных экспонатов. Я.Ф. Куске пишет: «Опыт показал, что сбор таких экспонатов возможен только в военное время, непосредственно в действующей армии»¹.

3 февраля 1942 г. корреспондентам Артиллерийского исторического музея Красной армии поступила краткая инструкция по

сбору военно-исторических и трофейных материалов Отечественной войны². В ней говорилось о том, что корреспонденты должны собирать предметы и трофеи только с ведома командира части в которой они находятся, так же приводился перечень предметов, которые подлежат сбору в первую очередь: трофейные знамена, ордена, медали, нагрудные знаки, предметы обмундирования и снаряжения, предметы обихода немецко-фашистских войск, а так же образцы предметов, награбленных у населения. Далее говорилось о фотоснимках, солдатских книжках, дневниках, письмах, открытках, листовках, газетах, уставах, наставлениях и приказах гитлеровской армии. Подлежало сбору и личное оружие, револьверы, пистолеты, винтовки, образцы снарядов и патронов.

19 июня 1942 г. Я.Ф. Куске посылает письмо командирам гвардейских соединений и частей красной армии все с той же просьбой – сбор и пересылка трофейных материалов и имущества. Письмо было очень эмоциональным. В нем говорилось о роли музея в истории, о том, как важно собирать материалы и трофейные предметы для потомков, так как в них отражаются «беспримерные подвиги, отвага и мужество, проявляемые гвардейскими частями Красной Армии...»³. В конце говорилось о том, что весь коллектив АИМ КА обращается к командирам с горячей просьбой пересылать предметы в г. Новосибирск (именно там находилась, эвакуированная в первые месяцы войны, часть музея), снабдив их записками о том, где, когда и как они были добыты⁴.

Очень важна для исследователей этого периода истории музея записка от 14 июля в Центральный комитет ВКПб от начальника АИМ КА.

«Направляю при сем проект моей статьи «собирать памятники Великой Отечественной Войны!». На практике испытывая все затруднения и сталкиваясь с ненормальностями в области изложенных в статье вопросов, я решил донести свои мысли до ЦК ВКПб в надежде, что они встретят полное понимание и поддержку», – так начал Я.Ф. Куске свое послание. Далее в записке говорилось о том, что его обращения к политуправлению красной армии, в наркомат внутренних дел результатов не имели, и что он мог бы привести сотню примеров пренебрежительного отношения к военно-историческим памятникам и ценностям, примерам уничтожения их⁵. Далее Я.Ф. Куске приводит примеры. Вот один из них:

«Мне известно, что во время освобождения западной Украины

и западной Белоруссии наши командиры и части захватили в поместьях, дворцах и замках польских помещиков и магнатов иногда целые коллекции ценнейшего старинного оружия и современных ценнейших охотничьих ружей, редчайшие батальные картины и т.д. Эти предметы полностью разошлись по рукам командного и политсостава. Высланный в действующую армию для отбора трофейного и исторического материалов представитель музея так и не смог заполучить ни одного из указанных предметов»⁶.

Куске продолжал подчеркивать, что основной задачей АИМ является не только сохранение имеющихся экспонатов, но и сбор наиболее ценных трофеев, предметов-памятников Великой Отечественной войны, прежде всего связанных с героической обороной Ленинграда⁷.

Надо отметить, что трофейное немецкое оружие использовалось не только для демонстрации его на выставках, но и для ознакомления бойцов Красной Армии с его принципом действия⁸.

11 февраля 1943 г. Куске пишет важнейшее письмо на имя генерал-полковника Хохлова, в котором говорил, что АИМ КА является не просто хранилищем предметов, он накапливает в своих фондах реликвии Отечественной войны, тем самым увековечивает подвиги нашего народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

«Я уже неоднократно докладывал вам, что сбор и накопление наиболее ценных в историческом и политическом отношении памятников войны, необходимо производить теперь же...<...>... что <это> вполне возможно только при полном содействии со стороны ГАУ и НКО в проведении мероприятий, обеспечивающих организованный и планомерный сбор военно-исторических памятников».

Я.Ф. Куске говорит, что важнейшими организующими эту работу документами являются, во-первых, регламентация специальным указом народного комиссара обороны обязанностей командиров частей и соединений действующей армии по сбору предметов⁹, а также регламентация специальным приказом начальника ГАУ КА¹⁰. Позже Куске будет так же обращаться с просьбой регламентировать порядок сбора и передачи трофеев Жданова и Говорова. И такие регламентации были сделаны. 3 апреля 1943 года выходит приказ по главному артиллерийскому управлению красной армии № 61. Содержание: о порядке приема, направления и хранения на

ЦВБ-45 памятников и реликвий Отечественной войны¹¹.

24 февраля были получены трофеи, взятые у германских офицеров на левом берегу р. Невы при прорыве блокады Ленинграда¹². В марте 1943 года врид начальника АИМ КА, инженер-полковник П.Д. Львовский, и начальник исторического отдела интендант 1-го ранга П.И. Воробьев, представили докладную записку на имя начальника интендантского управления сибирского военного округа генерала-майора Жукова с просьбой об отпуске на вечное хранение в музей ряда вещей, таких как трофейное обмундирование, образцы обуви красной армии, образцы головных уборов, теплые вещи, лыжи, образцы шанцевого инструмента, кожаное снаряжение¹³.

19 февраля было написано письмо и на имя начальника противоздушной обороны Ленинграда. У него Я. Ф. Куске просил отдельные предметы, снятые со сбитых над городом и на подступах к нему самолетов противника, предметы обмундирования, снаряжения, вооружения, и личного пользования – ордена значки, жетоны, погоны, парашюты, письма, удостоверения и прочие документы летчиков противника, что либо из вещей лучших бойцов и командиров, которые сбили наибольшее количество вражеских самолетов – ордена и медали павших на войне героев Советского Союза. Все предметы Я.Ф. Куске просил снабжать сопроводительными записками, в которых бы указывалось где, как и когда добыт тот или иной предмет¹⁴.

8 марта 1943 г. Я.Ф Куске посылает подобное послание Начальнику управления НКВД Ленобласти, комиссару госбезопасности Кубаткину. В письме подчеркивалось, какую роль играет АИМ КА в деле увековечивания подвигов Красной Армии и ее солдат, и говорилось о том, что в будущих экспозициях одно из видных мест будет занимать экспозиция обороны Ленинграда. Для «полноты картины и всестороннего отображения конкретных событий и лиц, связанных с обороной Ленинграда и прорывом блокады, помимо материалов собранных на полях сражений и среди воинских частей, исключительную роль должны сыграть прочие материалы, собранные органами НКВД и милиции¹⁵». Куске писал, что наибольшую ценность для АИМ КА представляют предметы одежды, снаряжения и вооружения захваченных шпионов и лазутчиков, предметы пытки и казни, которые применялись фашистами по отношению к красноармейцам, наиболее интересные подлинные образцы средств немецко-фашистской агитации документы, захваченные у

противника и агентов, знаки отличия, остатки немецких парашютов, осколки бомб и снарядов, предметы вооружения и приборы немецких летчиков, и знамена противника¹⁶.

27 марта 1943 г. Народный комиссариат обороны издает приказ № 143: «О сборе памятников и реликвий Отечественной войны при Артиллерийском историческом музее Красной Армии». Приказ предписывал командирам соединений и частей действующих армий, и партизанских отрядов организовать сбор реликвий и трофеев, а так же обязал начальника Артиллерийского музея раз в три

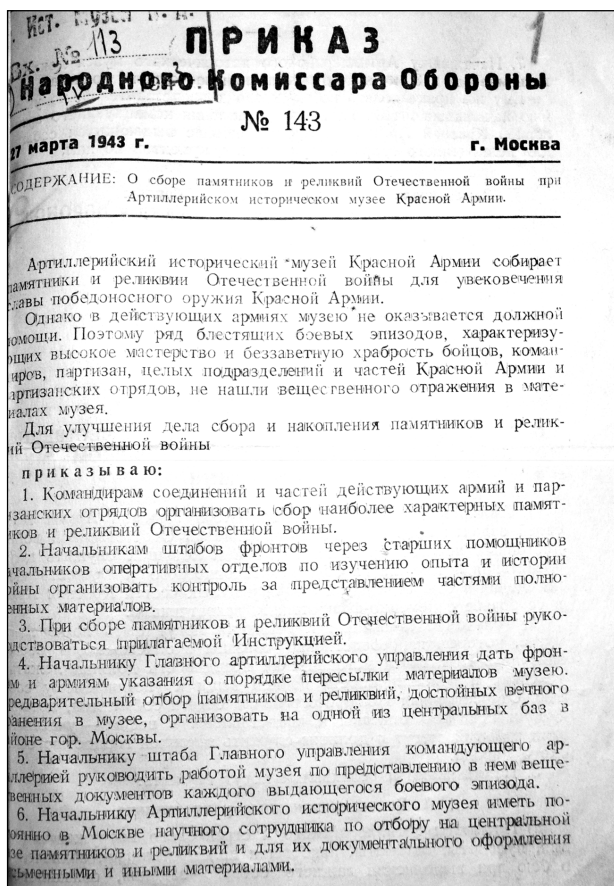

Рис. 1. Первый лист приказа Народного комиссара обороны № 143. Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 12. Д. 37. Л. 1

месяца докладывать командующему артиллерией Красной Армии о результатах сбора (рис. 1).

В мае АИМ получил личные трофеи и реликвии от генерал-лейтенанта Романовского и из его частей. Этот факт подтверждается доверенностью от 11 мая, которая была выдана на имя постоянного представителя музея Грусланова В.Н.¹⁷ 24 мая 1943 г. имела место встреча П.И. Воробьева и начальника НКВД по Острожскому району. На встрече П.И. Воробьев все так же просил о пересылке в музей материалов на основании приказа № 143¹⁸. 26 мая 1943 г. П.И. Воробьев передает начальнику МПВО, генерал-майору Лагуткину список вещей МПВО, которые он хотел бы заполучить в АИМ. Список состоял из образцов охолощенных немецких авиабомб, которые были сброшены над Ленинградом и его окрестностями, немецких парашютов, кассет для сбрасывания немецких авиабомб, фотопортретов выдающихся бойцов МПВО и т.д.¹⁹ Тем же числом датируется и прошение зам. начальнику управления танковых войск Ленинградского фронта, инженер-полковнику Шестакову. Ему Воробьев предоставил иной список, в который входили: 2-3 немецких танка, выведенных из строя, по 3-4 образца немецкого танкового вооружения, по 2-3 образца немецких противотанковых мин, предметы личного вооружения, снаряжения, обмундирования и т.д.²⁰

В июне АИМ КА получает новые экспонаты. В результате сбора трофеев на месте прорыва блокады Ленинграда, представителями музея были получены новые образцы вооружения: 7,92 мм самозарядная винтовка системы «Вальтера» образца 1941 г., 7,92 мм противотанковая винтовка обр. 1941 г. и 7,92 мм пулемет обр. 1942 г. (МГ-42)²¹.

Но, несмотря на все усилия и приказ № 143, сбор предметов проходил медленно и плохо. Я.Ф. Куске дважды, в июне и в июле, посылал П.И. Воробьеву записки с тем, что он недоволен темпами работ²². «Работа по сбору трофейного и реликвийного имущества меня не удовлетворяет ни темпами, ни результатами. В течение более полуторамесячной работы команды в составе 4-х человек можно было собрать гораздо больше», – писал Я.Ф. Куске²³.

5 июля 1943 г. в своем втором письме, Я.Ф. Куске пишет, что собрано всего около 1620 предметов, из них особую ценность представляют всего 180. Реликвий же собрано всего 13 предметов²⁴.

9 июля состоялась встреча представителя музея В.Н. Грусланова и начальника отдела капитально-восстановительного ремонта

13-й воздушной армии, результатом которой явилась устная договоренность о передаче АИМу сбитого вражеского самолета; также отдельных образцов вооружения вражеских самолетов, приборов и, по возможности, «мягких вещей летчиков»²⁵.

27 июля 1943 г. датирован очень важный документ-доклад командующему артиллерией Красной армии Воронову Н.Н. от Куске. Доклад был о результатах сбора трофеев-памятников и реликвий Великой Отечественной войны, согласно приказу НКО СССР № 143 от 27.3.43. Ян Фрицевич докладывал о результатах сбора трофеев памятников на Ленинградском фронте, на Воронежском фронте и в районе Сталинграда. Я.Ф. Куске отметил, что наиболее исторически ценными трофеями из всего собранного являются:

1. Трофейные предметы вооружения (220 мм французская мортира системы Шнейдера обр. 1916 г., которая находилась на момент доклада в боевом применении, 155 мм германская пушка противника, новейшие образцы герм. вооружения – самозарядная винтовка системы «Вальтера» образца 1941 года, 7,92 мм противотанковая винтовка обр. 1941 г. (PZВ-41) с ружейной мортирой, бельгийский карабин-пулемет 7,92 мм, пулемет обр. 1942 г. (МГ-42), германский 9 мм пистолет-пулемет обр. 1940 г. (МР-40), 7,92 мм германская снайперская винтовка с оптическим прицелом).

2. Образцы отечественного вооружения, принадлежавшие лучшим бойцам Лен. фронта (76 мм полковая пушка, 120 мм полковой миномет обр. 1938 расчета братьев Шумовых, четыре снайперских винтовки, два пистолета пулемета, миноискатель ст. сержанта Орлова и ст. сержанта Бихтеева).

3. Артиллерийская панорама «Передний край» немецкой обороны на левом берегу Невы в декабре 1942 г.

4. Советский флаг, водруженный на вышке бывшей церкви в г. Шлиссельбурге 18 января 1943 г. в 16 часов.

5. Несколько альбомов гвардейских и краснознаменных частей Лен. фронта.

6. Немецкие флаги, карты, образцы обмундирования, и снаряжения, ордена и медали, нагрудные значки, солдатские книжки и наградные орденские патенты, фотоснимки, дневники, письма, показывающие поспешное бегство немецких войск под ударами частей Лен. фронта.

Не обошел Куске в своем докладе и проблемы, связанные с выполнением приказа № 143. Во-первых, приказ не был доведен до

ряда частей и тылов фронтов, главным образом трофейных отделов, складов. Затем, приказ не доводился до широких масс офицерского и рядового составов и остается для большинства неизвестным. В-третьих, вокруг приказа не проводилась надлежащая работа, не организовывалось его выполнение. Кроме того – были не редки случаи нежелания сдавать в музей исторически ценные трофеи, а так же реликвийные предметы отечественного вооружения. Так Куске приводит пример, что личное оружие генерала-фельдмаршала Паулуса находится в распоряжении генерал-лейтенанта Хрущова. И, наконец, пятое – недопустимое уничтожение вражеских знамен, карт, схем, которые являлись ценными историческими материалами. Куске говорит, что очень часто в силу привязанности или в силу невозможности быстрой замены вооружения, знаковые предметы вооружения не могут быть немедленно переданы в музей (как, например, трофейная 220 мм. мортира обр. 1916 года, которая была получена до 4 декабря 1943 г.²⁶) В это случае Куске предлагает вешать на предметы таблички, «бронировать» предметы, чтобы предать их в музей при первой возможности. Прилагаемая сводка по сбору трофеев и реликвий по состоянию на 15.7.43 показывает, что всего по Лен. фронту трофеев и реликвий было собрано 3214 ед., по Воронежскому фронту и р-ну Сталинграда – 4536 ед. Итого предметов по обоим пунктам было собрано 7750 ед.²⁷

В архиве хранится список, который датируется 20 сентября 1943 г., в котором перечислялось трофейное имущество, требуемое для АИМа. Список был подписан П.И. Воробьевым. Он включал в себя 14 пунктов: Сумки санитарные (5 шт.), жилеты искусственные (2 шт.), шлемы стальные прострелянные (10 шт.), обмундирование зимнее (5 комп.), шлемы (5 шт.), тужурки (5 шт.), брюки (5 пар), брюки летние (5 пар), мундиры (5 шт.), шинели (5 шт.), плащ-палатки (5 шт.), сумки патронные (5 шт.), ранцы меховые и брезентовые по пять штук²⁸. Этот список прилагался к прошению начальника склада ОВС (обозно-вещевая служба), в котором Воробьев просил выдать трофейное обмундирование на основании приказа НКО № 143²⁹.

11 сентября в полевую почту 24431-а начальнику штаба была послана записка за подписью Я.Ф. Куске и П.И. Воробьева с просьбой на основании приказа № 143 передать в АИМ личную винтовку снайпера Ильина, его снайперскую книжку и фотографии³⁰. К этой записке прилагалось и письмо тов. Ильину, где его

просили передать свою винтовку, книжку и фотографию в музей³¹.

В сентябре от Я.Ф. Куске приходит записка П.И. Воробьеву, в которой ему говорилось о том, что в сборе экспонатов по прежнему нужно ставить упор на собиране реликвий и трофеев, связанных с конкретными событиями и боями. Также предписывалось предпринять меры для сбора предметов связанных с непосредственной обороной города, например продукция оборонных заводов, предметы МПВО и т.д.³² 16 ноября начальник отдела истории стрелкового вооружения, подполковник И.А Глотов пишет обширный доклад Куске о результатах своей командировки в Ленинград, Москву и действующую армию. Глотов приводит сроки, в которые он уложился, собирая реликвии и трофеи. На Лен. фронте с 16.03.43 по 07.07.43; на Брянском фронте с 27.07.43 по 27.08.43; на Степном фронте с 28.09.43 по 19.10.43. Особо следует подчеркнуть, что указанная работа по сбору трофеев велась на Лен. фронте еще до приказа НКО. Глотов подчеркивал в письме положительные и отрицательные факты работы и выполнения приказа НКО. Во первых, роль фронтового представителя музея сводилась лишь к сбору трофеев, вместо отбора и выделения, незнание приказа НКО, невозможность возить материалы с собой, отсутствие постоянно прикрепленной автомашины (тут Глотов отмечает, что все же была прикреплена к нему постоянна машина на Лен. фронте, но и только), отсутствие своего и прикрепленного фотографа – все это мешало работе. Среди положительных фактов Глотов отмечает возможность выявления и устранения причин, тормозящих выполнение приказа НКО. В конце письма Глотов подвел некоторые выводы о том, что надо сделать на фронте³³.

Сводные данные, которые представлены приложениями к письму, вызывают интерес. Всего боевых реликвий на трех фронтах было выделено и собрано 1113. Возле этой цифры красным карандашом сделана приписка о том, что получено 1015 (с Брянского фронта вместо 156-ти предметов – 94, а со Степного вместо заявленных 83-х предметов всего 47). Количество боевых трофеев выделенных и собранных – 2630. Получено из них, судя по приписке 2332. С Лен. фронта получены все 2230 предметов, с Брянского фронта вместо 253 поступило 52 предмета, а со Степного 50 вместо 147. Третьим приложением шло письмо начальникам штабов артиллерии фронтов Брянского, Воронежского, Степного и Западного о том, чтобы были даны распоряжения по обеспечению постоян-

ного представителя АИМ КА Глотова на съемку важных исторических мест проведенных боев, укрепрайонов и вооружения противника. Четвертым приложением идет приказание войскам Брянского фронта от 29 июля 1943 года. В нем указывались вещи, подлежащие сбору, а так же приказывалось оказывать помощь представителю музея, обеспечить его транспортом и проводить отправку отобранного имущества³⁴.

В Архиве ВИМАИВиВС представлен доклад Куске Н.Н. Воронову о результате сбора трофеев-памятников и реликвий Великой Отечественной войны согласно приказу НКО СССР от 27.3.43 г.³⁵ Дату доклада точно установить нельзя. Предположительно это 1 ноября 1943 г., так как именно по состоянию на эту дату было указано количество собранных трофеев и реликвий. Ян Фрицевич вновь докладывает о результате сбора трофеев-памятников на Ленинградском, Брянском и Степном и Воронежском фронтах, а так же в районе Сталинграда. Из всего собранного материала Куске выделяет как наиболее ценные трофеи.

На Ленинградском фронте:

1. 37 мм германская противотанковая пушка, 75 мм французская противотанковая пушка на немецком лафете и 76 мм пушка обр. 1936 г. (переделана противником), 37 мм чехословацкая пушка на немецком лафете, два немецких танка ТИГР (Т-VI), 37 мм и 20 мм германские авиапушки, 7, 92 мм германские самозарядные винтовки системы «Вальтер» и «Маузер».

2. 70 мм пушка обр. 1927 г., снайперские винтовки знатных снайперов (5 шт.), одна из них с надписью «Истребителю Голованову П.С. от военного совета Ленинградского фронта. 28 февраля 1942 года», реликвии лучших бойцов Лен. фронта: капитана артиллериста Родионова, Героя Советского Союза т. Яковлева, знатных снайперов Героев Советского Союза т. Смолячкова, Симанчка, Голованова, Гришина, Прошагина, Захарченко, документальный исторический материал по боевой деятельности Ленфронта, образцы продукции оборонных заводов г. Ленинграда «Красный Путиловец» и «Красногвардеец».

С Брянского Фронта:

1. 37 мм германская противотанковая пушка, 105 мм германская пушка, изготовленная в 1935 г., 7,92 мм германские пулеметы «МГ-42», 7,92 мм германские винтовки – самозарядные системы «Вальтер» и снайперская системы «маузер» с опт. прицелом.

6,5 мм итальянский карабин системы «Берета».

2. Отечественные образцы вооружения – боевые реликвии 380-й Орловской стрелковой дивизии (76 мм орудие, 7,62 снайперская винтовка т. Минаева, 7,62 мм магазинная винтовка сержанта Козионова, пулемет «максим» ст. сержанта Байбусунова, 14,5 ПТРД ст. сержанта Денисова, 82 мм батальонный миномет сержанта Караваева и мл. сержанта Гордиенко) и 16 Карачаевской Ордена Ленина Стрелковой дивизии (76 мм орудие, 7,62 мм снайперская винтовка, пистолет пулемет, пулемет станковый «максим» и ручной пулемет ДП, а также 82 мм батальонный миномет).

3. Особые реликвии фронта: первые советские флаги, водруженные в г. Орле.

4. Документальный исторический материал о боевом пути соединений и частей брянского фронта.

Со Степного фронта:

1. Зенитные арт. системы, противотанковые арт. системы, полевые арт. системы, первые советские флаги, водруженные в городах Полтава и Харьков.

Далее в докладе Куске пишет о ряде трудностей и недочетов при исполнении приказа НКО № 143. Нормально выполнялась работа по выполнению приказа только на Лен. фронте. Ни с одного из фронтов, где не было представителей музея предметов не поступало, на Степном же фронте выяснилось, что у них нет приказа № 143, вследствие чего собирательная работа не велась. Для немедленного выполнения приказа Готов представил начальнику штаба фронта проект приказаний войскам фронта по реализации приказа НКО № 143, напечатана отдельная статья в газете «Суворовский натиск», но после этого все равно поступлений от степного фронта пока не было.

На Брянском фронте перечисленные выше предметы были отобраны и высланы (частично) только после прибытия туда представителя музея. Здесь же Куске отмечает несерьезное отношение к исполнению приказа № 143.

Для улучшения выполнения и реализации приказа № 143 Куске предлагает издать особый приказ НКО СССР по упорядочению дела выявления, выделения сбора и учета трофеев памятников реликвий путем назначения в штабы фронтов и армий на специальную штатскую должность одного старшего офицера, персонально отвечающего за эту работу. Так же Куске просит установить

аналогичную штатскую должность в штабах артиллерии фронтов и армий. Далее приведена сводка по сбору трофеев и реликвий, согласно приказу НКО № 143 по состоянию на 1.11.43.

Всего собрано 11 322 предмета, трофеев 8631, а реликвий 2691. Из них с Лен. Фронта, Степного и Брянского было собрано 4097 и 2691 предметов соответственно, тогда как с Воронежского фронта и района города Сталинград было собрано лишь 4534 трофея. Тут же пометка, что с Брянского и Степного фронтов не доставлено 12 трофейных и 12 реликвийных артсистем, 11 трофейных и 8 реликвийных минометов, 85 трофейных и 32 реликвийных образца стрелкового оружия и первый советский флаг города Полтавы – один экз. Надо думать, что недоставка большого количества вооружения в музей была связана с тем, что орудие это было нужно, в первую очередь, на фронте.

Уже 3 декабря Начальнику ЦШПД Пономаренко было отправлено послание, от Самсонова и Прочко, в котором ему предписывалось передавать реликвийные предметы и трофеи музею³⁶, а 21 декабря последовало напоминание от Начальника ГАУ КА Яковлева начальникам артснабжения фронтов армий и дивизий о необходимости соблюдать приказ НКО № 143.

9 ноября заместителям Командующих артиллерией по артснабжению и начальникам штабов артиллерии фронтов и армии поступает письмо, от начальника штаба артиллерии КА генерал-лейтенанта артиллерии Самсонова. В нем говорилось о том, что после проверки офицерами АИМ КА выяснилось, что отобранные предметы с фронтов не высылаются и приказ НКО не выполняется. Самсонов просит пересмотреть отношение к приказу, поскольку, по его словам, множество трофеев и реликвий уже утеряно, а подвиги войны, и память о боях, не должны быть забыты³⁷.

6 декабря 1943 года Глотов направляет записку начальнику штаба 42 армии, в которой просит передать в музей специальными актами реликвии-образцы отечественного стрелково-минометного вооружения (винтовку, пистолет-пулемет, ручной и станковый пулеметы, ротный и батальонный минометы, 14,5 ПТРД или ПТРС по 1-2 экземпляра каждого образца), принадлежавшие наиболее прославленным в боях и знатным бойцам армии, так же передать макет обороны Пулковских высот, художественные произведения, выполненные армейскими художниками³⁸. Следующая записка от 6 декабря была адресована начальнику штаба 62 армии с той же

просьбой – передавать в музей реликвии и трофеи³⁹. Еще одна записка того же числа была отправлена Командующему 2-й ударной армии генерал-лейтенанту Романовскому⁴⁰.

В следующем, 1944 г., по отчету заместителя начальника НИО АИМ КА полковника Сорокина Н.Т. о командировке в г. Москву и Ленинград с 11 ноября по 25 января видно, что за период с 11 февраля 1944 г. по 24 января 1945 г. на ЦВБ-45 было 12 поступлений трофейного имущества. Всего же за это время поступило⁴¹:

1. 122 мм гаубица обр. 1938.
2. 85 мм зенитная пушка обр. 1938.
3. 76 мм пушки ЗИС-3 в количестве 3 штук.
4. 45 мм ПТП обр. 1937.
5. 40 мм венгерская зенитная пушка.
6. 82 мм минометы в количестве 3 шт.
7. 50 мм миномет, 14,5 мм ПТР в количестве 3 шт.
8. 7,62 различные винтовки, карабины, пистолеты пулеметы в количестве 10 шт.
9. Пулеметы различные в количестве 2 шт.
10. Различные пистолеты в количестве 3 шт.
11. Спецвинтовка.
12. Мелкокалиберная [малокалиберная. – *Прим. авт.*] винтовка
13. Бинокли (6*30 и 10*50) в количестве 2 шт.
14. Знамя 4 корпуса арtpолка.
15. Компас немецкий.
16. Топографические карты в количестве 3 шт.
17. Кресты значки ордена в количестве 13 шт.
18. Монеты различные в количестве 14 шт.
19. Денежные знаки в количестве 12 шт.
20. Фотоснимки в количестве 60 шт.
21. Гимнастерка.
22. Коврик.
23. Танк Пантера.
24. Реактивные немецкие мины в количестве 45 шт.

В феврале 1944 г. и. о. начальника СТВ 2 УА майор Келдин пишет записку командирам трофейных рот и начальнику трофейного склада № 2361 2-й ударной армии о том, что он разрешает тов. Грусланову произвести отбор образцов трофейного вооружения для АИМ КА⁴² (рис. 2).

Рис. 2. Старший лейтенант Грусланов В.Н. беседует с офицерами и бойцами перед наступлением на г. Выборг. Фото 1944 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 1. Д. 83. Л. 59

Судя по запискам зам. начальника АИМ КА подполковника Терентьева от ноября 1944 г., можно говорить о том, что командующий Ленинградским фронтом отдал приказания 0137 от 2 июля 1944 г., 0201 от 22 сентября 1944 г., 0241 от 4 ноября 1944 г., в которых определялся порядок передачи вооружения музею, после того как надобность в них исчезнет. На основании того, что уже значительное количество артчастей и соединений убыла из подчинения Лен. фронт, а орудия-реликвии теряются, перемещаясь на другие фронты, и Терентьев ходатайствует перед председателем Арткома ГАУ Хохловым и зам. командующего по артснабжению Лен. фронта, генерал-лейтенантом Голубевым, о передачи в музей хотя бы по 3-4 единиц орудий и стрелкового вооружения⁴³.

Что касается 1945 г., то в архиве ВИМАИВиВС есть интересный доклад Грусланова, которого командировали на белорусские фронты. Сначала постоянный представитель музея прибыл в Москву, где ему были выделены два офицера в помощь.

21.02.45 г. все трое выехали на фронты. Грусланов выехал на второй белорусский фронт, где посетил Брест, Варшаву, Кронowo и т.д.⁴⁴ Список трофеев и реликвий, собранных на фронтах Отечественной войны с 1 января по 25 мая 1945 г. также представлен в Архиве ВИМАИВиВС. Всего было собрано 1254 предмета, среди них медали жетоны, ордена, знамена, флаги, личные вещи, книги атласы альбомы, предметы обмундирования и снаряжения, карты, документы и так далее⁴⁵.

Разумеется, в данном материале, отражена лишь небольшая часть того, что на самом деле делал музей в годы войны. Он собирал не только оружие и обмундирование, но так же и газеты, журналы, все, что хоть как-то касалось Великой Отечественной войны и борьбы народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Благодаря этой работе, сегодня любой человек может посетить ВИМАИВиВС, прикоснуться к страницам нашей истории, почувствовать всю трагедию нашего народа в годы Великой Отечественной войны, увидеть героизм солдат. Собрание экспонатов ВИМАИВиВС – это свидетельство того, что подвиг защитников нашей Родины не будет забыт никогда!

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 1. Д. 66. Л. 28.

² Там же. Д. 71. Л. 1.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 18 об.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 21 об.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 55.

⁹ Там же. Д. 75. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.

¹¹ Там же. Оп. 12. Д. 37. Л. 3–3 об.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 79. Л. 1 и 3.

¹³ Там же. Д. 75. Л. 15.

¹⁴ Там же. Д. 79. Л. 8–8 об.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 9–9 об.

¹⁷ Там же. Д. 80. Л. 3 и 4.

¹⁸ Там же. Д. 75. Л. 38.

¹⁹ Там же. Д. 80. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 13.

- ²² Там же. Д. 78. Л. 31; Д. 75. Л. 34.
²³ Там же. Д. 80. Л. 31.
²⁴ Там же. Д. 75. Л. 34; Д. 78. Л. 42.
²⁵ Там же. Д. 79. Л. 54.
²⁶ Там же. Д. 82. Л. 36 об.
²⁷ Там же. Л. 1–10.
²⁸ Там же. Д. 80. Л. 37.
²⁹ Там же. Л. 38.
³⁰ Там же. Л. 30.
³¹ Там же. Л. 31.
³² Там же. Д. 78. Л. 121.
³³ Там же. Д. 82. Л. 45.
³⁴ Там же. Л. 34–34 об., 35–35 об., 36–36 об., 37–37 об., 38–39, 40, 41–41 об.
³⁵ Там же. Л. 60–69.
³⁶ Там же. Л. 70.
³⁷ Там же. Л. 78–80.
³⁸ Там же. Л. 53.
³⁹ Там же. Л. 54.
⁴⁰ Там же. Л. 55.
⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 33
⁴² Там же. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.
⁴³ Там же. Л. 16–17.
⁴⁴ Там же. Д. 90. Л. 24–24 об., 25–25 об.
⁴⁵ Там же. Л. 43

Е.В. Хатанзейская (Архангельск)

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
АРХАНГЕЛЬСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(Опыт систематизации и интерпретации
исторических источников)**

Большинство открытий, сделанных в последнее время в различных отраслях знаний, включая гуманитарные, были сделаны на стыке дисциплин. В результате подобного междисциплинарного сотрудничества возникают новые методы, и новые научные дисциплины. Все это стало основным содержанием так называемого «антропологического поворота» в исторической науке.

Военная история – область исторических исследований, которая давно и плодотворно разрабатывается в российской и мировой исторической науке. В советской России, традиция которой продолжалась вплоть до недавнего времени, военная история концентрировалась на изучении собственно военных, военно-экономических, военно-политических аспектов. Господствующим был событийный подход, в рамках которого освещались ход боевых действий, крупные сражения и битвы, участие в них больших войсковых масс, видов и родов вооруженных сил. За рамками исторической науки оставался рядовой человек с его мыслями, чувствами, мотивациями, поступками и реальным поведением, а также его повседневная жизнь. Но зачастую причины победы и поражения невозможно понять без анализа психологической атмосферы в армии и обществе, общественных настроений, положения в стране. Так, если оставить человеческую составляющую истории фронта и тыла, сложно было бы в полной мере раскрыть причины победы страны и ее народа в условиях Великой Отечественной войны.

Это давно осознали военные теоретики и практики. Причем отечественные специалисты в осмыслении данной проблемы не

уступали зарубежным. Например, зарождение и становление военной психологии и военной социологии на рубеже XIX–XX в. происходило именно в России, но позднее, после 1917 г. эти исследования гораздо более интенсивно развивались на Западе. В 1920–1930-е гг. деятелями русской военной эмиграции (Н.Н. Головнин, П.Н. Краснов, Р.Г. Дрейлинг), а в СССР – старыми военными специалистами (Г.Ф. Гирс, П.И. Измestьев, А.Е. Снесарев) также затрагивались отдельные сюжеты, связанные с психологической проблематикой на материалах Первой мировой войны, но преимущественно с прикладными задачами. Позднее узкоутилитарный аспект военно-психологических исследований на многие десятилетия стал доминирующим, т.к. занимались ими почти исключительно внутри военного ведомства¹.

В настоящее время резко возросла актуальность исследований военно-исторической проблематики в связи с появлением новых тем для исследования, которые считались ранее запретными. Другой тенденцией является утверждение новой, антропологической парадигмы в исторических исследованиях. Но антропологический аспект военно-исторического знания остается слабо изученным и фрагментарным, хотя и содержит немало интересных работ. Сегодня перед российской исторической наукой стоит задача создания отсутствующей системности в военно-исторических исследованиях, касающихся «человеческого измерения» войн и вооруженных конфликтов, на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта.

Для всех видов антропологически ориентированной истории характерен перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур, больших общностей и событий на изучение небольших групп, стратегий поведения индивидов, а также переход от описания значимых событий к анализу повседневности. А для объяснения поведения и взаимодействия людей широко привлекаются понятия из арсенала социальной и культурной антропологии, социологии, психологии и других наук о человеке².

Современные военно-исторические исследования строятся на разнообразных, традиционных и нетрадиционных для историка источниках: это статистика, официальные документы, периодическая печать, письменные воспоминания, интервью, анкетные данные участников событий, фольклор, кино- и фотодокументы и др.

С их помощью становится возможным проследить такие процессы, как эволюция массового сознания, образа врага на разных этапах войны, психологические аспекты жизни как военных, так и мирного населения, судьба «потерянного поколения» – людей вернувшихся с войны, но не нашедших себя в мирной жизни. Этот феномен нашел отражение в литературе эпохи, но для историков, за исключением недавнего времени предпочитавших исследовать глобальные военные события, а простого человека представлять в мифологизированном виде или не упоминать вовсе, он «выпал» из поля зрения.

Тотальный характер мировых войн проявился в вовлечении в их орбиту широких масс гражданского населения. Период подготовки к войне накладывает тяжелый отпечаток на общество как таковое и, соответственно, его повседневную жизнь. Это и особая стратегия воспитания подрастающего поколения, и тяжелые материальные условия жизни большинства населения. Но самое главное – это целенаправленное формирование особого образа мысли граждан милитаризируемого общества. Привычка жить в экстремальных условиях повседневности, создающая условия для «про-растания» привычки к насилию, формируется задолго до начала войны. Общество проходит определенную стадию «обработки», в ходе которой массовое сознание населения подвергается мощному воздействию пропаганды, формируются различного рода стереотипы и штампы в сознании людей, делающие такую жизнь в ожидании войны как бы само собой разумеющимся явлением. Милитаризм входит в частную жизнь каждого гражданина, подвергая ее изменениям задолго до начала военного конфликта.

Травматические эффекты войны не ограничиваются собственно проблемами их участников и ветеранов. Помимо них в силу известного «феномена экспансии психотравмы» в число потенциальных жертв боевого стресса вовлекаются жены, дети, родители участников-ветеранов, их соседи, коллеги по работе и т.д.³

Все эти проблемы углубляются и заостряются и за счет стресса социального: полуразрушенные города, отсутствие работы, а иногда и места жительства порождало у людей чувство ненужности в мирной жизни. Бюрократическая волокита, с которой пришлось им столкнуться при трудоустройстве или получении нового жилья, не вызывала у этих людей ничего кроме злости и раздражения.

Проблемы выхода из войны, преодоления жизненных стереотипов и стратегии выживания в условиях военной повседневности мало изучены. Но их необходимо изучать, в частности, с практической точки зрения – чтобы в будущем преодолеть последствия военных конфликтов и, прежде всего, психологические последствия. А это, в свою очередь, невозможно сделать без конкретного исторического материала. Конкретный исторический материал, в синтезе с военно-исторической антропологией, может предоставить еще одно направление современной российской исторической науки – история повседневности. С помощью этого направления можно более детально, на личностном уровне показать влияние войны на жизнь отдельного, обычного, «маленького человека».

Для этой цели служат разнообразные источники, в частности, особую роль приобретают источники личного происхождения.

Традиционные письменные источники личного происхождения, или «эго-документы» – биографии, мемуары, дневники и письма, – позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, уловить то, что отличает его повседневность от жизни других людей, находящихся в тех же исторических условиях или обстоятельствах. С их помощью можно оценить характер социально-экономических и политических изменений сквозь призму жизни и восприятия простых людей. Источники личного происхождения воспроизводят формы социального общения, представления, мысли, чувства, т.е. можно уловить человеческое содержание социальной культуры с помощью языка, стиля, фразеологии, терминологии. Явления человеческой жизни, через которые проявляются взгляды, мировоззрение, уровень культуры людей, принадлежащих к различным социальным слоям, позволяют оценить степень влияния событий эпохи на жизнь общества, степень его готовности, а также варианты решения проблем, связанных с повседневной жизнью, стратегии выживания и осмысления событий и явлений жизни «маленькими людьми». Действительность передается через субъективное восприятие, что дает неисчерпаемое множество деталей и примет времени, возможность «вжиться» в эпоху.

Важнейшим источником при изучении человека в условиях повседневности военного города являются дневники. Здесь находят отражение все аспекты жизни. Важно, что это не последующее воспроизведение фактов и событий, о которых автор вспоминает, к примеру, спустя несколько десятилетий, а прямая фиксация

характерных особенностей эпохи, прошедших сквозь призму сознания конкретного индивидуума.

Дневники не просто фиксируют обыденность в ее непосредственных проявлениях (бытовые детали, цены на продукты, погоду), но и передают «атмосферу эпохи», восприятие окружающей действительности человеком эпохи, его ценности, цели, мечты, надежды, мысли, а также стратегии выживания человека или группы людей в условиях войны. Так, дневник жителя г. Архангельска Ф.Н. Паршинского⁴ представляет собой подневные записи мыслей, переживаний и наблюдений, своеобразная хроника повседневной жизни города, запечатленная глазами обыкновенного человека, вынужденного ежедневно бороться за свое выживание. При этом автор дневника являлся своего рода «внутренним диссидентом», не признающим советской власти и имеющим своеобразный взгляд на события войны, явления жизни города первых месяцев войны.

«Сотни тысяч людей с характерами и политическими убеждениями были замучены, остались только сопли советские да беспринципная масса шкурников, рассчитывающая на то, что им удастся уцелеть до прихода германцев, а еще бы лучше – англичан и американцев. Нет, такой народ не создаст ополчения...»⁵.

Но, сопоставляя различные источники и литературу⁶, можно уверенно говорить о том, что дневник этот отражает умонастроения определенной части населения г. Архангельска, и даже Советской России.

Автор дневника никогда не скрывал своего негативного отношения к советской власти, он ждал немецких захватчиков как освободителей. Но каждый факт неосторожно сказанного слова отмечался самим же автором на страницах дневника. Таким образом, видимо, автор стремится преодолеть в своем сознании тяжелое наследие жизни в условиях советского режима, но преодолеть страх ему удается с трудом.

«Разговаривал с Мартыновым. Сказал ему, что германцы сбрасывают листовки, обещающие Учредительное собрание и единоличное хозяйство вместо колхозов. Сказал, что германцы лучше вооружены, чем красноармейцы. Богатыреву сказал, что смоленское направление – наша неудача; соглашение с Англией, – сказал я ему, – не имеет боевого значения, ибо у Англии с Германией война была и до соглашения; единственно новое – это взаимное обстоятельство не заключать сепаратного мира с Германией»⁷.

При этом сохраняется полное понимание того, что происходит. Автор дневника осознает растерянность советских органов пропаганды в первые месяцы войны:

«Наконец-то в “Правде Севера” напечатано, что “Балтийском море... потоплено 11 транспортов противника, один танкер и сбит один самолет-истребитель”. Мы потеряли “один самолет и один торпедный катер, команда которого спасена”. Но это запоздание газетного сообщения свидетельствует о том, что как ни воздерживались газеты от печатания этой небылицы, но все-таки вынуждены были подтвердить радиоболтовню...»⁸.

В своем дневнике одинокий пожилой мужчина стремится высказать все, что его волнует: очевидно, он не может поговорить о своих проблемах со знакомыми и соседями. От внимания не ускользает ни одна деталь повседневности: подробно описаны разговоры на улицах, очереди в магазинах и кафе, цены на продукты, настроение и поведение людей, содержание газет, погода.

«Только на 5 мин. позже вчерашнего вышел из дому и оказался уже 788-м в очереди за коммерческим хлебом (а вчера 204). Мороз не меньше вчерашнего плюс ветер с востока. В 6 часов утра оказалось, что милиционер все номера сбил, так как неоднократно разгонял очередь. При мне пересчитали вновь, и у меня оказался № 315. Это малоутешительно, так как хлеба нет, а когда привезут – неизвестно. Если к 8, то, пожалуй, с 10 я и получу. Но какой это будет хлеб?»⁹.

Ф.Н. Паршинский был арестован в январе 1942 г. по обвинению в шпионаже и антисоветской агитации и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В качестве доказательства его вины (помимо доносов знакомых) был представлен и вышеупомянутый дневник.

Воспоминания, изложенные в литературной форме, специально предназначенной для закрепления и исторического осмысления индивидуального жизненного опыта автора – участника исторических событий, также важны при изучении повседневности. Но мемуары и воспоминания – источники, связанные с памятью, а значит и с ее избирательной способностью. Память не всегда способна удержать те важнейшие детали, которые необходимы историку. Механизм этой избирательности до конца не изучен и вряд ли когда-нибудь будет постигнут, известно лишь, что перестройка памяти, сопровождающаяся частичной утратой полученной

информации, – естественный и благотворительный для человека процесс. Сохранение воспоминаний в полном и чистом, переработанном виде несовместимо с нормальным функционированием психики, с восприятием нового¹⁰.

Память часто вытесняет наиболее страшные и болезненные эпизоды жизни из создания автора воспоминаний навсегда. Так, книга жительницы г. Архангельска, М.В. Пиккель, содержит воспоминания о тяжелейших страницах истории (в частности, 30-е гг. и Великая Отечественная война), отдельные отрывки которых перемежаются фразами «что было дальше, я не помню...», «этот эпизод утрачен в моей памяти». Причем сам автор воспоминаний объясняет причину: «память, защищая сознание, вытеснила эти страшные страницы жизни навсегда»¹¹. Книга адресована потомкам автора, и по ее просьбе, не была опубликована. Можно предположить, что эта просьба включает в себе не только естественный «барьер» перед неизвестной читательской аудиторией, но и страх, внушенный системой на протяжении долгих лет. Автор начинает свое повествование с дореволюционной эпохи и завершает современностью.

Особый интерес представляют главы книги, касающиеся 1930-х гг. и военного времени. Здесь ярко и наиболее полно представлены эпизоды повседневности, характеризующие эпоху. Автор представляет в тексте повествования несколько категорий создания человека того времени. Одной из важнейших для понимания эпохи категорий был страх. Будучи этнической немкой, М.В. происходила к тому же из семьи врагов народа (отец ее был репрессирован в конце 1920-х гг.). Но сталинская конституция 1936 г., законодательно отменившая поражение в правах детей врагов народа, «помогла» ей поступить на рабфак Архангельского Мединститута. Она так пишет об этом времени (повествование относится к 1937 г.): «Надо сказать, что в это время уже начинались первые “чистки” областных “верхов”, в том числе и в Архангельске: был “снят” первый секретарь обкома и весь его кабинет. Об этом уже все знали, и страх, противный унижительный страх, при полном непонимании того, что происходит в верхах, как местных, так и самых высоких, уже поселился в умах многих»¹².

В своем повествовании автор, говоря о периоде 1930–40-х гг., несколько раз возвращается к теме страха: «...и всеобщий страх в стране, доносы и вербовка доносчиков. Не знаешь, кто – враг, кто –

друг. Сталин вершит власть уже не только через НКВД, повсюду им организованы так называемые “тройки”, которые без суда и следствия имеют право вынести смертный приговор “врагам народа”, и чем больше этих “врагов”, тем выше оценивается их “работа”»¹³.

Это один из немногих доступных нам источников, поднимающих проблему страха в эпоху Сталина. О страхе предпочитали не говорить информанты в устной речи, не упоминали о нем и люди, ведущие дневники, тем более, пишущие письма с фронта и на фронт (они догадывались о практике перлюстрации писем). Страх был запретной темой для «советского человека». Но, тем не менее, ощущение страха сопровождало советских граждан постоянно. В годы войны страх еще более усилился:

«Вообще, военные годы были страшными не только потерями родных и близких на фронтах, смертями тысяч и тысяч мирных людей от истощения и болезней в тылу, но и, что было самым ужасным, всеобщая подозрительность, уничтожение собственного народа всесильной и жестокой машиной НКВД, выполнявшей и перевыполнявшей планы по выявлению и наказанию “неблагонадежных”, постоянный страх оказаться среди этих несчастных, ни в чем не повинных, толпами гонимых с котомками через весь город “на этап”, ночные аресты и “черные воронки”, выезжающие “на охоту” с наступлением темноты. Подозрительным с точки зрения НКВД мог оказаться кто угодно, в том числе и мы»¹⁴.

Автору удалось передать атмосферу, настроение общества, переживания людей того времени на личностном уровне: когда в определенные моменты жизни человека мир сжимается до предела, становясь «интимно-близким», он запоминает детали особенно ярко. Основное повествование книги, касающееся периода войны, раскрывает нам тяжелейшие условия существования большинства людей того времени:

«В эти годы мы жили в огромном общежитии Пединститута под названием Семисотка, по количеству комнат в нем. Там жили и студенты и преподаватели. В нем мы трижды переселялись из одной комнаты в другую в зависимости от “жилищеспособности” помещения: разбитых окон, крысиных стай, возможности хоть как-то отапливать огромную комнату (одна печка на 50 кв. м при двух огромных перекошенных и гнилых окнах). Мне приходилось проходить большое расстояние до трамвая, который часто не ходил, и тогда мне надо было проходить пешком полгорода до работы.

Я вынуждена была вставать в 6 утра при позывных радио, которое не выключалось»¹⁵.

Среди источников личного происхождения довольно часто встречаются воспоминания жителей города, целенаправленно собиравшиеся городскими общественными организациями. В основном они представляют собой спонтанные, неорганизованные заметки о жизни города в военное время¹⁶. Подобные воспоминания публиковались и в советский период¹⁷. Но они не представляют для исследователя никакой ценности: будучи тщательно отредактированными, такие источники несут в себе очень мало полезных сведений, в том числе и по истории повседневности. Они являются также недостаточно репрезентативным источником в силу тщательного надзора со стороны печатных органов – важнейшие детали жизни города в военное время не нашли в них отражения.

Совершенно незаменимым источником при изучении истории повседневности служат воспоминания людей другой культуры, оказавшихся в нашей стране, в частности, в Архангельске, в силу различных обстоятельств. Это воспоминания иностранцев¹⁸, в которых получается некий критичный, и, порой, более достоверный «взгляд со стороны» на облик города, его жителей, отражение в «чуждых» этой культуре глазах сознания и образа жизни, стереотипов поведения и менталитета горожан, которые составляют основу истории повседневности. Такие источники крайне важны для историка, т.к. воспоминания людей приезжих дают «скрытую» для историка информацию, подмечают детали картины мира, ускользающие от современника, находящегося внутри изучаемой культуры («носителя» изучаемых повседневных практик).

Кроме того, сознание иностранцев было менее подвержено действию советской пропаганды. В силу «чуждости» среды, в которой они оказались, и меньшей «проработанности» сознания, они подмечали гораздо больше деталей повседневности, чем советские граждане. Так, в воспоминаниях иностранцев нашли отражение такие проблемы, как детский и женский труд в порту и на предприятиях города, попрошайничество, беспризорничество, хулиганство. Ужасные бытовые условия шокировали их гораздо больше, чем привыкших уже ко всему жителей города. А контраст между материальными условиями жизни работников НКВД и простых жителей города гораздо более четко отразился в воспоминаниях иностранных, чем советских граждан.

В любом случае, воспоминания – это ответы на заранее продуманные вопросы. Сегодня исследователь истории повседневности имеет возможность расширить спектр источников за счет свидетельств еще живущих информантов, самостоятельно сформировав источник – интервью – посредством звукозаписывающей техники и компьютера. Непосредственная беседа с участниками и очевидцами событий, «носителями» изучаемой культуры, позволяет уловить «культурный код» эпохи, запечатлеть ряд деталей, неуловимых для современника. Подобного рода диалоговые устные воспоминания позволяют историку получить от респондента намного больше информации, чем может получить историк, читающий, скажем, опубликованные воспоминания или мемуары. Автор данной статьи осуществил сбор более 50 интервью с жителями Архангельска, касающихся непосредственно периода войны¹⁹.

В беседе с информантами была получена ценная информация о жизненном мире людей того времени, включающая не столько бытовые детали, сколько настроения, переживания, надежды, иллюзии, а также культурные и речевые «штампы» и стереотипы, свойственные людям эпохи. Но ретроспективный взгляд на события прошлого, нашедший отражение в воспоминаниях-интервью, подвергнут осмыслению с позиции сегодняшнего дня. Соответственно, эмоциональный окрас событиям прошлого могут придавать сегодняшние факторы повседневной жизни. Настоящее нередко видится респондентами в категориях упадка «большой эпохи», а прошлое, напротив, идеализируется.

Это характерно для всех источников личного происхождения, связанных с последующим устным или письменным воспроизведением опыта жизни в рамках конкретной эпохи: они отражают личность человека и его историческое сознание в момент их написания, а не во время описываемых событий. Нередко личность мемуариста или информанта, может быть, незаметно для него самого, претерпевает некую модернизацию.

Письма – один из важнейших источников для изучения истории повседневности, исследования того, как люди разного положения, знания и кругозора переживают на себе исторические события, в частности, войну. Письма затрагивают корневые, микроскопические формы бытия, содержат множество сведений о повседневности. Так, из переписки можно многое узнать об экономическом пространстве частной жизни. В письмах, адресованных

жителями города на фронт, наиболее ярко прослеживаются основные стратегии выживания людей в условиях военной повседневности. В письмах можно почерпнуть информацию о том, какие ресурсы использовал человек во время голода, какие нетрадиционные источники пищи изыскивало население (в годы войны только по официальной статистике, данным ЗАГСа в Архангельске от голода и болезней умер каждый четвертый житель²⁰).

Письма, как и дневники, непосредственно фиксируют эпоху в момент их написания, т.е. это не последующее воспроизведение деталей жизни, а непосредственная запись жизненных явлений, повседневных практик, стратегий выживания, которые затем могут быть утрачены в памяти человека, жившего в данный период. Письма – это своеобразный «продукт эпохи», очень полно ее отражающий. Но такие источники найти непросто: письма вскрывались, перехватывались, уничтожались. Поэтому, одной из главных задач в работе историков с письмами является проблема их поиска, выявления, собирания и хранения. Все это связано с политикой в области архивного дела и уровнем исторического сознания общества.

Проблемы использования писем как исторического источника заключаются не только в вопросах сохранности и доступности. В личных письмах, особенно периода войны, находит отражение такой феномен советского сознания как самоцензура. Она является прямым результатом систематической цензуры извне. Человек, постоянно вынужденный вписываться в установленные общественные нормы и правила, постоянно контролирующей свою устную речь и свое поведение, тем более осторожно будет излагать свои мысли в письмах. В силу этого отдельные моменты жизни умалчивались. К тому же, фронтовые письма касались, как правило, людей близких и содержание их зависело от возможной опасности.

Самоцензура характерна в разной степени для всех источников личного происхождения советского периода. Но это не уменьшает их роли в исследованиях, в частности, в изучении повседневности, скорее наоборот, добавляет им определенный колорит. Речевые штампы, стандартные фразы, лексика помогают уловить культурный код эпохи, в котором проявляется ее своеобразие. Кроме того, долгое время источники личного происхождения являлись единственной возможностью узнать правду о некоторых эпизодах жизни города. Так, сведения о поедании кошек, собак, птиц в городе

периода войны, нашедшие отражение в докладных записках и актах местной власти, долгое время были засекречены, и информацию об этом исследователи могли почерпнуть лишь из источников личного происхождения.

Еще одну группу источников составляют материалы периодических изданий (особенно региональных), в которых нашел отражение такой аспект повседневности как приемы манипулирования общественным сознанием советских граждан. Советская массовая периодическая печать обладает низкой степенью достоверности и информативности. В советских газетах периода войны почти не нашли отражения реальные факты, связанные с проблемами повседневности: голод, резкий скачок заболеваемости 1942 г., проблема беженцев и скученность населения, чрезвычайно высокая смертность, бездействие местных властей в этих условиях.

Нужно отметить, что в первые дни войны советские органы пропаганды оказались в растерянности. Советская пресса, в особенности местная, выпускала статьи о речи тов. Молотова, о ближайших задачах советского народа по скорейшему разгрому немецко-фашистских захватчиков, ссылались на исторические примеры по разгрому врагов, рискнувших напасть на Россию с Запада. Одновременно газета «Правда Севера» содержит объявления о наборе в вузы и сузы Архангельска, о репертуаре театров и кинотеатров, – на страницах газет как будто бы продолжалась обычная тихая жизнь северного портового города²¹.

Особенность прессы как источника заключается в сложности ее структуры. Газетный материал включает в себя самую различную по происхождению и содержанию информацию: официальные сообщения и законодательные акты, публицистику и открытые письма, хронику и заметки-отчеты, репортажи и интервью, объявления и беллетристику, некрологи и пр. При этом использовать следует все виды газетных публикаций: коллаж, заголовки, лозунги ЦК ВКПб, передовицы и перепечатка передовиц из центральных газет, материалы пленумов, конференций, съездов и коротенькие корреспонденции. Использоваться должна как актуальная, так и потенциальная (скрытая) информация, ведь в годы войны газеты выполняли главным образом не столько роль СМИ, сколько средств массового воздействия, формировавших определенные идеологические установки, внутри- и внешнеполитические стереотипы²².

Важнейшими приемами манипулирования сознанием является

создание мифов, построенных на противопоставлении светлых и темных героев («комсомольцы в поисках шпионов и диверсантов», «об усилении революционной бдительности») и внушение установки страха – одного из наиболее эффективных инструментов управления сознанием. Все это ярко прослеживается на страницах центральных и местных газет на всем протяжении советской истории. Но в годы войны эти установки приобретают особую специфику.

С началом войны сразу были предприняты меры по изъятию у населения радиоприемников для предотвращения контрпропаганды. С первых дней войны в советской периодической печати появились правительственные призывы к борьбе, рассказы о сопротивлении в странах Европы. Но лишь в конце июля 1941 г. «Правда» опубликовала документы немецкого командования о применении отравляющих веществ в войне с СССР. Затем последовали и другие публикации документов, свидетельства очевидцев, очерки и статьи об ужасах оккупации, насилии, грабеже мирных жителей, преступном отношении к советским военнопленным. Появляются статьи об усилении революционной бдительности, о шпионах и диверсантах, рисуется их возможный облик²³.

Одновременно из пропагандистского лексикона государства постепенно вытеснялись классовые лозунги, которые были заменены патриотическими. Не случайным после тяжелых поражений начала Великой Отечественной войны было обращение И.В. Сталина к национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимися идеологическими догматами. Широко были распространены коллективные заявления работников предприятий, учреждений, студентов вузов и старшекласников с просьбой отправить их на фронт – это широко пропагандировалось прессой.

Одним из важнейших исторических источников по истории повседневности военного города, составляющих определенную оппозицию источникам личного происхождения, в сопоставлении с которыми возможно создать наиболее полную картину действительности, являются архивные материалы.

Архивные документы постоянного хранения фонда первичной партийной организации расширяют возможности для изучения повседневных реалий. Наибольший интерес представляют собой докладные записки, отчеты инспекций, просьбы местных органов власти с изложением ситуации на местах, адресованные Центру.

В годы войны государство достигает максимальной степени централизации – появляется огромное количество отчетных документов. В частности, их можно найти в отделе документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области²⁴.

Эти документы, несмотря на специфический текст, полный идеологических штампов и установок, а зачастую и элементарных орфографических ошибок, обладают значительной степенью репрезентативности. Это можно утверждать, так как, во-первых, при сопоставлении с другими видами источников, как правило, данные, содержащиеся в докладных записках, подтверждались, во-вторых, это типичные документы, отражающие как стандартные ситуации и явления, так и редкие, частные, уникальные. Кроме того, довольно часто эти документы содержат в себе просьбы о помощи, адресованные Центру, а чтобы действия центральной власти были более адекватными обстоятельствам, необходимо максимально точно изложить ситуацию на месте. Наконец, в фондах партийного архива находятся отчеты центральных инспекций о положении на местах (в ключевых учреждениях Архангельска) – можно говорить о том, что информация, содержащаяся в них максимально достоверна, так как это дело государственной важности (через архангельский порт осуществлялись стратегически важные поставки лендлизовских грузов, вывоз экспортной древесины и др.). В большинстве своем эти документы содержатся под грифом «совершенно секретно». Они стали доступны исследователям лишь последние несколько лет. Можно обратиться также к архивным фондам предприятий, которые содержат документы, отражающие производственную повседневность военного времени.

Дополнительным источником при изучении повседневности могут быть статистические документы из сборников по народному хозяйству СССР²⁵.

Важнейшим источником по истории повседневности является фотография. Видеоряд, нашедший отражение в фотографии, отражает мироощущение, быт, поведение людей, их физическое состояние, привычки и обычаи. Взгляд фотографа 1930–40-х гг. «неантропологичен»: снимается, как правило, не человек, а событие, в производстве снимали не работников, а трудовой процесс, который обслуживали эти люди. В результате визуальный ряд становился самодостаточным²⁶. В кадр в таком случае попадает

потенциальная для историка и скрытая для современника информация: процесс и условия труда, ощущения человека в этих условиях, его самовосприятие и восприятие окружающей действительности, отношение к происходящему. Но потенциальную информацию сложно вербализовать. Обнаружить ее можно, сопоставляя различные виды источников. Например, необходимо сопоставлять текстовую и визуальную информацию, а также сами фотодокументы – фотографии, различные по происхождению и местам хранения (фонды архивов, музеев и др.).

Таким образом, мы попытались проанализировать различные группы исторических источников в зависимости от их репрезентативности, достоверности содержащейся в них информации, важности ее для исследования истории повседневности военного города. Сложно сказать, какие виды и группы источников, представленных в данной работе, имеют наибольшее значение в исследованиях повседневной жизни. При безусловной важности источников личного происхождения, необходимо сопоставлять содержащуюся в них информацию с источниками, связанными с государственными структурами и управлением. Только так можно представить картину жизни, максимально приближенную к достоверности. Но объективность, полноценность исследования во многом зависит от разнообразия источников, сопоставления содержащейся в них информации, внутренней и внешней критики источников.

¹ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 137.

² Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология: Учебник. М., 1999. С. 20.

³ Сидоров П.И., Литвинцев С.В., Лукманов М.Ф. Психическое здоровье ветеранов Афганской войны. Изд-во АГМА, 1999. С. 7.

⁴ Из дневника жителя г. Архангельска Ф.Н. Паршинского 21 июня 1941 – 2 января 1942 гг. // Война. Запечатленные дни 1941–1942. Дневники и документы. Архангельск, 2005.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Кринко Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 320–339.

⁷ Из дневника... С. 34.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Покровский А.С. Мемуары // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 105.

¹¹ Пиккель М.В. Воспоминания. Архангельск, 2007. – рукопись // Из личного архива Т.Н. Ивановой.

¹² Пиккель М.В. Указ. соч. С. 146.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Детство, опаленное войной 1941–1945 гг.: [сборник] / Арханг. гор. обществ. орг. «Дети, опаленные войной 1941–1945 гг.»; [авт.-сост. Г.К. Лебедева]. Архангельск, 2005. С. 344.

¹⁷ Северяне – победе: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Архангельск, 1980.

¹⁸ Воспоминания иностранцев о жизни военного Архангельска представлены в книге Ю. Барашкова «Арктические конвои в настороении Глена Миллера. Опыт коллективной памяти» (Архангельск, 2000).

¹⁹ Материалы находятся в архиве автора, а также на кафедре Отечественной истории САФУ.

²⁰ Супрун М.Н. Архангельск в войне // Двина. 2004. № 1. С. 3.

²¹ Правда Севера, июнь 1941; Северный комсомолец, июнь 1941.

²² Кортаев В.И. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «Русский Север конца XIX – первой трети XX вв.: dogoняющая модернизация и социальная экология». Архангельск, 2000. С. 7.

²³ Правда Севера, 1941, 8 июля.

²⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 834, Ф. 290, Ф. 296.

²⁵ См., например: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.

²⁶ Орлов И.Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 115.

В.А. Чернухин (Санкт-Петербург)

ЗАБЫТОЕ ИМЯ – КОМДИВ Н.М. РОГОВСКИЙ

Николай Михайлович Роговский возглавил артиллерию Красной армии в декабре 1931 г., в возрасте немногим более 30 лет. На этом посту полностью раскрылись его незаурядные способности организатора и руководителя крупного масштаба. К сожалению, его плодотворная и творческая деятельность трагически оборвалась в 1937 г. Это было страшное время. Из 186 комдивов¹, служивших в 1937 г. в Красной Армии, жертвами репрессий стали 154. Одним из них был Н.М. Роговский².

Он родился 27 ноября 1898 г. в Могилеве, в семье служащего. В 1917 г. окончил Могилевскую гимназию и поступил в Киевский политехнический институт. Но в 1918 г. Николай Роговский добровольцем вступает в Красную армию. Окончив артиллерийские командные курсы, он за годы Гражданской войны прошел путь от командира взвода до командира артиллерийского дивизиона. За личную храбрость и умелое руководство подчиненными в боях Николай Михайлович был награжден орденом Красного Знамени³.

Н.М. Роговский

В 1921 г. для продолжения образования он направляется в Высшую артиллерийскую школу командного состава (ВАШКС), после окончания которой, в 1922 г., назначается помощником начальника артиллерии 5-го стрелкового корпуса, а в 1923 г. – начальником артиллерии этого корпуса.

С 1924 по 1927 гг. – учеба в Военной академии РККА. Здесь Николай Михайлович зарекомендовал себя пытливым и грамотным слушателем, проявил склонность к научно-исследовательской работе, принимал активное участие в общественной жизни.

Годы учебы в академии совпали с проведением в РККА военной реформы, когда Вооруженные силы Советской республики приводились в соответствие с требованиями военного искусства, решались задачи их технического перевооружения.

В год поступления Н.М. Роговского в академию заместителем председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора, с одновременным исполнением обязанностей начальника Штаба РККА, а затем и начальника Военной академии РККА был назначен выдающийся полководец Гражданской войны М.В. Фрунзе, который в начале 1925 г. стал Наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета Республики. Он и возглавил работу по реализации военной реформы, охватившей все основные вопросы военного строительства⁴.

Н.М. Роговскому довелось слушать выступления Фрунзе, военачальника, идеи которого явно опережали время и зачастую были недоступны пониманию некоторых советских военачальников. Молодым слушателям академии РККА импонировали последовательность его политических убеждений, то, что он одержал победы над лучшими военачальниками белогвардейских армий, его неутомимая энергия в деле строительства новых Вооруженных сил. Несомненно, что многие слушатели академии тех лет, в том числе и Н.М. Роговский, находились под влиянием и обаянием этого замечательного человека.

После окончания учебы в академии Н.М. Роговский получает назначение в Главное артиллерийское управление на должность руководителя одного из его комитетов, занимавшихся разработкой и испытанием новых образцов материальной части артиллерии, боеприпасов и приборов. Это были годы, когда ставилась задача создания новой артиллерии, которая удовлетворяла бы возросшим требованиям боя (операции). Однако решить эту

проблему тогда ни ГАУ, ни Инспекция артиллерии были не в состоянии. В обстановке ограниченных производственных мощностей, недостатка сырья и подготовленных кадров перед промышленностью была поставлена более скромная и посильная задача – модернизировать лучшие образцы орудий, оправдавших себя в годы Первой мировой войны. К этой важнейшей задаче, решавшейся в период с 1927 по 1930 г., Николай Михайлович Роговский имел самое непосредственное отношение. Расчеты и исследования, проведенные под его руководством, свидетельствовали о том, что модернизация артиллерии позволит при сравнительно небольших переделках и материальных затратах добиться в сравнительно короткие сроки улучшения боевых качеств орудий. Были модернизированы такие системы, как 76-мм пушка образца 1902 г., 107-мм пушка образца 1910 г., 122-мм гаубица образца 1910 г., 152-мм пушка образца 1910 г., 152-мм гаубица образца 1910 г. и др.⁵

Главная задача модернизации – увеличение дальности стрельбы – была решена успешно. Ее решение достигалось путем повышения начальной скорости снаряда (за счет удлинения ствола), улучшения его формы, а также увеличением предельного угла возвышения при стрельбе. В целом после модернизации материальная часть советской артиллерии по мощности, дальности стрельбы и разрывной силе снаряда не уступала европейским образцам того времени. В эти же годы проводилась значительная по объему работа по созданию более совершенных артиллерийских приборов наблюдения, разведки и топографической службы.

Однако Николай Михайлович скромно оценивал вклад руководимого им комитета в дело модернизации артиллерии. Ведь над решением данной проблемы трудились и многие другие коллективы ГАУ, конструкторских бюро, исследовательских полигонов и т.д. На одном из совещаний со своими сотрудниками Н.М. Роговский подчеркнул, что модернизированная артиллерия не в состоянии полностью удовлетворить требованиям, предъявляемым к ней новыми условиями ведения боевых действий. Она не разрешала проблемы повышения скорострельности, маневренности и увеличения угла горизонтального обстрела. Наконец, модернизация совершенно не коснулась тяжелой артиллерии. Николай Михайлович напомнил, что Инспектор артиллерии РККА В.Д. Грендаль требовал, наряду с модернизацией, налаживать конструирование и

производство более совершенных современных орудий, приборов и боеприпасов.

На рубеже 1920–1930-х гг. происходили важные изменения не только в техническом оснащении артиллерии, но и в совершенствовании управления, ее организационных форм, которые в полной мере коснулись и Н.М. Роговского, резко изменив его служебно-правовое положение. Вопрос заключался в том, что, как показала жизнь, реорганизация Управления начальника артиллерии в Инспекцию артиллерии (1924 г.) оказалась неоправданной. Развитие как важнейшего рода войск требовало повышения роли командных, а не инспекторских функций. Возникла необходимость объединения руководства тактическим и техническим развитием артиллерии. Инспектор по существу не оказывал непосредственного влияния на развитие артиллерии и ее боевую готовность. Быстрый рост артиллерии РКК требовал централизованного управления ею. Поэтому в 1935 г. восстанавливается должность Начальника артиллерии, на которую и был назначен комдив Н.М. Роговский⁶.

Этим же приказом вводилось в действие «Положение о Начальнике артиллерии РККА», согласно которому ему были подчинены все начальники артиллерии округов. Теперь все изменения в организационной структуре артиллерии, снятие с вооружения или принятие на вооружение новых образцов проходили через Начальника артиллерии Красной армии. Николай Михайлович был введен в состав Военного совета при Наркомате обороны. По сравнению с предыдущей должностью, теперь он имел большие права, более широкий круг деятельности. Его привлекали к разработке мобилизационных планов. Через своих полномочных представителей он принимал участие не только в войсковых, но и в полигонных и заводских испытаниях артиллерийского вооружения. При этом испытания проходили прежде всего в интересах тактической целесообразности того или иного образца и окончательное решение о принятии его на вооружение принадлежало Начальнику артиллерии РККА⁷.

Более работоспособным становилось его Управление. На него возлагалось теперь систематическое руководство боевой подготовкой артиллерии как рода войск. В связи с новыми задачами в нем были созданы отделы: подготовки наземной артиллерии, подготовки артиллерии РКК, подготовки зенитной артиллерии, боевого применения артиллерии. Особое значение приобретал отдел

боевого применения артиллерии, в ведении которого находились вопросы разработки уставов и наставлений для рода войск, проведение опытных учений, выработка взглядов на применение артиллерии в операции (бою) и т.д.

Соответственно были реорганизованы аппараты начальников артиллерии округов. Подвергалась изменению служба артиллерийских полигонов (центральных и окружных). Если раньше они использовались главным образом для учебных артиллерийских стрельб и испытаний материальной части, то теперь на них возлагались дополнительные задачи по обеспечению боевой стрельбы артиллерии при проведении общевойсковых учений и маневров.

С самого начала вступления в должность Н.М. Роговский понимал необходимость создания новой артиллерии, способной разрушать все виды современных оборонительных сооружений вероятного противника, вести успешную борьбу с его танками, авиацией и артиллерией. Модернизацией этих проблем не решить. Но уже тогда не обошлось без резких выступлений и споров со сторонниками идей «универсализма» орудий. Суть их заключалась в том, чтобы направить конструкторскую мысль в области артиллерии на разработку универсальных орудий, которые, в принципе, оставаясь полевыми, были бы способны в равной мере решать и задачи стрельбы по воздушным целям. Большие споры возникли о дальнейшем развитии дивизионной артиллерии, не было единства и в вопросе создания артиллерии ближнего боя. Николаю Михайловичу пришлось столкнуться и с тем, что многие конструкторы при поддержке ГАУ (начальники В.М. Симонов, а затем комкор Н.А. Ефремов) пренебрегали опытом Первой мировой войны, предали забвению минометы, показавшие высокую эффективность поражения целей в ближнем бою.

Прямо скажем, нелегко было молодому Начальнику артиллерии РККА доказывать армейским авторитетам из Главного артиллерийского управления ошибочность идей универсализации. Николай Михайлович не мог просто так отступить от своих проверенных боевой практикой взглядов. Он понимал, что порочность идеи универсализма должны увидеть на практических испытаниях не только те, кто ее придерживался, но и те, от кого зависела дальнейшая поддержка развития артиллерии. Не без помощи М.Н. Тухачевского, летом 1935 г. на одном из подмосковных полигонов удалось организовать показ всех образцов орудий, состояв-

ших на вооружении армии. Для их осмотра прибыли И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе и другие партийные руководители. После ознакомления с представленными образцами члены правительства присутствовали на показательных стрельбах. Они наглядно увидели несостоятельность и вредность универсализма, необходимость специализации артиллерии по ее видам и боевому назначению. Об этом шла речь и на состоявшемся после стрельб совещании с участием ведущих конструкторов артиллерийского вооружения.

Выступивший на совещании Н.М. Роговский подчеркнул, что артиллерийские орудия должны разрабатываться для выполнения специфических задач, обладать достаточной дальностью, повышенной меткостью, большой скорострельностью и высокой маневренностью. Вместе с тем их должна отличать простота устройства, надежность в боевой обстановке и, что не менее важно для экономики страны – они должны быть дешевыми в производстве. Эти важные положения, высказанные Н.М. Роговским, стали основой программы перевооружения артиллерии, которая потребовала проведения срочных мероприятий в промышленности. В 1936 г. был образован Наркомат оборонной промышленности, с которым Управление Начальника артиллерии РККА поддерживало тесный и непрерывный контакт. Работники Наркомата сосредоточили внимание на конструкторской работе и совершенствовании технологии производства артиллерийского вооружения. Были организованы специализированные артиллерийские КБ, улучшалась подготовка квалифицированных кадров конструкторов, инженеров и техников. В бытность Начальником артиллерии РККА, Н.М. Роговский оказывал содействие и помощь конструкторским бюро, работникам оборонной промышленности в своевременном проведении испытаний тех или иных образцов орудий, в принятии их на вооружение. Не без его участия «зеленую улицу» получили такие удачные по конструкции и мощные орудия, как 122-мм пушка образца 1931/37 г., 152-мм гаубица-пушка образца 1937 г., 152-мм пушка образца 1935 г. и др.

Однако иным был подход Роговского и его ближайших помощников к проблеме самоходной артиллерии. Они считали, что в силу своих конструктивных особенностей самоходное орудие не в состоянии обеспечить нормальных условий для работы орудийного

расчета. В рапорте, поданном в 1936 г. на имя Начальника вооружений РККА, Н.М. Роговский писал: «...Культивировать самоходные системы считаю нецелесообразным, ибо никаких преимуществ они не дают...». Эти взгляды разделяло и Управление моторизации и механизации РККА. Как следствие, по этим и ряду других причин внедрение самоходной артиллерии в войсках в предвоенное время задержалось. Допущенные просчеты устранялись уже в ходе Великой Отечественной войны⁸.

Управление Начальника артиллерии организовывало и проводило опытные учения, осуществляло разработку уставов и наставлений, широко привлекая к этой работе преподавателей и слушателей Артиллерийской академии, Военной академии имени М.В. Фрунзе, Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава, многих строевых командиров в лице начальников артиллерии округов, корпусов, дивизий (Л.А. Говоров, А.Н. Воронов, В.Л. Леонович, А.К. Сивков, Н.Д. Яковлев, П.М. Белов, Н.Ф. Гуськов, Ф.А. Самсонов и др.).

Н.М. Роговский отличался огромной трудоспособностью. Он принимал участие в военно-научной работе, активно сотрудничал с газетой «Красная Звезда», военными журналами, состоял в редколлегии «Артиллерийского журнала». Николай Михайлович много писал сам, организовывал и руководил учениями, сборами, организовывал полевые выезды командного состава артиллерии. Он никогда не считался со своим личным временем, которого у него, собственно, и не было. Приходя домой, он и там продолжал работать. Вместе с тем, Николай Михайлович любил пошутить и, несмотря на резкость и кажущуюся суровость, был простым, душевным человеком.

Н.М. Роговский прослыл самым решительным сторонником внедрения новых идей, теорий в области тактики и стрельбы артиллерии в условиях полигонов, тщательно проверяя их в обстановке, приближенной к боевой. В результате при нем тактика и стрельба артиллерии получили дальнейшее развитие. Отражением этого явились многочисленные уставы, наставления, инструкции и специальные работы: «Боевой устав артиллерии РККА», ч. 2 (1937); «Наставление артиллерии РККА», «Правила стрельбы войсковой артиллерии (ПС-34)» (1935); «Наставление артиллерии РККА. Огневая подготовка и курс стрельб артиллерии 1933 г. (НАОП-33)» (1934); «Объяснительная записка к правилам стрельбы войско-

вой артиллерии 1934 г. Пособие для комсостава артиллерии РККА» (1934); «Наставление артиллерии РККА. Огневая подготовка и курс стрельб артиллерии 1933 г. (НАОП-36)» (1936) и др.

Несомненно, что работы в области тактики и стрельбы артиллерии проводились большим коллективом ученых и практиков Артиллерийско-стрелкового комитета, Артиллерийской академии, Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава, но направлял эти исследования Н.М. Роговский.

Особое внимание Николай Михайлович уделил последнему из вышеперечисленных трудов – «Наставление артиллерии РККА. Огневая подготовка и курс стрельб артиллерии». Оно было издано по его личной инициативе и стало настольной книгой каждого артиллериста. В нем регламентировалась работа всех должностных лиц, начиная с орудийного номера, связиста, разведчика, ездового, рассматривались действия младшего и среднего командного состава при подготовке и в ходе боя. Они были рассчитаны с точностью до секунды, и, таким образом, действия отделений, взводов и батарей, а также стрельбы различными способами получали объективную оценку.

В «Наставлении» приводились самые различные нормы: времени, точности, расхода снарядов и т.п. Именно с тех пор секундомер сделался непременной принадлежностью экипировки артиллерийского командира. Все это понадобилось, по мнению Начальника артиллерии РККА, для того, чтобы дисциплинировать артиллеристов, приучить их беречь каждую минуту, чтобы точность и быстрота стали законом в их работе. Рядом с нормами стояли неумолимые цифры, показывавшие, сколькими штрафными баллами наказывается опоздание на 1 секунду или ошибка в метрах и сколько баллов прибавляется за каждую сэкономленную секунду, за повышение точности, за каждый сбереженный снаряд. Нормы «Наставления» держали артиллеристов в постоянном напряжении, воспитывая в них качества отличного стрелка.

При Н.М. Роговском улучшилось положение с командирской учебой. В частности, она стала проводиться более регулярно и на более высоком методическом уровне. Все или почти все занятия по тактике, артиллерийско-стрелковой подготовке и материальной части были вынесены в поле, в артиллерийские парки, на полигоны и проводились с закреплением пройденного материала путем практических упражнений. Теоретическую сторону вопросов

уясняли в ходе практических занятий. Лекции проводились в редких случаях, при необходимости разобрать какой-либо сугубо теоретический вопрос, ознакомить командиров с вводным материалом по этой или иной тактической теме и т.п.

Николай Михайлович придавал большое значение возвращению из забвения лучших традиций российских артиллеристов – высокого уровня артиллерийско-стрелковой и тактической подготовки, гордости за принадлежность к могучему роду войск, торжественных праздников, юбилеев артиллерии, славных дат ее истории. Он первым после Октября 1917 г. возродил традицию проведения всермейских стрелково-артиллерийских состязаний. По его мнению, они могли оказать существенное влияние на повышение качества огневой подготовки артиллерии и боевого применения артиллерийской техники.

Первые такие всермейские состязания по приказанию Н.М. Роговского были проведены в 1936 г. Им предшествовали стрелково-артиллерийские соревнования в дивизиях, корпусах и округах, где отбирались лучшие подразделения артиллерии и корректировочной авиации. Отбор производился начальниками артиллерии округов с последующим утверждением Военными советами округов⁹.

Состязания организовывались по округам. Общее руководство ими осуществлялось Начальником артиллерии РККА, непосредственное руководство в округах – специально назначенными особыми комиссиями. Состязания проводились между командирами батарей всех видов наземной и зенитной артиллерии, между летчиками-наблюдателями корректировочной артиллерийской авиации и между орудийными расчетами снайперских орудий. Прекрасное начинание Роговского вполне оправдало себя и практиковалось ежегодно вплоть до Великой Отечественной войны.

Н.М. Роговский много внимания уделял подготовке командных и инженерных кадров артиллерии. При его деятельном участии в 1932 г. из состава Военно-технической академии была выделена Артиллерийская академия. В 1935 г. в ней были образованы пять (вместо ранее существовавших двух) факультетов и, кроме того, Артиллерийские курсы усовершенствования высшего начальствующего состава артиллерии¹⁰.

В это же время в Военной академии имени М.В. Фрунзе организуется артиллерийское отделение, которое так же, как

и командный факультет Артиллерийской академии, готовило старший командный состав для артиллерийских частей. По инициативе Роговского эта академия была усилена опытными преподавателями-артиллеристами, такими, как В.И. Пестов, С.А. Краснопевцев, Н.С. Фомин, В.Г. Корнилов-Другов, Г.Д. Барсуков и другие.

В результате колоссальной работы, проделанной научными и учебными заведениями под руководством Н.М. Роговского, наши артиллеристы в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, значительно выросли в профессиональном отношении. Его кипучая и плодотворная деятельность в середине 30-х гг. заложила прочный фундамент для дальнейшего совершенствования артиллерии. При его непосредственном участии сплотилась и выросла целая плеяда талантливых военачальников-артиллеристов, которые в годы великих испытаний вписали героическую страницу в историю отечественной артиллерии.

Перелистывая страницы прошлого, невольно преклоняешься перед яркой личностью Николая Михайловича Роговского. К великому сожалению, в 1937 г. он стал жертвой необоснованных репрессий. В этот год страшной силы удар был нанесен прежде всего по представителям высшего эшелона армейского и флотского руководства. Почти два месяца сопротивлялся давлению следователей НКВД Начальник артиллерии РККА. Находясь в Лефортовской тюрьме, он 20 июня обращается к К.Е. Ворошилову: «Еще раз докладываю, что я не виновен. Помогите доказать не только словом, но и делом». И вдруг на допросе 3 августа 1937 г. Роговский, как значится в протоколе, показал: «Я арестован почти два месяца тому назад и до сих пор упорно пытался обмануть вас... Сейчас я вижу, что мои надежды не оправдались и что дальнейшее мое упорство ни к чему не приведет»¹¹.

Как «дожимали» Роговского, можно только гадать. Бесспорно одно – следователи НКВД, сломив волю своей жертвы, требовали, чтобы «сам» подследственный осудил свое поведение. Далее по излюбленной ими методике шли свидетельские показания, подкреплявшие версию о неблагонадежности и вредительстве обвиняемого. К делу Роговского были приобщены выписки из показаний арестованных командармов 1 ранга¹² И.П. Уборевича и И.Э. Якира, комкора¹³ Н.А. Ефимова, комдива Е.С. Казанского, комбрига А.И. Сатина. Но, как показала проверка 1956 г., все эти приложенные к делу показания не могли являться доказательством

вины Начальника артиллерии РККА. Все они не содержали каких-либо сведений о реальной антисоветской деятельности обвиняемого, а состояли лишь из голословных заявлений о причастности Роговского к «военно-фашистскому заговору». Причем, судя по этим выпискам, Якир назвал Роговского участником заговора якобы со слов Уборевича, а Уборевич и Ефимов – якобы со слов Тухачевского. Однако при просмотре архивно-следственного дела М.Н. Тухачевского установлено, что он никаких показаний в отношении Роговского вообще не давал.

10 октября 1937 г. Николай Михайлович Роговский был расстрелян. Посмертно реабилитирован 7 апреля 1956 г.¹⁴

¹ Воинское звание в РККА в 1935–1940 гг., соответствующее современному званию генерал-майора.

² Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938 гг. М., 1998. С. 48.

³ РГВА. Ф. 37946. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

⁴ Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР. М., 1985. С. 50–51.

⁵ Отечественная артиллерия: 600 лет / Под ред. Г.Е. Передельского. М., 1986. С. 151.

⁶ РГВА. Ф. 37946. Оп. 1. Д. 20. Л. 18–19.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 34–35.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Академия им. М.В. Фрунзе: История академии. М., 1973. С. 67.

¹¹ Сувениров О.Ф. Указ. соч. С. 147.

¹² Воинское звание в РККА в 1935–1940 гг., соответствующее современному званию генерала армии.

¹³ Воинское звание в РККА в 1935–1940 гг., соответствующее современному званию генерал-лейтенанта.

¹⁴ Сувениров О.Ф. Указ. соч. С. 149.

Н.Г. Чигарева, А.А. Будко (Санкт-Петербург)

БОЕВЫЕ ОТРАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА И ЗАЩИТА ОТ НИХ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Первая мировая война существенным образом отличалась от всех предшествующих войн как своими масштабами, так и характером. Научно-технический прогресс и развитие промышленности обусловили появление новейших средств нападения и коренным образом изменили тактику и стратегию войны. Впервые в широком масштабе были использованы открытые в конце XIX в. сильнейшие взрывчатые вещества – пироксилин, пикриновая кислота (мелинит), тринитротолуол (тротил). Существенно возросла роль артиллерии, технически полностью реконструированной в начале XX в., увеличилось число видов и калибров фугасных снарядов, появились дальнобойные (свыше 10 км) пушки; впервые были использованы бомбометание с самолетов, ручные гранаты, минные поля, проволочные заграждения. В результате применения всех этих новейших технических средств непосредственное соприкосновение противоборствующих сторон стало редкостью. Вдоль фронта протяженностью в тысячи километров строились сложные фортификационные сооружения, рассчитанные на защиту от огня и состоящие из нескольких укрепленных линий обороны. После Марнского сражения (5–18 сентября 1914 г.) война превратилась в позиционную, не осталось никакой надежды (особенно для Германии) осилить находящегося в окопах и убежищах противника с помощью обычного огнестрельного оружия. Упование противоборствующих сторон на быструю победу не оправдалось, и война приняла затяжной характер (1). Стремление ускорить и оживить ход войны привело к появлению средств как смертельного действия, так и временно выводящих живую силу противника из строя. Вскоре после начала войны стали применяться

разрывные пули, снаряды, начиненные слезоточивыми и дурнопахнущими веществами, бактериологические и химические средства.

22 апреля 1915 г. на театре военных действий впервые были использованы боевые отравляющие вещества (БОВ). Инициатором применения удушливых газов был известный немецкий ученый, лауреат Нобелевской премии по химии (1918 г.), один из разработчиков процесса синтеза аммиака Фриц Габер, директор Физико-химического института кайзера Вильгельма в Берлине, полагавший, что применение химического оружия может сохранить многие жизни, если прекратится изматывающая траншейная война на Западном фронте. Как консультанту военного министерства Германии, Габеру было поручено создать отравляющее вещество раздражающего действия, которое заставляло бы войска противника покидать траншеи. Под его руководством были развернуты экспериментальные исследования по применению газов в военных целях и разработке способов защиты от них (2). В январе была закончена разработка нового химического снаряда, известного под маркой «Т», 15-см артиллерийской гранаты с сильным бризантным действием и раздражающим химическим веществом (ксилилбромидом), впоследствии замененным бромацетоном и бромэтилкетонам. Тогда же Габер и его сотрудники создали оружие с использованием газообразного хлора, которое и было запущено в производство (поставщиком хлора стали немецкие химические компании «Bayer», «Hoechst», BASF, образовавшие в 1925 г. промышленный конгломерат «IG Farben») (3).

Необходимо отметить, что идея применения удушливых и ядовитых газов на войне не была новой. В международных соглашениях (Гаагская конвенция 1898 г. и 1907 г.), касающихся правил ведения войны, имелся специальный пункт, запрещающий применение удушливых и ядовитых веществ. Вопреки международным соглашениям германское командование пришло к решению применить газы на фронте. Этому способствовала также исключительная мощь немецкой химической промышленности, ставшей мировым лидером и монополистом в производстве большей части важных химических материалов и продуктов. В частности, огромное значение для изготовления в военных целях необходимых количеств отравляющих веществ (ОВ) имело производство искусственных химических красителей, промежуточные продукты которых могли использоваться для получения БОВ. К 1913 г. мировое производство

красителей достигло 150 тыс. т, причем 75 % его (в 1914 г.) принадлежало Германии (4).

Итак, на Западном фронте северо-восточнее г. Ипра (Ипрский выступ у дороги в Менин), между Бикшотом и Лангемарком, германские войска предприняли газобаллонную атаку хлором. В ходе этой операции на фронте протяженностью 6 км были установлены газовые баллоны, наполненные 180 тыс. кг хлора. Атака привела к поражению 15 тыс. военнослужащих, из них погибли 5 тыс. человек. Следует отметить, что и до этой наступательной операции Германия, а также Франция использовали средства химического нападения в виде химических снарядов, содержащих слезоточивые вещества, но в очень небольших количествах. В основном это были эксперименты, имеющие целью выяснить эффективность некоторых отравляющих веществ.

Химические способы ведения военных действий стали событием в развитии военного искусства и быстро утвердились на полях сражения. В мае 1915 г. в районе Лооса были произведены четыре газобаллонные атаки, приведшие к потере 7000 человек, в октябре – в Шампани, в декабре – во Фландрии (3). Газобаллонные выпуски применялись в качестве боевого средства, расчищающего дорогу наступающей пехоте.

Первая химическая атака на русских имела место 31 мая 1915 г. на р. Равке у Воли Шидловской в районе Болимова. На этом участке Восточного фронта (12 км) в результате газобаллонной атаки была выведена из строя целая дивизия сибирских стрелков. Потери русских войск составили 9100 человек, из них умерло 6000 человек (5).

В июне 1915 г. Германия использовала на фронте бром, который входил в состав большинства слезоточивых газов, применявшихся для достижения некоторых тактических целей, а к хлору вскоре стали подмешивать фосген (хлорокись углерода) (6). Фосген как боевой газ превосходил хлор большей, по сравнению с последним, токсичностью.

Следует подчеркнуть, однако, что новые ОВ порой давали неожиданные тактические результаты. Впервые применив фосген 25 сентября 1916 г. на русском фронте (район Икскуля на Западной Двине; позицию занимали части 44-й пехотной дивизии), германское командование рассчитывало на быстрый успех. Тем не менее, из-за медленного действия фосгена большинство русских солдат

почувствовали признаки отравления только спустя сутки. Ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем они уничтожили батальоны немецкой пехоты, поднимавшейся в атаку вслед за каждой газовой волной.

Союзники сразу оценили военное значение газобаллонных атак, когда тяжелые «газы» ползли по земле, затекали в траншеи и убежища, поражая противника. Вместе с тем, из-за слабого развития своих производственных мощностей в 1915 г. Франция не смогла провести ни одной атаки, а первая газобаллонная атака англичан имела место у Лооса только в сентябре 1915 г.

В течение 1915 г. среди средств химического нападения преобладающую роль играл газобаллонный выпуск. Артиллерийские снаряды (гранаты «В», «Вп» и «К»), содержащие слезоточивые вещества, успеха не имели. Союзники (французы и русские) в ответ на химическую войну Германии пытались применять артиллерийские снаряды, снаряженные перхлорметилмеркаптаном, но это также не оказало необходимого эффекта (4).

В мае 1916 г. германские войска начали применять снаряды, помеченные зеленым крестом и содержащие дифосген – жидкость, которая по ядовитым свойствам не уступала фосгену. Так, в июле (в ночь с 22 на 23) на восточном берегу р. Маас на участке в 5 км² Германией весьма успешно была произведена массированная стрельба и выпущено 100 тыс. снарядов «зеленый крест». В том же году Россия впервые применила снаряды с хлорпикрином, а союзники – с фосгеном и синильной кислотой. Однако для истощения сил противника противоборствующие стороны по-прежнему применяли газобаллонный выпуск, но он не всегда был эффективен: либо из-за неблагоприятных погодных условий, либо в связи с недостаточным количеством примененных веществ.

Первая газобаллонная атака русских войск состоялась 24 июля 1916 г. под Сморгонью, но она была неудачной; позже под Барановичами русские войска использовали 5500 баллонов с хлором и фосгеном.

31 января 1917 г. в Шампани на фронте свыше 10 км в результате газобаллонной атаки потери союзников составили 3000 человек (из них умерло около 600), причем отравления имели место даже на расстоянии 15–18 км от места выпуска газа. Если в начале 1917 г. первый и главный вид химического нападения – газобаллонный – достиг своего кульминационного развития, то середина

и особенно конец 1917 г. характеризовались ослаблением этого вида химического нападения, поскольку в 1917 г. появилось очень действенное оружие – газометы. Первенство в их разработке и применении принадлежит англичанам. Сконструировал первый газомет капитан Корпуса Королевских инженеров Уильям Говард Ливенс. Газометы состояли из стальной трубы (ствола) и стальной плиты (поддона), используемой в качестве основания. Они закапывались в землю под углом 45° . Газометы были относительно легкими (около 60 кг) и могли быстро переноситься и устанавливаться на новом месте. Стрельба осуществлялась одновременно из нескольких сот и даже тысяч таких труб специальными минами, содержащими 12–13 кг фосгена или его смеси с другими ОВ. На определенный участок одновременно попадали сотни разрывающихся мин, создавая газовое облако высокой концентрации. Так, в октябре 1917 г. на итальянском фронте в результате одного залпа из 900 газометов погиб итальянский батальон в 600 человек.

Над усовершенствованием этого вида оружия работали все воюющие страны, и уже к концу 1917 г. дальность стрельбы, например, германских газометов составляла 1700 м. Англичане преуспели в создании легких минометов, получивших название мортир Стокса, которые применялись до конца войны и характеризовались высокой скорострельностью (15 выстрелов в минуту) и дальностью действия (как у газометов) – снаряды содержали 1,1 и 3,2 кг ОВ (4).

В 1917 г. стали активно применяться артиллерийские химические снаряды, преимущественно фосгеновые и дифосгеновые, а в середине года во время ожесточенных боев во Фландрии появились 2 новых отравляющих вещества – арсины и сернистый иприт. Арсины – жидкие или твердые мышьяковистые вещества, распылявшиеся при разрыве снаряда на мельчайшие частицы и создававшие особый вид тумана или дыма. Эти снаряды, отмеченные синим крестом, обладали еще и осколочным действием. Что касается сернистого иприта («горчичный газ»), то его применяли в снарядах, отмеченных желтым крестом. Продвижение противника по территории, зараженной этим стойким ОВ, было затруднено. Кроме ингаляционного поражения (в форме паров и аэрозоля), иприт при соприкосновении с кожей быстро всасывался в кровь, вызывая симптомы общей интоксикации, и приводил к воспалению покровных тканей, отекам, болям.

Впервые иприт применила Германия 12 июля 1917 г. на фронте в районе Ипра (7). Потери составили 2900 человек (87 человек умерло). После первого использования иприта обстрелы продолжились вплоть до 4 августа. В течение 3-х недель английские войска потеряли 14 726 человек (умерло 500 человек) (3). Маленький городок Ипр в Первую мировую войну стал (как позже Хиросима) символом одного из величайших преступлений против человечества.

Следует подчеркнуть, что успех химического нападения зависел от того, насколько точно соблюдались принципы ведения химической войны. Во-первых, необходимо было создать максимальную концентрацию ОВ. После появления у воюющих сторон газометов достигнуть максимальных концентраций ОВ на поле боя стало значительно проще. Во-вторых, была нужна внезапность химической атаки, чтобы солдаты противника не успели надеть и использовать средства защиты. Кроме того, было установлено, что поражающее действие газового облака пропорционально его размерам: потери противника тем выше, чем газовое облако шире по фронту и чем оно глубже проникает в оборону противника. К тому же вид огромного плотного газового облака, как правило, деморализовывал даже самых опытных и стойких солдат, а «растекание» непрозрачного газа на местности делало управление войсками крайне затруднительным. И, наконец, участвующие в войне страны проводили поиск и дальнейшую разработку новых ОВ, перед которыми существующие защитные средства оказывались неэффективными (например, арсины, состоящие из частиц субмикронного размера, проходили через противогазную шихту, не взаимодействуя с активированным углем).

О масштабах использования в Первой мировой войне химического оружия свидетельствуют следующие данные: за весь период войны воюющими странами было произведено 150 тыс. т различных токсических веществ, боевой расход составил 110 тыс. т. Воюющими сторонами были изобретены и использовались: архимснаряды, химмины, газовые баллоны, химические бомбы, ручные и ружейные химгранаты, газометы (8). Различным формам химического поражения подверглись 1,2 млн солдат, из них погибли 91 тыс., 586 тыс. человек стали инвалидами (9). Против русской армии было предпринято около 50 газобаллонных атак (5).

Экологии Европы в Первую мировую войну был нанесен

огромный урон: большие площади в Бельгии и на севере Франции оказались зараженными продуктами химической войны. Погибли 50 тыс. га леса, во Франции их восстановление продолжалось 20 лет, а в Бельгии – 50 лет; 12 тыс. га земель, зараженных химическими ОВ, были превращены в особые «земельные» кладбища (9).

Уже после первых газовых атак началось изучение физико-химических свойств и токсического действия ОВ и разработка защитных мероприятий от этого нового вида оружия.

В истории создания средств защиты органов дыхания от ОВ можно выделить два этапа: 1 – разработка так называемых влажных противогазов, 2 – разработка сухих противогазов. Первыми влажными противогазами были марлевые и ватно-марлевые повязки (маски), пропитанные раствором гипосульфита натрия и предназначенные для защиты от хлора. Были изготовлены сотни тысяч повязок, пропитанных щелочными растворами, нейтрализующими этот химический агент (10). Вскоре повязки были усовершенствованы и заменены многослойными масками – во Франции типа «Тамбютэ», в Англии – шлемами (капюшонами) типа Гипо. Тем не менее, принцип защиты сохранялся один и тот же, а именно пропитка ткани щелочным раствором, состав которого усложнялся по мере введения противником в практику боя новых ОВ. Впоследствии во Франции распространение получила маска «М-2», которая защищала от хлора, фосгена и дифосгена, однако она плохо защищала от хлорпикрина, к тому же пропитывающие растворы прилипали к лицу. Одновременно был принят на снабжение громоздкий коробчатый респиратор Тиссо. В ноябре 1917 г. французы начали вводить на снабжение свой новый противогаз А.Р.С., мало отличавшийся по конструкции от германского.

В Германии защита войск осуществлялась с помощью противогаза. Противогаз GM-15 появился в германских войсках в 1915 г. Маска противогаза изготавливалась из резины (чуть позже из прорезиненного брезента), имела два окуляра для глаз, а небольшой цилиндрический фильтр присоединялся непосредственно к маске. Хранился противогаз в цилиндрической металлической коробке, которая должна была надежно защитить противогаз от загрязнения и внешних повреждений. В 1916 г. в германском противогазе появился трехслойный патрон: 2 крайних слоя – пористые вещества, пропитанные химическим составом, а средний слой –

активированный уголь. В 1917 г. в трехслойный патрон были внесены изменения (с целью усиления защитной мощности по хлорпикрину). Тогда же были введены лошадиные противогазы.

Англичане, совершенствуя свой шлем, перешли к коробочному фильтрующему противогазу, который состоял из маски, поглощательной коробки и соединяющей их гибкой трубки. Дыхание регулировалось системой клапанов, вдыхательного и выдыхательного (11).

В России защитные мероприятия так же начинались с марлевых повязок, пропитанных гипосульфитом. Уже в июне 1915 г. русская армия получила около 8 млн таких повязок (5, 12).

Из доклада начальника санитарного отдела штаба 2-й армии от 27 июня 1915 г.: «Противник применил удушливый газ... всего пострадало 62 офицера и 7688 нижних чинов; умерло из числа пострадавших 24 офицера и 1713 нижних чинов... Значительные потери объясняются быстрым появлением газа в окопах, через несколько секунд после замеченных красных сигнальных ракет, выброшенных противником, сильной концентрацией его и очень слабым ветром, благодаря чему газ, надвинувшись на окопы, оставался в них долгое время (от 10 час вечера до 4 час утра). Газ был настолько густой, что в 2–3 шагах не было видно человека, и действовал так быстро, что по показаниям пострадавших офицеров и нижних чинов, через несколько минут люди падали отравленными. По показаниям пострадавшего подпоручика 218-го полка Павлова, через 5 мин в роте осталось легко пострадавших лишь 2 человека. Повязки “антигаз” в 4–10 слоев марли, сложенные даже по 2–3, предохраняли лишь на несколько минут. Новое смачивание их гипосульфитом и содой облегчало дыхание лишь на непродолжительное время» (13).

В июле 1915 г. был организован Химический комитет при Главном артиллерийском управлении (ГАУ), в состав которого вошел и противогазовый отдел. На базе гигиенической лаборатории Еленинского института для усовершенствования врачей была создана Противогазовая лаборатория Химического комитета при ГАУ под руководством Г.В. Хлопина. С июня 1916 г. в Химическом комитете работали 3 комиссии: биологическая, санитарная и химическая, которые возглавляли соответственно Н.П. Кравков, Г.В. Хлопин и Н.С. Курнаков. В ведении Санитарной комиссии были физиолого-токсикологические требования к противогазу и вопросы,

касающиеся влияния различных факторов на функциональное состояние организма при пользовании противогазом. Химическая комиссия занималась техническими вопросами противохимической защиты (10).

Поскольку основная масса ОВ проникала через дыхательные пути, внимание было сосредоточено главным образом на разработке повязок и противогазов.

В результате усовершенствования влажной маски получила распространение маска-рыльце, которая состояла из 30–35 слоев марли, пропитанных химическим составом. Более совершенными оказались противогаз-маски. Это были очки и емкости с запасом пропитки. На фронт поступили также влажные противогазы Химического комитета конструкции Н.Т. Прокофьева. При использовании влажных противогазов запотевали стекла очков, что было весьма существенным недостатком, поскольку при газовом нападении артиллеристы были вынуждены снимать маски, что приводило к поражению ОВ. Кроме того, влажные противогазы защищали лишь от некоторых ОВ, имея при этом ограниченную защитную емкость. Это и послужило основанием для создания сухих поливалентных противогазов, первым из которых стал респиратор Горного института. Преподаватели Петроградского Горного института, используя опыт горноспасательной службы, сконструировали противогаз, состоящий из жестяной коробки, наполненной сухой гранулированной известью, пропитанной раствором щелочи. Отравленный воздух поступал через отверстие снизу коробки, а сверху коробки была горловина, к которой крепилась резиновая трубка, конец которой, снабженный особым приспособлением («загубником»), вставлялся в рот. Нос зажимался металлическим зажимом. Выдыхаемый воздух, содержащий углекислый газ, попадал в коробку, взаимодействовал с известью и щелочью, при этом шел процесс выделения тепла, в результате чего в респираторе становилось трудно дышать. Разработку этого респиратора курировал Верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский. Позднее в качестве наполнителя коробки стали использовать смесь натронной извести с зерненным березовым углем (12).

В 1915 г. Н.Д. Зелинский разработал способ активирования угля путем прокаливания, что значительно увеличило его поглотительную способность, и после многочисленных исследований

сконструировал противогаз на основе активированного угля. Испытания поглотительных свойств активированного угля Н.Д. Зелинский совместно со С.С. Степановым и В.С. Садиковым проводил в помещении лаборатории, наполненном сернистым газом. 12 августа 1915 г. комиссии были продемонстрированы защитные свойства активированного угля. В камере, заполненной 0,01 % фосгеном, человек в маске (в маленький патрон промышленной маски вместо ваты, обычно используемой для защиты от пыли, был насыпан уголь) мог находиться в течение 15 мин. Дальнейшие испытания были инициированы М.Н. Шатерниковым, предложившим свой образец маски, которая должна была соединяться с угольным респиратором и составлять противогаз. Осенью того же года комиссия провела испытания противогаза Зелинского, но уже нового образца. Лицевой частью служила впервые в этих опытах испытывавшаяся резиновая маска (шлем) инженера Э.Л. Кумманта, которая жестко прикреплялась непосредственно к коробке. Клапанов противогаз не имел, выдыхаемый воздух проходил через наполнитель коробки (11). Уже в начале 1916 г. противогаз Зелинского-Кумманта был принят на снабжение русской армии. Однако первые образцы имели ряд недостатков: неустойчивое положение коробки, сильное сдавливание головы шлемом-маской, быстрое утомление при физической нагрузке (одышка, сердцебиение, головокружение), затруднение при разговоре, нарушение видимости при запотевании стекол очков (14). Исследования сотрудников противогазовой лаборатории позволили выявить роль «вредного пространства» и сопротивления противогаза при вдохе и выдохе. Кроме того, было установлено, что нарушение работоспособности и ухудшение самочувствия при пользовании противогазом Зелинского-Кумманта в значительной степени обусловлено повышенным содержанием углекислого газа (до 5,5 %) во вдыхаемом из подмасочного пространства воздухе (5, 10).

Конструкция противогаза постоянно совершенствовалась, учитывая медицинские требования и удобство его использования. Так, был создан более совершенный двухкамерный противогаз конструкции Авалова с клапанной системой. Он представлял собой большую жестяную прямоугольную коробку, разделенную перегородкой на 2 отделения, заполненных зерненным березовым активированным углем; отделение, через которое производился вдох, было в 2 раза больше отделения, через которое воздух выдыхался. Сни-

зу под отделениями помещались вдыхательный и выдыхательный клапаны. В противогазе предусматривались разные размеры лицевой части с полым отростком для протирания стекол очков, значительно уменьшилось «вредное пространство». Для связистов была создана специальная лицевая часть (мембрано-маска Бодаревского) (10). Таким образом, в России достаточно быстро была решена проблема защиты личного состава войск от ядовитых и раздражающих дымов и ОВ, применяемых Германией. За 2 последних года войны русская армия получила 11 млн противогазов Зелинского-Кумманта и его усовершенствованных образцов, включая противогаз Авалова, что привело к снижению числа пораженных ОВ. Потери от химического оружия за годы войны в русской армии достигли 65 817 человек, из них 26,3 % – в 1915 г., 57,1 % – в 1916 г., 16,6 % – в 1917 г. (по 1 октября). В первой половине 1916 г. потери от химического оружия составили 21 965 (58,5 %) человек, а во второй – 15 608 (41,5 %). Снижение потерь от ОВ в конце войны в значительной степени связано с тем, что войска лучше обеспечивались эффективными противогазами, хотя химическое оружие Германия применяла тогда не менее интенсивно, чем в предыдущие годы (10, 15).

В противогазовой лаборатории Химического комитета инженеры И.И. Жуков и Н.Т. Прокофьев разработали также первый прибор «Газоулавливатель» для определения концентрации хлора и фосгена в воздухе, который был принят на снабжение не только в русской, но и в английской армиях (10).

Несмотря на то, что в химическую войну были втянуты все воюющие страны, тем не менее, ОВ в Первую мировую войну не заняли доминирующего положения, поскольку воюющие стороны не были подготовлены к массовому производству этих веществ, а средства распространения ОВ были несовершенны и не всегда соответствовали характеру этого нового оружия. Кроме того, война показала, что с моральной точки зрения химическое оружие так же антигуманно, как любой другой вид вооружения, любое другое оружие массового уничтожения. Тем не менее, в настоящее время химическое оружие становится весьма привлекательным и удобным для террористических актов, и в этом смысле оно действительно очень опасно.

1. Эрнест Дюшои Р., Тревор Н. Дюшои. Всемирная история войн. Книга третья. СПб./; М., 2000.
2. Кап. Гейер. Химическая война («Великая война» 1914–1918 гг.). М., 1924.
3. Де Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1935.
4. Военно-химическое дело (пособие для начальствующего состава РККА) / Под ред. Я.М. Фишмана. М.; Л., 1929.
5. Хлопин Г.В. Военно-санитарные основы противогазового дела. Л., 1930.
6. Шарль Муре. Химия и война. М., 1925. С. 33.
7. Фрайс А., Вест К. Химическая война. М., 1925. С. 174.
8. Мировые войны XX в. Кн. I / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
9. Архив ВММ МО РФ. Ф. 1. Оп. 35462. Л. 3.
10. Горенков В.М., Селиванов Е.Ф. Медико-технические проблемы противохимической защиты русской армии в Первую мировую войну // Воен-мед. журн. 1995. № 8. С. 70–72.
11. Фишман Я.М. Химическое оружие М., 1924.
12. Фигуровский Н.А. Замечательное русское изобретение. К сорокалетию изобретения угольного противогаса Н.Д. Зелинского 1915–1955. М., 1956.
13. Санитарная служба Русской армии в войне 1914–1917 гг. (сборник документов). Куйбышев, 1942. С. 331–332.
14. Вопросы химической защиты 1915–1917 гг. // Архив ВММ МО РФ. Ф. 1. Оп. 35464. Д. 5.
15. Медицинский архив войны 1914–1918 гг. // Архив ВММ МО РФ. Ф. 1. Оп. 35462. Д. 1.

А.Н. Чубинский (Москва)

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ РАБОТЫ МАСТЕРОВ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Имена ряда мастеров Оружейной палаты XVII в. хорошо известны по оружейным памятникам, представленным в постоянной экспозиции Музеев Московского Кремля. Однако еще в середине XX столетия в собрании музея не было практически ни одного предмета русского огнестрельного оружия, который бы мог быть уверенно определен как изготовленный в Оружейной палате первой половины XVII столетия и который мог быть связан с именем того или иного оружейного мастера. На сегодняшний день многие предметы из собрания музея выставлены в экспозиции во многом благодаря тому, что в результате исследовательской работы 1950–1980-х гг. были выявлены имена мастеров, их изготовивших – Никиты Давыдова, Первуши Исаева, Ивана и Тимофея Лучаниновых.

Шесть работ замочного мастера Оружейной палаты первой половины XVII в. Первуши (Первого) Исаева были опубликованы Н.В. Гордеевым в 1954 г., в самом обширном на сегодняшний день исследовании русского огнестрельного оружия из кремлевского собрания¹. Однако исследователь не указывал время работы мастера и не ставил своей целью выявление оружия первой половины XVII столетия.

Дополнения и уточнения к этой части работы Гордеева были приведены в статье 1976 г. хранителя оружейной экспозиции Музеев Кремля М.Н. Ларченко². В результате целенаправленной архивной работы М.Н. Ларченко ввела в научный оборот данные о неизвестных ранее мастерах Оружейной палаты Лучаниновых. Были опубликованы девять произведений Ивана, Тимофея и

Максима Лучаниновых³. В ходе создания новой экспозиции Оружейной палаты в 1981–1986 г. М.Н. Ларченко выявила еще несколько единиц огнестрельного оружия, изготовленных в Оружейной палате в первой половине XVII столетия, однако без имен мастеров.

В 1984 г. была опубликована статья сотрудника музея Т.В. Мартыновой «Вновь обнаруженные произведения “латных и самопальных дел мастера” Никиты Давыдова». До этой публикации огнестрельное оружие работы Никиты Давыдова было не известно. В этой работе Т.В. Мартынова привела данные о двенадцати пищалях, карабинах и пистолетах работы Никиты Давыдова, описания которых были найдены в описи Оружейной казны 1687 г., а также опубликовала три работы мастера, идентифицированных в собрании музея⁴.

Е.А. Яблонская, хранитель оружейной экспозиции Музеев Московского Кремля с 1989 г., неоднократно приводила новые атрибуции произведений мастеров Оружейной палаты XVII в. на оружейных конференциях и в выставочных каталогах, а также констатировала заметное влияние на русских мастеров голландской и английской оружейных школ⁵.

Итак, в настоящий момент в собрании музея известно несколько десятков единиц огнестрельного оружия, изготовленных в мастерских Оружейной палаты первой половины XVII в. При этом около пятнадцати произведений связываются с именами мастеров, деятельность которых нам известна по архивным документам первых десятилетий правления царя Михаила Федоровича.

Краткая обобщающая характеристика, данная М.Н. Ларченко огнестрельному оружию (в основном пищалям) первой половины XVII в., отмечает замки англо-голландского типа с округлым выступом на нижнем краю замочной доски; стволы с неглубокой орнаментальной резьбой с включением геральдических мотивов, а также ложи с мушкетными прикладами, инкрустированными металлической проволокой в сочетании с перламутром или костью. Считается, что изготовление в Оружейной палате пищалей с аркебузными ложами началось после 1641 г.⁶

Данная работа продолжает исследования предшественников. Новые данные о работах мастеров первой половины XVII в. были получены в основном в результате анализа двух описей царского оружия – Росписи Походной казны царя Алексея Михайловича

1656 г.⁷ и Переписной книги Оружейной казны 1686–1687 гг.⁸ и последующей идентификации упоминавшегося в этих описях оружия в собрании музея.

Предваряя описание оружия XVII столетия, необходимо сказать несколько слов о предшествующей эпохе. К сожалению, наши знания о ручном огнестрельном оружии Оружейной палаты XVI столетия и о мастерах, его изготовлявших, можно назвать ничтожными.

Немногочисленные документальные сведения об изготовлении такого оружия не могут быть соотнесены с материальными памятниками этого времени. На сегодняшний день известны имена трех самопальных мастеров, которые числились в Оружейной палате (Бронном приказе) в 1573 г.⁹ В музейных собраниях сохранились три предмета – фитильная пищаль и два ружейных ствола XVI в., изготовление которых приписывается московским мастерским¹⁰. Единственным аргументом в пользу такой атрибуции стволов являются выбитые на них клейма в виде двуглавых орлов. С нашей точки зрения, эти клейма должны означать в первую очередь принадлежность к государственному арсеналу, царской казне вне зависимости от места их производства.

Относительно небольшое количество сохранившихся ружейных памятников XVI в. связано с гражданской войной и интервенцией в начале XVII столетия. В результате драматических событий Смутного времени Оружейная палата как совокупность мастерских и хранилищ была полностью разгромлена, ни один образец огнестрельного оружия из числа хранившихся в царской оружейной казне XVI – начала XVII столетия не сохранился¹¹. Тем не менее, мы должны поставить вопрос о преемственности русского ружейного дела XVI и XVII столетий, вернее – времени до Смуты и времени восстановления Оружейной палаты после 1613 г. Именно 1613 г. является той датой, от которой мы отсчитываем историю Оружейной палаты в XVII в.

Ответить на вопрос преемственности русского оружия времени царя Михаила Федоровича по отношению к оружию предшествующей эпохи поможет анализ двух нарезных пищалей с дамасковыми «витыми» стволами работы Ивана Лучанинова (раб. 1614–1625)¹² (рис. 1). С нашей точки зрения, эти пищали представляют самые ранние из сохранившихся произведений мастеров Оружейной палаты начала XVII столетия. Стволы по сравнению с другими

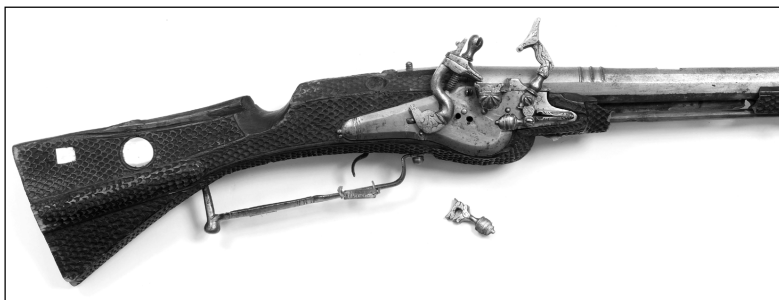

Рис. 1. Пищаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, 1614–1620. Ствол – Иван Лучанинов, замок – Первуша Исаев, ложа – Роман Устинов. Музеи Московского Кремля. Курковый упор снят (инв. № Ор-1907)

работами Лучаниновых можно было считать безыскусными, несмотря на выбранные на дульных раструбах короткие долы-ложки и некогда золоченые поперечные пояски. Тот факт, что в описи царской оружейной казны 1682 г. эти пищали описаны второй и третьей¹³, говорит об их очень высоком церемониальном статусе. Такой статус при наличии намного более декоративных и дорогих предметов можно объяснить лишь древностью. Скорее всего, это были первые пищали, изготовленные для царя Михаила Федоровича в Оружейной палате и использовавшиеся им в качестве парадных.

Оформление стволов этих пищалей не является заимствованием. Европейские дамасковые стволы этого времени неизвестны, а хронологически близкие турецкие стволы выполнены в другой манере¹⁴. Следовательно, остается предположить, что эти стволы продолжают русскую оружейную традицию, существовавшую до Смутного времени. Таким образом, две пищали, изготовленные в первые годы царствования Михаила Федоровича, представляют ключевые памятники исторического собрания Оружейной палаты, которые служат отправной точкой в истории русского огнестрельного оружия XVII в. Эти памятники могут подтвердить мнение хранителя Оружейной палаты в 1860-х гг. Л.П. Яковлева, согласно которому первые оружейные мастера, появившиеся в Кремле в 1613 г., служили в Оружейной палате еще до Смутного времени¹⁵. Автор пищалей Иван Лучанинов, скорее всего, старейший представитель семьи

Лучаниновых, судя по родовому прозвищу является выходцем из города Великие Луки.

Одна из этих пищалей сопровождала царя Алексея Михайловича в Смоленском походе 1654 г.¹⁶, в Росписи Походной казны упомянуты имена мастера-станочника Романа Устинова и замочного мастера Первуши Исаева. Поскольку пищали практически идентичны, можно с уверенностью судить о том, что упомянутые мастера участвовали в изготовлении обеих пищалей (хотя лишь один из замков помечен клеймом мастера). В описи 1687 г. ложка каждой пищали названа «станком яблоновым чешуйчетым»¹⁷. В действительности, ложки пищалей сплошь резаны небольшими выемками; в Европе такой способ декора назывался «дрезденской чешуей» или «дрезденскими раковинами»¹⁸.

Пожалуй, один из самых известных образцов русского огнестрельного оружия XVII столетия – шестизарядный револьвер с ударно-кремневым замком французского типа работы Первуши Исаева (раб. 1614–1625)¹⁹, изготовленный около 1625 г.²⁰ (рис. 2).

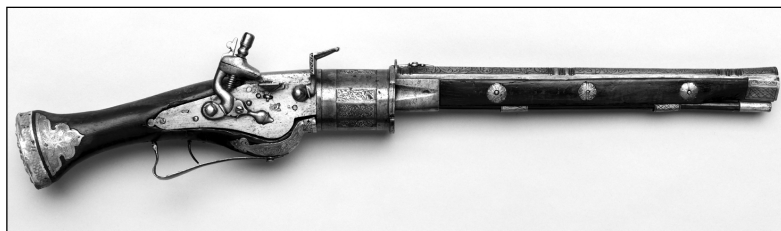

Рис. 2. Пистолет револьверный. Москва, Оружейная палата, ок. 1625. Мастер Первуша Исаев. Музеи Московского Кремля (инв. № Ор-160)

Тем не менее, хотелось бы еще раз заострить внимание на этом оружейном памятнике. Пороховая полка на замке связана с верхней камерой в барабане посредством конической «брандтрубки», перезарядка револьвера происходит вручную путем поворота барабана на одну позицию и подготовки к выстрелу замка. Конструктивная схема Исаева, включающая отдельные независимые детали – замок, «брандтрубку» и барабан, гораздо ближе по духу к револьверному оружию XIX в., чем громоздкая конструкция револьверного оружия, сделанного на основании англо-голландского замка²¹. На замочной доске выбито узнаваемое клеймо мастера в виде

лебеда в фигурном щитке. Заметим, что Первуша Исаев является единственным русским мастером первой половины XVII в., клеймившим свои изделия и, кроме того, единственным русским мастером XVI–XVII вв., который в качестве клейма использовал фигуративное изображение, а не буквенные инициалы или имя²². Действительно, подобные изобразительные клейма более свойственны европейским мастерам. Клеймо Первуши Исаева существует в двух вариантах, в одном из них под изображением лебеда можно увидеть буквы, причем вполне вероятно латинские, а не русские. Эти данные могли бы дать возможность считать Исаева европейским по происхождению мастером. Но отсутствующее в святцах имя Первуша показывает, что это все-таки русский мастер²³. Тем не менее, наличие на работах русского оружейника европейских по стилистике клейм остается загадкой. Маловероятно, что для своих работ Исаев использовал в качестве комплектующих деталей доски от замков неизвестного нам европейского мастера²⁴. Другая загадка Первуши Исаева – использование на револьвере французского батарейного замка. Парадоксально, этот револьвер, один из первых уверенно датируемых образцов русского огнестрельного оружия Оружейной палаты, снабжен наиболее прогрессивной конструкцией ударно-кремневого замка. При этом револьвер остается единственным из дошедших до нашего времени русским оружием XVII в., снабженным французским замком²⁵. Еще одна уникальная черта револьвера – использование в декоре барабана золотой и серебряной насечки. Скорее всего, это первый случай использования насечки в декоре русского огнестрельного оружия (в декоре доспеха и холодного оружия насечка традиционно применялась по крайней мере с XVI столетия). При этом вряд ли насечка выполнена Первушей Исаевым.

К числу неизвестных ранее оружейных памятников первой половины XVII в. относится нарезная казнозарядная пищаль²⁶ калибром 10 мм с вкладным патроном, изготовленная Иваном Лучаниновым: «Пищаль Иванова дела Лучанинова, от казны до пояска 3 доли мелкими о шти зарядах заправляется с казны...»²⁷ (рис. 3). Вкладной патрон имеет запальное отверстие, совпадающее с запальным отверстием на стволе при фиксации затвором. Кнопка запираения затвора смонтирована на ложном хвостовике, затвор откидывается влево.

У данной пищали, как и у европейских аналогов, исходно было

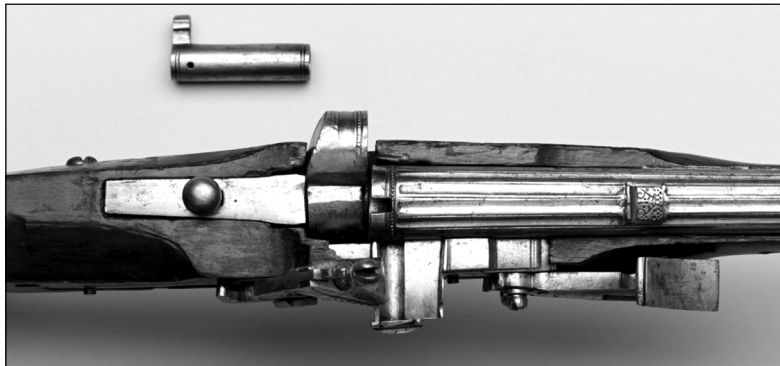

Рис. 3. Пищаль нарезная казнозарядная. Москва, Оружейная палата, первая половина 1620-х. Ствол, затворный механизм – Иван Лучанинов. Музеи Московского Кремля. На иллюстрации вкладной патрон извлечен из ствола, затвор открыт (инв. № Ор-95)

шесть вкладных патронов, которые снаряжались заблаговременно и носились в сумке при пищали. Считается, что после пяти-шести выстрелов подряд с быстрой заменой патронов ствол нуждался в чистке, поэтому оптимальное количество заменяемых патронов было именно шесть. Однако уже в 1687 г. при пищали сохранился всего один патрон²⁸.

Скорее всего, эта казнозарядная пищаль была изготовлена в то же время, что и револьверные конструкции Первуши Исаева, когда был высок интерес к скорострельному оружию, а судя по известным нам годам деятельности Ивана Лучанинова – в первой половине 1620-х гг. Примечательно, что в XIX в. пищаль не выделялась из числа дульнозарядных: «...при отчистке в 1883 г. оказалась заряжающеюся с казны металлическим патроном...»²⁹.

Еще одно ранее безымянное произведение мастеров Оружейной палаты первой половины XVII в. – нарезная пищаль с резным и золоченым стволом работы Тимофея Лучанинова (раб. 1621–1634)³⁰ (рис. 4). Ствол довольно необычной формы: у казны ствол граненый с вогнутыми гранями (долами), к дулу верхняя грань сходит на нет, а две боковые, расширяясь, у дульного среза сходятся почти под прямым углом (на этом «мысыке» напаяна круглая мушка). Подобные стволы в описях 1654 и 1687 гг. носили название «ствол на три грани», их изготовление почти во всех случаях

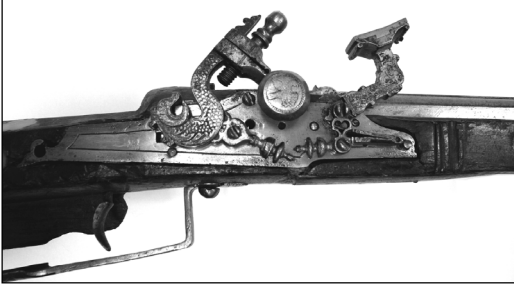

Рис. 4. Пищаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, начало 1630-х гг. Ствол – Тимофей Лучанинов, замок – Григорий Вяткин. Музей Московского Кремля (инв. № Ор-453)

связано с именами мастеров Лучаниновых. В описи Походной казны 1654 г. описание пищали включает имена всех трех мастеров, участвовавших в ее изготовлении: «Пищаль Тимофеева дела Лучанинова, станок Ларионова дела [Лариона Дементьева. – *Прим. авт.*] по местам рако-

вина, замок Григорьева дела Вяткина, [н]а прикладе вырезан орел двоеглавной»³¹. Ранее считалось, что Тимофей Лучанинов работал в Оружейной палате до 1634 г., а наиболее ранние данные о Григории Вяткине относились к 1643 г.³² Данная пищаль свидетельствует о том, что эти мастера какое-то время работали совместно, время ее изготовления можно отнести к началу 1630-х гг.

Ложа пищали Тимофея Лучанинова, как и предыдущей казнозарядной пищали, поздняя, XIX в., появившаяся в музейный период существования Оружейной палаты³³. При замене ветхой ложи часть резных перламутровых пластин, в том числе и с изображением двуглавого орла, была переставлена на новую.

В качестве одной из работ третьего мастера Лучанинова, Максима, можно провести карабин³⁴ (рис. 5, 6), описанный в Росписи Походной казны 1654 г. следующим образом: «Карабин винтовальной з долами в трех местах высечены травы и позолочены, а меж трав присинено Максимова дела Лучанинова, а замок Дмитриева дела Никонова весь позолочен, станок красной чипрасовой Ларионова ж дела [Лариона Дементьева], оправка серебряная чеканная в четырех местех»³⁵. О замочном мастере Дмитриии Никонове на сегодня известно лишь одно упоминание в делопроизводственных документах Оружейной палаты в 1649 г.³⁶ Ларион Дементьев – станочный мастер Оружейной палаты – работал совместно с Тимофеем Лучаниновым и даже с Иваном Лучаниновым³⁷. Следовательно, началом его деятельности в Оружейной палате

Рис. 5. Карабин нарезной. Москва, Оружейная палата, 1620-е – 1630-е. Ствол – Максим Лучанинов, замок – Дмитрий Никонов, станок – Ларион Дементьев. Музеи Московского Кремля. Казенная часть ствола с резным двуглавым орлом (инв. № Ор-1959)

можно считать 1620-е гг. Датировка карабина также должна отталкиваться от 1620-х гг., чему вполне соответствует тяжелый архаический ствол карабина. Описание этого же карабина в Переписной книге 1687 г.³⁸ не сохранило имени ни одного из мастеров, что, в общем, характерно для оружия первой половины XVII в.

Рис. 6. Карабин нарезной. Москва, Оружейная палата, 1620-е – 1630-е. Ствол – Максим Лучанинов, замок – Дмитрий Никонов, станок – Ларион Дементьев. Музеи Московского Кремля. Резной замок англо-голландского типа (инв. № Ор-1959)

Исключением из этого правила может служить оружие Никиты Давыдова (раб. 1613–1663), авторство которого аккуратно фиксировалось и в описи 1687 г. Так, следующее описание позволило выявить пару карабинов³⁹ (рис. 7, 8), изготовленных этим наиболее известным русским оружейником: «Пара карабинов гладких стволы красного железа Микитина дела Давыдова, на стволах... по пяти поясков гладких, рески высечены левики, на устьях вытерты

Рис. 7. Карабин. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е. Ствол – Никита Давыдов. Музей Московского Кремля. Прицел в виде льва (инв. № Ор-1945)

яблоки на турецкое дело с выемками... от средних мишеней до дулов стволы отерты остро, замки... травчетые, золочены сплошь, станки индейскова дерева гладкие»⁴⁰. На дамасковых («красного железа») стволах карабинов установлены прицелы («резки») в виде фигурок сидящих львов (прорези сделаны в головах животных между ушами). Дульные раструбы на стволах с намеченными гранями определены составителями описи, как сделанные по образцу турецких. Турецким влиянием можно объяснить и оформление стволов в целом: размещение декоративных зон, членение поя-

сками на короткую казенную, относительно длинную среднюю часть с верхней гранью, и длинную дульную часть с ребром по линии прицеливания. С другой стороны, известно, что сильнейшее влияние на работы мастеров Оружейной палаты оказал голландский карабин⁴¹, переданный в дар царю Михаилу Федоровичу

Рис. 8. Карабин. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е. Ствол – Никита Давыдов. Музей Московского Кремля. Орнамент на дульном раструбе (инв. № Ор-1945)

голландским торговым агентом Карлом де Муленом в 1630 г. Правда, на голландском карабине установлен турецкий по происхождению ствол, но резьба по металлу выполнена европейским мастером. Таким образом, мы не можем уверенно судить об источниках появления в Оружейной палате стволов аналогичных по дизайну, кажется, что подобных стволов, изготовленных кремлевскими оружейниками до 1630 г., не имеется.

Стилистика резного растительного орнамента на стволах Никиты Давыдова⁴² не является прямым заимствованием ни европейских, ни известных нам турецких оружейных образцов и требует отдельного исследования. При этом восточное (иранское) происхождение этого орнамента очевидно. Один из характерных орнаментальных мотивов в резьбе Никиты Давыдова – двойной утолщающийся лист, отходящий от тонкой S-образной ветви – не встречается в произведениях других оружейников Оружейной палаты. Не встречается этот мотив и в образцах орнамента Никиты Давыдова, насеченных золотом на царских доспехах. Можно предположить, что стилистика резного орнамента Никиты Давыдова уходит корнями в русское искусство XVI в.

Краткий обзор оружия первой половины XVII в. необходимо дополнить ранее неизвестными работами мастеров Вяткиных, Григория и Кондратия⁴³ (рис. 9, 10).

Одна из наиболее ранних идентифицированных на сегодняшний день работ Григория Вяткина – нарезная пищаль с резьбой на стволе и замке, с мушкетной ложей, инкрустированной завитками серебряной проволоки и серебряными звездочками, перламутровыми пластинами с гравировкой. В описи 1687 г. эта пищаль описана так: «Пищаль винтоватая Григорьева дела Вяткина, на стволу... мишени, а в них три звери – лев, инрог, грив... замок английской... станок яблоновой... на станку оправы в трех местех серебряная золоченая; а по нынешней переписи ... две раковинки под щурупами попорчены... задок – дощечка серебряная»⁴⁴. Роспись Походной казны 1656 г. дает нам имя мастера-станочника и уточняет автора замка: «Пищаль ствол и замок Григорьева дела Вяткина, станок Ларионова дела с раковинами»⁴⁵, это, очевидно, Ларион Дементьев. Ствол пищали напоминает лучаниновские по манере рельефной резьбы (орнаментальные и фигуративные изображения с плоской поверхностью получены простым заглублением фона) и по графике изображений. Скорее всего, пищаль датируется 1630 гг.

Рис. 9. Пищаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, 1630-е. Ствол, замок – Григорий Вяткин, ложа – Ларион Дементьев. Музеи Московского Кремля (инв. № Ор-437)

Рис. 10. Пищаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, 1630-е. Ствол, замок – Григорий Вяткин, ложа – Ларион Дементьев. Музеи Московского Кремля. Казенная часть ствола с резным изображением льва (инв. № Ор-437)

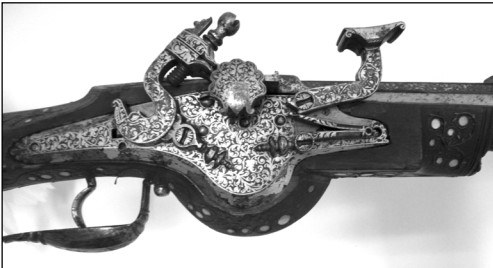

Рис. 11. Карабин. Москва, Оружейная палата, 1640–1647 гг. Музеи Московского Кремля. Замок работы Кондратия и Григория Вяткиных, слюшь насеченный золотом; подогнивная планка отсутствует (инв. № Ор-1962)

Более поздняя совместная работа Кондратия и Григория Вяткиных – карабин и пара пистолетов⁴⁶ (рис. 11), возможно, единственный русский кавалерийский гарнитур XVII в. Переписная книга 1687 г. описывает карабин как «... Григорьева да Кондратьева дела Вяткиных... станок яблоновой Алфимова

дела Яковлева... делан тот карабин при боярине при князе Борисе Александровиче Репнине»⁴⁷. Таким образом, карабин был выполнен в соавторстве Кондратием и Григорием Вяткиными. Действительно, насечка золотом на стволе отличается от насечки на хвостовике и на замке. Судя по аналогиям, декор хвостовика и замка был выполнен Григорием Вяткиным. Изготовление карабина относится ко времени руководства Оружейным приказом Б.А. Репнина, то есть к 1640–1647 гг. Упомянутые пистолеты имеют полностью аналогичный декор, а их описание в 1687 г. почти точно повторяет описание карабина: «Пара пистолей, стволы и замки наведены золотом травы сплошь, Григорьева да Кондратьева дела Вяткиных; станки Алфимова дела Яковлева с раковины и с наводом серебряным; делано при боярине при князе Борисе Александровиче Репнине»⁴⁸. При этом формулировки, которые позволяют уточнить время изготовления оружия, в Переписной книге 1687 г. крайне немногочисленны. Интересно, ранее карабин считался изделием голландских оружейников первой четверти XVII в.⁴⁹

Завершая рассмотрение отдельных образцов огнестрельного оружия первой половины XVII в., необходимо указать верхнюю временную границу исследования. Такой датой может служить 1654 г., год выступления русской армии в Смоленский поход. Затянувшаяся война с Речью Посполитой 1654–1667 г., а также эпидемия чумы 1654–1656 гг.⁵⁰, не могли не отразиться на производстве огнестрельного оружия в Оружейной палате.

Суммируя и обобщая имеющуюся информацию об огнестрельном оружии, сделанном мастерами Оружейной палаты в 1613–1654 гг., рассмотрим характерные черты основных оружейных деталей этого времени. С первых лет царствования Михаила Федоровича в Оружейной палате изготавливались хорошего качества пищальные стволы, в том числе нарезные и дамасковые. Для этих стволов была характерна казенная часть, обточенная гранями или мелкими долами, круглая в сечении длинная дульная часть с ребром по линии прицеливания, дульный раструб или дульное расширение. Граненые по всей длине (как правило, восьмигранные) стволы появились ближе к середине XVII в. Наиболее ранняя форма мушки – железный шарик или невысокий округлый столбик, напаянный у дульного среза. Несколько позднее появилась мушка в виде прямоугольной продольной пластины, а к середине XVII в. на пищалах и карабинах устанавливали Ш-образную в сечении мушку из трех

продольных пластин (крайние пластины более низкие) на общем основании, которое заклинивалось в поперечной прорези в дульной части ствола (крепилось на «ласточкин хвост»). Достаточно рано появились прицелы в виде щитка с прорезью на широком основании, которое врезалось в верхнюю грань близ казны на «ласточкин хвост». Однако на раннем русском оружии были попытки воспроизведения диоптрического прицела, заимствованного, скорее всего, у турецкого оружия, изредка встречались прицелы в виде прорези на поперечном гребешке на казенном срезе. На pistolетных стволах прицельные приспособления отсутствовали.

Декор стволов первоначально мог исчерпываться золочеными поясками. Затем на стволах появились позолоченные и посеребренные зоны, гравировка и рельефная резьба, заключающаяся в заглублинии фона без дальнейшей проработки изображения. Такой резьбой украшены стволы работы мастеров Лучаниновых, ранние работы Никиты Давыдова и Григория Вяткина. Золотая насечка на стволах появляется в 1640, возможно, 1630-х гг., и ее использование на огнестрельном оружии, скорее всего, было начато мастерами Вяткиным, Кондратием и Григорием. В то же время эпизодические случаи насечки (например, барабан револьверного пистолета Первуши Исаева) были и ранее. Тимофей Лучанинов и Никита Давыдов владели техникой насечки, но не использовали ее в декоре стволов. В изображениях на стволах мастера Оружейной палаты до конца века не сумели выработать единого порядка, изображение двуглавого орла могло наноситься и на казне, и в средней части ствола, и у дула (в одном случае гравированный двуглавый орел в средней части ствола перевернут). Надо также отметить, что если насечка и золочение на стволах Оружейной палаты XVII в. сохранились удовлетворительно, серебрение сохранилось фрагментарно, то воронение («синение») утрачено полностью.

Ударно-кремневые замки, производившиеся в Оружейной палате для царского оружия, в подавляющем большинстве принадлежат англо-голландскому типу⁵¹. Наиболее ранние образцы замков изготовлены Первушей Исаевым, который также был знаком с конструкцией французского батарейного замка. Первуша, за исключением золочения и легкой гравировки, практически не декорировал свои замки, при этом он является единственным русским мастером первой половины XVII в., клеймившим свои изделия. В 1630-е гг. появились резные замки англо-голландского типа, источником для

орнаментации замков служило привозное, в первую очередь голландское оружие. Однако, возникновение в 1630–1640-е гг. оформления замка с прорезными деталями – щитком пороховой полки, стойкой огнива и подогнивной планкой⁵² – по всей видимости, следует считать русским декоративным новшеством. Обронная резьба на замках появилась позднее, во второй половине столетия. Внешние предохранители случайного спуска на замках и ложах (преимущественно пистолетных) встречались только на оружии первой половины XVII в., скорее всего, эти детали заимствованы у английского оружия.

Остается открытым вопрос об использовании мастерами Оружейной палаты ударно-кремневого замка русского типа. Первый точно датированный русский замок на царском оружии датирован 1654 г.⁵³ Но мы не можем уверенно указать ни одного русского замка, изготовленного ранее середины XVII в.⁵⁴ При этом русский замок существовал, по крайней мере – с конца XVI в.⁵⁵ По всей видимости, отсутствие русского замка на оружии, сделанном «про государев обиход», можно объяснить вкусами и предпочтениями царского двора. Вряд ли механизм англо-голландского замка был заметно более надежным.

Именно в первой половине XVII в. изменилась форма нижнего края замочной доски англо-голландского замка. Это связано с переходом станочных мастеров Оружейной палаты от мушкетных лож к аркебузным (вряд ли это изменение отражает эволюцию всего русского оружия XVII в.). Замочные доски с округлым выступом снизу, нефункциональной и избыточной деталью, доставшейся от колесцового замка, были принадлежностью мушкетных лож, а также станков карабинов и пистолетов с аналогичным выступом на ложе под замком. В действительности, как мы видели выше, первые ложи работы мастеров Оружейной палаты – мушкетные. Ранее считалось, что начало изготовления аркебузных лож в Оружейной палате можно ограничить 1641 г.⁵⁶ Однако аркебузные ложи по многочисленным косвенным данным в Оружейной палате начали изготавливать заметно раньше. Аркебузная ложа вышеописанной казнозарядной пищали работы Ивана Лучанинова, изготовленная до 1625 г., – поздняя, XIX в. Однако известно, что при замене старых ветхих лож новыми, массово проводившейся в Оружейной палате в начале 1830-х гг., мастера пытались воспроизвести форму исходной ложи. Замок казнозарядной пищали имеет

ровный нижний срез доски, что также подтверждает аркебузную форму приклада. Наконец, в описи Оружейной палаты 1808 г. имеется запись, согласно которой у данной пицали «закрышки на прикладе нет»⁵⁷. Ящик для принадлежности на прикладе, задвигавшийся продольной крышкой, на ложах работы мастеров Оружейной палаты присутствовал только на пицалих с аркебузными прикладами.

Таким образом, можно считать доказанным, что аркебузные ложи изготавливались в Оружейной палате уже в 1620-х гг., параллельно делались и мушкетные ложи, позднейшая из известных датируется 1645 г.⁵⁸ Исключением могла бы служить охотничья птичья пицаль из постоянной экспозиции Оружейной палаты, согласно надписи на стволе изготовленная для царя Петра Алексеевича в 1688 г.⁵⁹ (рис. 12). Однако мушкетная форма ложи с необычной

Рис. 12. Пицаль охотничья. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е. Музей Московского Кремля. На стволе насечена надпись, согласно которой пицаль принадлежала царю Петру Алексеевичу, и дата «1688» (инв. № Ор-102)

для второй половины XVII в. спусковой скобой, а также гладкий замок убеждают в том, что пицаль была сделана в мастерских Оружейной палаты не позднее 1640-х гг. А надпись на стволе (возможно, и инкрустация на ложе) была выполнена непосредственно перед передачей этой пицали молодому 16-летнему царю.

Нужно отметить, что аркебузные приклады Оружейной палаты имели отличие от классического «немецкого приклада»⁶⁰ – заметно большую длину⁶¹. Кроме того, на аркебузных прикладах Оружейной палаты продольный нижний выступ, делающий левую сторону приклада заметно более широкой, чем правую, также

отличался по форме от немецкого прямым левым краем. Поскольку в отечественной литературе нет устоявшегося наименования этого выступа⁶², в качестве такового можно было бы предложить «лопасть аркебузного приклада», что отчасти согласуется с наименованием XVII столетия, когда эта деталь именовалась «перо»⁶³. Нельзя исключить, что такая разновидность аркебузного приклада появилась в России еще в XVI в.

У мушкетных лож работы станочных мастеров Оружейной палаты первых десятилетий XVII в. также имеется деталь с неизвестным источником происхождения. От известных нам английских, голландских и немецких прикладов их отличает характерное оформление гребня приклада. Гребень вырезался в виде прута, его концы (у затыльника и перед вырезом на шейке приклада) закрывались металлическими (серебряными) накладками-обоймицами. В то же время, остаются несомненными английские и голландские источники декора мушкетных лож в Оружейной палате первой половины XVII в. Этот декор построен на сочетании инкрустации серебряной проволокой и серебряными гвоздиками-звездочками с перламутровыми вставками разной формы и величины, на которых гравированы орнаментальные и фигуративные изображения. Упомянутые выше мастера Оружейной палаты Ларивон Дементьев, Алфим Яковлев, а также Постник Иванов⁶⁴ работали именно в этой манере.

Итак, оружие первой половины XVII в., изготовленное в Оружейной палате в 1613–1654 гг., обладает рядом признаков, отличающих его от работ кремлевских мастеров второй половины столетия. Ранние работы мастеров Оружейной палаты указанного периода, по всей видимости, следуют традициям русской оружейной школы, сформировавшейся до Смутного времени, и в то же время испытывают сильнейшее влияние английского, голландского и немецкого оружия. Влияние восточной оружейной традиции в первой половине XVII в. ни в коей степени не может быть решающим.

¹ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 40–46.

² Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты

первой половины XVII века // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976. С. 24–38.

³ М.Н. Ларченко привела также данные о мастере Дружине Лучанинове (см.: там же. С. 26, 34, 35), но в настоящий момент его работы не обнаружены, а крайне скудные документальные данные об этом мастере заставляют задуматься: не выступает ли под этим именем кто-то из уже известных нам Лучаниновых, поскольку русское имя Дружина (отсутствующее в святцах) не исключает второго, христианского имени.

⁴ Мартынова Т.В. Вновь обнаруженные произведения «латных и самопальных дел мастера» Никиты Давыдова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века. Материалы и исследования. М., 1984. С.179–180.

⁵ См., например: Государева Оружейная палата. [Каталог]. СПб., 2002. Кат. 74.

⁶ Государева Оружейная палата. СПб., 2002. [Каталог]. Вступит. ст. И.А. Комарова С. 25. Предполагается, что пара аркебуз, подаренных царю Михаилу Федоровичу датским «королевичем» Вальдемаром в 1641 г., послужила образцом для изготовления в Оружейной палате длинноствольного оружия с аркебузным прикладом.

⁷ Роспись Походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске. 1656 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 5692.

⁸ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1686–1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936.

⁹ Левыкин А.К. Оружейная палата в XVI столетии // Материалы и исследования. Вып. 11: Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 248.

¹⁰ Пищаль и ствол из ВИМАИВиВС, см.: Л.К. Маковская 1992. С. 104, рис. 48, инв. № 1/882, С. 101 рис. 40, инв. № 1/13; ствол из Музеев Московского Кремля – см.: Гордеев 1954. С. 7–9, инв. № Ор-73, оба ствола установлены на относительно поздних пищалах.

¹¹ Единственным исключением может считаться турецкая пищаль, принадлежавшая оружнику Б.Я. Бельскому (упом. 1570–1611), см.: Государева Оружейная палата. [Каталог]. СПб., 2002. Кат. 88.

¹² Музеи Московского Кремля, инв. № ОР-151, 1907, первая пищаль представлена в постоянной экспозиции музея. Об авторстве Ивана Лучанинова см.: Ларченко М.Н. Указ. соч. С. 31–32. К сожалению, рисунок дамаска на стволах уже в 1950-е гг. был плохо различим: «по имеющимся следам, ствол сварен путем накручивания полосы железа спиралью на круглый пруток...» См.: Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 44.

¹³ Переписная книга 1686–1687. Л. 238 № 60, Л. 236–236 об. № 54. Опись царской оружейной казны 1682 г., скорее всего, утрачена, однако в Переписной книге 1686–1687 гг. при описании каждой вещи даются ссылки на ее порядковый номер в описи 1682 г.

¹⁴ Ствол вышеупомянутой пищали Б.Я. Бельского, а также стволы трех пищалей из собрания Музеев Московского Кремля, изготовленных в Оружейной палате не позднее первой четверти – первой трети XVII в., с турецкими гладкими стволами, откованными, судя по клейму, мастером Ахматом, инв. № Ор-414, 1940, 2006). Нерегулярный рисунок дамаска на этих стволах (отсутствие следов спиральной «навивки» при сварке) и сходство рисунка дамаска с узорча-

тым металлом на клинках XVII в. породили в недалеком прошлом мнение, что эти стволы откованы из булатной стали.

¹⁵ ОРПГФ. Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 17.

¹⁶ Роспись Походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске. 1656 г. Л. 27 [№ 1].

¹⁷ Переписная книга 1686–1687. Л. 236–236 об. № 54; Л. 238. № 60.

¹⁸ См., например, Drejholt Nils. Firearms of the Royal Armouries I. Catalogue. Stockholm. 1996. P. 26–27, cat. GIIA 31.

¹⁹ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-160, как и револьверная пятизарядная пищаль, инв. № Ор-№ 153 (см.: Государева Оружейная палата. Кат. 70), сделанная Первушей Исаевым в 1625 г., револьвер выставлен в постоянной экспозиции музея.

²⁰ Государева Оружейная палата. Кат. 71.

²¹ Такая конструкция была реализована, например, в револьверной пищали 1625 г., см. сноску 19. На барабане над каждой камерой выбиралась пороховая полка и крепились скользящая крышка и огниво. Кроме того, на курке фиксировался внешний толкатель, сдвигающий крышку пороховой полки в момент падения курка перед выстрелом.

²² Это ценное наблюдение было высказано А.К. Левыкиным. Долгое время возглавлявший оружейный сектор Музеев Московского Кремля, в настоящее время А.К. Левыкин является директором ГИМА.

²³ Если бы Исаев был крестившимся в православие европейским мастером, он бы получил имя по святцам.

²⁴ Этим можно было бы объяснить невнимание мастера к клейму: на некоторых замках клейма частично закрыты курковыми упорами. См.: Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 44.

²⁵ Французские замки в Оружейной палате во второй половине XVII в. часто изготавливали мастера-иноземцы. Первый известный нам замок французского типа работы мастера Оружейной палаты Константина Аввакумова сделан ок. 1709 г. и установлен на строевом мушкетоне из собрания Музеев Московского Кремля, инв. № 626.

²⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-95.

²⁷ Переписная книга 1686–1687. Л. 230 об. № 38.

²⁸ Там же.

²⁹ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7439.

³⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-453.

³¹ Роспись Походной казны 1654 г. Л. 27 [№ 2].

³² Ларченко М.Н. Указ. соч. С. 25, 33.

³³ Замена ветхих лож на новые была проведена, скорее всего, в начале 1830-х гг. при директоре Оружейной палаты Ф.А. Ушакове (1831–1841).

³⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-1959.

³⁵ Роспись Походной казны 1654. Л. 25 [№ 12].

³⁶ «Замошной мастер Дмитрейко Никонов» с годовым жалованьем семь рублей упоминается в 1649 г. в выписке о жаловании, см.: РГАДА Ф. 396. Оп.1. Ед. хр. № 4153. Л. 8, 9 (дело найдено М.Н. Ларченко) В Росписи Походной казны 1656 г. описаны один карабин и четыре пищали с замками Дмитрия Никонова. В Переписной книге 1687 г. имя мастера не упоминается.

³⁷ В Росписи Походной казны 1656 г. описаны пищали упомянутых мастеров

Лучаниновых с ложами Лариона Дементьева – см.: Роспись Походной казны 1656. Л. 27 [№ 2] и Л. 27 [№ 8]. Дементьев работал также в соавторстве с Никитой Давыдовым, Максимом Давыдовым и Григорием Вяткиным. В Росписи Походной казны насчитывается четырнадцать пищальных и карабинных лож, сделанных Ларионом Дементьевым. В Переписной книге 1686–1687 гг. мастер упоминается единственный раз, как автор лож пистолетов Никиты Давыдова.

³⁸ Переписная книга 1686–1687. Л. 343–343 об. № 19.

³⁹ Музеи Московского Кремля, инв. №№ Ор-96, 1945, калибр 12 мм. Парность карабинов нигде не отмечена, один из карабинов находится в постоянной экспозиции Музеев Кремля, без указания имени мастера.

⁴⁰ Переписная книга 1687. Л. 58–358 об. № 4.

⁴¹ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-282. Карабин находится в постоянной экспозиции музея.

⁴² В настоящий момент в собрании музея выявлено около десяти предметов огнестрельного оружия, изготовленных Никитой Давыдовым.

⁴³ Кондратий Вяткин – отец Григория.

⁴⁴ Переписная книга 1686–1687. Л. 229. № 34.

⁴⁵ Роспись Походной казны 1656. Л. 27 [№ 4].

⁴⁶ Музеи Московского Кремля, инв. №№ Ор-1962 (карабин), Ор-2824, 2825 (пистолеты).

⁴⁷ Переписная книга 1686–1687. Л. 340 об.–341. № 14; в описи 1656 г. имя Григория Вяткина как соавтора карабина не упоминается, см.: Росписи Походной казны 1656.. Л. 24 [№ 4].

⁴⁸ Переписная книга 1686–1687. Л. 406 об.–407. № 19.

⁴⁹ См. Е.У. Yablonskaya. Dutch guns in Russia. Amsterdam, 1996. К. 8. Р. 72–73.

⁵⁰ Население одной из основных оружейных слобод Москвы, Бронной слободы в результате чумы уменьшилось на 80 %. См.: М.Ю. Романов. Московская Бронная слобода в XVII в. История и люди. М., 2010. С. 47.

⁵¹ В документах XVII в. этот замок назывался «аглинским» и «шкотским». По всей видимости, эта разница в наименованиях не была следствием конструктивных или декоративных отличий между «английским» и «шотландским» замками.

⁵² Эта деталь замка англо-голландского типа – накладка, стягивающая винт крепления огнива и винт подогнивной пружины, – как кажется, не имеет специального названия в отечественной оружейной литературе.

⁵³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 6763.

⁵⁴ Русские замки на боевом оружии, хранившемся в Оружейной палате, фиксирует Перечневая роспись государевой оружейной казне 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 3593. Л. 59.

⁵⁵ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 31.

⁵⁶ См. сноску 6.

⁵⁷ Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. ЦГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 400. Л. 169 об.–170. № 5939.

⁵⁸ Это ложа на дробовой пищали работы Никиты Давыдова. См.: Мартыгова Т.В. Указ. соч. С. 179–181.

⁵⁹ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-102, см.: Государева Оружейная палата. Кат. 85.

⁶⁰ В англоязычной литературе «German Butt». В описи Оружейной палаты 1886 г. последовательно приводится название «аркебузный» или «аркебузный немецкий» приклад. См.: Опись Московской Оружейной палаты 1886. № 6613, 6614. Л.К. Маковская называет такой приклад «многопрофильным». См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 97.

⁶¹ Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. II. London, 1963. P. 176.

⁶² Во внутримузеейной документации эта часть приклада иногда называется «щекой», однако это может вызвать путаницу с одноименной деталью на прикладах, генетически восходящих к мушкетному; кроме того, функции этого выступа у аркебузного приклада заметно шире, чем служить местом приложения щеки стрелка; этот выступ служит также и для улучшения захвата приклада (в нее упираются пальцы правой руки, лежащие на спусковой скобе), а также является служит дополнительной защитой спускового крючка от случайного нажатия.

⁶³ Переписная книга 1686–1687. Л. 314–314 об. № 43; в англоязычной литературе эта часть аркебузного приклада называется «Butt Wing», ближайший аналог русского «пера» XVII в.

⁶⁴ Работал в 1620-х – 1630-х гг. Данные об этом мастере отрывочны, им выполнена инкрустация на ряде ранних лож Оружейной палаты. Несомненно, Постник Иванов – один из лучших станочных мастеров Оружейной палаты XVII в.

Е.Д. Шелковникова (Санкт-Петербург)

НАСЛЕДОВАНИЕ АНТИКВАРНОГО ОРУЖИЯ

На первый взгляд, на сегодняшний день наследование россиянами легально принадлежащего им гражданского оружия, оборот которого закреплен в действующем ФЗ «Об оружии», особую проблему представлять не должно. И все же некоторые вопросы у наследников, как по закону, так и завещанию, возникают. Мы же попытаемся раскрыть проблему для наших сограждан несколько более сложную и проблематичную. Речь пойдет о порядке наследования антикварного оружия частными лицами.

В наши дни произошел формально-юридический переход от прежнего советского гражданского законодательства о наследовании к законодательству новому. Ведь ныне в нашей стране появилась новая форма собственности – частная собственность, вопросы правового регулирования которой представляют весьма актуальный интерес как для физических, так и юридических лиц. Кстати, и адвокатская практика показывает, что приблизительно каждый третий гражданин, обращающийся за помощью к адвокату, интересуется вопросами наследственного права.

Но прежде немного об истории правового регулирования и реальном обороте. Во времена Российской империи в частных руках находилось довольно большое количество различного оружия, включая так называемое «древнее оружие». Причем это отнюдь не означало, что его владельцы обязательно были коллекционерами. Находящееся у подданных Российской империи в частной собственности оружие было необходимо им как для служебной деятельности, самообороны, а также могло просто являться предметом быта и домашнего интерьера. Дедовская шпага украшала ковер на стене, кинжалом, привезенным с Кавказа, разрезали страницы книг, а револьвер, купленный по случаю и на всякий случай, валялся в ящике письменного стола...

В Советской России отношение к частным оружейным собраниям и их владельцам оказалось совершенно иным. И судьбы практически всех частных коллекций оружия того времени складывались, увы, трагично и довольно-таки одинаково. То было время грабежей, бесконечных переделов собственности, а зачастую и просто варварского уничтожения предметов старины. А «оставшиеся в живых» и переданные в музеи оружейные предметы из бывших личных коллекций чаще всего оказывались лишенными своей истории и своей целостности.

Сотрудник Эрмитажа и специалист по старинному оружию Михаил Федорович Косинский вспоминал о том времени: «После ликвидации полиции Петроград остался без блюстителей порядка. Конечно, этим не могли не воспользоваться бандиты, жулики, в частности уголовники, выпущенные из тюрем, да и просто пьяницы и хулиганы. Временное правительство издало распоряжение об организации милиции из добровольцев. В домах была организована “домовая охрана” из жильцов. Отряды из нескольких человек дежурили у ворот и в подъездах домов. Они были вооружены случайным оружием – огромными старинными револьверами, крохотными дамскими, охотничьими ружьями, чиновничьими и генеральскими шпагами и даже дуэльными пистолетами. Пришлось и мне принять участие в этой “домовой охране”»¹.

Уже в первые дни Советской власти одной из основных задач нового государства являлась охрана революционного порядка и подавление вооруженных выступлений. В Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов 24/11 января 1918 г., провозглашалось: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся... и полное разоружение имущих классов»². Как видно, в этом документе, подписанном В.И. Лениным, предельно ясно выражено классовое отношение высшего органа Советского государства к факту наличия оружия у населения: вооружение трудящихся при полном разоружении имущих классов. А далее 10 декабря 1918 г. принимается Декрет СНК РСФСР «О сдаче оружия», которым все выданные ранее разрешения на хранение оружия объявлялись недействительными, а лица, имевшие оружие, были обязаны сдать его³. Впрочем, оружие не изымалось только у членов партии по представлению

комитетов РКП (б), но не более одной винтовки и одного револьвера на человека. Право на владение оружием, а это означает и его теперь уже тайное и тщательно скрываемое коллекционирование, приобрело классовую и партийную принадлежность.

Всевластие Советов по существу уничтожило прежних частных коллекционеров старинного оружия. Многочисленные отечественные частные коллекции оружия либо были увезены их владельцами за рубеж, либо растащены и разграблены в революционном вихре перемен, разобраны на составные части либо тайно проданы. А в лучшем случае они оказались в музейных собраниях Советской России. Оставшиеся в Советском Союзе частные коллекционеры оружия вынужденно «ушли в подполье», дабы не попасть под уголовную ответственность за незаконное хранение и сбыт оружия. Ведь ст. 220 первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. была введена уголовная ответственность за незаконное хранение огнестрельного оружия без соответствующего разрешения – принудительные работы⁴.

В этот сложный и трагический для российской культуры момент считалось, что оружие дореволюционного времени – это «атрибут царского периода», предмет дворянской и буржуазной культуры. Большинство рядовых советских граждан, задавленных царщей в первой социалистической стране разрухой, просто не были морально готовы к принятию, как им казалось, старых ценностей, да и не рассматривали их в качестве таковых. Все эти факторы, по мнению ряда исследователей, и привели к тому, что значительное число единиц старинного оружия в советский период было утрачено, похищено или отправлено за границу.

И все-таки... каким образом повлияла социалистическая революция на собирательство предметов искусства и старины, кого отстранила от этого и кого приобщила вновь? В то время некоторым казалось очевидным, что на смену старому поколению собирателей уже пришли какие-то новые люди, что именно они жадно скупают картины, книги и предметы прикладного искусства.

«Но кто эти люди, во имя чего они собирают и насколько серьезно интересуются искусством, было не ясно. И лишь НЭП сорвал маски с таинственных незнакомцев, показав, что для большинства из них собирательство было лишь одним из способов вкладывания бумажных денег в реальные ценности. Возможность открыто принимать участие в выгодных коммерческих предприятиях сразу дала

новое применение капиталу и резко понизила спрос на художественные ценности. Антикварная торговля быстро начала умирать естественной смертью. Радоваться этому или печалиться? С одной стороны, переход предметов искусства к лицам невежественным, оценивающим их с точки зрения стоимости в золотых рублях, никогда не мог радовать истинных собирателей; с другой стороны, эти люди разгружали рынок от второклассных и третьеклассных вещей, покупая без разбора все, что им предлагали, а это давало возможность многим старым собирателям сводить концы с концами, сохранять в неприкосновенности лучшие экземпляры своих собраний, а иногда и пополнять коллекции»⁵. Примечательное суждение М. Строева – старейшего московского антикара 20-х гг. XX в. Оно вполне применимо и к периоду 90-х гг. XX в. – нестабильному времени начала перестройки в уже новой России.

В 1920–1930-х гг. профессиональное коллекционирование оружия продолжалось, скорее, «по инерции». Опустившийся железный занавес лишил отечественных собирателей возможности приобретать предметы за границей, обмениваться с иностранными коллегами и участвовать в аукционах. Крупные оружейные собрания были национализированы. При этом представители новой власти старались замести следы своих конфискации – сознательно уничтожались владельческие знаки, ярлыки, изымались и уничтожались инвентарные книги и т.п. Обезличенная масса предметов старины в буквальном смысле слова сваливалась в государственные хранилища, откуда распределялась по музеям, поступала в торгсины, уничтожалась или попросту растаскивалась.

Например, в 1918–1930-х гг. подвалы Эрмитажа «грабителями с официальными мандатами» были превращены в один большой склад, куда свозились конфискованные частные коллекции произведений искусства, старинного оружия и др. В течение ряда лет все эти огромные ценности оставались неучтенными...⁶

Тем не менее частные коллекции оружия продолжали существовать. Упомянутый уже М.Ф. Косинский вспоминал о своем аресте: «Меня арестовали 19 марта 1935 г. Вечером в дверь позвонили двое сотрудников НКВД, и один из них предъявил мне ордер на обыск и арест... Обыск был довольно поверхностным. Забрали пишущую машинку и несколько документов и прочих бумаг... Осмотрели и чемоданы, стоявшие в кладовой возле кухни. В одном из них лежала масса бумажных солдатиков, нарисованных мной и братом в

детстве. Среди них нашлись и крохотные газеты, которые мы в то время для них “издавали”. Взяли и эти “газеты”. И в то же время обыскивающие не удосужились заглянуть в оттоманку, где было сложено “оружие”: разобранный японский доспех самурая, фехтовальные рапиры и эспадроны и турецкий ятаган»⁷.

Очень часто продажа предметов частных коллекций государственным музеям позволяла выжить в суровых условиях советской повседневности.

Постепенно, начиная с 1953 г., в бывшем СССР начался процесс постепенного ужесточения порядка приобретения и хранения охотничьего оружия. Хотя вплоть до середины 70-х гг. отношение общества и государства к проблеме оборота гладкоствольного охотничьего оружия было весьма лояльным. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в ст. 218 не ввел уголовной ответственности за незаконное ношение, хранение или сбыт огнестрельного гладкоствольного оружия. Существовала лишь административная ответственность за нарушение порядка продажи, приобретения, хранения, передачи огнестрельного охотничьего гладкоствольного оружия. Лишь ныне становится известным, что некоторые вполне законопослушные советские граждане старинное и современное оружие коллекционировали на свой страх и риск (к их числу можно отнести некоторых военных и сотрудников правоохранительных органов; партийных и советских работников; дипломатов; работавших за рубежом журналистов; представителей творческих профессий, а также тех немногих потомственных собирателей, коим оружейные коллекции просто перешли по наследству).

Однако содержание ст. 218 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. каждый подпольный советский частный коллекционер старинного оружия знал досконально. Знал и тем не менее... продолжал его коллекционировать – ведь таков был его личный приоритет и зачастую непростая судьба.

В период СССР союзных и республиканских законодательных актов об оружии не существовало вообще. И правовое регулирование оборота оружия осуществлялось преимущественно подзаконными нормативно-правовыми актами и, прежде всего, ведомственными инструкциями (в том числе, для служебного пользования, которые официально не публиковались для всеобщего ознакомления). Эти инструкции, хотя формально и принимались «во исполнение» нормативно-правового акта более высокой юридической

силы и должны были определять порядок реализации закрепленных в нем прав, но фактически являлись правоустановительными нормативными документами, поскольку законодательные акты содержали лишь общие положения. При этом правовых норм, содержащих понятие «антикварное оружие», в законодательстве Союза ССР и РСФСР не содержалось.

Контроль за оборотом гражданского оружия в целом регулировался положениями, содержащимися в ведомственных инструкциях МВД СССР. Советским гражданам разрешалось приобретать оружие исключительно в целях занятия охотой, спортом, для ношения с национальными костюмами, а также в порядке награждения. Однако коллекционирование оружия частными лицами законодательством не допускалось.

В Советском Союзе легальный оборот старинного оружия осуществлялся исключительно в государственных музеях. При этом инструкции МВД СССР содержали лишь общие положения, распространяющиеся на музейное экспонирование. Детальная же регламентация хранения, учета, перевозки старинного оружия музеями осуществлялась инструкциями Министерства культуры СССР. В этих ведомственных нормативных актах оружие, хранящееся в музеях (наряду с другими предметами), попадало под общую правовую категорию «музейные ценности».

Нельзя не отметить имевшие место негативные моменты, связанные с отсутствием в советском законодательстве понятия «антикварное оружие» и специального правового режима его оборота.

Так, инструкцией МВД СССР, изданной в 1975 г., было установлено, что «в музеях для экспонирования разрешается хранить только оружие, приведенное в состояние, непригодное для производства выстрела»⁸. Позже данное положение было продублировано в инструкции МВД СССР 1982 г.⁹ Подчеркнем, что никаких исключений из этого правила не предполагалось.

Вместе с тем нельзя не упомянуть и своего рода позитивный момент ведомственного нормативного регулирования оборота старинного оружия советского периода. В инструкции МВД СССР 1987 г. было сформулировано понятие «историческое оружие», под которым понималось «дульнозаряжаемое, фитильное, колесное, кремневое и капсюльное нарезное и гладкоствольное огнестрельное оружие, изготовленное до 1870 года». Историческим оружием

также считались их копии. Причем в данной инструкции оговаривалось, что действие разрешительной системы, осуществляемой органами внутренних дел, на такое оружие не распространяется¹⁰.

Хотя, подчеркнем, что в данную категорию оружие выделялось не с точки зрения его культурной ценности, а в силу того, что по своим конструктивным особенностям оно не представляло значительной опасности. К тому же данное положение инструкции не было направлено на легализацию оборота исторического оружия с участием советских граждан – частных коллекционеров, а распространялось только на музейные коллекции.

Однако в данной инструкции МВД СССР 1987 г. содержалось и такое жесткое предписание: «...поступившее в музеи огнестрельное оружие должно быть перед экспонированием приведено в оружейных мастерских в состояние, непригодное для производства выстрела, путем:

- просверливания отверстия диаметром не менее 5 мм в казенной части оружия без повреждения надписей и клейм;
- изъятия или спиливания бойка»¹¹.

И в этом отношении показательно содержание принятой в 1985 г. Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, утвержденной приказом Министерства культуры СССР 17 июля 1985 г. № 290. В ней все огнестрельное оружие, хранящееся в музеях, было подразделено (в зависимости от даты изготовления) на две категории – произведенное до 1870 г. и после. При этом инструкцией предписывалось, что казнозарядное нарезное оружие выпуска после 1870 г. должно храниться или в отдельном помещении, оборудованном как сейф, или в сейфах. Кроме этого оно должно было быть просверлено сбоку в казеннике. Диаметр сверла – 5 мм. Указывалось также, что отверстие не должно затрагивать клейм. (В пистолетах и револьверах отверстие, согласно инструкции, просверливалось снизу в стволе, под накладками стволов или кожухов)¹². Отметим, что данная инструкция продолжает действовать и в условиях новой России!

Издание упомянутых нами выше ведомственных нормативно-правовых актов в итоге привело к тому, что значительное число экземпляров старинного оружия, находящихся в государственных музеях, было приведено в состояние, непригодное для производства выстрела, т.е., говоря языком музейных работников, попросту «убито».

Двумя годами позже, в 1987 г., утверждается еще одна инструкция Министерства культуры СССР «О порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей»¹³. В ней впервые было сформулировано общее понятие «культурные ценности», под которыми понимались «произведения изобразительного, декоративно-прикладного и народного искусства, музыкальные инструменты, произведения печати, почтовые марки, грампластинки, другие предметы, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»¹⁴.

Здесь же указывалось, что не подлежат вывозу (пересылке) из СССР все виды холодного и огнестрельного оружия отечественного и зарубежного производства до 1945 г. включительно, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность как сохранившиеся целиком в своем первоначальном виде, так и находящиеся в руинированном или фрагментарном состоянии, являющиеся частью более поздних объектов¹⁵.

Как осуществляется гражданский оборот антикварного оружия физическими лицами в наши дни? Сейчас в России действуют части первая, вторая, третья и четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации. Соответственно третья часть ГК РФ, регулирующая вопросы наследования, вступила в юридическую силу 1 марта 2002 г. Вплоть до этой даты продолжали действовать нормы наследственного законодательства Гражданского кодекса РСФСР, принятого еще в 1964 г. Верховным Советом РСФСР. За последние десять лет уже в новом союзном государстве – Российской Федерации – были последовательно приняты два федеральных закона «Об оружии». Это Закон РФ «Об оружии» 1992 г. и ФЗ «Об оружии» 1996 г., которые четко закрепили и одновременно ужесточили оборот гражданского оружия в нашей стране. И, как вам известно, в этих оружейных законодательных актах нет ни слова о правовом статусе гражданского оборота оружия антикварного.

С 1 марта 2002 г. вступила в силу третья часть ГК РФ, включившая в себя наследственное право. Как и прежде, в гражданском законодательстве имеются два основания наследования: по завещанию и по закону (ст. 1111 ГК РФ). Рассмотрим их более подробно.

Гражданский кодекс рассматривает завещание как одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности для наследников только после открытия наследства, т.е. со смертью наследодателя. Наследодатель вправе по своему усмотрению завещать любое свое имущество любым лицам. Завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Исключения из этого правила существуют, но они возможны только при определенных условиях, и их очень мало. Практически впервые введена закрытая форма завещания. Наследодатель вправе в любой момент отменить и изменить завещание.

Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием. Старое наследственное законодательство устанавливало только две очереди наследников по закону. Ст. 1111 Гражданского кодекса РФ значительно расширила круг наследников и установила семь очередей. Наследники по закону призываются к наследованию в порядке своей очередности. Причем наследники каждой последующей очереди могут наследовать только в случае отсутствия наследников предшествующих очередей. Это означает следующее: если существует хоть один наследник первой очереди, то наследники всех последующих очередей к наследованию не призываются. Или, например, наследники третьей очереди могут быть призваны к наследованию только при отсутствии наследников первой и второй очередей, при этом наследники следующих очередей после третьей к наследованию не призываются и т. д.

Закон устанавливает два способа принятия наследства: 1) путем подачи наследником заявления нотариусу о принятии наследства или путем подачи заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство; 2) совершением действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства.

Для принятия наследства законом установлен шестимесячный срок, начиная со дня открытия наследства. Этот срок может быть изменен только в случаях, предусмотренных самим законом, поэтому не следует его пропускать, ибо могут впоследствии возникнуть серьезные проблемы с принятием наследства.

Отметим немаловажное для нас. Пожалуй, впервые в законодательной практике относительно детально урегулирован вопрос наследования отдельных видов имущества, в том числе вещей ограничено оборотоспособных. Этому посвящена гл. 65 части третьей

ГК РФ. Оружие по своему правовому статусу относится именно к такой категории вещей.

Итак, ст. 1180 ГК РФ устанавливает следующее правило. Принадлежавшие наследодателю оружие и другие ограниченно оборотоспособные вещи входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях, установленных кодексом. На принятие наследства, в состав которого входят такие вещи, не требуется специального разрешения. Здесь необходимо сделать следующее пояснение. Закон не требует специального разрешения на право наследования оружия. Переход права собственности на него в порядке наследования происходит на общих основаниях. Это означает, что у наследника возникает право собственности на оружие вне зависимости от того, имеет ли он соответствующее разрешение или нет. Но возникновению права собственности на оружие в порядке наследования не корреспондируется обязанность органов внутренних дел автоматически выдать наследнику соответствующее разрешение на право хранения или хранения и ношения оружия. Таким образом право собственности и право пользования по своей сути являются различными правами. Возникновение права собственности на оружие дает его собственнику лишь право на обращение в органы внутренних дел с заявлением о выдаче разрешения на право хранения или хранение и ношение оружия, либо коллекционирования и экспонирования оружия. Выдача соответствующего разрешения производится на общих основаниях, в соответствии со ст. 20 действующего ныне ФЗ «Об оружии». Если в выдаче разрешения отказано, то право собственности на наследуемое оружие подлежит прекращению в соответствии со ст. 238 ГК РФ. Прекращение права собственности происходит путем реализации (отчуждения) оружия с передачей наследнику сумм, вырученных от его реализации. При этом вычитаются расходы, связанные с проведением самой реализации.

Обратимся теперь к содержанию ст. 20 ФЗ «Об оружии». В ней закреплено, что в случае смерти собственника оружия до решения вопроса о наследовании и получении лицензии на его приобретение оружие незамедлительно изымается для ответственного хранения органами внутренних дел, его зарегистрировавшими. Из этого следует, что если наследник (ки) имущества не сдаст оружие наследодателя на ответственное хранение в органы внутренних дел, то он (они) может быть привлечен к уголовной ответственности за

незаконное хранение оружия. Поэтому во избежание таких последствий наследнику необходимо незамедлительно сообщать в орган внутренних дел по месту постоянной регистрации бывшего владельца оружия о факте его смерти и не чинить препятствий в изъятии оружия для ответственного хранения. Отметим, что в настоящее время в дежурных частях органов внутренних дел имеются специальные ячейки для хранения временно изъятого оружия. На руки наследнику будет выдан соответствующий документ. Подчеркнем, что в настоящее время лицензионно-разрешительный процесс в нашей стране четко компьютеризирован. Поэтому можно не волноваться, унаследованное вами оружие по истечении срока вступления в права наследства в органах внутренних дел не затеряется. До определения круга наследников и решения вопроса о выдаче или об отказе в выдаче лицензии на его приобретение оружие, находящееся на ответственном хранении, не может быть реализовано.

Мы кратко изложили закрепленный в законодательстве Российской Федерации вопрос о наследовании физическими лицами гражданского оружия.

А как же обстоит сегодня вопрос с порядком наследования оружия антикварного? Ведь наличие пробела в законе отнюдь не мешает реальному и довольно активному обороту такого оружия на антикварном рынке – его покупке, продаже, дарению, коллекционированию и экспонированию, а также наследованию физическими лицами.

Характеризуя законодательство Российской Федерации, необходимо отметить, прежде всего, принятый 1993 г. Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в который была включена отдельная статья 21 «Виды оружия, являющиеся культурными ценностями». Однако в ней не содержался четкий ответ на вопрос, какие виды оружия следует относить к культурным ценностям, а лишь говорилось, что «порядок предоставления права вывоза и ввоза различных видов оружия, имеющих историческую, художественную, научную или иную культурную ценность, регулируется настоящим Законом и иными соответствующими законодательными актами Российской Федерации».

Впервые термин «оружие, имеющее культурную ценность» был нормативно закреплен лишь в 1998 г. в постановлении

Правительства РФ «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации».

В п. 1 этого подзаконного акта указывалось, что «Правила не распространяются на оборот оружия, имеющего культурную ценность, за исключением случаев, прямо предусмотренных Правилами». Анализ положений Правил позволяет выявить всего два таких случая. Во-первых, в п. 36 говорится о праве юридических лиц коллекционировать гражданское, служебное, учебное, охолощенное оружие, а также оружие и патроны, имеющие культурную ценность. Во-вторых, в п. 64 указывается, что ношение копий (реплик) оружия, а также оружия, имеющего культурную ценность, разрешается только с историческими костюмами во время участия граждан в историко-культурных либо иных мероприятиях, проводимых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, музеями, государственными или общественными культурно-просветительскими организациями и объединениями при условии согласования проведения указанных мероприятий с Федеральным агентством по культуре и кинематографии и Министерством внутренних дел Российской Федерации.

При этом, хотя в Постановлении Правительства РФ «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» и сказано, что Правила утверждаются во исполнение Федерального закона «Об оружии», из их п. 36 следует, что оружие, имеющее культурную ценность, является самостоятельной категорией, отличной от перечисленных в ст. 2 Закона «Об оружии» видов оружия – служебного, гражданского и боевого. Тем самым нормами данного Постановления Правительства была предпринята попытка подзаконным актом восполнить правовой пробел, связанный с отсутствием в Законе понятия «оружие, имеющее культурную ценность».

Вместе с тем пробел в законе восполним применением схожей нормы права по аналогии, если обратное прямо не предусмотрено в самом законе. В российском праве аналогия закона, к примеру, не применима в конституционном, уголовном (п. 1 ст. 1 УК РФ) и административном (ст. 2.1 КоАП РФ) законодательстве. Мы же ведем речь о понятийном аппарате Федерального закона «Об оружии», к которому аналогия закона вполне применима.

Попытаемся найти схожие правовые нормы в отношении антикварного оружия вначале в международном праве. Прежде всего, это нормы, регламентирующие правовой статус предмета антиквариата, закрепленные в ст. 4 Конвенции ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 17 ноября 1970 г.), которые к предметам антиквариата относят старинные предметы более 100 лет давности. Учитывая, что данная Конвенция ратифицирована бывшим Союзом Советских Социалистических Республик в 1988 г., на территории государства Российская Федерация как правопреемника СССР она подлежит безусловному исполнению в качестве международно-правового акта прямого действия. На основании п. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Соответственно, исходя из смысла ч. 3 и 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.; постановления Пленума Верховного суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о незаконном обороте оружия (п. 10)»; постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», международные договоры имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации (при условии вступления их в силу и после официального опубликования в Собрании законодательства Российской Федерации или в Бюллетене международных договоров).

В настоящее время имеющий место пробел в законе в отношении правового статуса старинного оружия могут лишь отчасти восполнить положения ФЗ «Об оружии»; ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; ФЗ «О вывозе из Российской Федерации и ввозе в Российскую Федерацию культурных ценностей»; ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; ФЗ «О лицензировании отдельных видов

деятельности»; Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (пункт 2)»; Постановление Правительства РФ 05.12.2005 г. № 718 «О награждении оружием граждан Российской Федерации», а также ряд ведомственных нормативно-правовых актов.

Вместе с тем в январе 2010 г. вступил в юридическую силу новый международно-правовой акт – Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – членами таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами и положения о применении ограничений, утвержденный Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза) от 27 ноября 2009 г. № 19 и Решением Комиссии таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 132 (в ред. решения Комиссии Таможенного союза от 27.01.2010 № 168). В этом международно-правовом акте впервые сформулирована дефиниция антикварного оружия, применительно к его ввозу на таможенную территорию стран Евразийского экономического сообщества и его вывоза с данной таможенной территории: «Ввоз и вывоз огнестрельного, метательного и пневматического оружия, изготовленного до 1899 года (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы унитарными патронами центрального боя), а также иного холодного оружия, изготовленного до конца 1945 года (далее – антикварное оружие), осуществляется в соответствии с требованиями, предусмотренными положением о порядке ввоза на таможенную территорию государств – участников таможенного союза и вывоза с таможенной территории государств – участников таможенного союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов» (п. 10 приложения к п. 2.22 о порядке ввоза на таможенную территорию таможенного союза, вывоза с таможенной территории таможенного союза гражданского и служебного оружия, его основных частей и патронов к нему).

Однако этот международно-правовой документ распространяется лишь на порядок вывоза и ввоза антикварного оружия в рамках таможенных границ стран Евразийского экономического

сообщества (Россия, Белоруссия и Казахстан) и не относится к порядку оборота антикварного оружия внутри данных стран, где имеется (либо отсутствует) национальное законодательство по данному вопросу.

Правовой статус частного коллекционирования антикварного холодного оружия ныне закреплен в разделе ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения», который содержит два термина «антикварное холодное оружие» и «историческое холодное оружие». Антикварным холодным оружием является оружие, изготовленное более 50 лет назад. Историческим холодным оружием является оружие, изготовленное более 100 лет назад. Оружие, отнесенное к одному из вышеназванных видов холодного оружия, может быть признано имеющим культурную ценность после проведения соответствующей экспертизы и регистрации экспертного заключения в Управлении по сохранению культурных ценностей Россохранкультуры и в его региональных подразделениях.

В настоящее время признание оружия, основной части огнестрельного оружия, холодного оружия оружием, имеющим культурную ценность, осуществляется только посредством заключения культурно-искусствоведческой экспертизы, выданной аттестованным экспертом Министерства культуры РФ, о признании их культурной ценностью в порядке, определяемом п. 2 постановляющей части постановления Правительства Российской Федерации № 814 – 1999 г. «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» и п. 5.7 постановления Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 407 «О Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия». При этом все экспертные заключения о признании культурной ценности антикварного оружия (их копий и реплик) должны иметь обязательную государственную регистрацию в Управлении по сохранению культурных ценностей Россохранкультуры. В настоящее время там ведется журнал регистрации владельцев антикварного оружия.

В экспертных заключениях должен содержаться однозначный ответ: признается ли атрибутированное экспертом оружие культурной ценностью; относится ли оно к разряду старинного оружия. В случае отрицательного заключения культурно-искусствоведческой экспертизы у органов внутренних дел возникают основания

для установления экспертами-криминалистами возможного отношения заявленного оружия к числу боевого, служебного или гражданского на основании положений ФЗ «Об оружии».

Таким образом, физическому лицу, имеющему в своей коллекции антикварное оружие, необходимо юридически закрепить свое право частной собственности на предметы коллекционирования. А именно:

1) получить письменное заключение культурно-искусствоведческой экспертизы, составленное экспертом, утвержденным Росохранкультурой, о том, что его антикварный оружейный предмет является культурной ценностью;

2) лично зарегистрировать экспертное заключение в Управлении по сохранению культурных ценностей Росохранкультуры либо в его региональном подразделении по месту своей постоянной регистрации.

Именно в этом случае принадлежащие частному коллекционеру предметы оружейного антиквариата будут легально находиться в его частной собственности, и он на основании положений Гражданского кодекса РФ может ими распорядиться по своему усмотрению: продать, подарить, завещать, коллекционировать, экспонировать, наследовать и проч.

¹ Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris, 1995. С. 66.

² См.: СУ. 1918. № 15. С. 215.

³ См.: СУ. 1918. № 93. С. 933.

⁴ См.: СУ. 1922. № 15. С. 153.

⁵ Строев М. Московский антикварный рынок // Среди коллекционеров. 1922, № 9. С. 68.

⁶ См. подробнее: Петров Г. Ф. Миг вечности. Музеи Санкт-Петербурга в потоке времени. СПб., 2005. С. 260–322.

⁷ Косинский М.Ф. Указ. соч. С. 158–159.

⁸ Пункт 2.13 инструкции «О порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, производства холодного оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боеприпасами к нему и охотничьими ножами». Утв. приказом МВД СССР от 4 декабря 1975 г. № 300.

⁹ Пункт 2.17 инструкции «О порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, производства холодного оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным

оружием, боеприпасами к нему и охотничьими ножами». Утв. приказом МВД СССР от 17 ноября 1982 г. № 366.

¹⁰ Пункт 1.3 инструкции «О порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боевых припасов к нему, изготовления холодного клинкового оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боевыми припасами к нему и охотничьими ножами». Утв. приказом МВД СССР от 1 декабря 1987 г. № 246.

¹¹ Пункт 2.18 Инструкции «О порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боевых припасов к нему, изготовления холодного клинкового оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боевыми припасами к нему и охотничьими ножами». Утв. приказом МВД СССР от 1 декабря 1987 г. № 246.

¹² Пункт 331 Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. Утв. приказом Министерства культуры СССР 17 июля 1985 г. № 290.

¹³ Инструкция «О порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей». Утв. приказом Министерства культуры СССР от 23 марта 1987 г. № 120.

¹⁴ Пункт 1.2 Инструкции «О порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей». Утв. приказом Министерства культуры СССР от 23 марта 1987 г. № 120.

¹⁵ Пункты 1.4 и 12 списка 1, приложения № 1 к Инструкции «О порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей». Утв. приказом Министерства культуры СССР от 23 марта 1987 г. № 120.

Е.А. Шендриков (Воронеж)

303-я СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА ВОРОНЕЖ В 1942–1943 годах

В соответствии с приказом № 93 Ставки Верховного Главного командования (ВГК) Красной армии войскам Сибирского Военного округа с 9 декабря 1941 г. началось формирование 448-й стрелковой дивизии (сд). А уже 13 января 1942 г. приказом Ставки ВГК Красной армии № 10 войскам Сибирского Военного округа (СибВО) 448-я сд была переименована в 303-ю сд. Части дивизии формировались в разных местах: штаб дивизии, 845-й стрелковый полк (сп) – в г. Кемерово; 847-й сп – в г. Гурьевске; 849-й сп – в г. Топки; 844-й артиллерийский полк (ап) – в г. Ленинск-Кузнецкий; части усиления г. Кемерово¹.

Командиром дивизии был назначен полковник Лев Иванович Остроухов, военным комиссаром – старший батальонный комиссар Федор Кузьмич Федоров, начальником штаба дивизии Константин Степанович Федоровский².

В течение зимы 1941–1942 гг. все части и подразделения дивизии укомплектовывались личным составом за счет призывников 1922–1923 гг. рождения из городов и сел Кузбасса, других областей Сибири. Командный состав поступал из военных училищ и возвращающихся из госпиталей командиров, получивших ранения в первые месяцы войны. А в это время в комплектуемых подразделениях дивизии шла напряженная работа по боевой и политической подготовке личного состава. Боевая подготовка проводилась по 12–14 часов ежедневно³.

Процесс боевой подготовки частей 303-й сд можно рассмотреть на примере 847-го сп. 1 января 1942 г. полк приступил к регулярным плановым занятиям. Программой было предусмотрено в трехмесячный срок отработать одиночную подготовку бойца, боевое слаживание отделения, взвода, роты, батальона во всех видах боя,

а также научить личный состав стрельбе из всех положений. Оружия полк не получил, за исключением минометов, пушек и 120 винтовок, которые служили только для обучения личного состава. В период нахождения 847-го сп в Гурьевске, он дважды подвергался инспекторским проверкам представителями штаба СибВО. В обоих случаях полк получил оценку «хорошо»⁴.

Согласно приказу Ставки ВГК №170249 303-я сд была включена в состав 2-й Резервной армии, в связи с чем передислоцировалась в г. Буй. Однако, в середине июля, из-за ухудшившегося положения на воронежском направлении, 303-я сд в срочном порядке была переброшена железнодорожным транспортом в прифронтовую зону. Выгрузившись на станции Липецк после 120-километрового марша⁵, дивизия 17 июля 1942 г. прибыла в район г. Воронеж в состав 60-й армии Воронежского фронта⁶.

К 19 июля, то есть к моменту вступления дивизии в бой, положение на Воронежском фронте стало менее критическим. Подоспевшие части 40-й и 60-й армий не только удержали оставшуюся часть Воронежа, но и в некоторых местах потеснили противника. Это признают в своих работах и иностранные историки. В частности, немецкий исследователь П. Димт отмечал, что 7 июля западная часть города в ходе тяжелейших уличных боев была захвачена. На севере и востоке города борьба шла с 13 июля и велась до полного изгнания частей вермахта⁷.

Однако за неделю наступательных боев ударная группировка 60-й армии была обескровлена. В полках 195-й сд, например, насчитывалось по 250–300 активных штыков. Заметно поредели подразделения 121-й и 161-й сд и танковых бригад, особенно 17-го и 18-го тк. В ночь на 19 июля командующий армией произвел перегруппировку войск, определил главные направления атак. В центре боевого порядка, на оси Задонского шоссе, была поставлена 303-я сд⁸. Исследователь В. Дубинкин так описывал местность предстоящих боевых действий: «Вдали дымился город багровыми языками пламени. Справа на поле горели ангары аэропорта. Впереди зияло черными провалами окон здание областной больницы. В ложбине городского парка, затянутой пеленой дыма, шел бой часто гремели выстрелы. На ближнем поле, словно стадо мамонтов, уснувшее на коленях, застыли черные туши танков. Сбитые набок хоботы-стволы, развороченные борта и гусеницы. Всюду трупы. Самые мужественные сердца содрогнулись. Видно, не первый день здесь шла

жестокая сеча. Не посрамили погибшие солдатской чести. И сибиряки ее не уронят»⁹.

Еще 18 июля командир 303-й сд полковник Л.И. Остроухов получил приказ от командующего 60-й армией генерал-лейтенанта М.А. Антоюка, в котором дивизии была поставлена задача совместно с 18-м танковым корпусом (тк) генерал-майора И.Д. Черняховского, с 17-й и 20-й отдельными ротами танков «КВ», 3260-м гвардейским минометным дивизионом (гмд) овладеть станцией Воронеж-II и выйти на юго-западную окраину города¹⁰.

Получив приказ, Остроухов вместе с командирами полков провел рекогносцировку местности, поставив боевую задачу¹¹. В свою очередь командиры полков с командирами батальонов, уже ночью, также провели рекогносцировку на своих участках. Однако командиры батальонов с командирами рот, не имея достаточно времени досконально изучить местность, сориентировали свои действия по карте. Это сыграло роковую роль. В первом наступлении дивизия понесла серьезные потери.

В 6.00 полки перешли в наступление, в ходе которого незначительно продвинулись вперед, неся большие потери. Не имея достаточно опыта, некоторые командиры батальонов не согласовали свои действия, поэтому многие роты подошли к месту боя с опозданием¹². Тем временем, танки 180-й танковой бригады (тбр) 18-го тк¹³, несмотря на сильный огонь противника, прорвались к северной окраине Воронежа. Однако так и не дождавшись пехоты, были вынуждены повернуть назад. В ходе боя 180-я тбр понесла потери: сгорело 3 танка «КВ», подбито 6 танков, пропало без вести 3 танка. Что касается легких танков, то было подбито 6 танков «Т-60». Кроме того, личный состав бригады потерял 12 человек убитыми, 20 человек ранеными и 12 человек пропали без вести¹⁴. И все же потери были не напрасны. Танкисты уничтожили 20 противотанковых орудий, 1 зенитное орудие, 15 пулеметных гнезд, 1 противотанковую батарею, до батальона пехоты и разрушили 5 дзотов¹⁵.

Несмотря на неудачное боевое крещение, наступление продолжалось. Подтянув основные силы, части дивизии снова попытались прорвать оборону противника. Решительно наступая, они, преодолевая упорное сопротивление превосходящих сил противника, в первый же день сумели на отдельных участках прорвать немецкую оборону и продвинуться вперед. Командир 849-го сп майор М.К. Губанов позднее вспоминал: «Немцы открыли ураганный

артиллерийский и минометный огонь. Волна за волной шли “юнкерсы”, ожесточенно бомбившие наши боевые порядки. Но это не поколебало сибиряков. К исходу дня Ботанический сад был очищен от немцев. Полк с боями продвигался дальше, к кирпичному заводу и ипподрому. Хваленая немецкая рать отступала»¹⁶. Вот что писал о тех боях В. Дубинкин: «Воздух разорвал яростный рев сотен стволов. Глухо задрожала израненная земля, с листьев деревьев покатались капли росы. Подали свой голос “катюши”. Сорок минут стальной дождь кромсал передний край гитлеровцев. Из леса, покачиваясь на выбоинах, выползли “КВ”. И тотчас, заглушив все звуки, загремело тысячеголосое ура-а! Повторенное и усиленное эхом в лесу, оно леденящим ужасом отозвалось в груди вражеских солдат. Первые роты уже приблизились к зданию областной больницы, когда над атакующими повисли сорок “юнкерсов”. Дождь воющих бомб — и атака захлебнулась»¹⁷.

Полковник Л.И. Остроухов, находившийся в ходе наступления в первых рядах 847-го сп, попытался поднять бойцов в атаку, но был смертельно ранен разрывной пулей¹⁸. «После бомбежки в передовых залегших цепях, — отмечал в статье В. Дубинкин, — появился командир дивизии полковник Остроухов. По его команде стрелки поднялись в атаку. Здание больницы ошетинилось огнем. Но остановить сибиряков было невозможно, первые храбрецы ворвались в здание. Упал полковник, насмерть сраженный автоматной очередью»¹⁹. Ветеран 303-й сд П.В. Потапов, вспоминая гибель Л.И. Остроухова, писал: «Фашисты, пользуясь защитой каменных стен города, вели шквальный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, бросали в контратаки пехоту, танки, сопровождаемые авиацией. В этом бою за Воронеж смертью храбрых погиб всеми любимый командир дивизии полковник Лев Иванович Остроухов. В тяжелые минуты то здесь, то там появлялся он на переднем крае. В самый разгар боя Остроухов с передовой группой ворвался в город и руководил уличным боем. Враг, засевший на чердаке дома, сразил автоматной очередью нашего комдива. Это была тяжелая утрата дивизии»²⁰. Командование принял начальник штаба подполковник Константин Степанович Федоровский²¹.

Несмотря на неимоверные усилия, дивизия не смогла выполнить поставленную задачу. Противник ненамного был отброшен в глубину городских кварталов. В. Дубинкин писал: «Гитлеровцы, взбешенные неудачей, вновь бросили в бой десятки самолетов.

До вечера бомбежка повторялась восемь раз. Дивизия с переменным успехом вела бой за здание областной больницы, но окончательно взять его в первый день не смогла»²².

20 июля части получили приказ, закрепившись на отвоеванном рубеже, создать сильные разведывательные группы, истребительные отряды и захватить ближайšie дома, содействуя выполнению ранее поставленной задачи. После перегруппировки дивизия перешла в наступление. Чем дальше они углублялись в оборону противника, тем более ожесточенными становились бои. Гитлеровцы контратаковали почти непрерывно. Положение 303-й сд осложнялось и тем, что немецкая авиация, господствовавшая в воздухе, непрерывно бомбила наши боевые порядки. В итоговой разведсводке с 12 по 22 июля 1942 г. оперативный отдел штаба 60-й армии сообщал: «Авиация противника проявляла большую активность по прикрытию боевых действий наземных войск противника и бомбардировала боевые порядки наших войск, и вела разведсводку одиночными самолетами и группами 2-3 единицы до меридиана Липецк, Усмань. Всего произведено около 50 самолетовылетов»²³. Как отмечает исследователь А.И. Гринько, только 20 июля вражеская авиация, поддерживая свою пехоту, совершила восемь крупных налетов²⁴.

И все же к концу дня в ходе кровопролитных боев, части дивизии достигли на северной окраине Воронежа улицы Беговой и переулков западнее ипподрома и вплотную приблизились к роще «Сердце». Наименьших результатов добился 845-й сп, поскольку командир 3-го батальона неправильно сориентировался на местности, считая, что он находится около Песчаного лога²⁵. В последующие дни части дивизии продолжали выполнять поставленную задачу.

В ожесточенных кровопролитных боях, на улицах города, воины проявили массовый героизм. 20 июля старшина и парторг 7-й роты 3-го батальона 849-го сп М.П. Абызов ценой своей жизни совершил бессмертный подвиг. В наградном листе кратко говорится: «Во время штурма города <М.П. Абызов> вырвался вперед с ручным пулеметом и открыл по дзоту огонь. Когда пулемет был выведен из строя <он> бросился на дзот с гранатами, взорвав дзот вместе с собой»²⁶. Уже после войны командир 849-го сп майор М.К. Губанов так описывал подвиг: «Седьмой роте преградил путь вражеский дзот. Не обойти его: кругом ничем не защищенное

пространство. Под пулеметным огнем рота залегла. И тогда, как бы сливаясь с землей, к дзоту пополз парторг роты старшина Абызов. Пули ложились рядом, каждую минуту грозили прошить тело смельчака, а он, часто меняя направление, медленно, но упрямо продвигался вперед. Казалось, прошла целая вечность, пока он достиг спасительного “мертвого” пространства. В амбразуру дзота летит одна граната, другая... Но попасть в узкую щель не удастся. Старшина бьет по ней из автомата. На какое-то мгновение пулемет замолкает. Абызов поднялся и бросился вперед. Но дзот разразился еще более яростным огнем. Абызов был смертельно ранен, упал прямо на амбразуру и закрыл ее своим телом. Рота бросилась на дзот и захватила его»²⁷. Несмотря на небольшое расхождение в описании подвига, суть его не меняется²⁸. Воин отдал свою жизнь за советскую родину, которую он горячо любил и которой был предан до конца своих дней. Михаил Петрович Абызов был посмертно награжден орденом Красного Знамени. Воронежцы не забыли героя, назвав его именем одну из улиц в Коминтерновском районе.

20 июля, совершив героический подвиг, погибла медсестра Красильникова. «Встреченные термитными снарядами, – писал В. Дубинкин, – загорелись несколько наших стальных машин. Пошли в контратаку немецкие танки. Медсестра Красильникова собрала в воронку от авиабомбы десять раненых. Прямо на ее убежище шел танк с крестом. Еще минута — и раненые погибнут. Взяв у раненого противотанковую гранату, медсестра бросилась под гусеницы. Взрыв остановил машину. Танковая атака врага была отбита»²⁹.

«В этом бою отличился радист Владимир Сергеевич Пожидаев, – отмечал в воспоминаниях М.К. Губанов. – Несмотря на то, что кругом рвались бомбы и снаряды, Пожидаев укрылся с рацией в воронке и обеспечивал бесперебойную связь со штабом дивизии. Командование не раз посылало на задания разведчиц Нину Позднякову и Машу Павлову, и им всегда сопутствовал успех. Они приносили нам исключительно ценные сведения о противнике. Девушки награждены орденами Ленина. Десятки раненых советских воинов вынесла с поля боя санитарка Зинаида Михайловна Туснолобова-Марченко. Ее заслуги были отмечены высокими наградами — орденами Красной Звезды и Красного Знамени. Впоследствии ей присвоено звание Героя Советского Союза»³⁰.

В июльских боях отличились и другие бойцы и командиры 303-й сд. В частности, 20 июля командир батареи 844-го ап лейте-

нант Я.Ф. Сухомлинов, получив приказ уничтожить прямой наводкой здание с автоматчиками, не взирая на минометный огонь противника и легкое ранение, выполнил поставленную задачу. Он уничтожил не только здание с автоматчиками, но и 2 станковых пулемета и противотанковое ружье. Сухомлинов был награжден медалью «За отвагу»³¹.

В тот же день заместитель командира 346-го истребительно-противотанкового дивизиона 303-й сд старший лейтенант М.Г. Галеев по собственной инициативе в ходе разведки установил огневые позиции противника, откуда велся пулеметный огонь по нашей пехоте и по танкам из крупнокалиберного оружия. Галеев выкатил орудие на открытую огневую позицию и прямой наводкой уничтожил 3 огневые точки врага, израсходовав 20 снарядов. В ночь на 21 июля Галеев вывел батарею в безопасное место. 21 июля в ходе боя батарея под командованием Галеева подавила еще 3 огневые позиции врага. За проявленное мужество и смекалку старший лейтенант М.Г. Галеев был награжден орденом Красной звезды³².

Связист, линейный надсмотрщик 845-го сп С.П. Гилев в дни наступления исправлял повреждения линии, сделав до 40 сrostков. Рискуя жизнью, он выходил для исправления линии 10 раз, обеспечив бесперебойную работу связи. С.П. Гилев также был награжден орденом Красной звезды³³.

В период июльского наступления также отличился младший политрук телефонно-кабельной роты 741-го отдельного батальона связи А.М. Агапеев, который надежно обеспечивал связь командира дивизии с 847-м сп. За самоотверженную работу он был награжден медалью «За отвагу»³⁴.

С 20 по 24 июля не прекращались яростные бои на северной окраине города, часто переходившие в рукопашные схватки. 23 июля дивизия под покровом ночи сдала участок частям 195-й сд и заняла рубежи в районе роцци Сердце³⁵.

Дивизия понесла большие потери. Однако противнику также был нанесен тяжелый урон. В частности, 847-й сп за четыре дня вывел из строя до 2500 солдат и офицеров, уничтожил 19 орудий разного калибра и 18 минометов³⁶.

Боевые действия дивизии по достоинству оценил командующий 60-й армией генерал-лейтенант М.А. Антонюк. В приказе войскам 60-й армии № 0043 он отмечал: «Опыт этой десятидневной борьбы показал, что стремление двигаться вперед, являясь

положительным фактором в действиях наших войск, не дает полностью своих результатов только потому, что не все соединения и части армии закрепляют и удерживают за собою отвоеванную территорию.

Если части 121-й, 195 и 303 сд своей целью ставят только движение вперед и закрепление за собой захваченных рубежей и пунктов, отражая частные контратаки противника, то наоборот, 161 и 107 сд, на протяжении последних дней, свое движение – вперед не сопровождают закреплением достигнутых результатов. Это приводит к тому, что части этих дивизий, успешно наступая с утра, но не закрепляясь, к исходу дня отходили в исходное положение. В итоге – топтание на месте и излишние потери личного состава»³⁷.

В целом, подводя итог боевым действиям 303-й сд в июле 1942 г. в районе Воронежа, следует признать, что они были малорезультативными. Надо подчеркнуть, что не только 303-я сд не выполнила поставленную задачу. Не смогли ее решить и другие соединения Воронежского фронта. Начальник штаба Воронежского фронта генерал-майор М.И. Казаков отмечал: «Частные наступательные операции начались сразу же, как только положение сторон несколько стабилизировалось. Уже 12 июля силами 18-го танкового корпуса и нескольких стрелковых дивизий 60-й армии проводилась первая такая операция. Перед войсками ставилась задача – полностью очистить город от противника. Попытка оказалась неудачной: был занят лишь район больницы на северной окраине Воронежа. Неделю спустя в течение двух дней проводилась новая операция. Теперь уже с участием 38-й и 60-й армий, 2-го и 11-го танковых корпусов. На сей раз намечалось разбить противника ударами с двух направлений: из района Подгорное в обход Воронежа с запада (60-я армия) и по западному берегу реки Дон в общем направлении на Семилуки (38-я армия). Как ни печально, эта операция также закончилась безрезультатно. Дело осложнилось в данном случае тем, что нам пришлось наступать на укрепления, построенные нашими же войсками весной 1942 г. Атаке предшествовала так называемая «ускоренная артподготовка» при незначительной плотности артиллерии, а перед атакующими подразделениями оказалась прочная позиционная оборона с развитой системой траншей. Дивизии понесли потери, а цели опять не достигли»³⁸.

Неудача не сломила моральный дух воинов дивизии, и они были полны решимости разгромить врага. Это хорошо просле-

живается в письмах бойцов и командиров. В частности, младший сержант минометной роты 849-го сп Н.К. Главщикова 29 июля 1942 г. писал отцу: «Милый Отец! 12 дней как я на фронте. Лупим фрицев. Пока жив и здоров... Я все же надеюсь вернуться домой, как разобьем эту сволочь глубоко ненавистную всему советскому народу. Боевых средств у нас очень много, не как в прежние войны. Армия насыщена всем, но если по какой-либо случайности у меня нечем будет бить их, то я зубами буду грызть им глотки... Еще поживем назло немецким гадам. Целую твой Коля. Всем привет»³⁹. «Здесь все бойцы имеют высокий дух побеждать!..» – с не меньшей решимостью вторила медсестра 303-й сд Александра Татаурова. Иное письмо в те дни написал неизвестный немецкий солдат: «После двух бессонных ночей я пишу эти строки руками, залитыми кровью моих товарищей. Я пережил нечто ужасное. Мы провели 16 часов под огнем русских. Так прошел день ужаса»⁴⁰.

180 суток 303-я сд героически сражалась на Задонском шоссе, летном поле аэродрома, у рощи Сердце и ипподрома, детской больницы и Коминтерновского кладбища, однако продвижение было незначительным. Командиры 303-й сд не имели опыта подготовки и ведения наступательных операций. В полках было много необстрелянных бойцов. Как показали августовские и сентябрьские бои, командиры и штабы, хотя они и учли недавние уроки, не сумели еще на практике успешно применить полученный опыт.

Таким образом, хотя задача июльской, августовской и сентябрьской наступательных операций не была выполнена, тем не менее, активные действия 303-й сд в сочетании с усилиями других соединений 60-й армии Воронежского фронта способствовали срыву замысла гитлеровского военного руководства на последовательное использование своих ударных группировок в поэтапном наступлении на важнейших направлениях южного крыла советско-германского фронта. В тяжелой борьбе с врагом воины дивизии приобретали разносторонний опыт, в том числе и навыки ведения боев в условиях крупного города. В ходе ожесточенных уличных схваток в быстро меняющейся обстановке они учились сражаться отдельными самостоятельными группами и отрядами, часто не имевшими связи друг с другом. Эти бои продемонстрировали также высокие морально-политические качества советских воинов. То был опыт ведения боев в крупном городе,

который очень пригодился нашим бойцам и командирам в дальнейшем.

С октября 1942 г. вплоть до второй половины января 1943 г. части 303-й сд стояли в обороне. Это были месяцы напряженной работы по дальнейшему повышению боеспособности войск, улучшению управления ими во всех звеньях, совершенствовалась оборона занимаемых рубежей: рыли окопы и ходы сообщения, оборудовали новые огневые позиции, минировали местность перед передним краем обороны, сооружали блиндажи, дзоты, строили новые командно-наблюдательные пункты. Одновременно совершенствовалась и усиливалась огневая система, в том числе противоздушная и особенно противотанковая оборона. В полках создавались ротные противотанковые опорные пункты и противотанковые районы.

Большое внимание уделялось разведке и повышению ее эффективности. Изучение противника велось круглосуточно. Разведка вражеской обороны осуществлялась как наблюдением, так и организацией поисков. Устраивались засады с целью взятия «языка». Велась разведка боем.

В условиях временного затишья подлинной бедой для гитлеровцев стали советские снайперы. Уже в первых успехах метких стрелков командиры увидели зарождение новой эффективной формы истребления врага и всячески поощряли мастеров огня. В частности, с 15 октября по 30 ноября 1942 г. снайперы дивизии уничтожили 432 гитлеровца⁴¹. Лучшим снайпером дивизии считался И.Ф. Абдулов, имевший на 28 декабря на своем счету убитых 140 солдат и офицеров противника⁴².

В наступление 303-я сд перешла в январе 1943 г. из района Кочетовки, отличившись при ликвидации вражеской группировки в районе Нижнедевицка и Горшечного. В дальнейшем дивизия принимала активное участие в освобождении г. Обоянь.

Подводя итог боевым действиям 303-й сд в районе Воронежа, можно с уверенностью сказать, что они представляют собой наглядный пример беззаветной преданности советских воинов своей Родине, пример массового героизма. Он показывает, как в тяжелые годы войны некадровые соединения Красной армии в короткие сроки превращались в грозную для врага силу.

- ¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 417 (60 А). Оп. 10564. Д. 108. Л. 69–69 об.
- ² Там же. Л. 69 об.; <http://www.allrus.info/APL.php?h=/data/prensa/23/kz230201/kz12n018.txt>
- ³ <http://www.allrus.info/APL.php?h=/data/prensa/23/kz230201/kz12n018.txt>
- ⁴ ЦАМО РФ. Ф. 847 сп. Оп.230718с. Д.1. Л.3–4.
- ⁵ <http://www.allrus.info/APL.php?h=/data/prensa/23/kz230201/kz12n018.txt>
- ⁶ ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп. 10564. Д. 108. Л. 71 об.
- ⁷ Dimt P. Flammender Kaukasus. Tagebuch eines artilleristen vom Sommerfeldzug 1942. Bergam See, 1984. S. 140.
- ⁸ Гринько А. В боях за Воронеж. (Хроника героической обороны города). Воронеж. 1985. С. 138.
- ⁹ Дубинкин В. Один день битвы за Воронеж // Молодой коммунар. 1968. 18 января. С. 2.
- ¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп. 10564. Д. 108. Л. 72.
- ¹¹ Решение командира дивизии полковника Л.И. Остроухова наступать тремя эшелонами не было оформлено приказом, поскольку он представителя штаба с собой не имел, а сам остался на передовой.
- ¹² ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп. 10564. Д. 108. Л. 73.
- ¹³ В наступлении приняла участие только 180-я тбр 18-го тк, поскольку 110-я и 181-я тбр выполняли другую задачу. Только в 20.00 в распоряжение 180-й тбр прибыли 17-я и 18-я танковые роты «КВ» в составе 18 танков, которые сосредоточились в районе Учхоз. ЦАМО РФ. Ф. 18-й ТК. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–5 об.
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф.18-й ТК. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–5 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 5 об.
- ¹⁶ Губанов М. Сибирская закалка / Воронежское сражение. Воронеж, 1968. С. 106.
- ¹⁷ Дубинкин В. Указ. соч. С. 2.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп. 10564. Д. 108. Л. 73 об.
- ¹⁹ Дубинкин В. Указ соч. С. 2.
- ²⁰ <http://www.allrus.info/APL.php?h=/data/prensa/23/kz230201/kz12n018.txt>
- ²¹ ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп.10564. Д.108. Л.73 об.
- ²² Дубинкин В. Указ. соч. С. 2.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп.10564. Д. 82. Л.79.
- ²⁴ Гринько А. Указ. соч. С. 141.
- ²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 417 (60 А). Оп. 10564. Д. 108. Л. 74.
- ²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 1001. Л. 117 // <http://podvignaroda.mil.ru/>
- ²⁷ Губанов М. Указ. соч. С. 106–107.
- ²⁸ О подвиге М.П. Абызова см.: Навеки в памяти народной. Воронеж, 1980. С. 59–62; Гринько А. Указ. соч. С. 142.
- ²⁹ Дубинкин В. Указ. соч. С. 2.
- ³⁰ Губанов М. Указ. соч. С.107.
- ³¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 796. Л. 150–151 об. // <http://podvignaroda.mil.ru/>
- ³² Там же. Л. 156–157.
- ³³ Там же. Л. 196.
- ³⁴ Там же. Л. 133–134.

- ³⁵ Губанов М. Указ. соч. С. 107.
- ³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 847 сп. Оп. 230718. Д. 1. Л. 4.
- ³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10564. Д. 7. Л. 2.
- ³⁸ Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., Воениздат, 1971. С. 120–121.
- ³⁹ Личный архив Т.В. Сушковой.
- ⁴⁰ Дубинкин В. Указ. соч. С. 2.
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10564. Д. 43. Л. 29.
- ⁴² Там же. Л. 35.

В.Г. Шлайфер (Запорожье, Украина)

ЗУЛЬФИКАР ИЗ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ

В вооружении исламистов XVII–XX вв. встречаются сабли с раздвоенным боевым концом. Такие сабли носят название *зильфикар*, что означает «Меч Пророка», и представляют собой один из главных символов ислама. Согласно Корану, Пророк Мохаммед сражался мечом с двумя клинками. Скорее всего, это поэтическая метафора, говорящая о том, что совершенство Пророка распространялось и на его умение владеть оружием – он как бы был в два раза лучшим бойцом, чем любой другой. Возможно, так обозначалась двусторонняя заточка клинка, что потом стало толковаться как «меч с двумя клинками». Позже Пророк передал свой меч зятю и сподвижнику Али. Надо отметить, что особо почитают *зильфикар* мусульмане-шииты.

Самый ранний из известных *зильфикаров* XV в. с прямым клинком находится в Центре исследований истории ислама, искусства и культуры в Стамбуле (рис. 1). Как правило, сабли типа *зильфикар* (с раздвоенными клинками) прекрасно украшены. Они преподносились выдающимся деятелям исламского мира.

Украшением коллекции Музея истории оружия является *зильфикар* XVIII в. из дамасской стали с тяжелым боевым клинком (инв. № С-121, рис. 2–13). Клинок имеет художественно оформленное раздвоение боевого конца, мощную елмань (заостренное расширение обратной стороны боевого конца), одну длинную и пять коротких дол,

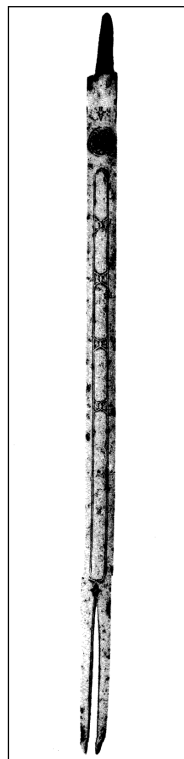

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

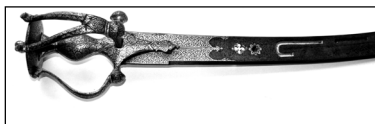

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

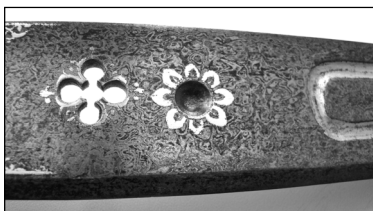

Рис. 11

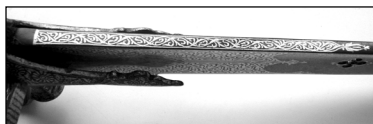

Рис. 12

Рис. 13

пробоины клеймом – в виде цветка из пяти отверстий диаметром 4 мм, клеймом с изображением лепестков цветка и сердцевинки в виде выемки в клинке. Клинок многократно украшен типичным восточным полостным орнаментом с золотой всечкой, такой же золотой всечкой полностью покрыта рукоять в индийском стиле, редкого варианта с тремя дужками – своеобразной «корзиной» для защиты руки. Дамаскская сталь клинка имеет редкий и красивый узор.

Раздвоенный боевой конец длиной 16 см имеет два как бы обособленных клинка с растительным позолоченным орнаментом и заканчивается фигурным отверстием, украшенным позолотой.

Подобный *зульфикар*, безусловно, достоин быть украшением любой музейной коллекции.

Длина клинка – 77 см

Длина сабли с рукоятью – 90 см

Ширина клинка у основания – 5 см

Толщина клинка в обухе – 6 мм

Вариации на тему *зульфикар* разнообразны.

В подобной символической раздвоенности боевых клинков проявляется некий особый восточный дуализм. Встречаются два клинка и в других видах оружия, представленных в нашем музее – еще один *зульфикар* с волнистым раздвоенным клинком (рис. 14), щит маду с двумя «рогами-клинками» (рис. 15), нож халадие, также с клинками, направленными в разные стороны (рис. 16), кинжал бичва с двумя параллельными клинками (рис. 17) и багнак (когти) с двумя небольшими кинжальчиками, развернутыми под 180° (рис. 18).

Рис. 14

Рис. 15

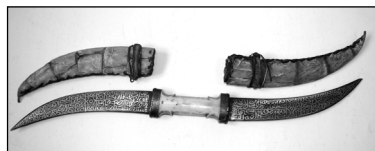

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

В книге известного коллекционера Энтони С. Тирри «Исламское оружие», у которого в свое время и был приобретен этот *зильфикар*, он фигурирует на (рис. 19) с подписью, говорящей о том,

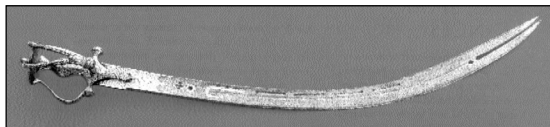

Рис. 19

что в свое время он принадлежал Томасу Эдварду Лоуренсу (1888–1935), когда последний находился в Палестине. В

распоряжении Музея истории оружия есть нотариальное подтверждение того, что данный предмет в свое время действительно принадлежал Т.Э. Лоуренсу, более известному как Лоуренс Аравийский.

Томас Эдвард Лоуренс, более известный как Т.Э. Лоуренс, или полковник Лоуренс, или Лоуренс Аравийский (англ. Thomas Edward Lawtence, Lawtence of Arabia) – британский археолог и писатель, участник боевых действий между арабскими племенами и турецкой регулярной армией. Лоуренс считается героем как в Великобритании, так и в ряде арабских стран Ближнего Востока.

Т.Э. Лоуренс родился 16 августа 1888 г. в уэльском городе Тремадоке, незаконнорожденный сын сэра Томаса Чэпмена. В детстве жил в Оксфорде, а в 1907 г. поступил в оксфордский Колледж Иисуса. Изучал историю и археологию. Лоуренс обследовал средневековые замки Франции и Сирии и написал свою первую книгу «Замки крестоносцев» (Crusaders Castles, 2 т., опубл. в 1936). С 1911 по 1914 г. Лоуренс участвовал в раскопках, производившихся под руководством Д. Хогарта, К. Томпсона и К. Вулли в районе Кархемиса (Джераблуса), хеттского города в верховьях Евфрата. А затем – в Египте. Там раскопками руководил Флиндерс Питри. В 1911 г. ненадолго вернулся в Англию, и снова поехал на Ближний Восток. Много путешествовал по Аравии, изучил арабский язык.

В январе 1914 г. был зачислен в британскую армию лейтенантом, в нестроевые части. Хрупкого сложения и маленького роста 5 футов 4 дюйма (1 м 65 см), его как знатока арабского языка отправили в Египет в Бюро по арабским делам в Каире. В марте 1916 г. командирован в Месопотамию – на переговоры с турецкими генералами о почетной капитуляции британского гарнизона, осажденного в Куте. В мае того же года Лоуренс присоединился к принцу

Фейсалу из Мекки (будущему королю Ирака), вставшему во главе Арабской освободительной армии, и подсказал ему, как, перерезав в ряде мест Хиджазскую железную дорогу, снабжавшую турецкий гарнизон в Медине, сковать действия превосходящих турецких сил. В ходе этой кампании Лоуренс получил 32 ранения. Захват им после продолжавшегося 2 месяца марша на верблюдах порта Акабы на Красном море (6 июля 1917 г.) существенно помог британским частям, в это время наступавшим в Палестине. После того как генерал Алленби начал сражение при Газе, Лоуренс развил и упрочил успех союзников, разрушив железнодорожный узел в Маане и направив племена бедуинов против разбитых турок, Лоуренс вступил в Дамаск во главе британских войск.

По завершении войны Лоуренс отказался от присвоенного ему графского титула и других высоких почестей, но принял звание члена совета All Souls College. В 1919 г. он принял участие в Версальской мирной конференции, где безуспешно выступал в поддержку требований арабов о предоставлении им независимости. Кроме того, он поддерживал стремление евреев создать национальное государство. Переговоры завершились неудачей из-за отказа арабов признать британский мандат над Ираком и Палестиной и французский мандат над Сирией. В результате последовавших беспорядков на Ближнем Востоке Черчилль, в ту пору министр по делам колоний, в 1922 г. предоставил Лоуренсу фактически полную свободу действий при подготовке мирного соглашения по Ближнему Востоку. Тем временем Лоуренс был увлечен написанием книги «Семь столпов мудрости» (Seven Pillars of Wisdom), рассказа очевидца об арабском восстании.

-
1. Islamic weapons. Maghrib to moghul. Antony C. Tirri, 2003
 2. Islamic swords and swordsmiths by Unsal Yucel. Istanbul, 2001.
 3. A glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in all countries and in all times. George Cameron Stone. Jack Brussel, Publisher, 1961.
 4. Введенский Г.Э. Янычары. История. Символика. Оружие. СПб., 2003.
 5. Сто предметов из собрания российских императоров. Царскосельский Арсенал. СПб., 2000.

Е.И. Юркевич (Санкт-Петербург)

КОНСТАНТИНОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ОФИЦЕРОВ И ПИТОМЦЕВ (1894–1917)

В архиве музея Санкт-Петербургского кадетского ракетно-артиллерийского корпуса содержится ряд воспоминаний выпускников предшествующих ему военно-учебных заведений, в том числе и Константиновского артиллерийского училища. Эти воспоминания были присланы в училище в 1950–1960-е гг.

В настоящее время удалось выявить воспоминания девяти человек, служивших или учившихся в Константиновском артиллерийском училище: К.К. Эггера-старшего, служившего в училище с начала 1890-х гг. по 1901 г.¹, В.А. Гурьянова (выпуск 1907 г.)², А.К. Благодарова (выпуск 1913 г.)³, К.К. Эггера-младшего (сына К.К. Эггера-старшего) (выпуск 1915 г.)⁴, А.В. Шпаковича (выпуск 1915 г.)⁵, В.А. Геймовского (выпуск 1916 г.)⁶, Н.С. Фомина (выпуск 1916 г.)⁷, А.Д. Чернозубова (выпуск 1917 г.)⁸ и С.М. Пашковского (выпуск 1917 г.)⁹.

Большинство мемуаристов после революции остались в Советской России, став старшими офицерами Советской армии. А.К. Благодаров стал генерал-

В.А. Геймовский

лейтенантом артиллерии, Н.С. Фомин – генерал-полковником и Героем Советского Союза. А вот В.А. Геймовский, отец и сын Эггеры приняли участие в Белом движении и после Гражданской войны оказались в эмиграции. Воспоминания В.А. Геймовского присланы в училище в 1966 г. из Братиславы, а Эггеров – в 1967 г. из Белграда, причем воспоминания К.К. Эггера-старшего записаны его сыном со слов отца.

Активное поступление воспоминаний в училище во второй половине 1960-х гг. связано с организацией в 1965 г. Музея истории

Ленинградского артиллерийского Краснознаменного ордена Ленина училища им. Красного Октября, который создал и возглавил старший преподаватель кафедры тактики, участник Великой Отечественной войны подполковник А.П. Смирнов.

Особый интерес представляют воспоминания К.К. Эггера-старшего, на глазах которого происходило переформирование Константиновского училища из пехотного в артиллерийское (1894 г.).

«В 1895 г., осенью, юнкера старшего класса 2-го Константиновского военного училища должны были быть произведены уже в артиллерийские офицеры, и потому с начала 1894–[189]5 учебного года все училище всем своим укладом жизни, а главным образом строевыми занятиями с пехотного уклада переходило на артиллерийский, – писал он. – Училище было двухгодичное: старший –

Отец и сын Эггеры

выпускной, и младший класс. В строевом отношении училище имело две 8-орудийные батареи в конном строю. В учебном – делилось на отделения. В каждом отделении было по 25 юнкеров. Старшему классу, кроме преодоления чисто артиллерийских предметов и учений, в один год нужно было научиться верховой езде и езде в орудиях»¹⁰.

В воспоминаниях Эггера-старшего приведен, кроме того, список всех офицеров и чиновников училища в 1894–1900 гг., а также распорядок дня юнкеров¹¹. Автор с любовью описывает учебные и строевые занятия, стрельбы, быт училища. Интересна в этой связи его зарисовка относительно внутренних взаимоотношений в училище:

«Отношения между офицерами и юнкерами были простые и сердечные: офицеры не изображали из себя недосягаемых и непогрешимых личностей, были всегда доступны, и если чего-нибудь не знали, откровенно сознавались: “Не знаю, дома прочту и завтра объясню!”. Обладая 8-летним строевым опытом, офицер охотно делился с юнкерами своими знаниями из практики, советуя им, как держать себя на службе, в строю и в обществе на первых порах самостоятельной жизни.

В общем юнкера вели себя хорошо и серьезных упущений не было: были дисциплинированы, успешно учились всем премудростям, очень тянулись по строевой части и очень любили верховую езду и вольтижировку. После обеда юнкера посещали конюшни,нося куски хлеба и сахар лошадям»¹².

С гордостью и добрым юмором К.К. Эггер описывает первые соревновательные стрельбы между юнкерами Константиновского и Михайловского артиллерийских училищ, проходившие в июле 1895 г. в Красном Селе:

«На призовой стрельбе были введены “фельдцейхмейстерские” призы с очень тяжелыми условиями. Состязались между собой 24 орудия: 8 орудий одной батареи Михайловского артиллерийского училища и 16 орудий двух батарей Константиновского артиллерийского училища. Юнкера страшно волновались: не хотелось ударить лицом в грязь при первом состязании молодого артиллерийского училища. На стрельбе присутствовал Великий Князь Михаил Николаевич – генерал-фельдцейхмейстер артиллерии. Результаты для Константиновского артиллерийского училища оказались великолепными: Михайловское артиллерийское училище выбило

один фельдцейхмейстерский приз, а Константиновское артиллерийское училище – четыре. Радость юнкеров была неопишима. Офицеры училища настолько близко принимали к сердцу успехи юнкеров, что с штабс-капитаном Ратынским, заведывающим наводчиками, от волнения сделался нервный припадок, он смеялся, плакал и навсегда остался с немного скосившими глазами. Особенно торжествовали юнкера перед Михайловским артиллерийским училищем, а те чувствовали себя сконфуженными. Разумеется, эта победа на призовой стрельбе имела большое значение, так как укрепила сознание, что молодое Константиновское артиллерийское училище уже в первый год своего существования стало на твердую артиллерийскую почву»¹³.

К.К. Эггер отмечает, что офицеры училища очень активно включились в работу созданного в Петербурге в 1895 г. Общества ревнителей военных знаний¹⁴.

Не менее интересны и воспоминания бывших юнкеров.

«Учебный курс артиллерийских училищ был очень большой и разносторонний, – пишет в своих воспоминаниях А.К. Благодатов. – Одно перечисление проходимых нами дисциплин займет порядочно времени. Все же постараюсь вспомнить основные из них. Прежде всего надо отметить большой курс высшей математики (дифференциальное и интегральное исчисления с приложениями в объеме почти университетского курса физико-математического факультета. Затем большой курс аналитической геометрии, высшей алгебры, физики, механики, химии. Все эти предметы преподавались нам во взаимной связи и имели общей целью облегчить глубокое усвоение основного нашего предмета – артиллерии. Артиллерия нами изучалась широко и охватывала ряд ее разделов: внутренняя и внешняя баллистика, теория вероятностей, теория артиллерийс-

А.К. Благодатов

ких стрельб, теория материальной части и снарядов, пороходелие, проекционное черчение и т.д.

Кроме этих физико-математических наук, мы проходили большой курс военных наук: общевойсковую тактику, тактику артиллерии, историю русской армии, фортификацию, администрацию, военную топографию. Далее мы изучали иппологию, французский и немецкий языки. Даже были выделены часы для так называемого закона Божьего»¹⁵.

Кстати, А.К. Благодатов отмечает весьма поверхностное, даже пренебрежительное отношение ряда юнкеров к религии и Закону Божьему¹⁶.

В Константиновском артиллерийском училище великолепно был поставлен учебный процесс. Но главное в мемуарах, пожалуй, не это, а сложившиеся в училище традиции, которые оказывали влияние на его питомцев всю жизнь.

«Одной из таких традиций, достойных подражания, я считаю, была вежливость во взаимоотношениях юнкеров друг к другу и культивирование товарищества и взаимной поддержки не только в стенах училища, но и по выходе из него офицерами, – вспоминает А.К. Благодатов. – Училище имело свой значок, по форме похожий на офицерский Георгиевский крест, но без ленты, и общество взаимопомощи константиновцев.

Вежливость во взаимоотношениях прививалась личным примером юнкеров старшего курса по отношению младших. Непосредственными проводниками этих традиций были “мамаши” и “папаши”. Так назывались портупей-юнкера старшего курса, приданные младшему курсу в качестве курсовых отделенных командиров в помощь курсовым офицерам для строевой подготовки юнкеров и наблюдения за внутренним распорядком в соответственных подразделениях младшего курса.

Юнкера числились на действительной службе, поэтому вице-фельдфебель¹⁷ и портупей-юнкера имели дисциплинарные права по отношению к им подчиненным рядовым юнкерам.

Но в училище была традиция, в силу которой считалось предосудительным применять юнкерами-начальниками свои дисциплинарные права против младших товарищей. Они должны были влиять на них личным примером. В училище часто можно было видеть такие сцены. Портупей-юнкер и “козерог” встречаются в дверях и уступают друг другу дорогу. Наконец, после долгих взаимных

приглашений оба проходят боком, как Чичиков и Манилов в “Мертвых душах” у Гоголя»¹⁸.

«Большое значение в воспитании юнкеров имел личный пример офицеров училища, – говорит С.М. Пашковский. – Все они были подтянуты, корректны (кроме капитанов бр[атьев] Кусиковых-Кусикян), безукоризненно, но без франтовства, одевались. При крайне высокой требовательности никогда не бывало несправедливости в наложении дисциплинарных взысканий. Лишь при производстве в портупей-юнкера нередко заметно было влияние происхождения, титула, протекции, а не личных качеств.

Подчеркнутое уважение воспитывалось к офицерам, награжденным орд[еном] Георгия (кап[итан] Конради-Кондрашов).

Из традиций, характерных для училища того времени, в первую очередь следует отметить демократизм. Он выражался в полном отсутствии “цука” (издевательского отношения) как со стороны офицеров по отношению к юнкерам, так и старших по курсу или положению юнкеров в отношении младших. Взаимоотношения были просты, без тени высокомерия, заносчивости, чопорности, льстивости, заискивания, подобострастия. Подхалимство, называвшееся “мыловарением”, считалось наиболее презираемым пороком. Демократизм проявлялся и в презрении к аристократам-пажам, которым константиновец никогда не отдавал честь первым.

Уважение к учености своеобразно выражалось в пренебрежении к шагистике: константиновцы не “печатали” шаг при отдавании чести и умышленно ходили по улицам не в ногу, находясь в отпуске. Существовала даже поговорка: “Если два артиллериста идут в ногу, то один из них дурак”.

Из мелких традиций, так сказать, обиходного порядка, можно упомянуть следующие. Юнкерам младшего курса не полагалось носить в отпуску шпоры, но ни один юнкер не смел появиться на улице без шпор. Эта традиция негласно поддерживалась и офицерами. Традиции требовали носить только старый, замасленный, “видавший виды”, “боевой” темляк. По случаю производства в портупей¹⁹, при получении высокой оценки по боевой стрельбе или верховой езде и вообще при всяком удобном и неудобном случае с виновника причиталась “собака”. Так называлась товарищеская пирушка, проходившая в мое время без вина. Покупались различные нехитрые закуски, пирожные, и в столовой устраивался чай. Это и была “собака”»²⁰.

Хотелось бы несколько слов сказать об упомянутом «цуке» – неуставных взаимоотношениях между юнкерами младших и старших курсов, который был наиболее распространен в Николаевском кавалерийском училище. Это была целая система взаимоотношений, выдержать которую было нелегко, но она воспитывала у юнкеров вежливость по отношению к старшим, великолепную строевую выправку, знание истории полков. Необходимо отметить, что «цук» никогда не унижал личного достоинства юнкера – оскорбление словом или действием при «цуке» не допускалось, а «подтягивание» юнкеров младшего курса всегда проходило в весьма корректной форме²¹. Одной из форм «цука» было наличие прозвищ у юнкеров старшего и младшего курса, например, «корнеты» и «звери», и, соответственно, подчиненное положение «зверей» по отношению к «корнетам»²².

Судя по воспоминаниям А.К. Благодатова, элементы «цука» существовали и в Константиновском училище: «Курс обучения в артиллерийских училищах был трехлетний, тогда как в пехотных и кавалерийских училищах – двухлетний. Поэтому в учебном отношении училище делилось на три курса: старший, средний и младший. В строевом отношении училище состояло из двух батарей первой и второй. По установившейся традиции, каждому курсу было определенное прозвище. Старший курс именовался “офицерами”. Такое наименование было в порядке вещей. Ведь их сверстники – воспитанники пехотных и кавалерийских училищ – уже были офицерами. Средний курс имел прозвище “фокстерьеры”, а младший курс – “козероги”. Эти прозвища были освещены традицией, и никто не обижался и безропотно их нес.

Момент перехода из положения пушистого хвостатого “козерога” на положение бесхвостого “фокстерьера” традицией был точно установлен – первая боевая стрельба из орудий. Считалось, что у “козерогов” опаливались хвосты и они становились “фоксами”. Начальник училища генерал-лейтенант Похвистнев, соблюдая училищные традиции, при поздравлении юнкеров младшего курса с первой боевой стрельбой жестом руки отмечал об их освобождении от пушистого охвостья “козерога” и переход в ранг “фокстерьеров»²³.

Думается, что элементы «цука» в Константиновское артиллерийское училище проникли не случайно – ведь константиновцы были ближайшими соседями Николаевского кавалерийского учи-

лица, расположенного на Лермонтовском проспекте.

Интересные подробности о взаимоотношениях константиновцев с некоторыми другими военно-учебными заведениями оставил А.В. Шпакович:

А.В. Шпакович

«Взаимоотношения с родственным нам Михайловским артиллерийским училищем были очень натянутые. Они были для нас “Михайлонами”, а мы для них “Констапунами”. Мы их дразнили “пешей артиллерией”. Во всей артиллерии тогда погоны были красные – алые, а в конной артиллерии – темно-красные (крап) с черным кантом вокруг погона. Так вот, они носили просто алые погоны с вензелем, а мы темно-красные с черным кантом и вензелем. Так они пели про нас паскудную песенку “про траур по пехоте”, намекая на то, что Константиновское училище до 1895 года²⁴ было общевоинским, а временами пехотным... Ну как можно было стерпеть?! Мы в долгу не

оставались. Мы были очень дружны с Павловским пехотным училищем (в Красном Селе наши лагеря были рядом), а “Михайлоны” дружили с Пажеским корпусом, что усиливало нашу неприязнь к ним...»²⁵.

Здесь нужно заметить, что погоны и в пешей, и в конной артиллерии были алые, без черной выпушки (она присутствовала только у константиновцев)²⁶, а в остальном мемуарист совершенно прав...

Все мемуаристы вспоминают своих офицеров и преподавателей, а также училищный праздник, который отмечался 14(27) марта.

К.К. Эггер-младший оставил интересные воспоминания о важном событии в истории училища – назначении Наследника Цесаревича Алексея Николаевича 14 (27) марта 1915 г. Шефом училища. К.К. Эггер-младший ездил в этот день в составе делегации училища в Царское Село для принесения Цесаревичу поздравлений по случаю назначения²⁷.

Не обошли мемуаристы стороной и политические события. В.А. Гурьянов подробно описывает существование в училище революционной ячейки²⁸, а А.Д. Чернозубов и С.М. Пашковский – события Февральской революции, во время которой училище благодаря его начальнику генерал-майору С.Н. Бутыркину сохраняло нейтралитет²⁹.

Есть в архиве музея уникальный документ – нарисованная от руки открытка, присланная в училище из Югославии бывшим фельдфебелем 2-й батареи училища К.К. Эггером и бывшим портупей-юнкером 2-й батареи Л. Холодовским в марте 1968 г. в связи с 50-летием Ленинградского артиллерийского училища. Приводим здесь ее полный текст (с сохранением орфографии подлинника) как показатель неразрывной связи Константиновского артиллерийского училища с преемственными ему военно-учебными заведениями:

«Ленинградскому артиллерийскому
ордена Ленина Краснознаменному
училищу им. “Красный Октябрь”»³⁰

50 лет и три года назад, 14-го мая 1915 г., 340 юнкеров 1-го Ускоренного выпуска военного времени Константиновского Артиллерийского Училища, произведенные в офицеры, разъехались по артиллерийским бригадам на фронт, в Действующую Армию.

Много из них полегло на поле брани... “Но не вздохами печали память храбрых мы почтим, а в нетленные скрижали имена их начертим!” – так поется в старой училищной песне. Увы! В училищном музее не хватило бы места для траурных досок с их именами.

“Константиновцы”, в разсении сущие, в день училищного праздника всегда стараются объединиться и вспомнить далекие дни, проведенные в стенах на быв. Забалканском проспекте.

А в этом году, из-за далекого рубежа, шлем Вам, дорогие однокашники, наши сердечные поздравления с юбилейным праздником 50-тилетняго возстановления училища и искрения пожелания удачи и успеха в приобретении знаний и опыта, а родному училищу процветания на многие, многие годы и неувыдаемую славу, заслуженную за 161 год своего существования!

Б. фельдфебель
2-ой батареи К. А. У.
К. Эггер.

Б. отд. портупей-юнкер
2-ой батареи К. А. У.
Л. Холодовский.

Югославия.
Март 1968 г.»³¹

Необходимо отметить, что все эти мемуары ни разу не вводились в научный оборот. Между тем, они весьма подробно и ярко описывают жизнь, быт, традиции и учебу в Константиновском артиллерийском училище, представляя чрезвычайный интерес не только для военных историков, тем более что воспоминаний артиллеристов-константиновцев опубликовано к настоящему времени весьма немного³².

¹ Архив музея Санкт-Петербургского кадетского ракетно-артиллерийского корпуса (далее – АМСПБКРАК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–38.

² АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–9.

³ Там же. Д. 5. Л. 1–25.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 1–18, об.

⁵ Там же. Д. 7. Л. 1–5.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 1–2, об.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 10. Л. 1–3.

⁹ Там же. Д. 11. Л. 1–9.

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 1, 6.

¹¹ Там же. Л. 2–4, 7.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 20–21.

¹⁴ Там же. Л. 26–27.

¹⁵ АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5.

- ¹⁶ Там же. Л. 5–6, 15–16.
- ¹⁷ Неточность автора. Чин вице-фельдфебеля существовал в кадетских корпусах, в военных же училищах был чин фельдфебеля (вахмистра).
- ¹⁸ АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11.
- ¹⁹ В портупей-юнкера.
- ²⁰ АМСПБКРАК. Ф.1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–5.
- ²¹ См.: Смирнов Р.В. «Дикий обычай» славной Гвардейской школы: Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М., 2010. С. 36–66.
- ²² Там же. С. 7.
- ²³ АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
- ²⁴ До 1894 г.
- ²⁵ АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
- ²⁶ Харитонов О.В., Горшков В.В. Русская армия 1917–1920: Обмундирование, знаки различия, награды и нагрудные знаки. СПб., 1991. С. 6.
- ²⁷ АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, об.–14.
- ²⁸ Там же. 4. Л. 2, об.–6, об.
- ²⁹ Там же. Д. 10. Л. 1–2; Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–8.
- ³⁰ Так в документе.
- ³¹ АМСПБКРАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ³² См.: Гиацингов Э.Н. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 40–49; Ларионов В.А. Последние юнкера. М., 1997. С. 10–28; Вержболович Б.Г. Вторая Отечественная, или Первая мировая (1914–1918). М., 2004. С. 65–78.

С.В. Юхо (Несвиж, Республика Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ 1654–1667 ГОДОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В БЕЛАРУСИ: ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Вторая половина XVII столетия была периодом длинного экономического и политического кризиса в Речи Посполитой, основной причиной которого явилась война 1654–1667 гг. между Московским княжеством и Речью Посполитой. Вообще, если подсчитать, то с 1648 по 1716 г. в Речи Посполитой 65 лет приходится на военные действия.

Война, сопровождаемая голодом и эпидемиями, способствовала экономическому упадку городов. Так, если в 1639 г. в Бобруйском старостве (без Бобруйска) насчитывалась 847 домов, то к 1671 г. их оставалось только 361¹, в 10 «вайтоўствах» да 5 городках Пинского староства (без Пинска) в 1650 г. было 4432 двора, а к 1653 г. сохранилось только 1357. В Ляховичах, которые имели в 1650 г. 298 домов, к 1653 г. осталось только 3. Были разграблены и выжжены дотла деревни Пинского уезда в 1660 г. В постановлении сейма 1661 г. указывалось, что Ошмянский повет «в конец разрушен неприятелем», Браславский «разрушен вражеской армией», Городенский (Гродненский) «в результате военных действий обращен в руины, и преобладающая часть его сожжена», Слонимский «почти дотла сожжен и разграблен неприятелем, а также разорен постоянными переходами» войск и т.д.²

В особенности пострадало население Восточной Беларуси. В Шкловском повете, например, в середине XVII столетия погибло 10 804 мужчины, из которых 4216 – главы крестьянских семей³. В Могилевской экономии количество крестьянских хозяйств за 1671 г. сократилось в отношении к 1604 г. с 5118 до 4197⁴. В городах и селах Витебского воеводства было разграблено 66 % всех дворов, Мстиславского – 69 %, Полоцкого – 12 %⁵.

В инвентарях шляхетских поместий сохранились справки о пустых землях, беглых крестьянах, сокращении или полной ликвидации крестьянских посевов. Так, в Шкловском графстве в 1661 г. пустовало 75,2 % всей пахотной земли, сверх 60 % целиком разграбленных хозяйств насчитывалось в 1671 г. в Кричевском старостве, а в Берестейском в 1667 г. пустовало 55 % всей пахотной земли. По инвентарям 1679–1680 гг., после 20 лет с окончания войны, в Брестской экономии на долю пустырей приходилось 19 %, в Гродненской – 32 %, а в Кобринской это цифра была еще выше⁶.

Катастрофа – иначе не назовешь состояние, в какое была втянута Беларусь войною 1654–1667 гг. И самыми страшными потерями являлись людские. На Беларуси (в границах примерно ее современной территории) количество населения уменьшилось более чем наполовину: если перед войною оно достигало двух миллионов девятистот тысяч человек, то на 1667 г. осталось около одного миллиона трехсот пятидесяти тысяч⁷. Это примерно 47 %. Городского населения уцелело еще меньше: только 45 % – в общем, Беларусь в войне 1654–1667 гг. потеряла больше половины своих жителей. Потери же всего Великого княжества Литовского (ВКЛ; в 1569 г. совместно с Польским королевством Великое княжество Литовское создало единое конфедеративное государство – Речь Посполитую) за эту войну составили 46 %, Жемайтии да оставшейся части современной Литвы соответственно 31 % и 37 %⁸. На территории Польши также меньше: в Великопольше до 42 %, а в Малопольше около 27 %. Даже в Германии самая уничтожающая Тридцатилетняя война не привела к такой демографической трагедии. Там только в некоторых регионах человеческие потери превзошли 66 %. Но на Беларуси в череде воеводств, в особенности на востоке и севере страны, эти цифры были большими: так, в Полоцком – почти 75 %, Мстиславском – 71,4 %, Оршанском – 69,3 %. Полоцкое, Витебское и Мстиславское воеводства были вообще самыми пострадавшими: здесь осталось меньше чем треть от количества довоенного населения.

Почти не осталось на Беларуси и ни одного более-менее целого города: все они лежали в пепле и руинах. Чтобы хоть как-то поспособствовать воссозданию разрушенных мест, сейм Речи Посполитой решил 20 из них полностью освободить от налогов. Минск, например, обращая внимание на уничтожение горожан и самого города, избавили от обязанности выдавать хлеб, принимать армию

на постой, освободили от солдатских переходов и от всех государственных налогов⁹. Тогда, в 1662 г., местные базыльяне, доминиканцы и бернардинцы, благодаря пожертвованиям людей, начинали уже отстраивать свои наполовину разрушенные костелы и монастыри, однако один путешественник еще и в 1678 г. отметил, что Минск сильно «потерпел от москвитянов, которые превратили его почти в развалины»¹⁰.

Владеющая большим богатством, знать и крупные магнаты вели паразитический образ жизни, проматывали большие суммы в заграничных поездках, баллах, кутежах. Один с современников тогда писал: «Расточительность разоряет имения, съедаются и пропиваются фольварки, деревни и поветы. Погреб, кухня, кондитерская так хорошо организованы, что если бы такой порядок был в управлении Польшей, то мы были бы самым могущественным народом в Европе»¹¹.

Все это богатство да роскошь делались руками крестьянства и городского населения. Однако в первые десятилетия после войны 1654–1667 гг., когда катастрофически не хватало рабочих рук, а фольварки были разрушены, магнаты и знать были вынуждены отказаться от фольварочного хозяйства, стали привлекать крестьян на пустые земли разными льготами. Так как пустой земли было много, а обрабатывать ее было некому, магнаты позволяли крестьянам работать на фольварочных землях на условиях оплаты денежного оброка за половину или треть урожая.

В особенности активно процесс «очиншевания» (в Речи Посполитой – оброк, который платился с земли или «дыма» (дома), отданных в чужое продолжительное владение. – *Прим. авт.*) крестьян проходил в восточных воеводствах Беларуси. В Шкловском графстве в 70-х гг. XVII в. была ликвидирована десятидневная барщина. Она заменялась денежным оброком в размере 10 злотых да 10 денег. Натуральный оброк, который раньше давали крестьяне, имевшие свои собственные волоки, был также заменен денежным эквивалентом. Крестьяне, которые возвратились на пустующие волоки, были освобождены на несколько лет от различных повинностей и обязанностей. Пустующие участки раздавались крестьянам на облегченный оброк или на «третий сноп». Все это вместе давало большой стимул для возвращения крестьян и воссозданию бывших хозяйств. Уже в 1668 г. в этом направлении вернувшиеся крестьяне осели на 60 волоках пахотной земли, а к 1695 г. счет таких

хозяйств увеличился по сравнению с 1668 г. на 315 дворов¹².

Отмена барщины и перевод крестьян на оброк, предоставление «свобод», высвобождение от повинностей на 10–15 лет притягивали также новых поселенцев. В том же Шкловском графстве в 1668 г. насчитывалось 226 заново осевших крестьянских семей. Росло количество крестьянских хозяйств и в первой половине XVIII в. в Чечерском старостве. Если в 1704 г. во всех селах этого староства имелось 156 крестьянских домов, то в 1726 г. их стало 293. Перевод крестьян на оброк проводился в Гродненской, Кобринской, Берестейской королевских экономиях, а также в частных поместьях на западе Беларуси. Уже к 40-м гг. XVIII в. пустоши на этих землях сократились наполовину. Опираясь на усилившуюся деревню, королевская казна в середине столетия опять начала расширять фольварочное хозяйство¹³. Такая эволюция произошла во многих староствах, а также в некоторых частных поместьях. Однако не все мелкие землевладельцы смогли сохранить фольварки и воссоздать хозяйство. Некоторые из них, потеряв крепостных и не имея средств для найма рабочей силы, прекратили вести свое хозяйство и ушли в услужение к магнатам.

Магнатские вотчины западных и центральных районов Беларуси меньше потерпели от войн, чем королевские и мелкошляхетные владения. Правда, во многих поместьях Радзивиллов (Давид-Городок, Сморгонь, Островчищи) количество фольварков сократилось. Сохранить фольварочную систему и воссоздать хозяйство в западных и центральных вотчинах магнатам было полегче: их поместья были разбросаны в разных районах и потому неодинаково пострадали от войны. Магнаты могли поддерживать одно поместье за счет другого.

Воссоздание фольварочного хозяйства требовало от знати и магнатов значительных денежных вложений. В условиях послевоенного разорения даже магнаты не всегда имели достаточно средств. Поэтому начиная с конца 60 – начала 70-х гг. XVII в. большое распространение получают аренда и сдача в гарнизонах феодальных имений. Арендаторами и залогополучателями были шляхтичи, которые наживались на мошеннических операциях, а изредка и купцы¹⁴. При долгосрочном залоговом обладании либо аренде некоторые из них вкладывали в поместья большие собственные средства, рассчитывая вернуть их за счет роста доходности, однако преобладала краткосрочная аренда на 1–3 года. В этом случае

арендаторы стремились как можно скорей выжать из поместья побольше денег; они по-хищнически вели хозяйство, грабили крестьян. Преимущественная часть продукции, полученная в фольварках, применялась на местах, но часть продукции предназначалась и на сбыт. Война на долгое время парализовала вывоз сельскохозяйственных продуктов за границу и взорвала внутреннюю торговлю. Тем не менее экспорт зерна не прерывался.

В особом положении находились районы Поднепровья и Подвинья, где фольварочная система к середине XVII в. прижилась слабо. Фольварки, которые возникли раньше в некоторых имениях, либо были ликвидированы, либо сохранились до минимальных размеров. Так, в поместье Островно, недалеко от Витебска, площадь барской вспашки в 1770 г. составляла только 2 % всей пахотной земли¹⁵.

Большой удельный вес денежной сдачи, наличие крестьянской торговли, хотя и ограниченной, способствовали развитию имущественного неравенства среди крестьян. В поместье Глуск в 1652 г. 24,8 % тягловых хозяйств имели наделы по 2 волюки и меньше, а 2,1 % хозяйств пользовались наделами в 1,5 волюки¹⁶. В поместье Сапотвин Новгородского воеводства в 1679 г. 22,6 % тягловых крестьян совсем не имели рабочего скота, тогда как 4,8 % крестьян их держали по 3 и более упряжек на хозяйство¹⁷. Еще более глубокое неравенство было среди крестьян-оброчников.

В аграрной структуре Беларуси в это время преобладали крупные латифундии, в основном магнатские, что являлось свидетельством ослабления государственной власти Речи Посполитой. Сконцентрировав в своих руках огромные земельные владения, магнаты превратились по сути во властных удельных князей (Радзивиллы, Сапегы, Вишневецкие). Чтобы исправить влияние войны, власти были вынуждены усилить крепостную зависимость крестьянства Беларуси. Сейм Речи Посполитой периодически подтверждал действие уже принятых законов и выдавал новые постановления, которые строго наказывали за утаивание беглых крестьян. Власть крупной шляхты над жизнью и имуществом крестьян была неограниченной. Для Беларуси в это время характерна смешанная форма ренты: один и тот же крестьянин исполнял отработочные повинности, платил денежный и натуральный оброк. Тем не менее, категории крестьян выделялись выразительно: тягловые, оброчные, огородники и слуги. Появление крестьян-огородников, например,

связано с имущественной дифференциацией и разорением. В особенности заметно изменилось положение крестьян-слуг: происходило дальнейшее их сокращение, а в 1680 г. все жители деревень Лавковичи, Новоселки, Кринки Слонимского повета были переведены, например, в состояние обычных крестьян – в условиях разрухи были нужны многочисленные рабочие руки¹⁸.

Кроме прямого использования крестьян путем взыскания ренты, магнаты Беларуси употребляли сотоварищи формы сбора средств, основанные на сеньоральных правах¹⁹ – мельничный баналитет, водочную и торговую монополии. Крестьянин переплачивал трактирщикам и другим откупщикам за продукты (соль, водку) и за помол зерна; он был вынужден продавать по заниженным ценам продукты своего хозяйства. За право пасти скот, собирать хворост, грибы и ягоды с крестьян брали плату. В особенности губительной была водочная монополия: доходы от аренды корчм, от разных откупов составляли значительную часть (к 50 %) дохода поместья.

Как видно, после войны 1654–1667 гг. произошли значительные изменения в социально-экономическом положении деревни. Крестьянин того времени был на вес золота – такими жуткими были человеческие потери. На него накладывались новые повинности, более тяжелые, но, в то же время магнат практиковал политику перевода на оброк, чтобы притянуть на свои опустевшие земли новых поселенцев. Пути выхода деревни из кризиса являлась одновременная политика, как считает автор, «кнута и пряника», что целиком оправданно – в условиях разрухи стимулирование и в то же время жесткий контроль, как показывает история, всегда приносили быстрые положительные результаты в экономике. Однако полоса войн, которая проходила по Беларуси почти не переставая, даже этот принцип сводила на нет. Существование «золотых вольностей» не позволял осуществить второй план подъема экономики: путем централизации государства Речи Посполитой, преобразование ее может даже в абсолютистскую монархию. Знать же, постоянно находясь в состоянии конфликта, просто не могла в тот момент обеспечить экономический рост страны как единого целого: каждый держался за свои владения, не желая даже слушать о подчинении централизованной государственной власти.

Введение феодалами Речи Посполитой «монополий», запрет городским торговцам продавать в деревне ремесленные изделия

привели к свертыванию внутреннего рынка²⁰, к свертыванию ремесла и торговли в городах. Все это спускало на тормозах воссоздание и развитие городов, городские ремесленники и торговцы часто переходили на землю. В Гродно «мещане, за исключением лишь весьма немногих из магистрата, пренебрегли благосостоянием города и... не занимаются торговлей и купечеством, а исключительно хлебопашеством»²¹. Это был еще один из путей выхода с кризиса – перевес в тот момент отдавался сельскому хозяйству и производству продуктов питания. Кроме того, города Беларуси владели магдебургским правом, были независимыми и владели многочисленным населением – это и было нужно магнатам и крупной знати для обеспечения своих поместий достаточным количеством людей.

Кроме того, сейм Речи Посполитой принял ряд постановлений против «добровольно принятого» православия. К примеру, постановлением 1676 г. все православные братства теряли свои привилегии. Кроме того, им не позволялось поддерживать связи с константинопольским патриархом, которому они раньше подчинялись. Отныне братства были обязаны исполнять приказы местных епископов, назначаемых королем из числа униатов. Одновременно под угрозой смертной казни и конфискации имущества сейм запретил православным выезжать за границу. Местные власти, не останавливаясь даже перед принудительными мерами, искореняли православие. Так, когда в 1689 г. униатский архимандрит полоцкого Борисоглебского монастыря сделал донос воеводе, что жители полоцкого предместья Кабака не желают его признавать, воевода приказал им исповедовать униатство. Тот, кто нарушил этот приказ, должен был заплатить штраф в 10 злотых²². Пользуясь правом назначения духовных лиц в своих поместьях, они назначали на должности униатских священников. Но не надо считать, что жесткие меры были только односторонними со стороны правительства Речи Посполитой: это был своеобразный ответ на ту политику, которую проводило царское правительство применительно к белорусскому населению во время войны. Со стороны правительства Речи Посполитой фактор возвращения к униатству, возможно, был одним из путей выхода из кризиса. В социальном плане это было целиком оправданно, ведь чем больше в государстве сосуществует серьезных массовых конфессий, тем более возможен социально-религиозный антагонизм ее жителей.

Однако, справившись с православием, выбив его на время из

числа серьезных своих врагов, католичество перешло в наступление на белорусскую культуру. Со второй половины XVII в. белорусский язык постепенно вытесняется из судебного и административного делопроизводства²³, а в конце XVIII в. употребления его как официального письменного языка вообще было запрещено. В постановлении всеобщей конфедерации сословий Речи Посполитой 1696 г. отмечалась, что в делопроизводстве ВКЛ «все решения должны составляться на польском языке»²⁴.

В начале XVIII в. были закрыты почти все братские православные школы и типографии. Иезуиты и другие ордена монахов почти полностью монополизировали просвещение.

Для выравнивания послевоенной ситуации в Беларуси требовались средства. В 1658 г. Варшавский сейм принял постановление, согласно которому евреи облагались сборами: поголовным и подымным (подомным. – *Прим. авт.*). В том же году похожее постановление затрагивает татар, которые занимаются ремеслом и фурманством (основные их занятия). Кроме того, должны были платить налоги и воеводства с уездами (поветами), которые в 1661 г. не представляли собою прочного экономического состояния²⁵. В 1662 г. сейм обнародовал постановление, обязывающее татар, имеющих владения, платить налоги, как и знать. «Все татары Вел. кн. Лит., которые имеют свои владения в Вел. кн. Лит., должны будут уплатить поветовым сборникам от каждого человека, как знать, по 3 зл. в установленный срок»²⁶. Проанализировав эти постановления сейма, можно отметить, что Речь Посполитая не имела стабильных источников для взыскания государственных налогов, не существовало системности в их сборах, в особенности со стороны магнатов и знати. В итоге государство не могло даже выплатить своей армии деньги, не прибегая к каким-либо чрезвычайным мерам. Путь стихийных постановлений сейма не мог обеспечить выход из кризиса – в конфедеративной Речи Посполитой не было твердой власти и полной казны. И потому, утрачивая политическую самостоятельность, она никак не могла освободиться из-под тени двуглавого орла²⁷.

Таким образом, наметившиеся пути выхода из кризиса оказались неосуществимыми. А вскоре Беларусь ждала новая беда – Северная война.

Рассматривая положение государственных, частнособственнических и церковных крестьян после войны, можно обозначить меры,

которые предпринимались ради вывода страны из социально-экономического кризиса:

– средний надел государственных крестьян уменьшился и составил 42 % волоки на западе и в центре и 45 % волоки на востоке. Широкая практика по ходу воссоздания государственных владений перевода крестьян на денежную ренту затормозилась на структуре земельного надела. Во второй половине XVII в. удельная доля наделов с оброчной долей составила на Беларуси 75,3 %. Стабилизация среднего надела в размерах 0,4–0,6 волоки явилось выражением процесса хозяйственного возрождения;

– средний надел крестьян в частных наделах собственников снизился до 58 % волоки на западе и в центре и до 44 % волоки на востоке. Удельный вес крестьянских хозяйств, имеющих в составе приемную долю, составил 31,7 %. В наиболее разрушенных магнатских вотчинах крестьяне были переведены на оброк, а в менее разрушенных развитие проходило по пути становления фольварка;

– средний надел церковных крестьян составил 38 % волоки на западе, 28 % волоки в центре и 62 % волоки на востоке. Произошли перемены в рентной структуре земельного владения. В ходе хозяйственного воссоздания получили распространение смешанные наделы, которые складывались из разных долей как оседлой, так и приемной земли – тягловой и оброчной, тягловой и приемной, оброчной и приемной. Удельный вес хозяйств с приемной долей составил 19,7 %, однако на западе и в центре Беларуси преобладал тягловый надел – соответственно 51,3 % и 72,9 %. Уменьшилось обеспечение церковных крестьян землей²⁸.

Война 1654–1667 гг. отразилась на Беларуси тотальной деструкцией, которая изменила все – от материальных условий жизни до социальной структуры населения, от языково-культурной и профессиональной ситуации до этнопсихики и национального генофонда вообще. Увы, это еще никогда не было предметом специального исследования исторической науки. Хотя разумеется, что без учета последствий той военной катастрофы многие явления нашей истории просто нельзя объяснить: лишенные своей элиты, большей части мещанства, белорусы стали народом с неполной социальной структурой общества. А разрушение натурального механизма передачи информации следующим поколениям означало подрыв основы национальной консолидации белорусов.

Война окончательно и необратимо отбросила в прошедшие

времена бывшую религиозную толерантность, катализировавшую появление принципиально других условий существования православной церкви на просторах Речи Посполитой. Если раньше, при первых Вазах, положение православных в ВКЛ было относительно нормальным и даже при Яне Казимире они имели хоть какие-то гарантии свобод, то после войны отношение властей к ним начало круто меняться. Правительство Речи Посполитой на войне, блюдя свои интересы, проводило политику, направленную на ограничение и нейтрализацию православия в стране. Москва же настойчиво добивалась того, чего не сумела сделать за годы войны, – подчинения своему патриархату православной церкви Речи Посполитой. В 1685–1686 гг. этот план наконец был осуществлен²⁹. Девятый артикул «Вечного мира», каким Москва брала под свою опеку православных жителей Великого княжества Литовского и Короны, фактически подрывал суверенитет Речи Посполитой. Таким образом, конфессиональная политика Московского государства обусловила принципиально другое отношение к православию на Беларуси: дошло до откровенного преследования.

Упадок городов и ослабление в них государственной власти были использованы феодалами для расширения своих городских владений, для преобразования их в феодальные юридыки. Так, в Минске в 1667 г. в магистратской юридыке находились всего 73 двора, которые обкладывались подымным налогом, а во владениях знати – сверх 220 дворов. То же самое было и в Гродно³⁰. Существенные изменения произошли в заграничных торговых связях белорусских городов и местечек, в особенности с Россией. В 1672 г. русским правительством был издан указ, который позволял купцам Речи Посполитой торговать с внутренними городами русского государства, включая Москву, что потом было закреплено в мирном договоре с Речью Посполитой в 1686 г. Договором был открыт более широкий доступ русским купцам на территорию Речи Посполитой.

Именно с войны 1654–1667 гг. происходит окончательный упадок Речи Посполитой и входящей в ее состав Беларуси. Война разрушила государственный фундамент. Она же окончательно изменила дальнейшую внешнюю политику государства – сейчас оно стремилось стать союзником Москвы, чтобы, с одной стороны, защитить свои границы от нападения серьезного соперника, во-вторых, увеличить за счет его захватнических войн собственное

количество владений. Однако знать Речи Посполитой не хотела понимать необходимость мер ради будущего сохранения своего государства, а король Ян Казимир (первый среди равных) в 1668 г., в один из самых тяжелых периодов существования Речи Посполитой, отрекся от власти и стал аскетом. Уже надвигалась Северная война, которая окончательно разбила Речь Посполитую как государство.

Пока же исход войны казался более-менее удовлетворительным: не удалось присоединить к России Беларусь и Правобережную Украину, потерпела крах идея приобрести новые земли для бояр и дворян России, и главное – царь Алексей Михайлович не смог занять трон Речи Посполитой. Полную неудачу потерпело стремление украинской казацкой старшины присоединить к Украине земли белорусского Поднепровья и Посожья.

Между тем, социально-экономическое и политическое положение как во время войны 1654–1667 гг., так и после нее было более чем не прочно. Беларусь столкнулась со следующими проблемами:

- многочисленные города были разрушены, что привело к сокращению мещанства как сословия, к минимуму свелась внутренняя и внешняя торговля;

- в сельском хозяйстве значительно сократилось количество земледельцев. Феодалы были вынуждены вводить более жесткую дисциплину и повинности;

- в церковно-религиозной жизни уменьшилась роль православия. Католичество начинает проводить благоприятную для себя политику, ради закрепления на территории Беларуси, чем вызывает недовольствие большей части населения;

- государственный аппарат и административно-судебная система были разрушены. Зрело недовольство центральной властью со стороны богатой знати и магнатов;

- организация вооруженных сил в Речи Посполитой так же оставалась желать лучшего. Особенно вредило двоевластие в управлении армиями. Полевой гетман Великого княжества Литовского не подчинялся великому гетману и был самостоятельным в действиях: командовал каждый гетман только своей армией, которую сам же и нанимал.

А в Москве, столице тогда уже могучего государства, в 1686 г. царское правительство, закрепив успехи прошедшей войны «Вечным миром», опустошив и разрушив богатый край, перебив его

население и навсегда оставив себе пленных и вывезенные ценности, спешило отбросить всю эту историю в небытие: «Впредь тому всему быти забвенну и непаметну»³¹.

¹ Гісторыя Беларускай ССР. Минск, 1972. С. 190.

² Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 1960. Т. 2. С. 181–183.

³ Мясешка В.І. Грамадзянская вайна (кан. 1655 – восень 1658 г.) // Навіны Беларускай Акадэміі. Минск, 1992. 19 чэрв. С. 11.

⁴ Мелешко В.И. Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (с середины XVII в. до 1772 г.). М., 1967. С. 54.

⁵ Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII wieku. Poznań, 1965. S. 220.

⁶ Похилевич Д.Л. Крестьяне Слонимщины в XVI–XVIII в. и их борьба против феодального угнетения // Наукові записки Львівського ун-ту. Львів, 1949. С. 150.

⁷ Карпачев А.М., Козловский П.Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в. М., 1968. С. 99.

⁸ Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667 гг. Минск, 1995. С. 144.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Козловский П.Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в. Минск, 1969. С. 115.

¹¹ Игнатенко А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией. Минск, 1974. С. 17.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Гісторыя Беларускай ССР. Минск, 1972. С. 329.

¹⁴ Там же. С. 330.

¹⁵ Карпачев А.М. Указ. соч. М., 1968. С. 44.

¹⁶ Похилевич Д.Л. Указ. соч. С. 63.

¹⁷ Там же. С. 120.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Гісторыя Беларускай ССР. Минск, 1972. С. 340.

²⁰ Игнатенко А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией. Минск, 1974. С. 33.

²¹ Ткачев М.А. Замки Белоруссии. Минск, 1987. С. 15–16.

²² Игнатенко А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией. Минск, 1974. С. 44.

²³ Гісторыя Беларускай ССР. Минск, 1972. С. 352.

²⁴ Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 1960. Т. 2. С. 352.

²⁵ Там же. С. 180–181.

²⁶ Там же. С. 189.

²⁷ Сагановіч Г. Указ. соч. С. 129.

²⁸ Wisner H. Rok 1655 na Litwie a retractsje ze Szwiecja i kwestia wyznaniowa // Odrodzenie i reformacja w Polsce. Warszawa, 1981. Т. 26. S. 13, 15, 16, 17.

²⁹ Сагановіч Г. Указ. соч. С. 133.

³⁰ Гісторыя Беларускай ССР. Минск, 1972. С. 343.

³¹ Сагановіч Г. Указ. соч. С. 135.

B. Nilsson (Linköping, Sweden)

**PRISONERS OF WAR, SPIES, FUGITIVES,
DESERTERS AND INTERCEPTED MAIL:
SWEDISH INTELLIGENCE GATHERING DURING
THE GREAT NORTHERN WAR**

At the beginning of the 18th century Sweden kept permanent ambassadors or envoys in many European countries. The most important ones were those in Western Europe, such as Paris, The Hague and London. Other representatives or agents were active in commercially valuable towns such as Elsinore, Danzig or Cadiz. This ensured a steady flow of information to Stockholm about important European events. When Charles XII left the capital in 1700 he ordered the Chancellery to instruct the Swedish envoys to send two copies of every report, one to Stockholm and one to him¹. Apart from this, members of the Field Chancellery kept their own correspondence with key Swedish envoys and members of the Chancellery in Stockholm. In theory the King should be able to make important political and military decisions in the firm conviction that he had access to all relevant information. That the system did not always work is clearly shown by the events of 1698–1699, when the creation of an alliance between Denmark, Saxony and Russia almost totally escaped the notice of the Swedish diplomats².

The outbreak of the Great Northern War created a partly new situation. It became vital to keep an eye on attempts by Russian or Saxon diplomats to bring other countries into the conflict, but Eastern Europe became more important than it had been before. The extremely confused political situation in Poland-Lithuania forced a greater emphasis on negotiations with Polish magnates and the Ottoman Empire became a piece in many puzzles. The large unknown was Russia, a nation most of the higher Swedish officials knew very little about. One way of finding out more was to intercept the mail to and from Moscow.

On 20 November 1706 (O.S.) the Swedish envoy in Berlin Johan Rosenhane (1642–1710) wrote to General Lewenhaupt in Riga, informing him that the Prussian government was unhappy because the mail to Moscow had been «disturbed»³. Some private letters had even disappeared, the Prussians claimed. Rosenhane reminded Lewenhaupt that Charles XII during the Grodno campaign of 1705–1706 had made it quite clear that the mail should be allowed to pass freely. On 25 December the general replied, assuring the envoy that the Prussian claims were quite unfounded. He had, Lewenhaupt wrote, certainly three or four times inspected mail to Moscow, but this was fully in accordance with the customs of war. Merchants' letters had not been touched and the diplomatic correspondence even less so – with the exception of letters from Russian envoys. They had been opened and sent to Charles XII. Lewenhaupt assured Rosenhane that any other disturbance of the mail to Moscow must have been caused by the enemy, because those Poles and Lithuanians made no distinction between private and official letters⁴.

General Lewenhaupt's interception of the mail to Moscow during the winter campaign of 1706–1707 can be followed through his reports to Charles XII. On 24 October 1706 the general informed the King of his arrival at Vilnius and mentioned that he had intercepted some letters. These had been opened and one of them turned out to have been written by the Danish envoy in Moscow to the King of Denmark. Lewenhaupt asked Charles for further instructions – how should he handle the mail to and from Moscow?⁵ In subsequent reports Lewenhaupt mentioned a letter from the Russian secretary in Haag to Peter Shafirov, which he had not been able to copy due because it was written in «Muscovite letters» and ciphered⁶. A few days later the general sent the King more letters to and from the Danish envoy, this time unopened, mentioning that some unsealed attachments seemed to suggest that the negotiations in Moscow between the envoy and the Russians were of a highly suspicious nature and potentially dangerous to the Swedish interest⁷.

A more spectacular mail interception was carried out in April 1707. A special envoy from the Czar, Captain Ivan Petrovich Izmailov, had arrived in Berlin in late 1706 and caught the attention of Swedish diplomats. A certain Rach was in the spring of 1707 sent from the Swedish headquarters in Saxony to Berlin with instructions to keep an eye on the Russian representative. The enterprising Rach, who spoke Russian, was able to get friendly with Izmajlov and told the Swedish diplomats in Berlin that the soon returning captain carried some very important

letters from King Augustus to the Czar and his ministers. It would, he suggested, be wise to try and capture these documents. This could be done very easily by claiming that Rach, who was accompanying Izmailov back to Russia, was a deserter from the Swedish army. While searching for him the Swedes could stop Izmailov's carriage and «find» the letters. The Swedish envoys sent the legation secretary in Berlin to Colonel H.W. Goertz in Lausitz, who was instructed to carry out the coup without using violence. This succeeded and Izmailov and Rach were apprehended by some officers from Goertz regiment. The captured documents (about 200) were sent along with Rach to the Swedish headquarters⁸. The chancellery official Olof Hermelin claimed that they contained very important information about the Czar's intentions, particularly a plan to attack General Lewenhaupt's force in Courland while the main Swedish army was far away⁹.

Fugitives or deserters were also considered important sources of information. The most prominent of these were undoubtedly Martin Neugebauer (1670–1758), who had come to Moscow in 1699 and for a short time been a tutor to the Czarovich. In August 1704 he managed to leave Russia and in November came to Hamburg, where he quickly made contact with the Swedes. In two letters to Carl Piper, the King's first minister, Neugebauer described his misfortunes in Russia and expressed his willingness to serve Charles XII in any capacity. To prove his value he named a couple of Russian spies and offered the services of a French engineer by the name of La Motte, who had spent six years in Russia and according to Neugebauer knew much about Russian fortifications. In early 1705 Neugebauer had found his way to the Swedish headquarters and it's likely that he remained there during the next few years. In 1706 he wrote a memorandum about how a campaign against Russia should be conducted and later also suggested a method whereby the Czar could be captured during a battle¹⁰.

Shortly after the Swedish army had reached Smarhon in mid-February 1708 another prominent fugitive, the brigadier Muhlenfels, arrived. According to the chancellery official Samuel Hylden the brigadier knew very little about the current situation as he had been on the run for 8 days, but he had confirmed the Swedish suspicion that the Russians were likely to retreat instead of risking a major battle¹¹.

Even some fairly «exotic» runaways have left traces in Swedish archives. One example is three Turks, who in September 1707 reached Vyborg. They had been captured by the Russians ten years earlier and

spent the last four years in St. Petersburg as laborers. According to their statement there were four Russian infantry regiments in the city (Menshikov's, Bruce's, Fraser's and Gamenthoff's) and two on the southern shore of the Neva just outside. A redoubt had been built on the northern shore, but it had only a very small garrison. There were also about 100 dragoons on the same side. Two generals remained in the city, Bruce and Apraksin. Since the fugitives believed that the Russians were planning an offensive in Livonia their statement was forwarded to General Lewenhaupt in Riga. The three fugitives then travelled to Tallinn and received economic support so that they could continue their journey to Riga¹².

Another quite interesting example is the interrogation of «Nowach Schonoff» on 10 March 1707. Schonoff was first asked about which regiment he had served in and why he had left Russia. He replied that he had served in Colonel Kropotov's dragoons and had been injured during the battle of Gemauerthof when his horse was shot and fell on him. As a result of this Schonoff had been given permission to leave the army by General Bauer and go back to Moscow. However, he found it hard to support himself and left again. Schonoff was then asked about Czar Peter's whereabouts and explained that he had been in St. Petersburg when Schonoff left Moscow, but later had gone to Smolensk. The Swedish interrogator then asked about a rumored disagreement between the Czar and his son. Was it true that the Czarevich had rebelled against his father the previous year? No, certainly not. That was absolutely untrue. Was the main Russian army in High Poland and who was in command? No, the main force was near Kiev. Menshikov commanded the cavalry and Sheremetev the infantry. There were about 40 000 men near Kiev and they were going to march to High Poland. Were the Russian soldiers paid on time and were they content? Yes, they were paid on time. Schonoff also gave detailed information about the strength of the Russian forces in Narva, Dorpat and Polotsk¹³.

It was also possible to collect information by speaking to travellers. On 27 October 1707 Lieutenant Colonel Ernst Carl von Glasenapp informed General Lewenhaupt that he had met a «good German man» who came from Smolensk. The German had told Glasenapp about the Russian positions further east and where their main force was intending to spend the winter¹⁴.

It is also possible to find traces of spies in the contemporary records. One very interesting document is a list of Colonel Johan Adolf Clodt's

expenses during an expedition into Lithuania in the winter of 1704–1705. It shows that he quite frequently used local peasants to carry orders to Swedish units, but also gives the names of the spies he paid. On 7 December 1704 Clodt paid the mayor of Joniskis for the services of the spy «Dawidt Vouriwetskij», who was to go to Kedainiai and observe the enemy's movements. Two weeks later «the Jew Benjamin» was sent to Siauliai in order to find out if there were any enemy forces in the town. Around Christmas Clodt paid several spies to go to Kedainiai and one was even sent as far as Vilnius¹⁵.

One of the more notable spies was Ruben Meyer, a Jew from Krustpils in Polish Livonia. In a letter from the autumn of 1710 Peter Harder, secretary to General Lewenhaupt, speaks very highly of him. Not only had Meyer been of great service to the Swedish army during the campaigns in Courland and Lithuania, he also had helped them considerably after the battle of Lesnaya. In late 1709 Meyer was in Riga, where he in November was paid 61 silver thalers for collecting information. According to Harder's testimony Charles XII thought very highly of «those people» and liked to speak to them alone. The King even, the secretary claimed, put more faith in the information he got from them than in the one he received by other means¹⁶.

¹ Den svenska utrikesförvaltningens historia. Uppsala, 1935. P. 181

² Den svenska utrikespolitikens historia. II.1. Stockholm, 1952. P. 67 ff.

³ Linköpings Stiftsbibliotek (LiSB), H 79:1, no 400.

⁴ Uppsala universitetsbibliotek, E 527a.

⁵ Riksarkivet, Livonica II, vol. 122.

⁶ Ibid, Adam Ludvig Lewenhaupt to Charles XII 26 October 1706.

⁷ Ibid, Adam Ludvig Lewenhaupt to Charles XII 29 October 1706.

⁸ Almquist, H., Ivan Petrovitj Izmajlov – rysk diplomat i Preussen och krigsfange i Sverige (1706–1710) // Karolinska Forbundets Arsbok. 1937. P. 98 ff.

⁹ Hermelin O., Bref fran Olof Hermelin till Samuel Barck 1702–1709. Stockholm, 1913. P. 112 ff.

¹⁰ Almquist, H., Patkul och Neugebauer - rysk varvning och ryssfientlig agitation i Europa 1702–1705 // Karolinska Forbundets Arsbok. 1938. P. 14 ff.

¹¹ Riksarkivet, E 4645, Samuel Hylten to Adam Ludvig Lewenhaupt 17 February 1708.

¹² LiSB, H 79:3, no 176 and no 307.

¹³ Ibid., H 79:1, no 363

¹⁴ Ibid., H 79:3, no 330.

¹⁵ Ibid., H 79:1, no 100.

¹⁶ Ibid., H 79:2, no 122, Peter Harder to Brita Dorothea Lewenhaupt 29 October 1710; Arfwidsson, F., Forsvaret av Ostersjoprovinserna 1708-1710. Gefle, 1936. P. 395.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), начальник музея, доктор медицинских наук, профессор.

Горегляд Петр Владиславович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Ломакин Николай Владимирович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Маковская Лилла Константиновна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Малахов Геннадий Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Мегорский Борис Вадимович – Клуб военно-исторической реконструкции «Лейб-Гвардии Преображенский полк, 1709» (Санкт-Петербург), руководитель клуба.

Минасян Леон Гарникович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Можанов Иван Валерьевич – Государственный музей-заповедник «Царское Село» (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник, аспирант.

Молтусов Валерий Алексеевич – Полтавский национальный технический университет им. Ю. Кондратюка (Полтава, Украина), преподаватель, кандидат исторических наук, доцент.

Мосунов Вячеслав Альбертович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Наумов Андрей Николаевич – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» (Тула), заместитель директора по науке, кандидат исторических наук.

Ноздрин Олег Яковлевич – Орловская региональная академия государственной службы, доцент, кандидат исторических наук.

Орленко Сергей Павлович – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ошарин Алексей Викторович – Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, точной механики и оптики, кандидат исторических наук, доцент.

Павлович Марина Кировна – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Пастухов Алексей Михайлович – Институт Дальнего Востока РАН (Москва), соискатель.

Пасхин Сергей Михайлович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Петрухинцев Николай Николаевич – Орловская региональная академия государственной службы (Липецкий филиал), профессор, доктор исторических наук.

Пилишвили Георгий Джунглович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Порошин Алексей Алексеевич – Военный институт повышения квалификации специалистов мобилизационных органов Вооруженных сил РФ (Саратов), Академия военных наук, профессор, кандидат педагогических наук.

Портупеев Александр Анатольевич – ОАО АКБ «Якорь» (Москва), ведущий инженер.

Приходько Михаил Анатольевич – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, преподаватель.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Ракитин Антон Сергеевич – Российский государственный архив древних актов (Москва), аспирант.

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Ленинградская обл.), научный сотрудник.

Рудакова Людмила Петровна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Саламатова Марина Сергеевна – Новосибирский государственный университет экономики и управления, доцент, кандидат исторических наук.

Сардак Леонид Лаврентьевич – историк (Санкт-Петербург).

Серов Дмитрий Олегович – Новосибирский государственный университет экономики и управления, заведующий кафедрой, доктор исторических наук, доцент.

Симонов Анатолий Александрович – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент.

Славитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Сокуров Валерий Нануевич – Психологический институт РАО (Москва), стажер-исследователь, кандидат исторических наук.

Суханов Игорь Павлович – Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военно-морских наук, доцент.

Таксами Наталия Чунеровна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат социологических наук.

Тихомирова Елена Владимировна – Галерея «Русские палаты» (Москва).

Толкацкий Александр Николаевич – Сибирский федеральный университет (Красноярск), студент.

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. преподобного Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, кандидат исторических наук.

Филатов Олег Васильевич – Центральный Военно-морской музей (Санкт-Петербург), заведующий сектором, старший научный сотрудник.

Флюк Сергей Олегович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), заместитель директора.

Фуганов Артем Сергеевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Хатанзейская Елизавета Владимировна – Государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельск), научный сотрудник, аспирант.

Чернухин Виктор Андреевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор.

Чigareва Наталия Григорьевна – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук.

Чубинский Александр Николаевич – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», научный сотрудник.

Шелковникова Елена Дмитриевна – Московский государственный лингвистический университет, профессор, доктор юридических наук.

Шендриков Евгений Александрович – Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки, доцент, кандидат исторических наук.

Шлайфер Виталий Григорьевич – Музей истории оружия (Запорожье, Украина), директор.

Юркевич Евгений Иванович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Юхо Сергей Владимирович – Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж» (Республика Беларусь), младший научный сотрудник.

Bengt Nilsson (Бенгт Нильссон) – Linköping University Library, Librarian (Линчепингская университетская библиотека), научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Маковская Л.К., Горегляд П.В., Ломакин Н.В.</i> Из истории ручного огнестрельного оружия русской армии второй четверти XIX века	3
<i>Мегорский Б.В.</i> Штурмы крепостей: опыт Северной войны и военная мысль эпохи барокко	40
<i>Минасян Л.Г., Рудакова Л.П.</i> Подарок датского короля в собрании Артиллерийского музея	54
<i>Михайлов А.В., Портупеев А.А., Птицын В.В., Малахов Г.В.</i> История поисков и промышленных экспериментов на Тульском оружейном заводе в конце XVIII – начале XX веков	67
<i>Можанов И.В.</i> Крымская война 1853–1856 годов и русско-американские отношения (По материалам периодической печати)	79
<i>Молтусов В.А.</i> Труды И.Ф. Павловского и современность (К 160-летию со дня рождения)	87
<i>Мосунов В.А.</i> Артиллерия Краснознаменного Балтийского флота в отражении штурма Ленинграда в сентябре 1941 года	93
<i>Наумов А.Н.</i> Земляной город у деревни Радуговищи – памятник фортификационных укреплений XVII века тульских засек	106
<i>Ноздрин О.Я.</i> Европейские волонтеры русской армии XVIII века	114
<i>Орленко С.П.</i> Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688)	122
<i>Ошарин А.В.</i> Военное оптико-приборостроение в России (1900–1908)	144

<i>Павлович М.К.</i> Мастера оружейного дела в Московском Кремле в XVIII веке	165
<i>Пастухов А.М.</i> Артиллерия «новых войск» империи Цин во второй половине 1880-х – первой половине 1890-х годов	176
<i>Пасхин С.М.</i> Правительственная связь в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны	201
<i>Пенской В.В.</i> Поход Дмитрия Жилки и первая осада Смоленска русскими в 1502 году	206
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII века	219
<i>Пилишвили Г.Д.</i> Архивы об опыте организации и применения частей народного ополчения в годы Великой Отечественной войны	241
<i>Пинк И.Б.</i> Производство сигнальных пистолетов в Туле в 1910-х годах	247
<i>Порошин А.А.</i> Главнокомандующий армиями фронта Первой мировой войны Н.В. Ружский	259
<i>Приходько М.А.</i> Военно-походная его императорского величества Канцелярия Министерства военных сухопутных сил в 1802–1808 годах	273
<i>Ракитин А.С.</i> Служилые люди «пушкарского чину» города Севска в XVII – первой половине XVIII века	278
<i>Родионов Е.А.</i> Оружие графа Г.Г. Орлова в собрании Гатчинского арсенала	293
<i>Саламатова М.С.</i> Судьбы офицеров белых армий в Сибири в 1930-е годы	304
<i>Сардак Л.Л.</i> Командующий артиллерией русской армии генерал-аншеф И.И. Меллер-Закомельский	318
<i>Серов Д.О.</i> «А которые из армии взяты прокуроры...»: бывшие военнослужащие в составе прокурорского корпуса России первой трети XVIII века	335
<i>Симонов А.А.</i> Была ли Вольская военная флотилия первым советским речным соединением на Волге	349

<i>Славнитский Н.Р.</i> Артиллерия Санкт-Петербургской крепости в первой половине XVIII века	360
<i>Сокуров В.Н.</i> Канжальская битва 1708 года	376
<i>Суханов И.П.</i> К истории пистолетов абордажных партий кораблей Российского флота XIX века	394
<i>Таксами Н.Ч.</i> Российские научные экспедиции во время Первой мировой войны	416
<i>Тихомирова Е.В.</i> Современный рынок антикварного оружия и его особенности	425
<i>Толкацкий А.Н.</i> Оружие эпохи средневековья в археологических фондах Канского краеведческого музея	437
<i>Ульянов О.Г.</i> Оружейная школа Москвы в первой половине XVII века (По данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов)	442
<i>Филатов О.В.</i> Император Николай II и Российский флот (1906–1917). Неопубликованные страницы	455
<i>Филлок С.О.</i> Совершенствование системы подготовки обер-офицерского состава в ходе военных реформ 60–70-х годов XIX века	473
<i>Фуганов А.С.</i> Артиллерийский исторический музей. Сбор трофеев и реликвий на фронтах Великой Отечественной войны	478
<i>Хатанзейская Е.В.</i> История повседневности Архангельска в годы Великой Отечественной войны (Опыт систематизации и интерпретации исторических источников)	494
<i>Чернухин В.А.</i> Забытое имя – комдив Н.М. Роговский	510
<i>Чigareва Н.Г., Будко А.А.</i> Боевые отравляющие вещества и защита от них в Первую мировую войну	521
<i>Чубинский А.Н.</i> Огнестрельное оружие работы мастеров Оружейной палаты первой половины XVII века	533
<i>Шелковникова Е.Д.</i> Наследование антикварного оружия	554
<i>Шендриков Е.А.</i> 303-я стрелковая дивизия в боях за Воронеж в 1942–1943 годах	571
<i>Шлайфер В.Г.</i> Зульфикар из Музея истории оружия	583

<i>Юркевич Е.И.</i> Константиновское артиллерийское училище в воспоминаниях его офицеров и питомцев (1894–1917)	588
<i>Юхо С.В.</i> Влияние войны 1654–1667 годов на социально-экономическую ситуацию в Беларуси: пути выхода из кризиса	599
<i>Nilsson B.</i> Prisoners of war, spies, fugitives, deserters and intercepted mail : Swedish intelligence gathering during the Great Northern War	611
Сведения об авторах	616

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Материалы Второй Международной
научно-практической конференции

В двух частях

Часть 2

Редактор: *В.И. Лобачевский*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *В.И. Хоронко, Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 11.05.11.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 38,9.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 300 экз. Заказ № 34.

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС.
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812) 232-02-96

ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.